

Лица

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

2

Феникс ♦ Atheneum
Москва — С.-Петербург

1993

ББК 83.3Р 1
8 Р 1

Л-659

Редактор-составитель А.А.Ильин-Томич

Л-659 Лица: Биографический альманах. 2. — М.; СПб.:
Феникс: Atheneum. 1993. 480 с.; ил.

ISBN 5-85042-046-0
ISBN 5-85042-048-7

В альманахе собраны неопубликованные материалы к биографиям как известных деятелей XIX в., так и тех, чьи имена не знакомы большинству читателей. Настоящий выпуск содержит: записки М.П.Загряжского, повествующие о жизни в армии и в поместье небогатого дворянина (1780-1810-е); материалы из семейного архива Баратынских; биографические материалы о Д.Облеухове, В.Алябьеве, В.Жуковском и др.; неизвестная переписка В.И.Даля, М.П.Погодина, Д.И.Хвостова, Н.М.Карамзина; неизданные эротические стихотворные произведения М.Н.Лонгинова и др. Все материалы подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

Л $\frac{4702010200 — 003}{Д 20 (03) — 93}$ 93 без объявл.

ББК 83.3Р 1
8 Р 1

ISBN 5-85042-046-0
ISBN 5-85042-048-7

© «Феникс», 1993

От составителя

Дабы пояснить принципы составления второго тома альманаха «Лица», охватывающего довольно длинный и неоднородный период с конца XVIII века до середины XIX-го, откроем читателю то, что давно ведомо всем редакторам, когда-либо имевшим касательство к изданию историко-литературных материалов (как любят выражаться многозначительные старцы, интервьюируемые на телевизионном экране: «Теперь уже можно сказать...»). Среди русистов России существуют две основные школы — московская и ленинградская. В принципе их существование может быть до некоторой степени прослежено и на собственном научном уровне (мы, например, решительно предпочитаем сочинения петербуржцев — «они свежее»), но сейчас имеется в виду куда более показательный критерий — различия на уровне бытового поведения.

Петербургского филолога узнать легко: он все делает в срок, почти без напоминаний; рукопись сдает аккуратную, чистенькую и, главное, в полном комплекте. Временами нам даже кажется, что он не слышал слова «разрыбление»¹.

Его московский коллега не таков. Хотя, пожалуй, и не менее деятелен: пока петербуржец аккуратным почерком нумерует страницы свежизготовленной рукописи, москвич напряженно размышляет над тем, как бы доступнее объяснить докучливому редактору (рабу бессмысленных издательских планов и послушнику Буквы), что, как говорят некоторые телефонистки: «Обождать надо...»². Эти размышления нередко порождают маленькие шедевры. Вершиной жанра кружковое предание считает появление в некоем издательстве, помнится, в январскую стужу, выдающегося мастера жанра без рукописи, но с забинтованной головой и краткой реляцией на устах: «Упал с груши!» Хотя неплохо смотрится и недавний факс от «наших» из Иерусалимского университета: «Котенок описал картотеку!»

Составитель данного тома, к сожалению, всецело принадлежит к московской филологической школе (мы, разумеется, имеем в виду специфику душевного склада, а не место жительства и прописки³). Хуже, он

---

¹ Важнейший методологический прием, суть которого состоит в отвлечении каким-нибудь хитроумным способом редакторского внимания и быстрой замене множества страниц первоначально сданной «рыбы» (потом, впрочем, обыкновенно выясняется, что в виду открывшихся обстоятельства новые страницы также нуждаются в «разрыблении»).

² Напомним классическую формулировку одного рижского москвича, любившего в ответ на беспомощный редакторский лепет об утраченной премии и надвигающемся увольнении горделиво изрекать: «Я ведь вам все-таки не торопыга какой-нибудь!»

³ Буквализм здесь мог бы обернуться чудовишной несправедливостью по отношению, например, к одному из величайших жителей «колыбели революции», вот уже более десяти лет вносящему последние поправки в «совершенно готовую» книгу о пушкинском «Царе Никите» (при усердном содействии одноименного «официального» москвича). (Прим. одного из не успевших в «Лица» авторов.)

искусство уклонения — мы все вышли из гоголевской «Женитьбы». (Для примера упомянем близко нам известного престарелого аспиранта, привлеченного в это звание мелким стипендиальным ручейком, который, прочитав в одном громком манифесте, что отныне научные надежды следует возлагать лишь на поколение аспирантов, в ужасе бежал из аспирантуры, поскольку не в силах был перенести мысль, что с ним могут связывать какие бы то ни было ожидания.) Поэтому, приглашая (из корпоративных приличий) близких себе по духу научных деятелей к участию в данном сборнике, составитель без труда прогнозировал результат. И действительно: один почтенный коллега по сей день переделяет последнюю страницу («а остальное уже у машинистки!»), хвалены аспиранты ничего не написали без объяснений (видимо, по юношеской скромности — неудобно размыкать уста, пока живы старые мастера мотивировок), а москвич, успевший стать американским профессором, эволюционировал весьма любопытным образом, представив частично готовый материал года на полтора раньше, чем на это был вправе рассчитывать самый оптимистичный из его приятелей, но все же через полтора месяца после сдачи этой книги в производство. Драгоценным памятником участия московской филологической школы в данном альманахе останется на редкость содержательное оглавление предполагавшегося тома, которое мы не помещаем здесь лишь из боязни запутать читателя.

Содержание же книги, которую Вы держите в руках, естественно составили совсем другие материалы. Они собрались благодаря усилиям авторов и публикаторов, не закосневших (пока?) — по крайней юности лет, уединенности литературного пути или географической удаленности — в склонности ни к одному из двух описанных основных типов филологического поведения (исключение составляет лишь сам составитель, поспевший в печать лишь с помощью серии масштабных «разрыблений», возможность которых открылась ему по должности). Обращение к этой внегрупповой группе коллег привело к быстрому выяснению того, что во многих столах лежат почти готовые публикации. Составитель предложил их как можно скорее сделать и передать ему. Получаемые тексты (внимание: важное ноу-хау!) складывались в стопку. Когда набрался нужный объем, составитель разделил материалы — в угоду сложившейся структуре «Лиц» — на две кучи и отнес Издателю.

Все эти обстоятельства вряд ли заслуживали бы упоминания здесь, если бы не открывали любопытную для социологии науки ипостась данного сборника. В нем оказалось собраным то, над чем филологи и историки, озабоченные проблемами русской культуры первой половины XIX века, работали без заказа и понуждения, «по велению сердца», как говорил писатель Шолохов. Конечно, эта выборка до некоторой степени субъективна, ибо зависима от специфики дружеских и научных связей составителя, но тем не менее, по известной формуле, «факты, взятые в совокупности, есть вещь безусловно доказательная», и материалы «Лиц» дают представление — пусть не всегда четкое — об общем лице «девятнадцативечных» штудий.

A stylized, bold black letter 'P' logo. The vertical stem is a thick, rounded bar, and the top horizontal bar is a thin line that extends to the left and then curves slightly downwards.

Портреты

Е.Костикова
ДМИТРИЙ ОБЛЕУХОВ

В недавно выпущенном издательством «Наука» двухтомном издании сочинений и писем П.Я.Чаадаева среди его обширной корреспонденции помещены и несколько записочек к Дмитрию Александровичу Облеухову; а в приложении приводятся и письма Облеухова к Чаадаеву. В аннотированном указателе имен Облеухов отрекомендован как «один из ближайших друзей Чаадаева, писатель-переводчик, человек блестящих способностей и разностороннего дарования»; упомянуто и о «глубоком увлечении Чаадаева идеями и самой личностью своего старшего друга»¹.

Сказанное вполне справедливо, однако по нескольким фразам трудно составить ясное представление о названном человеке, тем более, что имя Облеухова мало что говорит читателю, даже если он искушен в разнообразии литературы прошлого столетия и хитросплетениях родственных и дружественных связей наших писателей. Между тем Облеухова с полным правом можно отнести к тем людям, которые образуют «ауру» эпохи. Соприкасаясь со многими современниками, имена которых известны и сегодня, сами они редко являются перед нами, так сказать, в полный рост. Мы узнаем о них по беглым упоминаниям, случайным обмолвкам. О Д.А.Облеухове писали в связи с биографиями его друзей и знакомых — И.Д.Якушкина, И.Д.Щербатова, М.А.Фонвизина, И.В.Киреевского, Чаадаева. В книге С.Н.Чернова «Четыре письма к И.Д.Якушкину» (Саратов, 1927) вкратце рассказано о жизни Облеухова, однако подробного очерка его «трудов и дней» нет. Этот пробел нам бы хотелось восполнить предлагаемой статьей.

***

Дворянский род Облеуховых (или, иначе, Аблеуховых) восходит с концом XVI века. «Фамилии Облеуховых многие служили Российскому Престолу разные дворянские службы, и жалованы были от Государей в 1624 и других годах поместьями и чинами»².

¹ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т.2. С.436. Далее: Чаадаев (с указанием тома и страницы).

² Общий гербовник дворянских родов Российской империи. СПб., 1799. Ч.2. Л.114.

Записи о генеалогии Облеуховых находились в «VI части родословной книги губерний: Калужской, Московской, Тульской и Черниговской»³.

Отец нашего героя, Александр Дмитриевич Облеухов, генерал-майор от артиллерии, кавалер орденов Св. Георгия 4-й и Св. Владимира 2-й степени, в 1794 году был назначен правителем Калужского наместничества. В декабре 1796 года Павел I уволил его от службы, и А.Д.Облеухов поселился в Москве, в собственном доме на Тверской улице, где и скончался в 1814 году⁴. Этот дом, возможно пострадавший от московского пожара 1812 года⁵, принадлежал Облеуховым более 40 лет (до 1856 года).

Дмитрий Александрович Облеухов родился в 1790 г. По-видимому, еще до вступления в Московский Университет он получил хорошее домашнее образование, что в соединении с незаурядными способностями позволило ему в продолжение курса преуспеть в различнейших науках. Приведем выдержку из аттестата, данного Облеухову 18 декабря 1816 г.: «быв экзаменован в Императорском Московском Университете, произведен 1804 г. в мае месяце студентом, и с того времени слушал профессорские лекции. Потом 17 Генваря 1806 года получил степень кандидата древней и новейшей литературы; ...после сего 27 ноября 1807 г. произведен магистром словесных наук, потом по долговременном упражнении в физико-математических науках выдержал докторский экзамен, читал пробные лекции и защищал публично сочиненную им диссертацию о главных основаниях равновесия и движения; 28 июня 1811 года возведен на степень доктора физико-математических наук»⁶. Скажем кстати, что эти сведения опровергают устойчивое именование Облеухова доктором медицины и даже практикующим врачом⁷.

³ Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т.21а. С.519.

⁴ Русский Архив. 1878. №3. С.290.

⁵ Ср. слова П.Я.Чаадаева в записочке к Облеухову от 1 марта 1815 года: «Как глупо позабыть, что вы — погорелые люди»././ Чаадаев. Т.2. С.8.

⁶ Чернов С.Н. Четыре письма неизвестного к И.Д.Якушкину. Саратов, 1927. С.17. Далее: Чернов (с указанием страницы).

⁷ Так, в Русском Биографическом Словаре (СПб., 1905. Т.12 «Обезьянинов — Очкин»). С.6) читаем: «Степень доктора медицины получил в 1811 г. в Московском Университете». Об этой же степени говорит С.П.Шевырев в юбилейной «Истории Императорского Московского Университета» (М., 1885. С.410). У Л.Ф.Змеева подтверждения этому не находим ни в «Словаре врачей, получивших степень доктора медицины (и хирургии) в Императорском Московском Университете» (СПб., 1885. С.40), ни в его же издании «Русские врачи-писатели» (СПб., 1886. Вып.1. Тетр.2. С.38).

В том же аттестате читаем, что с 1810 по 1816 год Облеухов служил младшим, а вскоре затем и старшим письмоводителем в канцелярии попечителя Московского учебного округа П.И.Голенищева-Кутузова (это явствует также из «Списка чиновникам /.../ Московского Императорского Университета для внесения в адрес-календарь на 1814 г.»⁸). Думается, личное знакомство и связи делали исполнение этой обязанности чисто номинальным. Любопытным подтверждением тому могут служить воспоминания М.П.Третьякова. Из них выясняется, что в конце 1810 г. «канцелярия его [Голенищева-Кутузова. — *Е.К.*] была расположена у него в столовой в беспорядке. Правитель канцелярии Облеухов и помощник его Волоцкой, сыновья богатых родителей, приходили к Кутузову когда им было угодно и, поговорив с его превосходительством кое о чем, расходились в разные стороны. Редко принимались они за дело и то на короткое время»⁹. Как того и следовало ожидать, Голенищев-Кутузов высоко ценил служебные качества Облеухова. В аттестате, данном ему, читаем: «в бытность его при делах попечительской канцелярии должность свою исправлял с отличным усердием и успехами, имея при этом поведение весьма похвальное, за что и представлен был к награждению следующим чином»¹⁰.

После увольнения от этой должности в ноябре 1816 года Облеухов, и прежде склонный к уединенной, частной жизни как книжный человек и кабинетный ученый, избегал всяких контактов с государственными инстанциями. «Партикулярность» как существенная черта личности Облеухова ощущалась и его друзьями. В 1820 году И.Д.Якушкин писал кн. И.Д.Щербатову: «я видел Облеухова и Чаадаева; первый еще не поступил на военную службу, второй еще ее не покинул»¹¹. Он жил преимущественно в Москве, на Тверской, иногда — в Фелисове, калужском имении своей жены. За время, проведенное в Университете, Облеухов принимал участие в деятельности двух ученых обществ. В основном Н.Н.Муравьевым Общество Математиков при Московском Университете (из которого, в свою очередь, выросла знаменитая школа колонновожатых) Облеухов вступил ordinary членом в 1812 году¹², но о дальнейшем его пребывании нам ничего не известно. Годом раньше он стал действительным членом Императорского Общества Истории и Древностей россий-

⁸ ЦГИА г.Москвы. Ф.418. Оп.109. Ед.хр.157. Л.4.

⁹ Рус. старина. 1892. №7. С.128.

¹⁰ Чернов. С.18.

¹¹ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С.233.

¹² Ист. вестник. 1899. №9. С.1147-1148.

ских, но в отчетах общества его имя нигде не значится; более того, 11 января 1817 года, что по времени совпадает с увольнением из канцелярии Голенищева-Кутузова, он отказался от участия в работе общества¹³. Вероятно, Облеухов старался реже бывать на людях (речь идет в первую очередь о разного рода присутственных местах, и лишь потом — о круге друзей и знакомых) и, подав в отставку, прекратил всякие сношения с Университетом.

Имя Облеухова всплывает в официальных документах еще раз и, как это ни странно на первый взгляд, фигурирует в связи с бунтом в Семеновском полку. В 1821 году начался суд над четырьмя офицерами этого полка. К следствию привлекли И.Д.Щербатова, о котором мы уже упоминали, и его близкого друга Д.П.Ермолаева. В просмотренных при аресте письмах Щербатова к последнему попалося и имя Облеухова, о котором немедленно стали наводиться справки. «Узнать о поведении и образе жизни г.Облеухова, живущего в Москве в собственном доме на Тверской улице», — предписывалось московскому обер-полицеймейстеру генерал-майору А.С.Шульгину¹⁴. Отзыв получился благоприятный, и дальше этого дело не пошло. Приведем пространную выписку из рапорта Шульгина начальнику Главного Штаба П.М.Волконскому: Облеухов, «отставной доктор философии в 8 классе, достигнул сего звания по учебной части, — живет в доме матери своей вдовы генерал-майора Прасковьи Федоровны Облеуховой, с нею и женою своей, бывшею баронессою Черкасскою и вышедшею за него сего года весною; — имение состоит за ним в Калужской и Курской губ[ерниях] 500 душ; имеет от роду около 40 лет и, будучи слабого здоровья, при хорошем поведении, жизнь ведет более уединенную; ибо круг знакомства его малой и только с родственниками и живущими по соседству; в предосудительных же связях никаких не замечен»¹⁵. Сухие, казенные строчки официального документа все же проливают некоторый свет на избранный Облеуховым образ жизни.

В 1822 году родился сын Облеухова Дмитрий (ум. в 1889). 13 декабря 1827 года Облеухов скончался. Он похоронен на кладбище Московского Свято-Данилова монастыря вместе с матерью,

---

¹³ Состав Императорского Общества Истории и Древностей российских при Московском Университете. М., 1890. С.22.

¹⁴ Декабристы. Сборник Всесоюзной библиотеки им.В.И.Ленина. Л., 1926. С.162.

¹⁵ Там же. С.191. Отчество матери Облеухова названо неверно — на самом деле имя ее было Прасковья Федосеевна; жена его была урожденная Черкасова.

ненадолго его пережившей (1763 - 27 марта 1828), под надгробием со словами: «Не умру, но жив буду и повею дела Господня»¹⁶.

***

Жена Дмитрия Облеухова Екатерина Ивановна, урожденная баронесса Черкасова (ок. 1803-1867), приходилась сестрою А.И.Черкасову, впоследствии декабристу¹⁷. Имение Черкасовых Володьково в Белевском уезде находилось неподалеку от тульского поместья А.П.Киреевской (Елагиной) — Долбина, где часто бывал В.А.Жуковский и где воспитывались братья Киреевские. Именно И.В.Киреевский напечатал после смерти Облеухова несколько его произведений в «Московском вестнике», сопроводив их вступительной заметкой. На сегодняшний день это единственное более или менее цельное свидетельство современника о складе личности Облеухова и характере его занятий. Сын Облеухова Дмитрий Дмитриевич был крестником Киреевского и, лишившись отца в раннем возрасте, несомненно, испытал нравственное влияние философа¹⁸.

«На акте Московского Университета 4.VII.1809 г., где общено было о принятии "по надлежащему испытанию" в Уни-

¹⁶ Московский Некрополь. М., 1908. Т.2. С.353.

¹⁷ Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С.194.

¹⁸ Известны письма Д.Д.Облеухова к И.В.Киреевскому и его жене Наталье Петровне — РГАЛИ. Ф.236. Оп.1. Ед.хр.102 и 292. Интересно свидетельство современника (Д.Г.Белавина) о том, какое духовное тяготение испытывал Д.Д.Облеухов к своему крестному отцу: «Облеухов, будучи человеком религиозным, кажется, должен был бы душевно радоваться внезапному перерождению Гоголя, выразившемуся в "Переписке с друзьями", но он не раз говаривал, что это не призвание Гоголя писать в подобном направлении, и притом выражал свое сожаление, что великий автор "Мертвых душ" и "Ревизора" с появлением "Переписки с друзьями" умер уже навсегда как писатель для России. Не был ли то отголосок мнения Ив.В.Киреевского, бывшего крестным отцом Д.Д.Облеухова, /.../ расположением и мнением которого Облеухов очень дорожил и извлекал его из глубины души» (Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. Т.8. СПб., 1894. С.525). Ср. слова из письма Д.Д.Облеухова Киреевскому от 14 ноября 1853 г.: «как крестного отца прошу Вас умолить за меня Бога, чтобы наставил меня на путь свой» (РГАЛИ. Ф.236. Оп.1. Ед.хр.102. Л.6об.), а также в его письме Н.П.Киреевской от 30 октября 1852 г.: «Ивана Васильевича прошу уведомить меня о нижеследующем: давно как-то взял я у вас книгу "Kritik der reinen Vernunft von Immanuel Kant. 5-te auf. Leipzig. 1799" ["Критика чистого разума" Канта. — Е.К.] она доселе у меня; но чья это книга? моего ли родного отца, в то время мне возвращенная или моего крестного отца, в то время на прочтение данная и до сих пор мною по забвению не возвращенная. Разрешите на сей счет недоумение Вашего крестного чада» (РГАЛИ. Ф.236. Оп.1. Ед.хр.292. Л.4 об.).

верситет Михаила и Петра Чаадаевых, Облеухов объявлен был произведенным в магистры»¹⁹. Это знакомство, скрепленное духовной близостью и совместными занятиями философией или, как выражался сам Облеухов, «метафизикой», прервалось только со смертью старшего из друзей. То немногое, что сохранилось из его переписки с П.Я.Чаадаевым, свидетельствует о прочной привязанности, не поколебленной ни редкими встречами (Облеухов почти безвыездно жил в Москве, Чаадаев до 1826 годы бывал там редко), ни их совершенно различным образом жизни. Мелкие записочки Чаадаева к Облеухову носят тот отпечаток непринужденности, который возможен только при условии взаимопонимания и тесного общения. Приведем одну из них, датированную 14 мая 1816 года: «Признайтесь, что лень посещает иногда и вас, трудолюбивых. Не могу однако же не сказать вам, что скорее прошу ее себе, шатающегося по белу свету, нежели как вам — мирному жителю Тверской»²⁰.

Уехав за границу в июне 1823 года, Чаадаев в письмах справлялся о делах Облеухова. Так, он писал Якушкину из Милана 8 января 1825 года (любопытно, что письмо это отправлено по такому адресу: «Г-ну Якушкину в Москве. На Тверской, в доме генеральши Облеуховой, близ Триумфальных ворот. Д.А.Облеухова просят доставить И.Д.Якушкину»): «Об Святом отце Дмитрие Тверском прошу тебя также порассказать мне, что знаешь»²¹. На что Якушкин в «подробной газете о всех /.../ общих знакомых» (письмо от 4 марта 1825 года) отвечал так: «Облеухов здоров по-прежнему, то есть почти безпрестанно болен. Жена его купила деревню, живет одна с сыном, он у нее не был и они расставшись еще не видались, а впрочем часто друг к другу пишут и, как кажется, друг друга любят»²². Подобный вопрос Чаадаев задавал и своему брату Михаилу Яковлевичу, упоминая Облеухова среди самых близких людей: «Не позабудь, что мне не об одном тебе нужно знать; об тетушке [А.М.Щербатовой. — *Е.К.*], /.../ об Шаховской [Наталии Дмитриевне, сестре И.Д.Щербатова. — *Е.К.*], об К[нязе] Иване [Щербатове. — *Е.К.*], о брате Якушкине и об Облеухове. Всем кого из них увидишь поклонись и в письме своем расскажи подробно все что до них касается»²³. В свою очередь, Облеухов спрашивает Якушкина, располагав-

¹⁹ Шаховской Д.И. Из бумаг Н.Д.Шаховской (рожд.Щербатовой).// Декабристы и их время. Вып.1. М., 1928. С.187

²⁰ Чаадаев. Т.2. С.8.

²¹ Там же. С.50.

²² Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. С.242.

²³ Чаадаев. Т.2. С.31.

шего сведениями с обеих сторон: «Что Петр Чаадаев? где он? Будет ли в Москве и когда?» (письмо от 30 сентября 1825 года)²⁴.

В письмах Чаадаеву и Якушкину 1825-1827 годов Облеухов часто вспоминает о времени, проведенном ими вместе, и надеется на новую встречу, которая могла бы возратить их к прежним беседам и мыслям. По свидетельству Киреевского, «почти до самого конца своей жизни /.../ Облеухов занимался исключительно и постоянно науками умозрительными. Математика, Метафизика и теория языков разделяли почти все его время»²⁵. Именно об этом и заходит речь в упомянутых письмах: «Может быть и вы приедете хотя на несколько дней; я бы очень был сим обрадован, и уверен в том же как и вы, что сошедшись вместе не будем молчать, особливо когда коснется до метафизики, к которой я все еще чувствую большую наклонность, несмотря на то, что болезнь мешает мне заниматься теми тонкими отвлеченными исследованиями, коими я прежде занимался беспрестанно, и никогда не постигал истины, которая была единственная цель сих часто для меня скучных размышлений. Я подобно Диогену средь бела дня ходил с тусклым фонарем, хотя искал не человека» (Якушкину, 16 апреля 1824). «Приятна мне надежда увидеть вас в Москве зимою, и что Метафизика наша опять воскреснет... Я готов был бы и теперь пуститься в старинные наши метафизические споры, но не знаю, расположены ли вы сами к тому...» (ему же, 24 августа 1825). «Еще мне было бы приятнее увидеться с вами. Как я давно вас не видал! Не разошлись ли мы в нашей метафизике в различные стороны, так что трудно было бы сойтись? Это было бы очень досадно!» (ему же, 30 сентября 1825 года)²⁶.

Облеухов приглашает Чаадаева приехать в Фелисово, будучи до глубины души тронут его письмом, тем более желанным, что за время разлуки вряд ли получал известия от самого Чаадаева: «Я испытал большую радость, узнав ваш почерк, и еще большую, когда понял, что вы по-прежнему питаете ко мне те дружеские чувства, коим я обязан многими счастливыми минутами, относящимися к начальной поре моей жизни; они и сейчас много прибавляют к моему счастью, ибо я и в самом деле весьма счастлив» (письмо от 22 декабря 1826 года)²⁷. По-видимому, духовный диалог Чаадаева и Облеухова не прерывался никогда; удивительна легкость, с какою, вновь встретившись (или даже только спи-

²⁴ Чернов. С.4.

²⁵ Московский вестник. 1828. Ч.VIII. С.353.

²⁶ Чернов. С.1-5.

²⁷ ОР РГБ. Ф.103. К.1032. №37. Л.3. Перевод с французского наш. — Е.К.

савшись), они говорят на том же языке, что и несколько лет назад. Позволим себе привести большой фрагмент из письма Облеухова к Чаадаеву, написанного 8 августа 1827 года: «Мой добрый старый друг. Ваше письмо, которое я получил сегодня, принесло мне много радости. Мне очень приятно узнать, что осенью вы обожаетесь в Москве, и я надеюсь на возобновление нашей старинной дружбы, в связи с которой у меня возникло одно забавное воспоминание. Еще до нашего расставания в 1812 году вы мне дали листок из своего альбома для того, чтобы я написал на нем самое ясное и краткое изложение принципов дифференциального исчисления. Я взял его и храню до сих пор. Пока на нем ничего не написано. Теперь я не смог бы хорошо выполнить ваше желание, поскольку давно уже не занимаюсь математикой. Но мне все-таки нужно что-нибудь написать на этом листке, ибо именно для этой цели он был мне дан. Скажите же, дорогой друг, что бы вы хотели, чтоб я написал? Ибо я сам хочу этого, и если у вас нет никаких особенных пожеланий, я напишу то, что недавно пришло мне в голову, а именно одну тему высокой метафизики, которая станет для философии тем, чем дифференциальное исчисление является для математики»²⁸.

По воле случая имена Облеухова и Чаадаева оказались прочно связанными друг с другом не только знакомством, перепискою, общими интересами, но еще и ошибкой, которую допустил М.О.Гершензон. Он счел чаадаевским документ, в действительности написанный Облеуховым. Речь идет о так называемом «Мистическом дневнике», находящемся среди бумаг Чаадаева в Отделе Рукописей РГБ. Однако к этому произведению мы обратимся несколько позже, теперь же вернемся к знакомым Облеухова.

Среди них следует назвать князя И.Д.Щербатова. Как уже упоминалось, он входил в число близких друзей Облеухова. На дознании по Семеновскому делу на вопрос: «объявите /.../ чин, имя и фамилию упоминаемых Вами /.../ Михайла Яковлевича [Чаадаева. — Е.К.] и Облеухова? где оные находятся, равно объясните причину доверенности вашей к ним», — он отвечал следующим образом: «Облеухов — по имени и отчеству Дмитрий Александрович, отставной, не помню чина, знаю только что статский. /.../ Живет безвыездно в Москве на Тверской в собственном доме. /.../ С ним же я знаком с малолетства и почитаю его за самого скромного, кроткого, умного и ученейшего человека»²⁹.

²⁸ Чаадаев. Т.2. С.435.

²⁹ Декабристы. Сборник Всесоюзной библиотеки им. В.И.Ленина. С.157-158.

Известна долгая привязанность И.Д.Якушкина к сестре Щербатова Наталии Дмитриевне. Без всякого сомнения, Облеухов на правах друга был посвящен в «мучения несчастной страсти» Якушкина и пытался утешить его в тяжелейшем состоянии нервного потрясения, когда тот был близок к самоубийству. Это явствует из письма самой Наталии Дмитриевны к брату, где она рассказывает о болезни Якушкина: «Мольбы его друзей дошли до неба. Муравьев, Фонвизин и сам Облеухов оказывали ему заботы самые нежные». И в следующем письме: «Его болезнь познакомила меня с тремя людьми, которые составляют славу человеческого рода: Фонвизин, Муравьев, Облеухов — это люди единственные. Последний из них заклинал меня изложить тебе вещи так, чтобы потребовать у тебя совета и принести хоть некоторое облегчение несчастному Якушкину»³⁰. Случайно сохранился черновик письма, с которым к Якушкину обратилась мать Облеухова Прасковья Федосеевна. Оно, очевидно, относится к тому же времени, что и письма Н.Д.Щербатовой брату и представляют собой попытку как-то отвлечь Якушкина от «всей тяжести безумия, которое подсказано /.../ отчаянием»³¹.

Все знавшие Облеухова упоминают о слабом его здоровье. Он и сам жаловался на постоянные недомогания, видимо, всегда ему сопутствовавшие: «я хотел ехать в марте к матушке [в Москву. — Е.К.], но занемог больше обыкновенного и потому должен был отложить до летнего пути»³²; «я еще с зимы болен и никуда не выезжаю»; «в деревне... я наслаждался совершенным спокойствием, щастьем и здоровьем. По крайней мере я далеко не так мучуся, как прошлые годы»³³. Незадолго до смерти он писал Чаадаеву: «Я уже четвертый день слег в постелю, и очень бы желал вас видеть; если можно посетите меня. Сегодня был у меня Маркус на консилиуме, и прописал мне разные пластыри и лекарства. Ожидаю Вас, любезнейший друг»³⁴.

Скажем несколько слов о произведениях Облеухова, опубликованных им самим.

---

³⁰ Письма И.Д.Якушкина к И.Д.Щербатову.// Декабристы и их время. Вып.1. С.156, 158. М.А.Фонвизин, по-видимому, также был коротко знаком с Облеуховым. В феврале 1823 года он писал Якушкину, что «Облеухов здоров» (Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т.1. Иркутск, 1979. С.106). Муравьев, о котором пишет Н.Д.Щербатова, — это Матвей Иванович Муравьев-Апостол.

³¹ Шаховской Д.И. Из бумаг Н.Д.Шаховской.// Декабристы и их время. Вып.1. С.190.

³² Чаадаев. Т.2. С.433.

³³ Чернов. С.4-5.

³⁴ Чаадаев. Т.2. С.436.

Вероятно, ему принадлежит небольшое стихотворение «Ночь», напечатанное за подписью «** рий **** въ» в журнале «Московский Курьер» (1805. Ч.1. С.239-240). Носящее явные следы ученичества, подражания образцам, оно тем не менее вполне самостоятельно разрабатывает жанр пейзажной зарисовки:

Течение дневное свершивши,
Злато-багряный круглый шар,
Лучи под горизонт спустивши,
На землю мрачну ночь послал.

К этим стихам издатель сделал примечание, которое и позволяет предположить возможное авторство Облеухова: «Пизса сия помещена для поощрения юного питомца Эраты к большим успехам» (Облеухову к тому времени еще не исполнилось 15 лет).

В журнале Д.И.Хвостова, П.И.Голенищева-Кутузова (впоследствии — начальника Облеухова) и Г.С.Салтыкова «Друг Просвещения», также издававшемся в Москве, находим два перевода Облеухова (на сей раз подпись сомнений не оставляет) — знаменитой 1-й эклоги Вергилия «Титир и Мелибей» (1805. Ч.III. С.105-110) и «2-й Горациевой оды к Августу Цесарю» (1806. Ч.III. С.172-173). Переводя Горация, он старался держаться ближе к подлиннику; стихи, однако, получились тяжелыми и труднопроизносимыми:

Зрели мы, желтый как Тибр обратился
Быстро от берега этрусского вспять:
Царски чертоги, храм Весты стремился
Он разрушать.

В этих публикациях отразилась страсть Облеухова к переводам. Переведенная им пространная поэтика Шарля Баттё (она была напечатана в четырех томах в типографии Московского университета в 1806-1807 гг. под названием «Начальные правила словесности, Аббата Баттё, перевел с французского и прибавлениями умножил Императорского Московского Университета кандидат Дмитрий Облеухов») снискала заслуженную и долгую известность. Все примеры, приведенные в книге, были переложены не с французского языка, а с оригиналов, откуда их взял Баттё. Кроме того, разделы, посвященные отдельным жанрам, Облеухов дополнил собственными рассуждениями: «О Российских Эпопеях Г-на Хераскова», «О Сатирах Князя Кантемира», «О Трагедиях Г. Сумарокова и Княжнина» и т.д.

Труд этот получил Высочайшее одобрение. В уже цитированном нами аттестате Облеухова упоминается, что он «имел счастье

посвятить перевод свой Его Величеству Государю Императору, за что 16 апреля 1807 года /.../ удостоен был награждения бриллиантовым перстнем». Молодость и одаренность переводчика обратили на себя внимание М.Н.Муравьева, бывшего в то время куратором Университета; от «тотчас же заметил и оценил труд молодого человека. Вследствие этого он написал два письма, одно к Ректору Университета, где он просил его принять участие и содействовать занятиям студента, а другое длинное, прекрасное письмо к переводчику, в котором он выражает ему свою благодарность, свое сочувствие и между прочим просит его знакомства. Легко можно себе вообразить, какое действие в то время должно было произвести на молодого двенадцатилетнего [курсив наш. — Е.К.] студента /.../ это неожиданное участие человека столь известного в ученом, литературном и государственном мире. — После того О. сделался одним из наших учнейших людей, хотя по некоторым причинам он уже не печатал ничего, и сочинения после него оставшиеся вряд ли скоро могут быть изданы»³⁵.

Предпочтя впоследствии частное существование деятельности профессионального литератора или даже человека, изредка печатающегося, Облеухов совершенно перестал издавать свои труды. После его смерти И.В.Киреевский опубликовал в «Московском вестнике» облеуховский перевод «Манфреда». История этого сочинения, как рассказывает Киреевский в «Отрывке из письма к Издателю», такова: «Два года тому назад ему случайно попался Байрон, которого он прежде не знал. Прочсть "Манфреда", перевести его, выправить и переписать, — для этого, не оставляя обыкновенных своих занятий, употребил О. менее двух недель, не занимавшись стихами уже более двадцати лет. Переводя единственно из удовольствия переводить, он во многом отступал от подлинника, иное выпустил, иное изменил, так что его "Манфреда" можно скорее назвать подражанием Бай-

³⁵ Вероятно, неточность случайно допущена М.П.Погодиным, комментировавшим публикацию (Письма Н.М.Карамзина к М.Н.Муравьеву.// Москвитянин, 1845. Ч.1. №1. С.4). Но возраст Облеухова мог быть и намеренно уменьшен. Сноска вызвала недоуменный вопрос Я.К.Грота: «Отчего в Москвитянине №1 /.../ не решились назвать переводчика Баттё, Облеухова? Разве он попался после в какую-нибудь историю?» П.А.Плетнев, которому также не были ясны до конца таинственные недомолвки Погодина, отвечал: «Я и сам не знаю, почему Облеухова имя означено только первою буквою в переписке Муравьева и Карамзина. Ни в какой истории не был он известен. Прежде не считали слишком позволительным тотчас и разоблачать перед публикою имя только что выступающего на поприще литератора. Так видно поэтому и упоминается об Облеухове только с первою его буквою» (Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. Т.2. СПб., 1896. С.446, 449).

рону, нежели переводом³⁶. Таковую неверность многие назовут недостатком, и они будут правы. Вот почему мне бы не хотелось, чтобы ты печатал эту пиесу. Из нее публика узнает О. только как переводчика, который, хотя и выше посредственных, но далеко не отличный, между тем как он, повторяю тебе, — был человек во всех отношениях необыкновенный, и для тех, которые знали его и обстоятельства, сопровождавшие перевод, самый "Манфред" был новым доказательством силы и гибкости его дарований³⁷.

Напечатанным Киреевским в «Московском вестнике» (1829. Ч.IV. С.105-134) «Отрывкам из письма к N. о гиероглифическом языке» в свою очередь предпослана следующая заметка: «...покойный Д.А.Облеухов в последние годы своей жизни занимался преимущественно исследованиями о первобытном языке, связывая их с важнейшими предметами Метафизики. Посылаю вам отрывок из одного письма его, который вы можете напечатать в своем журнале. Он хотя несколько познакомит читателей ваших с новою, остроумною, глубокомысленною и самобытною системою Облеухова, которая в Германии имела бы влияние заметное во многих отношениях, но которой судьбы у нас предугадать невозможно. N.». Соблазнительно предположить, что автор этих строк — Чаадаев, а «Письмо /.../ о гиероглифическом языке» и есть то, что Облеухов собирался написать на символическом альбомном листке; ведь «один предмет высокой метафизики», необычайно важный, с точки зрения Облеухова, для всей философии, как нельзя лучше соотносится с темой «Письма...»: «теми гиероглифами, которые Творец природы соединил в живой органический алфавит в теле прекраснейшего своего создания — человека». Однако доказать все это пока невозможно и гипотеза остается гипотезой.

Высказанные Облеуховым мнения о связи между буквами, названиями их и человеческим телом как «идеалом видимого чувственного мира» действительно необыкновенно оригинальны

---

³⁶ Сам Облеухов, посвящая перевод Елене Ивановне Черкасовой (сестре своей жены), обозначил степень верности подлиннику так: «Манфред. Драматический отрывок, переделанный из Байрона»././ ОР РГБ. Ф.103. К.1032. №37^а. Л.2. Н.М.Языков, Облеухова близко не знавший и смотревший на перевод беспристрастным взором стороннего наблюдателя, остался чужд пафосу Киреевского: «Читал ли ты в 7 № Моск. Вестн. перевод Манфреда? Облеухов — царство ему небесное! — не умел писать стихов; растягивал, вялил и переименовывал подлинник; не знаю, за что его так превозносят издатели» (Языковский архив. Вып.1. СПб., 1913. С.357).

³⁷ Московский вестник. 1828. Ч.VIII. С.352-354.

и убедительны. Не вдаваясь в подробности этой теории, приведем краткие выдержки из «Письма к N.»: «Семь главных органов, семь главных гиероглифов всего существующего и семь главных букв алфавета натуры содержат в себе корни всеобщего языка и чувственные образы коренных понятий, категорий, или первоначальных оснований человеческого разума. /.../ Сей алфавет существует действительно в природе, как существуют в ней семь первоначальных звуков, образующих все роды гармонии» («главные звуки», по мнению Облеухова, — а, і, б, г, д, л, м. Из них последние пять соотнесены с: ртом, носом, глазом, рукой, ухом). В духе современной семиотики звучат следующие соображения: «Знаки суть или условные, или естественные. Естественными я называю те, которые в самой естественной гармонии, а не по условию токмо, соответствуют предметам, ими представляемым. Сии последние знаки я называю собственно гиероглифами.

И так наука гиероглифов в том виде, как она здесь представляется, есть собственно познание пропорций, т.е. всеобщей гармонии натуры, познание тесно соединенное с познанием Истины». И здесь Облеухов не изменяет своему постоянному стремлению к истине и все изыскания предпринимаются им с этой только мыслью.

Не будет исключением из правила и «Мистический Дневник». Под таким условным названием имеются в виду записки, как установлено теперь, Облеухова, озаглавленные им самим «Mem[oires] sur Geistkunde» — «Заметки о духоведении». Эти 8 листов, сшитые в тетрадку и явно представляющие собою фрагмент более обширного целого, к сожалению, утраченного, и по сей день хранятся в Отделе Рукописей РГБ.

Вслед за А.И.Кирпичниковым, впервые упомянувшим об этом документе, на «Мистический Дневник» обратил внимание М.О.Гершензон в своем труде «П.Я.Чаадаев. Жизнь и мышление» (1908). Окончательную ясность внес в проблему Д.И.Шаховской³⁸. Напомним вкратце историю атрибуции этого сочинения, здесь же описав его внешний вид и композицию.

Лицом, составившим «Заметки о духоведении», было выписано изрядное количество абзацев из двух книг немецкого мистика И.-Г.Юнга-Штиллинга. Первая из них называется «Теория духоведения, естественный, разумный и согласный с Библией ответ на вопрос, чему из предчувствий, видений и явлений духов следует верить и чему нет», вышла она в Нюрнберге в 1808 г. Вы-

³⁸ Шаховской Д.И. Якушкин и Чаадаев. // Декабристы и их время. Вып.2. М., 1932.

писки сделаны из последней, пятой главы этого сочинения, озаглавленной «Краткий обзор моей духоведческой теории и следствия из нее». Вторая книга — «Апология теории духоведения, причиною которой послужил отзыв, составленный духовной академией Базеля» (Нюрнберг, 1809).

Как пишет Гершензон, цитаты из Штиллинга «перемежаются собственными записями Чаадаева на французском языке. Уцелевший отрывок дневника представляет собой беловую копию /.../; он написан 23 и 24 августа 1824 года, переписан и дополнен с 26 января по 1 февраля 1825. Чаадаев каждый раз чрезвычайно тщательно указывает даты как первоначальной записи, так и переписки набело. /.../ Почти все выписки из Штиллинга снабжены в подтверждение или пояснение цитатами из Евангелия по-французски, однажды также из Вольтера, однажды из оды Ломоносова и т.п., — и несколько раз указано, когда были отмечены — вероятно, при чтении — выписываемые из Штиллинга места. /.../ Внутри выписок и собственных записей Чаадаева — многочисленные пометки в скобках, совершенно не поддающиеся чтению; здесь все попережку — французские, русские, даже латинские и английские слова, и все слова сокращены, имена обозначены одними инициалами, множество загадочных значков и цифр. Это, очевидно, наиболее интимные части дневника, которые и для посторонних и должны были оставаться тайною»³⁹.

Д.И.Шаховской считает автором «Заметок...» Облеухова, а не Чаадаева. Такой вывод напрашивается в результате сравнения почерков и бумаги; на это же указывает привычка, свойственная именно Облеухову, — Чаадаев в этом отношении был довольно небрежен — тщательно датировать собственные записи, а также цитирование Евангельских текстов с точным указанием главы и стиха, иногда по-гречески. Языковая пестрота текста несколько не мешала Облеухову, который постоянно сопоставлял в уме слова различных языков. Здесь же им приведена хитроумная этимология немецкого слова *Versöhnung* (примирение, умиротворение): «слово *Versöhnung* навело меня на следующие мысли: *Ver* — *söhnen* при — мирить, *Sohn* [сын], *Segen* [благо-

³⁹ Гершензон М.О. Грибоедовская Москва — П.Я.Чаадаев. М., 1989. С.129-130. Приведем один из таких фрагментов: «...в Храм Спаса Нерукотворного в Новгороде от М. ден. на свеч. дано 25 к.с. — чувств. глуб. давно неоущ. мира и светл. радост. ? — ad. v. M. de K. cum vellem dic. d. boy bonill. impatientia doc. ??? sine prisr. hollis ch. agit. — ad. 11¹/₄ M. ambul. et ? inveni upon the table q. ad. scribe. ad. sive transcrib». //Чаадаев П.Я. Соч. и письма./ Под ред. М.О.Гершензона. Т.2. М., 1913. С.350-351.

дать], мир, /.../ Segen»⁴⁰). Шаховской находит исчерпывающее объяснение странному факту, который ввел в заблуждение Кирпичникова и Гершензона: наличие этой рукописи именно в архиве Чаадаева. В этом фонде хранятся главным образом документы, так или иначе попавшие к Чаадаеву от других лиц, а не собственные его бумаги. Кроме того, «автор "Дневника" упоминает о друге, который в 1822 г. внушил ему мысль познакомиться с сочинениями Юнга-Штиллинга и 25 февраля того же года подарил ему сочинение последнего "Приключение по смерти", сделав на нем собственноручную надпись. Под влиянием этих воспоминаний, в благодарность к тому, кто в начале 1822 года своим подарком и позднее заставив его прочесть и другие сочинения того же Штиллинга, стал /.../ орудием Провидения в деле его спасения, автор "Дневника" решает послать этому благодетелю свое сочинение, при том немедленно и по частям. И вот простое объяснение, почему у Чаадаева очутилась эта странная рукопись. Незвестный друг и есть сам Чаадаев, а вовлек он в знакомство с мистикой — Облеухова»⁴¹.

Позволим себе высказать еще одно предположение касательно роли «Мистического Дневника» в отношениях Чаадаева и Облеухова. Как известно, Чаадаев был масоном и вполне мог ввести своего друга в одну из лож и быть на первых порах его руководителем. Масоны полагали, что «трудный путь самоусовершенствования надлежит начинать с познания самого себя, своих страстей и пороков и что самопознание отнюдь не так легко, как это может показаться на первый взгляд. /.../ Как на испытанное средство, облегчающее познание себя, руководитель указывал на ведение дневника, записей изо дня в день, в которых бы, как в зеркале, отражалась вся жизнь пишущего; такого рода искренняя ежедневная запись дает возможность следить за успехами и неудачами на пути к свету»⁴². Именно в 1822 году, которым Облеухов датирует свое обращение, масонские ложи были закрыты по высочайшему повелению. Поэтому Облеухов и оказался причастен лишь к чтению мистических сочинений Штиллинга и ведению «Заметок...».

Весьма расположенный, как уже говорилось выше, к отшельничеству (вспомним многозначительные слова Чаадаева о «Свя-

⁴⁰ Чаадаев П.Я. Соч. и письма. Т.2. М., 1914. С.84

⁴¹ Шаховской Д.И. Якушкин и Чаадаев.// Декабристы и их время. Вып.2. С.178-180.

⁴² Соколовская Т.О. В масонских ложах (1817-1822 гг.). По неизданному дневнику масона полковника Л.А.Симанского.// Вестник общества ревнителей истории. Пг., 1914. Вып.1. С.171.

том отце Дмитрие Тверском»)⁴³, Облеухов всецело предался «единственному стремлению, которое душа должна в себе непрестанно хранить, — стремлению к "Царству Божию и правде его"». Матф., VI, 33»⁴⁴. Однако этот путь, сам по себе бесконечно трудный, был вдвойне труден для Облеухова. Он отнюдь не был человеком сильной воли, напротив, часто ему стоило невероятного труда прийти к определенному решению. Эта едва ли не патологическая неуверенность, помноженная на вконец расстроенное здоровье, служила для него источником величайших мучений. Взять хотя бы не ясный до конца эпизод разезда Облеухова с женой без видимой на то причины. Сам он так объясняет это в письме к Якушкину, сделавшему решительный шаг за Облеухова и настоявшему на его поездке в калужское имение Катерины Ивановны: «Охотно признаюсь, что я делал большую глупость и совсем для меня теперь неизъяснимо, есть ли бы я не вспомнил с одной стороны болезнь и расслабление, бывшие для меня главным препятствием, и от которых я не прежде почувствовал облегчение, как дней за 10 до моего отъезда, с другой стороны обыкновенную мою неподвижность, которая приводит меня в невозможность переменить место, на коем однажды нахожусь, есть ли какая-нибудь внешняя сила не даст мне доброго толчка, вследствие коего я опять начинаю пребывать в новом состоянии, точь в точь как неподвижное тело согласно закону Ньютона»⁴⁵.

Стараясь не замутить в собственной душе единожды обретенный образ Иисуса Христа, несчастный Облеухов часто находится в состоянии, близком к помешательству, — так трудно избранное им намерение. Он переходит от полного упоения и просветления к самому глубокому отчаянию, и все это зависит от произвольно (то буквально, то символически) толкуемого стиха, на который падает его взгляд в раскрытой наудачу Библии. Вот одна из множества душераздирающих записей «Мистического Дневника»: «Я помолился Богу и открыл Евангелие, где увидел Луки VIII. 13 [из притчи о сеятеле. — Е.К.]. Но немного

---

⁴³ Сам Чаадаев, оставив скитальческий образ жизни и накрепко обосновавшись в левашовском флигеле на Басманной улице, вскоре уже не мыслил себя без этого устойчивого местопребывания. Датируя письма, он почти всегда писал и свой, уже ставший символическим, адрес: Басманная. Отсюда его прозвание, под которым он был известен столь многим: «Басманный философ». В поздней (1849) «Воскресной беседе сельского священника Пермской губернии села Новых Рудников» (имитации проповеди) мы находим подпись: «Петр Басманской». // Чаадаев. Т.1. С.552.

⁴⁴ Чаадаев П.Я. Соч. и письма. Т.2. М., 1914. С.89.

⁴⁵ Чернов. С.4.

спустя я увидал и стих 16, 25 и 27. Этот последний [об одержимом бесами с давнего времени. — *Е.К.*] напомнил мне место: возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог (стих 39), и в то же время мне стало ясным отношение этих слов к месту Луки VI. 33, которое мне только что открылось. Вскоре затем ясное и мирное чувство подтвердило мне выбор чтения, сделанный мною; при чтении 45 страницы мне пришла мысль написать вышеупомянутому лицу, и у меня появилось нечто вроде предчувствия, вызвавшего во мне трепетную радость. Я открыл Евангелие и увидел Луки XVII. 13. "И они воскликнули: Иисус Наставник, помилуй нас!" Я закрыл книгу с чувством досады на то, что не открылось ничего подходящего к моему случаю. Тогда на меня напал один из обычных моих припадков печали и отчаяния, который немедленно побудил бы меня бросить чтение книги, начатое мною, если бы я не чувствовал внутренне остатка силы, противившейся этому. При чтении следующей страницы припадок стал еще сильнее, так что я отбросил книгу с величайшей досадой. — Тогда мысль моя обратилась к Богу с изумлением, смешанным с горечью и досадой, причем я почти постоянно проходил через эти альтернативы, словно здесь имелось в виду причинить величайшую муку душе моей, которой легче было бы сжиться с определенным состоянием, каково бы оно ни было»⁴⁶.

Вряд ли будет ошибкою предположить, что такое напряжение, превышающее человеческие силы, явилось если и не главной, то по крайней мере одной из существенных причин, повлекших за собою раннюю смерть Облеухова. До нас дошло немного из написанного им, но значение такой личности скорее не в этом. Гораздо важнее сам образ человека, который избрал себе жизнь преимущественно душевную, духовную, обрек себя тем самым на многие испытания, и все же прошел своей собственной дорогой, совершив назначенное ему.

---

⁴⁶ Чаадаев П.Я. Соч. и письма. Т.2. М., 1914. С.94-95.

А.И.Рейтблат

**«ФРИЗУРНЫЙ» ЛИТЕРАТОР ИВАН ГУРЬЯНОВ
И ЕГО КНИГИ**

Историкам Москвы хорошо знакома книга «Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского», выпущенная анонимно в четырех томах в 1827-1831 гг. Это — настоящая энциклопедия жизни Москвы в пушкинскую эпоху. Громадная по объему (порядка 1200 страниц), она подробно описывает весь город: примечательные здания, правительственные и общественные учреждения, исторические памятники. Здесь есть улицы и площади, мосты и соборы, Кремль и Китай-город, Гостиный двор и учебные заведения, тюрьмы и больницы, театры и бани, библиотеки и книжные магазины. Помимо собственных наблюдений и лично собранных сведений автор использовал несколько десятков книг и журнальных публикаций, среди которых не только такие широко известные работы, как «История государства Российского» Н.М.Карамзина и «Путеводитель в Москве» С.Н.Глинки, но и специальные исследования по археологии, общей и церковной истории, библиографии и т.д.

Путеводитель был положительно оценен современниками (рецензент журнала «Московский телеграф» считал, что «описание Москвы лучше этого сборника доньше еще не явилось»¹), а в дальнейшем неоднократно использовался историками как источник ценнейших сведений о жизни и быте Москвы. В 1915 г. А.Васнецов посвятил ему специальный доклад в Комиссии по изучению старой Москвы².

Путеводители по Москве издавались и ранее (первый еще в 1782 г.), однако обычно они предназначались для справок и содержали лишь сухое и краткое описание исторических памятников и разного рода учреждений. Издание 1827-1831 гг. предполагало сплошное чтение, описывая в занимательной форме историю и современное состояние Москвы. В начале автор дал историчес-

---

¹ Московский телеграф. 1831. №5. С.102.

² См.: Москва в творчестве А.М.Васнецова. М., 1986. С.263. Ср. также высокую оценку издания в кн.: Александров Ю. Москва: диалог путеводителей. М., 1985. С.25.

кий очерк возникновения и развития города, а в дальнейшем изложении везде старался восстанавливать широкий исторический контекст. Например, описывая Большой театр, он рассказывает о происхождении русского театра, а дойдя до Медико-хирургической академии, — совершает обстоятельный экскурс в историю русской медицины.

Автор очень чуток и к бытовым деталям, что придает книге особую ценность. Ведь описания исторических памятников и городских учреждений можно найти и в других книгах. Гораздо труднее узнать, как трудились и развлекались, учились и лечились москвичи того времени, как справляли масленицу и другие праздники, как делали покупки и решали дела в суде. Вот, например, как рисует автор Тверской бульвар («место славное гуляньем своим»): «Средняя большая дорога обсажена липами, уже возмужавшими, в два ряда, между оных проложены еще дорожки параллельно с большою среднею. Из всех бульваров он есть теперь лучший. По сторонам дорог расположены прекрасные куртины с цветами, каковыми обсажены и самые бока дорожек; по середине к правой стороне выстроена хорошего Арабского вкуса кондитерская, где гуляющие могут найти и легкую закуску. По обеим сторонам есть два искусственные водоема, наполняемые по произволению водою; в летние вечера вставляются разные трубки для фонтанов и вода бьет слишком на 1,5 сажени, то сквозь решетку отдельными 7-ю фонтанами, то скопом, то одною трубкой подымает металлический с дырочками шар и представляет прекраснейшую картину... Идите далее: тут рощица, тут беседка из зелени, там клумба с цветами, здесь искусно сделанный мостик, на противной стороне водоем...» (Т.3. М., 1831. С.88-89).

Со страниц книги встает многоцветная, живая Москва, мы как бы слышим многоголосый хор ее давних обитателей. Лишь автор скрылся от читателей за спины москвичей, и хотя в повествовании хорошо различим его заинтересованный, неравнодушный голос, однако имя его до последнего времени оставалось неизвестным. Случай этот вполне обыден — в первой половине XIX в. сотни книг выходили в России без обозначения имени автора. У известных, признанных писателей (которые, впрочем, обычно подписывали свои произведения) все анонимные книги давно учтены (на основе переписки, воспоминаний и других источников), но у литераторов-профессионалов, в большом количестве писавших книги по заказам книготорговцев, значительная часть публикаций оставалась невыявленной. Подготовка энциклопедического словаря «Русские писатели. 1800-1917», с большой полнотой представляющего русских литераторов, побудила

меня произвести работу по массовой атрибуции книг, изданных в Москве в первой половине XIX века, — на основании комплексного обследования фондов московской цензуры. В результате удалось атрибутировать десятки книг 1820-х — 1840-х гг. В том числе и описанный выше путеводитель — в книгах подачи рукописей в цензуру за 1825-1826 гг. значится, что тома его поступали от Ивана Гурьянова³. Позднее внимательное чтение путеводителя показало, что автора можно установить, и не прибегая к архивным данным, поскольку он оставил в тексте соответствующую подсказку. В четвертом томе, описывая дачу в Люблино, он пишет: «Опыт исторического описания сей дачи, нами сделанный, удостоился быть помещенным в "Отечественных записках" 1825-го года в декабре месяце» (С.237). В декабрьском номере журнала статьи о Люблино нет, а вот в ноябрьском помещен очерк «Прогулка в Люблино, 1825 г. 5 августа»⁴, подписанный — Иван Гурьянов. Позднее он сократил и несколько переработал свою книгу, дополнил ее разделом об окрестностях Москвы и выпустил в 1833 году в двух частях под названием «Новый путеводитель по Москве», вновь не подписав фамилию⁵.

Имя Гурьянова небезызвестно историкам русской литературы первой половины XIX в. Он опубликовал до полусотни самых разных книг — романы, повести, путеводители, песенники, сборники анекдотов, переводы с немецкого и французского. Гурьянов принадлежал к числу литераторов, которых Белинский называл «фризурными» — по дешевому материалу (фриз), из которого они шили себе верхнюю одежду. Читательская аудитория их была весьма обширна и включала мелких чиновников, купцов, мещан, семинаристов, грамотных дворовых и т.п. Выразительную характеристику этих литераторов дал в свое время Федор Кони. Он писал, что в Москве на толкучем рынке за Никольскими воротами (именно там располагались лавки низовых издателей и книгопродавцев) «есть свое просвещение, своя литература... свои философы, поэты, риторы, повествователи... Они не отделились от своего круга наружными формами: тот же картуз без козырька, тот же фризковый хитон, те же сквозные сапоги, превращенные временем в сандалии. Это изгнанники семинарий, выкидыши университетов, заброшенные академий [имеется в

³ См.: ЦГИА г.Москвы. Ф.31. Оп.1. Д.9, 10. О методике разысканий и их результатах см.: Рейтблат А.И. Библиограф и архивы: атрибуция книг первой половины XIX в. // Сов. библиография. 1987. №2. С.40-48.

⁴ Отечественные записки. 1825. Ч.25. №67. С.201-228.

⁵ Сведения об авторстве Гурьянова см.: ЦГИА г.Москвы. Ф.31. Оп.5. Д.88.

виду Медико-хирургическая академия в Москве. —А.Р.], страдальцы за излишне опозитизированную организацию души: за пьянство, буянство, ночное шатание, сбрасывание будок с места и другие сильные порывы энергических страстей. Они живут в своем, особенном, творческом мире, и если не создают, так подражают другим, сообразно с потребностями своего круга. Они посредники, так сказать, между высшими представителями нашей литературы, и низшим классом читателей. Они создали особенную книжную производимость, нашли издателей и насущный хлеб в мелочной литературной промышленности. Они горды самобытною своею деятельностью на поприще образования и, чувствуя свое преимущество над кругом своих читателей, не променяют своего рублища ни на какой доходный промысел столичной жизни, не отдадут своего тяжкого, мучительного напряжения за самый легкий механический труд»⁶. В.Г.Белинский в качестве представителей этого рода литературы, процветавшей главным образом в Москве, наряду с Гурьяновым называл А.А.Орлова, Ф.С.Кузмичева, Д.И.Сигова, А.П.Протопопова, И.Н.Глухарева⁷.

Неким единым целым подобная литература выглядела лишь при взгляде «сверху» — с позиций образованных и «просвещенных» читателей. На самом деле и в группе авторов, и в их читательской аудитории можно выделить разные по уровню культуры и читательского опыта слои. Нет сомнения, что, скажем, читатель из крестьян и читатель из числа мелких чиновников отличались по своему культурному горизонту и интеллектуальным запросам. Самоучку Федота Кузмичева предпочитали, по-видимому, дворовые, менее культурные мещане и купцы. А.А.Орлов⁸ (с которым Пушкин в памфлете «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» иронически сравнивал Булгарина) адресовался главным образом мелким чиновникам. Читателями Гурьянова были, по-видимому, верхи этого культурного слоя — провинциальные помещики средней руки, небогатые столичные дворяне, получившие некоторое образование купцы и т.д. Показательна, например, снобистская реакция повествователя в одной из книг Гурьянова, когда разговор «коснулся до литературы, или лучше и пристойнее сказать, до тех книг, которые обыкновенно читаются полуграмотными купцами-си-

⁶ Кони Ф. Кое-что о Москве. // Северная пчела. 1836. №80.

⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т.1. С.379.

⁸ См. о нем: Корнеев А. Оправданный Александр Орлов. // Встречи с книгой. М., 1984. Вып.2. С.241-270.

дельцами, лакеями в передних и другими подобными им классами людей, читающих книги для того только, чтоб читать и более ничего. Долго слушал я суждения беседующих о Полиционе, о Иване гостинном сыне, о Георге, о каких-то Кручининых и Скудоумовых новейшего тиснения, описанных каким-то забавником»⁹, т.е. о героях популярных лубочных произведений и персонажей недавней книги А.А.Орлова.

Приглядимся внимательней к литературной продукции Гурьянова. Чего здесь только нет! Уже по количеству принадлежащих ему книг, да нередко и по исполнению можно понять, что автор трудился ради денег и часто писал в спешке. Вот, например, «Полный и новейший песенник» в 12 частях (М., 1835), в котором Белинский нашел большое число ошибок и неточностей и охарактеризовал его как «шарлатанство и бездарность»¹⁰. Среди его публикаций — путеводитель «Русский в Царьграде» (М., 1828), многочисленные пособия для детей (Новейшая географико-историческая игра. М., 1824; Новоизобретенный складной небесный глобус. М., 1824) и даже «Ручная книга для егерей и охотников» (М., 1836). Однако, читая книги Гурьянова, нередко несущие на себе следы спешки, убеждаешься в то же время, что он явно талантлив, много повидал в жизни и при этом прирожденный рассказчик: может живо и рельефно передать увиденное, верно охарактеризовать речь персонажей разных социальных слоев. Излюбленные его темы — история страны и быт средних сословий. В сфере истории он, разумеется, не оригинален. Альфой и омегой остается для него, как и для подавляющего большинства современников, «История государства Российского» Н.М.Карамзина. Он не только следует ей в описании и понимании тех или иных событий прошлого, но нередко цитирует или пересказывает ее. Ориентируясь на Карамзина, Гурьянов учитывает и народную концепцию истории, бытующие в фольклоре легенды и предания об исторических событиях. Среди книг Гурьянова на исторические темы — повесть «Битва Задонская, или Поражение Мамая на полях Куликовских» (М., 1825), объемистый роман в 4-х частях «Марина Мнишех, княжна Сендомирская, жена Дмитрия Самозванца» (М., 1831), компиляция «Избранные черты из истории государства Российского» (Ч.1-4. М., 1831).

В 1829 году, на волне успеха недавно вышедшего романа Булгарина «Иван Выжигин», Гурьянов выпустил (анонимно) «Ива-

⁹ Гурьянов И. О Иорик, Иорик! Ты прав: не все то золото, что блестит, или Спор полушампанского с ерофеичем. М., 1830. С.6-7.

¹⁰ Белинский В.Г. Полн. соб. соч. Т.1. С.311.

ну Выжигину от Сидора Пафнутьевича Простакова послание, или Отрывки бурной моей жизни», где хвалил своего адресата и, явно подражая Ф.В.Булгарину, излагал свою биографию. Булгарин импонировал Гурьянову апологетикой «среднего сословия», критикой нравов при общем оправдании существующего социального порядка. Он и позднее в своих книгах отпускал комплименты булгаринскому герою, а однажды использовал его имя в названии своего романа «Новый Выжигин на Макарьевской ярмарке» (М., 1831). Именно нравственно-сатирические повести Гурьянова — «Слухи о моровом поветрии в Персии...» (М., 1830), «Охотник в рекруты, или Гильдейские повинности» (М., 1831), «Илья Пройдохин. Открытая тайна некоторых, или Горе от ума и горе без ума» (М., 1831), «Фетинья Антоновна, в новом вкусе столичная колдунья, или Всем сестрам по серьгам» (М., 1831), «Комета 1832 года» (М., 1832) и др. — представляют сейчас наибольший интерес. В этих небольших книгах нет напряженного сюжета, это скорее панорама современной жизни, автор стремится высмеять пороки различных сословий, главным образом — средних слоев. Возьмем, например, повесть «Фетинья Антоновна», где речь идет о гадалке, наживающей деньги за счет хорошего знания людских нравов. Каждая глава посвящена ее беседе с новым посетителем (горничная, мелкий чиновник, богатый купец, книготорговец и др.), что позволяет автору сатирически описать представителя каждой профессии. Чтобы дать представление о характере и уровне гурьяновской прозы, процитирую из этой повести автохарактеристику торговца книг вразнос, который пришел посоветоваться к «ворожее» — стоит ли покупать рукопись для издания. Он рассказывает: «У нас, правда, один такой же грешный, как и я, ходил, ходил по домам, да как купил рукопись, так и давай печатать; да тут еще штуку вернул: об имени сочинителя умолчал, а сам одному знатному барину, своему милостивцу, и посвятил ее, так — как вы думаете? Тысячку и нажил... Прежде бывало одних классиков давай, да полезное, а нынче так и даром этого не надобно: давай роман, сказку, что-нибудь нравственно-сатирическое, да уж до того и довели, что и на себя сатиры пишут и печатают и читают без зазрения совести... а особливо по нашей торговле — так давай хоть бессмыслицу, да смешную — заглавие все скрасит» (С.43-44). От приобретаемой рукописи, по его мнению, «прибыль быть должна. Сочинитель-то хоть и незавидный, гроша за душой нет, и попивает немного, только не в погребках, потому что в кармане пусто, и потому-то он у нас и не в славе; да заглавие богатое. Просит безделицу, а отдает еще меньше, а напечатать немного понадобится» (С.45).

Разумеется, сейчас и в этой книге, и в других, подобных ей, ценен не их нравоучительный пафос, а богатая информация о жизни и быте — офицеров, мелких чиновников, купцов и мещан. И в мемуаристике, и в художественной литературе о жизни этих сословий написано гораздо меньше, чем о столичном и провинциальном дворянстве. Гурьянов сохранил для нас ценные, увиденные зорким глазом детали и подробности повседневной жизни этой среды. Часто выступал Гурьянов и в роли переводчика. В специальной брошюре, посвященной критическому разбору работы одного из известных переводчиков того времени, он следующим образом формулировал задачи перевода: «если в землях иностранных вышла книга полезная по каким-нибудь отношениям, тогда надлежит перевести оную для того, чтобы те, которых судьба лишила способов знать иностранные языки, могли читать это на своем природном»¹¹. Однако в своей переводческой практике он был не очень верен этим декларациям, стремясь совместить «полезное» с «приятным», а нередко ограничивался интересным и увлекательным, не задумываясь о том, полезно оно или нет. С французского он переводил романы (Потоцкий А. Дмитрий Самозванец. М., 1833; Биньян А. Эшафот, или Сын преступника. М., 1835), книги по истории (Тушард-Лафос и Коло. Полная история семейственной и военной жизни Наполеона Бонапарте. В 4-х частях. М., 1832) и детские произведения (Бланшард П. 50 басен и повестей для детей. М., 1835; Шмидт Х. Рука Господня с нами. М., 1835), с немецкого — книгу «Простонародный сказочник или шесть сказок и повестей о мертвецах, привидениях и колдунах» (М., 1831). Выпущенная им в 1833 году книга о приключениях барона Мюнхаузена (под названием «Не любо не слушай, лгать не мешай...») представляет собой, как справедливо указал А.В.Блюм, незначительно переработанный и дополненный вариант перевода Н.П.Осипова, впервые изданного еще в 1791 году¹².

Как видим, Гурьянов — фигура весьма любопытная. Однако до последнего времени о нем ничего не было известно, в справочниках и каталогах отсутствовало даже его отчество, не говоря уже о датах жизни и прочих биографических сведениях. Например, в знаменитом словаре С.А.Венгерова значилось лишь сле-

¹¹ [Гурьянов И.Г.] Чувствования долгобородого боярина при чтении 9-й части «Жизни Наполеона Бонапарте», сочин. сира Вальтера Скотта. Перевод С.де Шаплета, писанные под кровлею Кремля, в одной из треугольных башен оного при свете подоженного пламени. М., 1832. С.12 (Авторство Гурьянова установлено по ЦГИА г.Москвы. Ф.31. Оп. 5. Д.79).

¹² Блюм А.В. Каратель лжи, или Книжные приключения барона Мюнхаузена. М., 1978. С.46.

дующее: «Гурьянов, Иван — лубочный писатель 1820-1850 гг.»¹³. Лишь в ходе работы над статьей для биографического словаря «Русские писатели. 1800-1917» удалось восстановить основные этапы его биографии. Оказалось, что жизнеописание Гурьянова выглядит увлекательнее любого плутовского романа. Правда, часть эпизодов его жизни дает материал не столько для исследователя, сколько для следователя. Приходится сталкиваться с противоречивыми версиями, разноголосицей в свидетельских показаниях, отсутствием важных документов. Поэтому в некоторых местах изложение будет давать лишь возможную версию происходившего.

Не обнаружив ничего в справочниках, я обратился к архивам, но и это дало весьма скудную информацию — в Отделе рукописей Ленинской библиотеки нашлось несколько его писем, которые почти не содержали биографических сведений, а в Центральном государственном историческом архиве г.Москвы, в материалах московской цензуры, отыскиались отрывочные и противоречивые (как позднее выяснилось — во многом неверные) сведения о том, что в 1824 году Гурьянов был юнкером некоего (название написано неразборчиво) полка, в 1826 году — коллежским регистратором, а в 1828 году — унтер-офицером в отставке (в 1831 году в письме в цензуру он именовал себя «уволненным за ранами дворянином»)¹⁴. Казалось, что разыскания зашли в тупик. Оставалось одно — искать информацию о Гурьянове в его собственных произведениях. Пришлось читать одну за другой полсотни его книг. И вот, на втором или третьем десятке, в мои руки попал подготовленный им сборник военных анекдотов и документальных материалов «Ура! Слава Русским. Подарок героям — победителям персов и турок» (М., 1831), где в одном из примечаний к тексту автор сообщает, что в 1812 году, «будучи поручиком Эстляндского пехотного полка... командовал третьей мушкетерской ротой» и принимал участие в сражении под Смоленскими, где был ранен в ногу¹⁵. Дальше все было достаточно просто. В печатной истории Эстляндского полка обнаружили сведения о его службе там и геройском поведении в боях (например, в сражении под Полоцком, как значилось в донесении, «сей храбрый офицер был в 1-й день употреблен со стрелками и удержал под сильным огнем неприятельским до самой ночи цепь в лесу, в дру-

¹³ Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Изд. 2-е, переработ. Пг., 1915. Т.1. С.223.

¹⁴ ЦГИА г.Москвы. Ф.31. Оп.1. Д.10; Оп.5. Д.52, 72; Ф.459. Оп.1. Д.2343.

¹⁵ Гурьянов И. Ура! Слава русским. М., 1831. С.57-59.

гой день командовал ротой, примером своим под сильным пушечным огнем ободрял людей и, когда шли на штыки, был ранен сильною контузией в грудь»¹⁶.

Полученные данные стали основой для поисков в Центральном государственном военно-историческом и Центральном государственном историческом архивах. Они были осуществлены сотрудниками этих архивов Н.Ю.Муравейниковой (ЦГВИА) и А.Л.Верлинским (ЦГИА) (которым, пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность за предоставленные материалы) и позволили выявить послужной список Гурьянова и различного рода сведения о нем¹⁷. Предваряя изложение его биографии, мне хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Быт и культура первой половины XIX столетия сравнительно неплохо описаны и изучены лишь в своих крайних точках — «просвещенное» дворянство (условно говоря — литераторы пушкинского круга и их окружение) и крепостное крестьянство. Образ жизни и мировоззрение различного рода «промежуточных» слоев (мещане, купцы, мелкие чиновники, мелкопоместные дворяне, священники и т.д.) известен гораздо меньше, мы почти не располагаем жизнеописаниями представителей этой среды. Поэтому биография Ивана Гавриловича Гурьянова интересна не только как повествование о приключениях и злоключениях конкретного человека, она дает представление об условиях жизни и культуре «средних» слоев, и прежде всего провинциального служилого дворянства и низовых столичных литераторов.

Родился он 6 (17) января 1791 г. в Оренбурге в семье капитана Озерного батальона Николая Лашкина. Однако отец вскоре умер, не успев зарегистрировать нашего героя в качестве своего сына и не наделив его, в результате, дворянским достоинством. Мать через несколько лет, в 1795 году, вновь вышла замуж — за чиновника Гаврилу Петровича Гурьянова. До чина коллежского асессора, начиная с которого чиновник обретал право на потомственное дворянство (если, конечно, не имел его от рождения), он дослужился в 1792 году (правда, выдача соответствующих документов затянулась надолго). Теперь все последующие (но не родившиеся ранее!) его дети тоже стали бы дворянами. Лишь

---

¹⁶ Гулевич С.А. Четырех-с-половиною-вековая с 1478 по 1911 год история 8-го пехотного Эстляндского полка... СПб., 1911. С.139. См. также с.134, 140, 158, 174, 225.

¹⁷ ЦГИА. Ф.1343. Оп.19. Д.5586, 5590; ЦГВИА. Ф.395. Оп.71. 1820 г., Д.1569; Оп.76. 1823 г., Д.460, 501; Оп.284. 1845 г., Д.184. См. также: ГА РФ. Ф.109. 2 эксп. 1845. Д.22.

в случае, если бы детей больше не было, отцу дозволялось просить о пожаловании дворянства одному из ранее родившихся детей. Но Иван, как мы знаем, вообще не был сыном Гурьянова. Тем не менее Гурьянов попытался обеспечить ему дворянство и стал выдавать за своего сына. Он подал прошение о регистрации в качестве потомственного дворянина и в марте 1796 года состоялось повеление уфимского наместничества о внесении его с сыном Иваном в родословную книгу Уфимской губернии.

В 1796 г. Гаврила Гурьянов получает в наследство (после смерти брата) небольшие поместья в Казанской и Нижегородской губерниях и с 1798 года живет в Казани. Пришедший наконец (в 1797 г.) диплом на чин коллежского асессора дает возможность строго формально закрепить за собой дворянство, и после соответствующего прошения в 1798 г. состоится указ Сената о выдаче ему диплома на дворянское достоинство. Однако в январе 1801 г. он умер, не успев закрепить дворянство за приемным сыном. Вдова подает в Герольдию прошение, выдавая Ивана за сына Гурьянова и, несмотря на отсутствие соответствующих метрических документов, почти добивается своего — в июне 1803 г. уже был отдан приказ об изготовлении Ивану диплома на дворянство и представлении на подпись царю. Однако, поскольку речь шла не только о дворянстве Ивана как таковом, но и о праве на наследство Гаврилы Гурьянова, родственники его не дремали. Вскоре в столицу пришло письмо сестры покойного с сообщением, что Иван — сын Лашкина, а не Гурьянова, подкрепленное свидетельствами ряда лиц. В результате все сорвалось, и дворянином Иван не стал.

Тем не менее наследство у Гурьяновых отобрать не удалось, и жили они безбедно. Иван посещал иностранный пансион в Казани, где получил сравнительно неплохое для своего времени образование.

Однако нужно было закрепить за собой место в обществе, а возможность продвижения вверх давало только дворянство. Провинциалу проще всего было сделать карьеру в армии, и в 1807 г., шестнадцати лет от роду Иван (выдав себя за дворянина) поступает унтер-офицером в 26 егерский полк и уже в том же году участвует в боевых действиях в Пруссии против наполеоновских войск, а в 1808-1810 гг. — в Шведской кампании. В 1812 году он произведен в прапорщики и переведен в Эстляндский пехотный полк. Начинается Отечественная война. Гурьянов отважно сражается, быстро растет в чинах: в июне он уже подпоручик, в октябре — поручик, а в ноябре — штабс-капитан, награжден орденом Св. Анны 4-го класса.

Но тут военная карьера Гурьянова прерывается. Он был тяжело ранен в ногу (что на всю жизнь сделало его инвалидом) и в 1813 г. отправлен на излечение на родину. Выздоровев, он по предписанию коменданта Казани в январе 1814 г. принял партию рекрут, чтобы перевести ее в Белосток, однако по пути с ним случилось несчастье — по его утверждению, он потерял бумажник с 3800 рублями, принадлежащими рекрутам (не исключено, конечно, что он их растратил). Прибыв в Белосток, Гурьянов заявил о потере денег и обязался выплатить их, продав дом в Казани и имение в Лаишевском уезде Казанской губернии. В казну были представлены опись и секвестр имения, а Гурьянов посажен на гауптвахту под арест, где в ожидании суда пробыл 14 месяцев. Комиссия военного суда на основе манифеста 30 августа 1814 г., по которому ряд категорий преступников подлежал помилованию, прекратила дело, сделала запрос о продаже принадлежащих Гурьянову дома в Казани и имения в Казанской губернии, а самого его возвратила в полк. Однако аудиторский департамент военного министерства постановил возобновить судебное дело, основанием для чего послужил указ Сената от 30 июня 1815 г., разъясняющий, что манифест не распространяется на лиц, которым по закону полагается смертная казнь (проступок Гурьянова, по давно устаревшим, но пока не отмененным петровским уставам, подлежал именно такой каре). Фактически к подобного рода преступлениям она давно не применялась, но формально не была отменена.

Во время знаменитого казанского пожара 1815 г. сгорел не только дом Гурьянова, но и присутственные места города, что задерживало продажу имения. Кроме того, пришел донос из Казани о том, что родственники Гурьянова уклоняются от продажи. В результате в 1818 г. полевой аудиториат при Бобруйском ордонансгаузе и 14 пехотной дивизии признал Гурьянова «виновным в утрате принадлежащих порученной ему партии рекрутам собственных их и наградных денег до 5500 руб., из коих 3800 р. якобы дорогою потерял, но на то никаких доказательств, удостоверяющих сию потерю, не представил и нигде даже о том не объявлял, из чего видно, что вся сия сумма им на непозволительные свои надобности употреблена, чем самым лишил тех рекрут на долгое время их собственности и не без того, что из них многих заставил иметь нужду... Сверх того он, Гурьянов, имевши достаточное в Казани имение, хотя посредством оногo мог бы тех рекрут в то же или через короткое время удовлетворить; но он с 1814 г. под разными предлогами избегал платежа и еще, как по делу видно, старался закрывать свое имение, чем самым в удов-

летворении сказанных рекрут по случаю распределения их по разным полкам навлек по начальству довольно важное затруднение. За что по приведенным здесь узаконениям он, Гурьянов, подверг себя смертной казни и по манифесту 1814 г. августа 30 состоявшегося не может воспользоваться прощением... А по сему согласно с приговором военного суда его, Гурьянова, лиша всех чинов, дворянского достоинства написать в рядовые, а утраченные им рекрутские деньги, значущиеся по сентенции 3487 р. 28 коп., взыскать с его имения»¹⁸. Вскоре имение было продано с аукциона и долг Гурьянова покрыт, а сам он в 1819 году послан в Тульский пехотный полк.

В полку (который был расквартирован в Великих Луках) Гурьянов преподавал в полковой школе. Одновременно он начал вести длительную борьбу за улучшение своего положения. И хотя в итоге она оказалась малоуспешной, в энергии и изобретательности Гурьянову отказать нельзя. Уже в 1819 г. он подготовил, а в 1820 г. послал министру духовных дел и народного просвещения А.Н.Голицыну рукопись «Полезный подарок юношеству, или Полная арифметика в вопросах и ответах, выбранная из разных авторов Иваном Гурьяновым». Рукопись была одобрена Ученым комитетом при Департаменте народного просвещения, переслана по распоряжению Голицына начальнику Главного штаба и, по его резолюции, «оставлена без движения». В 1823 г. мать Гурьянова обращалась к высокопоставленным сановникам с прошением об облегчении участи сына. Однако, поскольку в 1820 г. император запретил подавать прошения о прощении и возвращении чинов тем солдатам, которые были разжалованы с лишением дворянства, никаких последствий эта просьба не имела. В том же 1823 году командир 5-го пехотного корпуса ходатайствовал о производстве Гурьянова в офицеры (высший солдатский чин — чин унтер-офицера, с которого он начинал 14 лет назад, — был вновь получен в 1821 г.), однако царь отказал.

Тягот строевой службы Гурьянов не испытывал. Познакомившись в 1825 году с генерал-майором и литератором А.А.Писаревым (вскоре тот стал попечителем Московского учебного округа), Гурьянов писал ему, что дает уроки детям генерал-адъютанта барона Г.В.Розена, своего дивизионного командира, за что получает 500 рублей в год. Поскольку этих денег не хватает (не забудем, что имение было продано и на иждивении Гурьянова были мать, жена и дети), он «решился свободные минуты упо-

---

¹⁸ ЦГВИА. Ф.395. Оп.76. Д.460. 1823 г., С.12-13.

треблять на умножение дохода» — «переводы и другие такого рода упражнения открыли для меня источник безбедного содержания; но книгопродавцы скоро узнали, что я работаю из насущного и не преминули воспользоваться сим случаем. Я работал, как лошадь, а получал плату как милостыню: так продолжается и теперь»¹⁹ (в другом месте он писал, что переводил для книгопродавцев с 1821 г.)²⁰. Платили ему действительно гроши — за книгу, как сказали бы теперь, в 7 печатных листов «Битва Задонская...», к которой он сам нарисовал виньетку, давали всего 40 рублей (т.е. примерно 6 р. за печатный лист). Это порождало конфликты с издателями. Так, в 1825 г. Гурьянов писал А.А.Писареву: «Я уже не пишу для Трухачева [московский книгопродавец и издатель. — А.Р.] окрестностей Московских, ибо они, пользуясь моею бедностию и более еще несчастием [т.е. положением человека, наказанного по суду. — А.Р.] ... меня притеснили и обидели», в связи с чем он полагал, что путеводитель по Москве не будет издан²¹. Характеризуя свой жизненный путь, Гурьянов писал в автобиографической книге «Ивану Выжигину от Сидора Пафнутьевича Простакова...», что он прошел «множество состояний и сословий, от богатого барченка до воина, до барина, до дядьки и проч., даже до беднейшего кропателя, для баловливых родителей, праздничных детских стишонков, или сочинителя единообразных книжных объявлений для газет, пропускаемых благосклонною редакциею и принимаемых благосклоннейшею публикою, безусловно» (С.109-110).

В 1826 г., после смерти Александра I, по ходатайству главнокомандующего 1-й армией о возвращении Гурьянову дворянского достоинства с увольнением от службы, за раную, прапорщиком, Николай I приказал уволить Гурьянова в отставку, не производя его в офицеры (т.е. без чина). После увольнения Гурьянов стал печататься еще активнее. Ежегодно выходило около десятка его книг, часть которых издавалась анонимно. Одновременно он давал в Москве и Коломне уроки немецкого и французского языков, истории, географии, математики и рисования. Во второй половине 1830-х гг. Гурьянов, по-видимому, покинул Москву. Известно, что в середине 1840-х годов он жил в Ельне и давал уроки (на что формально не имел права, т.к. не сдавал соответствующего экзамена). В 1845 г. он подавал прошение о том, чтобы считаться уволенным со службы прапорщиком и по-

¹⁹ ОР РГБ. Ф.226. Карт.3. Ед.хр.45.

²⁰ ОР РГБ. Ф.178 (Музейное собрание). Карт.8566. Ед.хр.29.

²¹ ОР РГБ. Ф.226. Карт.3. Ед.хр.45.

лучать пенсию по инвалидности. Прошение поддержал известный генерал, герой войны и литератор, И.Н.Скобелев, который писал, что «Гурьянов служил с ним в одной роте и с Гурьяновым он, как с добрым другом²² хаживал и по грибы, и по ягодки. Грех Гурьянова попутал, а малый был славный и умный»²³. Однако в ответ на прошение царь приказал считать Гурьянова уволенным с чином коллежского регистратора и разрешил ему вновь поступить на службу. Этим разрешением он, по-видимому, не воспользовался. По крайней мере, в адрес-календарях 1840-х — 1850-х годов его имя не обнаружено. Известно, что в 1854 г. он издал в Москве книгу «Послание на Кавказ к Силе Андреевичу Богатыреву с берегов Дуная», после чего следы Гурьянова теряются.

Как видим, вся жизнь его была заполнена борьбой за существование. Из воспоминаний А.Фета мы знаем, какой психологической травмой стало для него лишение дворянства в детстве и сколько усилий пришлось ему затратить, чтобы вновь войти в число потомственных дворян. Схожей борьбой за возвращение дворянства была заполнена первая половина жизни Ивана Гурьянова. Успешно решив эту задачу, он в момент утрачивает завоеванное положение. Причем, даже если он не потерял деньги, а действительно растратил, преступником по натуре он явно не был. Ранее он отважно защищал родину, а позднее прилежно трудился и, если использовать стандартные моральные оценки, искупил свою вину.

Путь, который привел его во «фризурную» литературу, довольно типичен. Литературный труд в первой половине XIX в. был малопрестижен и оплачивался довольно низко, поэтому зарабатывать на жизнь писанием книг решались только те, кто, обладая определенным минимумом образования, не мог в силу тех или иных обстоятельств («низкое» происхождение, «подмоченная» репутация, наклонность к выпивке и т.п.) поступить на государственную службу или прозябал в мелких чинах. Вот почему среди низовых профессиональных литераторов Москвы преобладали канцеляристы (А.П.Протопопов, Д.И.Сигов, А.И.Чуровский), учителя (И.И.Башмаков, С.М.Любецкий), отставные офицеры (Н.И.Зряхов, Н.П.Гессель) и чиновники (А.А.Орлов). Сказанное не означает, как считали тогда журнальные критики, а сейчас — некоторые историки литературы, что все они были бесталанны. Как и в «большой» литературе, здесь, наряду с

²² Слово прочитано предположительно.

²³ ЦГВИА. Ф.395. Оп.284. Д.184.

явными графоманами, действовали и способные люди (Орлов, Башмаков), и даже одаренные писатели (Гурьянов, Любецкий, Чуровский). Они удовлетворяли духовные потребности читателей из «средних» слоев, по-своему просвещая, поучая и развлекая их.

В журналистике прошлого века о подобных литераторах было принято писать только в уничижительном, издевательском тоне, нередко пренебрежительные отзывы о них встречаются и в публикациях нынешних литературоведов. Гораздо более объективно, с учетом конкретных исторических обстоятельств подходил к ним Белинский, по мнению которого «чтение должно быть по плечу чтецу, и в чтении должна быть своя постепенность, свой ход, свое развитие: иной от "Английского милорда" [популярный лубочный роман М.Комарова. — *А.Р.*] доходит до "Ивана Выжигина" и на нем останавливается; а иной, начав "Гуаком, или Непоколебимую верность" [известная лубочная повесть. — *А.Р.*] и перешедши чрез все многочисленное поколение "Выжигиных", доходит до Вальтер Скотта и Купера... Пусть читает во здравие наш православный народ, пусть с каждым днем все более и более распространяется в нем жажда к чтению! Что бы ни пробуждало и ни питало эту жажду, — все хорошо! Долг рецензента — показать, для какого класса читателей писана та или другая книга, а не бранить эти добренькие серенькие книжки...»²⁴.

---

²⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т.3. С.83.

Т. Ходж

«ГДЕ ТЫ, МОЙ БРАТ?»

Поэт и чиновник Василий Алябьев

Семья Алябьевых известна исследователям русской культуры первой половины XIX в. главным образом благодаря двум ее представителям.

Это, во-первых, знаменитая московская красавица Александра Васильевна Алябьева (1812-1891), прославленная Пушкиным в стихотворении «К вельможе» (1830). Поэт расположил ее рядом с Натальей Гончаровой, чьей руки в тот момент добивался, и, обращаясь к Н.Б.Юсупову, воскликнул:

...Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.

Князь Вяземский в письме к Пушкину в 1830 г. противопоставлял «*beauté classique*» Алябьевой «*beauté romantique*» Гончаровой¹, а Лермонтов посвятил ей стихотворение из числа так называемых «Новогодних мадригалов и эпиграмм» (1831), начинающееся словами «Вам красота чтобы блеснуть // Дана».

Вторым, еще более известным представителем этой семьи был композитор Александр Александрович Алябьев (1787-1851), русские песни и романсы которого наряду с глинкавскими являются собой высшее в России достижение музыки этого периода. (Знаменитый композитор «прославился» и иными обстоятельствами своей жизни: вместе со своим зятем Н.А.Шатиловым был несправедливо обвинен в убийстве и пробыл в ссылке в Сибири и на юге с 1828 по 1834, лишь в 1843 г. получив дозволение жить в Москве). Покойный музыковед Борис Соломонович Штейнпресс, автор самых подробных исследований об Алябьеве, убедительно доказал, что композитору по праву можно присвоить титул основателя ориентального направления в русской музыке, ибо, находясь в южной ссылке в 1832-1834 гг., он собрал и обработал огромное количество фольклорного музыкального материала². И хотя се-

¹ Пушкин А.С. Письма. М.; Л., 1928. Т.2. С.64, 339.

² Штейнпресс Б.С. У истоков русского ориентализма. // Сов. музыка. 1959. №8. С.84-92; новаторские «Азиатские песни» напечатаны в издании: Алябьев А.

годня его вспоминают главным образом как автора популярного романса на стихи Дельвига «Соловей мой, соловей» (музыка написана в 1826 г.), им написано около 170 произведений на стихи известнейших поэтов своего времени (в том числе Жуковского, Пушкина, Дельвига, Вяземского, Д.В.Давыдова, Козлова, Ф.Н.Глинки, Языкова, Вельтмана), ставших весьма существенной составляющей музыкальной культуры России 1810-1840 годов. Алябьев писал музыку и к стихам менее популярных литераторов, таких, как почти не изученные поэты Александр Бистром, А.Н.Глебов, А.Носков; малоизвестные сибирские стихотворцы, с которыми композитор свел знакомство в ссылке, — А.П.Найденков, И.И.Веттер, И.Л.Черкасов, Д.В.Раевский; а также его собственные приятели, не чуждавшиеся дилетантизма в поэзии, — П.Е.Бурцев, Д.А.Путилов, И.А.Шепелев. Но среди всех полузагадочных поэтов, чьи тексты использовал композитор, выделяется малой известностью фигура его собственного брата Василия Александровича Алябьева, для характеристики которого в «Списке Русского Исторического общества» нашлось лишь одно слово — «беллетрист»³. И хотя наши сведения о его биографии и творчестве весьма фрагментарны, попытаемся сложить их вместе, дабы получить контуры — пусть не слишком четкие — портрета этого совершенно забытого поэта, чьи стихи были столь важны для одного из лучших композиторов поколения Глинки.

Александр и Василий Алябьевы были сыновьями Александра Васильевича Алябьева (1746-1822) — личности, сыгравшей весьма существенную роль в истории культуры Сибири; его деятельность и культурное значение досконально изучены Штейнпрессом⁴. С 1783 г. А.В.Алябьев служил вице-губернатором в Перми, а в марте 1787 он был назначен «правителем Тобольского наместничества» (губернатором) в Тобольске. В этой должности Алябьев много содействовал учреждению целого ряда учебных заведений (начиная с 1789 г.) и открытию одной из наиболее активных вольных типографий того времени, которая принадле-

---

Романсы и песни: полное собрание для голоса в сопровождении фортепиано./ Под редакцией Б.В.Доброхотова. М. 1977. Т.4. С.130-140. Его «Грузинская песня» на слова (1828) Л.А.Якубовича, по мнению Геральда Абрахама, могла послужить источником главной темы третьего действия «Шехерезады» Н.А.Римского-Корсакова (1888) — см.: Abraham G. Russian Song. // Abraham G. Essays on Russian and East European Music. Oxford, 1985. P.8.

³ Сб-к имп. Рус. исторического об-ва. СПб., 1887. Т.60. С.14.

⁴ Штейнпресс Б.С. Страницы из жизни А.А.Алябьева. М., 1956. С.9-16. (далее: Штейнпресс 1956).

жала Василию Корнильеву и действовала с 1789 до 1796; в этой типографии ссыльный поэт Панкратий Платонович Сумароков (внучатый племянник драматурга) издавал первое сибирское периодическое издание — ежемесячный журнал «Иртыш». В феврале 1796 г. Екатерина II перевела Алябьева на должность правителя Кавказского наместничества, но вскоре он был призван в Петербург Павлом I, по своему восшествию на престол назначившим его сенатором. В 1798 г. А.В.Алябьев стал президентом Берг-коллегии, а в 1800 г. был назначен еще и директором Горного училища (Горного института).

В 1803 г. он был переведен в Москву, и с 1804 г. служил в Сенате; в 1807 г. А.В.Алябьев получил чин действительного тайного советника, с 1818 г. до самой смерти (16 октября 1822) руководил Межевой канцелярией.

А.В.Алябьев был женат на Анне Андреевне Новиковой (близкой родственнице Н.И.Новикова), и у них было двое сыновей и четыре дочери.

Первенец, Василий Александрович, родился, по всей вероятности, в Перми 25 мая 1784 г. Очевидно, что с ранних лет Василию прочилась карьера его выдающегося родителя: он был определен в Горное училище, директором которого был Александр Васильевич, и по окончании (в чине шихтмейстера 13-го класса) начал службу по Горному ведомству. С 8 августа 1801 г. он служил в Берг-коллегии, а его четырнадцатилетний брат с апреля 1801 г. также начал службу в Берг-коллегии Горного ведомства в чине унтер-шихтмейстера. Когда Александра Васильевича в 1803 г. перевели в Москву, девятнадцатилетний Василий Александрович последовал за всей семьей. Нам известно, что в 1812 г. он был младшим советником в Московском горном правлении, а ко времени смерти своего отца в 1822 г. Василий Алябьев служил «за обер-прокурорским столом 7-го департамента Правительствующего Сената»⁵.

Первая известная нам публикация Василия Алябьева относится именно к этому времени и связана со смертью его отца. Апеллируя к короткому знакомству покойного с издателем «Отечественных записок» Павлом Свиным, почтительный сын просил журналиста напечатать восторженное письмо 108 чиновников Межевого Корпуса, умолявших дозволить им принять на себя возведение памятника своему любимому начальнику. Свинин не возражал — поместил в «Отечественных записках» (1822.

---

⁵ Штейнпресс 1956. С.16.

Ч. XII. №32. С. 388-393) письмо Василия Александровича, письмо межевых чиновников и свое собственное письмо к Василию Александровичу: «Благодарю вас еще за доставление мне случая поместить в моем журнале известие о примерном подвиге гг. Чиновников Межевого Корпуса. Таковые известия считаю я лучшим украшением Отечественных Летописей». Этот эпизод позволяет, кажется, сделать заключение о двух качествах нашего героя: его привязанности к семье и склонности максимально использовать семейные связи для рекламы и, следовательно, карьеры.

На крепкую дружбу Василия со своим братом Александром и их общее увлечение веселыми попойками указывает анонимная поэма, которую цитирует М.И. Пыляев. Взору неизвестного автора братья представляли в конце 1810-х или в самом начале 1820-х годов в следующем виде:

Выпив водки близко бочки,
Вот Алябьевы идут,
То-то, милые дружки,
Едва голову несут⁶.

«Старший из них, — говорит Пыляев о Василии, — был известный в то время спортсмен». Пыляев намекает на близкие дружеские отношения между братьями, и это позволяет предположить, что Василий мог быть на дружеской ноге и с некоторыми из петербургских и московских знакомых Александра из музыкальной и театральной среды, а среди них были А.С. Грибоедов, Н.И. Хмельницкий, Н.В. Всеволожский, А.Н. Верстовский, Н.И. Гнедич, И.А. Крылов, А.А. Бестужев, П.А. Катенин, П.Н. Арапов, В.Ф. Одоевский, музыканты братья Виельгорские (Михаил и Матвей Юрьевичи), водевилист А.И. Писарев, А.А. Шаховской, М.Н. Загоскин и другие.

Все, кроме одного, поэтические произведения Василия Александровича публиковались не в качестве самостоятельных творений, а лишь как тексты к музыкальным сочинениям Александра Алябьева: брат написал семь романсов на стихи Василия.

Первое из опубликованных стихотворений — «Коль правда то, что быть вдвоем» — появилось в форме романса в издании «Музыкальный альбом, изданный А.Н. Верстовским: Подарок на новый [1827-й] год» (М., Венцель, 1826)⁷. Вот его полный текст:

⁶ Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 1891. С. 529.

⁷ См.: Вольман Б.Л. Русские нотные издания XIX — начала XX века. М.; Л., 1970. С. 184; Доброхотов Б.В. Александр Алябьев: творческий путь. М., 1966. С. 301-302.

Коль правда то, что быть вдвоем
Есть точно счастье прямое,
То как то время назовем,
Когда живут в разлуке двое?
Свиданья с милой не иметь —
Ах! лучше, лучше умереть⁸.

Пока невозможно определить точно дату написания этого текста. А вот стихотворение Василия Алябьева «Совет», опубликованное с музыкой Александра в сборнике «Северный певец на 1829 год», позволяет предположительно датировать самый ранний из семи текстов романсов временем около 1821 года:

Ты, Федор, славный был гусар,
Товарищей надежным другом,
Оставя бранный сердца жар,
Теперь ты славным будь супругом.

Но мой совет ты затверди,
Что в браке к счастью путь недалкий,
Жену хозяйкою веди
И крепче ключ держи от спальни.

Любезная жена есть клад,
Твоя не может быть иною;
Ты пламенем любви богат,
Она ж прекрасною душою.

И так от брачного венца
Себе счастливой жди судьбины
И к году с именем отца
Зови друзей ты на крестины⁹.

Вероятно, адресатом этих строк является наиболее известный из «славных гусар» того времени — Федор Иванович Толстой, основной прототип Долохова в «Войне и мире» (он приходился двоюродным дядей Льву Толстому), самый знаменитый шулер, повеса и дуэлянт из всех ветеранов войны 1812 года. Целый ряд обстоятельств указывает на то, что адресатом алябьевского «Совета» был именно Ф.И.Толстой. Из того факта, что

⁸ Текст приводится по изд.: Алябьев А.А. Романсы и песни: Полное собрание для голоса в сопровождении фортепиано. / Под ред. Б.В.Доброхотова. М., 1974. Т.1. С.41-42.

⁹ Там же. С.99-101.

А.А.Алябьев, сам ветеран 1812 года, был знаком с кругом близких к Толстому офицеров, да и с членами семьи Толстых, а в 1843 г. опубликовал свою аранжировку стихотворения, написанного больной дочерью Федора Толстого Саррой (ум. 1838), «Цвет мой, роза», Штейнпресс убедительно выводит предположение, что А.А.Алябьев и Ф.И.Толстой были знакомы¹⁰. Толстой был достаточно подробно посвящен в обстоятельства смерти Тимофея Времева, по обвинению в убийстве которого был сослан Александр Алябьев¹¹. Мы уже упоминали, что Александр с Василием пользовались репутацией гуляк и, следовательно, имели широкий круг знакомых; одним из их общих друзей вполне мог быть другой известный гуляка — Ф.И.Толстой. В 1821 г. Толстой женился на красивой и весьма популярной цыганской певице Авдотье Максимовне Тугаевой (1797-1861), такая женщина вполне могла спровоцировать содержащиеся в алябьевском тексте шуточные намеки на подстерегающие новобрачного опасности. Тем не менее, не ясно, по каким причинам Александр Алябьев лишь в 1829 г. собрался опубликовать свою музыкальную обработку этого текста.

Следующим из опубликованных произведений Василия стало стихотворение «Цветок». Оно появилось (также с музыкой брата) в музыкальном сборнике Александра Алябьева «Северный певец на 1832 год»:

Что дар цветка мне означает:
Кокетство, шалость иль любовь?
Кокетство чувство убивает,
Коль не кипит у сердца кровь.
Коль все в лице твоём ошибка
И огонь в очах, в ланитах жар,
И лжет слеза, и лжет улыбка,
Возьми, возьми назад свой дар!

Зачем шалишь опасной страстью:
Не я любовник буду твой,
Магнитной не навею властью
Душе невинной, молодой!
Желанья пламенные, слезы,
И в первый я любви урок

¹⁰ Штейнпресс 1956. С.183-184.

¹¹ Толстой шутит по этому поводу в письме к Василию Федоровичу Гагарину, напечатанном с датой 6 июня 1827 г. (без сомнения, следует: 1825 г.), в кн.: Толстой С.Л. Федор Иванович Толстой Американец. М., 1926. С.99-100.

Не расцелую девы-розы,
Да будет проклят твой цветок!

О нет! Подарок девы милой!
Как Нубии палящий зной,
Я грудью пламенной силой
Цвет иссушу роскошный твой!
С тобой я неразлучен буду!
Земля наш общий прах возьмет,
И там тебя я не забуду,
Где все земное пропадет¹².

«Восточное» стихотворение Василия Алябьева «Черкес», музыку к которому Александр Алябьев написал около 1834 г., впервые было опубликовано вместе с музыкой в 1975 г.¹³ Эта публикация представляет собой подготовленный Б.В.Доброхотовым текст недатированной «чистой нотной рукописи» (автограф Александра Алябьева) из архива Вельтмана (ОР РГБ, Ф. 47; см. Доброхотов Б.В. Указ. соч. С.313). Нам известен еще один список этого стихотворения, тоже из архива Вельтмана, но без музыки (ОР РГБ. Ф.47/III. Карт. 20. Ед.хр.2. Л.1-2); в нем не названо имя сочинителя и рукой архивиста ошибочно помечено: «Валерий Александрович Алябьев». Вот как выглядит редакция Доброхотова:

Обернут буркою широкой,
И лук, и стрелы за спиной,
Черкес над пропастью глубокой
Стоит... И вскрикнул удалой:
«Что горы вздрогнули от гула?
Что грозно ропщет по реке?
Не стало Трамова аула!»
А шашка замерла в руке.

О конь, товарищ быстроногий,
Нагорных скакунов краса.
Какою скачешь ты дорогой,
Какие видишь небеса?
Твой ныне корм — пшеница ль яра?
В твоём же тесном деннике
Разгулье стало от пожара —
А шашка замерла в руке.

¹² Алябьев А.А. Романсы и песни... М., 1975. Т.2. С.49-51.

¹³ Там же. С.126-127.

Нет сакли, где черкес свободный
На ложе неги отдыхал,
И сладостно кумыс холодный
Из чаши братской выпивал.
Нет ружей; нет одежд богатых;
Нет памяти о кунаке,
Даров тех дружбы верной взятых, —
А шашка замерла в руке.

Наездников исчезли силы,
Как дымный пар от облаков;
Нет храбрым на земле могилы;
Сдружился с ними врана клев;
Но удалому согласиться,
Что на Эльбрусе плена звук?!
Сказал — и в бездну он стремится,
И шашка выпала из рук¹⁴.

Здесь Василий Алябьев откровенно подражает стилю таких известных сочинений, как «Хищники на Чегеме» Грибоедова (1825), и в особенности кабардинской песне «На Казбек слетелись тучи» Александра Бестужева, которую пел Аммалат в «Аммалат-Беке» (1832), положенной на музыку Александром Алябьевым и опубликованной в «Кавказском певце на 1834 год».

Перу Василия Александровича принадлежит и текст, подражающий Жуковскому; он впервые опубликован композитором под названием «Элегия» в 1837 г. (в последующих публикациях называется «Бедный певец»).

Певец на лире воспевал
Веселие, любовь и младость;
Теперь певец задумчив стал,
Души его увяла радость.
Не славит он любви творца,
В нем гений обеднел мечтами.
Оставьте ж бедного певца
С его тоскою и слезами.

---

¹⁴ Наряду с несколькими мелкими разночтениями, «обеззвученная» рукопись дает и такой вариант последних четырех строк:

Но удалому-ль огласится
На Эльбрусе плена звук!
Сказал — и в бездну он встретится,
И шашка выпала из рук.

Несчастье бурю навлекло,
И мысль печальна, безотраднa,
Бразды сложила на чело,
И песнь его дика и хладна,
Как вопль подземный мертвеца,
Отверженного небесами.
Оставьте ж бедного певца
С его тоскою и слезами¹⁵.

Как и многие другие тексты, послужившие основой для музыки Александра Алябьева, этот может служить иллюстрацией к печальным обстоятельствам судьбы композитора, и вполне вероятно, что брат написал его, имея в виду его ссылку. Выражением «бедный певец» Василий Алябьев вызывает в памяти известное стихотворение Жуковского, которое часто называют именно так: «Бедный певец» («Певец») («В тени дерев, над чистыми водами...», 1811), но слово «певец» он употребляет в буквальном смысле (музыкант).

Известно, что когда против Александра было выдвинуто обвинение, Василий хлопотал за брата: подтверждением тому служит следующее письмо (Штейнпресс датирует его ноябрем 1828 г.) от Василия Алябьева к актеру Ивану Ивановичу Сосницкому (1794-1871):

«Вы всегда были ходатаем у знакомого вам человека по делу моих несчастных [Александр Алябьев и его зять Николай Александрович Шатилов. — *Т.Х.*], а потому я к вам прибегаю с моей покорнейшей просьбою; узнайте у него — должна ли Варинька [Варвара Александровна, сестра А. и В. Алябьевых и жена Н.А.Шатилова. — *Т.Х.*] приехать к вам в Петербург, чтобы хлопотать у Бенкендорфа, или еще не время; ибо при войне и при смерти царицы, какое внимание может употребить царь? Не написать ли Вариньке к Бенк[ендорфу] напомнить о себе? Все это расспросите хорошенько и передайте Орлову [вероятно, московский актер И.В.Орлов. — *Т.Х.*], если вы не найдете сами [возможность? — *Т.Х.*] известить Вариньку. Ее здесь мучают ужасным образом; поверите ли, что над нею делают розыски: не играла ли она вместе с мужем своим и чтоб не пустить ее в Петербург,

¹⁵ Алябьев А.А. Романсы и песни... М., 1976. Т.3. С.56-59. Составитель авторитетного справочника спутал этот текст с «Певцом» Жуковского, положенным на музыку А.Н.Верстовским, и ошибочно указал две музыкальные версии «Бедного певца» В.А.Алябьева — А.Н.Верстовского и А.А.Алябьева, в то время как существует лишь последняя, см.: Иванов Г.К. Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года): Справочник. М., 1966. Вып.1. С.35; То же. М. 1969. Вып.2. С.56.

то ее обязали подпиской о невыезде, по какому делу, где через четыре года стали опровергать данное ей заемное письмо. Каково вам покажется? Ну уж Голицын и Голицын [князь Дмитрий Владимирович Голицын. — Т.Х.]! Примите мою благодарность за труд, взятые вами насчет моих водевилей [sic!] — и если вышли из цензуры, то отдайте их Майкову [Аполлон Александрович или Николай Аполлонович. — Т.Х.], который мне и доставит; да и при такой оказии, вы можете писать все — насчет и дела, чем чувствительно обяжете того, который с истинным почитанием и преданностью, честь имеет назваться, милостивого государя, покорнейшим слугою

В.Алябьев

Р.С. Рязанцеву [Василий Иванович. — Т.Х.] мой поклон; забыл о московских приятелях! Может быть я сам скоро буду в Петербург»¹⁶.

Как указано Штейнпрессом, Сосницкий был одним из близких друзей-актеров Александра Алябьева¹⁷. Это письмо интересует нас еще и потому, что оно расширяет наши представления о литературной деятельности Василия; из него следует, что он писал водевили. Это вполне вписывается в контекст его биографии: ведь мы считаем, что брат ввел его в круг своих театральных знакомых. К сожалению, обнаружить данные о спектаклях или публикации водевилей Василия Алябьева пока не удалось.

Тем не менее, в нашем распоряжении есть рукопись трех вокальных номеров из трагедии В.А.Алябьева «Отступник, или Осада Коринфа», положенной на музыку Александром и собственноручно датированной композитором: «26 февраля 1837, Рязанцы»¹⁸. Нет никаких сведений о том, что это музыкальная трагедия была когда-нибудь поставлена. Первый вокальный номер, хор для теноров и басов, написан на следующий текст:

Бей крепче в барабан тамбуржий!
Катись по небу звучный бой,
Как гром разгульный пред грозой
Да здравствует Визир комуржий!¹⁹

¹⁶ Рус. старина. 1880. №10. С.341. Об этом письме см.: *Штейнпресс 1956*. С.134-135, 155-156; Штейнпресс Б.С. А.А.Алябьев в изгнании. М., 1959. С.52.

¹⁷ *Штейнпресс 1956*. С.155.

¹⁸ Рукописный отдел Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М.И.Глинки (Москва; далее ГЦММК). Ф.40. Ед.хр.354. Рукопись Алябьева состоит из 8 пронумерованных листов с увертюрой; 3 вокальных номера занимают 14 дополнительных листов.

¹⁹ Али Кумуржи (ум.1716) главный визирь Ахмета III. См. «Осаду Коринфа» Байрона, песнь 5 и 22 (хор является свободным переложением последней песни).

Он любит грозной брани пыль:
Мечи секут, летают стрелы,
Пиру[ет?] в битве смерть,
Но сильный враг врага
Согбенный [?] видит тыл!
Могилы заметет [?] убитых [?],
Дол опустеет, град [?] в огне
Где Альп²⁰ проскачет на коне
Как страшный ангел истребитель!
Мы не забыли к славе [?] путь
Ни в мщении не охладели;
Какой и скач нам лутше [?] цели
Как на венецианца грудь.
Отчизна! Слышит брани глас [?] !
К сраженью вихрем мы стремимся
К тебе с победой возвратимся
Иль век [?] ты не увидишь нас²¹.

Следующий номер — короткая «Молитва» для сопрано, альты, тенора и баса:

Боже сильный! Нам спаситель,
Ты молению внемли:
В горнюю прими обитель,
Дух усопшей от земли²².

Финальный вокальный эпизод — соло для любого голоса:

Могильщик смерти не боится,
Хоронит мертвых день и ночь;
Ни слезы, вопли не дивится
Отца зарыл, зароев дочь.
Он видит черепа и кости
И человека без прикрас,
Придет ли смерть к кому в гости,
И в гости зовут могильщика тотчас²³.

Б.В.Доброхотов указал, что переводчиком на русский либретто оперы Россини «Le Siège de Corinth» (1826), поставленной по-русски 2 февраля 1830 г. (Санктпетербургский Большой театр), был некто «В.А.», и высказал предположение, что это

²⁰ Персонаж байроновской «Осады Коринфа» Альп (венецианец-ренегат, сражавшийся на стороне турок).

²¹ ГЦММК. Ф.40. Ед.хр.354. Ч.2. II. Л.1-6.

²² Там же. Л.7-8.

²³ Там же. Л.8-12.

могли быть инициалы Василия Алябьева, вероятно, позже переработавшего либретто в собственную трагедию²⁴. Однако сопоставление текстов Василия Алябьева с либретто Россини (написано Луиджи Балоччи и Александром Суме) убедительно показывает, что «Отступник, или Осада Коринфа» не перевод и не переработка либретто оперы Россини, действие которой происходит в 1459 г.²⁵. Она представляет собой обработку другого источника — поэмы Байрона «Осада Коринфа» (1816), действие которой происходит в 1715 г. и которая изображает гораздо более поздний поход турков на Коринф. Слово «Отступник» у Алябьева относится к байроновскому персонажу Альпу (см. выше текст хора), который предал родную Венецию и перешел на сторону турок. Конечно, мы не можем полностью исключить возможности того, что Василий Александрович мог действительно сделать перевод либретто «Le Siège de Corinth» Россини, что и привлекло его внимание к поэме Байрона.

Высказанное нами выше, по поводу «Бедного певца», предположение о том, что Василий сознательно обыгрывал в своих текстах несчастливые обстоятельства судьбы брата, подтверждается архивными данными, связанными со стихотворением «Узник» («Северный узник»). Письмо Василия к Александру представляет собой текст стихотворения и короткую приписку (написано на бумаге с водяным знаком 1830 г.; судя по тексту, должно быть датировано 1831 годом):

«УЗНИК

Ветер северный, свирепый,
В поднебесьи завывай;
Вздых тяжелый сквозь заклепы
Унеси в родимый край!
В жизни горькой — нет премены,
И надежды луч исчез,
Та же скорбь и те же стены,
Тот же ток горячих слез.

Кто тоску от сердца сдует,
Возвратить душе тоской? —

²⁴ Доброхотов Б.В. Указ. соч. С.163.

²⁵ «Осада Коринфа» Россини основана на «Магомете» Вольтера (1742) и повествует о разрушении Коринфа в 1459 г. турками под командой султана Махмута II. «Le Siège de Corinth» — это автопереработка раннего сочинения Россини «Mahometto II» (1820), рассказывающего о поражении, нанесенном турками Венеции при Негропонте во времена все того же Махмута II (1470).

В сердце внедрился, пирует
Гость незванный, гость лихой.
Все вокруг напастью дышет,
Гибнут радости года —
Иль несчастный не услышит
Песнь свободы никогда!

(перемена тона)

Вдруг гармонии чудесной
Звук отрадный льется в слух
"Жди ты помощи небесной, —
Шепчет мне безвестный дух:

— Вам благое провиденье,
Счастье русское творя,
Ниспослало в утешенье
Милосердного Царя“.

Сделай на всю музыку и на фортипиано, — первое будет петь Лавров, а второе может дойти и до Государя, который точно отец всем несчастным, он это доказал приездом своим в Москву, что я думаю вы уже давно видели из газет. Прощайте. Будьте здоровы и молитесь Богу,

Ваш брат Василий

Скажи Шатилову [?] что Роланд [Роальд?] благодарил за память»²⁶.

Очевидно, набожный консерватор Василий Алябьев вставляет последний куплет после перемены тона сопровождающей музыки, видя в нем обращение к царю Николаю I, своего рода поэтическое прошение за брата. Отметим также уверенность поэта в том, что брат не замедлит положить посланный ему текст на музыку, чему свидетельство — предложения по поводу характера и стиля аккомпанемента. Горькие чувства Александра по поводу собственной печальной судьбы становятся очевидны при внимательном прочтении окончательного варианта текста Василия, опубликованного в сопровождении музыки Александра под названием «Северный узник» (ц.р. 5 июня 1838 г.) под вторым номером в издании «Три элегии для пения, виолончели и фортепиано. Музыка посвящает Матвеем Юрьевичу Виельгорскому А.Алябьев»:

Ветер северный, суровый,
Не взмущай ты небеса.

²⁶ ГЦММК. Ф.40. Ед.хр.213. II. Л.1-2. Несколько фраз из этого письма были опубликованы в кн.: *Штейнпресс 1956*. С.144-145.

Но сорви с меня оковы
Ты, разгульная гроза!
Нет в судьбине перемены,
Жизнь изъедена тоской.
Те ж заклепы, те же стены
Породнились со мной.

Узника все вянут годы,
Бедствий тянется гряда.
Иль несчастный песнь свободы
Не услышит никогда?
И, лишенный всей надежды,
Состраданья не найдет,
И, свои закрывши вежды,
Мертвый на цепь упадет²⁷.

В этом существенно переработанном варианте уже нет «перемены тона» и выпяченного обращения к «милосердному Царю». По всей вероятности, текст был переделан самим Александром Алябьевым, который, как мы имеем все основания предположить, был не чужд поэзии, при том, что до нас дошло лишь одно его стихотворение в рукописи²⁸.

²⁷ Алябьев А.А. Романсы и песни... М., 1976. Т.3. С.75-82.

²⁸ Хотя уже давно считается, что многие из анонимных текстов, положенных Александром Алябьевым на музыку, в действительности написаны им, единственным свидетельством пиических упражнений композитора остается следующий недатированный черновик, и написанный, и многократно *исправленный* его рукой (ГЦММК. Ф.40. Ед.хр.246):

ПЕСНЯ

Расплетися, коса,
Для златого венца,
Улыбнися, краса,
На привет молодца!

Ведь не век сиротой
В терему вековать,
Под широкой фатой
День деньской изнывать!

Красоту молодец
В жемчуги уберёт
Дня светлый — под венец
Он с тобою пойдёт.

Беззаботна, вольна,
Будет с молодцем жить

Последним из стихотворений Василия Александровича, которые печатались вместе с музыкой Александра, было «Вот моя песнь» (опубликовано в 1849 г.), в котором разлука с любимой женщиной приравнивается к расставанию с любимым искусством:

Расстался я с тобой,
С поэзией простился.
С тех пор увял душой
И петь я разучился.

Крылатый дар исчез...
Исчез и слава Богу!
К безумию от грез
В миг обретишь дорогу.

И что я петь могу,
Коль чувство онемело?
Я от луны бегу,
И солнце надоело.

Одну лишь я звезду
На склоне вижу ночи,
Как вечный жид, иду,
К ней устремляя очи²⁹.

Я же предположительно приписываю поэту еще один безымянный беловой текст, сохранившийся в бумагах его брата и определенно написанный рукой Василия Алябьева:

К чему твой страх, о дева сладострастья!
Я друг тебе. — Отбрось же свой покров! —
Как солнца луч, скользнув среди ненастья,
Пьет с жадностью всю влагу из цветов;

Так я, любитель наслажденья,
Испивши чашу восхищенья,
Ищу в твоих глазах огня,
Который бы сожег меня.

Будет жить-поживать
Не вздыхать, не тужить.

Улыбайсь же, краса,
На привет молодца!
Расплетайся ж, коса,
Для златого венца!

²⁹ Алябьев А.А. Романсы и песни... М., 1977. Т.4. С.36-37.

О! дай любви для чувств моих несытых!
Вдохни в меня весь жар груди твоей,
Пылающий от уст полуоткрытых,
И огненной рекой излей.

В нестройных страстных восклицаньях!
И в долгих, едких лобызаньях
Друг с другом свившись змейей;
Умрем — О дева! — мы с тобой!³⁰

Единственным самостоятельным стихотворным текстом, опубликованным Василием Алябьевым, стала поэма — «Странник. Часть первая. Сочинение В.Алябьева» (М.: В Типографии Лазаревского Института Восточных языков, 1836; ц.р. 22 августа 1836 г.)³¹. По всей вероятности, Василий приписывал глубокий биографический смысл второй части (отдел 4) поэмы, посылая ссыльному брату в качестве письма вариант этого текста (несколько отличающийся от опубликованной версии):

«Я дружен прежде был со светом
И рыцарем я моды был,
И подражания предметом
Толпе я ветреной служил;
Из полной чаши наслажденья
Восторгом запивал восторг
И с пылких персей восхищенья
Я тайну прелестей исторг.
Крылатая воспоминанья!
С весной моей вы отцвели,
И очерки надежд, желанья
В туманной слилися дали.
И вдруг несчастье налетело
Как чадо солнца [степи], Бедуин,
Свершающий набег свой смелой
С песчаных Сирии равнин.
[На Сирию с своих пустынь.]
На странника наперли воды,
Их плеск достигнул до чела,

³⁰ ГЦММК. Ф.40. Ед.хр.462.

³¹ Слова «Часть первая» на титульном листе вводят читателя в заблуждение, создавая впечатление, что опубликована лишь часть произведения (в то время как поэма напечатана полностью). Их бы следовало поместить на с.3, после титула (подобно тому как после второго титульного листа напечатано указание: «Часть вторая». С.27).

И все, что мило от природы
Судьба от сердца отвила.
Где ты, мой брат! — где все семейство!
Какое небо видит вас?
Какое злое чародейство
По свету разогнало нас? —
Я дружбу звал — и нет ответа;
Родство бежало от грозы;
Я вымолял одной у света
Лишь сострадательной слезы;
Но странник под ярмом печали
Воззвал к Подателю отрад —
И сердце стало крепче стали,
И грусть отхлынула назад

В.Алябьев

Он же кланяется брату и посылает жилет — носи брат! Бог приведет, увидимся коли не здесь, так там — О! там все прекрасно!

Там [Где] вечно все, и все безбрежно,
Там [Где] нет ни меры, ни конца,
И там [где] — весь огонь любви к нам нежной
Познаем общего Отца.

Будь здоров и молись!

Твой брат В.Алябьев»³².

Пропитанная религиозным духом и патриотическими чувствами поэма Василия Алябьева (20 нумерованных строф в двух частях, 53 страницы) была незамедлительно (в октябре 1836 г.) отрецензирована анонимным критиком (О.И.Сенковским?) на страницах «Библиотеки для чтения»: «Вы видите, что "Странник" есть нечто вроде Юнга, Попа, Гарви, Ламартина. Впрочем, хорошо; право хорошо, — и нравоучительно; страшно и нежно, — очень хорошо! Зачем не отдать справедливости? Прекрасно, так прекрасно, и дело с концом»³³. Похвалы ироничной «Библиотеки для чтения» вряд ли могли восприниматься серьезно, а вот непосредственные читательские впечатления священника Николая Федоровича Розанова лишены какой-либо двусмысленности. Приобретя «Странника» 21 января 1837 года, «Николай Федоров Розанов» отчеркнул карандашом множество пригляну-

³² ГЦММК. Ф.40. Ед.хр.214. Отличия этой рукописи от печатного варианта (С.38, 41) мы приводим в квадратных скобках.

³³ Б-ка для чтения. 1836. Т.ХІХ. [11]. Отд. VI. С.4.

вшихся строк, кое-где поставил «NB», в нескольких местах воскликнул «Отлично!» (С.38, 39, 47) и заключил чтение следующим резюме: «Прочтена 1837 года генвар[я] 25-го. Намерение этой книги прославить Россию и религию оной, осудив безнравственность, а более всего показать сочинителя с выгодной стороны, а также возбудить к нему некоторое сочувствие. Стихи местами отлично хороши, мысли также местами возвышенно-пиические»³⁴.

Мы, каемся, не нашли в единственной книге Василия Алябьева стихов, о которых можно было бы сказать «отлично хороши». Относительная гладкость письма не могла служить отличительным признаком в пост-онегинской русской поэзии, нередкие какофонические срывы не являются у автора «Странника» одним из стилеобразующих приемов, как у «архаистов» и их последователей, а скорее свидетельствуют об изъянах его стихотворной техники. Однако нам показалось небезынтересным сочетание смиренного благочестия, духом которого пронизана книга³⁵, с нескрывтой в некоторых стихах энергией мятущейся чувственности.

О литературной деятельности Алябьева в последующие годы у нас нет никаких сведений. Напечатанное в 1848 г. стихотворение «Вот моя песнь» исполнено сожалений об утраченном поэтическом даре. В нем содержится также обещание впредь отказаться от творчества. Если это не только поэтический штамп, то последнее опубликованное Василием Александровичем стихотворение могло быть и последним написанным.

Благодаря разысканиям Б.С.Штейнпресса, известно, что в зрелые годы Василий Алябьев служил чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел³⁶. Уточним, что это место наш поэт получил, по-видимому, в 1843 г., в бытность министром Льва Алексеевича Перовского: в «Адрес-календаре или Общем штате Российской империи на 1843 год» Алябьев еще не числится, появляясь в этом справочнике лишь на следующий год (среди «Состоящих при Министерстве по распоряжению Министра» — Ч.1. С.164), но в «Прибавлениях к Санктпетербургским ведомостям» за 1 октября 1843 г. (№221. С.2302) уже отмечен выезд 29 сентября в Москву «состоящего при Министр. внутр.

³⁴ Экземпляр о.Николая Розанова хранится в Государственной Публичной исторической библиотеке Российской Федерации в Москве; шифр 91^{3/3} а.

³⁵ Ср. характеристику, данную «Страннику» Б.С.Штейнпрессом: «В книжку вошло 20 стихотворений верноподданически-благочестивого содержания, не отличающихся поэтическими достоинствами» (*Штейнпресс 1956.С.16*).

³⁶ *Штейнпресс 1956. С.16.*

дел. Ст. сов. Алябьева»³⁷. Судя по всему, чин действительного статского советника был получен Василием Александровичем около 1845 г.³⁸. В этом чине и все в той же должности Алябьев оставался до самой смерти — 18 октября 1857 г., не потеряв места и при пришедшем на смену Перовскому министре С.С.Ланском. Дружеские связи Василия Алябьева прослеживаются недостаточно четко, и мы не можем сказать с уверенностью, получил ли он свое место в результате протекции³⁹ или были замечены его деловые качества. Но сохранением должности Алябьев безусловно обязан лишь своей служебной активностью. Уже давно известно, что В.А.Алябьев «в сороковых годах употреблялся преимущественно по раскольничьим делам и розыскам» — об этом сообщал биограф прикомандировывавшегося к нему П.И.Мельникова⁴⁰. По сохранившемуся небольшому фрагменту архива Алябьева⁴¹ мы можем судить о весьма напряженном графике его служебных занятий: командировки, разъезды, розыски. В бумагах то и дело мелькают предложения начальства получить суточные и квартирные на очередную поездку, рапорты городничих и исправников о старообрядческих молельнях в их городках и уездах, имеется черновик «Записки» В.Алябьева об иноке Евагрии, содержащемся в г.Подольске под арестом (Л.13-17об.). Сохранилась бумажная обложка и некоторые листы «Секретного дела, произведенного чиновником Особых поручений Действительным статским советником Алябьевым по предписанию управляющего Министерством Внутренних Дел Действительного Тайного Советника Сер. Степан. Ланского о взятом в 1-м округе Новороссийского Военного Поселения в г.Новогеоргиевске Донском козаке Андрее Иванове Чибатареве» (Л.3-4об.). Алябьеву предписывалось явиться в III Отделение «и находиться при допросе сказанного козака Чеботарева, стараясь всеми мерами выведать

³⁷ Разумеется, этот вопрос легко можно было бы разрешить обращением к формулярному списку В.А.Алябьева в ЦГИА [СССР?], но, по географической удаленности от Петербурга, мы, к сожалению, пока не имели этой возможности.

³⁸ См.: Адрес-календарь или Общий штат Российской империи на 1846 год. СПб., [1845]. Ч.1. С.142.

³⁹ В подстрочном примечании к поэме «Странник» упомянут некто «А[лександр] Ант. Ло...ий, близкий Автору человек» (Алябьев В. Странник. М., 1836. Ч.1. С. 19). Скорее всего имеется в виду надворный советник Александр Антонович Лоский, служивший в 1840-х годах младшим секретарем в 4-м, учебном, управлении канцелярии Святейшего Синода. Не думаем, однако, чтобы это лицо могло являться главным двигателем карьеры Василия Александровича.

⁴⁰ Усов П.С. Этнограф-беллетрист. // Ист. Вестник. 1884. №11. С.301-302; ср.: Там же. № 10. С.66.

⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф.187. Оп.1. Ед.хр.93 (источник указан нам А.А.Ильиным-Томичем).

от него, действительно ли он есть заграничный раскольник, рукоположенный в священника помянутым лжемитрополитом» [раскольником из Белой Криницы в Галиции. — Т.Х.], «а также достоверно дознать о всех его, Чеботарева, действиях, клонящихся к распространению раскола». Далее следует черновик рапорта Алябьева (август 1851 г.) о 62-летнем Чеботарева, с подробным изложением казацких путешествий и злоключений (Л.7-12об.). Решительные меры, предлагаемые В.А.Алябьевым в 1848 г. (ликвидировать семеновские раскольничьи скиты в Нижегородской губернии), вызвали в свое время «особое мнение» В.И.Даля⁴².

В 1860-х годах чиновником особых поручений VI класса при министре государственных имуществ состоял коллежский секретарь, камер-юнкер Иван Васильевич Алябьев⁴³. Есть все основания полагать, что это сын Василия Александровича, унаследовавший отцовский тип службы. Жена В.А.Алябьева сильно пережила мужа — умерла 19 января 1875 г.⁴⁴ По сведениям Б.С.Штейнпресса, в 1852 г. село Семеновское Бронницкого уезда Московской губернии, наследственное имение матери Василия Александровича, находилось в его совместной с Николаем Петровичем Новиковым (потомком Н.И.Новикова) собственности⁴⁵.

Василий Алябьев был по существу личным поэтом-текстовиком одного из самых выдающихся композиторов своей эпохи. Совместная работа братьев Алябьевых являет собой яркий пример семейного сотрудничества в создании вокальной музыки (сотрудничества даже более тесного, чем в семье Даргомыжских, где композитор работал с текстами своей матери, поэтессы М.Б. Даргомыжской). И хотя качество его текстов не превосходило среднего дилетантского уровня, Василий Алябьев смог поставить своему брату поэтический материал едва ли не всех необходимых тому форм: лирику, шуточные, гусарские, восточные стихи, элегии и историческую драму. Талант Александра Алябьева придал, в свою очередь, «домашней» поэтической деятельности его брата статус культурного явления, что и оправдывает, как нам кажется, наш интерес к Василию Алябьеву, поэту и чиновнику.

⁴² Звездин А.И. Нижегородский секретный совещательный комитет по делам о раскольниках и его деятельность. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1900. Т.4. С.33, 38, 41-42.

⁴³ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц... на 1862-1863 год. СПб. [1862]. Ч. I. С.18.

⁴⁴ Сайтов В.И. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т.I. С.49.

⁴⁵ Штейнпресс 1956. С.16. Возможно также, что именно «нашему» Василию Алябьеву принадлежали земли в Рыбинском уезде Ярославской губернии (см.: Опись Архива Государственного Совета. СПб., 1911. Т.15. С.289); отметим, что Ярославская губерния не раз становилась местом его служебных поездок.

страны так, как другие читают книги, тонкий наблюдатель, равно чуткий к нюансам политическим и психологическим, Кюстин приобрел литературную славу благодаря книге «Россия в 1839 году», в которой описал свой вояж.

На корабле внимание писателя привлекла колоритная фигура одного из пассажиров. «...Я увидел пожилого человека, опухшие ноги которого с трудом поддерживали тучное тело. Его голова, хорошо посаженная на широких плечах, имела благородные черты: вылитый портрет Людовика XVI»². Спутник Кюстина без церемоний, с аристократической простотой вступил с ним в разговор. Путешественник был очарован личностью и разговором своего нового знакомца, «князя К.», «потомка завоевателей-варягов».

«Он занимал важнейшие политические посты, растратил два состояния, истощил благосклонность нескольких монархов, — пишет Кюстин, — и теперь стар и болен, но пользуется особым покровительством члена императорской фамилии, достаточно любящего ум, чтобы его не бояться»³. Великолепно осведомленный собеседник маркиза в течение всего плавания беседует с ним на разнообразные темы. Он рассуждает о разнице между аристократией английской и европейской, превозносит ораторский талант Каннинга, говорит о губительной роли византийского и азиатского начал в русской истории, рассказывает анекдоты из царствования Петра, иллюстрирующие разницу между Россией, страной «абсолютного деспотизма» и Западом. Когда французский путешественник выражает некоторое несогласие с мрачными мнениями князя К., его спутник отвечает, что через три месяца тот будет их разделять. Князь К. высказывается и о политическом интересе дня — о русской политике в Польше, которая, говорит он, есть выражение религиозной миссии русских царей, исторических врагов Папы римского. Собеседник Кюстина был прав, пророка, что опыт путешествия по России убедит маркиза в справедливости его слов, — влияние западnofильских, элитарных идей князя К. очевидно в сочинении французского писателя.

Этим «человеком на корабле» был князь Петр Борисович Козловский, старинный друг Жуковского, тайный католик, в молодости служивший в Московском архиве Министерства иностранных дел, впоследствии посланник в Штутгарте и Турине, сотрудник пушкинского «Современника». Козловский был (являясь в этом случае предшественником Александра I) первым русским, которому Оксфордский университет дал почетное звание доктора.

В 1835 году, после 23-летнего отсутствия, Козловский вернулся в Россию. Здесь он сразу же занял в петербургском обществе место, подобное тому, которое через несколько лет при сходных обстоятельствах занял другой отставной дипломат и салонный оратор, Федор Тютчев.

В столице Козловский был членом кружка, состоявшего из диплома-

² Custine A. de. La Russie en 1839. Troisième édition, revue, corrigée et augmentée. Paris, 1846. T.1. P.130.

³ Ibid.

та П.И.Полетики, композитора и мецената графа М.Ю.Виельгорского, Жуковского и князя П.А.Вяземского. На их собраниях, происходивших в доме последнего, часто присутствовал великий князь Михаил Павлович, который покровительствовал Козловскому.

Как и его друг Александр Тургенев, Козловский был своего рода профессиональным дилетантом, живым звеном между интеллектуальной жизнью Запада и России, с небывалым числом связей в литературно-аристократических кругах Европы. Он оставил более заметный след в сознании и воспоминаниях современников, чем в литературе эпохи. Дар слова был, быть может, самым замечательным его качеством. По словам самого Козловского, он был послан Провидением «говорить»⁴. Вяземский дал следующий портрет этой яркой личности: «В нем был и герцог Версальского двора, и английский свободный мыслитель; в нем оттенялись утонченная вежливость и несколько искусственные, но благовидные приемы только что угасшего общежития, и независимость, плод нового века и нового общественного порядка. Вместе с тем терпимость космополита, который везде перебивал, многое и многих знал и видел, если не всегда деятельно участвовал в событиях, то прикасался к ним и, так сказать, около них терся»⁵. В другой статье, написанной сразу же после смерти старого аристократа, Вяземский говорит о его «необыкновенной» доброте. Здесь Вяземский как бы вторит Жуковскому⁶, который в первых строках своего письма Козловскому от 20 сентября 1840 года тепло отзывается о «добром, живом, никогда не стареющем сердце» их общего друга.

В привычном телеологическом читательском восприятии существует русская литература до Пушкина, к нему неизбежно ведущая, — и после Пушкина, из него почти исключительно исходящая (или, по крайней мере, от него отталкивающаяся). Жуковский в сознании русского читателя, Жуковский читаемый — это автор элегии «Сельское кладбище», баллады «Светлана» и стихотворения «Певец во стане русских воинов», учитель Пушкина, с улыбкой уступивший ему после прочтения «Руслана и Людмилы» место первенствующего в сонме русских стихотворцев и, как повествует хрестоматийный анекдот, выдавший своему юному премнику диплом на гениальность — портрет с известной надписью. Но если Жуковский — «побежденный учитель» Пушкина, он — учитель, переживший своего ученика и, более того, можно сказать, уцелевший в эпоху «Золотого века» — эпоху не только расцвета русской поэзии, но

⁴ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С.155.

⁵ Там же. С.413. Прим.4.

⁶ Там же. С.155. Знакомство поэта с Козловским состоялось еще в 1827 году. В 1833 году Жуковский хлопочет об увеличении пенсии Козловскому, сильно в это время нуждавшемуся. О Козловском см.: Струве Глеб. Русский Европеец: Материалы для биографии и характеристики князя П.Б.Козловского. Сан-Франциско, 1950; Френкель В.Я. П.Б.Козловский, 1783-1844. Л., 1978; Kennan George F. The Marquis de Custine and His «Russia in 1839». Princeton University Press, 1971 (по указателю). О Козловском и Жуковском см.: Струве. Указ. соч. С.72-73 и по указателю.

и смерти русских поэтов. Вспомним: на веку у Пушкина умирают Веневитинов и Дельвиг, сходит с ума Батюшков, погибает на валу Петропавловской крепости Рылеев, а в разгромленном русском посольстве в Тегеране — Грибоедов. По странному совпадению сам Пушкин умер в день рождения Жуковского, когда последнему исполнилось 54 года. Жуковский пережил своих младших современников Лермонтова, Кюхельбекера (адресовавшего ему свое литературное завещание); Языкова и — двумя месяцами — Гоголя. Долгожительством Жуковского стало словичным, хотя только и в узком кругу русских филологов. В 1940 году, в несравнимо более опасное — и не только для поэтов — время Б.Эйхенбаум писал Ю.Тынянову: «Вот уже настоящие сороковые годы, а мы — люди 20-х годов, вроде... Вроде кого? И сравнить-то не с кем! Я — вроде Жуковского, родился в 80-х годах, и дожил вот уже до 40-х»⁷.

Тема данной статьи — Жуковский на пороге счастья и за его порог. Помещаемые здесь письма Жуковского П.Б.Козловскому, которые последний получил за два месяца до своей смерти (26/14 октября 1840 года) в Баден-Бадене, были написаны в самый светлый период жизни поэта, когда, после полувека бессемейного существования, он узнал, что любим и что его ожидает супружеское счастье, которое еще много лет назад он отчаялся обрести.

Суженой Жуковского стала девятнадцатилетняя Елизавета фон Рейтерн, старшая дочь его старинного друга Гергарда-Вильгельма фон Рейтерна (1794-1865), художника и отставного гусарского офицера русской службы, которому в 1813 году оторвало ядром руку под Лейпцигом.

История последней любви поэта полна романтических деталей. Елизавета знала Жуковского с 1826 года по портрету, писанному ее отцом. Они впервые встретились в Швейцарии в 1832 году, когда Елизавете было 13 лет. Уже тогда 49-летний поэт произвел на нее большое впечатление. Они виделись изредка, раз в несколько лет, когда план или случай сводил Жуковского, сопровождавшего своего ученика, великого князя Александра Николаевича, в его путешествиях по Европе, с ее семьей. В июне 1839 года Жуковский провел 2 дня у Рейтернов в замке Виллингсгаузен. Там он понял, что любит Елизавету и ощутил надежду, что она отвечает ему взаимностью. В следующем году, после нескольких свиданий, во время которых в сердце поэта надежда чередовалась с отчаянием, Жуковский и Елизавета объяснились. Решающий разговор состоялся 3 августа 1840 года. Поэту тогда было 57 лет.

«...Вот уже 4 недели с этой блаженной минуты; оне пролетели для меня как одна минута, и эта быстрота приводит меня часто в страх и уныние. Всему на земле есть конец, и я в эту минуту чувствую себя столь вполне счастливым, что это не может продолжиться и должно измениться», — восклицает Жуковский в общем письме родным о своем предстоящем браке⁸. Поэт писал его в августе-сентябре 1840 года, то есть как раз в период, к которому относятся публикуемые здесь тексты. По-

⁷ Цит. по: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С.571.

⁸ Жуковский В.А. Собр. соч. Изд. 6-е. Т.6. СПб., 1869. С.777.

слание Жуковского родным занимает особое место в его эпистолярном наследии. Это — одно из самых длинных писем, сочиненных поэтом, представляющее своего рода ретроспективный дневник, в котором он с чрезвычайной точностью описывает не только свои переживания, но часы и даже минуты важных событий как в истории своей любви, так и в ее предыстории, — дружбе с Рейтерном, начавшейся еще в 1816 году.

Чувства, выраженные Жуковским в его письмах к Козловскому, перебиваются с настроениями, которыми исполнено его послание к родным.

«В этом совершенном незнании того, чему так скоро надлежало для меня решиться, вижу еще действие Провидения, которое, устраивая, без моего ведома, судьбу мою, как будто хотело, чтобы все предшествующее этому новому порядку жизни моей было вполне и без всякой тревоги кончено», — так поэт описывает свое состояние за четыре месяца до объяснения⁹. Отец Елизаветы прибыл в Дармштадт, чтобы вместе с Жуковским поехать в Дюссельдорф (это было за 4 дня до объяснения): «Он пришел за мною, чтобы меня взять, чтоб вдруг переселить туда, где я некогда жил и уже перестал жить мечтою, куда влекло и уже перестало влечь сердце, где ясный мир, где поэзия (бывший товарищ молодости и теперь ее представитель и замена); и я свободен, прошлая жизнь осыпалась с меня и лежит на моей дороге, как сухой лист вокруг дерева, воскресающего с весною»¹⁰. Узнав от Рейтерна, что Елизавета отвечает ему взаимностью, Жуковский с характерной для него страдательностью почувствовал, что счастье наконец пришло к нему: «И вдруг в одно мгновение из чаши судьбы Провидение вынуло мне жребий, с которым все, так давно желанное, разом далось мне»¹¹. Сравним эти слова со следующими строками из его второго письма Козловскому: «Желаю дожить на свете так, чтобы это было угодно Богу, который даровал мне мое теперешнее счастье... устроив его почти без моего ведома» (курсив мой. — Р.Т.).

В жизни Жуковского начиналась новая полоса: «Я гонюсь не за многим: жизнь спокойная, посвященная труду, для которой я был назначен и от которой отвлекли обстоятельства; жизнь смиренная, посреди домашнего круга, без забот о завтрашнем дне, с некоторым, весьма умеренным, если можно, избытком; деятельность, более обращенная на то, чтоб всему, что есть во мне доброго, дать большую твердость, чтоб все дурное или испорченное жизнью поправить, или привести в порядок, чтобы, наконец, расчесться как должно со всем здешним, подвести под жизнь итог и собрать как можно более на дорогу в другую жизнь; вот идеал моего земного счастья, которое стало мне гораздо возможнее теперь, нежели прежде. Для достижения к этому смиренному идеалу, у меня теперь есть верный товарищ...»¹². Такие же пасторальные настроения звучат в его втором письме к Козловскому: «Теперь

⁹ Жуковский В.А. Собр. соч. Изд. 6-е. Т.6. СПб., 1869. С.764.

¹⁰ Там же. С.772-773.

¹¹ Там же. С.769.

¹² Там же.

новая жизнь должна для меня начаться, мирная, свободная, смиренная, далекая от двора и света; именно та, которая была всегда мне по сердцу и для которой душа моя еще молода и жива; надеюсь, что и поэзия еще не во всем от меня отказалась».

В своих письмах к В.Ф.Вяземской, написанных в сентябре 1840 года, А.И.Тургенев, один из старейших друзей поэта, сравнивает состояние Жуковского с «счастливыми днями Белева»¹³, когда он полюбил свою ученицу Марию Протасову, дочь своей сводной сестры Екатерины. В 1805 году в уездном городе Белеве, в трех верстах от имения его покойного отца, молодой поэт начал давать домашние уроки двум сестрам, Марии и Александре, дочерям его сводной сестры Екатерины Протасовой. Маше тогда было 12 лет, Саше — 10. Жуковский полюбил старшую сестру, когда она еще была полуребенком; с младшей его на всю жизнь связала нежная дружба. Любовь между Жуковским и Марией Протасовой — одна из самых трогательных страниц в истории русской литературы. Мария, по словам биографа поэта, стала его «поэтическим созданием»¹⁴: он ее научил писать, думать, чувствовать, любить. В эту юную Галатею, вылепленную им по своему образу, Пигмалион-Жуковский вселил жизнь духовную. Мать Марии воспротивилась желанию молодых людей вступить в брак, и ни Жуковский, ни Мария не воспротивились ее решению; через несколько лет Мария вышла замуж за его приятеля И.Ф.Мойера, однако обреченная любовь поэта и его ученицы продолжалась до ее смерти в 1823 году. Борис Зайцев в своей биографии Жуковского назвал Марию «белевской Беатриче», но к ней приложимо и другое литературное сравнение — с поэтическими и жертвенными Татьяной Лариной и Лизой Калитиной.

Если белевские годы были первой идиллией в жизни Жуковского, дюссельдорфский период, начавшийся объяснением с Елизаветой и продолжившийся, когда после свадьбы 21 мая 1841 года они вместе поселились недалеко от Дюссельдорфа в изящном особняке, с балкона которого открывался прекрасный вид на Рейн, — стал второй.

Любовь Жуковского к Елизавете фон Рейтерн была отражением, в чем-то почти зеркальным, его любви к Марии Протасовой. Вновь среди семьи дорогих ему людей он встретил и полюбил девушку, которую знал еще полуребенком. Разница в возрасте теперь была не 10 лет, а 36. Но если мать Марии отказалась дать разрешение на брак и сделала все возможное, чтобы его предотвратить, родители Елизаветы были в стоворе с человеком, искавшим ее руки, — не для того, чтобы помогать ему, а чтобы дать дочери возможность самой, совершенно свободно сделать выбор. Мать Елизаветы была ее наперсницей, отец ее открыл Жуковскому тайну любви дочери.

В обоих случаях Жуковский воспринял благородно-пассивное отношение к возможности счастья. В ретроспективной хронике своей любви он писал: «...Приехав в Дюссельдорф, я не знал, что скажет мне это серд-

¹³ Остафьевский архив князей Вяземских (далее: ОА). Т.4. СПб., 1899. С.126.

¹⁴ Афанасьев В. Жуковский. М., 1987. С.81.

це, отдастся ли оно мне или нет; не хотел даже шагу сделать для того, чтобы склонить его к тому каким-нибудь убеждением»¹⁵. Жуковский, как Рудин в будущем романе Ивана Тургенева, исповедовал «покорность судьбе», но у него эта покорность была не выражением нерешительности или безволия, а того качества, которое английский поэт Уильям Уордсворт назвал «мудрой страдательностью» (wise passiveness). В альбоме Александры Воейковой, сестры Марии, Жуковский однажды оставил следующую запись: «Желать что-нибудь страстно, значит мешаться в дело Провидения»¹⁶. Да, в Жуковском не было страстности. Борис Зайцев, лучший из биографов поэта, так объяснял его характер: «...У Жуковского вообще голубая кровь, не в смысле барственности, а по отсутствию кипения жизненного. Это избавило его от многого тяжелого и грубого мужской юности. Мучеником пола он никогда не был — в этом его чистота, счастье и некоторый ангелический характер природы»¹⁷. «Ангелический» фатализм Жуковского отнял у него возможность счастья, когда в 1817 году воспитанная им в этом духе смирения с судьбой Мария вышла замуж за другого, — но и подарил ему счастье 33 года спустя.

Жизненным идеалом Жуковского был «земной рай», воспетый им в одном из своих стихотворений 1813 года. «Раем» он назвал Муратово, а его обитателей — Марию, Александру и их мать — «тремя ангелами». Когда Екатерина Протасова не дала согласия на счастье Марии и Жуковского, он потерял надежду жить в таком «подобном небу крае»¹⁸. В письме В.Ф.Вяземской от 9 сентября 1840 года А.И.Тургенев писал, что Жуковский, посвятивший с тех пор свою жизнь не поиску счастья, а служению друзьям, «отвоевывал себе рай, теряя его ежедневно» (il gagnait le paradis, en le perdant tous les jours)¹⁹. Слова Тургенева рисуют образ печального рыцаря из легенды о короле Артуре. Но теперь поэт (в письме к кн. Вяземской) славит обретенный им «новый рай своей души»²⁰.

Слово «рай» — одно из ключевых в поэтическом словаре Жуковского. Но рассмотрим семантический строй писем и стихов, в которых он говорит о своей любви, более подробно. В послании к родным Жуковский называет Машу и Сашу Протасовых «мои прежние ангелы», семью Рейтернов — «светлые, райские тени»²¹, а Елизавету Рейтерн — «тихий, добрый ангел»²². В стихотворении «9 марта 1823», которое поэт написал в память о своем последнем свидании с Марией Протасовой-Мойер, он говорит о ней так же — «тихий ангел»²³. Вот как Жуковский описыва-

¹⁵ Жуковский В.А. Собр. соч. Изд. 6-е. Т.6. С.775.

¹⁶ Русская старина (далее: РС). 1902. №4. С.190.

¹⁷ Зайцев Б.К. Жуковский. Париж. 1951. С.52.

¹⁸ Жуковский В.А. Собр. соч.: В 3 тт. М., 1980. Т.1. С.92.

¹⁹ ОА. Т.4. С.125.

²⁰ Цит. по: Веселовский А.Н. В.А.Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С.422. Прим.1.

²¹ Жуковский В.А. Собр. соч. Изд. 6-е. Т.6. С.756.

²² Там же. С.765.

²³ Жуковский В.А. Собр. соч.: В 3 тт. Т.1. С.299.

ет свое состояние в замке Виллинггаузен, когда он впервые понял, что вновь полюбил: «Старшая дочь Рейтерна, 19-ти лет, была предо мною точно как райское видение, которым я любовался от полноты души, просто как видением райским, не позволяя себе и мысли, чтобы этот светлый призрак мог сойти с неба и слиться с моею жизнью. Я любовался ею, как образом Рафаэлевой мадонны...»²⁴. В этих строках — сокровенный, мистический смысл: за много лет до этого, в 1821 году поэт побывал в Дрезденской галерее и провел там много часов. Перед Сикстинской Мадонной Рафаэля его посетило видение Богоматери²⁵.

В 1840 году, Жуковский, в надежде и благоговении перед возможностью счастья, нашел в образе Мадонны метафору своей земной любви, подобно тому, как некогда это сделал Пушкин:

О, молю тебя, Создатель,
Дай в близи ее небесной,
Пред ее небесным взором
И гореть и умереть мне,
Как горит в немом блаженстве,
Тихо, ясно угасая,
Огонь смиренная лампады
Пред небесною Мадонной²⁶.

«Эти стихи... сделались надписью к моей жизни», — писал Жуковский²⁷. Восемь строк, одно предложение: перед нами стихотворение, которое представляет собой единое синтаксическое целое. Первое четверостишие — это молитва; второе четверостишие является своего рода метафорической иллюстрацией к ней. Сначала автор говорит голосом богомольца, а затем — поэта. Такова тонкая тексто-геометрическая симметрия между началом религиозным и началом поэтическим в этом произведении. Семантический лейтмотив стихотворения — прилагательное «небесный», которое присутствует и в первой его части (где встречается 2 раза) и во второй (один раз). Смысловое и фонетическое ядро восьмистишия — архаическое «огнь», выделяющееся своею моносиллабической угловатостью, которая контрастирует с эвфонией четырехстопных белых хореев.

В отношении Жуковского к его возлюбленным было действительно что-то небесное. А может быть, он любил именно «небесный» тип женщины — мечтательную, эфирную, нездешнюю (Борис Зайцев сравнивает его отношение к Марии Протасовой с блоковским культом Прекрасной Дамы). Но не только он увидел в Елизавете земное воплощение своего идеала. Долли Фикельмон, встретившая невесту Жуковского во Франкфурте, писала 29 октября 1840 года: «Прелестна, ангел Гольбейна, один

²⁴ Жуковский В.А. Собр. соч. Изд. 6-е. Т.6. С.760.

²⁵ Зайцев. Указ. соч. С.131.

²⁶ Жуковский В.А. Собр. соч.: В 3 тт. Т.1. С.324. Как и многие другие поэтические произведения Жуковского, эти строки представляют собой переложение стихов иностранного поэта; здесь — австрийского поэта Н.Ленау (1802-1850).

²⁷ Русский библиофил. 1912. №7-8. С.115 (письмо А.П.Елагиной от 4 декабря 1840 г.).

из этих средневековых образов, — белокурая, строгая и нежная, задумчивая и столь чистосердечная, что она как бы и не принадлежит к здешнему миру»²⁸. А П.А.Плетнев в письме к А.И.Тургеневу, описывая портрет Елизаветы, привезенный Жуковским в Петербург, восторженно называет его «не портретом, а образом. Точно можно на нее молиться»²⁹.

Письма Жуковского к Козловскому передают состояние поэта, в молодости потерявшего свою «белевскую Беатриче» и отчаявшегося верить в возможность счастья, но теперь с благодарностью и благоговением его принимающего. Жуковский спешит сообщить своему другу о чувствах, которыми он исполнен, — смиренной радости и удивления, почти растерянности от драматического поворота в своей судьбе. Стихотворное начало присутствует во многих эпистолах Жуковского, но особенно поэтично второе из приводимых здесь писем, от 20 сентября, которое местами даже переходит в ритмическую прозу:

...В твоём добром, живом,
никогда не стареющем сердце.

Теперь новая жизнь
должна для меня начаться...

...Надеюсь, что и поэзия
не во всем от меня отказалась.

Невеста моя молода...

Жуковский не чувствовал себя стариком: любовь окрылила его. 28 августа он пишет Зонтаг: «...Вся моя личная жизнь помолодела»³⁰. Через три дня, в письме к графине Эдлинг, он восклицает: «Она любит меня так, как будто я был молодой человек»³¹. Посетив Жуковского в Дюссельдорфе перед его отъездом в Россию, старый его друг А.И.Тургенев писал А.Я.Булгакову: «Устроив дела свои в Петербурге, он возвратился к ней [т.е. к невесте. — Р.Т.] и к счастью супружества и проживет с ними на Рейне, под небом Шиллера и Гете, три года: между тем приготовят ему приют в Лифляндском его замке. Пора ему было — мечту всей жизни обратить в существование. Он говаривал: в жизни много прекрасного и без счастья, теперь узнает его лицом к лицу. Подруга его, кажется, искренно любит его и достойна быть его подругою — *quand même*»³². Он сохранил себя лучше нас, во дворце "дество сохранил еси" и целостность нравственную. Я нашел его моложе себя, а он годом старее»³³.

При чтении второго письма Жуковского к Козловскому неизбежно напрашивается сравнение с письмом, которое другой поэт написал накануне начала своей семейной жизни. 10 февраля 1831 Пушкин пишет

²⁸ Цит. по: Афанасьев. Указ. соч. С.341.

²⁹ Там же.

³⁰ Веселовский А.Н. Указ. соч. С.426.

³¹ Там же. С. 427.

³² Все-таки (*франц.*).

³³ Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С.238. (Афанасьев, неточно цитируя это письмо, ошибочно называет его автором А.Я.Булгакова. См.: Афанасьев. Указ. соч. С.341).

Н.И.Кривцову: «Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью»³⁴. Нельзя читать эти слова, сказанные почти en passant, не думая о том, что произошло в жизни поэта через 6 лет после его женитьбы. Письмо Кривцову читается если не как печальное пророчество — сам поэт снижает семантическое напряжение текста, когда в конце письма замечает, что у него «сплин», — то во всяком случае как подтверждение фундаментальной трагичности его брака. Ведь главная черта трагедии — это элемент непредопределенности, а читая эти строки, у нас возникает именно ощущение неизбежности утраты счастья.

Трагичность судеб русских поэтов — это трюизм. Державин, пощипантовски счастливый в старости, в этом смысле предстает среди них памятным исключением. Жуковскому было суждено прожить с женой лишь 11 лет. Только первые недели совместной жизни супругов были радостными. На пятом месяце беременности у Елизаветы произошел выкидыш; она едва осталась в живых. Рождение детей — Александры в 1842 году и Павла в 1845-м — подорвали здоровье матери. Следствием этого стала тяжелая нервная болезнь, которую Жуковский назвал «нравственной грустью». Он со смирением переносил трагедии семейной жизни, от которой когда-то ждал счастья. Страдания жены не позволили ему вернуться на родину. Замок в Лифляндии так и не увидел своего хозяина. Смерть в эти годы стала главным предметом, волнующим воображение поэта, спокойно чувствовавшего ее приближение и ожидавшего ее не с меланхолической резиньющей своих юношеских стихотворений, а с почти классической отрешенностью. В 1845 году он писал: «Промысел Божий... надел на эту беззаботную жизнь... венец семейного счастья, и это счастье досталось мне именно такое, какого я желал во сне и на яву; но венец этот есть венец божественный, следственно в него должны быть необходимо вплетены терны из того венца, перед которым все другие земные венцы исчезают»³⁵. Здоровье самого Жуковского постепенно ухудшалось. И в то же время — это годы создания произведений, не понятых большинством современников и до сих пор, может быть, не оцененных русским читателем по праву, — перевода

³⁴ Переписка А.С.Пушкина: В двух томах. М., 1982. Том.1. С.332. Трезвым, безрадостным настроением, стоической готовностью встретить будущие несчастья веет от этих строк. Интересно, что поэт избрал для своей исповеди человека, не принадлежавшего к кругу его коротких приятелей. В этом письме, написанном в посткарамзинском эпистолярном стиле зрелого Пушкина, за одним исключением — выражения «не в розах» — отсутствуют перифразы. Эти слова несут двойную семантическую нагрузку: это не только образная формулировка неверия в сентиментальный идеал семейного счастья (главная мысль письма), но в металитературной плоскости — декларативный отказ от литературной образности.

³⁵ Жуковский В.А. Собр. соч. Изд. 6-е. Т.6. С.790.

«Одиссеи», который был закончен в 1854 году после семилетней работы, и оригинальной поэмы «Агасфер», оставшейся незавершенной.

Вяземский считал поэму «Агасфер» — переложение знаменитой средневековой легенды — лучшим, что создал Жуковский. Эта поэма — литературное производное от ряда мощных художественно-мифологических пластов, традиционно привлекавших внимание писателей в эпоху романтизма. Кроме сказания о Вечном Жиде, в ней использованы Евангелие от Матфея, Марка и Луки, Откровение Святого Иоанна, мифологема пленного Наполеона на острове Святой Елены³⁶.

Жуковский — уникальное явление в русской литературе: он блестящ своей вторичностью. Его *oeuvre* в большинстве своем состоит из переводов, подражаний и переложений. То, что Тынянов назвал «переводностью» Жуковского, которая в 20-е годы вызывала критику не только «архаиста» Кюхельбекера, но иногда даже его друзей и литературных единомышленников, продолжало быть важнейшей особенностью творчества поэта и в последние годы жизни. Однако в предсмертных произведениях Жуковского, таких как перевод «Одиссеи» и поэма «Агасфер», все сильнее проявляются архаизирующие тенденции. Критика Кюхельбекера стала актуальной через 20 лет. В своей «Одиссее» Жуковский по собственному признанию стремился избежать «всякого шегольства... всякой украшенности... всякого покушения на эффект»³⁷. Этими же соображениями он мотивировал отказ от рифмы в своих поздних произведениях³⁸. Восхищенный Гоголь сказал о русской «Одиссее»: «Это не перевод, но скорее воссоздание, восстановление, воскресение Гомера»³⁹. Писатель тонко заметил особенность «вторичности» Жуковского, который в лучших своих произведениях как бы переписывал заново чужой поэтический оригинал, повторяя таким образом великий акт его создания⁴⁰. В творчестве позднего Жуковского мы видим тот «крепостной вымысел», в отсутствии которого упрекал его Пушкин в 1822 году. Стилизирующий, переводящий, перекладывающий, заимствующий Жуковский с годами становился не менее, а более самобытен, подтверждая верность замечания Шатобриана, что «оригинальный писатель — это не тот, кто никому не подражает, а тот, кому никто не может подражать». Перевод «Одиссеи» и поэма «Агасфер» завершают движение Жуковского от лирики к эпосу, начавшееся еще в 30-е годы, и представляют собой ху-

³⁶ Интересно, что в 1842-1846 годах, то есть в то же время, что и Жуковский, В.К.Кюхельбекер также работал над поэмой, озаглавленной «Агасфер»; как и одноименное произведение Жуковского, она осталась незаконченной: в обоих случаях смерть прервала работу поэта.

³⁷ Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 тт. Т.4. М.; Л., 1960. С.660.

³⁸ См.: Веселовский А.Н. Указ. соч. С.542.

³⁹ Афанасьев. Указ. соч. С.359.

⁴⁰ «Вторичность» Жуковского видна и в том, как, после многолетнего перерыва, он обращается к одному и тому же произведению дважды. Самый известный пример такого повторного обращения — его два перевода «Сельского кладбища» Грея (1802 и 1839); укажем также на стихотворение «Умирающий лебедь» (1827) и «Царскосельский лебедь» (1851).

дожественное осмысление и освоение поэтом того, что немецкий филолог Эрих Ауэрбах назвал двумя «основными типами» художественного отражения действительности. Этими стилевыми архетипами являются, соответственно, эпос Гомера и Библия: «Один — описание, придающее вещам законченность и наглядность, свет, равномерно распределяющийся на всем, связь всего без зияний и пробелов, свободное течение речи, действие, полностью происходящее на переднем плане, однозначная ясность, ограниченная в сферах исторически развивающегося и человечески приемливого. Второй — выделение одних и затемнение других частей, воздействие невысказанного, введение заднего плана, многозначность и необходимость истолкования, претензии на всемирно-историческое значение, разработка представления об историческом становлении и углубление проблемных аспектов»⁴¹. В поэме «Агасфер» Жуковский накладывает на первую из названных Ауэрбахом моделей повествования вторую. Герой поэмы по ходу ее действия функционирует в разных культурно-исторических измерениях и литературных контекстах. Так, в своей конфронтации с истекающим потом и кровью Богочеловеком, изнемогающим под тяжестью креста, который он несет на Голгофу, Агасфер — новозаветный персонаж. Он — обитатель библейского мира, где действуют парадоксы, где разворачиваются антиномии, где тезисы борются с антитезисами. Сын Человеческий, исполненный состраданием к Агасферу, приговаривает его как Сын Божий к страшной каре:

И наконец, с померкшими от мук
Очами, Он хотел остановиться
У Агасферовых дверей, дабы,
К ним прислонившись, перевесть на миг
Дыханье. Агасфер стоял тогда
В дверях. Его он оттолкнул от них
Безжалостно. С глубоким состраданием
К несчастному, столь чуждому любви,
И сетуя о том, что должен был
Над ним изречь как Бог свой приговор,
Он поднял скорбный взгляд на Агасфера
И тихо произнес: «Ты будешь жить,
Пока я не приду», — и удалился⁴²...

Но когда Агасфер посещает пленного Наполеона на мрачной скале, одиноко возвышающейся среди океана, чтобы рассказать ему свою судьбу, вечный странник предстает перед читателем фигурой из античного эпоса, что подчеркивается «гомеровскими» деталями его портрета:

...лоб
И щеки бледные, как белый мрамор,
Морщинами крест-накрест были
Изрезаны; одежда в складках тяжких,

⁴¹ Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976. С.44.

⁴² Жуковский В.А. Собр. соч.: В 3 тт. Т.2. С.411.

Как будто выбитых из меди, с плеч
До пят недвижно падала...⁴³.

Сам поэт считал русскую «Одиссею» своим «лучшим, главным поэтическим произведением»⁴⁴. По словам Бориса Зайцева, она стала для своего автора «формой жизни». И действительно, по страшной иронии судьбы Жуковский во время работы над переводом гекзаметров Гомера начал слепнуть. В конце жизни он был вынужден наносить слова на бумагу при помощи пишущего устройства собственного изобретения.

Мария Протасова однажды сказала автору «Светланы»: «Женись, Жуковский! Это единственное, чего тебе недостает, чтобы быть совершенным»⁴⁵. Опасные слова! Последние десять лет жизни Жуковского, когда он, наконец, обрел то, что он «желал во сне и наяву», стали печальным подтверждением слов другого поэта — его младшего современника Роберта Браунинга:

То, что достигло совершенства, — погибает,
Уроки мудрости земной в раю применим...⁴⁶.

ПИСЬМА В.А.ЖУКОВСКОГО К П.Б.КОЗЛОВСКОМУ

I

Дюссельдорф. 14 сентября 1840

Мой любезный друг, спешу ответить, как могу, на твой запрос. Начну тем, что этот запрос не весьма обстоятелен, ибо ты мне вместо одного имени прислал два: *embarras de richesses*¹. Которое из них настоящее? Однако мне удалось кое-что узнать о твоём *Steutz* или *Stentz*. Здесь об нем не совсем благоприятные слухи; живет или жил между Иердингенем и Эммертом [?] в деревне, ни с кем в Дюссельдорфе не знаком, теперь должен быть в Кобленце. Вот все, что мне об нем сказали. Леди Росс слывет его теткой; но здесь полагают, что *etc.*, *etc.*..... Вот все мои вести; из них тебе не много будет добра; но чем богат, тем и рад. — Я живу в Дюссельдорфе; а зачем, это скажет тебе княгиня Вяземская². Ты же, как добрый друг, пожелай мне счастья. Хорошо бы ты сделал, когда б меня уведомил о себе. Обнимаю тебя всем сердцем

Жуковский

⁴³ Жуковский В.А. Собр. соч.: В 3 тт. Т.2. С.416.

⁴⁴ Письмо А.И.Тургеневу от 11 ноября 1847 г. // РС. 1892. №4. С.393.

⁴⁵ Цит. по: Афанасьев. Указ. соч. С.345.

⁴⁶ «Старинные картины во Флоренции». Перевод мой — Р.Т.

[На адресной стороне:]
A Son Excellence
Monsieur le Prince
Koslovsky
à Bade-Bade
[Штемпель:] Dusseldorf, 16

¹ Избыток богатств (*франц.*)

² Поэт имеет в виду свою предстоящую женитьбу. В это время он жил у Рейтерна (см.: ОА. Т.4. С.125). В.Ф.Вяземская в сентябре 1840 года находилась в Бадене, где жил и Козловский.

II

20 сент[ября]/2 октября 1840. Дюссельдорф

Мой милой князь, от всего сердца благодарю тебя за твое любезное письмо и за выраженное в нем дружеское участие в судьбе моей. Мне было бы весьма приятно в эту минуту видеть тебя и поделиться с тобою своими новыми чувствами: на них был гармонический отзыв в твоём добром, живом, никогда не стареющем сердце. Теперь новая жизнь должна для меня начаться, мирная, свободная, смиренная, далекая от двора и света; именно та, которая была всегда мне по сердцу и для которой душа моя еще молода и жива; надеюсь, что и поэзия еще не во всем от меня отказалась. — Невеста моя молода, и, если справиться с календарем, то можно сказать, что она мне не по летам. Несмотря на их неравенство, этот союз есть союз любви. Как могло это случиться, я еще и теперь не понимаю; но оно так; и я могу смотреть на свое будущее с ясною надеждою. Тем более, что мои требования от судьбы весьма, весьма смиренны. Желая дожить на свете так, чтобы это было угодно Богу, который даровал мне мое теперешнее счастье сам, устроив его почти без моего ведома. — Через две недели я отправляюсь в Петербург¹; потом через полгода опять буду в Дюссельдорфе, где и начнется моя семейная жизнь. Ты как? Что намерен начать? весьма бы было мне приятно получить от тебя известие. Поклонись княгине Вяземской.

Поручение твое я старался исполнить, но плоха удача. Первые мои известия о твоём Корнелиусе Сталце, хотя и неудовлетворительные, и из неверного источника, были однако известия. То, что теперь посылаю тебе не можешь назвать и известием, хотя доставлено мне таким человеком, которому здесь должно быть все известно, именно президентом провинции Бароном Шпигелем. Посылаю ответ его в оригинале. Не моя вина, что из этого

ответа ты совершенно ничего не узнаешь. — Если что удастся услышать или узнать, о том немедленно уведомлю.

Прости любезнейший друг. Обнимаю тебя. Выздоровлявай.
Жуковский

¹ Жуковский уехал из Дюссельдорфа 13 октября 1840 года. См. письма Александра Тургенева Булгаковым. С.238.

ПИСЬМО В.А.ЖУКОВСКОГО К СКУРИДИНУ¹

[после 21 мая/2 июня 1841 года]²

Прошу вас притти к нам несколько прежде двух часов — мы обедаем нынче ровно в два часа, ибо у нас будет мой Тесть Рейтерн, который всегда в этот час садится за стол. Буду вас ждать /.../ второго.

Пятница

Жуковский

[На адресной стороне:]

M. de Scouridine

Hotel de Paris

¹ Полное имя адресата мне не удалось установить. [См. примечание редактора на с.76].

² Датируется на том основании, что свадьба Жуковского состоялась 21 мая/2 июня 1841 года.

2. К ИСТОРИИ ДРУЖБЫ ДВУХ ШПИОНОВ

Неопубликованное письмо Н.И.Греча Я.Н.Толстому

Наряду с бумагами князя П.Б.Козловского в собрание «Переписка, относящаяся к русским, жившим в Париже в 19-м веке» Отдела Рукописей французской Национальной Библиотеки вошел и парижский архив Якова Николаевича Толстого¹. Соприсутствие в одном и том же фонде бумаг двух столь различных фигур — светского льва, тайного католика, салонного оратора, и русского политического агента, несколько необычно. Но таковы тайны архивных лабиринтов...

В фонде Козловского — Толстого среди адресованных Я.Н.Толстому эпистол хранятся несколько кратких писем Н.И.Греча. Наибольший

¹ О деятельности Я.Н.Толстого в Париже см.: Тарле Е. Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение. // Лит. наследство. Т.31-32. М., 1937. С.563-662.

интерес из них представляет письмо от 21 апреля/3 мая 1849 года, написанное Гречем в Париже после демонстрации Первого Мая, в период, когда силы революции были уже истощены. 10 декабря 1848 года Луи-Наполеон был избран на пост президента республики; в феврале 1849 года Учредительное собрание под его давлением проголосовало за свой досрочный самороспуск; а 13 мая состоялись выборы в Законодательное собрание, на которых победили сторонники трех исторических династий Франции — легитимисты, орлеанисты и бонапартисты.

Отношения между агентами, жившими на дне литературного мира, были, похоже, дружескими, хотя и неравноправными: автор письма явно заискивает перед своим влиятельным адресатом. Из его содержания явствует, что Греч одно время надеялся на получение в Париже какого-то «места», которое, быть может, в глазах правительства сделало бы его коллегой Толстого не только *de facto*, но и *de jure*. Издатель «Северной пчелы» в этом случае вполне оправдывает язвительную характеристику, данную ему одним из современников:

Писатель дивный сей достоин дивной чести
Сисмонди, Генгене он славу помрачил...
И он историю словесности слепил
Из списков послужных, пристрастия и лести².

ПИСЬМО Н.И.ГРЕЧА Я.Н.ТОЛСТОМУ

21 Апр[еля] (3 мая) 1849. Париж

Любезнейший Яков Николаевич! По отпуске сего письма, остаюсь жив и здоров: вот все, что могу написать вам. Новостей здесь, кроме газетных, никаких не знаю. Только нация веселилась и шумела I-го Мая; не было бед, но и не было никакого увлечения. Пашкова видел я мельком: он велел вам искренно кланяться. Лазар, Голицын и прочие идут своим чередом. Так как я большую часть сведений о внутреннем Париже получал от вас, то, без вас, не умею ничего сообщить вам. После удивительной речи, сказанной вчера Тиером¹ в Уезуитане, стали поговаривать о его *gentrée*². Гизо отпевают³.

С нетерпением жду известий о благополучном прибытии вашем в Град Св. Петра и еще с большим — уведомления, что вы оставляете град любезный. — Вы меня истинно одолжите, если, в случае несомненного не исполнения моего предположения о получении здесь места, уведомите меня дружески и откро-

² Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX века. Л., 1975. С.431. Библиотека поэта (большая серия). Автор этой эпиграммы, опубликованной в 1829 году, скрывался под инициалами И.Б — ь.

венно, après avoir sondé le terrain⁴, оставаться ли мне еще здесь или поворотить оглобли в Россию, чтоб не попасть на черную доску.

Простите! Будьте здоровы и помните меня.

Ваш радеющий

Н.Греч

Я был у Графини Анны Николаевны в ее святой праздник, но ее не мог видеть. Милые ее дети здоровы и вам кланяются. Поклонитесь от меня Николаю Сергеевичу⁵ и напомните ему, как хороша Каролина.

[На адресной стороне:]

Его Высокоблагородию

Милостивому Государю

Якову Николаевичу

Толстому

В дом Н.В.Всеволожского,

на Английской набережной

¹ Адольф Тьер — (1797-1877) — французский историк и государственный деятель, игравший видную роль в политической жизни страны в царствование Луи-Филиппа. К власти Тьер возвратился лишь после падения Наполеона III, когда, подавив Парижскую Коммуну, он стал первым президентом Третьей Республики.

² Возвращении (*франц.*)

³ Франсуа Гизо (1787-1874) — французский историк и государственный деятель, ведущая фигура на политической арене в период июльской монархии. С 1847 по февраль 1848 года занимал пост премьер-министра и был свергнут в результате февральской революции, после которой жил в изгнании в Англии.

⁴ Прозондировав почву (*франц.*)

⁵ Н.С.Всеволожский (1772-1857) — отст. подполковник, литератор и путешественник, знакомый Пушкина.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

Позволим себе высказать суждение касательно личности адресата публикуемой Ричардом Темпестом весьма любопытной записки Жуковского (с.73). По нашему мнению, это, конечно же, Михаил Сергеевич Скуридин (ок.1795 — 25.1.1872, н.ст.), отставной майор, похороненный на кладбище Watignolles (см.: Андерсон В.М. Русский некрополь в чужих краях. Пг., 1915. Вып.1. Париж и его окрестности. С.81). Его знакомство (по-видимому, довольно близкое) с Гоголем уже привле-

кало к нему внимание историков русской литературы. Сохранилось три письма Скуридина к Гоголю; одно (от 25 июля 1850 г., хранится в ОР РГБ) опубликовано в кн.: Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т.4. С.833; другое (от 6 февраля 1851 г., хранится в Институте литературы Украинской Академии наук в Киеве) в печати известно лишь по отрывку, приведенному в комментарии А.Н.Михайловой (в кн.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1952. Т.14. С.431), а третье (от 13 сентября 1851 г., хранится в Полтавском музее Гоголя) напечатано Вас.В.Гиппиусом в кн.: Н.В.Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т.1. С.133-138; упоминания о М.С.Скуридине в письмах Гоголя к гр. А.П.Толстому см. в кн.: Гоголь Н.В. Указ. соч. Т.13. С.333, 352, 355; Т.14. С.144, 195, 202; письма Гоголя к Скуридину — несомненно существовавшие — до нас не дошли. Биография его неизвестна; Вас.В.Гиппиус, автор самой подробной биографической справки о нем, ограничился указанием на то, что Скуридин был, по-видимому, близок к высшим бюрократическим кругам, и сообщением некоторых сведений о его брате действительном статском советнике Николае Сергеевиче Скуридине (ок. 1781 - 18.11.1870) — см.: Н.В.Гоголь: Материалы и исследования... С.148.

Едва ли не большая часть второй половины жизни М.С.Скуридина прошла за границей. Из его статьи «Вновь» (Сев. Пчела. 1858. №126. 11 июня. С.557-559), написанной в Спа в мае 1858 г., видно, что он жил в этом городе уже в третий раз (первый в 1822 г., второй — в 1848 г., по дороге из Парижа, где провел полтора года), в 1843 г. находился в Франценсбаде, а в декабре 1857 г. — в Берлине. Парижские события 1848 г. описаны Скуридиным в мемуарной статье «Достопамятные дни» (Там же. №140. 27 июня. С.613-615, помета: Спа, 18/30 июня 1858), в которой также не скрыт многолетний опыт пребывания во Франции. О существовании у Скуридина итальянских связей можно судить по письму к нему гр. А.П.Толстого 16 ноября 1847 г. (н.ст.): «Об Неаполе и здешних Ваших друзьях говорить мне нечего» (ОР РГБ. Ф.11/1. Карт.71. Ед.хр.28. [Л.2об.]); здесь же сообщается: «Гоголь здоров и вам очень кланяется; собирается в Иерусалим, — но еще не скоро, а когда, он, я думаю, и сам не знает. — Других русских мне знакомых нет»). Может быть, перу Скуридина принадлежит некролог скончавшегося в Риме графа В.Д.Олсуфьева (Сев. Пчела. 1858. №57. 13 марта. С.272, подписано: М.С.).

Рассказывая в письме к А.П.Толстому 25 октября/6 ноября 1858 г. о своем очередном долговременном пребывании в Париже, М.С.Скуридин сообщает, в частности, что он «исполняя свою обязанность, являлся к графу Павлу Дмитриевичу, только что тогда возвратившемуся из Остенда» (ОР РГБ. Ф.11/1. Карт.69. Ед.хр.30. [Л.1об.]). Этот визит по обязанности к российскому послу во Франции гр. П.Д.Киселеву мог носить совершенно нейтральный характер, но в совокупности с фактом тесных отношений Скуридина с русским резидентом в Париже гр. Я.Н.Толстым (они видны и из того же письма к А.П.Толстому и из письма А.П.Толстого к нему от 6/18 сентября 1847 г. — ОР РГБ. Ф.11/1.

Карт.71. Ед.хр.28 [Л.1]), он может, как представляется, до некоторой степени объяснить удивительную осведомленность Скуридина, позволившую ему оперативно переслать Гоголю (при письме 13 сентября 1851 г. из Петербурга) касающиеся писателя выписки из брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России», экземпляр которой «парижский префект полиции Карлье прислал к государю императору» (Н.В.Гоголь: Материалы и исследования... С.133; выписки см.: С.34-136), — можно думать, что связи Скуридина — организационные или дружеские — с российской зарубежной резидентурой и представителями соответствующих ведомств в Петербурге были достаточно разветвленными. Возможно, что некоторый намек на какие-то особые функции русского путешественника Михаила Скуридина можно усмотреть в адресованном к нему в Париж письме гр. А.П.Толстого от 27 ноября 1858 г.: «Если бы послание Ваше было для почты слишком пространно, то, вероятно, нет препятствия переслать таковое с курьером; между прочим, наш Священник на то имеет неотъемлемое право и, верно, возьмется пересылать мне Ваши письма» (ОР РГБ. Ф.11/1. Карт.71. Ед.хр.29. [Л.1-1об]).

Знакомство Скуридина с Жуковским документировано двумя его письмами к Гоголю 1851 г. (Н.В.Гоголь: Материалы и исследования... С.133, 148); поэтическая цитата из Жуковского находится в упоминавшейся статье Скуридина «Достопамятные дни».

Может быть, брата Скуридина следует вспомнить, размышляя о том, какому именно Николаю Сергеевичу Греч просит поклониться Я.Н.Толстого в чрезвычайно ценном письме, публикуемом Р.Темпестом (см. с.73). Во всяком случае, выразим сомнение в возможности предлагаемой публикатором идентификации этого лица с жившим в Москве Н.С.Всеволожским.

Публикации

Загряжский М.П.
ЗАПИСКИ (1770-1811)

Публикация В.М. Боковой

Мемуары, посвященные второй половине XVIII в., немногочисленны. В числе наиболее известных — воспоминания А.Т.Болотова, Ф.Ф.Вигеля, С.Н.Глинки, Л.Н.Энгельгардта и др., — все людей мыслящих, многое и многих видевших, запомнивших и описавших; здесь и картины исторических событий, и портреты государственных мужей и деятелей культуры, и придворные сцены, и собственные рассуждения...

«Записки Михаила Петровича Загряжского (1770-1811)» не таковы. Читатель не найдет здесь ни эпических картин, ни имен мыслителей или поэтов, ни характеристик известных людей. Сфера записок М.П.Загряжского (1770-1836) — повседневная жизнь с ее мелкими и мельчайшими событиями, и притом жизнь человека, не обремененного излишним образованием, чуждого каким бы то ни было умственным интересам, совершенно аполитичного, — обычного, рядового человека, каких тысячи. И в этом их ценность и уникальность.

Все, что известно об М.П.Загряжском, читатель найдет в самих воспоминаниях. Дворянин, с младенчества записанный в полк, как было принято в екатерининские времена, кое-как обученный, он еще ребенком начал военную службу, сделал две кампании (как тогда говорили): Турецкую и Польскую, затем вышел в отставку. После смотрин многочисленных невест женился; думал, что по расчету, а оказалось — по любви... Жил в деревне, вел хозяйство, служил по дворянским выборам. Нажил кучу детей, схоронил жену, дождался внуков, наконец, умер сам. Типовая биография, типовые обстоятельства... Типовые для своего времени и своей среды — среднепоместного дворянства второй половины XVIII века.

В Воспоминаниях немало примечательного. Ну вот, скажем, жизнь и быт молодого военного человека. Многое, несомненно, здесь удивительно и курьезно — и едва ли не двенадцатилетний мальчик в роли генеральского адъютанта, и рядовой, «отсидевший» ноги караульному унтер-офицеру... Но, пожалуй, самым неожиданным будет представший перед глазами внутренний «срез» русской армии последних десятилетий XVIII века. Тут, несомненно, поразят, например, те отношения, которые увидит читатель между победителями и побежденными — что в Турции, что в Польше... Но не менее удивительна и сама армия, какой она предстает со страниц записок. Ведь, в сущности, большин-

ство из нас о тогдашней армии ничего не знает. Со школьных лет смутно представляются несчастные, забытые солдаты, взятые «от сохи», от ужасов крепостного права, и попавшие в новое крепостничество к офицерам-держимордам, на фоне которых только и выделялся, что Суворов с его человечностью.

И вот она перед нами в записках Загряжского, эта крепостническая армия. И что же? Солдат — спокойный, раскованный, без малейшей приниженности, сознательный. Офицеры — отнюдь не тираны, относятся к рядовым с симпатией и добродушием... И создается впечатление, что сам дух этой армии, в которой поощрялась инициатива и воспитывалось чувство чести, готовил грядущие Очаков, Альпы, Бородино.

Кроме «войны» в записках Загряжского есть и «мир». И в этой мирной жизни чего только не встретишь: и странную методику домашнего обучения, и диковинные нравы учебных заведений, и достойные Гоголя сцены семейного имущественного раздела, и азартные троечные гонки, и поездки на богомолье... И, наконец, подлинную энциклопедию тогдашних любовных отношений, в которой есть все: первый эротический опыт, техника флирта, посещение «дев радости», мгновенный и грустный походный роман, идеальное, платоническое увлечение, наконец, сватовство и женитьба, после которой, что показательно, эротика из воспоминаний исчезает.

«Записки» необыкновенно отчетливо рисуют и личность самого автора. Есть в нем, пожалуй, что-то от Петруши Гринева, только поставленного в совсем иные, нежели у Пушкина, обстоятельства.

Загряжский, прежде всего, человек чрезвычайно цельный. Он лишен каких бы то ни было «комплексов»; колебания, как и угрызения совести, ему не свойственны. Он всегда доволен собой и миром, принимающая действительность такой, какова она есть. Ему легко и выгодно в устоявшихся нормах и обычаях, и поэтому он до мозга костей человек своей эпохи.

Он далеко не глуп, но умственный кругозор его узок, память девственна... Заметьте, как и что он вспоминает на старости лет — какие мелкие события, какие несущественные разговоры, и с какими подробностями... И каков отбор: бывал в театре, но ни одного описания театральной постановки; ездил на дворцовые балы, но ни одного не счел достойным увековечения. Его не интересует политика, он равнодушен к книгам, зато подробно и с восторгом описывает образцовый коровник, виденный где-то в Польше! Запросы души его сполна удовлетворяются охотой, скорой ездой, песельниками... Тут и страсть, и упоение, и азарт — причем азарт чисто русский.

Цельность Загряжского проявляется и в том, что он совершенно свободен от злобы, зависти, предубежденности — будь она сословная или национальная. И неприязнь его, и ссоры всегда личностны и удивительно добродушны, — в сущности, он ни о ком не пишет плохо.

И вот еще что необыкновенно: почти не учившийся, мало читавший — разве что под старость на покое стал заглядывать иногда в ро-

маны, — он пишет хотя и безграмотно, но чрезвычайно хорошо. *Лзык* точный, гибкий, образный, описания емки и лаконичны, каждый персонаж как на ладони, — и при этом сохранено ощущение живой разговорной речи двухсотлетней давности... Замечательно в старину умели писать мемуары!

***

Записки М.П.Загряжского публикуются по автографу, хранящемуся в архиве известного историка, издателя журнала «Русский архив» П.И.Бартенева (РГАЛИ. Ф.46. Оп.2. Ед.хр.248). Рукопись готовилась к печати: сохранились редакторские пояснения, сделанные на полях и между строк карандашом (рукой П.И.Бартенева?), но публикация не состоялась — возможно, из-за чрезмерной, на взгляд читателя второй половины XIX века, фривольности изложения.

В настоящем издании опущен лишь приложенный к запискам самостоятельный отрывок «Сочиненная 1812 года во время нашего шествия французов и с прочими иноземцами на Москву сказка».

Орфография и пунктуация текста приближены к современной. Сохранены некоторые языковые особенности, характерные для речевой манеры мемуариста (квартера, ндравиться, порудчик, фелдмаршел и т.п.). Фамилии и географические названия даются в транскрипции автора (при наличии двух редакций — в первой из них).

После всех праздников коронации в 1826-м году октября 15-го дня¹ выехал я с моим семейством из Москвы в Танбовскую деревню. Погода была наипрекраснейшая, какая только в оное время быть может, но оною воспользовались только один день. На другой пошел дождь, мы, сидя в карете, четверо занимались разговорами, чтением и старались вояж наш сделать как можно веселее, но безустанной дождь, туман и сделавшаяся грязь навели непреодолимую скуку; так все молчали, дремали и каждый занимался собою.

В это время пришло мне в голову написать разные происшествия, в течение моей жизни бывшие. Мысль оную я объявил сидящим со мною дочери, внучке и девице П.И.Б., которая была принята для воспитания восьмилетней моей дочери в 1817-м году и уже живет с нами как семьянинка. Все они вдруг одобрили мое мнение и приставали ко мне, чтоб я исполнил это намерение. Я

внутренно смеялся, как можно приступить к описанию жизни такому человеку, которой никогда не занимался поэзией и не имел красноречия, тогда как и порядочных сочинителей пересуживают по-своему и осуждают; так неравно и моя жизнь попадетя какому злоязычнику, то так переверотит и заговорит, что глаз никуды показать нельзя будет; но думая, что я буду писать не для любопытных читателей, а для детей своих и единственно только то, что сам сделал, при мне случилось или самое важнейшее от самовидца слышанное, и дал им слово, когда на досуге опишу все, что вспомню. После сего они просят, чтоб я что-нибудь рассказал бывшее со мной. Рад был чем-нибудь их занять, сказал несколько смешных происшествиев. Им очень пондравилось, а мне приятно было вспомнить ребячество и молодость, и в описании моем будет и такое, которое может послужить детям в пользу, особенно сыновьям, а иногда читают же они вымышленные незначущие романы, так, верно, приятней им будет прочитать случившееся с отцом. Для них предпринял написать, что вспомню.

***

По восьмому году моей жизни семейство наше состояло из отца с матерью, сестры и пяти братьев². Сестра всем большая называлась Екатериной, за ней братья Федор, Александр, я, т.е. Михаил, Алексей и Дмитрий Петровичи. По причине болезни матушки, батюшка поехал с нею, с сестрою и большими братьями в Москву, а меня с двумя меньшими оставил в селе, приставя ко мне дядькою из своих людей незнающего грамоте. Приказано ему было, чтоб я под его надзором продолжал учение, что он и исполнял в точности. В это время я едва мог читать и худо писал, но в назначенное время он меня сажал читать, сам сидел безотлучно, повторяя: читайте, батюшка. Я не знал, что читал, а он не понимал, и оба проводили так часы моего ученья. Потом заставлял писать, уговаривая страничку написать хорошенько — «повезет кататься». Нередко бывало заложут дрожки и дожидаются конца моего уроку, но как бы я ни старался, да к несчастью ежели капнул или как нечаянно замарал, то уже никакие уверения не могли его уговорить. Дрожки отъезжают, а мне твердит: «зачем капнули». Итак, я за все старание награждаюсь своими слезами. Вот как приохочивали меня к ученью.

В Москве матушка умерла. От нас скрывали, но хоронить привезли в это село. Посланные вперед женщины и девушки и прочие люди, бывшие в Москве, встречаются мне в черных пла-

тнях с плерёзами³. Я еще не знал траура и мне очень не пондравилось. Спрашиваю, отчего они так одеты? — «Очень пыльно, так цветное замараешь». — Удовольствовавшись ответом, пошел в горницу. Приезжает батюшка и братья, а сестра оставлена в Москве у приятелей наших родителей, г-на К[аковинского]⁴: они имели одну дочь, с коею [сестра] и жила вместе до тех пор, пока вышла дочь их замуж. Бегу с распростертыми руками к батюшке, вижу его в слезах; он, увидя меня, зарыдал; я испугался и остановился. Он взял меня на руки, поцеловал, потом меньших братьев. Я подбегаю [к] большим, спрашиваю, где матушка и о чем батюшка плачет. Сказывают, что она скончалась, от сего огорчения он плачет; и я заплакал. Батюшка посадил меня к себе на колени, с слезами говорит, что он ничего более не желает, как гробовую доску. Я, не умея разобрать значения оного, отвечал: «Да, папенька, кабы Бог дал вам золотую!» — Когда он меня отпустил, то братья, браня меня за тако[й] ответ, растолковали мне значение батюшкиных слов. Тогда я вообразил, что батюшка тоже умрет, расплакался и говорил: «Мы останемся одни, так что же с нами будет!..», — но как младенца [меня] скоро заняли другим.

После сего мы долго прожили в деревне; никакого значительного случая не помню. Поехали в Москву, что было в 1776-м году. Меня отдали в пансион г-на Утгова, состоящий в немецкой слободе, а большие братья учились в университете. Тогда еще не было благородного университетского пансиона, а казенные и своекоштные учились вместе, так и назывались. Надо мной в пансионе случилось первое наказание в жизни. Легли спать; ученикам вздумалось над одним шутить, рассказывая про него разные выдуманные басенки; я также вовлечен prodчими в то же. Учитель несколько раз выходил, унимал, но как скоро уходил, мы опять начинали смеяться и шутить. Поутру троих высекли, а мне надели розгу на веревочке через плечо и поставили в угол. Это меня так огорчило, что в продолжении всего класса я плакал. Наказанные мои товарищи подходили ко мне уговаривать, ставили в пример себя, говоря: «Нас высекли, но мы уже и забыли», — а мне казалось, что я более их наказан, и до самого прощения был в слезах. По прошествии полугода меня взяли домой, опять ученье мое кончилось; редко брал книжку в руки, более проводил время в ребяческих резвостях.

Между тем отец наш, беспрестанно занимая, впал в неоплатные долги. Имение и московский дом были уже заложены, доходов не доставало на проценты. Батюшка, думая себя поправить, завел суконную фабрику, препоруча ее дворовому человеку,

выученному ткать сукна, в полное его распоряжение, сам со всеми нами поехал в Москву, а как мастер сей был лет 25-ти, то вместо дела занимался любовным волокитством. Баб, которые не ответствовали его желаниям, и крестьян, не позволявших женам обращаться с ним в любви, придираясь, наказывал, что совершенно их озлобило. Все село до двухсот душ, распродав все свое имущество, собравшись с женами и детьми, своевольно отправились в Екатеринославскую губернию. Тогда состоялся указ: которые живут за границей российские беглые⁵, прощаются, позволяется им выходить и селиться в сказанной губернии. Они перетолковали по-своему, уверяли, что всем беглым из России так же можно. Множество из Калужской и других губерний бежали туда; принуждены были подать просьбу в калужское губернское правление, которое, нарядя команду, состоящую из несколько старых гарнизонных солдат, которые не в силах были сами остановить, дошли с ними до Медынского уезда, где была господина Ганчерова⁶ фабрика, взяли сот шесть понятых, окружили их, — в том числе был и мастер, который, зная свою вину, не смел уже остаться, с ними же отправился. Его и прочих начинщиков тут же наказали, и возвратили обратно в село, но прочие, которые не попали в оцепление, человек до шестидесяти, бежали. За ними батюшка послал брата Г.П.: он нашел их на месте, водворившихся уже на Днепре у одного помещика. Он имел открытый лист, по которому, взяв команду, забрал всех, которые попались, и привел, но и тут многие остались там.

Кредиторы, слыша такое расстройство, приступили с требованиями. Третья часть сего села, как крестьян, так и земли, была заложена г-ну Казаринову, который, предъявля закладную, взял по оной в свое владение. Тогда по закону, буде в 2 года имение не выкупится, то она обращается в купчую⁷, и так мы получили соседа, с которым надо было все делить в полях, лугах и лесах, отдавать третьи жеребеи. Когда приезжали в Москву, жили еще на своем дворе во флигеле, а большою дом отдавался внаймы. В нем жил князь Кантемир⁸, у него был воспитанник. К нему ходил учитель по урокам; батюшка упросил, чтоб и я вместе с ним занимался учением, когда же учитель уходил, мы начинали играть в карты, в горку. Мой товарищ был постарей меня, разными манерами старался обыграть. Купил он складной ножик довольно широкой, показывал мне и раскрытой положил к себе на колени, и когда сдавал карты, смотрел вниз. Я заметил, что он в лезвие видит, какие карты ко мне идут, разругал его и перестал с ним играть, ходил только, когда приходил учитель, прочее время бегал по двору, лазал на голубятню, гонял

чистых голубей и турманов. Вышесказанной безграмотной мой дядька был охотник и ходил за ними. Тогда в Москве многие благородные в пожилых годах занимались этой охотой, на редком дворе не было голубятни. Сзади нас жил г-н Ревреинов, лет слишком сорока, имел хорошее состояние, дом большой и бельведер, в котором держал голубей, а сверх оного был тайник (так называлась сетка, которою крыли чужих голубей). Для меня не было более удовольствия, как поймать его голубя. В этой науке я довольно успел [строка нрзб.], а о полезных науках мне в голову не шло, да никто об них мне и не говорил.

Брата Алексея батюшка отдал на воспитание дяде нашему Николаю Сергеичу Батурину. Он был холостой и преклонных лет, хотел его усыновить. Взяв его, поехал в деревню и прожил с ним с год. Деревня его была от Москвы не более 20 верст, так мы нередко виделись, да и дядя часто приезжал в Москву. Занялось ему ехать в Петербург, то до прибытия своего брата оставил у нас, который вскоре умер воспою. Тогда коровьей воспы еще не знали, настоящею прививать не смели. У наемщиков большого дома людские ребята лежали в воспе, предосторожности никакой не брали. Когда они стали выздоравливать, брат с ними по ребячеству резвился, от них пристала и к нему.

Это было в 1779 году. Батюшка, взяв нас четверых, поехал в Петербург, по приезде больших записал в Преображенский полк, меньшого отдал в кадетский корпус, а меня в пансион к м-г Вильневу. Жена его, старая и злая, меня полюбила, обедать сажала возле себя. Она любила есть лягушек и часто для себя готовила; хотела, чтоб я ел; однажды уговорила. Я отведал — очень не пондравилась. В дополнение я видел, как рыбак принес полную лохань превеличайших зеленых [лягушек]. Живые еще больше сделали отвращение. После сего сколько она меня ни уговаривала, я не мог есть; то и оставила на мою волю.

Батюшка оставил при мне малого вместо камердинера и женщину в прачки, но по отъезде его мадам сделала другое распоряжение: человеку не велено за мной ходить под предлогом, что я-де сам умел одеться и причесаться (тогда ходили в пуклях и косе), а он заступил место наемного слуги убирать комнаты, накрывать постель и служить пятидесяти шести человекам; женщине отдала ключи от кладовой. Она давала мне иногда яблоч, черносливу, изюму, что по ребячеству мне было приятно, но недолго продолжалось. Хозяйка хотела, чтоб она была кухарка, прачка и клюшница, чего никак невозможно было успеть, а притом сварливость хозяйки принудили ее отойти. Малой также был обременен разными должностями сверх сказанного, ездил за ка-

ретой, когда учитель выезжал или его сожительница, и во всем доме осталось их только двое: он вверху, да кучер при паре лошадей; он же был и за дворника. Малой стал просить моих братьев, рассказав невозможность ему жить; они его и взяли.

Месяца через четыре вступил к нам в пансион англичанин лет двадцати; довольно видной мужчина, меня очень полюбил. Я во время класса нарисовал крекатуру. Он очень над ней смеялся, и подавая друг другу, от хохоту и разговоров сделалось довольно шумно. Учитель по обыкновению кричал: — «Silence, M-rs»*; — увидя рисунок, потребовал. Англичанин тотчас положил в карман. Учитель, рассердясь и хотя показать власть свою, ударил его линейкой, а он кулаком ударил, и учитель, как сноп, свалился. Англичанин пошел вон, на другой день оставил пансион. Я очень жалел, что лишил себя приятеля, а учителя дохода.

Года через полтора приезжает батюшка, берет меня из пансиона, а братьев в отпуск; едем в Москву. В небытность нашу волгоцкую деревню и московской дом также по закладной взяла Александра Алексеевна Языкова, урожденная Ермолова⁹. Чтоб не быть нам без квартиры, батюшка, оставя нас в Твери, поехал один. На заставу выслал нам сказать, что дом нанят на Арбате. Приезжаем: небольшой зелененько[й] домик, такой, какого теперь на всей улице нет. Весной, верней сказать, по последнему пути съехали в деревню. На зиму приезжаем в Москву, куда прибыл родственник наш Репнинской¹⁰, которой произведен в генерал-майоры. Батюшка, взяв меня, едет к нему. Просит, чтоб взял меня к себе в адъютанты. Он соглашается, берет меня с собою, полтавской губернии в город Хорол, там и квартировал Елецкой пехотной полк, которым он командовал, бывши полковником и бригадиром, и я был записан в оном же полку сержантом. Батюшка, при отправлении меня, дал двух человек и двадцать пять рублей, говоря: «Вот тебе на всякой случай. Будешь жить у Якова Николаича и люди на его хлебе». — Благословля[я], говорит: «Пущен корабль на воду, отдан Богу на руки!» — обнял, поцеловал, и оба заплакали. Простясь, еду к своему генералу.

Привычка быть в отсутствии. Этот раз уже не так было огорчительно оставить родных и дом, как прежде, когда оставался в пансионах, когда же поехали, то утомился скорой почтовой ездой. Благополучно прибыли в Хорол, где и прожили до лета. Раз я пошел гулять к речке, увидел лодку, по-ребячески тотчас вскочил в нее; от прыжка лодка закачалась, отплыла от берега. Я чуть не упал: весла нет, лодка боком идет далее... Не

---

* Тише, господа (*фр.*)

знал, что делать. К счастью, вижу на берегу тамошнего помещика Розенку, которой меня знал уже. Он кликнул людей, которые сели в другую лодку, догнали меня и привели к берегу. Я вышел. Розенка сделал мне выговор, и разошлись по домам.

У генерала был взят офицер для исправления адъютантской должности Кованко, который, увидя у меня лексиконы и прочие классические книги, выпросил себе; а мне казалось — они вовсе не надобны поступившему уже на службу. Генерала перевели бригадным командиром над пикинерными полками Полтавским, Луганским и Херсонским, которые квартировали в Екатеринославской губернии в разных уездах; меня перевели в Полтавский кадетом. В начале лета мы отправились в Кременчуг, что на Днепре, в котором довольно долго жили. Генерал имел борзых собак, с которыми я ходил по тамошним песошным курганам, называемым кучугуры. В них много зайцев. Я всегда травил, но ни одного не затравил. Кованко был отпущен, а для писмоводства был взят из Херсонского пикинерного полка кадет. Он за столом садился раздавать суп и по тогдашнему обыкновению резать жаркое. Подали ему гуся. Он не умел порядочно взять, уронил. «Возьмите скорее, — закричал генерал, — чтоб собаки не таскали по полу!» А кадет отвечает: «Нет, ваше превосходительство, я наступил ногой». Все бывшие за столом захохотали. К счастью, было другое жаркое, так скоро подали, а то бы быть без жареного.

А со мной был случай: на Днепр пошел купаться. В этой реке есть ямы. Не умея плавать, попал в одну — чуть не захлебнулся. Не знаю, какой судьбой меня вышвырнуло на мель.

В августе отправил генерал меня с обозом в Новомосковск, а сам остался в Кременчуге. Прибыв на место, дворецкий по прошествии двух или трех недель объявил мне после вечернего чая, что оной последний, а купить не на что: генерал будто денег не оставил. А я и вовсе не имел ни гроша, а притом ясно видел, что он солгал и делает это от невежества и грубости. От досады пошел ходить по городу, в вечеру уже возвратился домой, наскоро поужинал и с неприятностью лег спать. Проснувшись поутру и забыл было о донесении дворецкого, но как чаю не подают, то от привычки сделалась тоска. За что ни возьмусь, все из рук валится. Пошел ходить, долго ходил в таком виде, будто потерял значительную вещь, или как бывает человек в несчастье. Воротился домой. Проходя мимо кухни, вижу, привезли бочку [с] свежей водой. Обрадовался сей важной находке, бросился к ней, как будто несколько дней был томим жаждою, ухватя плавающий в ней ковш, напился, освежился, как больной, получивший

скорое облегчение от своей болезни. Скоро забыл о сделанной с малолетства привычке к чаю. На другой день, одевшись, велел подать стакан воды, которую пил не с таким уже восхищением, а на третий и вовсе не хотел. Так-то всякую привычку: на первый раз стоит большого труда преодолеть себя.

Скоро приехал генер[ал], опять все пошло по-прежнему. Недолго он пожил, отправился в Москву, меня оставил; но видно он узнал штуки дворецкого, помыл ему голову и без него все мне шло, как при нем; но по ребячеству моему я не мог сыскать знакомства, а с людьми быть не хотел, и так без занятия от скуки проводил время. Только когда надо было получать на денщиков провиант, то мне седлали лошадь, я ездил версты за полторы к провиантмейстеру; поставлял это за большое удовольствие.

По прошествии трех или четырех месяцев батюшка прислал на тройке извозчика и пашпорт¹¹, чтоб я ехал с ним домой, 30 рублей денег, на которые и купил я все нужное для дороги для себя и для людей. К счастью, время было летнее, то нужная покупка — сапоги, да шесть рублей надо было выкупить часы... Оставалось рублей 12, с коими я должен был пуститься 1200 верст, держать для себя и для двух людей расход. Но удовольствие быть дома затмевало недостаток. Более было досадно, что извозчик имел плохих лошадей, но кое-как чрез месяц прибыли в Москву. Батюшка был в деревне; послал к нему сказать о своем прибытии. Он присылает за мною повозку тройкой. С большой поспешностию собрался и на другой день был уже во объятиях родителя, который с слезами радости целовал меня.

С сего времени долго я жил дома, переезжая из деревни в Москву, из оной опять в деревню. Срок пашпорту вышел, из полку начали предписывать меня выслать. Я сказывался больным, меня освидетельствовали, находили немощным, опять на время оставался покоен.

Батюшка пожаловал мне вороную лошадку с изрядной побежкой¹², я был в восхищении, полюбив ее до крайности. Когда отец давал мне на лакомство четвертак или двугривенный, тогда лажу¹³ не было, посылаю купить овса. Приносят четверти три или полмеры, и даю ей сверх дачи обыкновенной. С ней вот был какой случай. Мы поехали в деревню; ее приказали привезь. Человек ехал от Москвы 30 верст. В селе Шерапове начал кормить. Неподалеку живущий помещик напоил человека и лошадь отнял. Слуга является к батюшке, рассказывает о происшествии. Посылают за лошадью — ее не отдают. Принуждены просить и посредством суда взять лошадь. Вот какое было буйство и невежество в самих дворянах.

Между тем меня требуют, [через] посредство военной коллегии в полк. Батюшка дал мне опять тех же двух человек, пару лошадей с кибиткой и письмо к Н.Я.Каковинскому (он был комендантом в Москве). Написал к нему, чтоб он похлопотал, нельзя ли меня оставить. По приезде являюсь к нему, подаю письмо. Он, прочитав, сказал: «Нонче обедаешь у меня, а во вторник явись [в] военную коллегия».

Сестра, увидя меня, очень обрадовалась, равно и я. До обеда просидел с сестрою и Н[астасьей] Н[иколаевной]¹⁴, с единственной дочерью Како[винского] (впоследствии вышла замуж за Н[икиту] П[етровича] Х[итрово], которой служил в лейб-гвардии в Измайловском полку штабс-капитаном, а сестра переехала к тетушке М.А.Ермоловой).

После обеда пошел домой. Мне приказано было остановиться у купца Лесникова, которой для меня в саду дал чай, позвал песельников фабричных. Как они запели, то на забор влезли чужие люди. Мой малой, сколько проворной, столько ж буйной и пьяной, начал их сгонять; не пронялся оным, выскочил и завел драку. Сим наша беседа кончилась, а как я ему не приказывал заводить шуму, не только драки, то и оставил на произвол судьбы. Он, получа несколько от соседних людей толчков, довольно был наказан за непослушание.

В назначенной день натянул на себя Полтавского пикинерного полка мундир, белой с ранжевыми¹⁵ лацканами; явился в военную коллегия. Во время присутствия меня кликнули. Видят ребенка — отпустили домой, велели ехать к отцу, но виду никакого не дали. Я чрезмерно обрадовался; не дожидаясь долее ничего, прихожу домой и отправляюсь в деревню. В это время приезжают братья из Петербурга: большой вышел в отставку к штатским делам, а другой в армию, в Харьковской гусарской полк. Пробыв несколько время, надо было отправляться одному в Москву, а другому в армию, но как у батюшки денег не было, то заняли в Боровске у купцов рублей 200, которые отдал большому 50 ру[блей] на фрак и на протчую одежду, другому дает 150 ру[блей] на всю гусарскую обмундировку, с чем ехать. За ним ходил сын поверенного, по крещению Герасим, а переименовали его в Андрея, поверенный [дал] братцу 250 ру[блей] с тем, чтоб он сына его отпустил на волю, что брат и сделал: дал ему отпускную, наименовав его Андреем, и поехали в Москву. Батюшка узнает — посылает меня взять Андрея и привезть, а камердинеру моему дает инструкцию, чтоб по прибытии он тотчас его сковал. По прибытии в Москву я объявил братьям

повеление. Они расположились сами ехать и его привезть с собою. Приезжаем, привозим Андрея. Батюшка ничего не сказал. На другой день встаем, сказывают: Андрей бежал. Потом кличут моего Дмитрия, наказывают его батожем, для чего он не исполнил по приказанию, и очень больно. А как в оный день была пороша, то [батюшка] приказал ему со мной ехать с собаками. Не смея ослушаться, принужден был я ехать. Затравили зайца, он второчил¹⁶, но просил меня заехать к мужику погреться. Признаюсь, я его любил и очень было жаль. Немного обогревшись, поехали домой. Не понимаю, как можно было ему вытерпеть и не занемочь. Дня три он чуть ходил, но после как ни в чем не был. Вскоре после сего братьев отправили; я остался при отце. Он от грусти по матушке и от расстроенного положения впал в меланхолию и редко-редко бывал весел. Все ему казалось не так, сделался гораздо строже; люди начали бегать и пропадать, что более всего его раздражало и внутренно расстраивало его здоровье.

Мне сделалось 17 лет¹⁷, но я не мог еще ощутить сего бедственного положения, занимался разными ребяческими играми без всякой цели и намерения.

Остатки от большого имения хотя в меньшем виде и в худом устройстве, но еще была псовая охота, которая прежде состояла из 12 охотников, 36 гончих и до 60-ти борзых; славилась как охотниками, так и собаками во всем околodge, а тут уже было 10 гончих, два мальчика под гончими и человека три охотников. Впрочем, разного звания дворовых людей было еще довольно, и в горнице девок, которые поодиночке рассказывали мне друг про друга любовные пронырства. Камердинер мой в свою очередь не умалчивал сказывать о таких же успехах. Это побудило и меня испробовать. Я отнесся о сем к одной из старших девок, она согласилась удовлетворить мое желание, и так я семнадцати лет познал обыкновенные натуральные действия, свойственные сим летам. Однажды был довольно смешной случай. Я спал возле батюшкиной спальни. Дом был нельзя сказать о двух этажах. Девичья была под спальней батюшкиной, имела два входа, один из спальни, другой со двора. Надворную дверь женщина, живущая возле девичьей, всегда запирала на крючок. Мне вздумалось идти к моей наставнице. Стучаться со двора не хотелось. Батюшка почивал довольно крепко. Я тихонько прошел мимо его. Надо было возле кровати спуститься по лестнице. Лишь прошел ступеньки три, поскользнулся, упал и довольно наделал шуму. Батюшка проснулся, закричал девку, — моя наставница бежит. Он спрашивает, что стучит, она отвечает Медуза (имя дацкой

собаки, живущей в горнице). Батюшка удовлетворился сим ответом, а я под именем собаки пошел с моей мастерицей. Пробыв с нею часа два, спокойно возвратился на свое место.

Жил в совершенной праздности, гонял голубей, удил рыбу, ездил с собаками. Один раз, отъехав от дому верст за восемь, зайцев нашел много; вечер был прекрасный; гончие отменно задчно гоняли и довольно травили; нечувствительно заставило опоздать. Начинало темнеть. Приказал имать гончих, а сам с стремянным поехал домой. Версты за три сделалось очень тёмно. Думая, что батюшка будет беспокоиться, послал стремянно-го вперед доложить ему, что я еду. Он поскакал, а я на виноходе замурлыкал песенку и ехал по воле коня. В короткое время так сделалось тёмно, что едва вблизи можно было разобрать знакомые предметы, но как дорога слишком знакома не только мне, но и лошади, то опустя поводья ехал препокойно в беспечной задумчивости. Вдруг моя лошадь бросилась в сторону. Я едва усидел; собаки же, которых у меня было в своре четыре, бросились, как мне показалось, на человека необыкновенной высоты в белом одеянии, который надел на себя черную шапку или шляпу, стоял неподвижно. Собаки лаяли, визжали, прыгали на него. Я, остановя лошадь, насилу вспомнил, что это недалеко от сада, среди поля стояла береза, но из любопытства хотел узнать, к чему пристают собаки. Понуждаю лошадь к березе, — она храпит, мечется из стороны в сторону и никак принудить ее не могу. Слез и в поводу довел до березы, но по темноте никак не мог видеть, к чему собаки пристают. [Так как] береза была не толста, то я начал трясть. С нее свалилось. Собаки тотчас поймали. По крику узнал кошку: она-то показалась мне за шапку. Видно, была за несколько сажен от березы и, услыша топот, бросилась на березу. Отхлопав собак, сел на лошадь и довольно смеялся сам над собою, что березу возмечтал за человека. Приехав домой, рассказал случившееся батюшке; он довольно посмеялся на мой счет.

После сего спустя несколько время, родитель наш занемог водяной болезнию и по долгом страдании умер на 55-м году, что случилось в 1785-м году. Незадолго пред смертью его лекарь сказал, что недолго будет существовать, то я не отходил от него, и подлинно, после сего лекарского отзыва день ото дня ему было тяжеле. Чрез шесть дней, исполня по долгу христианскому как следует, не показывая боли, очень тихо скончался. Как я ни приготовлял себя к сему несчастному случаю, но когда его не стало, я лишился чувств. Опомнясь, заплакал, и, вспомня, что я обязан заняться его похоронами, ибо кроме меня и дворовых

людей никого не было, которые в таком необыкновенном случае не знали, что делать. Я во всем должен был распорядиться, уведомить соседей и просить их к выносу, приготовя все следуемое, что продолжалось несколько дней. Денег ни гроша, кредита нет... Можете представить, в каком я был затруднительном положении. Принужден [заложить] серебро (сервиз давно был заложен в Воспитательном доме), оставя только 6 столовых ложек, разливную и соусную. Получил, помнится, полста рублей, оными и справил. По окончании сего несколько дней никто ничего не делал.

Наконец стали обо всем меня спрашивать, ожидали моего приказанья, ничего не делали без моего повеления. Я сделался полным, хотя несмысленным господином: без денег, всё в самом сильном расстройстве, во всем нуждался и перебивался кое-как. Но по молодости лет и по привычке жить без денег, не слишком заботился своим неимуществом. Днем ездил по полям, а ночи проводил с девками. Они начали ко мне ласкаться. Даже самые молоденькие, которым было лет по шестнадцати, и те старались сыскать во мне к себе привязанность. Мне было приятно, но без чувства любви удовлетворял свою юность. В первый раз узнал я различие девушки непорочной от любострастной; но, не предаваясь прихотям, более проводил время в резвостях.

В течении сего времени сестра [Екатерина Петровна] вышла за г[рафа] А[лександра Ивановича]* Зотова; брат Д[митрий] П[етрович] определился в Твери в штатскую службу; А[лександр] П[етрович] Ермолов вышел в случаи¹⁸; меня перевели в гвардию в Измайловский полк сержантом и прислали годовой пашпорт. Летом приезжают братья. Большой отделяется, берет только дворовых людей, а прочее все имение и долг родителя предоставляет нам двоим. Кончивши оное дело, надо было ехать одному в полк, а другому в Тверь. Денег нет, займы никто не верит... Принуждены запродать озимой и яровой хлеб на корню, выговоря только на продовольствие дворовых и на семена, за 120 ру[блей]. Получа оные, брат А[лександр] П[етрович] отправился в полк, а Д[митрий] П[етрович] в Тверь. Увидя А[лександру] Н[иколаевну] Волкову, стал в ней искать. Ей также он полюбился, но отец ее, узнав о сем, никак не хотел [их брака] и, чтоб пресечь их свидание, уехал в деревню в Бежецкий уезд слишком за сто верст от Твери. Брат [завел] с [ней] переписку, и наконец она пишет, что отец послал почти всех дворовых в другую дерев-

---

* В рукописи: И.А.

ню для тенеченья волков¹⁹, чтоб приезжал, она согласна идти за него. Он берет две тройки, подъезжает к селу. В два часа за полночь она выходит с девкою. Он сажает ее в сани, в других его приятель г-н Жиранд с девкою; пускаются в путь. Для перемены на станциях заготовлены были лошади, в Твери священник подговорен. Прискакивают прямо в церковь, венчаются и едут на квартиру уже новоженатыми.

Пашпорту моему стал выходить срок. Набрал небольшое количество денег — не помню, сколько, только так мало, что недоставало сделать мундира; поехал в Москву, остановился у тетки М.А.Ермоловой. Родные, собрав меня кое-как, наняв извозчика парой до Петербурга, с одним человеком отправился. Через три недели приехал к брату С[ергею] А[лексеевичу] Ермолову²⁰. Он служил в лейб-г[вардии] Преображенском полку, жил в связи²¹. На другой или третий день я должен был явиться, по знакомству с братом, к капитану Измайловского полка А[лександр] В[асильевич] Обрезкову*, командующему гранадерской ротой. Он представил меня к майору Е.И.Арбенеvu²² (тогда командовали гвардейскими полками майоры, подполковниками были фельдмаршалы, а полковником над каждым гвардейским полком была императрица) и отдано в приказе числить меня в гранадерской роте налицо. Через несколько дней нарядили меня дежурным по роте.

Я должен был прийти на съезжую или ротный двор. Так назывались сделанные в ротах дома, в которых было ученье унтер-офицерам и солдатам, содержание арестованных и по всяком наряде, куда бы не было, сходились изо всех связей на ротный двор. Являюсь в роту, фельдфебель говорит, чтоб я шел на полковой двор, получил приказ, отнес к капитану и принес бы в роту. В 2 часа пополудни получа приказ, понес к капитану. Он, прочитав приказ, подал и сказал мне, что он не обедает дома, потому и меня не приглашает. Я приношу приказ в роту, отдаю фельдфебелю. Дежурный эфрейтор пошел обедать, а я не смел отлучиться, позвал збитенщика и с булками так наелся, что забыл об обеде. А как много тут военной молодежи, то не видал, как день прошел. С меня брат спрашивает, как провел день и где обедал; я все рассказал. Он пенял: — «Для чего ты не сходил в трактир? А эфрейтор мог бы подождать, когда пришел бы ты и отпустил его». — Вскоре опять досталось мне дежурить, по обыкновению отнес приказ капитану, он прочитал, велел отнести в роту и приходите к нему обедать. Приношу приказ в роту,

---

* В рукописи: А.В.Абрекову.

вешаю свою гранодерскую шапку на сделанные для них колушки, сажусь под ними. Эфреитор, тот же, который прежде со мною дежурил, подходит с выговором: — «Долго ходил, есть хочется. Побудь же, я пойду пообедаю».

Я: — Нет, ты подождешь, а я пойду и пришедши, тебя отпущу.

Э[фреитор]: — Как можно. Нам дается на то паек, а вы сами, как хотите.

Я: — Говорю тебе, что не ходи. Мне надо идти.

Э[фреитор]: — Сему не бывать, я пойду! — и с сим словом достает чрез меня свою шапку, надевает и идет. Мне так стало досадно, вскочил я и сзади ухватил его за волосы, закричал: «Куда же ты идешь?» — Он вдруг обернулся ко мне, встал во фронт и говорит: — «Я думал, вы шутите. Ежели не прикажете, я не пойду». — Так-то старые солдаты пробуют молодых начальников, вступающих в службу.

А.П.Е[рмолов] выбыл из случая, поехал в деревню. Брат С[ергей] А[лексеевич] поехал его провожать, оставя весь дом на моих руках: трех человек и четыре лошади, без денег, на двое суток только продовольствия. У него один извозничал. Без него я отпустил обоих [людей] и всех лошадей в извоз. Чрез месяц он прибыл, нашел у меня более нежели на месяц заготовленного провiantа и фуража, да денег с чем-то 30 р[ублей]. И так жили безнуждно до тех пор, пока брат поехал в отпуск. Мне надо было переехать. Разочтя лучше быть ближе к своему полку, нашли в нашей роте особенной домик, принадлежащий бывшему капралу, состоящий из одной большой горницы и напротив маленькой кухни. Наняли по 5 ру[блей] на месяц, сколько простою. Брат оставил мне немного денег, которые были для расхода у человека. Недели чрез две он объявил мне, что остается рубли с три, не прикажу ли купить волос и пучковать мужские и женские косы? Я согласился на его предложение; он тотчас принялся за дело. Это доставило хороший барыш. А как стол мой состоял не по прихоти, а по состоянию, как Епиктет сказал: есть для того, что[б] жить, а не жить для того, чтоб есть, — из щей, каши и жаркого, да поутру стакан или два збитню, от выработанных им денег и становилось на содержание.

Службу я отправлял безотлучно. Капитан наш, когда ходил в караул, всегда бирал своих сержантов за адъютанта* и за бикетного²³. Один раз я пошел при гранодерах; но как ружье держал под курок, то сперва рука онемела, а потом и сам с трудом во-

---

* В рукописи: отъютанта.

шел в сошки²⁴ и только успел сказать взводному офицеру, чтоб позволил выдти, с его позволением только повернулся, упал, меня подняли, отвели в караульную и сменили другим. После сего я ходил за бикетного становиться по пробитии вечерней зори до утренней у маленькой лестницы с шестью мушкетерами на всю ночь, что я всегда исполнял в точности.

Однажды сменились мы в субботу в 2 часа пополудни. Прихожу домой, пообедал, лег спать, приказал в вечерни себя разбудить, желая сходить в баню. Просыпаюсь, слышу благовест. Кличу человека, браню его: — «Верно, забыл разбудить, хорошо, что сам проснулся; чтоб скорей сбирался, пора идти». — Он спрашивает: — «Куда? Нынче воскресенье, благовестят к обедне». — Более стало досадно, браню, зачем оправдывается, лучше бы признался, что забыл. Верно, сам заснул. — «Посмотрите, я вытасил из-под вас простыню». — Ясное доказательство заставило меня замолчать.

Зимой случился еще: был я так же за бикетного. Бикет оной всегда стоял в сенях. Было очень холодно, у меня прозябли ноги. Я сел на окно, ноги поставил на скамейку и приказал солдату на них сесть. Ноги согрелись. Идет дозор. Я хотел встать, отрапортовать, чуть не упал уже около стенки с трудом. Прошел офицер, думал, что я заснул, но видит свежесть глаз, спрашивает, отчего. Я рассказываю. Он посмеялся, что солдат отсидел ноги, и пошел.

Вскоре приехал Н[икита] П[етрович] Хитрово с женою [Настасьей Николаевной], пригласил меня к себе. С радости я оставил свою уединенную квартиру, а более потому, что не на что было купить и харчу. К ним же приехал и Д[митрий] Д[енисович] Давыдов²⁵. Тут назначили меня ходить в караул к фелдмаршелу нашему Кириле Григорьичу Разумовскому²⁶ с двенадцатью гранодерами и барабанщик[ом]. Нас было выбрано трое: Д.Д.Давыдов, А.Д.Капьев²⁷, должны были чрез трое суток сменяться, но К[опьев] нередко сказывался больным, то мы с Д[авыдовым] и сменяли друг друга. А как оный пост был отличный и приятный, то я не скучал часто быть наряжену. Поутру муншенок²⁸ приносит чайный прибор, сливки и белый хлеб; когда спросишь завтрак, то пришлют графин вотки, сыру, колбасы, масла, белого и ситного хлеба. Обедать с ним. Офисиянты равно служат генера[ла]м, сенаторам, посланникам и протчим вельможам, как и нам, то есть сержантам, караульному и ординарцу Измайловского же полка, и ординарцу лейб-Гранодерского полка суболтер-офицеру²⁹. Один из них был превеселой. После обеда говорит нам: «Послушайте, что будет». — Подходит к драгунскому

офицеру, который только приходил обедать и тотчас уходил, спрашивает откуда вы приехали, давно ли и зачем. Тот отвечает: «Я двенадцать лет поручиком, так приехал просить фелдмаршала о повышении».

Г[ранодер]: — Кто же вас приглашал сюда ходить обедать?

Д[рагун]: — Никто. Я думал, где же лучше, как не у своего фелдмаршала.

Г[ранодер]: — У него, сударь, не трахтир. Туда только можно ходить без зову.

С тех пор драгунский офицер перестал ходить. Мы пеняли несколько раз г[ранодерскому] о[фицеру], за что он лишил д[рагунского] о[фицера] удовольствия иметь хороший стол; он отшучивался. Так и осталось. Прихожу на другой караул. От лейб-Гранодерского полка тот же ординарец. Вдруг граф спрашивает: «Где тот драгунский офицер, который ходил обедать? Отыщите». — Надо было г[ранодерскому] о[фицеру] ехать. Я подразнил его, а он с досадой поехал. Через час привозит. Граф еще был в кабинете; докладывают, — приказал кликнуть.

Граф: — В котором полку служит и чем?

Драгун сказал полк, поручиком.

Граф: — Женат или холост?

Драгун: — Женат, ваше сиятельство, имею детей, но не имею состояния.

Граф: — Для чего же вы перестали ходить обедать?

Драгун: — Я не был приглашен, боялся беспокоить.

Г[раф]: — Хорошо. Где вы живете и чем себя содержите?

Д[рагун]: — Нанимаю квартиру и с нуждой себя держу.

Гр[аф]: — А жена ваша?

Д[рагун]: — Не знаю, ваше сиятельство, как она теперь живет; я оставил на квартире у доброго крестьянина. Он, верно, ее и детей кормит.

Гр[аф] вынимает конверт и подает: — Сошлите к своей хозяйке, а сами переезжайте ко мне и до отправления живите у меня.

Д[рагун], поблагодаря, выходит. Гр[аф] велел позвать Грохольского (штаб-офицер, управляющий его домом). Грохольский входит. Граф приказывает дать драгунскому офицеру комнату и чтоб он имел стол.

Д[рагун], поблагодаря, вышел из кабинета, подходит к ординарцу: «Через вас я получил 1000 руб[лей] и такую квартиру, какой в жизнь свою не имел». — С тех пор всякой день обедал тут.

Обращусь к нашему посту. В караульне было две комнаты, одна для сержанта, другая для рядовых; когда не захочешь ид-

ти ужинать, посылаешь к столовому дворецкому; тотчас приносят вотки, сыру, жаркое, белый и пеклеванной хлеб и бутылку кислых щей³⁰. Но я во всю бытность только раз требовал, и то оттого, что кровь шла из носу, так закапался, переодеться не хотелось. Вот как тогда обходились с дворянами вельможи, не смотря на чины.

Тут же еще случай со мною. Прихожу в караул, по обыкновению обедаю за большим столом. После обеда приходим в гостиную, становлюсь на своем месте, то есть у притолочки дверной. Подают кофей. Кладу свою гранодерскую шапку на возле стоящие кресла, беру чашку. Подходит Н[иколай] А[лександрович] Загрязской³¹. Он служил при дворе, был тогда камергером. Женат на дочери гр[а]ф[а] Н[аталье] К[ирилловне] [Разумовской]³². Спрашивает меня: «Вы Загрязской?» — «Так», — был мой ответ. Н[иколай] А[лександрович]: «Кто был ваш отец?» Я: «Петр Александрыч». Н[иколай] А[лександрович]: «Так вы мне родня?» Я: «Не смею назваться, но имел честь с отцом бывать у вашего батюшки Александра Артемича³³». Н[иколай] А[лександрович]: «Так ходите ж ко мне».

Сменясь с караула на другой день, пошел к нему. Он принял меня очень ласково, посадил, при мне оделся. — «Пойдем со мной, — сказал, — к жене». — Приводит к Наталье Кирилловне. Она очень меня обласкала, приказала на другой день прийти обедать и сказала: — «Это мой будет Загрязской».

С сего время я часто ходил к Н[иколаю] А[лександровичу] по утрам. Он в 12 часов всегда прохаживался, нередко брал меня с собой и очень полюбил. Это новое знакомство много сделало приятности в бытности моей в Петербурге.

В конце зимы Н[икита] П[етрович] Х[итрово] поехал в отпуск и меня выпросил на год, также и Д[митрия] Д[енисовича] Д[авыдова]. Все поехали в Москву. А как у меня пожитков было немного, у Д[авыдова] также, то взяли подорожную на пару, одному было место в карете, и условились по[о]чередно ехать в кибитке. Надобно сказать, что я прожил почти два года в Петербурге, на службе без жалованья, не получая из дома ни гроша дох[ода]. Уже я описал мое житье, а тут Д[авыдов] играл в три и три, брал меня в десятую долю, и как нарочно, когда меня нет, всегда проигрывает. Заметя это, он как садился играть, всегда скажет Н[астасье] Н[иколаевне], что я в доле, так и выиграет. На мою долю достанется рубли два, а раз случилось десять ру[блей], так у меня деньги почти не переводились.

Выехали из Петербурга, я в кибитке. Мне хотелось скорей ехать, отправился вперед заготавливать лошадей и приготавливать

квартиру. Н[астасья] Н[иколаевна] очень боялась и сетовала зачем уезжаю. Я ее любил и чтоб утешить, сел на козлы. Полетели по-курьерски, что по моему ребячеству крайне полюбилось. По приезде в Москву я остановился у дяди, А[лексей] Л[еонтьевича] Ермолова³⁴; он был болен и умер, оставя жену, дочь и четырех сынов³⁵, которые все были на службе, а желание его быть похоронену в его селе Хомьянове, за 5 верст от Москвы. Я должен был исправить всю похоронную церемонию. Тетушка упросила меня проводить тело и предать земле. Подъезжаю к Москве-реке — она накануне только прошла, остатки [1 нрзб.] еще идут. Вместо парома связали две лодки, настлали досток, но как нельзя было всего поставить, то и принуждены разбирать. Ящик, в коем стоял гроб, сняли и перевезли, потом дроги, а после колеса, лошадей вплавь. Надо послать человека к тетушке сказать о благополучном переезде; приказываю человеку, чтоб он тотчас отправился обратно и донес бы о нашей переправе. Он не дал хорошенько подойти к берегу лодкам, прыгнул и попал в воду; принужден ехать с нами на квартиру, куда повели и лошадей. Кучер взял пару. Не зная, что надо весть мимо погребка, так близко, что одна столкнула другую в погреб. Надо было вытаскивать веревками, подложе доски. К счастью, вытащили безвредно. Подъезжая к селу, летом бывает ручеек, как говорится, воробью по колено, мостик плохой, и тот снесло, остались одни переклады. Кричат мне: — «Ехать нельзя». — Выхожу из своей повозки, вижу — стоит плетень. Приказал его взять, положить на переклады, отложить отлетных и четверней переехали. На другой день, отслужив панофиду³⁶, поставили в приготовленную в церкви могилу.

После обеда тройкой в тележке пустился в обратный путь. Приезжаю к Хапринскому заводу. Тут надо переехать также небольшую речку, которою накануне переехал очень хорошо. Только от берега отъехал сажен пять, стало глубоко. Нам кричали, чтоб не ездили. Остановили лошадей, телегу тотчас заволокло песком, принуждены были все четверо слезть. До другого берега не более оставалось сажен четырех. Я полагал, что перейду. Лишь отошел шага три, быстротой воды меня подшибло, принужден был плыть, но за силою воды не мог прямо — пустился наискось. Скоро доплыл до другого берега. В кармане у меня было три ассигнации 25-рублевых, присланных из деревни — двугодичный доход, оставшийся за уплатою процентов в Воспитательный дом за залог той же деревни; не успел еще их истратить. Вспомнил, тотчас их вынул. Они так смоклись, что едва мог разделить. К счастью, день был прекрасной, солнце грело.

Я положил порознь. Они скоро обсохли*, но сделались как кисея. Итак, благополучно кончился наш вояж.

По приезде в Москву нашел тетушку и сестру здоровых, хотя еще в полном огорчении. Недолго побыв с ними, отправился в деревню, там жил покойно, занимался хозяйством, но все было очень скучно.

В начале зимы опять приехал в Москву. В конце ноября приехал Н[иколай] А[лександрович] Загрязс[кий]. Пошел к нему. Очень обрадовался. Между прочим спрашивал, как я собой располагаю, буду ли служить в гвардии. — «Нечем, — отвечаю, — себя содержать. А если ваша будет милость исходатайствовать, чтоб выпустили в армию. Теперь открылась война с турками³⁷, то может быть буду счастлив, что-нибудь получу». — «Хорошо, я напишу к жене, она попросит. Надо скорей ехать». — «Я готов хоть завтра». — «Будь же готов. Завтра же дам тебе и письмо». — Наскоро собрался, взял подорожную[ю], на другой день получаю письмо и отъезжаю. Чрез три дни в Петербурге. Остановился опять у Хитрово. Узнаю, что я переведен из Гранодерской роты в седьмую мушкетерскую, чего мне не хотелось. Прихожу к капитан-поручику Тютчеву (он за отбытием к[апитана] Обрескова командовал Гранодерской ротой), сказываю, что я переведен во время отпуска, не знаю, за что, из его роты. Он велел мне идти к майору. Лишь только я пришел, и он приезжает. Говорит майору, что явился из отпуска сержант, которой был в Гранодерской роте, переведен приказом в другую роту, но по словесному приказу опять оставлен в Гранодерской роте. Майор рассердился, закричал: «А слышь, — такая у него была пословица, — что, сударь, за словесной приказ? А слышь, он должен быть [во] второй роте. А слышь, в которой отдан приказ? А слышь, да где он?» — Я вошел и подал пашпорт. — «А слышь, я думаю, просрочил». — «Никак нет, — отвечаю. — Мне срок еще в марте». — А Тютчев говорит: «Он для того является, чтобы выйти в армию». — Майор: «А слышь, тому-то не бывать». — Я повернулся и вышел.

На другой день прихожу к Н[аталье] К[ирилловне], подаю письмо. Она, прочтя, сказала: «Хорошо, ходи ко мне». — Чрез несколько дней приказывает мне идти к майору Преображенского полк[а] Н[иколаю] А[лексеевичу] Татишеву³⁸ и просить, чтоб перевел к себе в полк. Иду к нему очень рано, в горницах нахожу только комардинера, спрашиваю: «Встал ли майор?» — «Скоро выдет», — отвечает.

* В рукописи: обсахли.

Выходит. Докладывают ему обо мне; велел кликнуть. Я подхожу, сказываю, что Н[аталя] К[ирилловна] приказала вас просить сделать мне милость, перевести в свой полк. Он не дал мне выговорить, закричал: «А зачем?» — Говорю: «Чтоб выпустить в армию». — Майор: «Разве у меня нет своих унтер-офицеров?» — Я: «Когда переведет, так и я буду ваш, и равно с ними буду чувствовать милость вашу». М[айор]: «Нет, у меня своих много». — Поклонился и пошел.

Странно, в молодости ничто меня не огорчало, обо всем думал равнодушно: удастся — хорошо, а не удастся — так и быть. Пошел к Н[аталье] К[ирилловне], рассказал ей бывшее со мною у майора Т[атищева]. Она тотчас написала бывшему тогда в случае к Мамонову³⁹ и послала с своим человеком, а мне сказала, чтоб более к нему не ходил. Чрез неделю прислали из Преображенского полку преморию⁴⁰, что я перевожусь в оной. Тотчас отпарываю зеленую воротник⁴¹, иду благодарить Н[аталью] К[ирилловну], а потом к майору Арбенеvu. Вхожу, благодарю его за команду, говоря: «Переменя воротник, надеюсь переменить и чин»⁴². Эта благодарность по прежнему его отзыву более была в насмешку. Он очень сурьезно: «А слышь, я ничего не сделал и благодарности, а слышь, не принимаю». — «Я сделал долг мой», — сказав оное, пошел вон.

В Новой год [в] 1788-м году в Преображенском полковом доме объявлено, что я выпущен в капитаны, а как мне оное было заранее известно, то приготовил лехко[ко]нной мундир и тотчас надел. В вечеру был на придворном бале. Получа пашпорт и подорожную, еду в Москву, нахожу там еще Н[иколая] А[лександровича] З[агрязского], благодарю его. Он говорит: «Хорошо, да ес[ть] ли чем тебе обмундироваться и доехать?» — «Как-нибудь, — отвечал я, — доеду, а там у меня служит брат, то обмундирует».

Н[иколай] А[лександрович]: «Нет, я хочу, чтоб ты сделал мне счет, сколько надо на обмундировку кавалерийского офицера».

Я: — Помилуйте, это будет дополнение к тем милостям, которые я получил, а и того не знаю, как заслужить.

Н[иколай] А[лександрович]: — Пустое. Скажи, когда едешь?

Я: — Надо скоро.

Н[иколай] А[лександрович] вынимает 300 ру[блей] и дает: — Вот, исправь, что нужно.

Я не хотел брать, но боясь, чтоб упорством его не раздражить, взял, поблагодарил, пошел готовиться к отъезду. Чрез несколько дней простился с ним, поехал в деревню, взяв сколько нашел денег, на третий день поехал в армию.

Приезжаю в Харьковской лежкоконной полк. Он квартировал в Екатеринославской, что ныне Херсонская губерния, в Елисаветградском уезде. В слободе Атжамке стоял с эскадронем брат А[лександр] П[етрович]. Он еще был порудчиком; чрезмерно мне обрадовался. Пробыв с неделю, поехал в Елисаветград⁴³; не помню, каким образом нахожу А.М.Каховского⁴⁴, становлюсь с ним вместе. На другой день прихожу в занимаемый дом с фелдмаршалом светлейшим князем Потемкиным, являюсь к правителю его канцелярии г[енерал]-м[аиору] Василью Степанычу Попову⁴⁵. Он принял от меня паспорт. Видя мой мундир, спросил мое желание, в которой лежкоконной полк? Я объявил: «У меня брат в Харьковском». — Выслушав, велел за отправлением приходить в канцелярию. А как отправление задлилось, то мы с А.М.[Каховским] часто ходили по городу.

Приезжих в главную квартиру — множество, всякого рода и всех нации[в] людей, в том числе и жидов, из которых светлейший хотел составить эскадрон. Одеты были в синие куртки, такие ж лацканы; были молодцы собой, но часто по шинкам делали разные проказы, а от палок бегали и пропадали; так их и расформировали. С разных полков являлись команды, особенно с лежкоконных и пехотных егерей. Первые показывались на конях, а вторые стреляли в цель. Разного рода транспорты на лошадях и на волах, всякой день с утра до вечера как ярмонка. Нас это очень занимало.

В один день видим стекшийся народ в кружок. Меня любопытство понудило посмотреть, что привлекает так народ. Продираюсь сквозь толпу людей, а как я был в мундире, то и дали свободно пройти. Вижу моего человека, держащего за ворот мужика, которой силится у него вырваться. Спрашиваю: «Что такое?» — Он отвечает: «Ваш беглой крестьянин». — Я приказал ему идти к нам на квартиру. Он безотговорочно повиновался, на вопрос, где он проживает, объявил, что у госпожи С.: там-де есть еще ваши крестьяне, да и вокруг Елисаветграда многие живут по слободам и обращены в козаки. Я подал в Земский суд объявление, и исправник тотчас со мной поехал. Когда мы сели в кибитку, спрашиваю у своего Дмитр[ия]: «Ес[ть] ли для исправника водка?» — Отвечает: «Нет». — Проезжая трахтир, приказываю взять полштофа. Даю серебряной рубль (тогда промена еще не было). Долго мы с исправником дожидались; принужден сам идти. Вхожу: мой Дмитрий стоит у банка, загнул угол крали⁴⁶ и говорит: «Вывези, милая». — Я его беру за затылок; штоф уже у него подмышкой. Схватывает деньги и выскакивает. Не время было наказывать, надо скорей ехать.

Приезжаем в сказанную деревню очень поздно; на рассвете иду по назначенным приметам в тот двор, где мои крестьяне, чтоб застать их на месте. Встречаю одного: «Здорово, Рябой!» — «Здравствуйте, батюшка». — Я: «Что ж, хочешь домой или здесь остаться?» — Р[ябой]: «Домой, батюшка, нет доброго в здешнем житье». — Я: «Когда ж ты соберешься?» — Р[ябой]: «Сей час, только лошадей запречь». — Я: «Да у тебя есть жена и сноха?» — Р[ябой]: «Есть, батюшка, и еще дочь, да у нас все в мешках, долго ль собраться. Я уже слышал о твоей милости». — Я: «Ну, собирайся же, а мы пойдем с исправником к барыне».

Приходим к ней, она встре[ти]ла нас в другой комнате, повела в гостиную. Я говорю ей: «У вас, сударыня, беглые мои крестьяне». — «Быть не может», — отвечает. — «Да, сударыня, они уже пойманы». — «Так возьмите, мне они не надобны».

Мы с исправником встали и пошли на слободу. Крестьянин мой был почти готов, прочие мужики составили кружок и смотрят на его сборы. Староста к ним подходит и говорит: «Пора, братцы, на работу». — «Постоим еще», — отвечали многие.

Меня это удивило. Говорю им: «Как вы смеете так отвечать?» — «Что ж, барин, вить это не настоящие господа. Мы все такие, как твой крестьянин. Может быть и за нами так же придут».

Крестьянину своему велел приехать в город и дал ему билет для проезду⁴⁷.

Потом возвратясь в город, получаю приказ о определении в сказанной полк. Являюсь к полковнику, он причисляет в тот же эскадрон, в котором брат, а командовал им ротмистр Н.В.Чертков⁴⁸.

Вскоре пошли в поход к Очакову, которой тогда был еще в турецком владении. Во время походу ничего замечательного не случилось, кроме нестерпимого жару и перехода два нуждались водопоем лошадей. Остановились лагерем верстах в шести от Очакова. На другой день до свету пошли к городу, на рассвете стали кругом города в две линии, кавалерию поставили впереди, а пехоту сзади. Фелдмаршел рекогноспровал, стреляли из пушек по городу, из оног также, зажгли местах в трех города. Но убитых было мало, что можно видеть из реляциев. На вечер опять возвратились в свой лагерь. На другой день пошли совсем и обложили город; поставили лагерь очень близко, только что ядра не могли доставать.

Часто кавалерийские офицеры ездили на перестрелку из проказ; запрещения сначала не было. Скачем между козаков, стреляем в воздух, в том числе и я. В лагере в сделанную цель на ска-

ку попадал в карту, тут же выстреля 13 патронов, ни один турок не нагнулся; равно и их по мне выстрелы такой же имели успех. Тут в первый раз услышал свист пуль мимо меня летящих и визг ядер. Спустя несколько дней турки сделали значительную вылазку, понудили нашу когорту отступить назад. Суворов вывел свой Фанагорийской полк, роту послал в застрельщики и сам с ними, а полк сделал каре и пошел за ними. Лишь рота подошла к заросшим миниховским шанцам⁴⁹, турки побежали. Суворова ранили. Нам велено было явиться к своим местам, и запрещено без позволения ездить на перестрелку. Фанагористы дрались до ночи, и во время темноты их вывели оттудова. После сего наш полк вывели из линии и поставили на мыс, выдающийся в Черное море против острова Березани, а на самом мысу сделали батарею из четырех пушек. Ею командовал Егор Иваныч Меллер⁵⁰. Внизу на ночь становилась цепь козаков кругом всего мыса, дабы турки не сделали десанту, ибо их флот из тридцати военных кораблей и до ста малых судов стояли не в дальнем расстоянии. С нашего полка наряжались рунты⁵¹ по цепи сказанных козаков. В очередь досталось и мне. Приказано было, буде найдешь спящего козака, то брать под караул. Обезжая цепь, нахожу одного из вновь сформированных днепровских козаков спящего. Привожу в полк, отдаю под караул, иду спать. По пробитии зори надо идти к полковнику с рапортом. Малой, одевая меня, говорит: «Вы взяли козака?» — «Да». — «Он ваш крестьянин, из числа бежавших из Сатина». — Я велел его привести и подлинно, он объявил, когда бежал и что их здесь четверо, а прочие проживают около Кременчуга и Елисаветграда. По словам его записал человек двадцать. Прихожу к полковнику, доношу о взятии козака. Он приказывает дать ему палок тридцать и отпустить. Я прошу, чтоб не наказывать. Он с усмешкою говорит: «Что за милосердие?» — «Мой крестьянин», — сказал ему всё происшествие. Он выслушал и позволил отпустить, что и исполнил.

В лагере у коновязи держалось лошадей одного эскадрона, а прочие ходили в табуне. Для сего по двадцати человек с эскадрона при офицере посылавалось верст за двадцать косить, и всякою неделю посылавали ротмистров их ревидовать⁵², сколько накошено. Брат был на сенокосе, а меня послали ревидовать. Лехоконец попался не очень расторопной, сшибся с дороги. Долго ехали, запоздали и попали к к[о]сцам Бугского егерского полка. Спрашиваем харьковских, показывают: «Вон, где пожарче горит степь. Поезжайте, прямо на них попадете. Только два пожара проезжайте, тут и косят». — Огонь по ветру шел влево. Думаю, что по огню я неизвестно куда попаду, заметил звезду

и поехал прямо. Сталось очень темно. Слышу — шуршит; приказу солдату слезть пощупать.

По словам, два проехали, въезжаем на третье, возвращаемся назад. Чувствую, что не могу по темноте найти. Остановился у копны сена, лег, заснул. Проснулся чуть заря, вижу сажень[х] в пятидесяти палатку. Подхожу и нахожу брата с своей командой. Очень был рад и доволен собою, что остановился ночью. Мог бы заехать далеко в степь и попасться туркам, ибо тут нашей цепи уже не было. Позавтракал, принял рапорт — сколько копен, и отправился обратно в полк, куда очень скоро прибыл без всяких хлопот.

В исходе октября флот турецкой уходит. Светлейший чрез несколько дней приказывает атаману нашим запорожцам, что ныне черноморцы⁵³, взять небольшую крепостцу на острове Березани. Атаман Харко Чепега⁵⁴ — настоящий удалой запорожец при приказании говорит фелдмаршелу: «Добре Грицьку, чи даш[ь] креста, своими паробками возьму городок». — Князь отвечает: — «Дам, возьми только». — Чепега только сказал: «Завтре побачишь», — и пошел приготовляться.

На другой день видим: десятка три запорожских лодок идут к Березани в одну линию. По них начинают стрелять из пушек; они не отвечают. Подходят так близко, как отмель позволила, делают залп, мечутся все в воду и батарею, на берегу стоящую, из трех пушек, тотчас берут. Идут [к] крепости, после нескольких выстрелов [там] выставляют белое знамя и сдаются. С нашего полку велено было приготовить несколько оседланных лошадей для паша Базаехтара и прочих чиновников, которых и подвели к берегу. Как привезли пашу, он сел на лошадь, и до десяти чиновников. Паша ехал передом, за ним большое белое знамя и кругом оно в беспорядке чиновники, и отправились в главную квартиру. На острове во многих местах был виден дым. Мы спрашиваем, отчего. Запорожцы говорят: «То прокляты[e] турки забрались в землянки, так мы выкуриваем».

В первых числах ноября отд[а]ется в приказе, кто имеет что теплого, то позволяется носить. С нашего полку был наряжен на ординарцы к генерал-поручику Павлу Сергеичу Потемкину⁵⁵ поручик Америкеджибов. Он надел теплую куртку, лядунку и саблю; является к П[отемкину]. Тот любил, чтоб у него были по форме, спрашивает: «Как вас так ко мне прислали?»

А[мерикеджибов]: — «Как видите, ваше превосходительство».

П[отемкин]: — «Вы, сударь, не по форме одеты».

А[мерикеджибов]: — «Ежели в[аше] в[ысокопревосходитель-

ство] не изволили читать вчерашнего дня отданной фелдмаршелем приказ, то я доложу».

П[отемкин]: — «Вы мне не надобны. Извольте ехать в полк».

А[мереджибов]: — «Слушаю». — Повернулся на каблучках, «да и поихав соби» (так нам он сам рассказывал). Только разделся, — полковник узнает, что Потемкин отпустил ординарца, чего никогда не делал. Присылает адъютанта и зовет его к себе: «Скажите, отчего вас П[отемкин] отпустил? Не сделали ли вы чего, чтоб я знал и мог взять мои меры?» — А[мереджибов]: «Неколи было ничего сделать. Я только явился, он говорит: для чего я не по форме одет? Я ему доложил, что вчерашним приказом позволено, у кого есть что теплого, чтоб надевали, а он на это и сказал так: вы мне не надобны, поезжайте в полк. Я и рад, ведь я не виноват, полковник, что вин больше фелдмаршела любит чепуриться»⁵⁶. — Полковник засмеялся, тем и кончилось.

Девятое ноября вся кавалерия была отпущена на непрременные квартиры, оставлено каждого полка по одному эскадрону. Нам надо было идти в Харьковскую губернию. От изнурения лошадей иные полки вышли ночью, седлы вывезли на повозках, а мы церемонияльным маршем прошли все лагеря; а потом кто в чем попало. У которого солдата был полушубок, тот мундира не надевал, офицеры в куртках, в шубах... Нуждались до Буга, а перейдя оной, имели безнуж[д]ное продовольствие.

Тут выпадал часто снег, были пороши. Я подговорил двух офицеров и мы трое положили меж собой так: я съезжаю, один ездит по правую сторону саженьх в восьмидесяти, а другой по левой в той же дистанции, и ежели заяц побежит прямо, то я должен доскакать и на которого повернется, тот скачет, а два едут рысь[ю] и тем попеременно замучиваем [зайца] до того, что вскопча с лошади, берем руками. Сей манерой во время похода до Елисаветграда более десяти русаков взяли.

С нами шел четвертый эскадрон, оным командовал ротмистр Бринкман. Приходим в Екатерино[слав]скую губернию (не помню, в какое селение), староста требует по 4 ру[бля] за воз сена. Бри[нкман] кричит: «Степенко (так назывался его старший вахмистр), бей 4 рубля!» — Староста побежал, вахмистр догоняет, бьет старосту. Он кричит: — «Три ру[бля]!» — Ротмистр кричит: — «Степенко! Три ру[бля]!» — Вахмистр еще бьет, староста кричит: — «Два рубля!» — Ротмистр кричит: «Степенко, полно! Давай сюда. Вот, хороший человек, на тебе деньги». Нам так показалось смешно это происшествие, и долго смеялись. Ротмистр начинал уже сердиться, — чтоб не вышло истории, принуждены были замолчать.

Я выпросился в отпуск для отыскания своих беглых; поехал вперед, взяв с собою кибитку парой и кибитку, чтоб продать, в одну лошадь. Не доезжая Елисаветграда* верст около тридцати, ночевал в какой-то большой слободе. Велел продать тележку и продали за 18 ру[блей]. Расчет был сделан перед отъездом часа за два до свету. Я не приметил, что люди мои по-русски при продаже запили могоарыч. Отправился в путь, верст за 10 от ночлега надо было переехать через гать и мостик. Посылаю посмотреть, не нужно ли отпечь пристяжных. Дмитрий мой вскочил, говорит: «Можно проехать», — берет коренную за повод, шага два тронул, — пристяжная обрывается, падает, тащит за собой коренную. Я сижу на коляске, хочу соскочить — лишь приподнимусь, кибитка качается за мной. Боясь, чтоб ею не придавило, остался на волю судьбы, дожидаться, что впоследствии. В мгновение кибитка падает и опрокидывается вверх колесами, стаскивает за собой коренную, которая упала сперва задом, хомутом же зацепилась за елань⁵⁷. Пристяжную правую перекинуло через обеих лошадей на вал водяного мельничного колеса (к счастью, мельница не молола), подножкой придавила кучера к елани, так что ему пошевелиться нельзя. Я между [1 нрзб.] и кибитки вылез. Не подумайте, чтоб это была выдумка, в точность так случилось! Берусь за коренную — кучер кричит: «Не троньте, шипом достает в голову!» — ну так сиди же тут. Бегу к помещику той деревни, бужу его. Он посылает людей и сбивают всю деревню. Подымают кибитку на руках: два кола прошло сквозь нее. Кучер вылезает: всё в воде и в грязи. Принуждены тут остановиться и обсушиваться. Можно ли поверить? Кроме прошибов кибитки ничего не изломалось, не изорвалось, ни кучер, ни я не ушиблись. После сего благополучно ехал всю дорогу. Заехал в Елисаветград, взял на шесть человек крестьян своих свидетельства⁵⁸, заехал в Екатеринослав, тотчас дали сообщение в Калужскую казенную палату, которая и выдала мне рекрутские квитанции⁵⁹ без всяких хлопот и затруднений. Приезжаю в свое село, нахожу оное описано от Опекунского совета и взято в казенный присмотр. Для выкупу его надо 2 т[ысячи] рублей. Еду в Москву, застаю благодетеля своего Н.А.З[агрязского]. Он мне очень обрадовал[с]я. Между прочим объясняю ему наши обстоятельства и прошу денег.

— Полно, так ли, молодой человек?

— Точно так, я не из какого благополучия не захочу вас обмануть.

---

* В рукописи: Елисаветграда.

— Когда ж отдашь? — спрашивает.

— Я вам сказывал наше стесненное положение, то не знаю. А вы сочтите эти деньги брошенными. Ежели буду в состоянии набрать такую сумму, то за первую обязанность сочту с благодарностию вам возратить.

Он вынимает запечатанный конверт с надписью: «2 т[ысячи] рублей», подает мне и говорит:

— На, только употреби к делу.

Бегу, бросаюсь к нему, обнимаю и говорю:

— Благодетель! Ты меня сделал человеком, а теперь даешь жизнь по званию моему!

Он меня прижал, поцеловал и начал другую матерью. На другой день представил деньги в Опекунский совет и скоро хлопотал разрешение и освобождение села.

Между тем бываю всякой день у моего благодетеля, но скоро с ним прощаюсь и еду в полк. Эскадрон стоял в Харьковском уезде в слободе Иванешти. Чертков вышел в отставку, я уже считался эскадронным командиром, только по наружности, а по внутренности брат. Нахожу его и эскадрон в довольствии. Селение большое, до 200 дворов богатых малороссиян, у коих в обыкновении в зимние вечера сходиться молодым ребятам и девкам по нескольку в одну избу. Это у них называется вечеринкой. Тут отбираются те, которые друг друга полюбили. Ежели парню не по идраву девки, то он идет в другую хату. Тут они поют, играют и подчивают друг друга, проводят время очень долго, и молодой парень, которой полюбит девку, с тою, как одеты, так ложатся спать, и так бывает 3-4 пары в одной хате, что у них не предосудительно. Отец и мать позволяют: нехай паробок женихается. Но оное у некоторых основано на строгой добродетели. Тут и мне пондравилась дочь старосты или головы, прекрасная собой. Я стал ходить к ним, к ней прихаживали две или три подруги; просидят довольно долго, и когда уйдут, а иногда перед светом тут ложатся, и я с нею. Как ни старался, не мог получить желаемого, хотя она сама меня ласкала, целовала. Только начнешь обнимать, уговаривать, — «Роби що хочеш, а сего не буде». С удивительною твердостью вытерпывала все искушения, только и говорила: «Женись — тогда вся твоя». — Мне это не пондравилось; попробовав несколько раз, бросил и нашел другую, которая была снисходительней. Года через два мне удалось чрез оное селение проехать и сказывали, что старостина дочь вышла замуж за отставного офицера.

Весной они также сходятся на улицу, каждая слобода своей кучкою, и почти всю ночь поют песни.

Тут обмундировали лехкоконец в новые мундиры, и в конце апреля или в начале мая вышли в поход во всей исправности и красоте. Маршрут нам назначен на Кременчуг.

Подходим — Днепр в разливе, паромов мало. Полковник послал меня с эскадроном вперед, приказал как можно скорей переправить амуницию и обоз на паромах, а лошадей — найдя поспособней место, которое отыскиали версты на три ниже Кременчуга. Вода была велика, разлив был версты на две, но посередине был остров. Я, подойдя, подготовил все и поджидал полковника: буде что получится, так при нем, не скажет, что не умели распорядиться порядком. Он не замешкал приехать. Лошадей держали у берега в одну шеренгу в недоуздках. Полковник прошел вдоль шеренги и приказал переправлять. Подали лодку, один сел грести, другой править, а третий взял фланговую лошадь за повод и, отваля от берега, поплыли, держась немного по воде. За ними начали пускать по одной лошади и пошли хорошо, одна за одной. Плыли около версты, вдруг передняя, которая плыла за держащей лошадью, воротилась, и начали кружиться. Как с лодкой не разбивали, но они более и более собирались в кучу и вертясь прыгали одна на другую; начали уже окунаются. Я подбегаю к полковнику, которой с беспокойством смотрит на сей бедственный случай, не прикажет ли несколько человек послать их разогнать. — «Прикажете, если есть мастера плавать». Я назначаю шесть человек, зная их мастерство. Раздеваются, плывут — день прекрасный, картина прелестная, хотя по лошадям судя, неприятная, — доплыв до них, начали кричать. С лодкой поехали вперед, и лошади поплыли своим чередом. Солдаты чрез несколько лошадей, держась за гривы, плыли возле их, но одна или две утопли.

Дошли до Днестра. У Дубосар многие полки собрались и с[ветлейший] к[нязь] Потемкин, его главной штаб стоял в саду над рекою, домики, палатки расставлены по приличным местам, в садах и около; полки стояли в полугоре; ниже, у самого берега всех полков команды для хлебопечения; в самом берегу, которой довольно высок от воды и крут, вырыты были печи, которые затоплялись всегда по захождении солнца. С другой стороны Днестра вид главного штаба, лагерь, рефракция⁶⁰ от огня в реке и печей, делало очаровательную картину.

Простояли около месяца и пошли к Павлушанам. Там стоял паша с 600 человек. Подходя к оному месту, послано пять полков козачьих и Елисаветградской конно-егерской полк для уничтожения сего отряда и взятия паша. Наш Харьковской лехкоконной и Сумской посланы в подкрепление. Мы шли всю ночь, но

не застали: на восходе солнца дело было уже кончено. Паша ускакал было к Бендерам, но доброконными козаками был нагнат и взят. Рассказывали козаки, что он сперва ехал четверкою в арбе, когда увидел козаков, сел на лошадь. Сначала далеко отделился, но лошадь была раскормлена, ослабела и три донца его догнали. Без сопротивления он сдался, приведен к фелдмарше-лу, а прочие прежде взяты в плен; уже находились под караулом близ его ставки. Брат А[лександр] П[етрович] был с двадцатью четырьмя лехкоконцами у светл[ейшего] в карауле.

В этом деле убили Елис[аветградского] полка майора Ребиндера, пять конно-егерей и восемь козаков. Сказали, что толпа турок выехали из Бендер. Наш полк и Сумской вывели версты за три от лагеря под командою С.Л.Львова⁶¹, поставили в линию, послали офицера с четырьмя рядовыми открыть неприятеля, скомандовали вынуть сабли. С[ергей] Л[аврентьевич] подъезжает ко мне и говорит, что он надеется, что мы подеремся хорошо и прочее. Я отвечаю, что давно желаем иметь случай показать свое усердие. В продолжении нашего разговора офицер приезжает и доносит, что он далеко проезжал и никого не видал. Генер[ал] приказал сабли в ножны. Лехкоконцы мои с темпом довольно громко сказали: «А уговаривал». — Генер[ал], услыша, засмеялся и поехал, а мы пошли в лагерь.

Расседлав лошадей, майор Райкович подходит и говорит мне: «Поедем к Палменбаху, поздравим его с победой». — Приезжаем, поздравляем. — Райко[вич]: «Жаль, что Ребиндера убили». — Полковник П[альмен]б[ах]: «Как жаль? Дай Бог мне такую смерть! Его в голову пулей и так, что минуты не страдал».

Как будто предчувствовал! Впоследствии видно будет, что он в Польше убит.

На другой день пошли в поход. Держались левой стороны по течению Днестра, подошли к Старой Килии. Турки ее оставили, и мы тут довольно постояли. На ночь ставили отводной бикет из одного сборного эскадрона, то есть из всего полка с каждого эскадрона по двадцать чело[век]. Ротмистр, поручик и корнет наряжались поочередно. Одной шеренге позволялось давать сена, другая чтоб была замунштучена. Для сего привозили воз сена, а как это недалеко было от лагеря, то с каждого эскадрона приводили на н[а]значенное место в поводу. Был наряжен старой поручик. Он из анбиции не явился ко мне, а прямо пришел, завернувшись в плащ, лег на сено. Мне стало досадно. Думаю отплатить за такое пренебрежение. Заметил место и через час подхожу, даю ему сильной толчок в бок и кричу: «Сена задавать». — Он откидывает плащ и говорит: «Это я». — «Ах, А.И., изви-

ните, я не знал, думал, кто из солдат». — Ответ его был: «Хорошо, завтра поговорим».

Поутру, пришедши в эскадрон, пересказал брату всё мною сделанное, также и выдуманное извинение. Он мне попенял. Часу в восьмом приходит поручик и говорит брату о моем поступке. Я, не дав ему договорить, начинаю сам: «Ведь я вам извинялся, что нечаянно». — Он из малороссиян: «Добре. Ежели это правда, то по дружбе моей с твоим братом я оставлю, а ежели с намерением сделано, то я не стерплю». — «Как хотите, а я вас уверяю, что нечаянно». — Брат говорит: «Кто ж виноват. Ежели б явился, так он не смел бы это сделать». — Так и осталось.

Потом приходим к Акерману. Тут пех[о]тные передовые завели перестрелку, стреляя чрез вал в город, откуда отвечали также, но скоро выставили белое знамя. Город сдался. Оставя гарнизон, мы пошли к Бендерам, а вся бывшая с нами пехота пошла к Суворову. Пришедши, стояли очень долго, но они сдались без потери людей, город заняли, оставили гарнизон, а прочие войска распушены по квартирам. С[ветлейший] к[нязь] поехал в Ясы; наш полк пошел в Екатеринославскую, что ныне Херсонская губерния, в Елисаветградский уезд.

Мне досталось с эскадроном стоять в Отжамке. Мне надобно по делам зачетным ехать в Москву, а Неплюеву нужно по наследству получить имение. Он охотно меня отпустил с тем, чтоб я по доверенности его разделил с Вишневым и княжнами Мещерскими. Ему досталось 400 душ. Велел дни чрез два приехать за получением пашпорта. Приезжаю — он дает пашпорт и доверенность принять имение, продать и заложить. Я, прочитав, говорю: «Как, полковник, вы верите восемнадцатилетнему? В Москве немудрено завертеться и заложить». — Он засмеялся и сказал: «Ежели б я не был уверен в тебе, так этого бы не сделал». — Приезжаю в эскадрон, на другой день отправляюсь. Брат А[лександр] П[етрович] остается начальником эскадрона.

Приезжаю в Кременчуг, тут нахожу своих беглых крестьян, зачитаю и узнаю, что верст за 30, в слободе Манжелеевке, что на Днепре, квартирует Мих[аил] Ив[анович] Зыбин⁶². Он командовал Московским мушкетерским полком, женился по давнишней страсти от живой жены на А[лександре] А[лексеевне] Языковой, урожденной Ермоловой. Она меня очень любила. Нахожу ее с дочерью В[арварой?] А[лександровной] Языковой. Они очень мне обрадовались. А[лександра] А[лексеевна] была беременна и для родов хотела ехать в Москву. М[ихаилу] И[вановичу] отлучиться нельзя. Узнали, что я туда еду, просят меня, чтоб был проводником. Я согласился и скоро отправились: она с дочерью,

Н.М.Авдулин⁶³ и я. Только доехали до Полтавы, она почувствовала скорые роды и остановилась. Заняли разные кварталы; она тут и родила⁶⁴. Я шелберил⁶⁵ с ее дочерью; ей также было лет шестнадцать или восемнадцать. Всякой вечер после ужина посижу у родильницы и отправляюсь к ней: она уже в постели. Сажусь, играю, целую ее в губы, в шею, груди и руками глажу, где мне вздумается. Раз до того разнежилась, что оба сделались вне себя. Она потянулась, погасила свечку и сказала: «Я вся твоя», только таким тоном, что я почувствовал [и] опомнился, какие могут быть последствия, за что я [ее] сделаю несчастною; встал и пошел вон. С сего время оба были гораздо осторожней, целовались и обратились, как брат с сестрой.

Скоро А[лександра] А[лексеевна] оправилась и мы поехали. По приезде в Москву, я продавал рекрутские квитанции по 360 ру[блей]. Первые, что получил, деньги заплатил Н[иколаю] А[лександровичу] Загряскому 2 т[ысячи] ру[блей], также и с прочими должниками порасплатился и к походу явился в полк.

Пошли в Молдавию, ходили по Валахии и долго стояли у достопамятной Рябой Могилы, под которой Петр Первый заключил с турками мир⁶⁶. Тут был со мной также необыкновенной случай. Мне вздумалось побывать в Ясах. Пригласил с собой своего же полку офицера, отпросились, сели в тележку на тройке, пустились. Время прекрасное. Я велел кучеру пустить скакать; вижу — лошади понесли. Приказываю держать. Лишь кучер принял покрепче — у коренной левой вожжи поломалась пряжка. Лошади забрали немного с дороги вправо и как на этой стороне была река, пруд и берег с большой крутизной, боясь, чтоб не полететь стремглав, приказал кучеру вскочить на козлы, потом на коренную, ухватить за узду, ежели не остановить, то по крайней мере отвратить видимую гибель. Он, вскоца на козлы, и прыгнул, но вместо лошади, на оглоблю, она переломилась пополам, воткнулась в землю, и мы с Красовским полетели через лошадей. Они от робости или так только остановились, и к удивлению, никто из нас троих не ушибся, ничего, кроме оглобли, не изломалось и не оборвалось. Затруднение состояло только связать оглоблю. Увязали и доехали хорошо.

Полк принял Карл Федорыч Боур⁶⁷, потом пошли к Новой Килии. Город довольно укрепленный по-старинному, стена каменная толстая и ров довольно широк. Командовал генерал-поручик Иван Иванович Меллер-Закомельский⁶⁸. Велено взять форштат⁶⁹. Его заняли, но как наши по занятии форштата бросились к городу, то их поподчивали порядочно. Тут убили сказанного начальника и принял команду И.В.Гудович⁷⁰. Так осадили поряд-

ком, поставили батареи, сделали брешь и они чрез несколько дней сдали город довольно значительной. Капитуляция состояла, чтоб войска выпущены были в Измаил, а жители куда пожелают с своим имуществом. В городе все должные места заняли нашими караулами, войска их и жители поспешно стали собираться к выходу, покупать у наших лошадей, повозки; в том числе и я хотел продать лишнюю лошадь с тележкой. Велел запрячь и ехать на базар. Подходит турок, дает 20 червонных, по-тогдашнему на наши деньги 60 ру[блей]. Я, увидя у него прекрасный кинжал, начал торговать. Он просил 40 червон[ных]. Наконец, мы поменялись. Я велел кучеру слезть и ему отдать, а он подал мне кинжал. Тут случился солдатский смешной анекдот. Собрались с нашего полку несколько офицеров и поехали в город для разных покупок, а как у них в одной лавке кофей, табак, разные материи, кожи, деготь, арбузы и виноград в плету[ш]ке, мы покупаем, что кому надо. Подходит пешей Егор, берет виноград и ест препокойно. Турок начал требовать деньги, но не умел говорить по-русски. Указывая правою рукой на ладонь левой, как будто считает, кричит: «Москев парали» (молдавские деньги). Егор, не отвечая ему, обернясь к нам: «Вот, ваше благородие, что наделали. Кабы велели поштурмовать, так не смел бы просить за виноград». — Один офицер говорит ему: «А кабы тебя изранили?» — «Ну, что ж, — отвечал Егор, — за славу терпел бы и винограду не надобно б».

Еще со мной был случай: мы пошли двое с одним офицером из молдаван. Проезжает каруца⁷¹ закрытая, запряженная двумя волами; турок ведет волов. Офицер говорит мне: «Поглядите, тут турчанки». — Я поднял за крышку, и точно, там две сидят, прекрасные. Турок, выхватя кинжал, бежит ко мне. Я, брося повозку, выхватил саблю. Турок остановился. Я пенял оф[ицера], до чего он меня довел: ту[рок] мог бы мне кинжал пустить в бок.

Отсюдава прочие полки пошли на Измаил к Суворову; он штурмовал и взял, а наш полк повели к Бендерам, где мы и остались с фелдмар[шелом]. При нем Екатеринославской кирасирской и гранодерской, и еще Киевской и Сибирской гранодерской же. Помнится, и еще были полки, но не помню, какие. Тут у фелдмаршела были частые и большие балы. Я выпросился опять в отпуск по своим делам; похлопотав по оным, приехал в Тверь к брату Д[митрию] П[етровичу]. Дано знать, что с[ветлейший] к[нязь] Потем[кин] едет в Петербург. Губернатору⁷² надо было сделать ему встречу. Он поехал за тридцать верст от Твери на станцию в Городню, брат с ним, и я с ними же отправился. При-

ехав, все заняли разные избы, в которых только ночевали, а день проводили вместе у губернатора. Дни чрез четыре узнали, что С[ветлейший князь] П[отемкин] будет. Приготовили завтрак; он приехал часа в три, не выходил из кибитки, велел скорей запрягать лошадей. Губернатор подал ему рапорт в кибитку. С ним ехал мой полковник Боур. Увидя меня, обрадовался, и по приветствии сказал, чтоб я до Твери сел с ним. Он ехал в открытых саях. Перепрягли лошадей. С[ветлейший князь] П[отемкин] поскакал, а я с Боуром за ним. Только мы тронули лошадей, они понесли прямо на кибитку фелдм[аршела]. Я думал, что мы его опрокинем. К счастью, ямщик своротил немного в сторону и только запрягом попали в кибитку; но как и он скакал, то удар несильный. Однакож фелд[маршел] спросил у гусара, сидевшего у него на облучку: «Кто это?» Гусар отвечал к[ак] д[олжно]; после сего полковник велел обогнать фелд[маршела] и говорит мне: «Пожалуйста, поезжай поскорей, чтоб нам вперед приехать, а я засну — не спал ночь», — и, завернувшись, тотчас уснул. Я, поуждая ямщика, как мог, на добрых лошадях скакал. В 1 ¹/₄ [часа] мы проскакали 31 вер[сту]. Тотчас разбудил полк[овника]. Он вскочил, пособил фелд[маршелу] выдти из кибитки. Все тверские чиновники его встретили; приготовлен был обед, но он не сядил. Перепрягли лошадей, и тем же порядком отправились в Петербург. Боур, посадя фелд[маршела], поскакал вперед.

Вскоре и я поехал в Москву, а на Страшной⁷³ неделе в полк. Приезжаю накануне С[ветлого] В[оскресения] Х[ристов]. Брат и все офицеры мне крайне обрадовались. Праздник провели очень весело, хотя ни званых больших обедов, ни катанья около качель, ни театров не было. Разговелись, чем Бог послал, и начались дружеские офицерские резвости, которые в юности более приносят удовольствия, нежели в летах великолепный бал.

В конце апреля 1791-го года вышли в поход; ходили по Молдавии и Валахия, а в конце лета под командою князя Н.В.Репнина⁷⁴ отправились за Дунай. Велено было обоз оставить в Вагенбурге. Переправясь Дунай под Мачином, встре[ти]ли неприятеля. Завязалось дело. Нашего полка отрядили два эскадрона прогнать дерзких турецких наездников. Как наши пошли в атаку, турки поскакали назад, наши за ними и наскружили на пехоту. Янычары встречают их из ружей. Майор Булацель, желая им захватить во фланг, scomандовал: «По четыре направо!» — но наши поворотились в два оборота и пустились врассыпную назад. В числе оных эскадронов был ротмистр Хрипунов, который, удерживал свою лошадь, желая удержать солдат. Вдруг кричит ему ундер-офицер: «Берегитесь, ваше благородие!» — Он оборачи-

вається, видить почти наднесенную саблю, даєт лошади шпоры и тотчас отделяється. Ундер-офицер насакаивает и сильным ударом ссаживает с лошади арапа бездыханна. Все оное происходило в глазах наших. Скоро турок сбили и победа осталась нам. Мы, сойдя с лошадей, по обыкновению сходимся в кружок; начали смеяться Хрипунову, как он уходил. — «Да, — отвечает, — проклятой турок, отъял было шею». — Тут все засмеялись: «Какой турок! Арап черней головешки!» — Хрипунов не хотел верить, а как это было недалеко, то поехали смотреть. Когда подъехали, Хрип[унов] закричал: «Проклятой! Мне показался бел, как мука». — Это больше заставило смеяться и вошло в пословицу: «арап бел как мука».

После сего турки потребовали перемирия. Мы пошли назад в Молдавию и распушены по квартирам. Наш полк расположен был около Стефанешти и Любонешти. А как я упоминаю разные происшествия, то нижеследующий помещу. У нас был ротмистр Н., стоял недалеко от селения, в коем квартировали австрийские гусары. В оном селении было много сена. Н. посылает несколько подвод на волах, приказывает поднять, сколько можно. Лишь успели навить, гусары насакаали, начали удерживать. Н. дали знать. Он отряжает 20 лежкоконцев, приказывает сено привезть. Гусары начали стрелять и убили одного вола, но увидя лежкоконцев, перестали стрелять и дали возможность, брося воз, прочие увезть. Но как у нас с австрийцами согласие, то Н., боясь, чтоб не вышло от них просьбы, посылает оное к другому ротмистру Пас., при записке: «Сделай добро, сколоти ведро, обручи под лавку и доски в печь, чтоб нельзя было извлечь». Точно, с жалобой были у Н., но он позволил сделать у себя обыск, а как сена не нашли, то так и кончилось.

К нам был прикомандирован Ахтырской лежкоконной полк; из обеих сформировали десять эскадронов, одели в зеленые куртки и велено было полку называться Харьковским конно-егерям и учиться егерской эволюции. В конце апреля мы пошли в поход к местечку, оттудова к Ужу. С[ветлейший] к[нязь] П[отемкин] занемог, возвратился в Ясы, а полк наш на те же квартиры. Полковник наш Б[ауэр] всё находился при с[ветлейшем] к[нязе] П[отемкине]. Мне нужно было опять отпроситься в отпуск.

Приезжаю в Ясы, прошусь. Полковник говорит: «Завтра мы с князем едем в Херсон; ты нас проводи на одну станцию, а там я тебя и отпущу. Тебе препоручается буфет». — Он состоял из нескольких качалок⁷⁵ с посудой и разными запасами, в том числе одн[а] со льдом, и коляска для кофешенка⁷⁶ и муншенка. На другой день часу в третьем отправились с генералами и с племян-

ницами [Потемкина] Энгел[ьгардт] и Бронниц[кой]⁷⁷ в нескольких каретах, с прикрытием конвоя из уральских козаков. Вскоре и я со своей командой за ними.

Вдруг мои кофишенки останавливаются. Спрашиваю: «Что такое?» — Один подбегает и говорит: «Очень жарко, не прикажете ли меду?» — «Хорошо, дайте». — Вынимает несколько бутылок и стакан, бутылку о колесо — горлушко искусно отлетело. Опорожня бутылки, пустились в путь. Догоняем с[ветлейшего] к[нязя] П[о]темкина. Он велел конвойным своим уральцам маневрировать. Их было около тридцати. Разъехались, как на перестрелке. Экипажи едут, козаки перескакивают — [это] составило прекрасной вид. Приезжаем в Розенки (первая станция), подходят к кофишенку г[енерал]-м[аиоры] С.Л.Львов и М.И.Платов⁷⁸, говорят: «Дай чего-нибудь напиться, от жару в горле пересохло». — «Не смею, — ответ его был, — вон мы ротмистру приказаны». — Они ко мне: «Прикажи дать». — Я велел и в душе смеялся, как сами несколько бутылок выпили, генералам будто не смели дать по стакану кислых щей.

После получаю к В.С.Попову письма и отправляюсь в Ясы, и пашпорт себе. Чуть стало рассветать, я приехал. Показалось, идти к нему рано, а как всю ночь не спал, то в кибитке и заснул. Проснулся — солнышко довольно высоко взошло. Вскочил, бегу, нахожу его уже за бумагами, подаю письма. Он говорит: «Что долго ехали?» — Принужден лгать: «Лошадей всех разобрали, мне дали таких — насилу доехал». — «Что князь?» — «Ему лучше». — Это его окуражило⁷⁹, и с веселым лицом меня отпустил. Не успел я выехать из молдавской столицы, приехал находящийся при фелд[маршеле] полк[овник] И.Ф.Чорба⁸⁰ с известием о смерти фелд[маршела]. Несмотря на мою молодость, такое сделало на меня влияние, что я долго сидел задум[авши]сь, думая о жизни человеческой: как такому могущественному вельможе, не дожив преклонных лет умереть. Но в юности скоро скука переменяется в мыслях.

Лошади были готовы, сел в тележку, поскакал в эскадрон. Приезжаю к брату, рассказываю о сем приключении и о своем увольнении. На другой день поехал для отыскания своих беглых, и зачету их за рекрут. Близ Кременчуга заезжаю к бывшему однополчанину поруд[чику] Турунже, у которого по причине надобности часто быть в Кременчуге остановился на несколько дней. С ним поехали к соседу его, П.И.Конбурлею, которой также служил со мною в Х[арьковском] полку, а по случаю его [брата] М[ихаила] И[вановича]⁸¹ имел при фелдмаршеле конвойной Гусарской эскадрон и вышел в отставку маиором. Село его называ-

ется Анофреевка, 1000 душ при значительном количестве земли, нераздельно с братом, любимцем В.С.Попова. По тогдашнему времени и краю жил великолепно. Он очень был рад. Показывал все свое заведение, прекрасных лошадей и прочее, а после обеда пригнали ватагу, состоящую из нескольких кобылиц с меринами-молодежью и с сосунками: «Вот табун М.В.Каховского⁸². Когда он был в Крыму главным начальником, его дарили ханы кобылицами, он, оставя, велел продать. Купи, пожалуйста». — Я: «На что мне? Куда с ними деваться?» Т[урунжа]: «Ко мне на степь». — К[онбурлей]: «Возьми! Так дешево отдам, как не во[о]бражаешь». — Я: «А что возьмешь?» — К[онбурлей]: «Что стоят». — Я: «Мне не надо». — К[онбурлей]: «Да оцени». — Я, думая как можно дешевле сказать: «Рублей по 15 за лошадь». — К[онбурлей]: «Твои лошади! А жеребята ни в чем». — Мне показалось очень дешево — теперь за некоторых дал бы по 200 руб[лей]: «Так и быть, возьму». — Перегнал табун к Турунже, с ним сделал условие: за степь и солому ничего, а сено брать у него: полускирд 10, а скирд 20, длины и поперек две сажени маховых, оставя у него табун. Между тем отыскал несколько своих беглых, взял свидетельства для зачета, чрез несколько дней поехал в Москву.

Проезжая Курск, сошлись к моей тележке много ямщиков. Кричу на них, чтоб пособляли скорей запрягать, многие бросились к лошадям, а один говорит: «Много вас тут ездит». — Мне стало досадно; бросился к нему, — он бежать. Вдогонку ударил его по затылку. Он упал и не встает. Закричали: «Убил!» — Подхожу — он не дышит. Мне очень стало жаль, а в голову не вошло, как за него отвечать. К счастью, он вздохнул, встал. Я побранил его за грубость, дал денег и поехал — сперва в Калугу за честь квитанции.

Бывши в губернском правлении, выходит советник Михайлов из присутствующей комнаты и подходя ко мне, говорит: «Как вы можете чужих людей закладывать?» — Я: «Удивляюсь, что вы мне это говорите. Я еще и своих не закладывал, не продавал». — С[оветник]: «Вы Загр[язской]?» — «Да». — «Ваш поверенный здесь ходит?» — Отвечаю: «Мой». — «Так как же вы говорите, когда по делу видно?» — Я: «Для меня все-таки непонятно: верно, вы не так поняли или ошибаетесь». — С[оветник]: «Вот, сударь, еще вы так отговариваетесь». Тут секретарь подходит к нему и рассказывает, что дело, о котором он докладывал, другого Загрязского, а этот просит о зачете своих беглых крестьян. С[оветник] начал извиняться за это. Я: «По крайней мере, вы меня не подержите». — С[оветник]: «Завтра же

получите от нас отправление». И точно, на другой день я получил бумагу в казенную палату. Оставя получить квитанции поверенного, я сам поехал в Москву. Пока со всеми родными, знакомыми повидался, он привез квитанции, которые я скоро продал, и к походу опять явился в полк.

В небытность мою нас расформировали по-прежнему на два полка и опять отдали И.Д.Сабурову, а как брат уже произведен был в ротмистры, командовал десятым эскадроном, которой почти весь состоял из шестого Ахтырского, то мы оба и многие из Харьковских офицеров остались в А[х]тырском полку. С турками заключен мир и пошли через Хотин; пошли в Польшу⁸³.

Первое дело было с поляками под Владимиром, но они скоро побежали и город оставили. Кавалерию послали их преследовать. На другой день пришли в селение, верст двадцать отстоящее от Владимира. Не могли найти фуража. Думая, что войска польские забрали, но нам сказывают, [что] когда еще их войска стояли во Владимире, то наши козаки приезжали и все забрали. Потом дело было под Зеленцами. Поляков было до тридцати тысяч. Послали Екатеринославской гранодерской и Бугской егерской при двух гусарских, Воронежском и Ольвиопольском полках, да несколько козаков их атаковать, а вся армия шла сзади. Мы были посланы вперед и шли довольно поспешно, но дела не застали; поляки уже отретировались. Перейдя несколько места сражения, стали лагерем. Поляки ретировались почти без отдыха до Дубенки. Тут принудили их дать сражение. Они поставили несколько батарей. Велено было полковнику Паленбаху с его Переяславским конно-егерским полком взять оные. Он, исполняя, первую батарею взял, на второй убит картечью, но поляки побежали и баталия была выиграна.

Поляки заключили мир, и [мы] пошли к Варшаве, стали лагерем у Праги⁸⁴. Полковник и штаб-офицеры имели [там] квартиры, а потому и нам позволено было ездить в нее.

Там жил богатой жид Шмуль, имел большой каменной дом на две половины — в одной жил сам, а в другой две хорошенькие его дочери. Одевались в длинные платья, говорили по-французски, играли на фортопьяно и пели. Меньшая, лет шестнадцати, при всей белизне имела черные волосы, острые глаза и румянец во всю щеку. Мне пондравилась; казалось, и я ей не противен. Нередко сживали с глазу на глаз. Она сядет за фортопьяно, начнет играть, я возле ее. Скоро разговор заменял игру, и мы в удовольствии друг другу болтаем, что в голову войдет; оба были довольны. Один день она отменно было ко мне ласкова. Я попросил ее что-нибудь спеть. Она заиграла и запела фран-

цузский роман[с]. Я стал за ней и начал перебирать ее локоны, которые висели на перед чрез белый воротничок на голубом шелков[ом] платье. Перебирал далее; рука моя коснулась до ее груди. Она, продолжая играть, поверня голову, так умильно взглянула на меня, что я из-за стула поцеловал ее в щеку, руку пустил к ней за платье, и вдруг выдернул, почувствовав грудь ее в нечистоте. Это так меня отвратило, что не мог более с ней быть, но чтоб не показать неудовольствия, сказал, что возле нее забыл полковничье приказание быть у него в пять часов, а теперь уже шесть. Поцеловал ее и, подойдя к двери, обернулся. Вижу, что она провожает меня прехвалкими глазами, как будто предчувствовала: более меня не увидит. И подлинно, я не имел желаниа быть с нею. Да вскоре пошли церемониальным маршем чрез Варшаву и стали возле ее лагерем к ней фронтом.

Тут торжествовали мир с турками, все полки имели люенацию, играла музыка и пели песни. Поляки приезжали смотреть, и гуляли близ освещения вдоль фронта. Так продолжа[лось] часов несколько за полночь, пока плошки начали гаснуть, что было почти на рассвете.

Отпраздновав, чрез несколько дней пошли на кварталы. Нашему полку назначено было воеводство Плоцкое. Я с эскадронном занял местечко Плонск, а брат — местечко Млаву. Меня окружали многие польские помещики, живущие в своих местностях, особенно хорунжий Думбовский, который имел хорошее состояние и давал часто вечеринки, приглашая меня с офицерами. Начнется танцами и подчивание вином, а потом, оставя музыку, поляки начнут пить, а дамы пойдут в свой кружок. Я не любил много пить, всегда как-нибудь иду от них к барыням. Однажды случилось: хорунжина выходит в лакейскую и видит моего вестового. Возвращаясь, говорит: «Какой прекрасный солдат у пана ротмистра». — Это заставило еще двух дам полюбопытствовать. Одна, живущая в доме хорунжины, подняла спор, что нехорош. «Брешет, — говорит, — панья экономка», — сказала хорунжина. Оборотясь ко мне, просит позволение ему войти. Я тотчас пошел и привел его. Вход его сделал веселой шумной разговор. Все напали на спорящую. Хорунжина стала со смехом ее уверять, что она не то чувствует, что говорит и желает его поцеловать, и адресуется ко мне: «Пан ротмистр, велите ему поцеловать ее!» — «Не смею сего приказать, а ежели вы прикажете, то он, верно, поцелует». — Несколько дам ухватили ее за руки, за голову, прислоня к софе, кричали солдату: «Целуй ее!» Я дал знак, он подскочил, поцеловал и ушел. Из этого такой вышел смех!.. Панья экономка представляет, будто сердится, а

другие ее уверяют, что она очень рада и сильнее чмокнула, нежели он. Хорунжий, услыша оный хохот, бежит с бокалом и с бутылкой, кричит: «Виват! За здравие паньи экономки и жолнержа!»⁸⁵ — пьет, подает мне, я тоже. Пошел бокал по рукам. С ним опять мужчины разделились. У многих голова была уже довольно наспиртована, то были разные явления: кто смеялся, кто спорил, а иные дремали — три часа за полночь, то я с офицерами отправился в эскадрон.

Для лучшего продовольствия в квартерах солдатам велено разместить [их] по ближним селениям по удобности некоторые [в]зводы, как эскадронный командир расположит. Близ Плонска жила одна богатая барыня. Селение большое; я отрядил к ней порудчика Колокольцова со взводом. Она приняла его в свой дом, отвела ему две комнаты, каждое утро посылала ему с паняночкой кофей, обедать всегда приглашала с собой. Порудчик, чтобы выиграть доверенность барыни и любовь панянки, употребил все возможное старание. Я приезжаю смотреть [в]звод. Оглядя, прихожу к барыне, спрашиваю, довольна ли квартированием порудчика и солдат. Она чрезвычайно начала хвалить его приятную веселость и деликатность, также и смиренность солдат. Сим отзывом я крайне был доволен, благодарил порудчика и спокойно поехал. Не прошло двух недель, — получаю от барыни записку; зовет к себе. Приезжаю, спрашиваю порудчика: «Зачем барыня зовет?» — Он признается, что успел в расположении панянки, но барыня, узнав, отослала ее в другую деревню. «За то не принимаю ее кофей, не хожу к ней обедать, ем свою кашичу. Вы знаете моего походного козла? по ночам велью его приводить и драть за уши; он кричит и не дает ей покою. Думаю, она будет жаловаться». — Я пеняю ему, а он просит, чтоб я помог: «Вы меня, ротмистр, осчастливите!» — «Помилуй, неужели нельзя найти другую?» — «Нет ей подобной!» — «Делать нечего, постараюсь», — и пошел к панье. Она, не говоря ни слова о панянке, а про козла слово в слово: порудчик сделался прегрубой, ничем ему не может угодить, обедать к ней не ходит и давно глаз не кажет, и солдаты стали презлые, словом сказать — он точной дьявол, а солдаты как черти. — «Я запрещаю, сударыня, вводить козла и виновных солдат накажу; но скажите, панья, отчего такая перемена? Вы его хвалили и всей командой были довольны...»

П[анья]: — Не знаю. Вдруг переменялись.

Я: — Извольте быть покойны, этого ничего не будет. Да нельзя ли вам уладить, чтобы все было по-прежнему весело и приятно?

П[анья]: — Я не командир, меня не послушает.

Я: — Правда, сударыня, вы не имеете над ним начальнического права, но нередко мы бываем в сильнейшем раболепстве у дам, и более им повинемся, нежели начальству.

Панья засмеялась и переменяла разговор. Я отобедал, а пор[удчик] сказался больным, не пошел. Простясь с барынею, захожу к пор[удчику]. Говорю: «Нет успеху. Пожалуйста, оставь своего козла в покое, перестань блажить». — «Хорошо, ротмистр, козла оставляю, а что-нибудь выдумую». — «Ну, как хочешь; побереги меня и себя».

Не прошло трех дней, опять барыня зовет меня. Еду к поруд[чику]: «Что новенького спроказничал?» — «Ничего, ротмистр, козла не трогаю, а лошадей вводят всякую ночь». — Я выговариваю ему, а он опять просит: «Да постарайтесь, ротмистр, обяжите». — Иду к панье, она жалуется, говорит: «Во всю ночь нет покою: водят лошадь по комнате и она стучит. Думаю, весь пол переломала». — «Я выправлюсь, панья, не прикажу и этого делать, а ежели панье угодно, то поставлю другого офицера, но ежели тот будет более проказничать, что вам за удовольствие?» — Вижу, что она принимает мои слова и не сердится. Стал говорить откровеннее: «За что, — говорю, — вы отнимаете счастье у панянки? Их любовь основана на добродетели», — при сем слове панья улыбнулась. Я, будто не заметил, не переменяя тону: «Может быть, он...»

Она сделала благосклонный вид. Я, целуя у нее ручку, упрашивал возвратить панянку, и так был счастлив — успел в желаемом. Панья дала слово исполнить мою просьбу. С удовольствием возвращаюсь к порудчику, объявляю ему — он запрыгал от восхищения. На третий день пишет: он счастлив, панянка возвращена, и живет как в раю. Немного спустя время еду к ним. Порудчик у барыни, прибегает ко мне, кричит: «Все ладно, пошли к барыне». — Она встречает [с] веселым видом. Я спрашиваю: «Довольны ли вы, панья, теперь своим соседом?» — Она, смеючись, говорит: «Удивляюсь, как вы можете так переменяться. Порудчик опять стал ангелом, а солдаты смиренней барашков». — Я не упустил ей напомнить сказанное мною, что женщина из нас все может сделать. Пор[удчик] был любезен и весельчак, рассказывал разные смешные анекдоты, и мы провели время очень весело.

В квартирующем мною местечке в базарный день съехалось особенно много дробной⁸⁶ шляхты. Они же все приезжают продавать хотя воз соломы или куль овса. Сидит на возу, а сабля на боку. Перепились и начали между собой рубиться. Мой кара-

ульный ефрейтор подходит к ним и говорит, чтоб они сего не делали: эскадрон стоит, там должна быть тишина и спокойствие. Одни разошлись — сделалось то же в другом месте. Он тоже подходит и то же говорит. Им показалось обидно, как могут воспрещать. Собрались толпою и пришли к моей квартире. Хотели продрасть в нее, — часовой не пускает. Я был у чистки лошадей саженьх в пятидесяти от местечка в проезжей корчме. Почищен [?] весь эскадрон, прибегает мой человек, рассказывает, что пьяные поляки дерутся ко мне в квартиру и угрожают разбить караул. Я, не разобрав хорошенько, закричал: «К ружью!» и, взяв 30 лежкоконцев, пошел в местечко. Поляки, увидя, тотчас начали разъезжаться. Я велел тех, которые дрались, ловить. Жиды начали показывать виновных. Гляжу, ведут одного отставного поручика огромного роста; сзади идет мой лежкокоонец, дручком⁸⁷ с руку толщины с размаху бьет его. Я испугался, кричу: «Зозуля! — так прозывался этот солдат, — что ты делаешь? Убьешь до смерти!» — «Ни, ваше благородие, — отвечает, — таки здоровы и не подается». — Я засмеялся, но не приказал бить.

Набрали 16 человек, поделали на них колодки и в каждую заклепали по два. Нарядя восемь человек с обнаженными саблями, отправил в штаб, дав поручику Карпинскому рапорт о происшествии. Велел прежде явиться к маиору Райковичу.

Между тем поляки на меня подали полковнику И.Д.Сабурову просьбу. Он, развернув, подает Р[айковичу]: «Посмотри, что за стихи прислал маршел?⁸⁸» — Тот принимает, видит и говорит: «Это не стихи, а имена шляхтичей, которые просят на меньшого Загрязского, что он заковал в дыбы, то есть в колодки, шляхтичей и посылает сюда с обнаженными саблями». Пол[ковник] был человек не пряткой и смирной, струсил: — «Надо, — говорит, — сделать следствие». — Р[айкович], успокоя его, пошел навстречу. Встречает моего Карпинского с рапортом. Первое слово: «Где шляхетство?» — «Ведут», — отвечает. — «Скачите скорей, где встретите, колодки сымите и распустите их, команду верните назад. Завтре я приеду, разберу». — Карп[инский] приезжает, рассказывает. Не так пошло дело, как я по юности моей думал. На другой день приезжает Рай[кович], с ним поветовы[й] маршел и человек до тридцати дробной шляхты. Им прочитают в вину, что разбили караул, а мне — зачем ковал в колодки. Надо было помириться, этой дробной шляхте поднести по стакану вина. Они сделались довольны, подписали мировой акт и засвидетельствовали в ратуше. Сим оная процессия и кончилась.

В Плонске был староста Прасницкий. Приехал его считать⁸⁹ маршел. Староста просил нас обедать, дабы угостить маршела, а потом просил песельников. Как все были уже в пьяна, то маршел с старостой поссорился, ушел к себе на квартиру. Староста пристал ко мне, чтобы я помирил их и упросил бы его прийти к нему. Я пошел с песельниками. Прихожу, он лежит раздевши. Встал, оделся. Я уговаривал, елико можно, но он никак не соглашался. Велел просить песельникам. Они по-солдатски: «Пан, пожалуйста к старосте», — что довольно было смешно, но он как медведь все сурьезно отговаривался. Мне уже стало досадно. Закричал солдатам: «Ляжь!» — Они легли. — «Видите, как вас просят. Если вы не согласитесь, то уже меня обидите. Подите теперь, а после делайте что хотите». — Он видит, что я принял сурьезный вид — согласился. Закричали «ура» и пошли. У старосты пили до тех пор, пока потеряли чувства. Кто где сидел, там и заснул. Я с песельниками пошел домой. На другой день то же. Около трех недель все пили, и кончили отъездом маршела.

Потом занимали нас даваемые вокруг местечка живущими панами вечеринки, но как они не так были значительны, как у хорунжего Думбовского, то об них нечего и сказать, хотя они были занимательны, особенно интригами, и время квартирное очень сократили. Я потому назвал квартирное, [что] для меня во всю жизнь не было скушнее, как быть на квартирах. Может потому, что в молодости в Екатеринославе, в Молдавии мы все стояли по деревням, то было несносно. Это первые квартиры, которые доставили нам столько удовольствия.

Брат вышел в отставку, поехал на почтовых, а люди и лошади его поступили ко мне. И так у меня сделалось всего [в]двойне. Вскоре после сего мы вышли в поход под Варшаву. Верстах в тридцати остановились, начались ученья эскадронные, редко полковые — и то пеше по-конному⁹⁰. Всегда учил майор Вуич⁹¹, но сам плохо знал службу. Раз случилось, что он разными оборотами спутал людей и заднюю шеренгу поставил наперед. Я ему говорю: «Майор, у нас задняя шеренга впереди». — А как у нас с ним не очень было ладно, то он с досадой отвечал: «Это у вас у одних». — «Нет. Спросите у всех». — «Как же развесть?» — «Прикажете, я скоманую». — Он рассердился и сказал: «Полно». — Другие ротмистры стали распутывать свои эскадроны, а я скомановал: «Карабин на права плеча! Бегом в палатки!» — Солдаты побежали, а я кричу: «Там распутайтесь!»

Майор обиделся, пошел к полковнику, куда и мы приходим с рапортами. Майор говорит полковнику: «У нас есть ротмистры, — не хотят служить и не делают должного».

П[олковник]: — «Вы арестуйте».

Я: — «Нет, полковник. Вы властны, а при вас я маиору не дамся!»

М[аиор]: — «Вот, изволите слышать».

Я: — «Разве при старшем может младший арестовать? Отдайте в приказе, что майор начальник полку, тогда, ежели он велит на палочной [?] идти, то пойду».

Все взяли мою сторону. Пошла общая материя, скоро прекратилась и разошлись.

Лагерь наш был возле деревни, в которой арендатор имел прекрасное экономическое заведение. Он содержал тридцать дойных коров, которые стояли в одном коровнике, не пускались в поле; за ними ходило два человека. Коровы накормлены и вычищены, и все было в таком порядке, как у нас в охотничьей конюшне⁹². Надо любоваться, каким порядком все это делалось. На зоре из деревни приходят шесть баб для доения, приносят ушаты и ведра. У каждой на плече белое полотенце. Зачинают доить. Хожалые⁹³ в это время задают корм, ходя по коридору. Как скоро кончат доенье, спускают коров, и один гонит поить, другой сдвигает позём⁹⁴ и стелет солому. Когда коровы придут, по привычке каждая идет в свое стойло; надевают налыгачи⁹⁵ и начинают их чистить. По уборке запирают коровник, идут завтракать. Скоро приходят, зачинают чистить коровник. Позём выносят в кучу возле коровника. Вычистя, идут обедать довольно долго, оттудова привозят корм, потом едут за соломой на вечер, опять один гонит поить, другой убирает в стойлах. Когда бабы приходят, они задают на ночь корму; и так ежедневно с большой аккуратностью исполняется. И очень легко: видели более их отдыхающих, нежели работающих.

Отсюдова пошли к самой Варшаве в два перехода. На втором полковник ночевал на квартире. На другой день мы, перейдя деревню и перейдя гать, на другой стороне остановились дожидаться полковника. Майор выстроил фронт, и лишь полковник подъезжает, он скомандовал: «Сабли вон!» — П[олковник] кричит: «Не надо! А пошлите по двадцати человек с эскадрона на гать, пособить переправить фуры». — М[аиор] оторопел, или забылся, что сабли вынуты, командует: «С коня!» — Я спрашиваю: «Сабли куда прикажете?» — Он поскакал к полковнику; мы слезли с лошадей, сошлись в кружок и смеемся насчет «куда сабли прикажете». Майор подходит к нам и смеется, говоря помалороссийски: — «Дивись, вси зробили, як треба, а москаль пытается, куда сабли?» — Я говорю: «Вольно господам ротмистрам. Почем знать, что вы хотите. Я готов исполнять, что вы

приказываете, а не самому придумывать». — М[аиор]: «Добре, добре, знаю». — Тут идут солдаты, и пошли все к своим местам.

Приходим к Варшаве, становимся почти возле заставы. Г[лавно]командующий был Энгельштром⁹⁶. Вздумал сделать маневры одной пехотой. С нашего полку велено сменить все караулы, содержимые пехотой; к нему в караул — эскадрон. Мне досталось сменить гранодер. Надо сказать, что дом, им занимаемый, был на обе улицы. Перейдя заднюю улицу, жила панья Залужская, с которой он имел интригу. Когда она занемогла, чтоб по мостовой не стучали, настлали соломы. Ночью поляки прилепили на углах ее дома стихи: «Прохожейц, не дивуй же ту леже слома, бо ту хоруге курва Энгельштрома», то есть: «Прохожи[й], не дивись, что тут лежит солома, ибо тут больна курва Э[нгельштрома]». Кто сделал — отыскать не могли, да и не слишком старались изыскивать виновников.

За дежурного был у главнокомандующего Г.Д.Боур. Приказывает мне сказать, чтоб в задние ворота никого не пускать. Потом приказывают, чтоб с двора пускали, а только с улицы не пускали. Я приказал часовому оное подтвердить. На вечер сказывают, что Энгельштром пошел к Залужской. Я строго приказал часовому, ежели пойдет назад, то чтоб он не пускал. И точно, он идет. Часовой кричит: «Не ходите!» — Он рассердился: «Разве ты меня не знаешь?» — Ч[асовой]: «Знаю, ваше превосходительство, да с улицы никого не велено пускать». — Долго г[лавно]к[омандующий] с ним спорил, наконец часовой говорит: «Прикажите крикнуть капрала». — «Нет», — и пошел вокруг. Придя домой, посылает за мной. Я прихожу. Кричит, дурно выговаривая по-русски: «Кто из нас в карауле? Или я под караулом?» — Ответ мой был: «Я исполняю ваше приказание никого с улицы не пускать, что в точности и исполняю». — «Так, вижу, что не ваше кавалерийское дело ходить в караулы. Извольте идти». — После сего сменил нас Харьковской лежкоконной полк, а по окончании маневров пошли по тем же квартирам.

Прихожу опять в Плонск, а как начали поговаривать, что поляки не очень смирны и хотят опять сделать конфедерацию, то взял жида, которому давал в месяц червонец, чтоб он обо всем вокруг происходящем доносил: ежели что я мимо его узнаю, то закатаю палками. И он аккуратно всякое утро приходил и сказывал, у какого пана собираются поляки и о чем даже толкуют, но как это было в местах, занятых прусскими войсками, следовательно, я о сем и не заботился.

Вдруг он является ко мне, сказывает, что панья Мицкевичева приехала в лавку, хочет меня видеть. — «Ну те к черту! Что

мне в ней?» — «Э, пан ротмистр, такая молодая и прекрасная!» — Это побудило меня любопытствовать, что такое будет. Одеваюсь, иду в лавку, нахожу прекрасную молодую даму, развертывающую ленты. Спрашиваю у жида: «Есть ли тафта?» — зная, что она в другой лавке. Жид выходит. Я адресуюсь к панье и по коротких словах прошу ее к себе на квартиру; что ей угодно будет, прикажу принести, уверяя, что гораздо покойнее ей будет в тепле, нежели на холоду. Она согласилась, и пошли ко мне. Я тотчас велел подать кофю. Тут сказала она, что меня видела входящего с эскадроном в Плонск и в класторе кармолитов⁹⁷, с тех пор все искала случая познакомиться со мной. Скоро дошла речь до любовных объяснений, дали обещание любить друг друга, пока возможно будет. Подали кофей, и жид принес тафту и ленты. Она сказала, что ей теперь некогда. Жида отправили. А мне — что муж ее завтрашний день едет в другую деревню; чтоб приехал к ней. Проводя ее, я с нетерпением дождался назначенного время.

На вечер другого дня велел запрячь тройку в сани, отправился к новознакомой. Нахожу порядочной, небольшой, но хорошо мебелированной домик. Войдя в залу, вижу ее за работой с живущею у нее панянской лет девятнадцати. Вечер провели в веселых разговорах; поужинали; она повела в назначенную мне горницу. Входим — вижу другие двери. Спрашиваю: «Куда оные?» — Она с некоторой застенчивостью отвечает: «В мою спальню», — и хотела идти, но я, остановив, поцеловал. В другой комнате застучали; она пошла.

Я лег в постель, но мысль о моей соседке не давала покою, а шарканье и стукотня по комнатам приводили в досаду. Мне казалось — очень долго прибирают комнаты. От нетерпения встаю, тихонько подхожу к неплотно затворенной двери. Вижу мою любезную, как на картине лежащую богиню. Держа книжку в руках, небрежно прикрыта тонким одеялом, которое образовало весь ее корпус. Темно-русый локон шевелится на яблочке полуоткрытой груди, которая от тайных вздохов нередко поднималась выше обыкновенного дыхания. Быстрые ее глаза в томном виде чаще взводились вверх, нежели опускались на книжку, и верно она не видала ни одной литеры. В восхищении глядел стремительно; всякое малое ее движение чувствуемо было мною во всех членах, казалась она ангелом; тысячу приятных воображений встречались, заменяя один другого в большом беспорядке, и я как прикованной, не шевелясь, стоял у двери, переводя дыхание, чтоб чем-нибудь ее не потревожить. В другой комнате какой-то шорох заставил меня опомниться и лечь. Скоро тишина

дала знать о спокойствии домашних. Надеваю шлафор, вхожу к ней... Тихонько ахнула и погасила свечку. Остался малинный свет в ланпаде. Бросаюсь к ней, целую; она также, но с некоторою робостью. Ложусь, она нежно обняла, я слышал трепетание ее сердца...

Не нужно упоминать, как прошла ночь. Всякой мужчина в двадцать лет с прекрасной восемнадцатилетнею женщиною, ежели не так чувствительно, по крайней мере те же имеет удовольствия.

На рассвете, сожалея о короткости ночи и сетуя на время, которое нас не дожидается, надо было расстаться. Расцеловал, пошел в свою комнату и в приятном утомлении лег. Проснулся в десять часов, вспомнил, что надо еще проехать 25 вер[ст], чтоб поспеть к обеду в штаб, поспешно оделся, велел закладывать лошадей. Хозяйку нахожу в той же комнате, в которой вчера сидела за работой, в лиловом шелковом капоте, в батистовой, прекрасно отделанной кружевом, косыночке, за столиком перед нарядным фарфоровым дежене⁹⁸, с своей компаньонкой пьют кофе. Увидя меня, румянец покрыл ее щеки — она еще лучше мне показалась, чем вчера, — а томные глаза напомнили сильней прошедшее блаженство. Она немножко привстала, я поцеловал руку и сел возле нее.

Время летело. Бронзовые под стеклом часы пробили двенадцать. Я встаю, хочу ехать, она удерживает, чтоб позавтракал. Как не повиноваться этому земному божку? Тотчас прибирают чашки, и на другом столе подают завтрак. Нечувствительно прошло время до двух часов.

Приехал в штаб в 4 часа. Скорая лихая езда, до которой я страстный охотник на это время меня не занимала. Я только и думал о прошедшем и делал планы, как бы секретней и чаще иметь свидания; полагаю для переносу писем употребить своего жида. Приезжаю прямо к майору. Он, здороваясь со мною, объявляет, что нам велено скоро выходить: штабу в Закрочим, а мне в Цехочин. Как дубиной по лбу! Я [о]цепенел.

М[айор]: — Что, брат, аль квартиры хороши, жаль оставить? Садись, да обедал ли?

Я: — Обедал.

М[айор]: — Ну так чаю, а между тем дайте нам трубки, — и начал рассказывать слышанные разные случаи про поляков, но видя, что я нимало не беру участия и почти не внемлю: — Что с тобой сделалось? Верно, какая-нибудь зажгла сердчишко?

Я не хотел на первой раз быть откровенну: — Нет, а хоро-

шо стоять в Плонске и покойно размещен эскадрон. Думаю, в Цехочине того не будет.

М[айор]: — Да, я слышал, местечко не большое. Что ж делать — мы не на жительство сюда пришли.

Переночевав, пошли к полковнику. Он то же подтвердил. При прощании сказал: «Скоро вам придется приказ, так будьте готовы». — С крайним неудовольствием отправился в эскадрон, объявил всем офицерам и отдал приказ вахмистру, что[б] были готовы; сам думал, как бы повидаться с моей любезной. Жид мой отлучился и письма послать не с кем, а самому, не снесясь, ехать нельзя. В таком был замешательстве, что офицеры заметили. А как они уже знали, то по-дружески старались меня развлечь разными манерами: иногда надо мною начинали посмеиваться. И так прошло дня три.

Сию на своей квартире, гляжу в окно. Подъезжают две дамы. Вышел впустить — думал хорунжина (она бывала у меня), но в какое пришел удивление и восторг, увидя мою любезную! А другая поехала прочь. Спрашиваю, кто такая была с нею? — «Это моя подруга. Мы с ней живем душа в душу и ничего друг от друга не скрываем. Она поехала к старостине и опять заедет за мною».

Я приказал часовому и людям: кто зайдет, чтоб сказывали, что меня нет дома, а когда придет барыня, чтоб доложили. Оставшись двое — своя воля — пошли в спальню. Ласки, поцелуи скоро возбудили дальнейшие страсти. Удовлетворя в полной мере своим желаниям, выходим в другую комнату. Я велел подать чаю. Сказывают, что приехала барыня. Я выхожу и прошу ее войти. Она идет: женщина около тридцати, веселая говорунья; скоро познакомились. Она шутила насчет моей любезной, говоря, что она не ошиблась в выборе (при сем слове любезная меня поцеловала), да как-то будет расставаться: «Я что-то слышала от старостины». — Моя приставала к ней, но она не хотела сказать. Я также не сказывал, чтоб не огорчить и посещение ее не сделать скучным. Напившись чаю, уехали. Не знаю отчего, но уже не так тосковал, как прежде. Сошлись офицеры: «Что-то вы, ротмистр, повеселели. Гости были, знаем, и рады, что вы опять по-прежнему».

На другой день получаем приказ выходить. Занялся распоряжением к выступлению, отправил для занятия квартал и конюшню, написал письмо любезной, изъявляя все горести, сказав ей, что еще пробуду сутки в Плонске, и послал с жидом. Приказал непременно привезть ответ, но чтоб делал тайно. Привозит ответ, в котором она описывает все сокрушения, какие только в разлу-

ке с милым быть могут, и дополняет, что более ее убивает: не может меня видеть: муж все узнал, и от старости так ревнив — бранит, шумит, делает всякие неприятности и ни по что от себя не пускает. Прочтя оное, досада и сожаление смешались вместе, и пока вышел, был не свой: все казалось не так.

Дней чрез несколько присылает хорунжий, зовет меня с офицерами на вечеринку. Он жил по эту сторону, в ровном почти расстоянии как к Плонску, так и к Сухочину, то мы отправились к нему. Тут я знаколюсь с одним пожилых лет поляком, который звал меня к себе, говоря, что его местность от Сухочина не далее 10 вер[ст]. Немного погода входит прусской капитан с одним офицером гусарского Цорка [?] полку, той самой, которой вступил по выходе моем в местечко Плонск. Порекомендовавшись с хозяйкой, подходит ко мне. Взаимно рекомендуемся. Он спрашивает, являются⁹⁹ ли его гусары ко мне? — «Вы видели, я думаю, из данных от меня квитков». — «Да как же ваши ко мне не заезжают?» — «Я не посылаю и не имею на оное повеления». — Он удивился: «Здесь много якубинцов, — (это была французская секта), — надо быть осторожну».

Начались по обыкновению подносить бокалы, заиграла музыка, начали танцевать. Мне досталась незнакомая блондинка: не так хороша, но ловка и весела, так что заставила на это время забыть мою любезную Мицкевичеву; и узнал, что она единственная дочь того поляка, которой меня приглашал. Видел, как пол[я]ки чуждаются прусских офицеров, обходятся с нашими совсем другим манером. Они скоро уехали, а мы остались. Церемония кончилась, начали с барынями резвиться, а с поляками пить. Моим офицерам [было] очень весело.

Среди сих удовольствий вызывают меня. Ундер-офицер подает конверт по секрету. Распечатываю — повеление, с получения, взяв с собою на десять рублей фуража и провианту, оставя обоз, оставить и прибыть в штаб. По назначении срока мне оставалось только один день. Ундер-офицеру приказываю, чтоб ехал скорей, набирали б как можно больше подвод, навивали сена и готовить эскадрон к походу. Сказываю офицерам, но чтоб не вдруг переставали и не показывали бы виду нашего походу; но как мы ни скрывали, все переменялось, из веселости перешло в сурьезность и мало-помалу превратилось в некоторый род унылости. Хорунжий спрашивает: «Что такое?» — «Велят переходить, но еще не знаю, куда». — Простясь с ним и хозяйкой, отправились в эскадрон.

На другой день вышли. Почти на вечер надо было пройтись около 40 верст, чтоб прийти в назначенное время, то принужден

идти всю ночь. Часов [в] шесть вошли в Закрочим. Мой квартир-мстр встре[ти]л, и донес, что полковник велел без церемонии идти прямо к конюшням, расседлывать лошадей и людей распустить по квартирам. Приказал порудчику весть эскадрон, исполнить по приказу, сам поехал к маиору, но как он у полковника, то и я туда. Рапортую о прибытии. П[олковник]: «Как все учредите, тогда приходите ко мне». — Поехал к эскадрону. Он уже расседлал. Людей распустил, пошел на квартиру. Только пообедал — сказывают, что полковник на конюшне. Иду и нахожу его со многими офицерами. При мне он хвалит сытость лошадей, и скоро ушел. Офицеры сказывали, что он, оглядывая лошадей, заметил садно¹⁰⁰, спрашивает, чья лошадь. Ему сказывают: Алексеечка (из числа песельников, которой бьет в ложки). Он рассердился и, ходя по конюшне, кричал, что бубенчики, они ничего больше не делают, как садны лошадям, «я переведу!» — Офицеры начали смеяться: «Вот вам песенки, полно ими хвастать». — «Жаль, вас, товарищи, оставить. Я не могу служить без песельников; должен буду перейти в другой полк». — (Тогда было позволительно с сентября по первое генваря подавать просьбы по желанию, кто в какой полк хочет, и переводят). Посмеявшись, разошлись. К зоре сходимся к полковнику. Подходит ко мне, говорит: «Мне надо на полк приготовить много фуража. Прошу вас раскомандировать своих офицеров с коман[д]ами и поблизости в селениях забрать овса, сколько найдут, и самим поехать, и к завтраму привезть сколько можно больше».

Делать нечего: просьба по службе командира сильней приказания.

Пришедши в эскадрон, раскомандировал офицеров, взял себе 10 человек. Приезжаю. Посылаю шесть человек выбивать подводы. С остальными иду к пану, требую овса и сена. Отговаривается неимением. Приказываю отпирать анбары и сколько нахожу, отбираю. Между тем ундер-офицер подсылает подводы. Набрал по разным селениям подвод сорок, навьюча сеном и овсом, отправился в полк. Чтоб не разбежались поляки в темноте ночи, приказал двум в авангард, двум в арьергард, и по два по бокам, а двум разъезжать и друг друга сменять беспрестанно. На рассвете подходя к Закрочиму, поляки говорили солдатам: «Мы думали, вас, панов, много, а ежели б знали, что так мало, то не повезли б». — Но уже въезжаем в местечко. Отрапортовал маиору. Он велел с собою взять сколько можно: «Вы пойдете вперед, явитесь к полковнику».

Прихожу. Полковник благодарит за сбор фуража. Приказал с эскадроном идти в селение Бабичи, там дожидаться полку:

«Мы идем разогнать поляков, собравшихся в местечке...», то будьте поосторожней». — А из эскадрона оставили в швальне¹⁰¹ 20, да по разным командам раскомандированы; при эскадроне осталось с небольшим 50. Надо было из оногo послать квартирмейстров, прикрытiе к обозу, авангар[д], арьергард, патрули; когда все оное распорядил, осталось при штандарте два [в]звода. Первый велел составить из песельников. Прихожу в означенное селение польского генерала Джалынского. Дом довольно велик, в нем жил пан эконом, у которого было две дочери порядочные собой. Две комнаты назначил полковнику, а сам стал во флигеле. Учредил цепь около селения. Устраивая все, с офицерами пошли в дом. Эконом очень был приветлив, а панянки по обыкновению своей любовью заняли нас. Я велел взойти песельникам. Они запели польские песни. Паночкам очень пондравилось, дали им денег, подносили мед и пиво, а нам дали порядочный ужин.

На другой день приходит полк. Полк[овник] занимает отведенные ему комнаты, к зоре выходит в гостиную. Панянки очень его заняли. Он велел трубачам играть штучки. Спрашивает панянок, ндравится ли им эта музыка? Они хвалят, — «Но какие у пана ротмистра песельники, так ни с чем не сравненно!» — Полк[овник] сделал длинное лицо, ни слова не сказал. Они бросились ко мне, просят песельников. Я им растолковал, что без приказа полковника нельзя, чтоб просили его. Ежели велит, то будут. Они начали его просить. Он говорит: «Велите песельникам прийти». — Я отвечаю: «Некоторые поставлены в цепи», — и ушел подале. Он казался доволен сим. Оборотясь к ним: «Вот, песельников нет». — Панянки опять ко мне, упрашивают. — «Я вам сказал: просите полк[овника]. Песельники готовы». — Они опять к нему, неотступно просят. — «Нечего делать, М[ихайла] П[етрович], нельзя ли как-нибудь песельников сей час?» — Пошел. А как им велено было быть готовым, то они скоро вошли. Полк[овник] не знал, что песельники особо обмундированы: вместо солдатских галстуков, черные шелковые платки по тогдашней моде завязаны большими бантами (что называлось жабо) с белыми обшивками, батистовые манишки с большими воротниками, белые жилеты с нарядными пуговицами, шпензеры¹⁰², переделаны из старых курток, и белые шаровары — вместо ланпасов нашиты красные снурки цифрами; венгерские фуражки с вишкетами¹⁰³. В таком порядке входят 16 человек, по два в ряд становятся полукружием и ложечники посередке. При слове полк[овника]: «Здравствуйте, ребята!» — все отвечали: «Здравия

* Пропуск в рукописи.

желаем, ваше превосходительство!» — Заметил, что полковник с удовольствием смотрел на форму одежды и порядок. Велел петь. Паняночки очень были довольны и много благодарили полк[овника]. Когда спели несколько песен, полк[овник] велел перестать, вынимает кошелек, кличет ложечника и дает червонец. Песельники, поблагодаря, пошли: «Вот, полк[овник] никогда никому не давал, а мы получили»; — а я смеялся офицерам: «Вот вам бубенчики».

Тут простояли несколько дней; велено было возвратиться опять на свои квартиры. Придя в Чеханов, чрез несколько дней еду в Варшаву. Там жил наш офицер, у которого я остановился. Пробыв дни два, хотел ехать — он уговорил остаться до утра. После обеда пошли ходить по городу. Идем мимо одного дома, он говорит: «Зайдем, тут живут славные девки-красавицы». — «Да с чем зайтить? У меня только двугривенной». — «Ну так пошалберим».

Входим — точно, девки четыре, хорошенькие, разодеты как куклы; ему уже знакомы, а я знакомлюсь. Идут с апельсинами, кличу и на свой двугривенный покупаю десяток. Едим и резвимся. Одна показалась мне лучше продчих, ею и занялся. Офицер им сказал: «Это богатой ротмистр», — то она более начала меня ласкать. — «Хотите видеть мою кровать?» — и пошли в другую небольшую комнату. Кровать с тафтяным занавесом хорошо драпирована, кресла красного дерева и столик. Мы сели на кровать. Она более употребила ласкательств и привела меня в такое положение, что я непременно хотел удовлетворить желание. Лишь спросил ее согласия, она потребовала денег, а как их нет, то я начал требовать апельсин*. — «Я вам пять куплю». — «Да мне мой надобен. Зачем ела?» — прибавя силы, исполнил свое желание. По выходе от них я сказал офицеру, и довольно смеялись. Он говорит, что они меньше трех червонных не берут.

На другой день я отправился в эскадрон. Приехав, получаю ордер идти с эскадроном под командою прикомандированного майора в местечко Визну, где будет поветовый сейм¹⁰⁴. Под команду мою дано 92 [нрзб.] с пушкой и 24 донских козаков. До Визны было несколько переходов. Где случались квартиры, принадлежащие панам, идущим против нас, там позволял солдатам требовать хорошей пищи; где селения приверженных нам панов, там чтоб были довольны тем, что дадут. Что недовольные солдаты, товарищи им говорили: «Вот придем в другое селение, так опять будем сыты», — а от меня было два приказания вах-

* В рукописи: аперсин.

мистру, как выше сказано, глядя по селению, чтоб лежкоконцы были сыты, а в другом приказе, чтоб было тихо и смирно. По приходе в Визну поставили пушку к костелу, окружили эскадрон на конях во фрунте и козаки, все оружие заряжено как в дело, но все было тихо: поляки выбрали двух депутатов, присягнули, и мы пошли обратно по своим местам.

Придя в Чеханов, подал просьбу в отставку. Прожив несколько время, вспомнил о том поляке, которой у хорунжины приглашал меня к себе, а более о его дочери. Поехал к нему, он встречает меня в зале, входим в гостиную. Приходит его дочь. Извиняется, что должен отлучиться по делам, а хозяйка займется мною. Он скоро воротится и просит, чтоб я остался обедать. Охотно согласился остаться, и более потому, чтоб быть с паняночкой одним. Когда отец ушел, она села за фортепьяно, поиграла немного. Мы завели разговор о бывшей вечеринке у Думбовской и о прусских офицерах. Не видали, как прошло время. Пан пришел и скоро пошли обедать. После я откланялся. Хозяин просил чаще бывать. Подошел к дочери, она с умильным взглядом подала руку. Я поцеловал посильнее обыкновенного, взглянул на лицо — она опустила глаза. На другой день приехал он ко мне, посидел довольно долго. Ласки, оказанные им, дали повод чаще бывать у него. Часто без него просиживал с панночкой по несколько часов, не смея какого-либо дерзкого предложения и она, находя удовольствие быть со мною, вела себя с крайней осторожностью, не давала поводу сказать что-либо лишнего. Когда я что зболтаю, она с неудовольственным лицом как-нибудь перевернет или заговорит другую материю, но быть вместе оба находили большое удовольствие. Не знаю, какие она имела виды, но я никаких; а скучаю, когда расстаюсь с нею.

Однажды, приехав от них часа в четыре пополудни, сию под окном. Вижу, идут три поляка и солдат. Походя, жалуются, что у них пропали кульбаки (седла). Я, полагая пришедшего с ними солдата виновным: «Это он? Тотчас вы будете удовлетворены».

П[оляки]: — Ни, пане, он добры.

С[олдат]: — Нет, ваше благородие, они просили меня только показать вашу квартиру.

Я: — Так кто же?

П[оляки]: — Не вем, пане.

Я: — Что ж мне делать? Я не защищаю солдат моих: может быть, они, а может быть, и обыватели. Хотите, я соберу эскадрон, но виновного не знаете, следовательно, будет пустая тревога.

П[оляки]: — Да, пане, что же нам робить?

Я: — Советую узнавать, и ежели это сделали солдаты, тот час удовлетворю. А ты явись к вахмистру.

По обыкновению приходит вахмистр с вечерним рапортом, доносит: два арестанта, один — которого я послал, а другой — старой лехкоконец. Они шли мимо корчмы, увидя трех лошадей оседланных:

С[тарой] с[олдат]: — Эх, седла хороши, снять бы их!

С[олдат]-р[екрут]: — Как же можно? Видишь — они привязаны против окна.

С[тарой] с[олдат]: — Это не твое дело. Только согласен ли?

Р[екрут]: — Изволь, что велишь.

С[тарой] с[олдат]: — Есть ли у тебя деньги?

Р[екрут]: — Есть два гроша.

С[тарой] с[олдат]: — Довольно. Поди в корчму, брось жиду деньги, спроси пива, скажи, что ты песельник. Знаешь, поляки любят наших песельников. Верно, тебя будут просить петь.

Р[екрут]: — Да я не умею.

С[тарой] с[олдат]: — Экой ты. Только займи их, говори, что знаешь, а между тем я слажу делом.

Р[екрут]: — Хорошо.

Входит в корчму: поляки сидят за сто[ло]м, пьют. Р[екрут] бросает деньги на стойку и кричит жиду: «Дай скорей пива!» — между тем, оправляя галстук, говорит: «Ох, эти песни, надоели до смерти!»

Поляки, услыша, спрашивают: — Пан есть спевак?

Р[екрут]: — Да.

П[оляки]: — Просим пана жолнержа вутки.

Р[екрут]: — Нельзя. Ротмистр не велит, говорит, будто голос портится.

П[оляки]: — Так просим пива.

Подают стакан. Р[екрут] садится с ними, рассказывает, какие песни поют польские, русские, — заговорил поляков. В Польше корчмы очень низки; можно с зем[л]и достать рукой, то с[тарой] с[олдат] влез на крышу, подрезал подпруги и втащил туда. Р[екрут], видя, что дело сделано, говорит полякам: «Ежели хотите, я позову человек[а] три или четыре песельников и спою вам». П[оляки] просят, встают из-за стола и видят, что седел нет. Последствие уже сказано.

На другой день надо наказать. Велел их привезть, рекруту дал палок двадцать (в наше время солдат нельзя было наказывать ни розгами, ни батошьем), вижу его раскаянье, чувствительность — велел перестать. Другому говорю: «Не стыдно ли тебе?»

Ты на счету хороших, старой солдат. Чем бы тебе отвлекать молодого от воровства, а ты научаешь. Ну, становись».

Начали бить — как по стене, только за всяким ударом равнодушно говорит: «Виноват, ваше благородие». — Дали более ста ударов. Вижу — нет никакой перемены не только в нем, ниже в голосе. Велел перестать. Приказываю отправить его в угольную команду¹⁰⁵ и без приказа не сменять. Недели чрез две вбегает этот солдат, становится на колени. Я кричу на него: «Ты забыл, что солдат не должен так унижать себя?!» — «Все забыл, ваше благородие, помилуйте! Двенадцать лет служу, не был в таком презрении: последний солдат надо мной смеется. Ежели я что-нибудь сделаю, отдайте меня сквозь строй прогнать!» — все это говорил с сострадательным лицом и полны глаза слез. Видя его такое сильное раскаяние: «Хорошо, поди». — Приказываю вестовому сказать вахмистру, чтоб его не посылали в команду, оставили бы в эскадроне. — Вот, легчайшее наказание может сделать более исправления, нежели большое телесное.

Отставка моя вышла; велено было сдать эскадрон ротмистру Смольяну. Я вывел эскадрон, скомандовал на караул, отсалютовал ему, потом на плечо, вложил саблю и отошел. Кончилась моя военная служба; с тех пор уже сабля из ножен не вынималась. Он стал на мое место, также мне отдал честь, потом спросил солдат, всем ли удовольствованы? — «Всем, как жалованьем, так и амунициею». — Рот[мистр] Смольян: «Так служите ж мне так же». — «Будем стараться! — закричали солдаты, — будьте так добры, як был ротмистр!»

Это расставанье тронуло меня до крайности; с горем пошел на квартиру.

В молодости скука не так долго продолжается. Сошлись офицеры, подали чаю, закурили трубки, пошел разговор. Сначала обо мне: которой жалеет, иной завидует; а потом обратилось в общую материю и старались более говорить о веселом, и так развеселились, как будто никакой нет перемены.

Я приказал людям собираться и велел приискать охочих людей в Россию: мне нужно было для сгонки табуна в деревню Боровскую. Явилось два поляка: один грамотной, а другой служил у поляка кучером. Объявили желание быть в России, служить мне без всякой платы, пока прибуду в Россию на место. Когда время позволяло, ездил к своему пану с панянкою. Они узнали о моей отставке, принимали меня так же, но всегда с печальным лицом, и разговор наш был уже не так занимателен, то и не мог долго у них засиживаться. Поехал в штаб, получил пашпорт и указ об отставке. Еду к пану проститься с панночкой. Наконец

говорю, что завтра отправляюсь в Россию. Старик обнял меня как сына, расцеловал и дарит пенковую трубку в знак памяти. Подхожу к ней. Она сымает перчатку, с слезами на глазах, тихим голосом: «Возьмите, ротмистр, и помните меня, а я вас никогда не забуду». — Поцеловал прекрасною ручку, чтоб не позать своей слабости, скорыми шагами пошел вон, и признаюсь, мне очень было грустно оставить это предоброе семейство.

На другой день съехались многие офицеры и провели день в попойке. Некоторые были мне должны, но все отозвались безденежьем и извинялись. Один еще из кадетов вновь произведенный в офицеры, к прежнему долгу выпросил лошадь, которую я за червонец купил после дела с поляками с седлом и парюю пистолетов. Говорил, что он племянник бывшего в Твери виц-губернатора Вульфа, когда увидимся в Твери, отдаст за нее 50 руб[лей]. Но главное, мне его жаль стало, ему подлинно не на чем было выехать. Он служил на казенной, а у меня она лишняя, — и отдал.

Распротсясь со всеми, пушаюсь в путь. Заезжаю к Турунже, беру табун, которой у него пробыл два года. По счету первый год содержания каждой лошади стало 2 ру[бля] 50 ко[пеек], а на другой — 3 ру[бля]. Пригоняю прямо в Боровскую деревню.

Вы верно подумаете — тотчас занялся хозяйством? Совсем нет. Первое — велел сделать из перчатки кошелек; потом послал к брату А[лександр] П[етрович] сказать о приезде. Он был в Москве. Пока он приехал, в скуке провел время. Часто вынимал свой кошелек и всегда в нем находил новое, и удовольствием считал вспоминать милую паняночку. Приезжает брат — разделили дворовых, а за следуемую ему половину он взял с меня деньги.

Поехали в Смоленск. Туда был произведен выше сказанной Тверской губернатор [Г.М.Осипов*] в смоленские и псковские генерал-губернаторы. Он представил брата в Доргобуж городничим, а меня к себе в адъютанты. Скоро получили определения. Брат поехал в Доргобуж, а я вступил в должность, но ничего не делал и приказаний никаких не имел, а взял на себя доклад и доклад о подающих просьбы!

Раз выхожу — часовой, поставя ружье к притолоке, сам ходит по сеням. Я закричал, как он мог покинуть ружье? — «Виноват, вперед не буду!» — Слышу нерусский выговор и вижу знакомое лицо. Спрашиваю: «Из каких ты?» — «Я швед Еган, служил у вашего братца Д[митрия] П[етровича]». — Я вспомнил: «Каким манером ты мог попасть в солдаты?» — «Так нанялся». — Потом узнал, что от брата взял его тверской генерал-губернатор

---

* Карандашом над строкой.

Н[иколай] П[етрович Архаров]*. Любя рослых людей хорошей фигуры, определил его в лакейскую должность, дал большое жалованье, но он скоро избаловался, запился, согнат с двора. Со всем промотавшись, нанялся за казенного крестьянина.

Другая служба — другая жизнь. Целые дни проводил в праздности, редко что-либо касалось до меня. Отпросился в отпуск. Поехал к брату в Доргобуж. Он располагает жениться, рассказывает, что недалеко живет вдова Храповицкая¹⁰⁶, урожденная Богдановичева, имеет одну дочь малолетнюю, у которой 400 душ, из коих она должна получить четвертую часть и свое порядочное состояние, — «поищу ее руки». Я одобряю его намерение и пробыв дня два еду в Москву.

Останавливаюсь у сестры, графини К[атерины] П[етровны] [Зотовой]**. Она имела свой дом у Покрова в Левшине¹⁰⁷. Поговоря с нею, побывав у родных, приезжаю домой. Нахожу сестру за работой. Сел. Возле ее лежит французская книжка. Беру, читаю вслух. Она спрашивает, что я читаю? — Ответ мой был: «Сам не понимаю». — С[естра]: «Ну-тка, прочти». — Я начинаю, и всякое слово выговариваю. Например, mais выговариваю — маис, dout*** произношу доут... Она хохочет: «Помилуй, ты забыл совсем!» — И точно, по малому моему в пансионе ученью я худо и знал, выйдя ж в службу, книжки в руки не брал, а в Польше старался выучиться читать: литеры одни с французскими, только каждое слово выговаривается. От этого и во французской книжке чтение мое так произошло.

Живу с месяц без всякой цели. Езжу по знакомым, в театр, собрание, в Аглицкой клуб, гуляю по городу. Однажды иду по Моховой, догоняет Д.С.Маслов. Увидя меня, спрашивает, давно ли в Москве, куда иду. Отвечаю: «В город». — «Садись ко мне; я туда же. Очень рад, что тебя увидел. Мне есть к тебе препоручение. Жена непременно хочет тебя видеть, а имеет что-то нужное сказать. Она нездорова, лежит в постели, поедем к ней». — Я счел за невежество отказать, а при том и любопытство понудило узнать причину. Соглашаюсь. Он велел повернуть и ехать домой. Еще более меня заставило думать, что за экстра такая, но никак добраться не мог.

Приезжаем. Он идет в спальню, я остаюсь в гостиной. Кличут. Анна Петр[овна] лежит. Сажает меня возле себя, и начинает говорить: «Тебе не известно, я обязана твоей матушке. По

---

* Карандашом над строкой.

** Карандашом над строкой.

*** Но... сомнение (фр.)

милости ее я благополучна, счастлива за Д.С. Хочу отплатить тем же. Знаю коротко ваше положение. Я имею племянницу Лутовинову¹⁰⁸, у ней 200 душ и 30 т[ысяч] ру[блей] денег, да после дяди достанется четыреста душ. Женись, вам будет чем жить». — Благодарю ее за приемлемое участие: «Но она меня не знает, так пондравлюсь ли ей?» — «За это я отвечаю. А хочешь ее видеть — приезжай ужинать, она будет здесь». — «Извольте, приеду».

Пошел домой; велел закладывать карету. Я всегда любил видеть предлагаемых мне невест. Приезжаю в восемь часов, нахожу невесту в черном платье, длинном, сухощавою барышню. Мне очень не пондравилась, но чтоб не показать, я остался ужинать. Вставши из-за стола, подходит его дочь А.Д., спрашивает: «Пондравилась вам моя cousine?» — «Это мне следует узнать от вас. Но, А.Д., я уже не хочу беспокоить матушку, не войду к ней». Простился и уехал, недели две у них не был. Встречаюсь на Тверском бульваре. А.Д. останавливает меня: «Что же ты ничего не скажешь? Женишься или нет?» — «Вы знаете, что я служу и завтра должен ехать». — Она повернулась и ушла, а я рад, что отделался.

Уехал в Смоленск, прожил до поста, и на Страшной возвращаюсь. Дорога чрез Доргобуж, следовательно, на перепутье к брату. В это время был в Доргобуже Д.Д.Шегоров откупщиком, человек лет пятидесяти, женат на второй Богдановичевой. Желая со мной познакомиться, приходит часу в двенадцатом. Он любил выпить и человек был хлебосол, веселой. Спрашивает вотки, несмотря, что середя такой недели, в которую добрые христиане мало едят. Выпили по рюмке. Входит уезд[ной] судья. Шегор[ов] подбивает; тот говорит: «Я один не стану». — «Мы уже выпили, так ты должен выпить две». — «Извольте». — Он две, а мы по другой. Является исправник. Шег[оров] подбивает; этот то же говорит, и ответ тот же, только прибавление рюмки. Согласен. Мы выпили по третьей, а он три залпом. С уездным стряпчим и казначеем последовало то же, только последнему досталось выпить пять, и все по стольку. К Шег[орову] приходит человек, докладывает: «Приехал к нему гвардии капитан Апухтин¹⁰⁹». Он велит его звать сюда же. Приходит, ознакомился, видит, что уже мы на порядочном своде. Шег[оров] говорит ему наш порядок, и что мы уже выпили по пяти, теперь выпивает шестую, «надо, чтоб ты с нами поравнялся». — Апухтин: «Хорошо». — Присел к столу, выпил две рюмки, закусил, опять две, опять поел и кончил третью пару. Встает. Подали уже всё готовленное к обеде и поставили разных вин, но пьем, как в завтрак. Начинаем

воткой, уже обошлось по двенадцати рюмок. — В соборе начали благовестить к обедне. Дом городнической казенной против церкви, окошки подняты. Шег[оров] на креслах становится на колени, молится: «Господи, начал было я говеть, черт отвлек, но к обедне я его обману, пойду!» — Мы все смеялись, глядя на такое моление седого старика. А[пухтин]: «Полно, выпьем-ка лучше!» — «Давайте!» — Приступили к столу, выпили опять по рюмке вотки, начали заедать, и как попало кто вотку, а кто вино уже сами охотно без подбиванья пили до того, что казначея понесли за руки и за ноги, положили на дрожки и повезли домой. Шег[орова] и прочих кроме Апухтина повели под руки, брат лег, а я по обыкновению пошел ходить.

Встречаюсь с большим сыном Шег[орова]: «Ба, для чего же ты с нами не пил? Ведь не маленький, порудчик уже». — Он извиняется. — «Нет, мы все пьяны, а ты нет, пойдем». — Он от меня бежать, я за ним. Он в девичью, выскочил в окно, в конюшню, и я тут. Он говорит: «Посмотрите, прекрасная лошадь, а под верхом не ходит». — «Пустое, — говорю, — вели надеть уздечку и вывезть».

Подходит человек, докладывает: «Л.Г. приказала просить чай кушать». — «Сейчас буду». — Выводят лошадь. Я сажусь без седла, еду прямо в горницу. К счастью, домик низенькой. Из передней прямо в залу. Л.Г. сидит, разливает чай, Апухтин возле ее. Она немножко испугалась, но Апух[тин] ее успокоил. Я прошу чаю; она налила, и Апухтин мне подал чашку. Я выпил и благополучно выехал. Отдал лошадь, пошел домой. На другой день позавтракал, только не так, как накануне, и поехал к сво[е]му месту.

В это время в Варшаве ночью неожиданно поляки напали на наши войска¹¹⁰. Командовал тот же Энгельштром, оплошностью своей допустил собраться польским войскам. Нашим не было никакого предупреждения быть в осторожности. Началась в городе стрельба по улицам и по домам, страшное кровопролитие. Наши, пробиваясь на штыках, вышли со знаменами, не потеряв ни одного генерала, но с потерей штаб и обер-офицеров и значительного числа нижних чинов. Начались военные действия и стали присылать в Смоленск пленных генералов и всякого звания воинских и штатских чинов, даже и помещиков, которые явным образом способствовали к поднятию оружия против нас. По поводу сего учредилась тайная комиссия.

Когда нужно было на словах переговорить с генерал-прокурором А.Н.Самойловым¹¹¹, то Г[ригорий] М[ихайлович] Оси-

пов*] послал меня. К этому времени приехал в Петербург король шведской Август¹¹², думая взять за себя великую княжну А.П.¹¹³. Посылает меня и кстати отвезть наливки и сухие конфеты. Выезжаю очень поздно, на другой станции настигла ночь, дождичек, и так сделалось темно, что ямщик поехал шагом. Я любил всегда ездить шибко, то приказал унтер-офицеру понуждать извозчика. Лишь поехали порезвей — телега набок, мы полетели кто куда пал... К счастью, никто не ушибся. Повозку подняли, я сел, кричу на ямщика, чтоб скорей садился. Он отвечает: «Лошади пристяжной не найду». — «По поводу доберись». — «Повод оторван». — «Ну, по пристяжке!» — «Вот она, под телегой!» — Можете представить темноту?! Принужден слезать, выпростали лошадь и принужден ехать шагом.

Велено было заехать к Александру М[ихайловичу] Каховскому, взять груш. Приезжаю к нему — при мне сняли с дерева. Они величиною с астраханские, называются козлами. Поклали в ящик. Я отобедал и поехал. От него надо было переезжать чрез плотину. Я переехал хорошо, а друго[й] ямщик отправил свой воз со всеми ящиками под плотину. Думал, ящики поломались, и все перебьется. Когда выехали, [оказались] ящики целы. Привожу в Петербург, отдаю камердинеру Государынену Зах[ару] Конс[тантиновичу] Зотову¹¹⁴. Он сам всё развертывал, и только одна бутылка с наливкой вылилась: знак, что худо была закупорена. В прочем все цело.

На другой день для короля у Самойлова был бал, которой ему тогда стоил 30 т[ысяч] рублей; один стол был накрыт на двадцать четыре прибора, весь золотой, доставшийся ему по наследству после светл[ейшего] князя Потемкина. Перед государыней стояла ваза золотая, в которую воткнута была в ружейный ствол толщины шпанская вишня вышиной четверти три, с довольным количеством вишен, заплочена 300 ру[блей]. Также во дворце были даваны балы и фейерверк.

Возвратясь в Смоленск, вся зима прошла по-тогдашнему обыкновению. До двух часов занимались делами, а после обеда балы, вечеринки, и в хорошую погоду катаньи. Не видали, как зима прошла.

Брат женился, свадьбу отпраздновали с родными — приезжали нарочно из Москвы. Потом Г[ригорий] М[ихайлович] поехал в ельненскую** [?] свою деревню, в село Гнездилово, со всем домом. Приезжали многие помещики, катались, ездили с соба-

* Над строкой карандашом.

** В рукописи: элинскою.

ками. Жил у нас Д.С.Скабеев, большой охотник стрелять дичи много. Я с ним часто ходил стрелять. Раз случилось: моя собака остановилась над бекасом. Я хотел стрелять, но бекас полетел прямо на него. Закричал ему: «Тиро!» — он убил. Я хотел спустить курок с второго звода, но по неосторожности не удержал, на первом ружье выстрелило и чуть не попал в него. Оба мы испугались: я полагал, что заряд в нем, а он — оттого, что близко пролетел, но кончилось ничем. В августе отправились опять в Смоленск.

В ноябре получили известие о кончине Императрицы¹¹⁵. На другой день имели присягу, а на третий Г[ригорий] М[ихайлович Осипов*] послал меня в Петербург переговорить с А.Н.Самойловым и узнать о ходе дел при перемене правительства.

Получа подорожную, прискакиваю на Михельсконскую станцию за Усвятом. Запрягают мне лошадей. Прискакивает фельдъегерь, кричит: «Лошадей!» — Станционный смотритель отвечает: «Нету. Г-н майор взял последних». — Ф[ельдъегерь]: «Может подождать г-н майор!» — и с сим словом выходит, и я за ним. Он подходит к моим лошадям, кричит ундер-офицеру: «Вынь чемодан, это лошади мне!» — и берет под узды. Я бегу с крыльца, отталкиваю его от лошадей: «Как вы можете брать моих лошадей?!» — Ф[ельдъегерь]: «Я по именному Его Императорского] Вел[ичества] повелению послан!» — «А я к Его Величеству послан! Может быть, мои депеши нужней ваших. Я также не по своей воле еду!» — Ф[ельдъегерь]: «Хорошо, я отнесусь своему начальству», — оставил свои требования.

Приезжаю в Порхов. Тут городничий Ефимьев также поставлен Г[ригорием] М[ихайловичем Осиповым]. Он ни под каким видом не велел брать с собой ундер-офицера, [говоря], что из этого может выйти беда. Я поехал один.

Приезжаю в Петербург. Поговоря с ним¹¹⁶, иду на другую половину. В ней жил П.А.Ермо[лов]¹¹⁷, правил канцелярией, а мне родня. Между протчих разговоров сказываю ему о происшествии с ф[ельдъегерем]. Он, выслушав, говорит: «Не поезжай подальше без прогонов». — Так настрашал меня, что я дни три не был покоен, но видно ф[ельдъегерь] не доносил, так и кончилось¹¹⁸.

Дни через четыре А.Н.[Самойлов] дает мне письмо и говорит: «Скажи, чтоб ни под каким видом не просился в отставку¹¹⁹: государь не жалуется».

По приезде в Смоленск получаем бумаги. То напишут генерал-лейтенанту, то опять генерал-губернатору, а наконец пишут,

* Над строкой карандашом.

что делается витепским, полоцким и псковским* [?] генерал-губернатором. Стали собираться. Г[ригорий] М[ихайлович Осипов] велел своему дворецкому поставить карету на полозки. Он не имел понятия в сем деле, простые дровни оковал и поставил. Когда доложили, что готова, Г[ригорий] М[ихайлович] приказал проехать мимо окон. Смотрит и говорит: «Хорошо», — а я говорю: «Нет, карета будет падать». — Ему досадно, что я противоречу, отвечает: «Разве оттого, что не по вашему приказу отделана».

В конце генваря отправились в Полоцк. Не доехав до Поречья, карета три раза упала, и так напугала его меньшую дочь, что она занемогла. Принуждены были в Поречьи остановиться. Я ему говорю: «Прикажите переделать карету, а то мы не доедем». — Ответ был: «Вели, пожалуйста». — Послал тотчас искать дровен. К счастью, нашли у дворника, давно оставленные одним проезжим, которого застала весна в Поречьи, мало поезжены и совсем почти без переделки поставили; и до Петербурга карета не падала. Приезжаем в Полоцк. В ночь прискакал фельдъегерь с повелением: Г[ригорию] М[ихайловичу] в сенаторы, а нам кто куда пожелает: в армию, в герольдию¹²⁰ или в отставку. Оставя М.А. с детьми, Г[ригорий] М[ихайлович], взяв меня с собой, поехали в Петербург. По приезде остановились у А.Н.Самойлова, в самой той половине, в которой жил Ермолов. Он был уже отставлен и уехал в Орловскую свою деревню. Г[ригорий] М[ихайлович] по представлении Государю, явился к должности, а я подал просьбу о причислении к герольдии. Получил паспорт. Приехала М.А., представилась Государю с большой дочерью... И так прожил до Великого поста. Нашел тройку и поехал в Тверь к брату, в Москву и в деревню.

В марте была коронация и бо[ль]шие праздники, приезжал и брат А[лександр] со всем домом. Я поволочился за его падчерицей А.С.Храповицкой, и нередко доводил ее до крайнего желания увенчать нашу любовь, но как я всегда на это был жалостлив, то и не довел ее до нарушения девичьей драгоценности. По окончании коронации они поехали в деревню. Я их провожал до Можайска. Падчерица с мамзелью в карете, брат с невесткой в кибитке, на своих. Как обыкновенно встают до света, то я заберусь в карету и шалберю с ней: сажаю на колени и рукам даю волю, она целует. И так, проводя их до сказанного места, простясь, поехал в Боровскую свою деревню.

В ней, кроме одной избы, ничего не было. Лес зимой загото-

---

* В рукописи: скапсим.

вили, начали строиться. Как ни охотник я, но одному все скучно. Отправился в Москву.

Тут сестра граф[иня Зотова*] советует мне жениться и требует, чтоб я ехал посмотреть К.Ф.Тютчеву¹²¹, за которой дают 500 душ и 50 т[ысяч] ру[блей] деньгами. Я знал ее сестрицу Вар[вару] Фад[деевну]¹²² (за Д.Д.Давыдовым) с таким же приданым, но тот жизни не рад был и развелся формальным образом, получив четвертую часть [приданого] по повелению Государя, доказав точно ее безумство. Выполняя просьбу сестры, поехал, но не помню куда, к кому и как приехал, только впечатлелось, что вхожу в гостиную, нахожу хозяина с хозяйкой, просят садиться и говорим постороннюю материю. Входит К[атерина] Ф[аддеевна]**, потупя голову, поклонилась, стала и смотрит исподлобья, так сурово, что я, немного поговоря, поехал.

Сестра встречается и тотчас спрашивает: «Видел ли?» — «Видел, но она पुще своей сестрицы. Хотя б за нею было вдвое — ни за что не женюсь». — Сестра попеняла мне, представляя мое положение, но видя мое нежелание, так оставила, а я, разъезжая по гостям, уже и забыл.

Чрез несколько дней вижу во сне, будто я иду мимо дома Тютчевой; она стоит в окне и зовет меня, чтоб зашел. Принимает меня в зале, среди которой поставлен образ богородицы, которая пишется стоящею на месяце, и будто за мною входит шесть человек, вооруженных по-черкесски с кинжалами и шашками. Она говорит, что женитесь на мне. «Я решилась вас заставить или предать вечности. Эти люди исполняют мое желание». — С сим словом трое выхватили кинжалы, а трое вынули шашки. Вижу неизбежную смерть. Она кричит: «Присягайте, что женитесь!» — Я будто подхожу к образу и говорю: «Мать пресвятая Богородица, избавь меня от сей безумной», — и целую образ. Она подошла ко мне, поцеловала и говорит: «Завтре не кончим». Проснувшись, сказываю сестре мой сон. Она велит мне, где увижу такой образ, чтоб отслужил молебен, но я нигде не видал. После сего сестра еще приискала мне невесту, княжну Оболенскую, за которую 300 душ и 60 т[ысяч] ру[блей] приданого. Также настояла, чтоб я ее поглядел. Исполняя ее желание, поехал. Нахожу сухощавую, белую, томную; приезжаю и говорю сестре: «Что же ты, хочешь видеть меня вдовцом?» — Сес[тра]: «Видишь, на урода все неугода».

В это время брат выдает падчерицу за Киндякова¹²³. Еду в

* Над строкой карандашом.

** В рукописи: В.Ф.

Доргобуж; окончивши, приезжаю опять в Москву. Нахожу брата Ник[олая] А.Ермолова¹²⁴, которой просит, чтоб я ехал в Петербург выхлопотать ему в Сенате следующую землю. Я поехал и помощью Г[ригория] М[ихайловича Осипова] выходил в Воронежской губернии 2800 десятин. Теперь у них поселено 300 душ, и доходная сделалась деревня.

Приехав из Петербурга, занимался своим хозяйством в деревне и шатался по Москве. Государь Александр I принял престол и короновался в Москве¹²⁵. Я жил у брата С[ергея] А[лексеевича] Ермолова. Он командовал Нашенбургским пехотным полком и стоял в Блудовом доме на Поварской. Часто давал вечера. Он коротко был знаком с к[нязем] Д.С.Львовым¹²⁶, которой всегда был приглашаем с женою к[нягиней] М.А.¹²⁷. В один вечер приехал он и с сестрою* А[нною] И[вановной] Иевлевой, которая очень была дружна с княгиней. Ходя по горницам с Н.А.Арсеньевой, проходя мимо меня, А[нна] И[вановна] говорит Н.А. «Какой прекрасной мужчина!» — Та отвечает: «Не только собой, но и здравом и душой». — «А ты почему знаешь?» — «Как не знать? Он мне родня». — А[нна] И[вановна]: «А, ну так немудрено тебе его хвалить».

Когда разошлись, то Н.А. подходит к сестре В.А.Ермолов[овой], говорит: «Твой братец М[ихайла] П[етрович] сделал победу». — И рассказывает свой разговор с А[нной] И[вановной]. Та передает мне. Это заставило обратить внимание. Хотя прежде мы у князя Д[митрия] С[еменовича] часто играли с нею в карты, но никогда в таком случае взоры наши не встречались, а тут куда не пойду, глаза ее меня провожают и встречают. С сего вечера и я стал об ней думать, но никому не сказывал.

На другой день приходит к сестре граф[ине Зотовой] старушка ей знакомая и сватает за меня Ан[ну] И[вановну]. Как обыкновенно, выхваляет и выдает за совершенную богачку. Сестра стала приставать ко мне, а я к брату Сергею А[лексеевичу] Ермолову, требуя от него совета. Он совершенно был родной, необыкновенной доброты. Я ему не давал покою, но никогда не видал от него неудовольствия. Случалось, он засыпает, я раскличу. Сидит, поджавши ножки: «Ну, говори, ведь нового ничего, одно и то же?» — «Что ж говорить, когда ты сердисься». — «Я не сержусь, но ты не даешь спать». — Начнем о моей женитьбе раздроблять и придумывать разные случаи, а кончится тем, [что] скажет: «Смотри сам, а как Бог определит — наградит счастьем, хорошо, а ежели несчастье — так не избежешь».

* Карандашом над строкой: двоюродною?

Между тем мы нередко видимся у к[нязя] Д[митрия] С[еменовича] Львова] и, как сойдемся поговорить, всегда сначала смешаемся. Однажды мне показалось, что она сурьезно со мной говорит, то я отошел от нее и дней несколько не был у к[нязя] Д[митрия] С[еменовича]. В это же время брату С.А.[Ермолову] веле-но выступить с полком в поход. Я перешел к брату А[лександр] П[етровичу]. Полк пошел, а он остался. Через неделю он поехал догонять полк, а я его провожать до первой станции. Он дает мне часы доставить к М[арии] А[лександровне] Львовой]. Приезжаю, приказываю о себе доложить. Она кличет меня в уборную. Вхожу. Нахожу ее перед зеркалом, а А[нна] И[вановна] Иевлева] одета сидит перед нею. При входе моем стала надевать перчатки, изорвала. Послали за другими. Отдав часы, побыл немного, поехал домой, и как-то долго мне не удалось быть у к[нязя] Д[митрия] С[еменовича] Львова], но никем более не занимался, как А[нна] И[вановна] Иевлева], а она не престаивала к сестре г[рафине] З[отовой] засылать то старуху, то госпожу П.П.Овдулову, которая обеим была знакома. Сестра пристает ко мне, а я в нерешимости.

Проезжаю мимо дома к[нязя] Д[митрия] С[еменовича] Львова], вижу — княгиня стучит и машет, чтоб заехал. Вхожу: она одна. — «Что давно у нас не был? Неужели без братца-то нас оставишь?» — «Виноват, княгиня, разными случаями лишен был удовольствия быть у вас».

К[нягиня]: — Да скажи, пожалуй, хочешь жениться или нет?

Я: — Вы столько милостивы ко мне. Должен говорить откровенно. Это предприятие для меня крайне тяжело. Ежели не по моему тихому характеру, то за что же самому себя сделать несчастным?

К[нягиня]: — Пустое. Я тебе за нее ручаюсь. Она умна, имеет свое, тебя любит. Вы будете счастливы. До других в семействе тебе дела нет.

Я: — Так вы ручаетесь, что она меня любит?

К[нягиня]: — Да, я ручаюсь и уверена, что ты не употребишь во зло мною сказанное.

Я поцеловал руку: — Благодарю, княгиня, за хорошее обо мне мнение. Откровенность ваша столь для меня лестна, что я даю вам слово быть в вашем повелении.

К[нягиня]: — Хорошо, приезжай обедать. Она будет здесь, мы начнем дело.

Я: — Так скоро, княгиня...

К[нягиня]: — Помилуй, что за нерешимость?

Я: — Никакой. Я дал слово, с моей стороны решено.

К[нягиня]: — Ну так приезжай. Кроме ее и тебя никого не будет.

Я поехал к сестре В.А.[Ермоловой], сказал ей о происшедшем. «Хорошо, — был ее ответ. — Молись Богу, чтоб он устроил твое счастье».

В два часа явился к кня[г]ине. Вхожу в гостиную. Сидят они трое: хозяин с хозяйкой и А[нна] И[вановна] Иевлева. При виде меня она вспыхнула, как огонь. Я поклонился кня[г]ине, ей, стал говорить с князем постороннюю материю, а они что-то тихонько разговаривали меж собою. Скоро подали вотки и доложили о кушаньи. За столом я сидел напротив. Часто глаза наши встречались, но разговор был общий. После обеда кня[г]иня говорит мне: — «Те[гушка] А.Е.¹²⁸ хочет вас видеть». — Я адресуюсь к А[нне] И[вановне]: — «Могу ли быть счастливым вашим расположением к себе?» — Она покраснела, с замешательством вполголоса сказала: «Вы верно знаете от княгини...» Я поцеловал руку, обернулся, спрашиваю у кня[г]ини, когда я могу иметь честь видеть А.Е.? — «Завтре, — отвечала к[нягиня], — часу в первом». — Князь пошел отдыхать, а я поехал домой.

На другой день в назначенное время приезжаю к А.Е.: дом довольно велик, но голые стены и мёбель очень, очень посредственная. Как они меня ждали, люди были разодеты по-праздничному, стояли у дверей. Вхожу в залу. К[нязь] Д[митрий] С[еменович] Львов меня встречает. В гостиной на софе сидит почтенная старушка. Возле ее на креслах сидит кня[г]иня с А[нной] И[вановной] Иевлевой. Князь меня подводит, я рекомендуюсь. Она привстала, говорит: «Прошу полюбить и бывать почаще».

Вскоре после сего положили быть помолвке. На второй неделе Великого поста помолвили. С другого дня по исполнении сего обряда я почти безвыездно был у моей невесты. Она имела три комнаты. Вход в оные был из залы. Направо ее спальня; а налево диванная, и во всем доме ее комнаты мёблированы и драпированы порядочно. В диванной фонарь, которой всегда освещали, и свечи на столе. Наконец, иногда сиживали au petit-jour*, то есть только одна свечка оставалась в зеленом фонаре. С первого часа дня до двух часов пополуночи я не выходил от нее. Никогда в мою жизнь сии назначенные часы не были моим повелителем, как в это время; сколько делали приятности, столько ж и досады. Поутру с удовольствием спешу к ней, а ночью с ленивой скукой возвращаюсь домой. По утрам писал письма к родным и делал распоряжения к свадьбе. Нанял большой дом. По

* При малом свете (фр.)

письму моему приехал брат Д[митрий] П[етрович], взял на себя все следуемые приготовления, что мне было крайне приятно, потому что со дня помолвки и думал об ней, давал деньги и приказывал как попало, люди делали, как хотели. При брате пошел другой порядок, но всегда хотел моего совета, а мой ответ был один: делай, как хочешь, получше, я за все благодарен. Только съездили в Каретный ряд, купили, не смотря на крепость, [карету], какой не было нарядней, да к барышникам, прикупили наружную* [?] лошадь, да заказал хомуты, по тогдашней моде с широкой латунь[ю] во всю шлею и узды, оголовки и на крестцах бляхи; ливрею шили, и все к Святой неделе было готово, все шло своим чередом.

А мы по большей части вечера сидели в ее диванной с глазу на глаз, только любовались друг другом, не переставали уверять в[о] в[з]аимной непоколебимой любви, и запечатлевали поцелуями. Однажды она сидела у меня на коленях, держась левой рукой за шею, а правой под щеку, чтоб крепче целовать, и движением оной ощутительно давала мне знать пламенную страсть ее любви. Я правой держал ее за талию, а левой своевольничал далее и далее. Оба не знали, что делали. Один поцелуй произвел необыкновенное восхищение, какого в мою жизнь еще не бывало. Чувства нежной страсти разлились с головы до пят. Если б на моем месте был такой, которой в юности своей не смотрит на принятое обыкновение, требующее от девицы строгого воздержания, и не думая, в какое поношение ее ввергает, верно б не дождался священного позволения. Она вскочила, села одаль, а я сделался не шевелящимся истуканом, мысленно пеняя себе за излишнюю шалость. Несколько минут сидели молча, не смея взглянуть друг на друга. Я прервал молчание, опять разговор наш возобновился, только совсем в другом тоне, не напоминая о прошедшем, как будто ничего не было предосудительного. Чрез час доложили об ужине. После всегда прихаживали в гостиную, в которой требовалось более чинности, так я не замедлил съехать домой.

На Святой неделе в четверг приезжает родная ее сестра П[расковья] И[вановна] Загрязская (она была за Николаем Иванычем Загрязским же)¹²⁹. В это время бывает гулянье по Пречистенке. Она попала в дорожной коляске на почтовых в ряд нарядных экипажей и принуждена была ехать до переулка. Каково было известной франтовке встречаться со знакомыми!.. Входит — брат Д[митрий] П[етрович] встречает и невеста. Не помню, отчего

---

* В рукописи: нарушную.

я замешкал[с]я. Брат был верчен, скор и резов. Подбегает к ней, рекомендуется. Та смотрит на него с сумнением. Я вхожу. А[нна] И[вановна] Иевлева берет меня и подводит. После приветствия П[расковья] И[вановна] смеется: «Вообрази, сестра, Д[митрия] П[етровича] я приняла за твоего жениха: удивилась, что нахожу противное твоему описанию» (брат старше меня десятью годами и нехорош собою). Он подхватил: «Вы правы, следовало бы по молодости и кра[с]оте избрать меня, и верно б так случилось, но я женат!» — Довольно посмеялись.

Приезжают с гулянья Петр И[ванович] Иевлев и И.Г. фон Траубенберг¹³⁰. Обрадовались приезжей гостье, пошли рассказы, и очень весело провели время.

Хотя с нетерпением ожидали — особенно мы — но не видали, как пришел назначенный день быть свадьбе, 28 апреля 1802 года. Однако все было готово. Поутру я приезжаю. Невеста говорит мне: «Брат П[етр] И[ванович] хочет, чтоб ты подписал рядную. Для этого призвал к[нязя] Д[митрия] С[еменовича]... Не подписывай». — Кличут меня в спальню к А.Е. Вхожу — она еще на постели. Поздоровался со всеми. П[етр] И[ванович] начинает говорить: «Что же, надо рядную». — К[нязь] Д[митрий] С[еменович] молчит. Я: «Как угодно матушке: ежели она награждает дочь свою, так я готов исполнить желание ваше». — «Нет, она и так много имеет» — Я: «Но это ее. В рядной пишется награждение по случаю замужества, чем она уже и отделяется». — Видит он, что это не удалось — оставил. Опять пошло все своим чередом. Тот же день кончилась свадьба.

Семейство И[евлевых] тогда состояло из трех сынов и двух дочерей: старший Петр, второй Павел, третья дочь Прасковья, четвертый Дмитрий и пятая моя жена¹³¹. Старший служил в гвардии Преображенском полку, был дуэлист, много раз рубился, закладывал чужое имение, давал несправедливые векселя, втягивал других в поручительство, в числе коих вовлек и Т[раубенберга?], которого посадили под караул и уже по заплате освободился. Словом, мотал до такой крайности, что впал в неоплатные долги, но как он был любим светлей[шим] княз[ем] Потемкиным и дружен с [бывшим в] случае Мамоновым, то все сходило; но наконец Государыней Императрицей был сослан к отцу на исправление и выключен из службы.

Второй, Павел, в отставке коллежским асессором, трахтирной пьяница, буян, вор, картежный игрок и всех скверных дел исполнитель. При той же Государыне был сослан в Вятку за картежную игру и драку на бульваре. При вступлении Государя Павла Первого возвращен.

Третий служил в артиллерии полковником — пьяница, где мог что сделать непозволительное, не упускал случая, и за разные поступки попал под военный суд в городе Херсоне. Как дело многосложное, то шло 14 лет, отставлен, как неблагонадежной, [с тем, чтобы] никуда не определять.

Четвертая прожила значительное имение непотребным образом, даже с нанятым лакеем своим. Все оное я узнал уже после женитьбы. Вот в какое семейство я вошел, но положась на волю Всевышнего был так счастлив женою, дай Бог, чтоб дети мои так были.

По окончании свадьбы, по обыкновенному порядку пошли балы, обеды; персон по шестидесяти ее и моих родных обедало. Дом преогромной, шесть человек офисиянтов и кучера в тонком сукне, лакей в галунах, одеты, как куклы, карета нарядная, разношерстная добрая четверка в наборных хомутах делали блестящий вид и на гуляньи первого мая... Не могу теперь вообразить, как это все от моего состояния делалось.

По окончании визитов поехали с тещей и П[етром] И[вановичем] И[евлевым] в Тульскую деревню, село Петропавловское, Хрущовка тож. Тут узнаю: вместо предполагаемого у жены богатства на ней долгу своего 40 т[ысяч] ру[блей], да переведенного ею на себя для оборота П[етра] И[вановича] 42 т[ысячи] ру[блей]. Деревня заложена в Московском опекунском совете.

Доехали хорошо. Приезжает и П[етр] И[ванович]. Он поссорился с женою. Поссорились за живущего у него вольного человека, а моя за св[о]ю горничную девку. Когда уже дошло до очень сурьезного, то я говорю П[етру] И[вановичу]: «Вы не имеете права говорить моей жене, что вам угодно. Можете требовать от меня». — С сим словом разговор его обернулся ко мне. Встаем из-за стола — он берет два ножа, подходит ко мне: «Нам с тобой не разговором, а на этом надо разведаться!» — Я: «Не прочь на чем хотите, если только стоит дело. Теперь оставим говорить до завтрава». — И так разошлись.

На другой день дали слово быть у П[расковьи] И[вановны] Загрязской]. Она жила верстах в пяти в селе Иворовке. Поутру прихожу в залу — он чешется. Просит моей шляпы. — «Возьмите, но на что вам?» — «Я хочу надеть ее — не пристанет ли твое хладнокровие ко мне». — «Возьмите. Очень рад, если только она может быть лечебником вашей горячности».

Приходит жена, начинается другая комедия. Ж[ена] становится у дверей: «Здравствуй, брат».

П[етр] И[ванович]: — Ну, что ж остановилась? Виновата?

Ж[ена]: — Я и не думаю. Ты начал, ты и виноват.

П[етр] И[ванович]: — Ну полно, оставим это. Поди, подозреваемся.

Ж[ена]: — Нет, ты поди.

П[етр] И[ванович]: — По крайней мере, оба.

И так то та, то другой делают по шагу, и чтоб которой не остановился, друг друга понуждают. Я внутренне довольно насмеялся. По довольном споре сошлись на середину, поцеловались. Я говорю: «Вот так лучше жить брату с сестрой». Пошли в спальню к матушке. Она имела привычку почти до обеда сидеть в постели, вязать чулок или читать псалтырь. Отправились к П[расковье] И[вановне] в Иворовку.

Приехав домой стали собираться в Боровское село Сатино. В конце июня поехали чрез г[ород] Алексин. Побыв там немного, отправились к брату Д[митрию] П[етровичу] в Божецкое его село Балдеево. Можно было ехать через Волоколамск, но жене захотелось побывать в Москве. Там надо было побывать у родных. Пожили с неделю, стали собираться. Мне хотелось пораньше выехать. Встаю — мне сказывают: Сергей-кучер бежал. Немного погода приходит мать наемного моего форейтора, просит его отпустить, никак не оставляет. Удержать нельзя — принужден отпустить. Посылаю нанять. Тогда вольные люди сбিরались у Казанской, где теперь Гобвахта¹³². Приводят кучера: небольшого роста, худенькой, рыжей; [в] форейторы — польского берейтора¹³³, в куртке, в ботфортах. Но как у нас все уложено, и мы не хотели остаться, тотчас наняли и велели закладывать. Вообразите экипаж: нарядная карета, доброй шестерик в наборных хомутах с пристяжными завивными, при таком кучере и форейторе. Но мы благополучно прибыли. Брат очень рад был. Пробыв у него несколько дней, опять чрез Москву заехали в село Сатино. Тут взял я из крестьян мал[ь]чика в форейторы, берейтора отпустил и взял кучера.

Возвратились к теще в Хрущовку. Отдохнувши у ней, отправились в Танбовское женино село Никольское, Хитровщина тож. Оно пополам с тещей, до 1000 душ и 11 т[ысяч] десятин земли.

Управлял этим всем имением тещин отпущенник Буданов. Славился у них знанием хозяйства. Он подал счет доходу за 1801 год: тещина половина дала 3 т[ысячи] ру[блей], а женина 1500 ру[блей]. Первыми в числе дохода показано: «отправлено три вор[о]но-чалые лошади, полагая по Танб[овской] цене, по 250 ру[блей], и того 750 ру[блей]; отправлено собранного с баб 800 ар[шин] посконного холста, полагая по Танб[овской] цене, по 8 ко[пеек], итого 64 ру[бля]»; и прочее до малости, что только

им послано, все полагалось в счет. Затем, что пришлось к трем т[ысячам] поданы деньги. Жене показано — подано деньгами 1000 ру[блей], а достальные в расход на покупку веревок, колес, дегтю и прочего. Главный расход плотникам за срубку конюшни — 200 ру[блей].

Он управлял лет девять, строг был до крайности, а все происходило от незнания. За таким доходом и себе ничего не нажил. Когда его отпустили, он [был] посажен в Москве в яму — был должен 1000 ру[блей] за сына, и высидя с месяц, каким-то образом выплатился.

Мы остановились в доме тещи. Вижу: все в крайнем беспорядке. На гумнах — ни на барском, ни на крестьянских — ни снопа, анбары, в которые не более можно высыпать 200 четвертей, и те пустые. Хлеба на еду роздано крестьянам до 500 четвертей. Правда, что два года был неурожай, но по степному не должно бы быть в такой крайности. Конные, скотные, овечьи дворы на обеих половинах плетневые, хотя в восемнадцати верстах в селе Подоскляе более 700 десятин строевого леса. Крестьяне не умели кола заострить. Чего не спросишь — грибов, орехов, малины и смородины, — чего не спросишь, один ответ: здесь не родится, — хотя после отыскалось все в большом количестве. Огурцы и капусты принуждены покупать!.. В таком положении нашел я село, которое по изобилию земли в Танбовском уезде считается в числе первых.

Мне хотелось узнать, какой заведен порядок. Поутру приказываю запрячь дрожки. Приказчик садится кучером. Что, где и как делается. Приезжаем на гумно, молотят лебеду. Гляжу — кой-где аржаной колосок. — «На что молотят?» — «Тут ржи нет, — приказчик отвечает. — Когда нет ржи, так и лебеде рад». — Едем на мое гумно¹³⁴. Крестьяне станоятся в кучу, один на колени и держит бумагу. Спрашиваю: «Что такое?» — В несколько голосов: «Просьба на приказчика». — «Отдай ему, — приказываю, — читать». — Первое пишут, что им не дают дней¹³⁵. Спрашиваю у них: «Что же вы делали? Сто десять тягол¹³⁶, ржи в посева 80 десятин, ярового — 150. Половина сентября, а гречиха еще в поле!» — дабы не дать им поводу, покричал на них и поехал. А точно, от дурного порядка и худого смотрения они были наряжаемы, и вот как происходило: наряд делают по утру не рано; выйдут на работу еще позднее, пришедшие дожидаются, пока все сойдутся, не работают. Не успеют начать — пора обедать, после обеда сберутся в вечерни; скоро гонят скотину, солнце садится — идут домой, и выходит — на барщине были. Ни барину, ни себе ничего не сделали. Вижу — во всем беспорядок, надо при-

няться самому. Но прежде надо подумать, где жить. Полагал пока пожить в тещином доме. Избрали с женой место на горе над рекою на голом месте, по-степному сказать — на ковылу; приказал срубить флигель для людей, две избы и посередке сени и особо кладовую. Жена была беременна, хотела родить у матери. В начале декабря поехали к теще. В феврале благополучно произвела на свет сына Ивана¹³⁷. Прожили долго. В августе приехали опять в Хитрово. Флигель и кладовую отделали. Надо что-нибудь построить для себя. Приказал навозить лесу, срубить четыре иструба¹³⁸. Нанял кирпичников, сделали фундамент, поставили иструбы по углам. С одной стороны в расстоянии иструб от другого 9 ар[шин], с другой стороны 6 ар[шин]. Между углов забрали заборами, ошкатурились наружи и внутри, вышла лакейская, зала, гостиная, диванная, спальня, детская, девичья, буфет и кладовая. На скорую руку покрыли соломой. Но пока оное строилось, мы жили у тещи.

Жена была охотница до садов: разбили аглицкой сад и приказали садить всякие деревья: липы, березы и рябины. Приказчику говорю: «Стыдно, что по тяглам у нас так мал посев». — Отвечает: «Ежели прикажете, то можно прибавить». — Велел скошенный овес сносить на межи, вспахать и посеяли рожь. Это было 12 сентября. Приезжаю на пашню, вижу: посеяно и запахано, но как: яма на яме, жниво таскалось за сохой, а [по] здешнему обыкновению не боронят. Говорю приказчику: «Что из этого будет?» — Он отвечает: «Что Бог зародит — сожнем, сударь, лишь бы родилось». — И подлинно, на другой год на оных некоторых сороковых десятинах нажали по 30 копен, а в сложности во всем поле легло по двадцати восьми копен.

В октябре мы получили известие о кончине тещи А.Е., последовавшей в Киеве 1803 го[да] в сентябре, а потому на зиму мы переехали в Танбов. Этот год были выборы. Меня выбрали в Танбовские уездные предводители¹³⁹, а генерал-поручика Баратынского¹⁴⁰ — в губернские. Десятого генваря 1804-го года мы все вновь выбранные вошли в должность. Губернатор был Д.Р.Кошелев¹⁴¹, человек умной, скор на распоряжения, писал мастерски, к тому ж более* пятнадцати лет правил губерниями Тобольской, Грод[н]енской и Танбовской. Б[аратынский] что-то с ним не поладил. Пошла переписка. Предводители разделились — половина на сторону Бар[атынского], другая губернатора, которой по званию и опытности в делах такие начал давать предложения и требовать ответов, что они запутались по бумагам. Он дает

* В рукописи: полее.

предложение губернскому правлению шесть уездных предводителей отдать в уголовную палату. Следовало б и губер[н]скому быть с ними суждену, но как он имеет с ним личное неудовольствие, то для рассмотрения его поступков отнесется к вышнему начальству, что и сделал. — Б[аратынский] принужден был ехать в Петербург и хлопотать. Так дело кончилось ничем, но все им чести не делает быть в уголовной палате.

Весной отправились в деревню. Узнаем, что Д[митрий] И[ванович] приехал для дележа имения в Москву, то я выпросился на 28 дней в отпуск, оставя жену с сыном, поехал в Москву. Там нахожу П[етра] И[вановича], Д[митрия] И[вановича] и П[расковью] И[вановну] — все трое живут по разным квартирам. Нужно было дожидаться Пав[ла] И[вановича], которой чрез несколько дней прибыл и остановился у Д[митрия] И[вановича]. Мне хотелось взять из имения покойницы за следуемую часть жене только одну мельницу, состоящую на реке Лесном Танбове при селе Подоскляях. Для сего надо было съехаться всем в одно место. Я упросил своячину, чтоб она позволила быть у ней. Она не хотела мне отказать, но крайне боялась буйства брата своего Пав[ла] И[вановича], которой уже им говорил, что он кроме одного жернова мне [ничего] не даст, и то для надгробного камня, но я ее уверил, что у нас не выйдет никаких историй. Назначили день, съехались, опять дожидаемся Пав[ла] И[вановича]. Приезжает. Поговоря постороннее, сажусь возле Пав[ла] И[вановича] на софе, начинаю говорить: «Вы знаете, что жена должна получить после матушки следуемую часть, вместо коей она желает иметь только одну мельницу. Согласны ли вы?» — Он начинает вздорить. Я тотчас прекращаю, говоря: «Это прошедшее, которого я не знаю. Теперь требую только согласия». — «Да нет-с, я-с вот-с что-с говорю-с...» (у него была такая привычка ко всякому слову прибавлять «-с») — и хочет встать. Я удерживаю ласковым манером: «Это старые сказки, я не приехал их слушать, а требую одного слова, дает или нет?» — Он: «Нет-с, я-с ничего-с не даю-с». — Я: «Вот и довольно. А вы, Д[митрий] И[ванович], как думаете?» — Его ответ: «Как брат, так и я». — «Вот, сестра, и дело кончено. Первый час, прикажи дать вотки».

Простясь с ними, на другой день отъезжаю, и по приезде в Танбов сказываю жене. Она говорит: «Так делай, как хочешь». — Подаю просьбу, прописывая, что по кончине матери жены моей следует ей получить указную часть¹⁴², то до раздела взято б было в казенный присмотр, что и учинено. Приказчика обязали подпиской никому ничего не давать.

И так учредя, спокойно дожидался московских гостей. Жене захотелось ехать в Задонск, более, думаю, от скуки: сидит одна, а я по должности в Танбове. Поехали. Возвращаясь, находим Пав[ла] И[вановича] и Д[митрия] И[вановича]; они уже делят лошадей. Посылаю за исправником. Он приехал. Сказываю ему, что приехали шуренья, делят имение, которое находится под вашим ведением. Он пошел к ним, запретил, чтоб ничего не брали. Видят, что насильством ничего сделать нельзя, а Д[митрию] И[вановичу] надо ехать, приходит к жене, просит, чтоб я вошел в его положение и разделил бы имение. Она говорит мне, я не соглашаюсь; он к ней пристаёт, а она ко мне. Согласился, взяв полную доверенность разделить, продать и заложив. Сделав верующее письмо¹⁴³, он уехал в Киев к своей команде. Я приступил к разделу и вместо мельницы пустой, которая ныне ходит в оброке¹⁴⁴ по 600 ру[блей], получил 35 душ ревизских дворовых людей и крестьян, пятьсот десятин, лесу 50 десятин. Они дали 200 десятин строевого леса Петру И[вановичу], достальное им пополам. Из движимого жена получила лошадей, коров, овец, пчел четырнадцатую часть, и так за свое своеволие шуренки мои отдали вдесятеро. Им досталось каждому по 214 душ и 2800 десятин земли, лесу строевого по 200 десятин. Окончав оное, ввели каждого во владение.

Пав[ел] И[ванович] остался на житье и сначала жил по-братски, всякой день бывал у нас, а как наберет денег, поедет в Танбов, пойдет по трактирам, пьет, играет в карты, на бильярде. Как деньги все, приедет — опять дней несколько порядочен. Однажды приходит, говорит мне: «Я делал-с расчет-с, никакой нет-с выгоды-с держать-с пчел. Я их всегда продам, больше-с получу-с на процентах-с». — Потом находит — большая издержка держать конной завод. Продал оставя у себя одну тройку езжалых лошадей. Когда все, что мог, распродал, в город стало ездить не с чем, кредиторы описали имение. Начал более пить и колобродничать. Прислал людей, забрал с Д[митрия] И[вановича] конюшни лошадей. Посылаю человека спросить, зачем взял лошадей. Приказывает, что он хочет их иметь. — «Поди скажи, ежели они ему ндравятся, так ему известно, почем каждая при дележе назначена, чтоб прислал деньги». — «Нет-с, не надо-с, возьмите-с лошадей-с».

Чрез несколько дней Д[митрия] И[вановича] выборной¹⁴⁵ является весь избитой, жалуется, что Пав[ел] И[ванович] изволил избить. — «Я тебе приказывал, чтоб ты к нему не подходил и не давал».

В[ыборной]: — Помилуйте, они наши господа, власть их в наших телесах.

Я: — Ты, верно, что-нибудь нагрубил? Как было?

В[ыборной]: — Я еду с поля, лишь завидел — снял шляпу. Он изволил кликнуть. Я слез с лошади, привязал, подхожу, спрашиваю: «Чего изволите?» — Он тотчас меня ударил, начал бить и приговаривал: «Не слушайтесь Загрязского».

Я вижу, что побои не так велики, приказываю ему идти: «Пав[ел] И[ванович] хотел быть обедать, я у него спрошу». — Лишь ушел выборной, он приезжает. Спрашиваю: «За что бил выборного?» — «Грубиян-с. Я стал с ним говорить, он не отвечает. Я уверен-с, что ты не позволишь им против меня быть невежами», — и завел другую материю.

Опять бегут Д[митрия] И[вановича] дворовые. — «Что вы?» — «Па[вел] И[ванович] ходит по избам, всех бьет, баб и девок разогнал, одна старуха и теперь без памяти от его удара». — Вслед за ними приезжает вполпьяна [Павел Иванович], бранится, будто я приказывал Д[митрия] И[вановича] людям с ним браниться. — «Да зачем же ты ходил по избам? И старуха чуть жива. Ты ее прибил, так что она сделалась без памяти». — Пав[ел] И[ванович]: «Избы на моей земле; они не хотят из них выходить», — выдумывая, продолжает свое. Вынудил меня сказать: «Поезжай, а то я велю связать и отправлю в город». — Это заставило его уехать, и перестал ко мне ездить.

Потом бегут пастухи. — «Что вы?» — П[авел] И[ванович] велел бить скотину на плотине, а нас поймать. Мы ушли, а скотину теперь ломают...»

Пустил к своему крестьянину кабак, начали продавать вино; старостой сделал крестьянина, наказанного за непослушание и возмущение крестьян к неповиновению; выборным — буйного дворового молодого, пьяницу, которой обличен был несколько раз в воровстве. Такой пошел разврат — принужден был подать просьбу. Его потребовали в суд. Это его посократило. Кредиторы представили свои претензии; имение описали; он уехал в Тулу.

В течении этого время мы жили во флигеле. Одна изба составляла нашу спальню, сени были залой, в которой мы обедали и ужинали, а другую избу занимал Иван со своей кормилицей и няней, и девки. Петр И[ванович] и Тр[аубенберг] приезжали и жили в кладовой. Они уехали, а мы на зиму в Танбов переехали, и прожили до весны. Домик наш поспел. Мы перешли в него, стало попокойней. Тут состоялся рекрутский набор, по должности надо было вседневно быть в Танбове. В пятницу на ночь я отправлялся в деревню, а в понедельник, хотя более сорока верст,

поспевал к присутствию. В начале июля отправились в Мо[с]кву, остановились на Остоженке. Жена была беременна, дождалась родить, но полагала еще не скоро. Брат Н.А. зовет обедать, мы едем. Жена садится в карты. После обеда она мне говорит: «Сядь за меня, я отдохну». Пошла с А.П. в другую горницу. Я сажусь играть. Не прошло часу, приходит человек, рассказывает: «Анна Ивановна изволила прислать, приказала вас поздравить с сыном Петром»¹⁴⁶. — «Да где она?» — «Дома. Они с А.П. изволили уехать». — Как партия родная¹⁴⁷, то я, оставя карты, поехал домой. Нахожу уже все прибрано и благополучно. Это последовало 31-го июля 1805 года. Когда она оправилась, опять поехали в Танбовскую деревню.

Зимой, в ноябре, приезжает из Тулы Петр Иванович; пробыл у меня сутки. Я выпросился в деревню. На третий день поутру велели запрягать лошадей. У него тройка серы[х], в открытых санях, дорогих лошадей, поклажи никакой. С ним сидел моск[овский] купец Вас[илий] Ти[хонович], лакей и нанятый кучер из Городни. Другая кибитка разношерстных; в ней камердинер с поклажей. Когда заложили, Ва[силий] Ти[хонович] входит, рассказывает: «Лошади готовы». — «Ты сядешь с Иевлевым». — «Зачем? Неужели поедешь на своих монахах?» — Петр И[ванович] закричал: «Ты врешь! Он нас проводит до Кобылинки, а там мы дорогу знаем!» — Итак, пустились на добрых рысях.

У меня была с порядоч[ной] рысью ворночала в корню и воронье по пристежам. Отъезав 18 верст, приходит данной ему лес. Я кричу: «П[етр] И[ванович], вот твой лес, смотри!» — и пошли шагом. Кучер его, как ямщик с большой дороги, любитель всяких фарсов, вскоча с передка и обивает кнутом полу: «Что за езда? Зачем так гоним?» — Не смотря на его рассказы, как П[етр] И[ванович] сказал, что из Кобылинки поедет вперед, то чтоб его хорошенько довести, велел ехать пошибче, так что пристяжные начали примахивать. Проехав Кобылинку, до села оставалось верст девять. П[етр] И[ванович] пустился скакать, но как моя коренная очень рысиста, то и не мог уехать. Кучер его, чтоб дать лошадям вздохнуть, уронил кнут. Лакей побежал; пока воротился, шли шагом. Там опять поскакали, проскакав немного, посылают лакея сказать, чтоб кибитка отстала. Когда лакей воротился, П[етр] И[ванович] велел еще шибче ехать, желая всячески от меня уехать, но видит, что моя тройка висит у него на кряквах¹⁴⁸. Бранит кучера, тот прибежал к кнуту — не помогает. Вдруг его левая падает! Я чуть не сломал его сани, принужден своротить в сторону. Подождал, пока справили и

поехал передом, но, чтоб не слишком огорчить, к крыльцу дал ему первому подъехать.

По приезде, лишь поздоровался с сестрою, которая очень ему обрадовалась, он начал разговор о нашей езде, хвастаясь своими лошадьми. Сели в вист. Как посторонних никого не было, то он сел с купцом, а я с женою. За вистом вновь начал хвалить своих лошадей и рассказывать об них небылицы. На это я сказал: «И мои добры». — «Где же твоим!.. Поедем к Тронберху¹⁴⁹, я тебя брошу! Да подержим 500 ру[блей] пари». — Я соглашаюсь. В[асилию] Т[ихоновичу] жаль стало его денег; он любил его до крайности: «Полно, как можно от него уехать!» — Это так рассердило П[етра] И[вановича], что, ухватя подсвечник, чуть его не ударил: «Подлец ты! Рад меня променять на всякого!.. Да как ты смеешь так говорить о моих лошадях!..» — Тот замолчал. Я не рад был оной материи, начали другую, которая его не так интересовала.

Через несколько дней приезжает И[ван] Гавр[илович] Траубенберг. Петр[у] И[вановичу] хотелось видеть данной ему лес, и положили нам с ним ехать, а жена с Траубенбергом к Сухотину.

П[етр] И[ванович] хотел выкинуть свою штуку: велел надежнейших своих лошадей запрячь пару, взял маленькие сани и сел только с кучером, с намерением думая объехать, чтоб посмеяться: тройку объехал на паре. Я не знал его намерения; велел запрячь троечные сани, взял еще человека. Доехав до караулки, оных оставили, сели на других, объехали лес, возвратясь к караулке, тотчас пересели каждый в свои сани. Мой кучер прежде успел оправить лошадей. Повернули на дорогу и стали дожидаться. Он, увидя, что я остановился, кричит: «Поезжай, я догоню!» — «А не лучше ли вместе?» — «Поезжай, я тебя прошу!» — Я приказал кучеру ехать тихонько. Когда он стал догонять, то велел не допускать сажен пятьдесят. Как он ни старался, но не мог догнать ближе. Лишь подвин[е]тся, я прикажу пустить, отделюсь сажен на восемьдесят и опять поставлю на прежнюю дистанцию. И так проехали до Кобылинки. Тут надо спускаться на пруд, то кучер мой неосторожно осадил. Вдруг правая пристяжная заиграла и заступила постромку. Надо остановиться, а он поскакал мимо. Пока отложили [и] опять заложили, — он из вида уехал. Оправясь, начали догонять. Едущие с дровами заслонили ему тройку. Он воображал, что я далеко, видит — я почти равняюсь. Велел пустить во весь опор, но моя тройка скоро сделалась впереди. Опять прежней манерой держа его в той же отдаленности, приехали домой. Он только сказал: «У тебя тройка, немудрено уехать». — А я, не хотя распложать, зная его горячность, будто

согласился. Войдя в горницу, он говорил с Траубенбергом и повершил, что он на паре, коренная его пала на ноги и недели две оправлялась. С оных пор зависть посе[ли]ла в них желание меня объехать.

Через несколько дней Трау[бенберг] едет в Танбов, и мне надо по должности. Согласились ехать вместе. Подают лошадей, он садится. Я, полагая, что он меня дожидается, кричу: «Поезжайте!» — Он отвечает: «Ступай наперед, я не поеду». — Принужден ехать.

В той же Кобылинке на пруду его кучер крепко запер коренную. Оборвалась вожжа, лошади понесли, а как я был впереди, то велел остановиться, и человек забежал. Тем остановили. Я дождался, пока оправили, и до Танбова ехали порядочно. Въезжаем в Инвалидну слободу, тут площадь большая, на которой бывала ярмонка. Гляжу, у Т[раубенберга] кучер стоит стоймя, погоняет коренную, кричит, как ямщик, везущий лихого фельдъегера, и его тройка уже равняется с моею. Я не велел давать переду сажень сорок. Он держался, но правая пристяжная стала сдавать, а потом и вся тройка отстала. Впереди сад, огорожен плетнем. Мне вошло в голову сказать, что я его на плетень посадил.

Приехали на мою квартиру. Приходят соседи: Сухотин, Колкин (?) — охотники до троечной езды. Спрашивают: «Как ехали?» — Тр[аубенберг] молчит. Они относятся ко мне. — «Спросите у Тр[аубенберга]: он сидел на плетню». — Они подхватили: «Как, ты сидел на плетню?» — Ему досадно; начал оправдываться, что ему помешал плетень. Я припомнил, что от крыльца он не хотел ехать передом, что в Кобылинке я его дождался, всю дорогу ехал сзади, зачем тут поехал вперед? — Тр[аубенберг]: «Что же, я хотел попробовать». — Я: «Так затем посидел на плетню». — Сделался дружный смех. После сего он уже никогда не пробовал обгонять меня.

По приезде домой Тр[аубенберг] отправился к себе. Петр И[ванович] дает доверенность В[асилию] Т[ихоновичу] на продажу леса, сам собирается в Тулу, сговорясь с Тр[аубенбергом] прежде, чтоб ехать вместе, и назначили день. Тр[аубенберг] приезжает; на третий день они едут в Тулу, а мы с женой их провожать до Танбова. Зная все фарсы моего шурина, говорю Тр[аубенбергу]: «Как ты думаешь, Иевлев, несмотря, что у нас тяжелые повозки, уедет вперед, а после будет смеяться. Чтob не дать ему поводу, хочу приказать особо запрячь тройку». — Тр[аубенберг]: «Ты правду говоришь, вели». — Приказываю человеку, чтоб велел особо запрячь тройку для себя и чтоб на оной кроме са[мо]вара, никакой клажи не было. Лошадей назначил сам. Вы-

езжаем. П[етр] И[ванович] поехал вперед, за ним в кибитке жена с девкой, а за ней я с Тр[аубенбергом]. Позаговорились и не видали, что он уехал довольно далеко. Подъезжаем к березнякам, надо спускаться под гору и подыматься на гору, глядь: П[етр] И[ванович] уже в версте от нас. Тр[аубенберг]: «Видишь, я отгадал». — Позываю человека, приказываю догнать П[етра] И[вановича], доложить ему, что ты послан поставить самовар. Поезжай вперед и не давай себя объехать. На лошадей я надеялся. Он догоняет, докладывает П[етру] И[вановичу]. — «Ну, поезжай, что мне нужды». — Малой поехал вперед, он за ним. Зимняя дорога лежит через монастырь Трегуляевской, от него до Танбова версты три рекдй. Лишь на оную въехали, П[етр] И[ванович] пустился вперед. Только заметили, что он хочет мимо, пустили и мою тройку. Коренная так приняла, что подкова взвилась. Кучер удерживает лошадей. Человек ему: «Что ты?» — «Поднять подкову», — отвечает. — «Пошел!» — Пока опять пустили... Долго рассказываю.

П[етр] И[ванович] долго держался, но наконец отстал и поехал сзади. Приехав в Танбов, говорит малому: «Где Тр[аубенбергу] с этой тройкой ехать!» — Приезжаем и мы, он говорит Тр[аубенбергу]: «Добрая его тройка, ты не хватайся с ней ехать», а как он не любит отдавать справедливости лучшему чужому, то для меня приятно было слышать это вынужденное у него слово. Проводя их, жена возвратилась в деревню, а я остался по должности в Танбове.

На другой год али на третий после сего мы опять поехали в Москву по поводу жениных родин, которая 1807-го года сентября 29 и произвела на свет дочь Катерину¹⁵⁰. Скоро она оправилась, кончили визиты и поспешили в Танбов. Были выборы.

Исполняя должность с рачением, успел сделать. Первое: для содержания почты дворян нанимали лошадей, по 20 ко[пеек] с души. Я отобрал ото всех помещиков подписки, кто желает платить по 10 ко[пеек] с души или сами возить. Помнится, 2 или 3 значительные имена захотели возить сами, еще один: некто г-н Козлов, которой дал подписку такого содержания: «имею я ревижских шестнадцать душ, денег платить не могу, а по расчету сколько придется время с моих душ и на какой станции, буду высылать своих лошадей». Посмеясь на такой отзыв, приписал к сказанным селениям и назначил станцию, а на прочие подрядил по восьми копеек с ревижеской души. Второе: колодников препровождали до села Рассказова, состоящего 30 верст от Танбова. Дабы миновать на среди оногo расстояния г-на Сазонова деревню Малою Таленку обводили семьдесят верст и к тем селе-

ниям было приписано, во облегчение, 13 т[ысяч] душ, будто для того, что по причине лесов, дабы колодники не делали утечки, водить, препровождать по степным местам. Я о сем представил в губернское правление, и велено водить чрез Таленку, а в облегчение ей приписано 3 т[ысячи] душ. Третье: в течение моего трехлетия ежегодно были наборы с 500 душ по четыре рекрута, и на меня ни одной просьбы не подано, тогда как на других предводителей входило в собрание по двадцати от разных клаузов. Тут же исправлял должность и губернского предводителя, и покупал ремонт для артиллерии. По окончании трехлетия в 1808 году, выбрали на мое место г-на Медвяцкого¹⁵¹. Почтенные дворяне подошли ко мне и благодарили за их спокойствие, что меня до крайности тронуло.

Вот еще какой был случай. Во время моего предводительства получаю бумагу, по которой велено представить дворянина Тверитинова в рекрутский прием. Он служил поручиком, имел золотой крест за Прагу, вышел в отставку и начал красть. Промотался и начал красть лошадей. Сперва его осудили в монастырь на три го[да]; он оттудова бежал и опять пойман. По второй сентенции велено, буде годен, в солдаты, а не годен — сослать на поселение. Человек лет с небольшим тридцати, поставили в меру¹⁵² 2 ар[шина] 10 вер[шков], забрали лоб и пошел в партию¹⁵³.

Я занемог спазмами, был отчаянно [болен]. Доктора танбовские четверо всякой день приезжали и наконец положили, что у меня каменная болезнь, чтоб ехать в Москву. Я непременно захотел ехать в село, и весной отправились. Почти вслед за нами приезжает Пав[ел] И[ванович] и как ни в чем не бывало приходит к нам: «Что-с, сестра-с, ты сердисься-с, полно-с, уж это-с прошло-с».

В июне поехали в Москву. Я, сидя в карете в шубе, увидел крестьян в рубашках, лежащих на траве. Невольно у меня потекли слезы. Покойная жена испугалась, спрашивает: «Что, мой друг, ты чувствуешь?» — «Ничего. А вот отроду ничему не завидую, а глядя на оных мужиков, как они наслаждаются приятной погодой, а я в карете в шубе озяб, от зависти и заплакал».

По приезде в Москву, взяли доктора Якова Павло[вича] Матера¹⁵⁴, которой начал лечить от спазмов и в три месяца хотя не совсем вылечил, но облегчил мою болезнь. Я непременно хотел ехать в деревню, а жена хотела, чтоб подоле я лечился, но я стоял на своем. Но как не охотно укладывались, то и выехали в сумерки. Пока доехали до Рого[ж]ской, сделалось очень темно. Принуждены были остановиться на постоялом дворе. На другой день подъезжаем к Москве-реке; она еще не стала, и пере-

возу нет. Принуждены были ехать в Мячково. Там прожили три дня, пока пришли сказать, что берутся перевезть. Они с кареты сняли колеса, подвезя к берегу, и поставили на дровни. Благополучно переправились и доехали до села.

Павла Иван[овича] имение продавалось уже с аукциона, но он продал его Тулинову, а как появились у него деньги, то он упросил жену, чтоб позволила у себя его гостям пообедать: «Не много-с будет-с, человек с шесть», — и назвал игроков. Они приезжают — многие знакомы, а другие нет; человек с десять наехало. Но как у нас показалось им неудобно, то после обеда скоро пошли к нему и тем избавили как жену, так и меня [от] своего посещения.

Тут уже мы жили по своей воле. Я был без должности, занимался хозяйством, жена также своим. На зиму поехали в Москву, и родилась у нас дочь Марья. По последнему пути возвратились в Танбовское село. Павел И[ванович] переехал на житье в Тульскою нераздельною деревню.

В 1810-м году в июне жене захотелось быть в Киеве. Собрались, взяв с собою сыновьев обоих, следующим порядком: я, жена и девка в карете в семь лошадей; сыновья и учитель их Редер в коляске, четыре в ряд; кибитка тройкой, в ней прачка, телега тройкой же с поваром, и поехали, можно сказать, путешествовать. Сперва в Тулу к свояченице П[расковье] И[вановне] З[агрязской] в село Иворовку, от нее в Боровское наше село Сатино, из него в Москву. Побывав у всех родных, которые на это время тут случились, поехали к брату Д[митрию] П[етровичу] в Бежецкое его село Балдеево, от него возвратились в Москву, из оной в Доргобужское его село Печенечино, от него чрез Смоленск, Могилев, Чернигов и в Киев.

Наняли домик против самого базара, преспокойно разместились. Жена была богомольна, вставала к заутрене, обедни, вечерни; во все время нашего пребывания в Киеве ни разу ничего не пропустила. Я был не очень здоров. Она встанет к заутрени, уговаривает меня. Я от лени, ссылаясь на нездоровье, будто не простою. Там, в Печерской лавре, всегда заутреня начинается в двенадцать часов ночи и кончается на восходе солнца, и в подлинну я думал, что не простою. Однажды она меня спрашивает, чтоб я ехал с ней: ежели устанешь, там есть места, можешь сесть, а не то поезжай домой. Я согласился, поехал... Пение и чтение до того меня пленили, что я не чувствовал, как простоял. В полном удовольствии возвратился домой; даже жалел, что прежде не ездил.

Тут узнал, что Алексей Петрович Ермолов¹⁵⁵ недалеко от нас квартирует. После обеда пошел к нему. Он занимал в неболь-

шом домике три комнаты. Вхожу в переднюю — он сидит в другой, ближе сказать, на скамье, нежели на софе, хотя она ни на что другое не похожа. Перед ним разложены ланкарты. Он меня принял по-родному и по-военному, то есть без фасонов. Скоро пришли ему сказать, не помню, какой-то мушкатерский полк пришел. Он сказал: «Надо видеть». — Мы простились, и он поспешно вышел. Я заглянул в третью комнату, вижу — на кровати пос[т]лан ковер и кожаная подушка, пары три сапогов, и больше ничего. Книг, ланкартов везде накидано кучами... Я, посмотрев на полк, пошел домой.

Как мы уже намерены были возвращаться прямо домой, то и начали собираться. Накануне Преображения приехали в Лубны, на другой день пошли в монастырь к обедне, только что благоговестили, дабы приложиться на просторе к мощам...*, лубенского чудотворца¹⁵⁶. Он сидит в креслах во всей архиерейской одежде и в шапке, которая, говорят, прежде надевалась как на живого, но когда мы были, то уже лица не видать, и прикладываются только к руке, которая лежит на локотке кресел. По конце обедни вместо антидора¹⁵⁷ вынесли двое превеличайшее блюдо, верхом накладенное яблок и груш. Архимандрит каждому раздавал, кому грушу, кому яблоко; нас позвал к себе на завтрак. Пошли с детьми к нему. Комнаты порядочные, чисто прибраны. Посидя немного, пошли домой; были у вечерни, переночевав, не рано выехали.

Отъехав двадцать верст, остановились кормить. День прекрасной, хатка выбелена, окошки довольно велики. Мы сели обедать у открытого окна. Когда принесли кушанье, прежирною и прекрасно только в Лубнах изжаренною четверть баранины поставили очень близко к окну. Все мы ее очень хвалили, и каждый дожидался дошедшей до нее очереди. Вдруг собака из-за окошка ухватила и побежала с нею. Сделалась тревога, люди выскочили за нею, она по огородам, не оставляя своей добычи, и скрылась. Смех и досада были вместе; мы остались без жаркого.

К вечеру прибыли в Сароченцы. Тут лечилась В.А.Сухотина с мужем. Пошли к ним; они очень обрадовались. На другой день пошли к славному доктору Трофимовичу. Человек немолодой; искусство его сделалось известно по всей России. Он был жалован от Е[катерины] Второй, П[авла] Первого и Ал[ександра] Первого разными подарками. Съезд в Сароченцы благородных особ был беспрестанный. По заведенному у него обыкновению, схо-

---

* Пропуск в рукописи.

дятся в десять часов утра на сивушку* — так называл он пенное, настоенное травами по его методе вино, и редька, а в шесть часов пополудни чай. Лекарства и травы он выписывал из Лубнов. Там был казенный ботанический сад и вольная хорошая аптека.

При нас лечившийся у него от лихорадки купчик, помнится, из Воронежа, стал ему говорить, что он уже здоров, слабости никакой не чувствует, и хочет ехать домой. — «Нет еще, — отвечал доктор, — вам надо покупаться». — Купчика это слово так испу[гало], как труса пушечный выстрел. С переменою лица говорит: «Помилуйте, я три года был в лихорадке, рад, что вы меня избавили. С тех пор, как занемог, не только купаться, ежели реку переезжать достанется, так я до смерти боюсь». — Доктор: «То-то и надо, чтоб вы не боялись». — Оборачивается к живущему тут поручику Лисаневичу (которой от простуды имел сведенную ногу; лечась в Петербурге и в Москве два года, не мог оставить костыля. Трофимович в три месяца совершенно его вылечил, а как Лисаневич без состояния, так от него ничего не взял. Тот в знак благодарности сделался у него самым коротким): «Возьмите, — говорит, — сего молодого человека, завтра поутру в шесть часов сводите его и покупайтесь вместе».

На другой день сошлись к вотке. Только что вошел купчик — доктор подходит к нему, спрашивает: «Что вы чувствовали после купанья, по выходе из воды?»

К[упчик]: — Немножко озяб, скоро прошло, но я боюсь, чтоб лихорадка опять не пришла.

Д[октор]: — Мы опять ее прогоним, но уже так, что никогда не воротится, и вы должны непременно три раза искупаться. Ужо в пять часов.

К[упчик] приходит к чаю, рассказывает, что ничего не чувствовал.

Д[октор]: — Посмотрим, что завтра будет.

К[упчик] на другой день говорит, что ему очень пондравилось, и он всегда будет купаться.

Д[октор]: — Вот теперь поезжайте.

К[упчик]: — Я поеду завтра рано, а нонче опять с г-м Лисаневичем сходим.

Д[октор]: — Тем лучше. Я рад, что вам пондравилось.

У нас дорогой занемогло два человека, третий по приезде. Он двоим дал лекарство, а последнему ничего, и всех велел по три раза в день вытирать. На другой день им стало лучше, и к концу недели все выздоровели.

---

* Карандашом на полях: Трофимовска сивушка (см. у Гоголя)¹⁵⁸.

Дни чрез два мы поехали в Ахтырку. Из оного в Белгород, где лежит Есаф Горенко¹⁵⁹. Мы видели его: ничем не вредим, как будто несколько дней, как умер. И всякой год в великой четверг его обмывают и в новое платье одевают. Отсюда в Воронеж, были у Н.Н.Тулинова, и возвратились, сделав более 2500 вер[ст] нашего путешествия, в сентябре прибыли в село Никольское-Хитровщина. Дочерей нашли здоровых, и прожили до генваря наступающего года.

Жена была беременна. Ей не хотелось ехать в Москву, но я, зная ее больше несчастных родин, непременно настаивал, чтоб ехать. Она как будто предчувствовала — день за день откладывала, уверяя меня, что она еще в феврале ждет своего разрешения, то с большим от меня понуждением 2 числа генваря 1811 года выехали со всеми детьми по рязанской дороге...

Она почувствовала начало мук. Мы, оставя детей, взяли почтовых. Приезжаем на первую станцию, в ...*; лошадей нет, нанять люди ни за что не могли найти; ее же начинает чаще тревожить. Выскакиваю на улицу, — мечковские везут белой камень¹⁶⁰. Я их уговариваю, даю по 25 ру[блей] на тройку. [...] Деньги их прельстили; они выпрягли из шести возов лошадей и запрягли в наши кибитки.

В сумерки приехали в приготовленной нам дом. Она взошла довольно по высокой лестнице хорошо и походила по комнатам. За бабушкой, которая всегда у ней принимала, и за акушером Даненбергом по приезде послали. Часов в шесть они съехались; ее уже очень начало мучить. Она уже легла в постель и, чувствуя себя очень дурно, хотела видеть детей и говорила: «Ежели их увижу, умру покойно», — что меня приводило в ужас. Не видав такой в ней отчаянности, имея шесть таких случаев, никогда не было такой робости. Скоро дети приехали. Она велела их кликнуть. Даненберг, увидя меньшую дочь, которую он вынул: «Это моя дочка». — Сим словом очень нас обоих окуражировал.

Она приказала подать образ, благословила и протилась. Их отвели в назначенную комнату, они поужинали и легли. Мы остались трое: аку[шер], бабушка и я. Ей часто стали делаться обмороки. Хотя акушер с бабушкой нас утешали, обнадеживая благополучными родами, но я видел их самих в крайнем беспокойстве. Приступили к своему делу. Я не мог уже тут быть, ходил по другой комнате, но более стоял у дверей. Слышу крик ребенка, с радостью вхожу, поздравляю жену; они меня. Она также обрадовалась, но говорит слабым голосом, что она чув-

* Пропуск в рукописи.

стует что-то необыкновенное. Не более как чрез полчаса у ней стали померкать глаза. Взяла меня за руку, пожалала очень слабо и говорит: «Жаль только, мой друг, тебя и детей, а в прочем я покойна». — Слова ее меня поразили! Поцеловал, и чтоб не усилить ее робости, говорил, что в голову вошло к ее утешению. Отвечала: «Друг мой, я чувствую». — Перекрестилась, закрыла глаза... Я не помню, как отошел от нее.

Акушер сам был уже не свой, то брал за пульс, то с жалостным и робким видом смотрел на нее. Наконец, взяв зеркало, приложил к лицу, подержав минут пять, обернулся ко мне, говорит: «Все кончено...»

Не помню, как очутился я на креслах, только пот с меня градом. Я, опомнясь, бросился к ней... Слезы лились, ропот прибавлял огорчения... Мне казалось, лишась ее, я не могу существовать!.. О детях уже не смел думать, полагая, что они без материнского попечения по одному скоро исчезнут.

Даненберг уехал, бабушку с новорожденной дочерью проводили в особую комнату... Всю ночь я не спал, в крайнем отчаянии, как безумной, не знал, что делать. Подходил к ней, то кликал людей, без приказания их отсылал, и опять призывал... Дети уже спали; боялся, чтоб стуком или криком их не испугали...

К счастью, узнаю, что брат А[лександр] П[етрович] в Москве. На рассвете посылаю к нему. Он тотчас приехал, принял участие в мо[е]й горести, и взял на себя исправлять печальную церемонию.

На третий день ее был вынос, отпевали в приходе...*, что на Плющихе. Цвет лица ее не имел ни малейшей смертности. Многие в церкви говорили, что жива. Я стал прощаться — мне показалось, что у ней обморок. По отпетии я просил архиерея, чтоб позволил не заколачивать гроба. Он позволил, я не велел покрывать крышкою и приставил людей быть при гробе. На другой день, взяв с собой доктора Маера, приехали с ним в церковь. Он посмотрел глаза: «Нет ничего уже в ней живого». — Велел закрывать, поставить в ящик и отправил в село Сатино. Сам переехал в другой дом, куда и брат ко мне переехал. Приехал из Твери другой брат Д[митрий] П[етрович], и так прожил в Москве, не выходя из дому, до Великого поста.

---

* Пропуск в рукописи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коронация Николая I.

² Отец мемуариста — Петр Александрович Загряжский (1732-1785), секунд-майор в отставке с 1760 г.; мать — Мария Ивановна, девичья фамилия неизвестна (1735-1777); сестра — Екатерина, в замужестве за гр. Александром Ивановичем Зотовым; братья — Дмитрий (около 1760-?), коллежский советник, Бежецкий уездный предводитель дворянства в 1794-1799 и 1800-1806 гг.; Александр (1763-?), секунд-майор, городничий в Дорогобуже; Алексей (ум. в 1799 г.); Федор — сведений нет; возможно, умер в ранней юности.

³ Плерёзы - белые траурные нашивки на платье.

⁴ Каковинский Николай Никитич — московский обер-комендант. Был женат на Марье Михайловне Сушковой.

⁵ Имеются в виду беглые крепостные крестьяне.

⁶ Ганчеров (Гончаров) Афанасий Абрамович (1693-1788) — калужский купец, прапрадед Н.Н.Пушкиной.

⁷ Т.е. вместо заклада имущество будет считаться проданным.

⁸ Князь Кантемир — возможно, Сергей Дмитриевич (ум. в 1780), бригадир.

⁹ Жена надворного советника Александра Михайловича Языкова; во 2-м браке за М.И.Зыбиным (см. прим. 62). Возможно, дочь Алексея Михайловича Ермолова. На полях рукописи Загряжского карандашный вопрос (П.И.Бартенева?): «родная тетка Алексея Петровича?» У А.П.Ермолова была всего одна родная тетка — Варвара.

¹⁰ Репнинский Яков Николаевич (1740-1790), полковник, затем бригадир Елецкого пехотного полка, генерал-майор с 1780 г.

¹¹ Паспорта в те времена выдавались на определенный, сравнительно короткий срок, главным образом, на время путешествия, военным — на время отпуска и т.п.

¹² Т.е. с хорошим ходом.

¹³ Лаж — приплата при промене одних денег на другие (бумажных на серебро, серебра на золото).

¹⁴ В рукописи ее инициалы С.Н. О ней см.: Долгорукий И.М. Капище моего сердца. М., 1890; Благово Д. Рассказы бабушки. Л., 1989 (по указ.).

¹⁵ Оранжевыми.

¹⁶ Положил в торока — приседельные сумки.

¹⁷ Здесь и далее автор не точен при указании своего возраста.

¹⁸ Ермолов Александр Петрович (1754-1834) — генерал-поручик. Адьютант Г.А.Потемкина. Официальный фаворит Екатерины II с февраля 1783 до июня 1786 гг. Вышел в случай — сделался фаворитом.

¹⁹ Тенеченье волков — т.е. облава на волков (от слова тенета — сеть для ловли зверей).

²⁰ Родной дядя Алексея Петровича Ермолова (1777-1861), героя Отечественной войны 1812 г. М.П.Загряжский был в близком родстве с Ермоловыми. Родная сестра его отца — Мария была замужем за Алексеем Леонтьевичем Ермоловым — дедом Алексея П.Ермолова.

²¹ Т.е. в казарме.

²² Арбенев Иоасаф Иевлевич (1742-1808). Майор Измайловского полка с 1784 г. Генерал-майор с 1787 г. С 1798 в отставке с чином генерала от инфантерии.

²³ Т.е. пикетного.

²⁴ Т.е. подошел к ротному резерву.

²⁵ Давыдов Дмитрий Денисович — полковник. Сын Дениса Васильевича и Анны Андреевны, урожд. Колычевой. У него братья: Владимир, Лев и Василий, сестра Мария, в первом браке Каховская, во втором — Ермолова (мать Алексея П.Ермолова). Родные племянники Д.Д.Давыдова — поэт Денис Давыдов и декабрист В.Л.Давыдов. Через Ермоловых родня Загряжскому.

²⁶ Разумовский Кирилл Григорьевич (1724-1803), граф, малороссийский гетман с 1750 г. Фельдмаршал с 1764 г. Президент Академии наук с 1746 г. Младший брат А.Г.Разумовского, фаворита имп. Елизаветы Петровны.

²⁷ Копьев Алексей Данилович (1767-1846), гвардейский офицер, драматург. Славился остроумием и бесшабашным поведением.

²⁸ Придворный официант (мунд-шенк).

²⁹ Суболтерн (субалтерн) офицер — самый младший из офицеров.

³⁰ Кислые ши — род шипучего кваса из пшеничной муки.

³¹ Загряжский Николай Александрович (1743-1821), камергер, затем обер-шенк. Действительный тайный советник с 1798 г.

³² Известная Наталья Кирилловна Загряжская (1747-1837), кавалерственная дама, дальняя родственница Н.Н.Пушкиной. А.С.Пушкин записал 9 рассказов Н.К.Загряжской.

³³ Загряжский Александр Артемьевич (1716-1786), генерал-поручик, попечитель Воспитательного дома.

- ³⁴ Действительный статский советник, дед Алексея П.Ермолова.
- ³⁵ Жена — Мария Александровна (1728-1798), в 1-м браке Гурьева. Дети: Варвара, Александр, Сергей, Николай и родившийся в 1-м браке отца Петр.
- ³⁶ Т.е. панихиду.
- ³⁷ Вторая русско-турецкая война 1787-1791гг.
- ³⁸ Татищев Николай Алексеевич (1738-1823), майор, с 1795 г. подполковник л.-гв. Преображенского полка. С 1796 г. генерал-лейтенант.
- ³⁹ Мамонов (Дмитриев-Мамонов) Александр Матвеевич (1758-1803), адъютант Г.А.Потемкина. Официальный фаворит Екатерины II с июня 1786 по июль 1788 г. Отец декабриста М.А.Дмитриева-Мамонова (1789-1863).
- ⁴⁰ Премория — извещение.
- ⁴¹ Зеленый воротник был присвоен л.-гв. Измайловскому полку.
- ⁴² Переход из гвардейского полка в армейский обеспечивал преимущество в 2 чина.
- ⁴³ Ныне Кировоград.
- ⁴⁴ Каховский Александр Михайлович (1768-1827). В 1790 г. премьер-майор 3-го батальона Екатеринославского егерского корпуса. В 1794 г. полковник Нижегородского драгунского полка. В 1796 г. обер-кригс-комиссар в инспекторской экспедиции Военной коллегии. Сводный брат Алексея П.Ермолова. В 1796-1798 гг. возглавлял антипавловский офицерский кружок (см.: Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII в. // Вопросы истории. 1952. №9; Рябков Г.Т. Ранняя преддекабристская организация (К истории кружка А.М.Каховского) // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963. Вып. V).
- ⁴⁵ Попов Василий Степанович (1745-1822), чиновник особых поручений при Г.А.Потемкине с 1783 г. Генерал-поручик, тайный советник (1796), президент Камер-коллегии (1797), сенатор (1798).
- ⁴⁶ Банк — карточная игра; краля — карточная дама.
- ⁴⁷ То же, что паспорт.
- ⁴⁸ Чертков — скорее всего Николай Васильевич (1764-?), впоследствии действительный статский советник.
- ⁴⁹ Укрепления времен русско-турецкой войны 1735-1739 гг. Миних Бурхард Кристоф (1683-1767) — фельдмаршал, командовал русскими войсками.
- ⁵⁰ Меллер-Закомельский Егор Иванович (1765-1830), барон. Генерал-лейтенант. В 1790 г. подполковник 2-го батальона Бугского егерского корпуса.

⁵¹ Рунт (рунд) — караульный наряд.

⁵² Т.е. ревизовать.

⁵³ В 1787 г. для защиты Новороссии из бывших запорожцев было образовано Черноморское казачье войско, переселенное в 1792-1793 гг. на Кубань.

⁵⁴ Челега Захар Александрович (ум. в 1797), генерал-майор. В 1787-1791 бригадир черноморского казачьего войска, командир десанта под Измаилом.

⁵⁵ Потемкин Павел Сергеевич (1743-1796), генерал-аншеф. Командующий войсками на Кавказе (1782-1788). Участник штурма Измаила. Племянник Г.А.Потемкина. Писатель, переводчик трагедии Вольтера «Магомет».

⁵⁶ Важничать, чваниться, красоваться.

⁵⁷ Деревянный настил.

⁵⁸ Имеется в виду документ, свидетельствующий о том, что крестьяне автора служат в солдатах.

⁵⁹ Документы о зачете сданных в солдаты крестьян.

⁶⁰ Отражение.

⁶¹ Львов Сергей Лаврентьевич (1740-1812), адъютант Г.А.Потемкина. С 1793 г. генерал-майор, командир полков Екатеринославского казачьего войска. Позднее генерал от инфантерии. Известный остряк. См. о нем: Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л., 1955 (по указ.).

⁶² Зыбин Михаил Иванович (1750-1799) подполковник Алексопольского пехотного полка, затем командир Московского мушкетерского полка. В 1797 отставлен от службы. Член кружка А.М.Каховского.

⁶³ Скорее всего Николай Михайлович (1772-1825) — штабс-ротмистр.

⁶⁴ У А.А.Языковой от брака с М.И.Зыбиным были дети: Дмитрий (ум. до 1819) и Григорий (1784- после 1834).

⁶⁵ Повесничал, дурил.

⁶⁶ В 1711 году.

⁶⁷ Боур Карл Федорович (1767- после 1811), доверенное лицо Г.А.Потемкина, его генерал-адъютант. Отличился при штурме Очакова. Позднее генерал-лейтенант, участник Швейцарского похода А.В.Суворова.

⁶⁸ Меллер-Закомельский Иван Иванович (1725-1790), генерал от артиллерии, в 1788 г. генерал-аншеф. Отличился при штурме Очакова.

⁶⁹ Поселение, находящееся вне крепости или города, но примыкающее к нему.

⁷⁰ Гудович Иван Васильевич (1741-1820), генерал-майор (1794), командующий войсками на Кавказе. Генерал-аншеф в 1795 г., позднее генерал-фельдмаршал.

⁷¹ Повозка, карета.

⁷² Осипов Григорий Михайлович — тверской, затем смоленский губернатор, сенатор с 1797 г.

⁷³ Т.е. на Страстной.

⁷⁴ Репнин Николай Васильевич (1734-1801), князь. Участник Семилетней и русско-турецкой войн. С 1796 г. генерал-фельдмаршал.

⁷⁵ Качалка — род повозки.

⁷⁶ Кофишенк — придворный официант, приготовлявший и подававший кофе.

⁷⁷ В последнем путешествии Г.А.Потемкина его сопровождала племянница Александра Васильевна Браницкая, урожд. Энгельгардт (1754-1838), кавалерственная дама, жена гр. Ксаверия-Франца Браницкого (1731-1819), мать Елизаветы Воронцовой (1792-1880).

⁷⁸ Платов Матвей Иванович (1751-1818), граф. С 1801 г. атаман Донского казачьего войска. Участник Русско-турецкой войны, персидского похода 1796 г. Герой Отечественной войны 1812 г. Генерал от кавалерии.

⁷⁹ Развеселило, обрадовало, ободрило.

⁸⁰ Чорба Иван Федорович — с 1794 г. подполковник Полтавского легкоконного полка.

⁸¹ Конбурлей (Комбурлей) Михаил Иванович — полковник, предводитель дворянства Екатеринославского наместничества в 1793-1796 гг.

⁸² Каховский Михаил Васильевич (в рукописи: М.М.) (1734-1800), граф, генерал-аншеф. С 1773 г. командовал войсками в Крыму, с 1792 — командующий Украинской армией.

⁸³ В 1792 г.

⁸⁴ Укрепленное предместье Варшавы.

⁸⁵ Солдата (польск.).

⁸⁶ Мелкой.

⁸⁷ Колом, шестом.

⁸⁸ Маршел, поветовый маршал — высшее должностное лицо в уезде.

⁸⁹ Здесь: брат на учет.

⁹⁰ Вид учений, во время которых солдаты в пешем строю совершали построения, свойственные коннице.

⁹¹ Вуич — возможно, Николай Васильевич (1766-1836), в дальнейшем генерал-лейтенант, участник Отечественной войны.

⁹² Т.е. в конюшне охотников (любителей) до лошадей.

⁹³ Т.е. кто ухаживает (за коровами).

⁹⁴ Позём — навоз.

⁹⁵ Налыгач — род повода: веревка, привязанная концами к рогам.

⁹⁶ Энгельштром (Игельстром) Иосиф Андреевич (1737-1823), барон, позднее граф, генерал от инфантерии. В 1794 генерал-аншеф, чрезвычайный и полномочный посол в Варшаве, с 1797 г. военный губернатор Оренбурга.

⁹⁷ Монастыре кармелитов, католического монашеского ордена.

⁹⁸ Прибор для завтрака (фр.).

⁹⁹ Т.е. официально представляются при деловом визите.

¹⁰⁰ Ссадина, потертость.

¹⁰¹ Помещение для шитья.

¹⁰² Шпензер (спенсер) — короткая (до талии или выше) куртка.

¹⁰³ Витишкет (ватишкет, этишкет) — плетеный шнур, прикрепленный сбоку к военному головному убору.

¹⁰⁴ Уездное собрание депутатов от шляхты.

¹⁰⁵ Военная команда, заготавливавшая древесный уголь, а в полевых условиях поддерживавшая огонь на кухне, в офицерских палатках и и т.п.

¹⁰⁶ Видимо, вдова Степана Юрьевича Храповицкого, полковника, предводителя дворянства Смоленского наместничества в 1786-1787 гг.

¹⁰⁷ Церковь Покрова в Левшине находилась в Левшинском переулке на Пречистенке. Не сохранилась.

¹⁰⁸ Возможно, Елизавета Ивановна Лутовинова (1771-1823), в замужестве Аргамакова.

¹⁰⁹ Апухтин — возможно, Дмитрий Акимович (1768-1838), офицер л.-гв. Преображенского полка, отец известной «декабристки» Н.Д.Фонвизиной (1805-1869).

¹¹⁰ Имеется в виду восстание в Варшаве в 1794 г.

¹¹¹ Самойлов Александр Николаевич (1744-1814), генерал-прокурор (1792-1796). Участник русско-турецкой войны. Племянник Г.А.Потемкина.

¹¹² Имеется в виду Густав IV Адольф (1778-1837). Правил в 1792-1810 гг. Предполагался его брак с великой княжной Александрой Павловной. Приезжал в Россию летом 1796 г.

¹¹³ Александра Павловна (1783-1801), великая княжна, дочь Павла I.

¹¹⁴ Зотов Захар Константинович (1755-1802), камердинер Екатерины II.

¹¹⁵ В 1796 г.

¹¹⁶ Т.е. с А.Н.Самойловым.

¹¹⁷ Ермолов Петр Алексеевич (1742-1833), статский советник. Отец Алексея П.Ермолова. Был женат на Марии Денисовне Каховской, урожд. Давыдовой.

¹¹⁸ Смысл этого эпизода становится ясен в контексте той атмосферы страха и неуверенности, которая была свойственна павловской эпохе. Стычка с фельдъегерем могла быть истолкована как непочтение к особе императора, именем которого фельдъегерь был послан, и привести к печальным для Загряжского последствиям.

¹¹⁹ Речь идет о Г.М.Осипове.

¹²⁰ Ведомство по делам, касавшимся дворянских званий, титулов и гербов.

¹²¹ Тютчева Екатерина Фаддеевна (1781-1848), дочь Фаддея Петровича. Одна из ее сестер, Александра, была I-й женой кн. П.Н.Оболенского (1762-1830), отца декабриста Е.П.Оболенского.

¹²² Давыдова, урожд. Тютчева Варвара Фаддеевна (ум. в 1844).

¹²³ Вероятнее всего, либо майор Павел Киндяков, либо его брат поручик Петр Киндяков, оба участники кружка А.М.Каховского (см. примеч. 44).

¹²⁴ Ермолов Николай Алексеевич — генерал-майор.

¹²⁵ Александр I взшел на престол 12 марта 1801 г.; короновался 15 сентября 1801 г.

¹²⁶ Львов Дмитрий Семенович (1775-1834), князь, генерал-майор.

¹²⁷ Львова Мария Александровна, урожд. Павлова (1772-1812), княгиня.

¹²⁸ Карандашом над строкой «Кто?». Имя матери А.И.Иевлевой установить не удалось.

¹²⁹ За Николаем Андреевичем Загряжским (1748- ок.1793).

¹³⁰ Фон Траубенберг Иван Гаврилович (в рукописи И.Т. фон Траубенберг) — предводитель дворянства Борисоглебского уезда в 1810-1812 гг.

¹³¹ Иевлев Дмитрий Иванович (ум. 1828), полковник. Умер и был похоронен в селе Петропавловском-Хрущовке Тульской губ. Иевлев Павел Иванович — коллежский ассessor, был сослан в 1795 г. повелением Екатерины II в Вятку за нечистую карточную игру. См. о нем: Пыляев М.И. Старая Москва, М.,1990. С.153. Сведений о Петре Иевлеве не обнаружено.

¹³² Церковь Казанской Божьей матери на Красной площади. Не сохранилась; в настоящее время восстанавливается. Гобвахта — гауптвахта.

¹³³ Берейтор — объездчик верховых лошадей и учитель верховой езды.

¹³⁴ Т.е. на принадлежавшее жене автора.

¹³⁵ Имеются в виду дни для работы на себя.

¹³⁶ Тягло — крепостная семья с определенным количеством трудоспособных, принимавшаяся за единицу при разверстке барщины и оброка.

¹³⁷ Загряжский Иван Михайлович (1802-?), штабс-ротмистр. Был женат с 1828 г. на Наталье Андреевне Хрущовой, имел семерых детей.

¹³⁸ Т.е. сруба.

¹³⁹ М.П.Загряжский сменил на этой должности Николая Ивановича Сатина.

¹⁴⁰ Баратынский Абрам Андреевич (1767-1810), генерал-лейтенант, отец поэта Е.А.Баратынского. Гатчинский комендант и инспектор Гатчинской пехоты до 1796 г. Тамбовский губернский предводитель дворянства в 1803-1806 гг. См. о нем в публикации Е.Э.Ляминой, Е.Е.Пастернак, А.М.Пескова «Баратынские» в наст. издании (фрагм.1). Сменил на этом посту Дмитрия Михайловича Мартынова — родного дядю Н.С.Мартынова, убийцы М.Ю.Лермонтова.

¹⁴¹ Кошелев Дмитрий Родионович (ум. в 1828), действительный статский советник, тамбовский гражданский губернатор в 1803 г.

¹⁴² Т.е. часть, положенную по закону.

¹⁴³ Доверенность.

¹⁴⁴ Т.е. мельник перешел на оброк — ежегодную фиксированную денежную выплату помещику.

¹⁴⁵ Т.е. староста.

¹⁴⁶ Загряжский Петр Михайлович (1805-?), подполковник. Был женат с 1840 г. на Софье Александровне Калашниковой. Имел трех дочерей.

¹⁴⁷ Т.е. состояла из родственников.

¹⁴⁸ Здесь: на хвосте. Кряквы — длинная телега, сани.

¹⁴⁹ Т.е. к Траубенбергу.

¹⁵⁰ Загряжская Екатерина Михайловна (1807-?), в замужестве Сабурова.

¹⁵¹ Медведцкий Степан Иванович.

¹⁵² Т.е. отнесли к группе солдат одинакового роста. Рост был ос-

новным признаком при определении солдата в тот или иной род войск и полк (гвардейский, гренадерский, мушкетерский).

¹⁵³ Т.е. стал солдатом и был включен в партию новобранцев. Забрить лоб — то же, что сделаться рекрутом.

¹⁵⁴ Маер (Майер) Яков Павлович, домашний врач Апраксиных, известный в Москве. См. о нем: Благово Д. Рассказы бабушки. Л., 1989 (по указ.).

¹⁵⁵ Ермолов Алексей Петрович (1777-1861), герой Отечественной войны 1812 г. Участник Польской кампании 1794 г., персидского похода 1796 г., антинаполеоновских войн. С 1808 г. генерал-майор. Участник кружка А.М.Каховского (см. примеч. 44).

¹⁵⁶ Имеются в виду мощи св. Афанасия, патриарха Константинопольского, находившиеся во Мгарском монастыре в четырех верстах от Лубен.

¹⁵⁷ Антидор (греч. «вместо дара») — большая просфора, раздаваемая частицами народу.

¹⁵⁸ Упоминается в повести Н.В.Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». Семья Трофимовичей — знакомые семейства Гоголей.

¹⁵⁹ Иосаф (Иоаким) Андреевич Горленко (1705-1754), епископ Белгородский и Обоянский.

¹⁶⁰ Село Мячково (Мечково) под Москвой славилось своим месторождением высококачественного известняка (белого камня), в основном шедшего на постройку московских церквей и т.п.

«...О ШИЛЛЕРЕ, О СЛАВЕ, О ЛЮБВИ» (Вильгельм фон Вольцоген и Н.М.Карамзин)

Публикация Е.Е.Пастернак и Е.Э.Ляминой

Вильгельм фон Вольцоген родился в Мейнингене в 1762 году в семье легационного советника барона Эрнста Людвига фон Вольцогена. На попечении Генриетты фон Вольцоген (1745-1788), овдовевшей тридцати лет, осталось пятеро детей. Сыновья воспитывались в Военной Академии герцога Карла Вюртембергского (Karlsschule) в Штутгарте. Старшие братья — Вильгельм и Карл — подружился с Фридрихом Шиллером; они были несколькими годами младше его и учились на другом факультете.

В 1780 году, в один из приездов Генриетты фон Вольцоген в Штутгарт, Вильгельм представил ей Шиллера, которому она стала великодушной покровительницей и верным другом. В 1782-1783 годах Шиллер нашел приют в ее имении Бауэрбах, находившемся неподалеку от Мейнингена. Он просил руки ее дочери Шарлотты (1766-1794), и хотя ни мать, ни Шарлотта не желали этого брака, отношения Шиллера с семейством Вольцоген оставались самыми близкими. Он хорошо представлял себе, как рисковала баронесса, пряча его у себя: если бы герцог Карл Вюртембергский узнал, где скрывается Шиллер, ее сыновей исключили бы из Академии. «*Вы были первым человеком, к которому я испытал неподдельную и чистую сердечную привязанность, — писал Шиллер Генриетте фон Вольцоген в 1783 году, — а такая дружба выше всех превратностей судьбы. Называйте меня и впредь своим сыном, дражайшая подруга, и будьте уверены, что я умею ценить сердце такой матери!*»¹.

Шиллер писал Вильгельму в 1788 году, после смерти Генриетты фон Вольцоген: «Да, конечно, и вы и я потеряли в ней дорогого друга и прекрасную мать. /.../ Всю любовь, которую ей посвятило мое сердце, я обращаю на ее сына и буду видеть в этом долг, который мне нужно воздать ей за гробом. /.../ Мы будем относиться друг к другу как братья»².

По окончании Академии, в которой Вольцоген учился с 1775 по апрель 1784 года, он был зачислен лейтенантом в гренадерский полк генерала Оже, но фактически служил архитектором при дворе герцога Вюртембергского. Примерно в это же время он познакомился со своей родственницей Луизой фон Ленгефельд, вдовой рудольштадтского обергермейстера и советника Карла Кристофа фон Ленгефельда. Ее старшая

¹ Шиллер Ф. Собр. соч. В 8 тт. М.; Л., 1950. Т.8. С.87.

² Schillers Werke. Briefe. Weimar, 1979. Band 25. S.91-92. (перевод наш — Е.П. и Е.Л.).

дочь Каролина (1763-1847) произвела на Вольцогена глубокое впечатление, но она уже год как была обручена с советником Фридрихом фон Бейльвицем (1755-1829), и мать настаивала на заключении этого брака. Младшая сестра Лотта (1766-1826) в 1790 году стала женой Шиллера. Каролина была несчастлива в замужестве. По словам Шиллера, Бейльвиц был не лишен ума и знаний, мыслил «правильно и благородно», но его жена отличалась «особой тонкостью души, для которой он, увы, совсем не создан»³. В 1789 году родственники Каролины в полный голос заговорили о необходимости развода, который и был оформлен в 1794 году.

В мае 1788 года Вольцоген собирался поехать во Францию, чтобы пополнить свое архитектурное образование, но поездку пришлось отложить до середины сентября: в августе скончалась его мать, которая уже давно болела. Друзья с нетерпением ожидали известий из Парижа, куда Вольцоген добрался 8 октября. Первое письмо получила Каролина фон Бейльвиц. «Наконец-то хоть один звук от Вольцогена, и пока достаточно, чтобы быть спокойнее за него! — писал ей Шиллер 27 ноября. — Итак, он, наконец, добрался до места, и мы видим, что только от него самого будет зависеть выполнить свой жизненный план. Но если теперь, при самом скудном общении, он так мало урезывает свои сообщения, то какой оборот это примет для вас, когда его знакомства расширятся!»⁴

Через полтора года среди знакомых Вольцогена оказался Н.М.Карамзин, приехавший в Париж в марте 1790 года (по тексту «Писем русского путешественника» — 27 числа). Карамзин начал свое «интеллектуальное» путешествие с Петербурга в мае 1789 года. Во Францию он попал, уже повидав Германию и Швейцарию. Он искал в Европе прежде всего разговора, обмена мыслями, ответа на свои вопросы. Он виделся с Кантом, Виландом, Лафатером, Гердером и другими философами и писателями. Обстоятельства парижской жизни Карамзина могут быть восстановлены предположительно, так как в «Письмах русского путешественника» он старался изобразить ее лишь прогулкой стороннего наблюдателя. Однако события весны 1790 года, пусть глухими намеками, ясными только для посвященных, попали на страницы книги. Национальная Ассамблея, Бастилия, салоны, газеты, шум улиц, театры — в таком Париже Карамзин провел около трех месяцев. Среди знакомцев его было немало русских, здесь обосновавшихся. Близость и понимание, которые возникли между датчанином Готфридом Беккером (1766-1845), немцем Вольцогеном и Карамзиным, приехавшим из России, рождали чувство всеевропейского единства. Глава книги Ю.М.Лотмана «Сотворение Карамзина», посвященная этим парижским встречам, не случайно называется «Мечтатели». Карамзин говорил с новыми друзьями на одном языке: не так, как дикий скиф внимал «афинскому софисту», а как гражданин вселенной беседовал с равными себе. Снималось затверженное противопоставление русской и европейской культур. Спустя десять с лишним лет Карамзин признавался Вольцогену: «Вы один из тех людей, которым я могу сказать, что отечество наше — вселенная».

³ Шиллер Ф. Указ. соч. С.388 (из письма к Г.Кернеру от 12 декабря 1789 г.).

⁴ Шиллер Ф. Указ. соч. С.251.

Уезжая в Англию, русский путешественник писал: «Я оставил тебя, любезный Париж, оставил с сожалением и благодарностию! Среди шумных явлений твоих жил я спокойно и весело, как беспечный гражданин вселенной; смотрел на твое волнение с тихою душою, как мирный пастырь смотрит на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры и не спорил; ходил в великолепные храмы твои наслаждаться глазами и слухом /.../».

Прости, любезный Париж! прости, любезный В[ольцоген]! Мы родились с тобою не в одной земле, но с одинаким сердцем; увиделись, и три месяца не расставались. Сколько приятных вечеров провел я в твоей Сен-Жерменской *Отели*, читая привлекательные мечты единокоремца и соученика твоего, Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свете, или судя новую Комедию, нами вместе виденную! Не забуду наших приятных обедов за городом, наших ночных прогулок, наших рыцарских приключений, и всегда буду хранить нежное, дружеское письмо твое, которое тихонько написал ты в моей комнате за час до нашей разлуки. Я любил всех моих земляков в Париже; но единственно с тобою и с Б[еккером] мне грустно было расставаться. К утешению своему думаю, что мы в твоём или моем отечестве можем еще увидеться, в другом состоянии души, может быть и с другим образом мыслей, но равно знакомы и дружны!»⁵

Присутствие Шиллера в этих строках не ограничивается одним упоминанием его имени. Вольцоген много рассказывал Карамзину о своем друге, с которым продолжал переписываться. В цитированном выше письме к Каролине фон Бейльвиц Шиллер как бы ставил себя на место Вольцогена, оказавшегося в Париже. Взгляд Карамзина на французские события удивительно близок словам Шиллера: «Какое великолепное явление в истории — Римское государство даже в своем падении! /.../ Я питаю бесконечное почтение к этому огромному, стремительному океану, но мне хорошо и в моей скорлупе. Мой вкус и способности к общественной жизни, если они у меня и есть, не проявились, не развиты, и пока не иссякнет мой ручеек радости в моем тесном кругу, я останусь независимым и спокойным наблюдателем этого великого океана»⁶.

По реальной хронологии, которая намеренно усложнялась автором «Писем русского путешественника», Карамзин расстался с Вольцогеном в конце мая 1790 года. 4 июня он писал И.И.Дмитриеву: «Я /.../ видел знатную часть Франции, видел Париж, видел *вольных* французов, и наконец приехал в Лондон. Скоро буду думать о возвращении в Россию»⁷.

Вернувшись в Германию зимой 1791-1792 года, Вольцоген служил в Штутгарте. В сентябре 1794 года Каролина фон Ленгефельд стала его женой. Как ни странно, Шиллер не был рад этому браку: он думал, что Каролина и Вольцоген «такие разные люди, что не смогут составить счастье друг друга»⁸.

⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С.321-322.

⁶ Шиллер Ф. Указ. соч. С.252.

⁷ Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. СПб., 1866. С.14.

⁸ Шиллер Ф. Указ. соч. С.461 (из письма к К. и Д.Шиллер от 21 ноября 1794 г.).

В августе 1796 года Шиллер просил И. В. Гете обратить внимание на Вольцогена, который в ту пору уже не состоял при саксен-мейнингенском дворе; «[он] несколько лет занимается архитектурой, а так как он не лишен ума и попутешествовал, то не покажется вам пустым»⁹. Вероятно, не без протекции Гете в начале 1797 года Вольцоген был вызван в Веймар и назначен камергером и камер-советником. В это время он принимал участие в альманахе Шиллера «Оры» («Horen»); так, в 1797 году там был помещен его перевод записок маршала Франсуа де Вьейвилля (Vielleville) с предисловием Шиллера.

Находясь в веймарской службе, Вольцоген исполнял различные дипломатические поручения и много времени проводил в разъездах. В 1799 году он был отправлен в Петербург с поручением устроить брак кронпринца Карла Фридриха и великой княгини Марии Павловны. Приехав в Россию, он написал Карамзину, который жил тогда в Москве. В новом издании «Писем русского путешественника» страница, посвященная парижскому знакомству Карамзина с Вольцогеном, была дополнена следующим примечанием: «Через десять лет после нашей разлуки, не имев во все это время никакого об нем известия, вдруг получаю от него письмо из Петербурга, куда он прислан с важною комиссиею от Двора своего — письмо дружеское и любезное. Мне приятно напечатать здесь некоторые его строки: *Je vous supplie, mon cher ami, de me repondre le plutôt possible, pour que je sache que vous vous portez bien et que je peux toujours me compter parmi vos amis. Vous n'avez pas d'idée, combien le souvenir de notre séjour de Paris a de charme pour moi. Tout a changé depuis; mais l'amitié que je vous ai vouée alors, est toujours la même. Je me flatte aussi, que vous ne m'avez pas entièrement oublié. J'aime à croire que nous nous entendons toujours à demi-mot, (*)* проч. Он женился на молодой, любезной женщине, которая известна в Германии по уму и талантам своим. Она написала Роман, который долго считался творением славного Гете: потому что скромная Муза не хотела наименовать себя»¹⁰.

Карамзин ответил Вольцогену не сразу, а по приезде в Москву из деревни, где жил в то лето. 25 июня 1799 года он писал: «Вы не должны были напоминать мне о времени нашего знакомства; оно всегда стоит у

⁹ Шиллер Ф. Указ. соч. С.600.

(*) Умоляю вас, мой дорогой друг, ответить мне как можно скорее, чтобы я знал, что вы здоровы и что я могу считать себя вашим другом. Вы не представляете себе, сколь приятны мне воспоминания о нашей парижской жизни. С тех пор все изменилось, но дружеское расположение, которое я питал к вам тогда, осталось прежним. Лышусь тоже надеждой, что вы меня не совсем забыли. Очень бы хотелось верить, что мы по-прежнему с полуслова понимаем друг друга (*перевод публ.*).

¹⁰ Карамзин Н.М. Указ. соч. С.322. Карамзин имеет в виду роман Каролины фон Вольцоген «Агнесса фон Лилиен» (это сочинение считается ее самой значительной литературной удачей), отрывок из которого был помещен без подписи в 1796 году в альманахе «Оры». Многие современники считали автором этого фрагмента Гете: так, Фридрих Шлегель в 1797 году по недоразумению написал на него отрицательную рецензию, думая, что он ругает «творение славного Гете» (см. также письмо Шиллера к Гете от 12 декабря 1796 года).

меня перед глазами как одно из самых ярких впечатлений от моего путешествия по Франции».

В 1801 году Вольцоген вновь отправился в Россию. Он был послан герцогом Карлом Августом, чтобы от его имени выразить соболезнование по случаю кончины Павла I и представить веймарский двор на похоронах. Известие о смерти пришло в Веймар 6 апреля, 8-го числа Вольцоген был уже в пути¹¹. Он сообщил Карамзину о своем приезде.

Каждое письмо Вольцогена возвращало Карамзина к пережитому в Париже, поэтому в его ответах легко узнаются мысли и интонации русского путешественника. Однако воспоминания — далеко не единственная тема переписки; по сохранившимся письмам Карамзина видно, что друзья охотно делились новостями, планами, радостями и огорчениями, полагаясь на «проницательные глаза» дружбы и неизменное взаимное расположение. Карамзин хотел познакомить Вольцогена со своей женой и звал его в Москву, считая, что именно здесь можно получить верное представление о России.

Вольцоген пробыл в Петербурге более полугода, продолжая хлопоты о помолвке принца Карла Фридриха. По возвращении в Веймар он получил звание обер-гофмейстера и место в Тайном совете¹². Карамзин сожалел, что не имеет от него никаких известий; отправляя с оказией 28 октября 1802 года письмо в Веймар, он предполагал, что Вольцоген путешествует по Франции с кронпринцем и потому не пишет. Письмо Карамзина было тем более грустным, что полгода назад скончалась его жена, оставив ему маленькую дочь.

С письмом в Веймар отправился Иоганн Готфрид Рихтер (1764-1829). Его перевод на немецкий язык «Писем русского путешественника», вышедший в 1799-1803 гг. двумя изданиями в Лейпциге, был авторизован Карамзиным. Там же в 1803-1804 гг. печатался журнал Рихтера «Russische Miscellen», где основной линией современной русской словесности представляли сочинения литераторов карамзинского направления. Рихтер помещал в журнале собственные переводы «Бедной Лизы», «Марфы-посадницы», статей из журнала «Вестник Европы» и сборника «Пантеон русских авторов». Карамзин просил Вольцогена устроить Рихтеру вакансию при веймарском дворе и писал, что тот пользуется известностью в России и Германии и недавно получил в подарок от Александра I перстень за перевод карамзинского «Похвального слова Екатерине Второй».

Летом 1803 года Вольцоген прибыл в Петербург, на этот раз — вместе с Карлом Фридрихом Веймарским: обратно с ними должна была уехать великая княгиня Мария Павловна. 12 августа Вольцоген написал Карамзину, но письмо пришло в Москву лишь 21 сентября. Из ответа Карамзина можно понять, что Вольцоген не забыл о его просьбе и принял участие в устройстве дел Рихтера.

¹¹ Леман У. Н.М.Карамзин и В. фон Вольцоген // XVIII век. Вып.7. М.; Л., 1966. С.268.

¹² Леман У. Указ. соч. С.268; ср. письмо Шиллера к Г.Гешену от 10 февраля 1802 г. См. также: Горяинов С. Государственный архив. Разряд II. Дела, собственно до императорской фамилии относящиеся. СПб., 1913. С.91.

Для Карамзина имя Шиллера, ожившее через дружбу с Вольцогеном, было знаком включенности в европейскую культуру. Оно оставалось для друзей паролем, помогавшим им переключаться на расстоянии. Однако это не мешало Карамзину, полагаясь на собственный вкус, замечать, что Шиллер идет по ложному пути, сосредоточиваясь на внешнем подражании античной традиции, не соответствующей современному состоянию умов.

Заочный разговор Карамзина и Вольцогена, длившийся около десяти лет, не утратил искренности и доверительности, которые были свойственны их парижским встречам. Перед веймарским придворным, находившимся на государственной службе, был открыт путь постоянной деятельности, Карамзин отстаивал свое право на жизнь частного человека и счастье в кругу семьи. Вольцоген по долгу службы жил настоящим днем и современной историей; с начала 1800-х годов Карамзин работал над «Историей Государства Российского». В конце 1803 года он получил звание историографа с пенсионом и, оставив издание журнала «Вестник Европы», вплотную занялся изучением манускриптов.

Поездки Вольцогена в Россию завершились торжеством по случаю бракосочетания Карла Фридриха и Марии Павловны; в ноябре 1804 года Вольцоген вернулся в Веймар, и здесь была отпразднована свадьба. В мае 1805 года умер Шиллер. Последнее письмо Карамзина к Вольцогену написано 1 октября 1808 года. 17 декабря следующего года Вольцоген скончался в Веймаре.

Барон В*, «любезный В*» — одно из множества имен, мелькающих в «Письмах русского путешественника», — почти символ, знак веры в то, что просвещенный ум и язык дружбы способны преодолеть преграды между Россией и Европой. Карамзин писал впоследствии: «/.../ я в чужой земле нашел человека, с которым сердце мое было как дома. Это знакомство считаю благодеянием судьбы в странническом сиротстве моем»¹³. В подобном признании, вероятно, есть некоторая доля патетики, которая окрашивала их дружбу, но здесь существенно указание на «домашность», простоту их отношений и понимание с полуслова. Их общение было построено по лучшим образцам: совместное чтение, прогулки, разговоры, размышления, посещение театра, но было лишено риторики и вычитанных из книг пафоса и эмфазы вместо подлинного чувства. Карамзин нашел в В* не только единомышленника, равного себе по образованности и уму, но и со-чувственника. Благодарность за это, сопровождавшая воспоминания Карамзина о Париже, была залогом того, что «это доброе чувство будет сопутствовать [ему] до конца дней». Письма, которые публикуются ниже, позволяют увидеть лицо реального Вильгельма фон Вольцогена, друга и корреспондента Карамзина.

***

¹³ Карамзин Н.М. Указ. соч. С.322.

Первые семь писем Карамзина к Вольцогену за 1799-1804 гг. печатаются по книге: *Litterarischer Nachlass der Frau Caroline von Wolzogen* (Leipzig, 1849. В.2. S.408-442). Это двухтомное собрание материалов, сохранившихся в архиве семейства фон Вольцоген, было издано Карлом Хазе. Оригиналы писем от 21 сентября и 17 декабря 1803 г. и февральского письма 1804 г. были куплены в 1893-1894 гг. Императорской Публичной библиотекой в Петербурге и опубликованы в «Отчетах Императорской Публичной библиотеки» в 1896 и 1897 гг. Автограф письма 1808 г. находится в *Staatsbibliothek preussischer Kulturbesitz* в Берлине. Его фотокопия любезно предоставлена нам С.И.Пановым. В письмах, которые приводятся по тексту «*Litterarischer Nachlass*», орфография была унифицирована К.Хазе. В последнем письме, выверенном по автографу, сохранены особенности орфографии Карамзина, отражающей письменные нормы конца XVIII столетия.

1

Moscou, le 25 juin 1799.

Je commence par vous embrasser bien tendrement, mon cher Baron. Votre lettre datée de Pétersbourg, était une surprise pour moi, mais une surprise extrêmement agréable. Vous n'aviez pas besoin de me rappeler l'époque de notre connaissance; elle m'était toujours présente parmi les souvenirs les plus intéressants de mon voyage en France; et bien des fois je me suis demandé, où vous pouviez être pendant ce fracas militaire et politique qui nous étourdit depuis sept ans. Je suis charmé d'apprendre que vous êtes si bien établi dans un pays tranquille, que vous avez une charmante et spirituelle épouse, et que vous passez vos jours avec l'élite des beaux esprits allemands. Soyez toujours heureux, parce que vous méritez de l'être. Pensez quelquefois à moi; écrivez-moi, je vous en prie; donnez-moi plus de détails sur la vie que vous menez à Weimar. On a du plaisir à se communiquer malgré l'éloignement des lieux. Que faut-il que je vous dise de moi? De retour dans ma patrie, je n'ai pensé qu'à la faveur des Muses et un peu à celle des femmes; j'y ai réussi en partie. Le public n'a pas dédaigné les essais de ma plume écolière, et depuis je n'ai qu'à me louer de sa bonne disposition pour moi, à quelques tracasseries près que les gens de lettres doivent nécessairement essayer dans tous les pays. Lisez-vous le *Spectateur du Nord*? Dans la première année de ce journal, dans le cahier d'octobre, on parle de mon voyage; et vous y trouverez aussi des citations. Un certain *Richter* en a traduit en allemand les quatre premiers volumes, qui, à ce qu'on m'a dit, s'imprim-

ment à Leipsick; mais ce n'est pas mon meilleur ouvrage. Depuis quelques temps je ne fait que des vers et des plans pour des ouvrages en prose; je deviens paresseux; on le dit du moins. Que voulez-vous? C'est l'effet de notre climat. Très souvent ma main laisse tomber la plume; je trouve mon coeur refroidi; j'en soupire, et pour me consoler, je joue au *Boston*!

Que pensez-vous de l'état actuel de votre littérature? Il me paraît que le style de vos écrivains devient trop maniéré, et qu'il y a bien des écarts dans les nouvelles productions de vos génies. La prétendue simplicité grecque qu'ils affectent dans leurs ouvrages, ne convient guère à l'état ou se trouvent les esprits de notre temps: n'étant point naturelle, elle n'est que *bigarrure*. — Je n'ai pas lu le joli roman dont vous me parlez; je le ferai venir de Riga, et je vous serai redevable du plaisir que sa lecture me procurera. — Ma réponse est bien tardive: c'est que j'ai été à la campagne. Adieu, cher Baron; vous m'écrivez donc? Je finis, comme j'ai commencé, par vous embrasser avec toute la tendresse de l'amitié.

Karamsin.

Москва, 25 июня 1799.

Первым делом хотел бы обнять вас, мой милый Барон. Ваше письмо из Петербурга было для меня неожиданностью, но необычайно приятной неожиданностью. Вам не было нужды напоминать мне о времени нашего знакомства; оно всегда стоит у меня перед глазами как одно из самых ярких впечатлений от моего путешествия по Франции; сколько раз я спрашивал себя, где бы вы могли находиться в эту эпоху военных и политических потрясений, которые последние семь лет оглушают нас¹. Мне радостно знать, что вам так хорошо живется в мирной стране, что ваша супруга — очаровательная и одухотворенная и что вы проводите время в обществе умнейших людей Германии. Будьте всегда счастливы, ибо вы этого достойны. Вспоминайте меня иногда и, пожалуйста, пишите мне; рассказывайте подробнее о вашей веймарской жизни. Сообщаться с другом радостно и на расстоянии. Что же сказать вам о себе? По возвращении в отечество я думал лишь о благосклонности Муз и иногда — женщин, в чем и преуспел отчасти². Публика не отвергла сочинений моего ученического пера, и с тех пор я не перестаю радоваться ее доброму расположению ко мне, не обращая внимания на мелкие дразги, которые повсюду приходится терпеть авторам. Читаете ли вы *Speciateur du Nord*? В октябрьской тетрадке за первый год говорится о моем путешествии³; вы найдете там и выдержки из него. Некий *Puxmer* пере-

вел на немецкий язык четыре первых тома, которые, как мне сказывали, печатаются в Лейпциге, но это отнюдь не лучший мой труд. С некоторых пор я пишу только стихи и наброски для прозаических сочинений; я делаюсь ленивым, по крайней мере, так говорят. Что поделаться? Это воздействие нашего климата. Очень часто перо выпадает из рук; я чувствую, что сердце мое охладело; я вздыхаю и, чтобы утешиться, сажусь играть в *Бостон*!⁴

Что вы скажете о теперешнем положении вашей словесности? Мне думается, что слог ваших авторов становится слишком манерным и что в новейших творениях ваших гениев много промахов. Мнимая греческая простота, которую они выказывают в своих сочинениях, не соответствует вовсе состоянию умов в наше время; она совершенно неестественна, это только *мишура*. — Я не читал еще прелестный роман, о котором вы упоминаете: я выпишу его из Риги и буду обязан вам тем удовольствием, которое мне доставит это чтение. — Я сильно задержался с ответом потому, что был в деревне. Прощайте, милый Барон; ведь вы напишете мне? Заканчиваю это письмо тем же, чем и начал его — нежно и дружески обнимаю вас.

Карамзин.

¹ Речь идет о войнах коалиции европейских государств против революционной Франции, продолжавшихся с 1792 по 1799 г.

² Произведения Карамзина 1790-х гг. ориентированы на суждения и вкус женщин; поэзию, по его представлению, следовало освободить от навязчивого морализаторства и одической патетики. Подчеркнуто беззаботный тон его сочинений снижал ему репутацию «Ахалкина», автора, пишущего исключительно «безделки» для «милых» (см. карамзинское «Послание к женщинам» (1795), в ответ на которое была написана эпиграмма Г.Р.Державина «Другу женщин»).

³ Имеется в виду статья Карамзина «Письмо в Зритель о русской литературе». Журнал «Северный Зритель» (*Le Spectateur du Nord, journal politique, littéraire et moral*) издавался в Гамбурге французским эмигрантом М. де Бодю в 1797-1802 гг. 16 ноября 1797 г. Карамзин сообщал И.И.Дмитриеву: «Издатель французского *Северного Зрителя* требовал от меня *чего-нибудь*. Я послал ему: *Un mot sur la littérature russe*. Письмо мое напечатано в октябре месяце журнала. /.../» (Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. СПб., 1866. С.82).

⁴ «Прожив несколько недель в деревне, стал я опять городским жителем и снова принялся за бостон, только с худым успехом» (из письма Карамзина к брату от 26 июля 1799 г. — Атеней. 1858. №19. С.197).

Kounsowo, le 1 juillet 1801.

Mon cher et très aimable Baron, je suis charmé de vous savoir encore une fois dans ma patrie. Votre lettre, si obligeante et amicale, m'a fait beaucoup de plaisir. Je l'ai reçue dans ma solitude de Kounsowo, que j'habite depuis deux mois, et j'ai couru en ville pour faire la connaissance de M. le Baron d'Oertzen; elle a été très intéressante pour moi, et je vous en remercie, mon cher ami, car c'est à vous que je l'ai due. Le Baron n'est resté que trois jours à Moscou, et il m'a laissé des regrets. Je n'ai pu lui être utile en rien. Je l'engageais à rester deux jours de plus avec nous pour voir une très jolie fête champêtre à 30 werstes de Moscou; mais il ne l'a pas voulu, étant trop pressé de partir pour Kiow. — A présent parlons de nous-mêmes.

Votre connaissance, mon cher Baron et ami, me rappelle une époque intéressante de ma vie, celle où mon âme, neuve et sensible, avide de jouissances et d'instruction, errait presque à l'aventure dans le monde pour s'enrichir d'idées et de sensations. Une certaine analogie de sentiments entre nous a fait que nous aimions à nous voir à Paris, et que je préférerais votre société à celle de mes compatriotes. Jamais je n'ai pu oublier ces charmantes soirées, que, sortis de la Comédie Française, nous passions ensemble à lire le *Geisterseher* de Schiller et tant d'autres productions de votre littérature. Je garde soigneusement la lettre que vous m'avez écrite le jour de mon départ. Après cela vous ne douterez point du prix que votre amitié, enrichie de tant de souvenirs agréables, doit avoir pour moi. Oui, cher Baron, mon cœur saura toujours l'apprécier; et je vous prie de me la continuer où que vous soyez. Vous êtes un de ces hommes à qui je peux dire que l'univers est notre patrie. Vous sachant heureux au sein de votre famille, je m'en réjouis sincèrement, d'autant plus que je goûte aussi toutes les douceurs du bonheur conjugal, et que j'aime ma femme peut-être plus que moi-même. Une tendre et bonne épouse est le premier trésor pour le cœur sensible, surtout s'il a été longtemps le jouet des passions orageuses. Vous voir à Moscou, parmi nous, vous présenter ma femme, dîner avec vous dans notre petite maison de campagne, souper en ville, mais en philosophes, et, la pipe à la bouche (car je fume encore quelquefois), parler avec épanchement des grands événements du monde — tout cela serait délicieux pour moi. Venez, mon cher Baron, venez; c'est à Moscou que vous verrez le vrai peuple russe et notre physionomie nationale. Je me charge de vous trouver un logement; mais il faut que vous me disiez en quel genre vous voulez l'avoir. — Quant aux voyages, il est possible que j'en ferai encore un, quoique marié et malgré le projet que j'ai d'écrire l'histoire de mon

pays, qui peut-être intéresserait aussi les étrangers. — Je vous salue au nom de la plus vraie amitié, et je vous prie de m'écrire encore.

Tout à vous,

Karamsin.

Кунцово, 1 июля 1801.

Дорогой мой, любезнейший Барон, я так рад узнать, что вы снова в России. Ваше письмо, столь учтивое и дружеское, доставило мне много радости. Я получил его в Кунцевском уединении, где живу уже два месяца, и поспешил в город, чтобы познакомиться с господином Бароном фон Эртцен; встреча эта была мне крайне интересна, за что я и благодарю вас, милый друг, ведь именно вам я этим обязан. Барон пробыл в Москве лишь три дня, о чем заставил меня сожалеть. Я ни в чем не смог быть полезным ему. Я уговаривал его остаться с нами еще на два дня, чтобы он посмотрел на милый деревенский праздник в 30 верстах от Москвы, однако он не согласился, он слишком торопился в Киев. — Теперь поговорим о нас самих.

Знакомство с вами, мой дорогой друг и Барон, напоминает мне о замечательном времени моей жизни, когда юная и чувствительная душа моя, жаждавшая наслаждений и впечатлений, странствовала по миру почти наугад, чтобы обогатиться мыслями и ощущениями. Некоторая близость наших чувств привела к тому, что нам было радостно встречаться в Париже и я предпочитал ваше общество обществу моих соотечественников. Я никогда не мог забыть этих чудных вечеров, когда, выйдя из *Comédie Française*, мы вместе отправлялись читать Шиллерова *Духовидца*¹ и множество других сочинений вашей словесности. Я бережно храню письмо, которое вы написали мне в день моего отъезда. Поэтому не сомневайтесь в том, что я высоко ценю вашу дружбу, украшенную такими приятными воспоминаниями. Да, дорогой Барон, мое сердце всегда будет знать ей цену, и я прошу вас не забывать об этом, где бы вы ни были. Вы один из тех людей, которым я могу сказать, что отечество наше — вселенная. Зная, что вы счастливы в лоне вашего семейства, я искренне радуюсь, тем более, что я сам наслаждаюсь теплом семейственного счастья и люблю свою жену², быть может, более, чем себя самого. Нежная и добрая супруга — первое сокровище для чувствительного сердца, в особенности же если оно долгое время было жертвою бурных страстей. Как приятно было бы мне видеть вас в Москве, среди нас, познакомиться вас с моей женой, обедать вместе в нашем деревенском домике, ужинать в городе, философствуя и

куря трубку (ведь я еще курю время от времени), рассуждать о великих событиях, которые происходят в мире. Приезжайте, мой милый Барон, приезжайте; именно в Москве вы по-настоящему поймете русских и наш национальный характер. Я постараюсь подыскать вам жилище, необходимо только, чтобы вы сказали мне, какое подойдет вам. — Что же касается путешествий, возможно, я и отправлюсь еще раз в поездку, хотя я женат и к тому же задумал писать историю моего отечества, которая могла бы быть занимательна и для чужестранцев³. — Прощаюсь с вами с чувством истинной дружбы и прошу вас писать мне.

Весь ваш

Карамзин.

¹ Имеется в виду роман в письмах «Духовидец. Из бумаг графа О***» (1789).

² В апреле 1801 года Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасовой (род. в 1767), которую знал еще ребенком. 7 января 1802 года он писал брату: «/.../ я благодарю ежеминутно Провидение за обстоятельства моей жизни, а всего более за милую жену, которая делает меня совершенно счастливым своей любовью, умом и характером. /.../ желательно, чтобы Бог не отнял у меня того, что имею, а нового мне не надобно» (Атеней. 1858. №20. С.245).

³ Это одно из самых первых упоминаний Карамзина о замысле будущей работы; через два года — 6 июня 1803 г. — он сообщал брату: «/.../ хотелось бы мне приняться за труд важнейший: за Русскую историю, чтобы оставить по себе отечеству не дурной монумент. Но все зависит от Провидения! Будущее не наше» (Атеней. 1858. №20. С.252).

3

Moscou, le 28 octobre 1802.

Mon cher Baron et ami,

Depuis que vous nous avez quittés, tout a changé autour de moi ma femme n'est plus! Jugez: combien je dois être malheureux! Je vivais en elle plus qu'en moi-même. Je ne demandais plus rien au Ciel, et le Ciel m'a tout ôté! Il y a déjà six mois que je pleure la mort de l'épouse la plus tendre et la meilleure, à côté du berceau de notre enfant, et tremblant encore pour les jours de cette chère orpheline qui a tout les traits de sa mère et qui aura sans doute son caractère angélique, si la Providence veut bien la laisser vivre, pour que je puisse supporter la vie.

Vous ne m'avez point écrit, mon cher ami, mais je suis sûr que vous ne m'avez point oublié. Je suppose que vous voyagez avec votre Prince et que vous êtes en France dans ce moment. Si vous voulez bien me donner un signe de vie, quand vous serez de retour à Weimar, j'y serai très sensible.

M. Richter, qui se charge de vous faire parvenir cette lettre, a, comme vous le savez, traduit en allemand *les Lettres d'un voyageur russe* et en a dédié la seconde édition à votre jeune Prince, qui n'est plus étranger à la Russie. Je vous prie, mon cher ami, de vous intéresser un peu pour lui. Il voudrait bien obtenir par votre faveur un rang de votre cour, celui de Hofrath ou Rath. C'est un très brave homme et très comme il faut. Cette distinction serait très flatteuse pour lui et ne compromettrait nullement la dignité de ce rang. C'est un savant distingué, et les journaux allemands ont rendu justice à l'élégance de son style. Il vient d'obtenir une marque de bienveillance de notre Empereur qui lui a envoyé une bague très riche pour sa traduction allemande de mon *Eloge de Catherine II*. La protection que vous lui accorderez, sera une preuve de votre amitié pour moi.

Je présente mes respects à madame votre épouse dont la gloire littéraire est déjà parvenue jusqu'à nous. J'entends parler de la traduction russe d'un de ses romans. Jouissez longtemps de ses vertus et de sa tendresse, comme le public jouit de ses talents.

Adieu, mon cher ami. Je vous aimerai et estimerai aussi longtemps que je vivrai. Ma santé n'est pas très bonne. Je fais des efforts pour m'occuper. Peut-être que j'aurai encore le plaisir de vous voir en Russie. Je vous embrasse du fond de mon âme.

Karamsin.

Москва, 28 октября 1802.

Мой дорогой друг Барон,

С тех пор, как вы оставили нас, все изменилось вокруг меня: жены моей нет на свете!¹ Судите сами, сколь я должен быть несчастен! Я жил ею больше, чем самим собой. Я более ничего не просил у неба, и небо отняло у меня все! Вот уже полгода у колыбели нашего ребенка я оплакиваю смерть лучшей и нежнейшей супруги, тревожась за судьбу милой сиротки, которая так похожа на свою мать и у которой, без сомнения, будет тот же ангельский характер, если Провидению будет угодно оставить ее в живых, чтобы и я мог жить.

Вы ничего не написали мне, мой милый друг, но я уверен, что вы не забыли меня. Я думаю, что вы путешествуете с вашим

принцем² и теперь находитесь во Франции. Если по возвращении в Веймар вам захочется сообщить мне что-нибудь о себе, я буду очень этим тронут.

Господин Рихтер, взявшийся доставить вам это письмо, перевел, как вы знаете, *Письма русского путешественника* на немецкий язык, и посвятил их второе издание вашему молодому принцу, который больше не чужой для России. Прошу вас, любезный друг, примите в нем участие. Ему бы очень хотелось с вашей помощью получить чин советника или надворного советника при вашем дворе. Он очень хороший и порядочный человек. Это отличие было бы для него весьма лестно и не уронило бы достоинство сего чина. Он видный ученый, и в немецких журналах отдавали должное изяществу его слога. Недавно в знак благосклонности наш Государь пожаловал ему за перевод на немецкий язык моего *Похвального слова Екатерине* драгоценный перстень³. Протекция, которую вы ему составите, будет доказательством вашего дружеского расположения ко мне.

Свидетельствую мое почтение вашей жене, сочинения которой сделались известны уже и у нас. Я слышал о переводе на русский язык одного из ее романов. Наслаждайтесь подольше ее добродетелями и нежностью, как наслаждается публика ее дарованием.

Прощайте, любезнейший мой друг. Пока я жив, я буду любить и почитать вас. Я не очень хорошо себя чувствую. Я прилагаю усилия к тому, чтобы заниматься делами. Быть может, я буду еще обрадован встречею с вами в России. Обнимаю вас от всего сердца.

Карамзин.

¹ В феврале 1802 года у Карамзина родилась дочь Софья (ум. 1856); в марте скончалась Е.И.Протасова.

² Карл Фридрих (1783-1853), наследный принц Саксен-Веймарский, сын герцога Карла Августа, вступил на престол в 1828 г.

³ Этот перевод вышел в Риге в 1802 г. под заглавием «Lobrede auf Catharina die Zweyte». Карамзин также был отмечен царской милостью: «Император прислал мне за похвальное слово Екатерине табакерку с бриллиантами», — писал он брату, В.М.Карамзину в марте 1802 г. (Атеней. 1858. №20. С.246).

Moscou, le 21 septembre 1803.

Mon cher ami,

C'est *aujourd'hui* que j'ai reçu votre lettre du 12 août. Je ne sais par quelle fatalité elle m'est parvenue si tard. J'aurais du un mois plus tôt être réjoui des marques de votre amitié, si intéressante pour mon coeur. Je vous avoue, que vous sachant à Pétersbourg et n'ayant point de vos nouvelles, j'avais l'injustice de me fâcher un peu contre vous. Me voilà dans une toute autre disposition. Les regrets que vous témoignez sur la perte de mon ange, d'une épouse qui ne vivait que pour m'adorer, m'ont extrêmement touché: je vous en remercie du fond de mon âme attendrie; et je vous prie, mon très cher ami, d'exprimer à madame la Baronne ma vive sensibilité à la bonté qu'elle a eu de s'affliger de mon malheur. J'y reconnais l'âme de l'Auteur dont les productions portent l'empreinte d'une sensibilité tendre et généreuse. Je demande ses bontés, ainsi que les vôtres, mon cher Baron, pour ma petite fille *Sophie*, qui ne sait pas encore répondre aux mouvements de mon coeur pour elle, mais qui, par son sourire gracieux, sait déjà me consoler et m'attendrir. C'est une très jolie enfant; et si le bon Dieu me la conserve, la vie aura encore des fleurs pour moi... Oui, j'espère venir un jour à Weimar, vous embrasser au milieu de votre famille et présenter ma petite Sophie à Madame la Baronne. Cette idée a beaucoup d'intérêt pour mon coeur, je vous en assure; et je peux bien la réaliser dans deux ou trois ans d'ici, quand ma fille sera en état de supporter les fatigues d'un voyage: car je ne pourrai jamais me séparer d'elle et voyager seul. Sophie plus que mon journal m'attache à Moscou; et voilà pourquoi je ne peux pas aller à Pétersbourg dans ce moment, pour y embrasser un ami vrai et fidèle. Vos sentiments et procédés envers moi prouvent que les coeurs honnêtes et délicats ne savent pas être légers dans leurs liaisons d'amitié, et je me rappelle souvent un mot que vous m'avez dit en présence de ma femme: *Quand on connaît un homme assez pour l'aimer, on le connaît pour toujours*. Aussi vous n'êtes pas mal payé, mon cher Baron, car je vous aime beaucoup; et vous, tel que vous êtes, ne pouvez être indifférent aux sentiments d'un homme qui n'a jamais estimé que le mérite et n'a jamais prodigué ses assurances d'amitié.

Ce que vous voulez faire pour M. Richter, ne peut que me faire beaucoup de plaisir. C'est un très brave homme, et sa plume est estimée en Allemagne, comme je le vois par les journaux. Je vous en aurai une très réelle obligation. Je viens de rentrer en ville, ayant passé l'été à la campagne, et je n'ai pas encore vu M. Richter pour lui appren-

dre la bonne nouvelle. Il sera assurément bien sensible à votre bonté, aussi que je le suis à cette preuve de votre amitié, mon très cher Baron.

Ce que vous me dites sur le caractère de votre bon Prince, me charme et réjouit, parce que je désire sincèrement, avec tous les bons Russes, le bonheur de la charmante Grande-Duchesse Marie, dont tout le monde dit tant de bien. Nous devons beaucoup à l'Allemagne, parce qu'elle nous a donné la Grande Catherine; mais nous nous acquittons de cette dette, en lui donnant des bonnes et des belles princesses.

Comme vous passez l'hiver à Pétersbourg, j'espère, mon cher ami, que vous m'écrirez de temps en temps, et que vos lettres ne resteront pas toujours 6 semaines en route. Voilà mon adresse: à la *petite Dmitrowka*, dans la maison de *Masalow*.

La poste part, et je suis pressé de vous faire savoir combien je vous suis attaché et combien votre amitié est précieuse pour mon coeur. Adieu, mon très cher Baron. Dans une autre lettre je vous parlerai de mes occupations et projets littéraire, et je vous indiquerai le moyen le plus facile d'apprendre le russe, à vous, qui savez si bien tant de choses et surtout être ami. Je vous embrasse du fond de mon âme.

Karamsin.

Москва, 21 сентября 1803.

Мой дорогой друг,

Только *сегодня* получил я ваше письмо от 12 августа. Не знаю, по какому стечению обстоятельств оно пришло ко мне так поздно. Более месяца назад я должен был получить знаки вашего расположения, столь драгоценного для моего сердца. Скажу вам откровенно, зная о том, что вы находитесь в Петербурге, и не имея от вас никаких известий, я несправедливо досадовал на вас. Но теперь я в совершенно другом расположении духа. Меня тронули ваши сожаления о том, что я потерял своего ангела, супругу, которая жила лишь для того, чтобы меня любить: я благодарен и растроган до глубины души и прошу вас, любезнейший друг, передать госпоже Баронессе, что я живо чувствую ее доброту и сострадание моему несчастью. Я узнал в этом душу автора, сочинения которого носят отпечаток великодушных и нежных чувств. Мой дорогой Барон, я прошу вас и вашу супругу принять участие в моей дочери *Сонюшке*, которая еще не умеет отвечать на движения моего сердца, обращенные к ней, но ее милая улыбка меня трогает и утешает¹. Это чудесный ребенок, и если Господь сохранит ее для меня, в моей жизни еще будут цветы... Да, я на-

деюсь как-нибудь посетить Веймар, обнять вас в кругу вашего семейства и представить мою Сонюшку госпоже Баронессе. Эта мысль много для меня значит, уверяю вас, и мне удастся ее осуществить через два-три года, когда моя дочь будет в состоянии переносить тяготы путешествия, ведь я никогда не смогу расстаться с нею и странствовать в одиночестве. Софья еще более, чем мой журнал², привязывает меня к Москве, и вот почему сейчас я не приеду в Петербург, чтобы обнять настоящего и верного друга. Ваши чувства и обращение со мною подтверждают, что честные и нежные сердца не умеют быть легкомысленными в дружеских привязанностях, и я часто вспоминаю те слова, которые вы сказали однажды, когда еще была жива моя жена: *Если человека узнают настолько, чтобы его полюбить, его узнают навсегда*. Точно так же и я не останусь перед вами в долгу, дорогой мой Барон, ибо я очень люблю вас, и вы, такой, какой вы есть, не сможете остаться равнодушным к чувствам человека, который всегда почитал одну лишь добродетель и никогда не тратил впустую уверения в своем расположении.

Мне доставит только радость то, что вы намерены сделать для господина Рихтера. Это очень милый человек, и его сочинения, как видно из газет, пользуются известностью в Германии. Я буду искренне признателен вам за попечение о нем. Я только что вернулся в город, проведя лето в деревне, еще не видался с господином Рихтером и не смог сообщить ему эту радостную новость. Он наверняка будет растроган, любезнейший Барон, вашей добротой, так же как я — этим свидетельством вашей дружбы.

Меня радует и пленяет то, что вы пишете мне о вашем добром принце, ибо я вместе со всеми русскими искренне желаю счастья очаровательной великой княгине Марии³, о которой все говорят только хорошее. Мы многим обязаны Германии, потому что она дала нам Екатерину Великую⁴, но мы возвращаем наш долг, отдавая вам добрых и прекрасных принцесс.

Поскольку вы проведете зиму в Петербурге, я надеюсь, любезнейший друг, что время от времени вы станете писать мне и что ваши письма не будут добираться до меня по шесть недель. Вот мой адрес: *Малая Дмитровка, в доме Масалова*⁵.

Почта уходит, и я тороплюсь высказать вам, сколь я к вам привязан и сколь дружба ваша драгоценна для моего сердца. До свидания, дорогой Барон. В следующем письме я расскажу вам о моих литературных занятиях и планах и сообщу самый легкий способ выучить русский язык; ведь вы прекрасно знаете столько разных наук, и в особенности — науку быть другом. Обнимаю вас от всей души.

*Карамзин.*⁶

¹ 12 ноября 1802 года Карамзин писал брату: «/.../ всего более утешаю себя в горе милою вашею племянницею, которая понемножку растет и привыкает ко мне. /.../ Мне кажется, что она прекрасный ребенок. В одно время и утешаюся ею, и грущу!» (Атеней. 1858. №20. С.249).

² С января 1802 года Карамзин начал издавать политический и литературный журнал «Вестник Европы».

³ Мария Павловна (1786-1859) — великая княгиня, дочь Павла I, с июля 1804 г. замужем за Карлом Фридрихом.

⁴ Русская императрица Екатерина II была урожденной принцессой Ангальт-Цербстской и до брака с великим князем Петром Федоровичем и принятия православной веры носила имя София Фредерика Амалия.

⁵ Сюда Карамзин переехал год тому назад; ср.: «Между тем в Москве я переменял дом и нанял на *Малой Дмитриевке*, у Мосолова /.../» (Атеней. 1858. №20. С.248).

⁶ В «Отчетах Императорской Публичной Библиотеки за 1894 год» (СПб., 1897) это и следующее за ним письмо сопровождается припиской: «A Monsieur le Baron de Wohlzogen, Grande Maître de la Cour de Weimar et ministre plénipotentiaire à St. Pétersbourg [Господину Барону фон Вольцоген, обер-гофмейстеру Веймарского Двора и полномочному посланнику в С.Петербурге]. Отдать в доме г.Багге, консула Батавской республики, на набережной близъ Зимняго Дворца».

5

Moscou, le 17 décembre 1803.

Mon très cher Baron et ami.

Je commence par vous remercier très sincèrement, et du fond de mon âme, de ce que vous avez voulu faire pour M. Richter. J'y suis extrêmement sensible, et j'en garderai le souvenir pour toujours. M. Richter ne manquera pas de témoigner au Duc sa profonde reconnaissance, ainsi qu'à vous, mon cher ami.

Les rigueurs de l'hiver, qui se font sentir depuis quelques jours, me font craindre pour votre santé. J'en suis victime moi-même, et je vous écris de mon lit. Malheureusement, nous avons imité les étrangers et nous aimons les cheminées qui sont pernicieuses dans notre climat. Nos ancêtres, avec leurs poëles à la russe, se portaient beaucoup mieux; mais nous nous refroidissons sans cesse à force de nous griller à la cheminée.

Je vous prie, mon cher ami, d'avoir plus de confiance en nos postes; je vous assure qu'elles sont très exactes et que les lettres ne se perdent presque jamais. Sans la précaution que vous avez prise,

d'ajouter de l'argent à votre lettre, je l'aurais reçue quelques jours plus tôt. Pour vos 25 roubles je vous enverrai demain du thé bien bon, à ce que je crois.

Vous savez déjà peut-être, que l'Empereur vient de m'accorder une pension de 2000 roubles en qualité d'historiographe. Je renonce à mon journal pour ne m'occuper que de nos annales. — Après cette nouvelle je vous en donnerai une autre, plus importante pour le bonheur de ma vie. Après avoir été plongé dans la plus profonde tristesse pendant 18 mois, je me retrouve un coeur encore sensible au plaisir d'aimer et d'être aimé. Une jeune personne, belle et bonne, m'a promis d'avoir de la tendresse pour moi, et j'espère devenir son époux dans quelques semaines. Sûr de votre amitié, je suis aussi sûr de la part que vous prendrez à ce changement de mon sort. J'ose encore espérer d'être heureux; la Providence fera le reste. Je ne sais qu'une chose: c'est que je ne pourrai que languir sans un attachement de cette espèce. Ma première femme m'adorait; celle-ci aura peut-être beaucoup d'amitié pour moi, et cela suffira... Je finis, mon très cher et respectable ami. Je ne suis pas bien. J'espère me porter mieux et vous écrire plus.

Tout à vous,

Karamsin.

Москва, 17 декабря 1803.

Любезнейший мой друг Барон.

Начну с того, что искренно и от всей души поблагодарю вас за то, что вы сообразовали сделать для господина Рихтера. Я чрезвычайно растроган и буду помнить об этом всегда. Господин Рихтер не преминет засвидетельствовать свою признательность герцогу¹ и вам, мой дорогой друг. Суровый зимний климат, который вот уже несколько дней дает о себе знать, заставляет меня беспокоиться о вашем здоровье. Я сам уже сделался его жертвою и пишу вам, лежа в постели. К несчастью, мы подражали иностранцам и нам нравятся камины, не подходящие для нашей погоды. Наши предки с их русскими печами чувствовали себя гораздо лучше. Но мы непрестанно простужаемся из-за того, что жаримся у каминов.

Мой дорогой друг, пожалуйста, больше доверяйте нашей почте; уверяю вас, что она очень точна и письма почти никогда не пропадают. Если бы вы не были столь осторожны и не приплатили бы за письмо, я получил бы его на несколько дней рань-

ше. Завтра я отправлю вам на ваши 25 рублей чаю, который мне кажется хорошим.

Вы, наверное, уже знаете, что Государь недавно согласился назначить мне как историографу пенсию в 2000 рублей. Я отказываюсь от журнала с тем, чтобы заниматься только летописями.

Вслед за этой новостью я сообщу вам другую, более важную для моего счастья². После того, как в течение 18 месяцев я был погружен в глубочайшую печаль, я открыл, что сердце мое еще чувствительно к радости любить и быть любимым. Молодая девушка, прекрасная и добрая, обещала любить меня, и я через несколько недель надеюсь стать ее супругом. Будучи уверен в вашей дружбе, я уверен также в участии, которое вы примете в этой перемене моей судьбы. Я осмеливаюсь еще надеяться на счастье; Провидение довершит остальное. Я знаю, я мог бы лишь медленно угасать, не имея такой привязанности. Моя первая жена очень любила меня; будущая, возможно, станет моим другом, и этого достаточно... Заканчиваю, мой любезнейший и почтенный друг. Я не очень хорошо себя чувствую. Надеюсь, когда мне будет лучше, я напишу вам еще.

Весь ваш

Карамзин.

¹ Карл Август (1757-1828), великий герцог Саксен-Веймарский, управлял герцогством с 1775 г.

² Карамзин писал брату 2 декабря 1803 г.: «Между тем сообщая вам две новости: первая то, что Император пожаловал мне пенсией, в год по две тысячи рублей, и сделал меня историографом; а вторая то, что я женюсь на милой девице Катерине Андреевне Колывановой» (Атеней. 1858. №20. С.253). Екатерина Андреевна Колыванова (1780-1851) по отцу приходилась сводной сестрой кн. П.А.Вяземскому.

6.

*[M. le 10 fevrier 1804]
Reçu le 18 fevr[er] 1804*

Mon très cher ami,

Je me suis marié, et je recommande ma femme à votre précieuse amitié; elle en est digne, car elle a bien des qualités estimables. Je lui ai confié mon sort, et j'espère que je ne m'en repentirai jamais. Oui, mon cher Baron, un homme de lettres, attaché par ces occupations à sa maison, sent plus vivement que les autres la nécessité d'avoir une

compagne douce et fidèle. Il ne faut pas penser à une parfaite félicité dans ce monde; mais il faut tâcher d'y être aussi bien longtemps qu'on vit.

Je sais que vous êtes extrêmement occupé. Je crois que notre Princesse Marie est déjà la vôtre. Tous les bons Russes espèrent que le Ciel bénira cette union. Il n'y a qu'une seule voix sur les qualités aimables de la charmante Princesse. Votre Prince doit être très bon, parce que vous lui êtes attaché.

Je vous remercie du plaisir que j'ai eu à lire la nouvelle tragédie de Schiller. C'est un homme de génie dont les ouvrages ne peuvent qu'intéresser beaucoup tous ceux qui s'entendent au beau. Mais je vous avoue que je ne goûte point sa *grecomanie*. C'est revenir à l'enfance de l'art que de vouloir introduire de nouveau les choeurs dans la tragédie. L'esprit humain fait des progrès sous tous les rapports, et ceux qui veulent servilement imiter les Grecs, font des pas retrogrades. J'aime Homère, parce qu'il me peint si bien les moeurs et l'esprit de l'antiquité; mais celui qui, dans le 19-me siècle, voudrait faire une seconde Iliade, ferait la chose la plus ridicule.

Vous m'avez parlé de l'ouvrage de Mr. Chichkow: je l'ai lu. Quoique sûr de votre amitié et de la bonne opinion que vous avez de moi, je n'ai pas le courage de vous dire franchement mon avis sur ce gros volume: je suis trop bon Russe pour cela. Mais je vous remercie, mon cher ami, du joli mot que vous m'avez dit à cette occasion.

Avez-vous reçu le thé que je vous ai envoyé? L'avez-vous trouvé bon? Comptez-vous passer le printemps à Pétersbourg? Voyez-vous souvent Mr. Storch? Et se rappelle-t-il de moi?

Ma femme ne vous écrit pas, parce que dans ce moment elle n'est pas au logis; mais je vous aime tant, et je lui parle de vous d'une manière si peu commune, qu'elle désire beaucoup de faire votre connaissance.

Adieu, mon très cher ami. Vous m'avez trop bien prouvé la délicatesse de votre amitié pour que je n'y sois pas extrêmement sensible et ne m'en glorifie pas à mes propres yeux. Je vous embrasse du fond de mon âme, et je vous prie de me rappeler au souvenir de votre charmante épouse, quand vous lui écrirez. J'ai changé de quartier, et je demeure actuellement *dans la maison du Prince André de Wiasemsky à la Prechistinka*.

Tout à vous,

Karamsin.

[Москва, 10 февраля 1804]
Получено 18 фев[раля] 1804

Любезнейший мой друг,

Я женился и вручаю свою супругу вашей драгоценной дружбе; она этого заслуживает: у нее много достоинств. Я вверил ей свою судьбу и надеюсь, что не пожалею об этом никогда. Да, дорогой мой Барон, литератор, привязанный занятиями к своему очагу, живет и чувствует необходимость в нежной и верной подруге. Не следует помышлять о совершенном счастье в этом мире, но постараемся быть счастливыми, пока мы живы.

Я знаю, что вы чрезвычайно заняты. Думаю, что наша великая княгиня Мария уже стала вашей княгиней; все русские уповают на то, что небо благословит этот союз. Все говорят в один голос о любезности очаровательной принцессы. Ваш принц, должно быть, очень мил, коли вы так привязаны к нему.

Благодарю вас за то удовольствие, которое я получил от чтения новой трагедии Шиллера¹. Это гениальный человек, чьи сочинения не могут оставить равнодушными всех тех, кто понимает прекрасное. Но уверяю вас, мне совсем не по душе его *грекомания*. Снова вводить хоры в трагедию значит возвращаться к младенчеству искусства. Человеческий разум движется вперед во всех отношениях, и те, кто желает рабски подражать грекам, делают шаг назад. Я люблю Гомера за то, что он так прекрасно рисует нравы и дух древности, но тот, кто захочет в XIX веке создать вторую «Илиаду», будет достоин осмеяния.

Вы писали мне о сочинении господина Шишкова; я читал его². Хотя я вполне уверен в вашей дружбе и добром мнении обо мне, я не решаюсь высказать вам без обиняков мое суждение об этом толстом томе: я чувствую себя слишком русским для этого. Однако благодарю вас, любезнейший друг, за милые слова, которые вы мне сказали по этому поводу.

Получили ли вы чай, который я послал вам? Понравился ли он вам? Рассчитываете ли вы провести эту весну в Петербурге? Часто ли вы видите с господином Шторхом?³ И помнит ли он меня?

Моя жена не пишет вам потому, что сейчас ее нет дома, но я так люблю вас и с таким жаром ей о вас рассказываю, что она очень хочет с вами познакомиться. До свидания, любезнейший друг мой; вы слишком хорошо доказали мне нежность вашей дружбы, чтобы я не оценил ее с глубокой признательностью и не гордился бы ею в своих собственных глазах. Обнимаю вас от всего

сердца и прошу вас напомнить обо мне вашей очаровательной жене, когда вы будете ей писать. Я сменил адрес и живу теперь в доме Князя Андрея Вяземского на Пречистенке⁴.

Весь ваш

Карамзин.

¹ Трагедию «Мессинская невеста, или Братья-враги» (1803) Шиллер предварил вступлением, которое называлось «О хоре в трагедии» и объясняло замысел автора: «/.../ хор для новейшего трагика существенно полезнее, нежели для древнего, и собственно потому, что он воспрещает ему все, что противно Поэзии, и указывает дух первоначальной простоты и ясной жизни. /.../ Только один хор может оправдать трагического стихотворца в сей возвышенности, которою наполняется слух» (Мессинская невеста, трагедия Шиллера / Перевод А.Ротчева. М., 1829. С. XII, XVII).

² Речь идет о вышедшей в 1803 году книге А.С.Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка».

³ Шторх Генрих (Андрей Карлович) (1766-1835) — экономист, вице-президент Российской Академии.

⁴ Андрей Иванович Вяземский (1750-1807) — нижегородский и пензенский губернатор, сенатор, тесть Карамзина. Ср. письмо Карамзина к брату от 9 декабря 1803 г.: «В начале генваря я перееду в дом к моей будущей жене или к отцу ее /.../» (Атеней. 1858. №20. С.253).

7

Moscou, le 17 avril 1804.

C'est avec infiniment de plaisir que j'ai reçu, lu et relu votre charmante lettre, mon très cher et respectable ami. Je suis sûr que mon bonheur vous intéresse, et les choses obligeantes que vous me dites par rapport à ma femme prouvent la bonté et la délicatesse de votre âme. Oui, mon cher Baron, je n'ai qu'à remercier la Providence de mon état actuel qui ne me laisse presque rien à désirer. Une femme bonne et tendre, qui a de l'esprit, des principes, est un vrai trésor sur la terre; vous le savez mieux qu'un autre, parce que vous le possédez vous-même. Quand on est détrompé sur les illusions qui enchantent la jeunesse, on apprend à apprécier le bonheur domestique comme la plus vraie de toute les jouissances. Cependant j'ai quelquefois des moments mélancoliques. Je ne pourrais jamais oublier ma première épouse, ni penser à elle sans attendrissement. Heureux celui qui peut regarder les tombeaux sans se rappeler le bonheur qu'ils nous ont enlevé! Les souvenirs nous font trembler pour les biens que nous

avons encore. Il est possible de se mettre au-dessus de la crainte de mourir; mais comment ne pas craindre la puissance de la mort sur tout ce qui nous est cher? Laissons ces tristes idées et parlons d'autres choses.

Vous voulez être instruit sur mes projets littéraires: je n'en ai qu'un seul — celui de donner à mes bonnes compatriotes une histoire supportable de notre patrie; mais ce plan et les moyens de son exécution absorbent toutes les facultés de mon âme. J'adore ma femme, mais il faut être utile au monde et savoir s'occuper. Notre bon Empereur m'a accordé une pension de 2000 roubles; il faut que je justifie son bienfait. Les archives et les bibliothèques me sont ouvertes; j'espère que le génie qui préside aux succès littéraires, ne me refusera point son assistance, et que ma santé supportera le travail auquel je me suis voué avec plaisir.

J'ai bien sincèrement regretté la mort des grands hommes que l'Allemagne vient de perdre. Les philosophes admireront toujours la profondeur d'idées de Kant, et les amis des lettres liront toujours avec plaisir les ouvrages de Herder. Je me félicite de les avoir vus tous les deux, et je conserverai leur image au fond de mon âme.

Vos pensées sur la vie qu'on mène à la cour sont aussi vraies que bien exprimées. Vous avez éprouvé et senti ce que je devinais au coin de mon feu, loin de cette gêne brillante et de cet extérieur superbe qui trompe les yeux sans tromper le cœur d'un homme sensible et sensé. Je fait des vœux pour l'accomplissement des vôtres, mon cher ami. Puissiez-vous rejoindre bientôt ceux qui vous sont chers et trouver, après une si longue absence, des nouveaux charmes à l'amitié, à l'amour conjugal et paternel, enfin à tous les biens que vous avez quittés à Weimar!

Il me serait bien doux de vous voir à Pétersbourg, mais bien des circonstances m'obligent à rester là où je suis: d'abord ma femme aime trop son père pour vouloir s'en séparer, et je suis dans le même cas par rapport à elle; et puis mon travail m'attache à Moscou, parce que nos archives se trouvent ici. Mais avec quel plaisir je vous embrasserais et vous entendrais parler de ce qui se passe sur la grande scène du monde que vous connaissez si bien!

Les affaires de Paris sont bien affligeantes pour tous ceux qui ne sont pas méchants. Je hais la terreur et les terroristes; je n'aime pas les conspirateurs non plus; mais il est si beau, si grand d'être au-dessus de la vengeance! Buonaparte n'a pas voulu de cette gloire...

M. Caraffe a été chez moi sans me voir, et j'ai été chez lui sans le trouver; mais j'espère que je parviendrai à faire sa connaissance. — Adieu, mon très cher ami. Je finis par vous embrasser tendrement et vous remercier *de la part de ma femme*, de tout ce que vous avez

bien voulu dire d'obligeant sur son compte. Vous savez que les femmes sont curieuses: jugez, combien on désirerait vous voir et connaître! D'ailleurs ma femme vous connaît assez pour vous estimer beaucoup.

Москва, 17 апреля 1804.

С огромным удовольствием я получил, читал и перечитывал ваше милое письмо, любезнейший и достойнейший друг мой. Уверен, что мое счастье вам небезразлично, а в трогательных словах о моей жене выказывается доброта и тонкость вашей души. Да, милый Барон, я должен лишь благодарить Провидение за мое теперешнее положение, в котором мне почти нечего желать. Милая и нежная супруга, умная и добронравная — настоящее сокровище в этом мире; вы знаете об этом лучше, чем кто-либо другой, ибо сами владеете им. Разочаровавшись в иллюзиях, которые манят в юности, человек учится ценить домашнее счастье как самое истинное из всех радостей. Однако и мне бывает подчас грустно. Я никогда не смогу ни забыть мою первую жену, ни думать о ней без умиления. Блажен тот, кто может смотреть на могилы, не вспоминая о счастье, ими похищенном! Воспоминания заставляют нас беспокоиться о тех благах, которыми мы еще располагаем. Можно преодолеть страх смерти, но как не бояться ее власти над всем, что нам дорого? Но оставим эти грустные мысли и поговорим о другом.

Вы хотели бы узнать о моих литературных замыслах: у меня всего лишь один — написать для моих соотечественников достойную историю нашей страны. Однако замысел этот и его исполнение поглощают все способности моей души. Я очень люблю свою жену, но нужно быть полезным людям и уметь трудиться. Наш добрый Император назначил мне пенсию в 2000 рублей; надобно оправдать его расположение. Архивы и библиотеки открыты для меня; надеюсь, что Гений, ведающий литературными успехами, не откажет мне в своем покровительстве, и что здоровье мое выдержит труд, которому я с радостью себя посвятил.

Я искренне скорблю о смерти великих людей, которых недавно лишилась Германия¹. Философы будут всегда восхищаться глубиной мысли Канта, а любители словесности с удовольствием прочтут сочинения Гердера. Я счастлив, что мне привелось видеть их обоих, и сохранил их облик в глубине моего сердца.

Ваши размышления о придворной жизни столь же верны, сколь изящно выражены. Вы испытали и ощутили то, о чем я догадывался, сидя у своего камина, не связанный этими условностями и чуждый внешнего блеска, который обманывает взор, не обманывая сердца чувствительного и благоразумного человека. Мне так бы хотелось, чтобы сбылись ваши желания, мой милый друг, чтобы вы поскорее смогли вернуться к тем, кто вам дорог, и вновь обрели бы после столь долгой разлуки очарование дружбы, супружеской и отеческой любви — всех радостей, оставленных вами в Веймаре!

Как было бы хорошо свидеться с вами в Петербурге, но обстоятельства обязывают меня быть там, где я живу: прежде всего, моя жена слишком любит своего отца и не может расстаться с ним, а я нахожусь в том же положении по отношению к ней; кроме того, моя работа привязывает меня к Москве, потому что здесь находятся наши архивы. Но с какой радостью я обнял бы вас и слушал бы ваши рассказы о том, что происходит на большой сцене мира, которая вам так хорошо известна!

Парижские события удручают всех добрых людей². Я ненавижу террор и террористов; не лучше я отношусь и к заговорщикам, но сколь величествен и прекрасен тот, кто стал выше отмищения! Бонапарте не пожелал себе такой славы...

Господин Карафф заходил ко мне, но не застал меня дома, я был у него и также его не нашел, но надеюсь, что мне все же удастся свести с ним знакомство. — Прощайте, дражайший мой друг. Напоследок я хотел бы вас нежно обнять и поблагодарить от имени моей жены за все те милые слова, которые вам было угодно ей сказать. Известно, что женщины любопытны: судите же, как ей хочется увидеть вас и познакомиться с вами! Впрочем, она знает вас довольно, чтобы глубоко уважать вас.

¹ В 1803 году умер Иоганн Готфрид Гердер (род. в 1744), а в 1804 — Иммануил Кант (род. в 1724). Путешествуя по Европе, Карамзин виделся с Кантом в Кенигсберге; в «Письмах русского путешественника» его визит к философу датирован 19 июня 1789 года: «/.../ был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого Метафизика». Беседа их «продолжалась около трех часов». Через месяц Карамзин оказался в Веймаре, где с 1776 г. жил Гердер, и посетил поэта: «Он встретил меня еще в сенях и обошелся со мною так ласково, что я забыл в нем великого Автора, а видел перед собою только любезного, приветливого человека» (Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С.20-21, 72).

² Наполеон знал, что Бурбоны и их приверженцы готовили на него покушение. Вероятно, говоря, что Наполеон не захотел стать «выше

отмщения», Карамзин имеет в виду похищение и расстрел герцога Энгинского в марте 1804 года, совершившийся с ведома и по приказанию Наполеона. Может быть, Карамзин знал и о таинственной смерти бывшего генерала Республики Пишегрю, в причастности к которой общее мнение также обвиняло Наполеона.

8

*Terre d'Ostafièwo, à 25 werstes
de Moscou, le 1 octobre 1808.*

Très cher et très respectable ami,

Votre charmante lettre a fait tant de plaisir à mon coeur. Vous savez si bien être ami: ne me croyez pas ingrat. Non, je ne pourrai jamais oublier un ami tel que vous. Tant de souvenir agréables s'attachent dans mon esprit à l'idée de notre liason, formée au milieu des troubles de Paris qui ne nous empêchoient pas de jouir paisiblement de tout ce qui intéresse un coeur sensible et une imagination vive et un peu romanesque. Vous m'avez donné depuis encore bien des preuves touchantes de votre amitié. Tout cela est gravé au fond de mon âme. Si je ne vous écrivois pas, c'étoit par une espèce de délicatesse: je vous supposois trop occupé d'affaires; mais je faisais toujours des voeux pour votre bonheur et celui de votre pays, qui vous est si cher. Que de fois je me suis demandé, où vous pouviez être, ce que vous pouviez penser et faire dans un tel ou tel cas! Nos intérêts politiques étoient les mêmes, et nos sentimens l'aussi: j'en suis sûr. Que de jours tristes, que de nuits agitées, j'ai passé pendant cette guerre qui a coûté tant de sang et tant de pleurs à l'humanité! Je croyois voir Weimar et lire dans votre coeur. Comme historien, je m'occupe du passé; mais le présent y tient, et l'avenir depend de ce dernier. J'aime tant mon pays! Jugez, si je suis indifférent à ce qui se passe sur le grand théâtre du monde politique.

Votre zèle et votre activité sont donc occupés à réparer le mal que votre bon pays a du souffrir? C'est une noble destinée. Il est triste de faire le mal; il est doux d'en effacer les traces.

Vous voulez que je vous parle de ma famille, et vous n'avez pas voulu faire de même: vous ne m'avez rien dit sur Madame la Baronne de Wolzogen, que j'estime tant comme digne épouse de mon ami et comme auteur de si jolis ouvrages, dont sa plume a enrichi la littérature Allemande. Malgré cela je vous dirai que je suis parfaitement heureux au sein de ma famille; que j'ai une épouse chérie et digne de l'être par ses qualités; que nos trois petites filles et notre petit fils nous font beaucoup de joie. Ajoutez à cela mes occupations littéraires, et jugez

si je peux avoir des momens vides! J'écris l'histoire: que de recherches je dois faire, que de choses j'ai à combiner! Helas! la vie est trop courte! Je suis déjà parvenu jusqu'au quatorzième siècle; mais je ne veux encore rien publier avant trois ou quatre ans. J'aime mon travail; j'aime à secouer les tombeaux, pour ranimer les cendres de nos ancêtres, et l'apparition de leurs ombres sacrées fait jouir mon âme.

Je n'ai pas eu la satisfaction de voir le porteur de votre lettre, car il ne m'a pas trouvé à Moscou; nous sommes encore à la campagne. J'aurais été charmé de le connoître et de parler de vous. Je lirai avec beaucoup de plaisir le discours de Bergasse, et je vous en remercie d'avance.

Adieu, mon très cher et digne ami. Loin de vous, je vous regarde: les yeux de l'amitié sont perçans, bien servis par l'imagination et par les souvenirs. Si vous voulez aussi quelque fois me voir de cette façon, ne me cherchez pas dans *le grand monde*, qui m'est presque étranger, mais à coté de ma femme, au milieu de nos enfans et entouré de vieux manuscrits: voilà ma sphère. Si vous m'écrivez de tems en tems, j'en serai charmé, car je vous aime et vous estime du fond de mon âme. Ce doux sentiment m'accompagnera jusqu'à la fin de mes jours. Adieu.

Karamsin.

*Усадьба Остафьево, в 25 верстах
от Москвы, 1 октября 1808.*

Любезнейший и достойнейший друг,

Ваше милое письмо доставило столько радости моему сердцу. Вы так умеете быть другом, не считайте и меня неблагодарным. Нет, я никогда не смогу забыть такого друга, как вы. Столько приятных воспоминаний связывается в моей душе с мыслию о нашем знакомстве, окрепнувшем посреди парижской смуты, которое не помешало нам мирно наслаждаться всем, что влечет чувствительное сердце и живое воображение, немного романтическое. С тех пор я получил от вас еще много трогательных знаков вашей дружбы. Все это запечатлено в глубине души моей. Я не писал вам из какой-то деликатности: я предполагал, что вы слишком заняты делами; но я всегда желал счастья вам и вашей стране, которая вам так дорога. Сколько раз я спрашивал себя, где бы вы могли находиться, что бы вы могли подумать или сделать в том или ином случае! У нас были сходные политические взгляды и чувства, я в этом убежден. Сколько мрачных дней, сколько беспокойных ночей провел я во время этой войны¹, стоившей челове-

честву столько крови и слез! Мне казалось, я видел Веймар и читал в вашем сердце. Будучи историком, я занимаюсь прошлым, но оно содержит в себе настоящее, а от настоящего зависит будущее. Я так люблю свою страну! Судите же сами, равнодушен ли я к тому, что свершается на большой сцене политическо-го мира.

Ваше усердие и ваша деятельность служат тому, чтобы исправить те ужасы, которые пришлось пережить вашей прекрасной стране. Это высокая участь. Прискорбно делать зло, отраднo стирать его следы.

Вы просите, чтобы я рассказал вам о своем семействе, а сами не хотите этого сделать: вы ничего не написали мне о Баронессе фон Вольцоген, столь почитаемой мною как достойная жена моего друга и сочинительница прекрасных книг, которыми ее перо обогатило германскую словесность. Однако, скажу вам, что я совершенно счастлив в лоне моего семейства, что у меня милая жена, имеющая много достоинств, и что трое наших маленьких дочерей и наш мальчик очень нас радуют². Добавьте к этому мои литературные занятия и посудите тогда, выпадает ли мне свободная минута! Я пишу историю: сколько всего надобно изучить, сколь многое должен я соположить! Увы, жизнь слишком коротка! Я уже добрался до XIV века, но в ближайшие три или четыре года я не хочу еще ничего печатать³. Я люблю свое дело; мне нравится тревожить могилы, чтобы одушевлять прах наших предков, и появление их священных теней радует мое сердце.

Мне не пришлось увидеть человека, с которым вы передали письмо, он не застал меня в Москве, мы еще живем в деревне. Я был бы счастлив познакомиться с ним и поговорить о вас. Я с большим удовольствием прочту речи Бергасса⁴ и заранее вам благодарен.

Прощайте, мой любезнейший и достойный друг. Находясь далеко от вас, я все же вас вижу: у дружбы пронизательные глаза, им помогают воображение и воспоминания. Если вам тоже хочется иногда меня увидеть таким же образом, ищите меня не *в большом свете*, который для меня почти чужбина, — но рядом с моей женой, нашими детьми или среди старых манускриптов: вот мое окружение. Если вы время от времени станете мне писать, вы осчастливите меня этим, потому что я люблю и почитаю вас всей душой. Это доброе чувство будет сопутствовать мне до конца дней. Прощайте.

Карамзин.

¹ Речь идет о наполеоновских войнах 1805-1807 гг. — против Австрии, Пруссии, России.

² Дети Карамзина: Софья, Наталья (1804-1810), Екатерина (1806-1867; в замужестве Мещерская), Андрей (1807-1813).

³ К этому времени был закончен IV том «Истории Государства Российского». Первые восемь томов вышли в Петербурге в 1816 г.

⁴ Имеется в виду книга «Discours et fragments de M.V.». Paris, 1808 — сочинение адвоката и публициста Николая Бергасса (1750-1832).

БАРАТЫНСКИЕ

Публикация Е.Э.Ляминой, Е.Е. Пастернак, А.М.Пескова

І. ГЕНЕРАЛ АБРАМ БАРАТЫНСКИЙ

Дед поэта Евгения Баратынского — Андрей Васильевич — родился около 1738 г. в небольшом родовом имении Голошапово, в восьми верстах от крепости Белая и в полутора верстах к северу от Смоленска. В 1753 г. Андрей Баратынский вступил рядовым в полк Смоленской шляхты; в 1765 г. вышел в отставку поручиком и вернулся в Голошапово. Видимо, осенью 1766 г. он обвенчался с дочерью помещика соседнего села — Подвойского — Авдотьей Матвеевной Яцыной (или Яцининой). Венчание было тайным, ибо отец невесты — Матвей Михайлович — категорически отказал сватавшемуся Андрею Васильевичу. После смерти Матвея Яцына Подвойское перешло во владение Баратынских в качестве наследства Авдотьи Матвеевны.

Андрей Васильевич и Авдотья Матвеевна жили, кажется, счастливо. С середины 1780-х гг. Андрей Васильевич поступил на гражданскую службу: в 1785 г. получил чин титулярного советника; с 1788 по 1791 г. был заседателем в Бельском уездном суде (крепость Белая получила к этому времени статус города под названием Белый).

У Андрея Васильевича и Авдотьи Матвеевны было семеро¹ детей: Абрам (родился 14 или 28 августа 1767 или 1768 — умер 24 марта 1810); Петр (р. 1768 или 1769 — ум. 5 или 17 ноября 1845); Богдан (16 января 1769 или 1770 — ум. 23 апреля 1820); Илья (р. в июле, между 1770 и 1777 — ум. 1 февраля 1836); Александр (второе имя, видимо, — Яков; р. 21 октября, между 1777 и 1783 — ум. в июне 1807); Мария (второе имя — Марфа; р. ок. 1781-1783 — ум. ок. 1845; замужем за И.Д.Панчулидзевым); Екатерина (р. ок. 1783-1785 — ум. 1842²).

Все дети были отправлены в Петербург: Абрам и Петр — в середине 1780-х гг. в гвардию младшими чинами, Богдан и Илья — в Морской корпус, в конце 1780-х — начале 1790-х гг. Александр зачислен в Сухопутный Кадетский корпус, Мария принята на воспитание в Смольный монастырь, Екатерина обучалась во второй половине 1790-х гг. в одном из петербургских пансионов.

¹ Более подробные сведения о родословной Баратынских см.: Песков А.М. Баратынский. Истинная повесть. М., 1990. Все даты даны по старому стилю и уточнены по сравнению с «Истинной повестью».

² Дата смерти Екатерины Андреевны уточнена по так называемому «Плану семейного образа», составленному Петром Андреевичем Баратынским около 1843-1844 гг. (ИРЛИ. №21812).

Абрам Баратынский был зачислен в Преображенский полк капралом 2 февраля 1775 г. Видимо, в конце зимы 1785 г. он явился к месту службы вместе с братом Петром. Скорее всего, оба были записаны в гвардию еще в детстве, и в 1785 г. их привез в Петербург самолично Андрей Васильевич. По всей вероятности, они не служили в Преображенском полку ни дня, а после хлопот отца были переведены 1 марта того же года в Семеновский полк: Абрам — в чине подпрапорщика, Петр — неизвестно каким чином. 15 мая 1785 г. Абрам произведен в каптенармусы, 21 ноября сделан сержантом (унтер-офицером).

В 1789 г. во время русско-шведской войны Семеновский полк был отправлен в подкрепление армии, но в военных действиях не участвовал, дислоцируясь в течение лета под Фридрихсгамом (Финляндия). В конце 1789 — начале 1790 г. по протекции старшей родственницы братьев Баратынских — фрейлины Е.И.Нелидовой — Абрам и Петр были представлены наследнику престола — цесаревичу Павлу Петровичу (Нелидова была его фавориткой). Абрам был переведен 1 января 1790 г. из гвардии в армию — капитаном в Кексгольмский полк, но, кажется, лишь значился в нем, ибо был причислен вместе с братом Петром к штату наследника. Вслед за Абрамом и Петром цесаревич прибилзил к себе Богдана и Илью. Однако новый этап войны со шведами оторвал братьев от Петербурга. 28 июня 1790 г. во время морского сражения недалеко от Роченсальма (ныне г. Котка) Абрам попал в шведский плен, где находился до сентября.

В феврале-марте 1791 г. все четверо братьев, в счастливом предвкушении будущей карьеры, получили отпуск и побывали на родине — в Голошапове. Через несколько дней после их отъезда скончалась Авдотья Матвеевна. Андрей Васильевич оставшиеся годы своей жизни (он умер в начале 1813 г.) провел почти безвыездно в своих бельских владениях. Только два или три раза он выезжал в Петербург. Он был лицом весьма уважаемым в своем уезде и в 1797-1800 гг. избирался Бельским уездным предводителем дворянства. Отчасти своим положением в уезде Андрей Васильевич обязан сыновьям.

Те продвигались по службе весьма быстро. 1 января 1791 г. Абрам был произведен в поручики, 30 августа 1791 г. — в секунд-майоры и назначен командиром всех сухопутных батальонов, находившихся в подчинении цесаревича, — Павловской, Гатчинской и Каменноостровской команды; 4 января 1793 г. он был повышен до премьер-майора, 1 июня 1793 г. — до подполковника. В том же 1793 г. 8 февраля³ Петр и Богдан были произведены в капитан-лейтенанты, Илья — в лейтенанты флота.

В марте 1796 г. Е.И.Нелидова была оскорблена Павлом Петровичем, и они расстались. Вслед за этим оказался в опале и Абрам Баратынский: он был удален от наследника и 1 апреля определен в Адмиралтейскую коллегию.

6 ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина II; императором стал Павел Петрович. Среди прочих дел он стал искать способы вернуть к

³ Здесь и далее сведения о прохождении службы младшими братьями Абрама даны по изд.: Общий морской список. Ч.3. СПб., 1890. С.114-117.

своему двору Нелидову, ибо найти ей достойную замену не сумел (Нелидова же, подчеркивая свою обиду, удалась в Смольный монастырь и жила там почти безвыездно). Павел повысил в чинах брата Нелидовой, подарил ее матери две тысячи крепостных, облагодетельствовал и ее дальних родственников и всегдашних протезе: 13 ноября 1796 г. Абрам Баратынский был произведен в полковники, а Богдан — в капитаны 2 ранга с назначением флигель-адъютантом, 18 декабря Петр стал майором, 1 января 1797 г. Абрам — генерал-майором с назначением генерал-адъютантом. Абраму и Богдану император подарил имение в две тысячи душ в Кирсановском уезде Тамбовской губернии — Вяжлю (Мару). Нелидова вернулась ко двору Павла Петровича, а братья пошли еще выше в гору. 10 мая 1797 г. Богдан был произведен в капитаны генерал-майорского ранга с назначением в генерал-адъютанты, 17 мая Абрам назначен командиром лейб-гвардии Гренадерского полка.

29 января 1798 г. Абрам женился на фрейлине Александрине Черепановой (см. о ней III раздел настоящей работы; она была подругой сестры Абрама — Марии — и воспитывалась вместе с ней в Смольном).

С весны 1798 г. отношения Павла с Нелидовой снова стали ухудшаться. В августе между ними произошел окончательный разрыв, а следом за тем и Абрам был уволен в отставку (6 сентября 1798 г.). Около 25 сентября он с женой отправился к отцу в Голощапово. Трех младших братьев опала, однако, не коснулась: они продолжали флотскую службу. Богдан был произведен в контр-адмиралы 21 сентября 1798 г. и назначен командовать эскадрой в Балтийском флоте, Илья в тот же день произведен в капитаны 2 ранга и вскоре стал капитаном одного из кораблей в эскадре Богдана. Только Александр Баратынский был тоже уволен от службы (впоследствии он будет смертельно ранен в сражении под Фридландом в 1807 г.). «Морские» же братья сделали порядочную карьеру. Богдан стал вице-адмиралом (9 мая 1799 г.; в отставке с 4 января 1805 г.), Илья — контр-адмиралом (12 декабря 1811 г.; в отставке с 31 декабря 1813 г.), Петр — генерал-лейтенантом, сенатором (13 сентября 1821 г.).

Но Абрам Баратынский более на службу не вернулся. Зимой 1798-1799 г. он не ужилась с отцом в Голощапово и из-за каких-то неведомых нам семейных распрей уехал оттуда в подаренное Павлом тамбовское имение — Вяжлю. Даже переписка между Андреем Васильевичем и Абрамом прекратилась на два или три года.

19 февраля 1800 г. у Абрама Андреевича и Александры Федоровны родился сын Евгений⁴. Семейство увеличивалось год от года: София (р. в марте 1801 — ум. ок. 1844); Иракий (12 февраля 1802 — 22 апреля 1859); Лев (р. в феврале 1805 — ум. 25 декабря 1856); Федор (р. весной 1806 — ум. в 1807-1808); Сергей (12 мая 1807 — 24 ноября 1866); Наталия (р. в конце лета — начале осени 1809 — ум. 10 июля 1855); Варвара (12 июля 1810 — 15 мая 1891; замужем за С.А.Рачинским).

⁴ Обоснование этой даты рождения см.: Вопросы литературы. 1988. №4. С.270-271.

До весны 1808 г. Абрам Андреевич жил вместе с семейством в Вяжле; затем, видимо, опасаясь чумы, достигшей соседней Саратовской губернии, Баратынские выехали в Москву. Здесь Абрам Андреевич скоропостижно умер 24 марта 1810 г.

Самый полный источник сведений о его частной жизни — его собственные письма к родителям. Некоторые из них опубликованы в «Истинной повести», некоторые мы печатаем ниже полностью или фрагментарно — по альбому писем Абрама Андреевича, хранящемуся в РГАЛИ (Ф.51. Оп.1. Ед.хр.270). Орфография подлинников сохранена в границах, доступных современному алфавиту. Правописание собственных имен и первых слов в начале предложений унифицировано: они пишутся с прописной буквы.

1

Милостивой государыне матушке Авдотье Матвеевне
ее благородию Боратынской из Санктпетербурга.

Милостивая государыня матушка!

Письмо ваше мы¹ имели честь получить, за которое всенижайшую нашу приносим благодарность. Какою же радостью мы объяты были, когда получили оное; мы того и объяснить не можем; в оном мы уведомились о состоянии здоровья вашего, что может быть для нас приятнее, как знать об оном; да продолжит Бог дни ваша: оне для нас драгоценны. Мы будем старатца подправлять ваше здоровье хорошим своим поведением, так же и все ваши приказания наблюдаем свято. Поверте матушка, что оне никогда из нашей памяти не изстребятся; можно ли их презреть, когда оне все основаны на добродетели; все ваши приказания глубоко в сердца наша вкоренились, и никакая перемена вырвать их не может. О себе же честь имею донести, что я слава Богу жив и здоров, а о другом протчем батюшка вам сам всию перескажет. В протчем свидетельствуя вам мое всеподданнейшее почтение, остаюсь навсегда

вам, милостивая государыня матушка, послушный сын и всепокорнейший слуга:

Абрам Боратынский.

13-го июня 1785 году. Санктпетербург.

Письмо написано во время службы в Семеновском полку; судя по контексту, Андрей Васильевич находился в июне 1785 г. в Петербурге. Свою фамилию Баратынские писали и через «а», и через «о». Для Абрама Андреевича характерно написание: Боратынский.

¹ Здесь и далее «мы» — это Абрам и Петр Боратынские.

Милостивые государи батюшка и матушка!

/.../ Прискорбно ж нам слышать, что у нас жестокой голод и что крестьяне претерпевают великой недостаток в хлебе, это подлинно не сносно; но когда можно сколько нибудь облегчить жребий нещастия, от голоду происходящий, то надобно помогать сколько долг человечества нас обязывает, по сразмерности могущества, и не отягощая самого себя; а в протчем отдать на промысл всевышнего, которой больше о нас попечения имеет, нежели мы сами о себе; — и для тово, не надобно изнурять себя печалию, которая, первое вредна здоровью, другое совсем противна природе; для тово: что человек предопределенной не к таким вещам тленным иметь свое соболезнование, но мысли свои надобно вприть к тому существу, от которого всего можно надеяться без всякого сомнения.

Простите вы мне за сие нравоучение, мои мысли в сие время так были разсеены, и моя рука владела без всякой воли моего разума. Я ево разпространил очень много, но настоящего знаменования совсем нет /.../

25-го маия 1787 году.

/.../ теперь нет нам нужды терять деньги напрасно; будут выпуски очень частые, то и без денег можем выйти в капитаны; были бы только ахотники, то выпустют с ахотою. Ахотников же в нашем полку очень мало; то я думаю, что в первой выпуск нам достанется.

Но мы решиться на оное не смеем без вашего приказания; но только вам скажу: что когда определено судьбой нам там умереть, то уж оного року миновать ни как не можно: но притом многие мы примеры видим, что с великим авантажем и безвредно возвратились с походу; то может быть и мы в оном же жребии будем; а когда ж и убьют то пусть так и быть, умрем за веру и за весь мир православной...

9-го сентября 1787 году.

Речь идет о решении Абрама и Петра Боратынских перевестись из гвардии в армию в связи с русско-турецкой войной. Замысел не был исполнен.

Милостивые государи батюшка и матушка!

/.../ Лишенные толико долгое время вашего присутствия, устранены от всякого удовольствия, и еще быть долгое время разлученным от драгоценных особ; не сносно сердцу. Подобно искренним любовникам, коих жар чрез разлуку уменьшиться не может, но сие пламя еще больше возгарается; стремление ж родственной горячности еще сильнея действует. Может ли с оным сравниться родственной жар? Оной действует хотя не так стремительно как пламя любви, но постояннее: и чем больше время длится тем прочнее оной становится, и никакое непостоянство прервать оного не может /.../

30-го марта 1788 году.

23-го июля 1790-го года. Город Лянза.

Любезный друг Виктор Денисьевич!¹

Вторично имея случай писать к вам, что почитаю за превеличайшее свое удовольствие. — Уведомляю вас, что я достался в плен неприятелям прошедшего месяца 28-го числа у залива Кюменьгор. Сколько сил наших было, сражались с отчаянною; на последок когда половина с галеры уже была побита и со всех сторон были атакованы принуждены были спустить флаг. Весь мой багаж погребен в морских волнах, и я остался только в одном мундире: но благодаря Всевышнего, что цел и не ранен я остался. — Завтрешний день мы отправляемся в Стокгольм от куда я уже писать не буду. — И так прасти любезный друг! Прошу покорно от меня поклонитца милостивой [государыне] Екатерине Петровне, и притом прошу вас покорно послать сие письмо в деревню, чтоб знали мои родители; но только не прямо к ним а к тетушки Надежде Васильевне и Алене Васильевне² которым прошу от меня поклонитца и сказать, что я повек мой не забуду их ко мне милости и ласки. — Засим пребуду покорный слуга: Абрам Боратынский.

Я писал к вам на другой день своего плена. Не знаю, получили вы мое письмо?

***

Милостивые государи родители!

Я знаю, что вас сие известие чувствительно встревожит, узнавши о моей судьбе; но сего рока уже переменить не можно: и мне

так суждено провести несколько времени вне своего отечества. И так прошу вас всепокорнейше не беспокоится обо мне, ибо и здесь с нами обходятся очень хорошо, и содержание в разсуждении пленных порядочное. — Присем покорнейше вас прошу от меня поклонитца всем моим родным, и сказать: что ни отдаленность ни время не изтребит из памяти моей их ко мне милости и ласки. Братя Богдан и Илья Андреевичи все живы, и находятся один с принцом, а другой с Чичаговым³. — И так теперь сие последние письмо я к вам пишу, а из Стокгольма нам писать будет не возможно, куда мы отправимся завтра. — Любезным братьям когда вы увидите их, прошу от меня сказать: что я поvek мой искреннейший их друг, так же и любезным сестрицам. За сим праститя милостивые государи! Прошу еще вас для самого Бога не беспокоится обо мне; после мира мы будем возвращены; и сего вожделеннейшего дня мы ждем с нетерпеливостию. — А я с моею к вам преданностию и высокопочитанием пребуду поvek. Покорнейший сын:

Абрам Боратынский

Мишка⁴ мой так же жив и теперь со мною.

¹ Неустановленное лицо.

² Тетушки Абрама, родные сестры Андрея Васильевича.

³ В.Я. Чичагов — главнокомандующий русским флотом в Балтийском море в 1790 году.

⁴ Слуга Абрама; в 1802 г. обокрал его и был отдан на исправление Андрею Васильевичу.

6

27-го ноября 1791-го года, Каменной остров.

Милостивый государь батюшка!

Праститя нам милостивый государь батюшка, что мы так долго не писали, не сочтите оно в леность; ибо мы почитаем самым лутчим удавольствием, когда имеем честь к вам писать. Причина ж оной медленности переезды наши с места на место и только несколько тому дней как уже переехали на настоящее свое жилище; тоест на Каменной остров где вся наша и команда находится. О себе честь имеем донести: что мы слава Богу здаровы. Братя двоя в Кронштате¹, которых мы так же скоро ожидаем к себе так же и Алексашинька² здаров. Только вас с нами милостивый государь батюшка не находится; однако ж мы надеемся, что

вы к нам будите; да зделайте милость, поскоряе приезжайте³: а то иногда нас всех вместе не застаните. Теперь самой благоприятной случай что мы вместе. Его императорскому Высочеству⁴ угодно, чтоб братья шли к городу Архангельскому для занятия лутчей практики то и будет оным командировка в генваре но можно будет и до февраля для вас батюшка промедлить, а более нельзя остатся. В таком случае всепокорнейше вас просим милостивый государь батюшка не медлить своим приездом.

Оборотя страницу, прочтите про себя.

Между тем скажу вам батюшка: когда вы изволите ехать, то уезжайте так, чтоб мало об оном знали, ибо навяжут вам много на протекцию; но все б оное не мешало, когда б мы стояли в другом каком месте: но мы стоим в самом дворце, то только для вас батюшка там место будет; а протчие пусть не прогневаются. Сердечно б ради всех поместить, но вы сами разсудите, батюшка, что оное не благопристойно будет. И притом я думаю вам известно, что не так пространные комнаты дают во дворце а особливо оной очень мал: то для оных причин утаитя сколь возможно свой отъезд. Между тем я включу здесь малинькую цидулачку которую вы можете показать когда уж с вами кто поедет... Цыдулку ж я не посылаю: ибо и из-оного ясно.

Еще честь имею доложить вам батюшка: что ежели можно достать хорошего варения, так же хороших мелких круп, то зделайте милость, привезите а когда нет готового чего нибудь то прикажите прислать после, а сами за оным не медлите. Иногда удастца нам оной подарок вручить и в хорошия руки. — Теперь далее не разпространяю, надеясь что и персонально мы иметь будем честь вас увидеть. Тогда то совершенно мы будем щастливы. И засим свидетельствуя вам наше всенижайшее высокопочитание с нашей глубочайшею преданностию пребыть честь имеем; ваши милостивый государь батюшка покорнейшия дети:

Аврам и Богдан Боратынския. /.../

Милостивым государыням тетушкам наше всенижайшее высокопочитание свидетельствуем и мы надеемся, что в отъезд батюшки наши сестрицы оставлены вами не будут и за сим пребудем покорнейшие слуги: Аврам и Богдан Боратынския.

Милостивой государыне бабушке⁵ наше всенижайшее высокопочитание.

Милостивым государям дядюшке и тетушке Анне Васильевне и сестрицам Настасье и Анне Александровне так же братцам Николаю Александровичу и Екатерине Алексеевне и Ивану Александровичу наше всенижайшее почитание свидетельствуем.

Милостивому государю братцу Осипу Яковлевичу и сестрице

Марфе Александровне и любезной Лизаньке и Аполлону наше всенижайшее почитание свидетельствуем.

Милостивой государыне тетушке Лукерье Яковлевне наше усерднейшее почитание свидетельствуем.

Теперь мы пишем последние к вам батюшка письмо; а после онаго уже вас будем ждать к себе.

Письмо написано в ту пору, когда Абрам уже был командиром Павловской, Гатчинской и Каменноостровской команды.

¹ Братья, отправленные в Кронштадт, — Петр и Илья.

² Младший брат Александр в ту пору обучался в Кадетском корпусе.

³ О приезде Андрея Васильевича в Петербург зимой 1791-1792 точных сведений нет.

⁴ Павел Петрович.

⁵ Бабушка — может быть, Елена Васильевна, жена Якова Павловича Баратынского, родная тетка Андрея Васильевича. Далее следуют поклоны бельским родственникам Абрама.

7

18-го марта, 1792-го года. Каменной остров.

Милостивый государь батюшка!

Я уж теперь разлучен с моими братьями и они отправились в путь сего 15-го числа. Сколько ни несносно мне с ними разлучение, но когда я воображу их выгоды от онаго вояжу произходящие, и более всего, что они исполняют волю Его Императорского Высочества, то я успокоиваюсь. Ах батюшка! Не могу вам описать, сколько нас любит Его И.В.! ибо когда я стану писать все подробности, то многие не поверют. Только скажу: что мы во весь наш век щастливы бы были когда оная будет такова, как теперь. — О себе честь имею доложить: что я слава Богу здоров и при своей должности благодаря Бога исправен, и безпрестанно получаю благодарности за мои старательства. Нахожусь я теперь на Каменном острове покуда пробудет его Высочество здесь, а после буду жить в Павловском. Когда ж вы изволите ко мне писать то извольте писать прямо на Каменной остров; ибо где я ни буду, то ко мне сюда прислано будет. — А писать на конверте: в Санкт Петербург в первой флотской баталион секунд майору Боратынскому на Каменной остров. С сею надписью скоряе прислано будет. Скажу ж вам батюшка, что я почти безпрестанно занят делами, и почти никогда праздного времени не имею. Но что ж из онаго

вышло? Я чувствую в себе более силы, крепости и здоровья. И могу вам доложить: что я никогда так здоров не был как теперь. Точная правда, что в безопасности человеку живущему и в пакое часто приключаются болезни; напротив безпрестанные движения укрепляют дух и тело, чему я сам над собою вижу опыты. Еще хочу вам батюшка доложить: что братья из города поедут в Копенгаген, а в сем городе можно купить дешевою ценою, а особливо белье: то нужны для них лишние деньги для покупки оного: а должны признаться: что мы в белье терпим недостаток, и притом когда они там купят больше то они могут здесь продать, а остальное останется в барышах: то не можно ли прислать рублей 300 на оное. Надобно вам сказать батюшка: что еще в теперешнем случае надобно вам нам помогать; а может быть будет скоро время, что мы возвратим вам с излишком. Сами представьте батюшка: что живучи в таком месте много лишнего надобно. — Я написал бы вам много резонов но чрез письмо нельзя. А не мешалобы прислать и больше: ибо оные деньги пойдут для великой пользы. На несколько времени нужно ваше подкрепление: а когда Бог не отымет своей руки то можем поправиться. Ни кому такой надежды нет как нам. — И засим проститя милостивый государь батюшка! Просите Бога, чтоб братьям был путь благополучен и щастлив. А я с глубочайшею моею преданностию и высокопочитанием пребыть честь имею; ваш милостиваго государя батюшки! покорнейший сын

Аврам Боратынский.

Любезным сестрицам мой усерднейший поклон. — Милостивым государыням тетушкам и всем нашим родным мое всенижайшее почитание свидетельствую.

Еще скажу вам, батюшка: что братья уже последние поехали к городу, и Его И.В. сам своею рукою пожаловал братьям письмо к адмиралу, чтоб они были во всем соблюдены, и их там ожидают все с великим уважением. — Много б я написал, но умолчу.

8

19-го апреля, 1792 года. Санктпетербург.

Милостивый государь батюшка!

Христос воскрес!

Я сей час получил дражайшее ваше письмо, писанное 24-го марта, за которое всенижайшую мою благодарность приношу. Что ж принадлежит до нас, то мы слава Богу здоровы. Я севодни

получил от братьев 2 письма¹, одно по почте, другое чрез курьера посланного к ним нарочно проведать. Скажу вам теперь батюшка, когда уже опасность вся прошла, что братья на дороги чуть было не потонули. Их кибитки провалились на Ладожском озере на сквозь и едва могли спастись: однако все вытащили и мало они убытку себе получили. Емщиков тех пересекли плетми. И Его Импер. Высочество посылал курьера нарочно в город Архангельской осведомляться об них, и он сей час приехал и я тово письма от них и не взял еще а получил от них же севодни на почте. Брат Алексашинька у меня жил всю Святую Неделю, и Его И.В. узнав об оном приказал ево к себе представить, и он так ему полюбился, что я ево каждой день во всю неделю возил с собою к нему. Подарил ему прекрасное яичко фарфоровое: и он так утешал Его Высочество, что несколько раз хохотал смотря на ево проказы. И он так смел, как будто всегда был при государе. Приказал мне ево взять в Павловское на лето, и теперь он дожидается с превеличайшею нетерпеливостию сего вожделеннаго времени.

Я теперь переехал с Каменного острова и ожидаю с часу на час отъезда в Павловское и я думаю, что 23-го числа непременно отправимся. /.../

Что ж принадлежит, что вы изволили писать о Воейкове, то мне кажется, сделать будет нельзя. Сам Николай Александрович скажет, каково ему было выработать пашпорт; а Кроштафовичу² можно будет сделать, но только не теперь: ибо я буду жить в Павловском, и времени мне мало будет свободнаго однако между тем пришлите батюшка ево пашпорт. Я слышу благодарность от Михайлы Константиновича и Афросиньи Васильевны³ за их сына. Простите мне батюшка, что их дядюшкою и тетушкою именовать не буду. Можно ли называть таво роднею, которые с превеличайшею злобою и завистию смотрят на наше благополучие? и когда только есть случай, поносят нас столько, сколько ума их шарыкинского станет. Когда бы вы видели то письмо, которое они писали к сыну об нас, то бы и вы были таких же со мною мыслей. Я желею, что оно ко мне прислано было и я ево прочитал, по крайней мере не имел бы я на них неудавольствия: но оное письмо совершенно обнаружило их к нам разположение. Я никогда б не имел неудавольствия на отца, но сама мать своею рукою нас так крышила, что мне кажется, всю злобу и ядовитость свою включила. Когда из Рачинских будет Антон хорош, то я могу сказать без хвастовства, что он за оное нам будет обязан. К будущему году великий князь приказал ево перевести в наш баталион узнавши только что он нам родня. Да и сержанской чин столько был труден, что я принужден был утверждать высочайшую персону.

И засим простите милостивый государь батюшка, прося вашего благословения, пребыть честь имею с моим глубочайшим высокопочитанием ваш милостивый государь батюшка! покорнейший сын:

Аврам Боратынский.

Милостивым государыням тетушкам наше всенижайшее почитание свидетельствуем.

Так же и всем нашим родным со исключением тех, кто нас не любит.

Любезным сестрицам наш усерднейший поклон.

Николая Александровича поблагодарите батюшка за ево к нам письмо. Мы его вместе с вашим получили.

¹ Об отъезде младших братьев в Архангельск см. в двух предыдущих письмах.

² Воейков, Николай Александрович, Кроштафович — лица точно не установленные. Николай Александрович — может быть, Кучин, бельский родственник Баратынских; Кроштафович — может быть, Осип Константинович Кристафович. О Кучиных и Кристафовичах см. «Истинную повесть» (по указателю).

³ Михаил Константинович и Афросинья (Ефросинья) Васильевна (в девичестве Баратынская, родная сестра Андрея Васильевича) — Рачинские; их сын Антон был устроен по протекции Аврама в команду наследника.

9

10-го июня, 1792-го года. Павловское.

Милостивый государь батюшка!

Дражайшее письмо ваше я получил от 23-го мая, за которое чувствительнейше вас благодарю: так же письмо со вложением 300 р. давно прислано, но лежит еще на почте. Я за своим теперь нездоровьем не могу приехать в город; а без меня ево ни дают. К братьям я не могу их доставить: ибо их уже оно не застанет. Они в половине сего месяца отправятся в поход.

О болезни ж моей вы не сомневайтесь; она мне к здоровью послужит. Вам известная моя рана на ноги, которая еще не зажиwała. И я не радею об ней запустил ее шесть лет, и я потребовал совета у здешнего медика, то он удивился тому, что она такое долгое время не могла произвести важных следствий: ибо непременно чрез несколько времени начала б гнить кость, то бы помочь сделать не лзя было. И так собрав весь медицинский факультет зде-

ляли мне операцию разрезав больное место в доль. И теперь мне не возможно ни куда выходить — операция была в то время когда я отправил к вам письмо от 3-го числа сего месяца. Чрез шесть недель меня уверяют, что я буду здоров. И севодни 8-й день я чувствую себя лутче. Признаться должен, операция была очень больная и целую неделю разрезанная рана меня очень пугала, но теперь полегче несравненно. Его И.В. чрез день сам меня всегда навещает, и каждой день два раза присылает справляться о моем здоровье. Самые искусные доктора здесь живут нарочно для меня. И я надеюсь скоро получить совершенное здоровье с помощью Божию.

От братьев я всякую почту получаю известии они все здоровы и пишут мне, что они там так весело время проводят что они и ни когда так не проводили. От всех они там уважены и всяк на перехват их просит к себе. Сие доставил им Его И.В. Ево была рекомендация ко всем тамошним, чтоб их все принимали и ласкали. Алексашиньку не могу я взять за теперяшним моим нездоровьем — но он всякой праздник бывает на Каменном острове в знакомых мне домах.

Что ж вы изволите писать о мальчиках, то оные нам нужны. — Когда будет оказия перешлите батюшка. Правда, мне они не так нужны: ибо я имеа баталион могу хоть 30 человек выбрать себе лакеев. Но надобно и своих приучить. — И так прекращая сие, и свидетельствуя мое глубочайшее высокопочитание и преданность пребуду ваш милостивый государь батюшка! покорнейший сын:

Аврам Боратынский.

Любезным сестрицам и всем родным мое всеусерднейшее почитание.

10

Милостивый государь батюшка!

Известясь о приезде вашем я в превеликом восторге! И лишь только хотел оной севодни разделить с вами, но нечаянно попался курьер на дороге, где мне препоручено исполнять важную должность: и я не прежде как завтра в вечеру буду. Служба царская, велит восторгам моим положить время и назначить их не севодни. Я уже был в половине дороги как получил письмо от вел[икого] К[нязя] — скарай посылайте от туда Аракчеева¹, я ему всию препоручу а сам полечу туда, куда меня зовет родственная горячность. Ах, батюшка! я не верю, что б вы так близко были а вы я

думаю, совсем не воображали, чтоб по приезде своем тот час со мною не видатьца. — Мои братцы ахотники много болтать; я желею, что они всио перескажут, а мне говорить будет не чево. Правда, с Богданом никто не зговорить и от ево красноглаголения тотчас зевать захочетца, однако батюшка, вы не всему им верьте: ибо они живут в Петербурге и научились врать.

Тетушкам и сестрицам мое (я сам не знаю что?) почтение вам не нужно преданность тоже. А в усердии моем нет ни какого сомнения, то только посылаю поздравление с приездом и желаю успокоитца от понесенных трудов. На словах а не на письме я хочу приветствовать; а более всего на деле. Естли бы время мне было, то бы я всио писал; но вижу, что покончить должно и так досвидания. Праститя батюшка! по времени все к вам соберемся: а вы уже не трогайтесь с места. Я уже назначил Кам[енный] о[б]с[т]р[ов] сборным местом.

Покорнейший ваш сын, а протчим племянник и брат Аврам Боратынский.

26 декабря 1793 года. Гатчина.

Речь в письме идет о приезде Андрея Васильевича в Петербург, вместе с его сестрами (соответственно — тетушками Абрама) — Надеждой Васильевной и Еленой Васильевной.

¹ А.А.Аракчеев, бывший в 1793 г. командиром артиллерии в команде наследника.

11

Милостивый государь батюшка!

Такое долгое мое молчание мне не простительно; но я знаю батюшка, что вы мне праститя оно. Скажу вам в оправдание одно только, что у нас по четвергам бывають ученые, то после оно-го столько бываешь обезпокоен, что и не успеешь никогда написать. Но и сие мне не может послужить оправданием, а признаться, что виноват. Скажу вам еще, что была мне малинькая непогода¹; я думаю, что несколько сказал и Иван Александрович²; но то было одно искушение, что я проведал сам после, когда буря прошла. И теперь заключили мировую. Севодни у нас последние ученые: и завтра все баталионы и конница будут разпущены по своим местам. Севодни подарена мне верховая лошадь с богатым прибором, и никто не знал, как всио сие было делано и приготовлено. Я думал, что только на учење мне дано; но после учења уже сказано, что оно мне дано вовсе.

Все наши братья и сестры здоровы. Присем включаю от братьев ко мне присланное письмо, которое я получил из Ревеля. — Новостей здесь ни каких нет; поляков слышно побили³; да и в предь надеяться можно, что им не будут удачи: ибо предводитель армии Граф Румянцов известный воин и диспозитор. И так сим оканчиваю. Надеюсь, что сие письмо придет к вам в праздник Казанския Богоматери, с которым заблаговременно имею честь поздравить; а я с глубочайшим высокопочитанием и преданностию пребуду ваш милостивого государя батюшки! покорнейший сын:

Аврам Боратынский.

22-го июня 1794 года. Павловское.

¹ Речь идет о каком-то конфликте и последующем примирении с Павлом Петровичем.

² Неустановленное лицо.

³ Речь идет о польской компании 1794 г.

12

Милостивый государь батюшка!

Очень верная и скорая оказия теперь случилась писать к вам батюшка. Госпожи Швейковские кончив свое дело едут совсем в деревню. — Они будут к вам батюшка пожалуйста, будьте им ради. Мы ими как своими родными довольны; и они столько показали к нам своего усердия, что мы желаем, дабы и все так к нам расположены. Я думаю, что письмо прежде, а может быть и вместе с ними будет, то я разпространять о себе не стану. Только скажу: что мы все слава Богу здоровы. Брат Богдан ко мне опять приехал гостить, и я его опять отправляю в город. Между тем, прошу покорно вас милостивый государь батюшка, прислать мне подаренную собаку; и естли возможно, поскаряе. Я сам подарил заочно другому, то не зделайте меня батюшка лжецом. Я желал бы хоть бы вы и нарочного с нею послали, дабы мне здержать свое слово.

Так же для братьев прикажите прислать запас; он им нужен в Кронштате; а мне наливочки — протчее всио вам скажут об нас любезные наши землячки. — Засим с глубочайшим моим к вам высокопочитанием и преданностию, пребуду ваши милостивый государь батюшка! покорнейшие дети:

Аврам и Богдан Боратынские.

5-го декабря 1794 года. Гатчина.

Милостивый государь батюшка!

Приносим нашу всенижайшую благодарность, за прислание всево нам нужного; а более всего мы обрадованы были что вы батюшка слава Богу здоровы. Все посылки привезены во всей целости и сабака тоже. Я думаю батюшка, что не меньше и вы довольны, что она доставлена в целости. Я по обещанию вашему прежде, подарил ее за глаза, то мне очень бы было стыдно, естли б я обманул. Вы знаете, что я не ахотник и мне она и даром не надобна; но тому, кому я оной делаю услугу будет доволен. — Я так же (как и вы в письме своем изволите писать), заговорился много о сабаке. Но теперь и коньчу оное. О себе вам доложу: что я живу в Гатчине при своей должности. Нельзя сказать, чтоб я проводил время скучно здесь; а зделав привычку к месту не привлекает меня столица. Благодаря Бога я здоров и живу с своими приятелями мирно и дружно. Недостатку не имею в столе: ибо я получаю столько провизии придворной, что могу прокормить каждой день 20 человек. Только не мешает вам батюшка присылать побольше таких морсов, которые теперь вы прислали. Ето очень много зберегает денег. Для оного я посылаю 4 пуда сахару. И надеюсь на милостивых государыней тетушек, что они приложут свое старание в зделании оных — Реэстр присланной покупок, я посылаю к брату Богдану А[ндреевичу] и надеюсь, что всю верно будет куплено. — Я очень сожалею милостивый государь батюшка, что вы до сих пор газет не получили. Я знаю верно, что с нового году должны к вам присылаться. Я уже давно деньги послал и верно вы будете получать.

В протчем с глубочайшим моим к вам высокопочтанием, пребуду ваш милостивый государь батюшка! покорнейший сын Аврам Боратынский.

14-го генваря 1795 года. Гатчина.

Милостивым государыням тетушкам и милинькой любезной сестрице мое всенижайшее почтение свидетельствую.

Милостивый государь батюшка!

Сверх чаяния нашего видим мы в наших краях сестру Марфу Александровну¹. Состояние ее прежалкое; но мы все силы употребим облегчить ее несчастный жребий.

Письмы ваши батюшка чрез сестру получили за которые чувствительнейше вас благодарим, за редкость нашу в писании вы правильно на нас взыскиваете, и мы в том виноваты и не приносим ни какого оправдания: но мы надеемся, что вы по великодушью своему нас праститя.

Вы сомневаетесь о брате Петре Андреевиче. Он слава Богу так здоров стал как и я что засвидетельствует и сестра Марфа А. Только я не знаю, дождусь ли я его, чтоб он в сем же письме вас сам уверил. Он уехал на рыбную ловлю, то и потому можно судить, что больной больше всего воды боится.

От братьев морских² мы частые получаем известии и севодни получили из Копенгагена, которые в оригинале при сем и посылаем. Протчие наши все здоровы и благополучны; только то для нас не радостно и неприятно, что мы слышим что вы батюшка не очень здоровы. Естли различие и отдалионность наша тому причинею, то вы (проститя мне батюшка что я скажу) грешите против Бога. Не знаю, что будет в предь и естли всемогущая рука Божия от нас отнята не будет, то вам надобно веселится и благодарить Создателя за такие к нам Его щедроты. К вам я слышу слухи частые доходят об нас с других завистливых сторон пожалуйте батюшка не верьте, я вас не стану обманывать. Точно противное со мною, что вам сказывают. Я не желаю больше быть в милости у Государя, как теперь я нахожусь.

Я к вам и не писал, что братьям Его высочество подарил в дорогу серебряной сервиз. Он точно их так отправил, как отцу должно снарядить детей родных; да еще чайной и кофейной прибор такой же и всем чем только можно и нужно. То и сие доказательством вам служит, что мы не нещастны.

Я не хочу долго об оном и разпространять к убеждению вас, надеюсь, что вы и без тово поверить мне можете. — И засим с глубочайшим моим к вам высокопочитанием пребуду ваши милостивый государь батюшка! покорнейшия дети

Аврам Боратынский и Петр Боратынский.

18-го июля 1795 года. Гатчина.

Слыша от сестры Марфы А. сумнение ваше милостивый государь батюшка обо мне, что вы уже начинаете считать меня не в живых, я крайне сим огорчаюсь что могли вас милостивый государь довести до такого сумнения; но я совсем напротив после моего многого терпения от простуды, я теперь слава Богу чувствую более прежнего себя здоровым, и теперь находясь на рыбной ловле, где ожидаю к себе брата с гостями и при том радуюсь, что могу вам несколько строк еще после брата приписать; и всию сие мо-

жет кажитца вам служить доказательством, в моем здравье, с моим должным высокопочитанием навсегда пребыть честь имею милостивый государь батюшка! ваш покорнейший сын

Петр Боратынский

¹ Неустановленное лицо.

² Богдан и Илья, отправленные Павлом Петровичем в Англию в начале лета 1795 г.

15

Милостивый государь батюшка!

Дражайшее письмо ваше и деньги мною получены. Чувствительнейше благодарю вас милостивый государь, за то и за другое. Я уже писал к вам, что они мне не так нужны, но я употреблю их не без пользы. — Все то, что вы пишете в своем письме, я не смею ничево опровергнуть; и оно так справедливо, как самая истина! Точно те самые причины, заставили меня теперь несколько времени недостаток¹. Но вы не сомневайтесь батюшка, чтоб я себя разстроил. Правда, что я и теперь мало имею; но к времени надобному мне, я получу свое. И отложите свое попечение о брате и сестре², с помощью Божию, я с ними справлюсь.

Вы пишете батюшка, чтоб нам быть к выбору³; охотно бы ради были поспешить туда: но вы знаете, что в его время сестра выйдет⁴; то одно другому можно предпочесть. А между тем мы просим всенижайше нашу любезную тетушку Надежду Васильевну⁵, чтоб она к нам приехала к новому году. Я уверен, что она по своей любви к нам не отречется сделать сего путешествия для Машурочки⁶; а без того никак нельзя будет. Сестру надобно взять родственнице а не родственнику — и так милостивая государыня тетушка! прикажите ка печь исушки да баранки да привозите нам наливочки так мы и попьем во славу Божию и родительскую, да с вами вместе и пустимся к своей родимой сторонушке. — Без шуток матушка тетушка! собирайтесь. А батюшку уже оставим дома нас ждать к себе. Тут у вас и невест посмотрим, естли паче чаяния ктонибудь из нас прежде не женитца, ведь нас пятеро; всио еще двух не будет доставать⁷...

Севодни я получил известие, что флот из Англии пришел; но братья остались там (ибо им должно более быть) я еще не получил от них писем, только знаю от курьера что брат Богдан в Северном море а Илья уехал в Северную Америку. Сие для них довольно выгодно. Их не ранее ждать надобно, как чрез 2 года.

И так прекращая с моим к вам всенижайшим высокопочитанием и преданностью пребуду ваш милостивый государь батюшка! покорнейший сын

Аврам Боратынский.

16 ч[исла] октября 1796 г. С.Петербург.

Всем моим родным /.../ мой усерднейший поклон.

Вам хочетца знать батюшка где я нахожусь. Я в щетной экспедиции в месте довольно спокойном. Мундир я ношу по желанию. Могу носить флотской белой или свой прежней; но я ношу прежней, а между тем нахожусь я в списке армейском и в обеих местах мое старшинство идет и когда вздумается, то я могу быть и в арми что и исполню, как скоро получу мои деньги из коллегии.

¹ Речь идет об опале, постигшей Аврама в марте 1796 г.

² Имеется в виду содержание Александра Баратынского в Кадетском корпусе и Марии Баратынской в Смольном.

³ В начале 1797 г. должны были состояться выборы Андрея Васильевича в уездные предводители Бельского дворянства.

⁴ Мария Баратынская в феврале 1797 г. была выпущена из Смольного.

⁵ Родная сестра Андрея Васильевича.

⁶ Мария Баратынская.

⁷ Богдан и Илья Баратынские находились в плавании (см. о них далее в этом же письме).

16

Милостивый государь батюшка!

Я вас уведомляю о том, о чем вы я думаю известны по газетам, я получил полк лейбгранодерской в свое командование, и весьма доволен сею милостию Государя. Извините меня, что я к вам долго не писал; все сие время проведено было в принятии полка, который я уже принял и нашел его очень в хорошем состоянии. Чрез 3 дни я отправляюсь в Лифляндию; буду в Курляндии и Эстляндии. Я назначен инспектором сей дивизии; и чрез месяц буду назад. Я живу в Петерб[урге] в Офицерской улице в доме Милисина¹ и дом имею пространный и довольный. Не успеваю больше писать; с моим к вам высокопочитанием и преданностью пребуду покорнейший сын

Аврам Боратынский.

Василий Андреевич Жуковский

Елизавета Алексеевна Жуковская (урожд. Рейтерн)

Михаил Петрович Загряжский

Николай Михайлович Карамзин

Екатерина Ивановна Нелидова

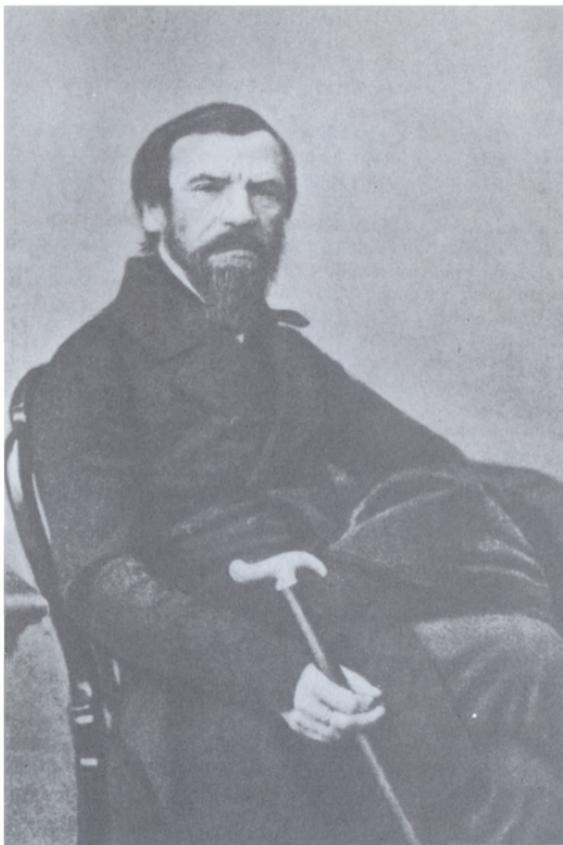
Евгений Абрамович Баратынский

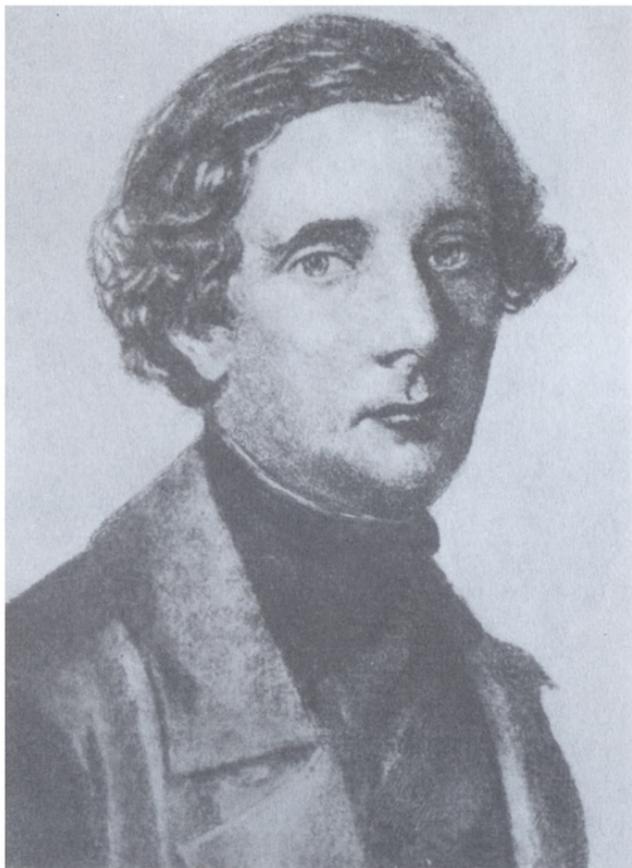
Димитрий Иванович Хвостов

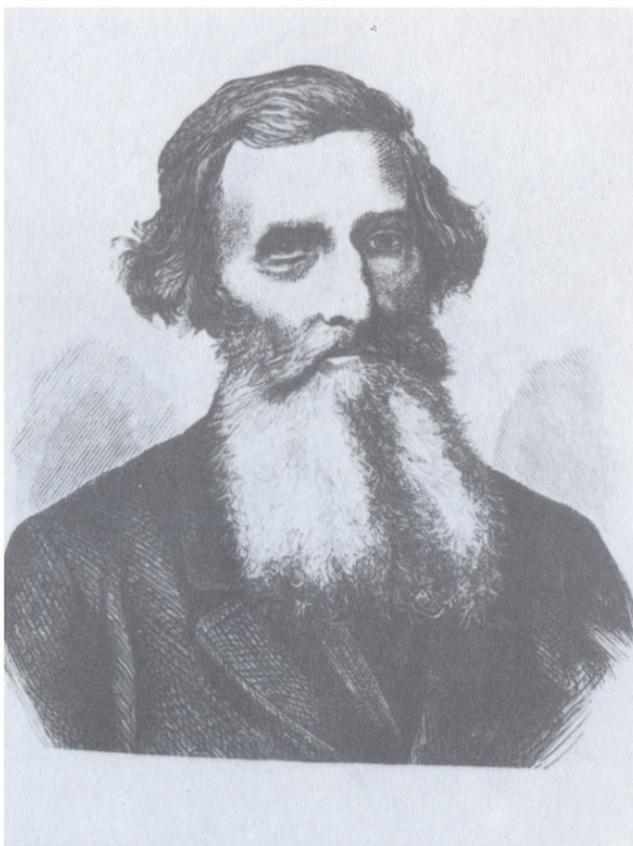
Иван Васильевич Киреевский

Михаил Петрович Погодин

Владимир Иванович Даль (ок. 1830)

Владимир Иванович Даль (1860-е)

Степан Петрович Шевырев

Александр Фомич Вельтман

Лев Александрович Перовский

Николай Иванович Греч

Фаддей Венедиктович Булгарин

Любезным моим сестрицам мой искренний поклон. От Черепановой² тебе сестрица великие пени. Я уже от нее бегаю, зделай дружбу, пиши к ней. Она тебя сердечно любит /.../
12 июня 1797 г. С.П.бург³

¹ Видимо, в доме, принадлежавшем П.И.Мелиссино.

² Александра Федоровна Черепанова, подруга Марии Баратынской, будущая жена Абрама.

³ Дата находится в приписке другого лица.

17

Нарочного к вам милостивый государь батюшка посылаю с сим письмом. Зделайте милость пришлите все документы старинные о нашей фамилии. Самая нужнейшая будет та картина, которая есть в Шевякове. — Нужды нет, что надписи на оной на польском языке, пришлите без перевода. — Между тем, если верного и обстоятельного нет щисления у вас, которой наш предок выехал из Польши, пришлите свое, сколько вы помните. — Мне помнится, что по нашему исчислению должен быть выехавшей Иван Петрович дед Василья Павловича¹; но по мнению моему кажется, что выехал еще отец Ивана Петровича. — Словом все то, что можно обстоятельно дать сведение, вы нам пришлите с сим посланным. — Фамилия наша уже выведена; только сих времен нельзя отыскать; а первоначальное ея происхождение уже известно, и довольно для нас выгодное. — Только постарайтесь взять ту картину, где всех наших потомков видеть можно будет. — Она стаивала в Шевякове в снях, но она очень нужна будет для разбирательства. Теперь другое.

Вскоре по отъезде брата Богдана в деревню, мы получили от вас батюшка известие, что сестру нашу² сватает г.Аршеневский. — Во всех нас воля ваша; но впротчем, вы сами батюшка будете согласны, что она имеет вторую у себя мать Екатерину Ивановну³; и все то, что другие находят в ней достойного любви, она всем сим обязана ей: то без ея на то согласия нам будет грешно располагать ея жребием. — Я получил и от самого его тоже; ей самой сие приносит честь, что она внушила собою такие хорошие чувствования в других; однакож и таво забывать не надобно, кто ей все сие доставил? — Виновница всему ея и наша тетушка⁴. — Между тем етим еще спешить не для чего; их обеих лета такие, что есть время подумать обстоятельно «не только свету что в окне» —

пусть они посмотрят свет со всех его сторон; пять аргусов⁵ довольно будет им для усмотрения всех их поступков. Тогда они увидев то и другое, сами себе изберут, что им за благо рассудится — и я уверен, что они в выборе, с помощью своих искренних братьев, не ошибутся. — Вот мнение всех нас общины. — Впрочем, во всем воля ваша. — А я с глубочайшим к вам высокопочитанием пребуду покорнейший сын:

Аврам Боратынский.

31-го августа 1797 года. С.П.б.

При сем посылаю незапечатанный ответ на письмо Аршеневского.

В первой части письма речь идет о хлопотах, связанных с внесением фамилии Боратынских в дворянскую родословную книгу; о какой картине просит Андрея Васильевича Аврам, неясно.

¹ Иван Петрович Боратынский перешел на русскую службу из Польши при Алексее Михайловиче, который дал ему во владение Голощапово. Иван Боратынский умер, оставив Голощапово сыну Павлу. У Павла Боратынского было две дочери — Мария (р. ок. 1704) и Агафья (р. ок. 1707) и два сына — Яков (р. ок. 1704) и Василий (р. ок. 1714), отец Андрея Васильевича и дед Аврама.

² Речь идет о Марии Баратынской.

³ Нелидова.

⁴ Нелидова.

⁵ Имеются в виду пять старших братьев Боратынских.

18

Милостивый государь батюшка!

Сколько не употребляли мы сил устоять в своем слове быть к вам батюшка на лето; но все наши предприятия без действия остались! И подумать не возможно просится летом в отпуск. Я видя над другими пример никак не осмелился и рта разинуть. Быв сам с начала исполнителем сего порядка и мне же самому оный нарушить ни как не возможно! А особливо, и незнанием отговориться нельзя. — И так, с прискорбием души извещаю вас батюшка чтоб вы нас не ждали до глубокой осени. — Два дни тому как я отправил троих¹ в паход. Правду сказать ето не паход, а прогулка. Они отправились на фрегате Эммануиле в Ревель, где будут дожидаться Императора и оттуда опять назад будут. Когда б всем такие паходы были, нельзя бы жаловаться на трудность.

Скажу вам еще батюшка: когда мы посвятили себя службе, то уже ни как не лезя от нее ни на шаг отставать. У меня полк такой, которой требует без престанного над собою бдения, также и протчим нашим всякому в свою очередь достается смотреть. Я пишу сие для того, что может быть и в осень мы вам солгать можем: то батюшка вернее то будет, естли вы к нам приедите без всяких зборов выбрав хорошенькую дорожку. К сентябрю все мы будем в зборе. Может быть и не так долго мы будем наслаждаться сим счастьем, что мы все вместе. Мы и до сих пор чудом почитаем, что будучи все разных служб и Судьба нас не разлучает!

Теперь остается мне сказать вам про всех вдруг, что все наши здаровы; а в одном месте четверо жить остались. Трое в походе, сестра Катинька в пансионе а мы остальные с глубочайшим нашим к вам высокопочитанием и преданностию пребудем покорнейшие дети:

Аврам, Александра², Александр и Марья Боратынские.
28-го мая 1798 года. С.П.б.

¹ Имеются в виду Петр, Богдан и Илья Боратынские.

² Александра Баратынская (Черепанова) — жена Аврама.

Тому 5 дней милостивый государь батюшка как я прогнал от себя Мишку дав ему пашпорт для проходу к вам. Я ево для того туда послал, что он годится в зачет там вам; и прошу вас батюшка, ради Бога его не держать. Он преопасный человек он меня обокрал слишком на тысячу рублей во время моего вояжу и везде тянит, где только ни попадетсЯ. Вы увидите его всегда в вечерне и заутрени, что он и здесь всегда делал; но ето маска, чтоб всех обмануть. — И так зделайте милость батюшка збудьте сего гнусного и мерзкого человека.

Мы были очень больны с женою и так случилось, что оба разом. Прежестокая зделалась у обоих лихорадка, а тогда, когда мы были в нерешимости, что нам делать и как себе помочь надобно ж к счастью, в самую ту пору приехать Ивану Егоровичу¹ из Риги. Он так в пору приехал что нельзя лутче, и не дал нам долго лежать. Теперь уж неделя как мы совершенно здаровы.

У нас началась весна очень хорошо, но так подгадила тому 5 дней что хуже нельзя. Такой был мороз, что не только яровое, но и рожь во многих местах побил. Хоть мы потерпели очень и

очень много, но всio не так, как прочия селения. Половину я успел опять засеять, другая половина благодаря Бога уцелела, и это такое чудо, что я до сих пор не знаю как о том подумать, что у нас у одних меньше побило нежели у других. — Один малинькой пример скажу о морозе, каков он был жесток, что у 4-х помещиков в оранжереи за стеклами побило все деревья персиковые, абрикосовые и вишневые, в парниках всю зелень, лист на деревьях, кроме берез, весь побило. — Сверх оногo дождей совсем нет даже и росы. Удивительная стоит погода! — На всio надобно терпение; с ним всio преодолееш. Вот уже 4-й год, как к терпению привыкаю.

Я слышу, что вы к нам не будите. Я уже не смею еще повторять вам об оном. А надобно б когда нибудь батюшка взглянуть на здешнюю сторону; но только летом, а не зимой. Что наша жизнь в разноту? тогда только и совершенное благо когда вместе. Я вас уверяю, что вы здесь никогда не увидите таких сцен какие вы видели когда мы были вместе². Я сии дни изключаю из жизни моей и дай Бог, чтоб они были последние в ваш и мой век. С глубочайшим нашим к вам высокопочитанием и преданностию пребудем покорнейшие дети:

Аврам и Александра Баратынские.

3 мая 1802 года.

Любезному брату и милым сестрицам³ наш усердный поклон.

¹ Крестный отец Евгения Баратынского (фамилия не установлена).

² Речь идет о ссоре, из-за которой в начале 1799 г. Аврам уехал от отца из Голощапова в Вяжлю.

³ Брат и сестрицы, находившиеся в 1802 г. у Андрея Васильевича, — Александр, Мария и Екатерина Баратынские.

20

1 сентября 805 года. [Мара].

Мы получили милостивый государь батюшка дражайшее ваше письмо сего числа, душевно был обрадован оным. — Дражайший батюшка! Не причините долгое мое молчание чему нибудь; я болен был 4 месяца и теперь еще очень слаб — вы видите и по руке моей, которая едва двигается по бумаге; но благодаря Бога я уже 4-й день встал с постели, и только слабость во мне осталась.

Я еще вас не благодарил за присылку к нам милой сестры Каточки¹. Мы ей все душевно были обрадованы, и естли б только

можно было, я просить буду ея, чтобы она хоть одну зиму у нас прожила.

Братья здесь и ахотютца² с сабаками, и у нас только недавно сделалось время хорошо; проливных дождей и здесь ни кто не запомнит да еще с прибавкою с градом у нас до 300 десятин выбило гороху гречи овса и ржи град был пресильной 21 июля, которой кроме того не оставил у нас ни одного стекла живого в доме, словом: урожай, кроме ржи весьма плох; по крайней мере, будем продавать нонечи не в 9 мер четверть а в 8.

Я не могу больше писать от слабости моей — и так простите дражайший батюшка а мы с глубочайшим нашим к вам высокопочитанием и преданностию пребудем покорнейшие дети

Аврам и Александра Баратынские.

Дети наши слава Богу здоровы и целуют ваши ручки. — Милостивым государыням тетушкам Анне Васильевне и Надежде Васильевне³ свидетельствуем усерднейшее почтение.

¹ Сестра Аврама Андреевича Екатерина Андреевна.

² Кто именно из «морских» братьев приезжал в это время охотиться в Мару — неясно.

³ Сестры Андрея Васильевича.

II. ВОСПОМИНАНИЯ Н.В.ПУТЯТЫ О Е.А.БАРАТЫНСКОМ

Поэт Евгений Баратынский был старшим сыном генерала Аврама Баратынского. Он родился 19 февраля 1800 г. в усадьбе Мара, под Кирсановом Тамбовской губернии. Рос в ласке и неге. С 12 лет начал отдельную от родного крова жизнь — в Петербурге, в Пажеском корпусе, одном из самых престижных учебных заведений. Внутреннее сопротивление школьной неволе скоро сделало его почти сорванцом, в 1814 г. он был оставлен на второй год, а в феврале 1816 — вместе с другом-пажом похитил у одного камергера несколько ассигнаций и табакерку, за что был исключен из корпуса без права вступать в иную службу, кроме солдатской. Два с половиной года он провел на попечении родственников — те искали способ добиться высочайшего прощения. Ничего не вышло, и, вернувшись в Петербург, Баратынский вступил в феврале 1819 г. рядовым лейб-гвардии в Егерский полк: надо было выслуживать офицерский чин, который восстановил бы его полностью в дворянских правах.

Правда, формально он не был лишен дворянства; но копий с дворянского свидетельства, оставшегося в корпусе, ему не выдавали, что сулило в будущем серьезные бытовые проблемы (при женитьбе, при разделе имущества и т.п.). Разумеется, получение офицерства означало и моральную реабилитацию. В Петербурге Баратынский познакомился с А.А.Дельвигом, А.С.Пушкиным, В.К.Кюхельбекером, В.А.Жуковским; его стихи появились в столичных журналах; и через 2-3 года он стал в глазах читающей публики одним из лучших русских поэтов. В январе 1820 г. его перевели унтер-офицером в Нейшлотский пехотный полк, расквартированный в Финляндии (разжалованных в солдаты производили сначала в унтер-офицеры, и лишь после они могли претендовать на младший офицерский чин прапорщика).

Перевод в Финляндию был подготовлен, видимо, родственниками Баратынского — командовал Нейшлотским полком Г.А.Лутковский, его троюродный дядюшка. Все надеялись, что Баратынский пробудет в Финляндии недолго. В конце 1820 г. Лутковский представил его к производству в прапорщики. Но Александр I, против ожидаемого, отказал. С той поры, в течение 4-х с лишним лет за Баратынского усиленнее хлопотали, но только в апреле 1825 г. император подписал указ о его производстве в офицеры. Время это было тяжело для Баратынского не солдатчиной (от службы его уберег Лутковский) и не удаленностью от столицы или от родных степей (из 64 унтерских месяцев — 28 в общей сложности он провел в Петербурге и в Маре), а отсутствием определенности в жизни, ибо срок его пребывания в унтер-офицерах полностью зависел от благоволения Александра I. Осенью 1825 г. прапорщик Баратынский отправился в отпуск в Москву, где жила тогда его маменька. Здесь его застало известие о 14 декабря. Воспользовавшись смутным временем, он подал в отставку. В Москве в июне 1826 г. он женился, и дальнейшая его частная жизнь не заполнена событиями, достойными общественного запоминания, кроме выпуска в свет трех собраний стихотворений («Стихотворения Евгения Баратынского» — в 1827 и в 1835 гг. и «Сумерки» — в 1842 г.) и трех отдельных изданий поэм («Эда и Пиры» — 1826 г., «Бал» — 1828 г., «Наложница» — 1831 г.). У него родилось 9 детей (двое умерли в малолетстве). Со времени переезда в Москву он выбрался в Петербург лишь однажды — на три недели — в 1841 г., зато несколько раз выезжал — и один, и с семейством — в казанское имение тестя — Каймары и на родину — в Мару. Во второй половине 1830-х годов он почти полностью переселился в подмосковную — Мураново. Осенью 1843 г. вместе с женой и старшими детьми он отправился путешествовать за границу и в Неаполе скоропостижно умер 29 июня 1844 г. (по европейскому календарю — 11 июля).

***

«Весною 1824-го года, Финляндский генерал-губернатор А.А.Закревский делал инспекторский осмотр некоторым войскам, расположенным в Финляндии, и в том числе Нейшлотскому пехотному полку, в котором Е.А.Баратынский служил в это время унтер-офицером. Смотр происхо-

дил близ г. Вильманстранда, на берегах пустынного озера. Я шел вдоль строя за генералом Закревским (у коего был адъютантом), когда мне указали Баратынского. Он стоял в знаменных рядах. Баратынский родился с веком, следовательно, ему было тогда 24 года. Он был худощав, бледен, и черты его выражали глубокое уныние. В продолжении смотря я с ним познакомился и разговаривал о его Петербургских приятелях»¹. Так состоялось знакомство Н.В.Путята с Е.А.Баратынским.

Николай Васильевич Путята был моложе Баратынского на два года. Он родился 22 июля 1802 г. в семье старинных смоленских дворян. Отец его, Василий Иванович Путята (1778-1843), известен в истории войны 1812 года тем, что во время следования действующей армии был «назначен Главным смотрителем в учрежденных Гошпиталях от г.Вязьмы и находился для призерния и упокоения раненых и больных как от Вязьмы до Москвы, так и в Москве, и потом в Касимовском Военном Гошпитале»². С 1824 г. Василий Иванович — генерал-кригс-комиссар Главного штаба. По материнской линии Н.В.Путята был в родстве с семейством Пашковых. На Чистых прудах, в доме Ивана Александровича Пашкова, он получил начальное воспитание, до своего поступления в муравьевскую школу колонновожатых. Находясь в дружбе с сыном основателя этой школы Н.Н.Муравьева — Андреем Николаевичем, Путята постоянно бывал в кружке его вопитателя, поэта С.Е.Раича, жившего в доме Муравьева на Дмитровке. В воспоминаниях о А.Н.Муравьеве Путята писал: «С.Е.Раич, для поощрения своего ученика, завел у себя литературные вечера, на которые раз в неделю собирались молодые люди, большею частью из воспитанников Университета и его пансиона, и некоторые из принадлежавших к учебному заведению Н.Н.Муравьева. В числе их были: М.П.Погодин, С.П.Шевырев, Д.П.Ознобишин, В.П.Титов, А.И.Кошелев, кн. В.Ф.Одоевский, магистр или кандидат Оболенский, Петр Ив. Колошин, Н.П.Крюков, С.Д.Полторацкий и др.»³.

По окончании школы колонновожатых Путята выпущен в марте 1820 г. прапорщиком в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В 1823 г. он был формально зачислен в лейб-гвардии Конно-егерский полк, а фактически определен адъютантом финляндского генерал-губернатора А.А.Закревского. 13 июля 1826 г. Путята стал очевидцем казни декабристов, и об этом составил небольшую заметку⁴. Он участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и, состоя при графе П.П.Палене, дошел до Адрианополя. Сохранилось его восторженное письмо оттуда к Баратынскому от 30 августа 1829 г.; по совету Баратынского Путята отдал его в «Литературную газету», где оно и было напечатано в 1831 г.

В холерный 1830 год Путята сопровождал А.А.Закревского (в ту пору министра внутренних дел) в его поездке по губерниям, когда тот должен был устраивать больницы, помогать страждущим и оберегать от

¹ Рус. архив. 1867. №2. С.263.

² Аттестат о службе В.И.Путята. — РГАЛИ. Ф.394. Оп.1. Ед.хр.206.

³ Рус. архив. 1876. №7. С.357.

⁴ Там же. 1881. №2. С.346.

заразы еще здоровые местности. В 1831 г., после отставки Закревского, Путята также покинул Финляндию, переехал в Петербург и поступил в статс-секретариат Великого княжества Финляндского. В 1837 г. он породнился с Баратынским, женившись на младшей сестре его жены — Софии Львовне Энгельгардт (1811-1884). Когда в 1846 г. В.Ф.Одоевский образовал Общество посещения бедных в Петербурге, Путята стал его деятельным участником. Последние 20 лет своей жизни — а умер он 29 октября 1877 г. — Путята жил в Москве.

В 60-70-е годы Путята был одним из постоянных сотрудников журнала «Русский архив», помещая здесь свои заметки и воспоминания о людях времен своей молодости. Он не стал «профессиональным» мемуаристом, как, например, П.А.Вяземский или М.А.Дмитриев.

Почти всегда Путята был нужен повод, чтоб что-то написать, и очень достойный повод — чтоб напечатать. Когда в публикациях о покойном А.Н.Муравьеве появились «разногласные и неточные показания», Путята отвечает на них отдельной мемуарной заметкой⁵. Когда В.П.Гаевский приписывает стихотворение Баратынского «Леда» Вяземскому, Путята спешит это опровергнуть⁶. Когда В.И.Панаев грубо и цинично пишет о юности Баратынского, Путята немедленно защищает память друга⁷.

Путята берег каждую записку Баратынского, письма его вклеивал в свои тетради и сопровождал примечаниями. Публикация писем Баратынского к Путяте в «Русском архиве» 1867 г. — лишь небольшая часть сделанной им работы. Примечания его к этим письмам⁸ — важнейший материал для биографии Баратынского. Однако отнюдь не все, что мог бы объяснить и прокомментировать Путята, отражено в публикации «Русского архива».

Краткие его заметки о Баратынском, которые публикуются ниже, были начаты в 1844 г., в год смерти Баратынского. Спустя некоторое время Путята вернулся к ним, внес небольшие дополнения и поправки (они отражены в примечаниях к настоящей публикации), но так и не закончил. Заметки эти написаны несколько отстраненно. Их писал не бывший адъютант финляндского генерал-губернатора, знавший Баратынского еще в несчастное время унтер-офицерства поэта, не пылкий некогда поклонник жены финляндского генерал-губернатора — Аграфены Федоровны Закревской, влюбленный в нее одновременно с Баратынским в середине 1820-х годов, не родственник, хлопотавший об имении и долгах. Путята хотел в первую очередь напомнить о поэте.

Баратынский, познакомившись с Путятой 24-25 мая 1824 г., до октября даже не знал имени молодого адъютанта. Затем, прожив с ним на одной квартире несколько месяцев в Гельсингфорсе, очень к нему при-

⁵ Рус. архив. 1876. №7. С.357.

⁶ Там же. 1864. Изд. 2-е. М., 1865. Стлб.1056-1057.

⁷ Там же. 1868. №1. Стлб.146.

⁸ Современное издание этих примечаний см. в кн.: Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников./ Подгот. текстов С.Г.Бочарова и Л.В.Дерюгиной. М., 1987. С.351-354. Далее это издание сокращенно именуется: Изд. 1987.

вязался и, когда тот уехал в феврале 1825 г. в Москву, писал ему, что гельсингфорские воспоминания заполняют пустоту его жизни⁹.

1825 год внес отрядные изменения в судьбу Баратынского. Указ императора о производстве его из утер-офицеров в офицеры привез из Петербурга в Финляндию именно Путята. В январе 1826 г. Баратынский получил увольнение от службы и, женившись, в своем московском семейном быту быстро растерял друзей. Путята становился ему дороже и ближе с каждым годом. Это был человек, с которым «можно вспомнить старину и подышать ею»¹⁰ и которому можно «сказать: "помнишь?"». «Женатые люди, — писал Баратынский Путяте, — имеют более нужды в дружбе, нежели холостые»¹¹.

После женитьбы Путяты на С.Л.Энгельгардт Баратынский управлял их общими «Энгельгардтовыми» имениями. Весной 1842 г. семья Путяты отправилась в путешествие по Италии. Они оставили своих младших детей у Баратынских. Путята рассказывал о своих впечатлениях в «подробных и занимательных письмах»¹². Баратынский в ответах — о домашней жизни и детях. По возвращении семейства Путят и Баратынские собрались за границу. Перед отъездом, осенью 1843 г., они увиделись в последний раз.

Текст воспоминаний Н.В. Путяты печатается по автографу РГАЛИ (Ф.394. Оп.1. Ед.хр.41. Л.21-24) с частичным сохранением авторской орфографии и пунктуации. Разночтения в фамилии Баратынского оставлены в данной публикации без изменений.

***

Литература наша понесла и в нынешнем году горестную, незаменимую утрату. Представители ее блестящей эпохи в прошедшем сорокалетии быстро сходят с земного поприща. Давно ли Грибоедов, Пушкин, Лермонтов угадали в полной силе лет и таланта, унеся с собою богатые, невозвратимые надежды. Гибельная умственная болезнь, развившаяся под цветущим небом Неаполя, прекратила преждевременно очаровательные звуки Музы Батюшкова. Под этим же небом, столь кажется неблагоприятным для наших Северных певцев, скончался Баратынский 29го прошлого Июня.

Е.А.Баратынский родился с веком, 19го Февраля 1800 г. Страсть и способности к Поэзии обнаружилились в нем с ранних лет,

⁹ Рус. архив. 1867. №2. С.266.

¹⁰ Там же. С.279.

¹¹ Там же. С.278.

¹² Там же. С.284.

но необыкновенное, можно сказать, болезненное чувство скромности, сохранившееся во всю жизнь, долго не позволяло ему явиться на суд публики, испытать ее приговора. Вероятно, он навсегда бы укрылся от ее внимания, если б один из друзей его, Барон Дельвиг, не напечатал без его ведома одну из его первых пьес¹. Баратынский часто вспоминал о том тягостном впечатлении, которое произвело в нем это неожиданное появление его стихов, и говорил, что никакой впоследствии успех не мог выкупить этой мучительной минуты. Первоклассные литераторы наши того времени Карамзин, Жуковский, Крылов, Гнедич приветствовали талант Баратынского с благосклонностью, с душевным радушием. Особенно Жуковский полюбил и Поэта и произведения его и принял горячее, сердечное участие в его судьбе².

С Пушкиным они подружились рано³. Многие места в стихотворениях Пушкина свидетельствуют об этой дружбе и как он высоко ценил поэтическое дарование Баратынского. Публика также приняла первые произведения нашего молодого Поэта с восхищением и похвалами.

Неблагоприятные обстоятельства забросили Баратынского на службу, в Финляндию⁴. Разлука с родиной и с близкими сердцу, уединенная жизнь в стране чуждой по языку и по обычаям, имевшей в то время, лет около 25 тому назад, мало сношений с столицею, самая природа, его окружавшая, величественная и оригинальная, но угрюмая и дикая, все это усилило меланхолическое расположение души Баратынского. Это расположение сильно отозвалось в его произведениях, но элегический тон его был верен и самобытен⁵. Баратынский не увлекался в этом модою, требованиями тогдашней публики и современным направлением. В элегиях его ничего нет неопределенного, туманного и безотчетного. Грусть выражалась в его Поэзии потому, что он глубоко чувствовал и подвергал чувство анализу ума, так сказать, анатомировал его, а сердце человеческое, обнаженное таким образом, не могло не представить ему печальных истин. Он не предавался отчаянию и не унывал духом. Его подкрепляла живая вера, вера в искусство, в Поэзию, которую он любил для нее самой без всякой примеси тщеславных помыслов и которая служила ему заменою всех благ земных⁶.

Я, не внимаемый, довольно награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами⁷.

Угнетаемый судьбою, он не ропщет на нее, напротив. Посмотрите, как в пьесе Отъезд он прощается со страной, где провел, можно сказать, в изгнании большую часть своей молодости.

Я вспомню с тайным сладострастьем
Пустынную страну,
Где я в размолвке с тихим счастьем
Провел мою весну,
Но где порою житель неба,
Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни Музам, ни себе⁸.

Прочтите еще в подтверждение этого прекрасные стихи в Послании Гнедичу:

Судьбу младенчески за строгость не вина
И взяв с тебя пример, поэзию, ученье
Призвал я украшать свое уединенье.
Леса угрюмые, громады мшистых гор,
Пришельца нового пугающие взор,
Чужих безбрежных вод свинцовая равнина,
Напевы грустные протяжных песен финна
Надолго, помню я, в печальной стороне
Печаль холодную вливали в душу мне.

Я победил ее и не убил неволей,
Еще я бытия владею лучшей долей,
Я мыслю, чувствую: для духа нет оков и пр.⁹.

Мысли и чувства свои Баратынский облакал стихом гармоническим, необыкновенно метким и выразительным. Его Элегии и Антологические пиесы, доставившие ему особенно известность, останутся у нас образцовыми. В эту эпоху своей молодости он написал еще веселую, своенравно шутливую Поэму Пирей¹⁰. Также перевел трогательную Повесть Графа Кс. де Местра *Le Lépreux de la Cité d'Aoste* и многие места из Шатобриана. Эти переводы, сделанные им для упражнения, были напечатаны без его имени в одном из издававшихся в то время журналов¹¹.

До 1825 г. Баратынский продолжал постоянно службу в Финляндии, изредка посещая Петербург, где находил радушный приют у друзей своих Барона Дельвига, Плетнева и проч.

В следующем году он был произведен в Офицеры¹², уехал в отпуск в Москву, для свидания с родственниками, и скоро потом, вышед в отставку, поселился там. Сделавшись счастливым семьянином, он проводил время попеременно в разных промежутках то в Москве, то в деревне. В 1826 г. вышли первая Поэма его Эдда, произведение столь замечательное простотою своею, увлекательным чувством, точностию и живостию местных красок, а в 1827 г.

первое издание его Стихотворений. Большая часть пьес, помещенных в этом издании, была написана во время пребывания в Финляндии. Но умственная деятельность Баратынского нисколько не дремала в последнюю, благоприятную для него эпоху его жизни. Воспитанный, как большая часть современников его, на французской литературе прошедшего столетия, он чувствовал необходимость довершить свое образование постоянным чтением. Отчетливый и аналитический ум его помог ему скоро ознакомиться со всеми современными вопросами и стремлениями мысли. Между тем талант его мужал. Превосходное стихотворение его: На смерть Гете было блестящим тому доказательством. Вторая Поэма его Бал вскоре последовала за Эддою, и явилась вместе с Графом Нулином Пушкина. В 1831 вышла третья его Поэма Наложница, которую он после назвал Цыганкою и которая носит на себе все признаки художественной зрелости, где самые обыкновенные явления в жизни действительной получают характер глубоко поэтический, где такие верные создания характеров, как Сара и проч. Сравните издание Стихотв[орений] Баратынского 1835 с первым, и вы увидите, что упрек в бездействии и усыплении, коим многие его обременили, несправедлив. Правда, что последние его произведения принимались публикою с большим и большим равнодушием, а критиками с явною неблагоклонностию и невниманием. Пушкин постарался объяснить причины всему этому в прекрасной статье, оставшейся в его записках и напечатанной в томе его сочинений¹³. В этой статье он достойно и верно оценил Баратынского. Верен ли суд современников о писателях — этого вопроса мы не касаемся; но нельзя сказать о Баратынском, что он остановился на одной точке после первых пьес его молодости, имевших столь блестящий успех. Последующие произведения его отличаются как зрелостию мысли, так и необыкновенною точностию выражения, будучи согреваемы при этом теплым, поэтическим чувством. — Таковы, например: На смерть Гете, Последняя Смерть, Мадона и проч. В это время прозою написано им, кроме предисловия к Цыганке, содержащего рассуждение о нравственности в литературе, маленькая Повесть Перстень¹⁴.

Последние годы Баратынский почти исключительно жил в деревне в семейном кругу. Любовь к уединению, ничтожество светских отношений, всегда его тяготивших, зависть, всегда внушаемая человеком, выходящим из круга обыкновенных людей, а более всего независимость его литературных мнений, никогда не подчинявшаяся духу партий и отвергавшая Поэзию как средство, заставили его сосредоточиться в семейном быту, куда влекло его сердце, искавшее прямых, нежных отношений. К тому же попе-

чение о детях, столь тяжкие для непривычного заботы о сохранении и устройстве состояния.

В начале Сентября 1843 г., приведя в порядок и устроив свои домашние дела, Баратынский мог осуществить давно мечтаемую им поездку за границу. Он приехал сперва в Петербург на короткое время. Отсюда отправился сухим путем чрез Берлин, Дрезден и Франкфурт в Париж. Позднее осенняя погода заставила его отложить намерение посетить берега Рейна. В Париже он оставался до весны. Вот некоторые отрывки из писем его оттуда: «Не я один, все Парижане» и проч.¹⁵

Из этих отрывков, столь умных и живых, видно, что никакие развлечения света не могли удовлетворить потребностей его души, заменить ему семейного круга. Вот единственная пиеса, написанная им среди шумной Парижской жизни: она еще более показывает это расположение.

Когда дитя и проч.¹⁶

Во время же пребывания в Париже по просьбе Гр[афа] Сиркура¹⁷ он перевел Французскою прозою некоторые из своих Стихотворений, но никак не согласился напечатать их в каком-либо журнале. Для любопытства приведем здесь некоторые из этих переводов¹⁸.

Кстати скажем здесь, что многие из его Стихотворений и прежде были переведены на иностранные языки. Между прочим, Г.Ансело перевел прозою его Череп на Французский язык. На смерть Гете было переведено на Немецкий язык, а многие отрывки из Эдды стихами на Шведский язык Г^м Линдгреном.

В конце Марта он вдруг решился оставить Париж и писал перед отъездом...¹⁹

¹ Знакомство Е.А.Баратынского с А.А.Дельвигом, видимо, состоялось в конце 1818-1819 гг. Дельвиг отдал в журнал А.Е.Измайлова «Благонамеренный» стихотворение Баратынского «Пожилой женщине и все еще прекрасной», где оно и было напечатано в феврале 1819 г. (Ч.5. №4. С.210).

² В январе-марте 1824 г. В.А.Жуковский ходатайствовал за Баратынского перед министром духовных дел и народного просвещения А.Н.Голицыным. Тот докладывал о деле Баратынского Александру I, но император ходатайства отклонил.

³ Знакомство Баратынского с А.С.Пушкиным, вероятно, произошло в конце 1818 — начале 1819 г.

⁴ В январе 1820 г. Баратынский был произведен унтер-офицером в Нейшлотский пехотный полк, расквартированный в Финляндии.

⁵ В рукописи было зачеркнуто «оригинален».

⁶ Во втором, незавершенном варианте воспоминаний Путята писал: «Любовь к Поэзии владела им вполне, без всякой мысли об известности. Она служила ему заменой всех благ земных. Он жил ею в уединении, куда забросила его судьба в молодости, и остался ей верен в счастливые эпохи своего бытия. Никогда не допускал он ее как средство. Почитал пагубным для искусства современное направление в этом отношении и находил, что Стихотворение, совершенное в полном значении, может быть холодно по одной цели, его внушившей. Он не переставал повторять, что сама Поэзия есть цель для Поэзии. Прозою он писал мало. Признавался, что не находил в этом большой привлекательности и что даже с большею легкостью мог выражать свои мысли стихами».

⁷ Заключительные строки стихотворения «Финляндия» (1820).

⁸ Стихотворение «Отъезд» написано в октябре-декабре 1820 г. в связи с первым из многочисленных впоследствии отъездов Баратынского из Финляндии в Петербург.

⁹ Из стихотворения 1823 г. «Н.И.Гнедичу». Может быть, Н.В.Путята цитирует по памяти или по неизвестному нам списку стихотворения. В изданиях «Стихотворений» Баратынского 1827 и 1835 гг.:

И взяв тебя в пример, поэзию, ученье
Призвал я украшать мое уединенье ...
Свинцовых моря вод безбрежная равнина,
Напев томительный протяжных песен финна.

¹⁰ Поэма «Пирры» написана в 1820 г., опубл.: Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. XIII. №3.

¹¹ Повесть Ксавье де Местра «Прокаженный города Аосты» (1811) в переводе Баратынского опубл.: Библиотека для чтения. 1822. Кн. 2. С. 3-35; около 1822 г. Баратынский перевел несколько глав из «гения христианства» Ф.Р.Шатобриана (опубл. в журналах А.Ф.Воейкова: Новости литературы. 1822. Кн. 1. №8-10; Кн. 2. №26; 1826. Кн. 16. Апрель; Славянин. 1830. Ч. 13. №3; подписи под переводами: Б. или Б-ий).

¹² О производстве Баратынского в офицеры Путята писал 15 мая 1825 А.А.Муханову: «Не могу пересказать тебе восхищения Баратынского, когда я объявил ему о его производстве /.../ С радостью также заметил я, что верная спутница его в несчастьи, — поэзия, — не будет им забыта в благополучии. Хотя он не помнил сам себя, бегал и прыгал как ребенок, но не мог удержаться, чтоб не прочесть мне несколько страниц из сочиняемой им поэмы /.../ Доселе поэзия была необходимостью души, убитой горестью и жаждущею излить свои чувства, теперь она соделается целью его жизни. Время докажет, выиграет или потеряет его талант при сей перемене обстоятельств» (Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П.И.Щукина. М., 1902. Вып. 10. С. 415).

¹³ Имеется в виду статья А.С.Пушкина «Баратынский» (1830 или 1831); впервые опубл.: Сын Отечества. 1840. Т. 2. Кн. 3. С. 480-482. В собрания сочинений Пушкина входит начиная с изд. 1841 г. (т. XI).

¹⁴ Повесть «Перстень» была написана в 1830-1831 гг.; опубли. в журнале И.В.Киреевского «Европеец» (Ч. I. №2. С.165-187). Во втором варианте записок Путята добавляет: «Впоследствии он написал, побившись об заклад, маленькую Повесть Перстень». Видимо, имеется в виду спор в конце 1830 г. с И.В.Киреевским, написавшим в то же время повесть «Опал». В записке к Киреевскому от декабря 1830 — начала 1831 г. Баратынский спрашивал: «Написал ли ты повесть? моя готова» (Гатевский сборник С.А.Рачинского. СПб., 1899. С.8). Окончательно повесть была отредактирована только в конце 1831 г. Стимулом же для создания «Перстня» и «Опала», может быть, послужили «Повести Белкина», которые Пушкин читал Баратынскому в начале декабря 1830 г.

¹⁵ Путята намерен был процитировать адресованное ему письмо от конца ноября — начала декабря 1843 г. («Не я один, все парижане с одиннадцати часов утра до двенадцати вечера на ногах и проводят часы в визитах. Для настоящих парижан, имеющих свои виды, то деловые, то политические, посещающих каждое лицо с известною целью, эта жизнь не совсем убийственна; но для заезжего, несмотря на любопытство, она утомительна до крайности: несмотря на приветливость лиц, на новость явлений, чувствуешь недостаток прямых отношений, и если б я был в Париже без семейства, не знаю, вынес ли бы я подобное существование»).

¹⁶ Стихотворение 1844 г. «Когда, дитя и страсти и сомненья...», обращенное к А.Л.Баратынской.

¹⁷ Адольф де Сиркур (1801-1879) — французский дипломат и литератор; был женат на Анастасии Семеновне Хлюстиной (1808-1863), в чьем парижском салоне Баратынский часто бывал зимой 1843-1844 гг.

¹⁸ Зимой 1843-1844 гг. Баратынский перевел 21 свое стихотворение на французский язык, при жизни его они напечатаны не были (впервые опубли.: Баратынский Е.А. Соч. М., 1869, — переводы 15 стихотворений; полностью опубли. в изд: Баратынский Е.А. Полн. собр. соч. / Подг. М.Л.Гофманом. СПб., 1914. Т. I).

¹⁹ Письмо Путята перед отъездом из Парижа в Неаполь начала весны 1844 г., где Баратынский писал: «Путешественник должен быть путешественником; ему не следует нигде заживаться, если хочет в самом деле пользоваться своим мизантропическим счастьем».

III. ПИСЬМО ИЗ МАРСЕЛЯ

Пробыв в Париже зиму 1843-1844 гг., Баратынские отправились в апреле в Марсель, чтобы на пироскафе (пароходе) плыть в Неаполь. О жизни Баратынского во время путешествия мы можем судить в основном по его письмам к Н.В.Путята и к маменьке — А.Ф.Баратынской. Поначалу они полны новыми впечатлениями, но уже в декабре появляется некоторая

усталость от их однообразного обилия; ему недостает естественной и привычной среды («Хорошо, что я проведу в Париже одну только зиму, а то из человека с некоторым смыслом я бы сделался совершенным зевачом, а что хуже — светским человеком»)¹.

А в новогоднем поздравлении Баратынского Путяте звучит уже ностальгия, характерная для русского за границей (выраженная, впрочем, в обычной для Баратынского полуиронической манере), ностальгия по простору, по снегу, по дому и связанные с нею апофеозы русской жизни («Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо; поздравляю вас с нашими степями, ибо это простор, который ничем не заменят здешние науки; поздравляю вас с нашей зимой, ибо она бодря и блистательна и красноречием мороза зовет нас к движению лучше здешних ораторов; поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе 12-ю днями других народов и посему переживем их, может быть, 12-ю столетиями»²). Впрочем, отъезжая из Парижа в Марсель, Баратынский расстался с великим городом умиротворенно: «Мы едем из Парижа с впечатлениями самыми приятными. Наши здешние знакомые нам показали столько благовоительности, столько дружбы, что залечили старые раны... Я уставал от парижской жизни, но теперь, прощаясь с нею, доволен прошедшим»³. По России он, однако, уже скучал сильно («Хотя хорошо за границею, я жажду возвращения на родину. Хочется вас видеть и по-русски поболтать о чужеземцах»⁴). С таким настроением Баратынский и приехал в Марсель. Отсюда он отправил письмо к маменьке, в котором подытоживал в общих чертах свои заграничные впечатления за полгода. Как и вся переписка Баратынского с маменькой Александрой Федоровной, это письмо требует кратко предудеждения насчет их отношений.

Александра Федоровна Черепанова (1777-1853) в отрочестве и юности воспитывалась в Смольном, была выпущена оттуда в 1797 г. с высшей наградой — фрейлинским шифром — и определена к императрице Марии Федоровне. В январе 1798 г. она вышла замуж за уже известного нам генерала Абрама Баратынского. В сентябре 1798 г. генерал попал в опалу, был уволен в отставку и уехал в Тамбовскую губернию — в свою Мару. После его смерти в 1810 г. на руках жены осталось шестеро детей; седьмой ребенок — дочь Варвара — родилась через 4 месяца.

С весны 1812 года старший сын Евгений — в Петербурге, в Пажемском корпусе. С этого времени начинается его разлука с матерью и их регулярная переписка. Видеться они отныне будут раз в два-три года, иногда — реже; главным образом во время приездов Баратынского в Мару. Письма Александры Федоровны к нему не уцелели, но сохранилось более 50 писем его — к ней, в основном 1812-1818 гг. и второй половины 1830 — начала 1840-х.

¹ Изд. 1987. С.315 (письмо к Н.В.Путяте от конца ноября — начала декабря 1843 г.).

² Там же. С.317 (письмо к Н.В.Путяте от конца декабря 1843 г.).

³ Там же. С.319-320 (письмо к Н.В.Путяте от конца марта — начала апреля 1843 г.).

⁴ Там же. С.320 (то же письмо).

Воспоминаний о ней не осталось почти никаких, за исключением нескольких весьма жестокосердных оценок, о которых речь впереди. Но судя по ее письмам к родственникам и знакомым за разные годы, в обилии хранящимся в РГАЛИ (Ф.51) и в Пушкинском Доме (Фонд Мары), она была женщиной не только умной и образованной, но решительной, энергичной и здравомыслящей. Тем более загадочными выглядят глухие упоминания о ее болезненном состоянии. Вот Денис Давыдов пишет в декабре 1825 г. к финляндскому генерал-губернатору А.А.Закревскому, своему старинному приятелю, с просьбой хлопотать об отставке для Баратынского: «Он жалок относительно обстоятельств домашних, ты их знаешь — мать полоумная, и, следовательно, дела идут плохо»⁵. Вот племянник Дельвига заезжает осенью 1833 г. в Мару: «В деревне Баратынских жили, кроме С.М.Баратынской и ее мужа, мать последнего, большая старушка, которую я, во все мое пребывание у них, не видал, и братья его»⁶. Вот упомянутая только что София Михайловна Баратынская (Дельвиг) пишет в ноябре 1833 г. своей подруге: «Соседей у нас хоть и много, но лишь немногие ездят к нам, так как моя свекровь почти всегда находится в состоянии глубокой ипохондрии и не любит видеть у себя гостей /.../ моя свекровь с недавнего времени перестала появляться в гостиной даже тогда, когда мы находимся в своей семье; она не бывает даже за обедом»⁷. Да и сам Баратынский в одном из писем к Путяте, в ноябре 1825 г., после очередного двухмесячного пребывания в родной семье, жаловался: «Я нашел мать мою в самом жалком положении /.../ Я не могу скрыть от моей совести, что я необходим моей матери, по какой-то болезненной ее нежности ко мне, я должен (и почти для спасения ее жизни) не расставаться с нею. Но что же я имею в виду? Какое существование? Его описать невозможно. Я рассказывал тебе некоторые подробности, теперь все то же, только хуже. Жить дома для меня значит жить в какой-то тлетворной атмосфере, которая вливает отраву не только в сердце, но и в кости»⁸. Словом, по всей видимости, вторую половину своей жизни Александра Федоровна, сама страдая, стала источником страданий и для близких людей. Но, повторяем, по ее сохранившимся письмам никакого диагноза поставить невозможно. Тем более этого нельзя сделать по письмам к ней Баратынского. Он еще в отрочестве избрал в общении с маменькой роль преданного и любящего сына, готового поделиться сокровенными переживаниями. Легко установить, сравнивая действительные события его жизни и их изложение в письмах к маменьке, что чем старше он становился, тем в большей степени рассказ об этих событиях подлежал строгой цензуре. В ранних письмах Баратынский, естественно, еще плохо учитывал, что у маменьки иные, чем у него, 12-14-летнего отрока, жизненные представления. Поэтому, например, упрасывая ее в 1814 г. дать согласие на вступление его в морскую службу, он приводит для убеждения

⁵ Сборник Рус. исторического об-ва. СПб., 1890. Т.73. С.538.

⁶ Дельвиг А.И. Мои воспоминания. М., 1912. Т.I. С.189.

⁷ Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л., 1929. С.268. Пер. с фр. Б.Л.Модзалевского.

⁸ Изд. 1987. С.161.

такие аргументы: «Вообразите, любезная маменька, неистовую бурю и меня, на верхней палубе, словно повелевающего разгневанным морем, доску между мною и смертью, чудищ морских, пораженных дивным орудием, созданием человеческого гения, властвующего над стихиями»⁹. Взрослея, он решительно меняет ориентацию и исходит уже не из того, чтобы маменька вошла в его положение и поняла его настроение, а из того, что может маменьку умиротворить. Если говорить о главной тональности писем взрослого Баратынского к Александре Федоровне, то это тональность утешения и успокоивания.

Другое отличительное свойство его писем к ней (это уже без учета возраста) — литературная обработанность. Внешне — как и в письмах к другим адресатам — каждое полно сообщений и впечатлений. Но фразы в письмах к Александре Федоровне обычно многозначительно взвешены так, чтобы было видно три стороны жизни сына: его душевное умиротворение (чем он как раз не отличался); его благополучное положение в семье, в свете и т.п.; наконец, бодрствующее состояние ума. Баратынский почти неизменно включал в эти письма какие-либо философические *mots* и поэтические сентенции. «Время я провожу весьма однообразно, впрочем, совсем не скучаю. Следую вашим наставлениям: много хожу. Рассеиваюсь тем, что взбираюсь на наши скалы, обретающие понемногу свою особенную красоту. Зеленый мох, покрывающий их, выглядит в лучах солнца дивно прекрасным... Пребывая почти наедине с природой, я вижу в ней истинного друга...»¹⁰ (письмо из Финляндии, апрель 1823 г.); «У нас прекрасная осень... Природа трогательна в своей прощальной красоте. Это друг, покидающий нас, и радуешься его присутствию с меланхолическим чувством, переполняющим душу»¹¹ (письмо из Финляндии, осень 1824 г.). Очевидная литературность подобных строк не означает их неискренности — Баратынский вообще не имел склонности к лукавству. Но нет в этих фразах легкости, открытости и естественности общения с близким и понимающим человеком (как в письмах к Дельвигу, к И.В. Киреевскому, к жене).

Письмо из Марселя — последнее известное нам письменное обращение Баратынского к маменьке. До сих пор из этого письма в печати была известна только одна фраза, процитированная в переводе М.Л.Гофманом в 1914 г.: «Я вернусь в мою родину исцеленным от многих предубеждений и с полной снисходительностью к некоторым нашим истинным недостаткам, которые мы часто преувеличиваем»¹². М.Л.Гофман, готовивший академический двухтомник, располагал несравненно большим количеством материалов, предоставленных ему наследниками Баратынского, нежели современный исследователь. В частности, он ознакомился с бумагами, хранившимися в семье внука Баратынского — Александра Николаевича — в Казани. В 1918 г. Александр Николаевич был расстрелян

⁹ Е.А.Баратынский. Материалы к его биографии. Пг., 1916. С.36. Перевод с фр. наш.

¹⁰ Там же. С.39; перевод с фр. наш.

¹¹ Баратынский Е.А. Соч. М., 1869. С.410. Перевод с фр. наш.

¹² Баратынский Е.А. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т.1. С.XXXVII.

за принадлежность к дворянскому сословию и за то, что являлся членом Государственной думы — по личному распоряжению Лациса (Я.Судрабса), несмотря на заступничество за него казанских красноармейцев¹³. Часть казанского архива Баратынских попала неизвестным образом в Рукописный отдел Пушкинского Дома (что очевидно из сличения материалов, хранящихся там ныне, и из упоминаемых М.Л.Гофманом бумаг казанского архива Баратынских). Но многие рукописи, видимо, утрачены безвозвратно, и среди них — марсельское письмо. Сохранилась только копия его, сделанная женой поэта в альбоме *Souvenir* (альбом в числе немногих казанских материалов хранится в Пушкинском Доме — №21731. Л.60об.), — по ней письмо и печатается.

[Апрель 1844 г. Марсель]

C'est [de] Marseille que je vous écris, chère Maman, après un voyage en diligence de quatre jours et cinq nuits. Nous sommes prêts à prendre la mer pour nous rendre à Naples d'où nous remonterons petit à petit l'Italie par Rome, Florence et nous reviendrons en Russie par Vienne. Après un séjour de cinq mois à Paris nous nous sommes aperçus de deux choses: que nous y avons vu à peu près tout ce qu'il y a de curieux, que nous avons assez fréquenté pour avoir une idée assez nette de ce qu'elle offre de différence avec la nôtre, et puis, que nous avons moins dépensé que nous ne l'avions présumé. Nous voici donc aux bords de la Méditerranée après avoir traversé un pays riant et pittoresque maintenant tout fleurs et verdure. J'ai cependant quitté Paris avec regrets, malgré la vie fatigante que j'y a menée j'y ai trouvé tout de bon accueil et de la part de quelques (personnes de la véritable sympathie) pour nous deux. Les enfants ont passé un hiver studieux et fait beaucoup de progrès en tout genre. Maintenant nous allons saluer la belle et classique Italie, mais je ferai une remarque: c'est que la vie des pays étrangers a surtout cela de bon qu'on en aime mieux sa patrie: les avantages d'un climat plus doux ne sont pas si grands qu'on se l'imagine, les progrès de la civilisation pas aussi saillans qu'on les croit. Les populations que j'ai vues jusqu'à présent ne valent pas les Russes, ni de coeur, ni d'esprit. Elles sont lourdes en Allemagne, sans foi ni loi en France, ajoutez à cela que si un Français se mêle d'être sot et stupide il y est passé maître. Je reviendrai dans mon pays guéri de bien de préventions, et plein d'indulgence pour quelques vrais défauts que nous avons et que nous exagérons

¹³ См.: Боратынская (Алексеева) К.Н. Начало конца. Страницы воспоминаний. // Юность. 1990. №10. С.76-81.

à plaisir. Adieu, chère et bonne Maman, jusqu'à Naples, j'embrasse soeurs et frères et baise les mains à ma chère tante. J'espère quelque part en Italie mettre en ordre mes souvenirs de Paris, mais dans la ville même c'est impossible: des impressions sont multipliées et la vie tumultueuse.

[Апрель 1844 г. Марсель]

Из Марселя пишу к вам, любезная маменька, после путешествия в дилижансе в продолжение четырех дней и пяти ночей. Мы собираемся отправиться в Неаполь морем, оттуда проедем по Италии через Рим, Флоренцию и вернемся в Россию через Вену. Пробыв пять месяцев в Париже, мы заметили две вещи: что мы видели там почти все занимательное, достаточно часто бывали в обществе, чтобы вполне ясно представлять его отличия от нашего, и что, наконец, мы издержались менее, чем предполагали. И вот мы у берегов Средиземного моря, после того как пересекли радующую взор и живописную страну, сейчас всю в зелени и цветах. Впрочем, я оставил Париж с сожалением, несмотря на утомительную жизнь, которую вел. Прекрасный прием я нашел там везде, а вместе мы — у некоторых (истинно любезных) лиц. Дети всю зиму были прилежны и весьма развились во многих отношениях. Теперь мы устремлены в прекрасную и классическую Италию, но замечу: жизнь в чужих краях тем особенно прекрасна, что начинаешь больше любить свое отечество. Благоприятства более теплого климата не столь велики, как думают, достижения цивилизации не столь блестящи, как полагают. Жители, коих я видел доселе, не стоят русских ни сердцем, ни умом. Они тяжелы в Германии, без стыда и совести во Франции, прибавьте к тому: если француз примется валять дурака, то в этом он действительно мастер. Я вернусь в свое отечество исцеленным от многих предубеждений и полным снисходительности к некоторым действительным недостаткам, которые у нас есть и которые мы с удовольствием преувеличиваем. Прощайте, любезная и милая маменька, до Неаполя, обнимаю сестер и братьев и целую ручки любезной тетушке¹. Надеюсь где-нибудь в Италии привести в порядок свои воспоминания о Париже: там этого невозможно было сделать из-за умножающихся впечатлений и неупорядоченной жизни.

¹ Сестры Баратынского — София, Наталия, Варвара (с 1830 г. замужем за А.А.Рачинским); братья — Ираклий, Лев, Сергей; тетушка — видимо, Е.Ф.Черепанова (ок.1782-1855), родная сестра Александры Федоровны. Все они, кроме Ираклия, жили в 1840-е годы в Маре.

Письма Александры Федоровны к Баратынскому, как уже было сказано, не сохранились. Единственное дошедшее до нас письмо, в котором есть обращение к нему, — это ее письмо к дочери Софии, написанное в июне 1822 г., когда та жила в Петербурге на одной квартире с Евгением. Письма самой Софии к маменьке за май — август 1822 г. опубликованы в повести А.М.Пескова «Баратынский» (М., 1990. С.209-219). Письмо Александры Федоровны публикуется по автографу (ИРЛИ. №26331) в переводе с французского.

Мара, 28 июня 1822 г.

Я только что прочла ваше письмо к Авдотьѣ Н[иколаевне]¹, она вернулась из Троицкого. Для меня это удовольствие — единственное доступное в ваше отсутствие — всегда остается новым. *Уничжение паче гордости.* Как вы можете сравнивать ваши письма с письмами Андре! эти письма, которые составляют мое утешение и скрашивают мое одиночество, эти письма настолько исполнены чувства и счастливой простоты, что радуют всех, кому я о них рассказываю! Так чем же они должны быть для меня! Знаете ли, милое дитя мое, я заметила еще одну черту в вашей любви ко мне — это старание, какое вы вкладываете в подробные описания ваших занятий. Продолжайте в том же духе, дорогая дочь, и я постараюсь от вас не отстать — до того радостного дня, что вновь соединит нас. Обнимаю вас — вы послушны дядюшке² в том, что касается до врача, но мне этого не вполне достаточно, я хотела бы, чтобы вы обратились к самому известному доктору из тех, кто практикует, — не за лекарствами, но ради предписаний по части режима, воздуха, еды и питья, наиболее для вас полезных, — можно испробовать все минеральные воды в Петербурге, если вам их пропишут, раздобудьте и отправьте в Мару — я надеюсь на вас, милое дитя, я знаю ваше сердце, оно способно к великим усилиям — и я настоятельно об этом прошу — во имя вашего здоровья или, вернее, ради моей собственной жизни! Кажется, я советовала вам дышать паром и пить портер или другое хорошее вино, исполните это, милое дитя, и уведомьте меня. Надеюсь, у вас теплая погода и вы можете гулять, но остерегайтесь выходить, когда в саду роса, — это для вас особенно опасно. Неплохо, если бы вы обували ботинки на двойной подошве, прогуливаясь там, где нет мостовой. С необычайным удовольствием я читаю ваши сообщения о нарядах, прошу обращать на них внимание, в свете очень за этим следят, и в таких условиях следует избегать

всякого своеобразия. Разделяю ваше желание хорошо себя чувствовать в день визита к м[адемуазель] Н[елидовой]³, боюсь только, как бы долгий путь, который надобно проделать от вас до монастыря, вконец бы вас не утомил — но, даст Бог, у вас хватит на это сил. С каким душевным трепетом я перечитываю те строки ваших писем, где обнаруживается чувство искреннее и живое. Оно поддержит вас, милое дитя, я в этом совершенно убеждена — именно на этом чувстве я и основываю все мои надежды. Передайте сердечный поклон дядюшке, я не решаюсь докучать ему письмами, да и уверена, что слова моей благодарности, высказанные ему вашими устами, будут ему много приятнее. Вот еще одно из благодеяний Провидения, ниспославшего нежную заботу дядюшки на вас и на Евгения⁴.

Покинет ли Господь детей своих в нужде?

Никогда! Именно в отчаянном положении нам и бывает указан путь ко спасению. [Нрзбр. 1 сл.] дорогое дитя, и положимся слепо на то, что Он будет к нам милостив. Пусть сожаление о нашей разлуке не мешает вам наслаждаться тем, что рядом с вами — Евгений, — стараться о его избавлении, то есть о нашем счастье. [Нрзбр. 1 сл.] и как радостно будет вам вернуться! Все мы совершенно здоровы, вы знаете, наш образ жизни здесь таков, что о нем трудно рассказывать; мы часто видимся с нашими — М.А.⁵ и все остальные вполне успокоились по поводу дела, о коем я вам сообщала, — надеются вернуть свой дом и поселиться в нем, располагая средствами. Ваша горничная Мадлен [Madelon] очень была больна, муж ее также, но оба теперь чувствуют себя гораздо лучше — доктор их выходил. Она ухаживает уже за другими больными, чудесная женщина, и я очень ею довольна, передала ей ваш привет. За детьми хорошо присматривает мад[ам] Декслер⁶, мне это по душе, а еще больше я рада тому, что ей, по видимости, у нас нравится. Поищите для сестер не такую сложную музыку, как сочинения Фильда, — еще до того, как мы получили из Москвы эти ноты, они уже нещадно терзали его концерты, не забудьте также купить им по несколько французских и немецких книг. Не напоминаю о ботинках и лентах — это, само собою разумеется, необходимо перед вашим отъездом. Купите себе розовой тафты на платье. Представляю, как оно вам будет к лицу. Закажите еще какой-нибудь приятный наряд из миткаля. Если запросят большие деньги за вышивку по муслину, мы вышьем здесь на досуге. Самое главное, будьте здоровы, дорогая девочка, продолжайте свой дневник⁷; о милое дитя, вам известно мое сердце, вы прекрасно знаете, чего оно алчет! Обнимаю вас со всей любовью.

Возвращаюсь к своему письму. Слава Богу, отправление пока задерживается. В этом году все растет необычайно быстро с тех пор, как спала жара после холодных дождей, — я обошла садик, полила наши цветы, и вот сижу за столиком, чтобы поболтать с вами. Прошел еще один длинный день, и можно подумать о пятнице⁸, кажется, именно ради этого дня придуманы все остальные; мне даже не нужно о том рассказывать, вы и так знаете, что это такое, говорите вы и продолжайте свой очаровательный журнал, единственное мое утешение. Я бы устыдилась, что не пишу к Евгению, если бы не знала, что писать к вам — значит писать к нему тоже; надеясь вскоре его увидеть, я нечувствительно пренебрегаю нашей с ним перепиской; ах, насколько же лучше разговаривать, чем писать. Обнимите его крепко за меня — я все-таки напишу ему завтра.

29 июня

Дорогое дитя, нам совершенно необходимо нужно английское фортепяно в Маре, может быть, даже стоит купить два хороших инструмента, помня о числе теперешних и будущих виртуозов. Посылаю вам воланчики с кисейной вышивкой — для наряда, который вы себе заказали; непременно надобно сделать *крылушки* на рукавах — или используйте их в каком-нибудь другом платье, их я тоже вышила, немного улучшив рисунок, но потому только, что рукава гораздо более на виду, чем оборка платья. Нейманы⁹ уходят — все они, конечно, спрашивают о вас — они так долго были с визитом, что времени у меня осталось лишь на то, чтобы запечатать пакеты.

Обнимаю вас, милый Евгений, и благодарю за доброе письмо¹⁰, я вновь его перечла. Даст Бог, мы свидимся и тогда поговорим обо всем нас занимающем. Сегодня Петров день, надеюсь, вы развлекаетесь — фейерверк, который будет при дворе, конечно, совсем не похож на тот, что можно устроить в нашем саду. Что вы делаете, мои дорогие дети, и как продвигаются ваши дела? Вы мне повсюду видите, и одному Богу ведомо, какая тяжесть у меня на сердце. В любом случае полагаюсь на Его Святую волю и молю Его о смирении и ободрении. Вот видите, милая Софи, ужели я не болтлива? но я не прошу за это прощения, как вы, — на то у меня свои причины в глубине души. Прощайте, милые друзья, будьте здоровы. Дорогой Евгений, у вас легкая рука, постарайтесь купить фортепяно. Прошу вас выбрать самое лучшее для ваших сестер, особенно же смотрите, чтобы оно было новым и прочным.

¹ Зайцова, соседка Баратынских.

² Петр Андреевич Баратынский; в его петербургском доме жили летом 1822 г. Евгений и Софи.

³ Нелидова Е.И. — с 1801 г. жила в Смольном монастыре; о ней см. раздел I настоящей публикации.

⁴ Здесь и далее имеются в виду хлопоты Петра Андреевича о производстве Евгения в офицеры.

⁵ Не очень ясно, кто это: может быть, Мария Андреевна Панчулидзева, тетушка Евгения и Софи, может быть, Марк Абрамович Костылев, родственник Баратынских.

⁶ Гувернантка в Маре.

⁷ Письма Софи к Александре Федоровне — это ежедневные записки о ее петербургской жизни.

⁸ Почтовый день в Кирсанове, откуда Александра Федоровна отправляла письма в Петербург. Данное письмо было, однако, отправлено, видимо, с оказией (см. след. прим.).

⁹ Кто из Нейманов был с визитом в Маре и какова была степень родства или знакомства Баратынских с ними, пока установить не удалось; ясно лишь, что с ними Александра Федоровна передала свое письмо.

¹⁰ Письмо Баратынского к маменьке от июня 1822 г. не сохранилось.

IV. «ДУШИНЬКА МОЯ ПОПИНЬКА»

Баратынский женился 9 июня 1826 г. на Настасье Львовне Энгельгардт (1804-1860). «Я женат и счастлив, — напишет он через полгода после свадьбы своему давнему другу Н.М.Коншину, — наконец я дышу воздухом мне потребным; но я не стану приписывать счастья моего моим философическим правилам, нет, мой милый, главное дело в том, что Бог мне дал добрую жену, что я желал счастья и нашел его. Я был подобен больному, который, желая навестить прекрасный отдаленный край, знает лучшую к нему дорогу, но не может подняться с постели. Пришел врач, возвратил ему здоровье, он сел и поехал. Отдаленный край — счастье; дорога — философия; врач — моя Настинька. Какова аллегория?»¹

Они почти не разлучались, жили в Москве, на лето обычно перебираясь в подмосковную Энгельгардтов — Мураново. Постепенно их взаимная любовь перерастала в чувство почти болезненной привязанности друг к другу. Это имело свои очевидные последствия: Баратынский, и так-то не легко сходящийся с людьми и мало нуждавшийся в светской жизни, чем далее, тем в большей мере сосредоточивался на жизни до-

¹ Изд. 1987. С.170.

машней. Внешне обстоятельства способствовали тому: в 1831 г. умер самый близкий его друг — А.А.Дельвиг, тогда же уехал в Петербург из Москвы П.А.Вяземский, в 1832 г. был запрещен журнал И.В.Киреевского «Европеец», на который Баратынский возлагал большие надежды, в 1837 погиб Пушкин. По разным причинам ему вместе с семейством приходилось уезжать из Москвы надолго: то в 1831-1832 гг. в Каймары — из-за разыгравшейся в Москве холеры, то в 1833-1834 гг. в Мару — в связи с разделом имения между братьями и сестрами и хозяйственными хлопотами. Но были и другие причины охлаждения Баратынского к московскому обществу. Одна из самых существенных — его разрыв с семейством Киреевских-Елагиных около 1836-1837 гг. В первую половину 1830-х годов Баратынский весьма сблизился с Иваном Васильевичем Киреевским, который стал для него почти тем же, кем был покойный Дельвиг, с одним только немаловажным достоинством: в отличие от Дельвига, Киреевский был не ленив на письма. (Увы, ни одного его письма к Баратынскому не сохранилось). Препграда в их дружбе возникла, видимо, после того, как у Настасьи Львовны Баратынской появилась решительная неприязнь к матери Киреевского — Авдотье Петровне Елагиной. В чем именно было дело — нельзя сказать. Сохранились лишь глухие отголоски этой неприязни: «Неужели дети моего вечно мне милого Евгения Абрамовича наследовали непостижимую для меня ненависть своей матери?» — писала А.П.Елагина к брату Баратынского Сергею Абрамовичу через много лет — 11 июля 1861 г.² Отношения между женщинами — проблема вообще особая, и вряд ли причина тут только в несогласии нравов. Но как бы ни было, в конце 1830-х — начале 1840-х годов Баратынский, разошедшись с Елагиными-Киреевскими, уже почти ни с кем дружески не общается в Москве. К этому находится и достойный предлог — он затевает строительство нового дома в Муранове, дело, которому отдает почти полностью свое время.

Отношение Баратынского к жене отлично видно из стихов, ей адресованных:

Своенравное прозвание
Дал я милой в ласку ей:
Безотчетное созданье
Детской нежности моей;
Чуждо явного значенья,
Для меня оно символ
Чувств, которых выраженья
В языках я не нашел.
Вспыхнув полною любовью
И любви посвящено,
Не хочу, чтоб суесловью
Было ведомо оно:
Что в нем свету? Но сомненья
Если дух ей возмутит,

² Хетсо Г. Евгений Баратынский: Жизнь и творчество. Осло, 1973. С.191.

О, его в одно мгновенье
Это имя победит;
Но в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узнанья, друг мой милой,
Здесь чувственных примет,
Им бессмертье я привечу,
Им к тебе воскликну я,
И душе моей навстречу
Полетит душа твоя.

Если прибавить к этим строкам поэму «Переселение душ», а также целый ряд стихотворений, написанных в разные годы («Люблю я красавицу...», «О верь: ты, нежная, дороже славы мне...», «Есть что-то в ней, что красоты прекрасней...», «Когда, дитя и страсти и сомненья...» и др.), получится едва ли не самый обширный и, главное, растянувшийся на годы любовный поэтический цикл. Три письма Баратынского, печатаемые ниже, — это своего рода бытовой комментарий к такому циклу. Сами эти письма, некогда хранившиеся в казанском архиве Баратынских, после разгрома их дома в 1918 г. не уцелели или не отысканы. Остались только копии, сделанные Настасьей Львовной в семейном альбоме «Souvenir» (ИРЛИ. №21731. Л.25-27). В дополнение к ним помещаем единственное известное на сей день письмо Настасьи Львовны к мужу (автограф — ИРЛИ. №21742).

1

[Апрель-июнь 1829 г. Москва]

Je suis arrivé sain et sauf, ma bonne amie. Je trouve Катинька endormie mais on dit qu'elle est bien, qu'elle tousse moins et qu'elle est plus gaie. Je ne puis juger par moi-même car je t'écris aussitôt arrivé. J'ai le coeur serré de m'être séparé de toi: cet essai d'absence est une véritable peine. Je me sens comme désorienté en tout. J'ai aperçu dans notre chambre à coucher ton chapeau et quelques-uns de tes habits avec un saisissement si mélancolique que j'ai été effrayé. Je t'ai trop peu embrassée en partant, la présence de tout ce monde me gênait et si tôt que la voiture est partie, j'ai senti qu'il me manquait un baiser d'adieu. La tristesse de mon coeur le demandait. Comme il me paraît étrange de t'écrire. C'est comme si je commençais avec toi une connaissance épistolaire toute autre que la réelle. C'est bien peu de chose qu'écrire et celui qui a dit que c'est le soulagement de l'absence était un être bien froid. Je voudrais te dire tant de choses que je ne puis exprimer. Je ne dirai jamais ce qu'il me faut et je craindrai toujours que ces tours de phrases qui se trouvent dans toutes

les lettres ne te fassent pas croire que je t'écris comme à une autre. Je me rappelle de t'avoir raconté la manière dont le mari de Марья Андреевна terminait les lettres qu'il lui écrivait, c'était une suite de noms et surnoms de tendresse, nous en avons plaisanté ensemble et sais-tu qu'à présent il me semble que cet homme-là aimait beaucoup sa femme et il n'est pas du tout ridicule. Maintenant que je voudrais te dire tout ce qu'il y a de plus tendre je ne trouve rien de mieux que de t'appeler Попинька comme si tu étais près de moi. Душинька моя Попинька, que Dieu te conserve; tu as mal fait de ne pas m'expliquer les commissions avant mon départ. Maintenant je ne sais pas si c'est une 1 ar 1/2 ou une demi-archine qu'il te faut de la perse de Сашинька. Je ferai pour demain ce que je pourrais; le reste sera pour l'occasion prochaine. Adieu, моя Попинька, porte-toi bien et écris moi. Je finis cette lettre, si dans le cours de la soirée, j'ai à te communiquer quelque chose d'intéressant je le ferai. Je t'embrasse de tout mon coeur. Двятковский est venu voir Катинька hier et aujourd'hui. J'embrasse ma bonne Sophie, dis-lui de m'écrire et de ne pas oublier que c'est toi qui lui a appris l'orthographe, et qu'ainsi j'ai quelques droits à son écriture. Je t'embrasse, ma bonne amie, et j'attends impatiemment de tes nouvelles.

[Апрель-июнь 1829 г. Москва]

Я приехал цел и невредим, мой милый друг. Катинька теперь спит, но говорят, что ей лучше, кашляет она меньше и становится веселее. Не могу судить о том сам, ибо пишу к тебе тотчас по приезде. На сердце у меня тяжело, потому что мы разделены: это испытание разлукой — истинное наказание. Я чувствую себя совершенно потерянным. Увидел в нашей спальне твою шляпку и несколько платьев, и у меня так тоскливо сжалось сердце, что я испугался. Я как-то слишком бегло обнял тебя при отъезде, присутствие посторонних стесняло меня; а как только экипаж тронулся, я почувствовал, что мне недостает прощального поцелуя. Тоскующее сердце мое просило его. Очень непривычно писать к тебе. Как будто начинаешь письменное знакомство, совсем другое, чем наше с тобою. Что за ничтожное занятие — писать, и тот, кто сказал, что оно облегчает разлуку, был человеком очень холодным. Я хотел бы тебе изъяснить все то, что не могу выразить. Я не выскажу никогда нужного мне, и всегда буду бояться, как бы все эти обороты, без коих не обойтись ни в одном письме, не уверили тебя, будто я пишу к тебе так, как к любой другой. Помнится, я рассказывал тебе, как супруг Марьи Андре-

евны¹ заканчивал письма, которые он ей писал: то был перечень ласковых имен и прозваний; мы тогда весьма позабавились этому, но знаешь ли, сейчас мне кажется, что он очень любил свою жену, и в этом нет ничего смешного. А коли так, я хотел бы тебе сказать все самое нежное, и не могу найти ничего лучше, чем назвать тебя Попинька, как будто ты рядом со мной. Душинька моя Попинька, да сохранит тебя Господь. Плохо, что ты мне не объяснила свои поручения перед отъездом, и я не знаю теперь, сколько тебе надобно ситца для Сашиньки, полтора ар[шина] или поларшина. Я сделаю к завтрашнему дню все, что могу, прочее — до следующего раза. Прощай, моя Попинька, береги себя хорошенько и пиши мне. Заканчиваю письмо. Если в течение вечера найдется сообщить тебе что-нибудь интересное, допишу. Обнимаю тебя сердечно. Двятковской приходил смотреть Катиньку вчера и сегодня. Обнимаю любезную мою Софи², вели ей мне писать и не забывать, что учила ее грамоте именно ты, и посему у меня тоже есть кое-какие права на ее письма. Обнимаю тебя, мой милый друг, и жду нетерпеливо от тебя новостей.

В альбоме «Souvenir» письмо озаглавлено Настасьей Львовной «De Moscou à Mouranowo 1829» [«Из Москвы в Мураново»]. Уточнение датировки основано на отдельных фразах письма: упомянута Сашинька, старшая дочь Баратынских (р. 14 марта 1827 г.), но о сыне Лье не ни слова (он родился 17 июля 1829 г.). Зато говорится о болезни дочери Екатерины — она умерла в начале лета того же года (см. письма Баратынского к П.А.Вяземскому, лето 1829 г., и к Н.М.Коншину, вторая половина сентября 1829 г. — Изд. 1987. С.183, 187).

¹ Марья Андреевна Панчулидзева — тетушка Баратынского, о ней см. I раздел данной публикации; супруг ее — Иван Давыдович Панчулидзе (1760-1817).

² Младшая сестра Настасьи Львовны София Львовна (см. о ней II раздел настоящей публикации).

2

[Около 26 июня 1826 г. Москва]

J'ai retrouvé le portefeuille ainsi, sois tranquille. Je me porte bien, mais je suis un peu ivre, nous ne faisons que parler de toi avec Arinevskoy. Il me dit de choses qui m'attachent de plus en plus à lui. C'est un frère à nous. Je le laisse t'écrire lui-même et je t'embrasse aussi tendrement mon ange que le premier jour de mon mariage.

C'est une petite sottise: je t'aime encore bien plus, mais on ne sait pas comment dire la chose. Sais-tu que dix ans de mariage c'est une chose solennelle. C'est un bail que je renouvelle encore pour dix ans? C'est la loi qui pour toutes les prescriptions. Adieu, ma chère amie, ma chère enfant. Ne m'ennuie pas de la bêtise de ma lettre. Au fond je suis un peu triste de ne t'avoir pas auprès de moi, tout en bonne humeur que je suis. Dieu te bénisse.

[Около 26 июня 1826 г. Москва]

Я отыскал бумажник, так что будь спокойна. Чувствую себя хорошо, но слегка пьян. Мы только и говорим о тебе с Ариневским. Он говорит мне вещи, которые привязывают меня к нему все более и более. Он нам брат. Я позволил ему самому к тебе писать, а сам обнимаю тебя так же нежно, мой ангел, как в первый день женитьбы. Впрочем, вздор: я тебя люблю теперь несравненно больше, но невозможно это изъяснить. Знаешь ли, десять лет со дня свадьбы — это событие торжественное! Это договор, который я продлеваю еще на десять лет? Это закон законов. Прощай, мой милый друг, мое дорогое дитя. Не пеняй на дурачество моего письма. В глубине души я немного грустен оттого, что тебя нет рядом со мною, и это — даже в том прекрасном настроении, в каком я пребываю. Храни тебя Господь.

В альбоме «Souvenir» письмо озаглавлено: «De Moscou à Mouranowo 1836» [«Из Москвы в Мураново»]. Судя по контексту, написано около 26 июня 1836 г. — дня десятилетия свадьбы Баратынского.

3

[Около 13 мая 1837 г. Скуратово]

Je t'écris au moment de mon départ de Scouratowo; ayant passé par le bavardage de Jean et les embrassements de Фекла. Dieu merci, j'ai retrouvé tout en ordre et n'ai pas eu de plaintes de la part de paysans. Je t'embrasse, моя Попинька. J'ai envoyé две подставы de sorte que je vais faire 100 verstes en jour. Прощай, целую детей и Соничку.

[Около 13 мая 1837 г. Скуратово]

Пишу к тебе в минуту отъезда из Скуратова, претерпев болтовню Ивана и объятия Феклы. Благодаря Бога я нашел все в порядке и не имел жалоб от крестьян. Обнимаю тебя, моя Попинька. Я отправил две подставы, так что сделаю сто верст за день.

В альбоме «Souvenir» озаглавлено «Scouratowo 1837». Через тульское имение Энгельгардтов — Скуратово — Баратынский проезжал по пути в Мару, куда он отправился из Москвы 9 мая 1837 г. Эта записка дополняет уже известные письма к жене, написанные Баратынским во время этой поездки (см.: Хетсо Г. Указ. соч. С.605-607).

Настасья Львовна — мужу

[Около 15-17 мая 1840 г. Петербург]

Mon adoration, ma vie, tout ce qu'il y a de plus excellent, mon cher cher amour, comment a tu pu t'imaginer que je te conservais rancune? Si j'avais pensé que notre sottе querelle t'avait laissé une impression aussi tourmentante, je ne t'aurais pas écrit toutes mes lettres aussi vite et aussi follement. Je m'imagine comme elles ont dû t'être désagréables, toi, моя душичка, qui m'en as écrite une si pleine d'amour, si tendre que j'en suis pénétrée de reconnaissance, que j'aurais voulu me précipiter au vol pour t'en remercier, et figure-toi comme exprès on vient d'établir dans ce moment même des voitures de postes qui mettent deux jours pour aller à Moscou et que j'aurais pu partir ainsi sans de scrupules vis à vis d'Анна Васильевна, car tout le monde répète autour de nous que des femmes ne peuvent pas voyager ainsi, que c'est trop fatigant. Et pourtant ce sont de bonnes voitures et il est bien sûr qu'elles seront acceptées plus tard. Mieux aurait voulu pour moi n'en pas entendre parler. Je me suis décidée pour les pensions et je crois que tu m'approuveras. Celle de Митинька est plus chère que toutes celles que j'ai vues mais le monsieur est le beau-frère de Mme [нрзбр. 1 сл.]. Tout les deux passent l'été à Папролово et on promet que les enfants se verront et que les deux familles se réunissent toujours, surtout pendant les vacances où l'on reprend presque tous les élèves. Les pensions particulières dans les établissements de la couronne, c'est à dire chez les inspecteurs ont des inconvéniens dont je te parlerai. Celle que j'avais trouvée chez les pasteurs réformés m'a paru excellent et pour 1200, mais on donne peu à manger, à des grands intervalles, et comme

j'en faisais l'observation au chef, il m'a répondu qu'il ne pense qu'à donner de la nourriture à l'esprit que d'ailleurs, les allemands n'étaient pas des russes, qu'ils n'aimaient pas se vanter mais qu'ils donnent plus qu'ils ne promettent. Je l'ai laissé là, bien convaincue aussi qu'un sot n'étaient pas un homme d'esprit. Les deux pensions anglaises sont très contentes d'entendre parler toutes les langues à nos enfants, et en général de les voir assez préparés. Comme ils pourront être utiles aux autres, il faut espérer que cela fera une raison de bienveillance. Ils voulaient t'écrire, ainsi qu'aux enfants mais il n'y a pas moyen d'attendre leurs lettres. Je me charge de leurs baisers et saluts pour tous, entr'autres un en particulier et très tendre pour Настасья. La lettre de Левушка m'a fort amusée, je l'ai lue à Sophie. Le dîner de Гоголь est très satisfaisant sous tous les rapports. J'en ai communiqué les détails à Николай Васильич, que j'aime tous les jours davantage. Решительно человек по сердцу; il m'a parlé lui-même très longuement de la coterie, qu'il conçoit tout à fait comme elle est, et aussi pourquoi ces gens-là ne peuvent pas s'arranger de toi; on sent à quel point il t'aime, et ce à quoi on ne pourrait s'attendre à cause de sa timidité; c'est qu'il a le coeur sur la main. Je suis bien contente de ce que tu me dis sur les petits; les Полторацкие avaient sept enfants avec eux et la nourrice encore. Sophie prêche contre la figure non élégante de Тарасьевна, mais c'est une exagération, enfin nous en parlerons ensemble. Николай Васильич veut questionner [les] Armfeld qui sont très peu aisés, très économes et qui ont été partout les enfants avec eux, sans dépenser beaucoup. Je t'embrasse, моя милая душичка, que le bon Dieu me ramène plus vite auprès de toi, de vous tous. J'embrasse Саша, Левушка, les petits, fais mes compliments à Becker, à l'Anglaise, dis aussi quelque chose à Natalie. Que le bon Dieu te comble de ses bénédictions, душичка моя милая, chérinka. Je t'embrasse de tout mon coeur avec tout mon amour.

[Около 15-17 мая 1840 г. Петербург]

Обожаемый мой, жизнь моя, сокровище бесценное, дорогой мой, душа моя, как мог ты вообразить, что я затаила на тебя обиду? Если бы я могла предположить, что эта наша глупая размолвка произведет на тебя такое удручающее впечатление, я не стала бы писать эти свои письма, столь поспешные и столь глупые, представляю, как они должны были быть неприятны тебе, а ты, моя душичка, ты написал мне письмо, исполненное такой любви, такой нежности, которые пронизали меня столь глубокой признательностью, что я готова была помчаться, как на крыльях,

благодарить тебя, и вообрази, как нарочно, именно теперь, только что, учреждены почтовые дилижансы, которые добираются до Москвы за два дня, и, значит, я могла бы без оглядки ехать напротив Анны Васильевны¹, хотя все вокруг твердят, что женщины так путешествовать не могут — это слишком утомительно. Однако это хорошие экипажи, и, конечно, ими будут пользоваться. Лучше бы мне не слушать уговоров. Я решила насчет пансион², и надеюсь, ты меня поддержишь. Пансион для Митиньки дороже всех мною виденных, но его содержатель — свойственник мадам [нрзбр. 1 сл.]. И он и она проводят лето в Парголове и обещают, что дети будут видеться; обе семьи всегда собираются вместе, особенно во время каникул, когда приезжают почти все воспитанники. Частные пансионы в придворных заведениях находятся во власти надзирателей, а это влечет за собою неудобства, о коих я тебе расскажу. Что же до лютеранского пансиона, который я отыскала, то он показался мне достойным еще и потому, что стоит 1200 рублей, но там скудно кормят, притом с большими промежутками; когда же я заметила это начальнику, он ответил мне, что заботится прежде всего о пище духовной, что немцы — это не русские, что хотя он не любит похвальбы, но у них в заведении обеспечивают даже тем, чего сначала не обещали. На том я с ним и рассталась, еще раз убедившись, что дураку не бывать умным. В двух английских пансионах очень довольны тем, что наши дети говорят на всех языках и вообще хорошо подготовлены. Поскольку они могут быть полезны другим, надо думать, к ним отнесутся более снисходительно. Они³ хотели написать как тебе, так и детям, но нет возможности дожидаться их писем. Передаю тебе их поцелуи и поклоны, а особенный и самый нежный привет Настасье. Левушкино письмо очень меня позабавило, я прочитала его Софи⁴. Обед у Гоголя⁵ во всех отношениях прошел неплохо. Я пересказала его подробности Николаю Васильичу⁶, которого с каждым днем все больше люблю. Решительно человек по сердцу; сам же он очень долго рассказывал мне о котерии⁷, о которой знает действительно все, в том числе и то, почему эти люди не могут с тобою ладить; чувствуется, как он любит тебя, даже если и не выражает этого словами из-за своей скромности; сердце его совершенно открыто. Очень довольна тем, что ты говоришь мне о малышах; Полторацкие⁸ брали с собою семерых детей, и еще кормилицу. Софи упрекает меня за неизящный вид Тарасьевны, но это уж преувеличение; да мы с тобою еще поговорим о том⁹. Николай Васильич хочет расспросить Армфельдов¹⁰ — они стеснены в средствах, очень бережливы и все же повсюду возили с собою детей без осо-

бренных издержек. Обнимаю тебя, моя милая душичка, да приведет меня Господь поскорее обратно к тебе и ко всем вам. Обнимаю Сашу, Левушку, малышей, кланяйся Беккеру, Англичанке, передай также поклоны Натали¹¹. Господь да исполнит тебя Своею благодатью, душичка моя милая, шеринька¹². Обнимаю тебя сердечно, со всею любовью.

В мае 1840 г. Настасья Львовна была вместе с детьми Дмитрием и Марией в Петербурге. Ее письмо является ответом на два письма Баратынского к ней от 10 мая 1840 г. из Москвы (см.: Хетсо Г. Указ. соч. С.628-631).

¹ Видимо, сестра Николая Васильевича Путяты; судя по контексту, она отправлялась в середине мая 1840 г. в Москву.

² Речь идет об устройстве детей, привезенных в Петербург, в частный пансион.

³ Семейство Путяты, у которых останавливалась Настасья Львовна в Петербурге.

⁴ Письмо 11-летнего сына Льва к А.Г.Колошиной Баратынский цитировал в своем втором письме от 10 мая (см.: Хетсо Г. Указ. соч. С.630-631). Софи — София Львовна Путята (урожд. Энгельгардт), сестра Настасьи Львовны.

⁵ Об именинном обеде Гоголя, состоявшемся в доме М.П.Погодина, Баратынский рассказывал в своих письмах от 10 мая.

⁶ Николай Васильич — Путята; см. о нем выше фрагмент II настоящей публикации.

⁷ Котерией (coterie, фр. — партия) Баратынский и его близкие называли в конце 1830-х — начале 1840-х годов литературский круг М.П.Погодина — С.П.Шевырева. С ними Баратынский и прежде не был близок (характерная дневниковая запись Погодина от 12 июля 1830 г.: «/.../ Баратынского, к которому не лежит у меня сердце». — А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т.2. С.21). Пользуясь случаем, выскажем предположение, что известная эпиграмма Баратынского «В руках у этого педанта...» адресована не В.Г.Белинскому, а С.П.Шевыреву. Как и о Белинском, о нем вполне можно было сказать: «Похоронил он два журнала, // И третий похоронит он». Журналы, «похороненные» Шевыревым, — «Московский вестник» и «Московский наблюдатель», третий журнал — «Москвитянин» М.П.Погодина, в котором, как и в прежних двух, Шевырев играл первенствующую роль.

⁸ Полторацкие — Сергей Дмитриевич (1803-1884) и Мария Петровна (1803 - после 1851; урожд. Киндякова). Полторацкий — добрый знакомый Путяты еще с конца 1810-х — начала 1820-х годов.

⁹ Настасья Львовна ездила в Петербург на седьмом месяце беременности (дочь Зинаида родилась 28 июля 1840 г.).

¹⁰ Армфельды, или Армфельты — Александр (1794-1876) и Сигрид Фредерика (1800-1841; урожд. Уксеншерна). В середине 1820-х годов Армфельт был одновременно с Пуяттой адъютантом финляндского генерал-губернатора А.А.Закревского; с 1832 г. оба служили в Петербурге в Финляндском комитете. Упоминание Полторацких и Армфельтов в связи с тем, что те и другие брали в свои дальние отъезды всех детей, порождено раздумьями и Баратынских и Путят, собиравшихся за границу.

¹¹ Саша — старшая дочь Баратынских Александра; Левушка — сын Лев; малыши — 5-летний Николай и 3-летняя Юлия; Беккер Г.Г. — учитель у детей Баратынских; Англичанка — новая гувернантка, появившаяся в начале мая 1840 г.; Натали — младшая сестра Баратынского.

¹² Шеринька — от фр. *cheri* (милый, дорогой).

V. CHÈRE SOPHIE

В пансионе Е.Д.Шретер на Литейном проспекте в Петербурге лекции по русскому языку и словесности читал П.А.Плетнев. Именно Плетинька, как называли любимого учителя воспитанницы, познакомил одну из учениц со своим другом А.А.Дельвигом. София Михайловна Салтыкова была умна и хороша собою; с порывистым и неровным характером в ней соединялись искренность и любезность. Она живо интересовалась литературой: так, по ее письмам пансионной подруге А.Н.Семеновой (в замужестве Карелиной), видно, что в 1824 она знает наизусть очень многое из написанного к этому времени Пушкиным; в письмах речь часто заходит о новых или уже известных обоим ученицам Плетнева сочинениях.

София Михайловна впервые увиделась с Дельвигом в начале мая 1825 на даче в Царском Селе, а уже 30 мая Дельвиг просил у будущего тестя ее руки. Отец С.М. — Михаил Александрович Салтыков (1767-1851), человек отменно умный и образованный, почетный член «Арзамаса», обладал, к несчастью, подозрительным и мрачным нравом; частые приступы ипохондрии делали его невыносимым для домашних; но в то время он был настроен миролюбиво и согласился на брак дочери. Еще год назад, летом 1824-го, София Михайловна была пламенно влюблена в П.Г.Каховского (будущего декабриста). Но теперь тот роман уже пережит; тоска, слезы, мучительные колебания постепенно изглаживаются из памяти. Каховский, потеряв всякую надежду добиться у М.А.Салтыкова разрешения на брак, в отчаянии умолял возлюбленную обвенчаться с ним тайно — она отказалась. Прежнее увлечение сменилось новым: «Это не та пылкая страсть, какую я чувствовала к Каховскому, что привязывает меня к Дельвигу — это чистая привязанность, спокойная, восхитительная, — что-то неземное, и любовь моя растет с каждым днем благодаря добрым качествам и добродетелям, которые я открываю в нем», — писала София Михайловна подруге¹.

¹ Модзалевский Б.Л. Роман декабриста Каховского. Л., 1926. С.105. Перевод с фр. Б.Л.Модзалевского.

Свадьба состоялась в октябре 1825 г. В гостиной Дельвигов бывали Гнедич, Плетнев, Александр и Лев Пушкины, Илличевский, Сомов, Розен. Дельви́г был трогательно привязан к жене. «Для тебе только живу и жить буду»², — писал он ей летом 1825 г. София Михайловна же, по своей чрезвычайной вспыльчивости, «часто делала такие сцены своему мужу, что их можно выносить только при его хладнокровии»³. «Несмотря на значительный ум, она легко увлеклась, и одним из этих увлечений была ее дружба с А.П.Керн, которая наняла небольшую квартиру в одном доме с Дельви́гами и целые дни проводила у них»⁴. Это знакомство дало А.Н.Вульффу повод впоследствии записать о Софии Михайловне в своем дневнике: «По дружбе с А.П.[Керн] и по разным слухам она не должна быть весьма строгих правил»⁵, — что, может быть, была и совершенная ложь. Но, увы, из-за Софии Михайловны приступы отчаяния бывали даже у Дельви́га:

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил⁶.

После внезапной смерти Дельви́га 14 января 1831 г. София Михайловна осталась с дочерью, которой еще не исполнилось года. «Потерять такого друга, как он, в таком возрасте! После того, что я испытала такое глубокое счастье в продолжение 5 лет — только 5 лет! Можно ли когда-нибудь забыть его! Он был человек необыкновенный и муж необыкновенный»⁷. Хотя сомневаться в искренности Софии Михайловны было бы грешно, на ум невольно приходят строки из ее же письма шестилетней давности: «Если когда-нибудь я забуду Пьера [Каховского] и полюблю кого-нибудь другого (вещь, которая, повторяю, кажется мне невозможной), я уверена, что снова ошибусь; по крайней мере, мне кажется, что такова моя судьба и что я родилась под дурною звездою»⁸. Последние слова звучат едва ли не пророчеством. Дальнейший ход событий подробнее других современников пересказал племянник Дельви́га, сам влюбленный в нее: «Не прошло и двух месяцев после смерти Дельви́га, как вдова его получила от [М.Л.] Яковлева письмо, в котором он делал ей предложение выйти за него замуж. Она была и огорчена и оскорблена этим письмом /.../ С.М.Дельви́г переехала в Москву с дочерью и братьями мужа в конце июля 1831 г., остановилась у отца, жившего на Маросейке. В одно время с С.М.Дельви́г приехал в Москву Сергей Абрамович Баратынский /.../ Баратынский в Москве каждый день бывал у С.М.Дельви́г и

² Дельви́г А.А. Сочинения. Л., 1986. С.298.

³ Дельви́г А.И. Полвека русской жизни. М.; Л., 1930. Т.1. С.71.

⁴ Там же. С.99.

⁵ Пушкин и его современники. СПб., 1915. Вып. XXI-XXII. С.42.

⁶ Дельви́г А.А. Указ. соч. С.184.

⁷ Модзалевский Б.Л. Пушкин. Указ. изд. С.253. Перевод с фр. Б.Л.Модзалевского.

⁸ Модзалевский Б.Л. Роман декабриста Каховского. Указ. изд. С.103. Перевод с фр. Б.Л.Модзалевского.

оставался у нее очень поздно. Эти посещения крепко не нравились ее отцу, который это явно выказывал, и даже когда Баратынский и я засидимся поздно вечером, он просто нас выпроваживал от себя разными намеками, из которых легко было видеть, что неудовольствие его относилось не ко мне, а к Баратынскому. Последний довольно бесцеремонно обходился с С.М.Дельвиг в отсутствие ее отца, что меня не поражало, потому что я видел, что он и при жизни Дельвига был совершенно своим человеком, как с ним, так и с его женою». Затем София Михайловна уехала в тульское имение свекрови — Масловку — и оставалась там более месяца. «Вдруг /.../ явились признаки беременности С.М.Дельвиг. Она поспешила уехать с дочерью /.../ и вскоре написала /.../, что она вышла замуж за Баратынского, что она по-прежнему будет любить свою свекровь и ее детей и всех родных ее первого мужа»⁹. Неожиданность этого брака, его поспешность и тайность поразили окружающих. Родственники Дельвига отвергли Софию Михайловну, «все называли ее притворщицею», «находили ее замужество чуть не преступлением»¹⁰. Отец ее был взбешен мезальянсом дочери с «простым лекарем» (С.А.Баратынский закончил в 1830 г. Московскую медико-хирургическую академию). Даже ближайшая подруга А.Н.Карелина не отгегила на отчаянное письмо Софии Михайловны, в котором она пыталась объяснить случившееся: «Теперь выслушай меня до конца, пощади меня во имя всего, что тебе дорого! Не прибавляй к моим страданиям еще страданий от потери твоего уважения и твоей любви. /.../ Я умерла для всех, так как все, конечно, меня презирают. Я оплакиваю втайне моего мужа, я не решаюсь его оплакивать перед теми, кто окружает меня. Я не в состоянии буду любить этого так, как любила того. Никогда!»¹¹. Переписка с подругой возобновилась лишь через полтора года.

Сергей Абрамович Баратынский (1807-1866) был человеком незаурядным, но очень нелегким. По воспоминаниям Б.Н.Чичерина, его отличала «натура живая, страстная, одаренная самыми разнообразными способностями /.../ Он сделался бы великим человеком, если бы не родился русским баринном»¹². «Зная ее вспыльчивость и также пылкий характер ее второго мужа, я предвидел для нее грустную жизнь, так как она была избалована необыкновенным добродушием и хладнокровием ее первого мужа», — замечал А.И.Дельвиг¹³. Изысканность петербургской гостиниой сменилась уединением, глушью марской усадьбы. Полностью погрузившись в воспитание детей и хозяйственные заботы, София Михайловна смогла покинуть тамбовское имение лишь через много лет, когда стала вывозить дочерей в свет. Она скончалась в 1888 г. в Маре, в преклонных летах, сохранив ясный рассудок и твердость духа.

⁹ Дельвиг А.И. Мои воспоминания... Т.1. С.125, 147-148.

¹⁰ Там же. С.148-149.

¹¹ Модзалевский Б.Л. Пушкин. Указ. изд. С.262, 265. Перевод с фр. Б.Л.Модзалевского.

¹² Изд. 1987. С.374-375.

¹³ Дельвиг А.И. Мои воспоминания. С.148.

Публикуемое письмо Е.А.Баратынского к ней написано в ответ на ее письмо, видимо, осенью 1831 г. из Каймар, где он тогда находился с семейством. Баратынский познакомился с ней в июне 1825 г., но коротко знаком не был, т.к. с осени 1825 г. жил в Москве, а Дельвиги — в Петербурге. Сразу уловив в письме Софии Михайловны скованность и неловкость, Баратынский поспешил ей ответить с максимальной деликатностью. Письмо печатается по автографу, хранящемуся в ИРЛИ (№26318).

[Осень 1831 г. Каймары]

Mon sort est vous aimer, chère Sophie, et si je chérissais en vous la femme d'un ami, je ne chérirai pas moins cela d'un frère. Je desire vivement votre affection et voilà pourquoi je touche un point qu'une voix vulgaire m'aurait défendu d'aborder. J'ai cru sentir dans le style de votre lettre l'embarras où vous étiez de m'annoncer votre mariage. Il m'a paru qu'il était pénible à votre délicatesse de signer un autre nom que celui qui nous liait d'abord et que vous ne vous êtes pas assez reposée sur les nouveaux droits que vous avez à mon amitié. Il n'en pouvait être autrement. Je devais être un juge à vos yeux plus qu'autre chose; mais ne croyez pas assez injuste, chère Sophie, pour vous reprocher de n'avoir pas enterrer votre jeunesse dans un deuil éternel, d'avoir rouvert votre âme à l'espérance, d'avoir fait le bonheur à mon frère? Votre affection vivante n'est pas de la haine pour celui qui n'est plus: vous avez fait le bonheur de l'un, vous ferez le bonheur de l'autre, et ce ne sera qu'un double droit à mon attachement. Non seulement, si j'ai le plaisir de vous revoir, je ne garderai pas un silence affecté sur les années de notre première connaissance; non seulement, je ne me ferai pas une loi indécate de ne pas nommer en votre présence celui qui fut votre premier choix, mais j'espère que nous chérirons ensemble son souvenir. Si l'attachement que vous avez eu pour lui n'était pas l'amour, la parfaite sympathie, c'était toujours de l'estime et nous nous réunirons dans le sentiment. Je n'en dis pas davantage. Je désire prévenir par ma franchise ces suppositions gratuites que fait toujours naître le doute. Je dis ce que je pense que vous ne me soupçonniez pas penser autrement, et vous irritant (comme cela n'irrite que trop souvent) contre l'oeuvre de votre propre imagination, vous ne me priviez d'une affection qui m'est nécessaire. Et ma chère Sophie, chère soeur: ne vous offensez pas de la [sincerité] de cette lettre, et quelque jugement que vous en portez, croyez que mon intention était de mériter votre amitié.

E. Boratinsky

Мой удел — любить вас, любезная Софи, и если вы были любезны мне как жена друга, я не меньше буду любить вас как жену брата. Я горячо желаю сохранить вашу привязанность и вот почему касаюсь вопроса, о котором мне сразу бы запретило говорить пошлое мнение. В тоне вашего письма я почувствовал затруднение, с которым вы сообщали мне о своем замужестве. Мне показалось, что вам тяжело было подписываться не тем именем, которое соединяло нас ранее, и что вы не совсем уверены в тех новых правах, какие дает вам моя дружба. Иначе быть и не могло. Вам я должен представляться прежде всего судьей; но вы несправедливы ко мне, дорогая Софи, если думаете, будто я упрекаю вас в том, что вы не похоронили свою молодость под вечным трауром, что вы вновь открыли свою душу для надежды, что вы составили счастье моего брата. Ведь нынешнее ваше чувство имеет своим источником не ненависть к тому, кого более нет на свете. Вы дали счастье одному, вы осчастливите другого, это предоставляет вам двойное право на мою привязанность. И это еще не все: когда я вновь увижу вас, то не стану натянуто молчать о времени, когда мы познакомились, я не только не присвою себе бесцеремонного права не назвать при вас имени того, кто был первым вашим избранником, но и надеюсь, мы вместе будем лелеять его память. Если чувство, привязывавшее вас к нему, и не было любовью, совершенным сродством, оно, однако же, всегда было достойным уважения, и именно в таком чувстве мы с вами едины. Не стану более говорить о том. Своей откровенностью мне хотелось бы предупредить те безосновательные мысли, которые всегда порождаются сомнением. Я говорю как думаю, чтобы у вас не возникло подозрения, будто я думаю иначе, и чтобы оскорбясь (как это случается слишком часто) плодом вашего же собственного воображения, вы не лишили меня вашего расположения, которое столь необходимо мне. И — любезная Софи, любезная сестра: не обижайтесь на искрениый тон этого письма; какое бы суждение вы о нем ни составили, верьте, я хотел лишь заслужить вашу дружбу.

Е. Баратынский

Дальнейшие отношения Баратынского с С.М.Дельвиг-Баратынской и с братом Сергеем лучше всего характеризуют два его письма, отправленные к ним из Москвы в Мару (оба на русском языке). Первое из этих писем — от конца ноября — начала декабря 1835 г. — сообщает о рождении сына Николая (26 ноября 1835; крещен 2 декабря — см. свидетельство

о рождении: РГАЛИ. Ф.51. Оп.1. Ед.хр.208). Второе является припиской к письму Настасьи Львовны Баратынской (написано, видимо, после 1833-1834 гг. — времени, когда Баратынский, живя в Маре, успел познакомиться с женой брата короче прежнего; во всяком случае, она для него теперь уже просто *Соничка*, а не прежняя *chère Sophie*). Оба письма публикуются по автографам, хранящимся в ИРЛИ (№26317 и 26319).

1

Настя родила благополучно, а у меня еще сын, который по желанию его Киевской прабабушки назван Николаем. Уведомляю вас об этом, милые мои Сергей и Соничка. Жена моя хоть не так бодра, как бывало, но не страдает ничем особенным. Зная, как вы ее любите, спешу с вами поделиться доброй вестью и вас успокоить. — *Е.Баратынский*.

2

Что вам сказать, милые друзья мои Сергей и Соничка? Верьте, что мне очень без вас грустно; но меня утешает будущее, которое сулит мне частые свидания. Будьте здоровы и помните старого друга. *Е.Баратынский*.

VI. КАЙМАРЫ. МЕМОРИАЛЬНАЯ ЗАПИСКА К.Н.АЛЕКСЕЕВОЙ

В имение тестя, Л.Н.Энгельгардта, — Каймары, недалеко от Казани, — Баратынский впервые приехал вместе с семьей в июле 1831 г. и прожил здесь до декабря. «Вот уже месяц, как я в своей казанской деревне. Сначала похлопотал по хозяйству, говорил с прикащиками и старостами. У меня тяжёбое дело, толковал с судьями и секретарями. Можешь себе представить, как это весело»¹, — писал он И.В.Киреевскому 6 августа. «Я пишу, но не пишу ничего порядочного. Очень недоволен собою»², — сетовал он в другом письме.

Баратынский писал Киреевскому из Каймар почти еженедельно. Несколько написанных там стихотворений предназначались для журнала «Европеец», где они и были напечатаны в 1832 г.: «В дни безграничных увлечений...» и послание к Н.М.Языкову («Языков, буйства молодого...»). Временем пребывания в Каймарах датируется еще одно послание

¹ Изд. 1987. С.211.

² Там же. С.222.

к Языкову («Бывало, свет позабывая...»), а также стихи «Мой Элизий» («Не славь, обманутый Орфей...»), «Бывало, отрок, звонким кликом...», «Где сладкой шепот...».

На зиму Баратынский с семейством перебрался в Казань. Ненадолго заехав в Каймары из Казани весной следующего, 1832 года, Баратынский оставил имение до осени 1833, когда ему вновь пришлось побывать там из-за неурожая.

Каймары не имели для Баратынского той притягательной силы, которой обладала родительская усадьба в Маре, чей «очарованный кров» за время скитаний сделался для Баратынского любимым воспоминанием; казанское имение не было и «мирным убежищем», как Мураново, где можно было обосноваться надолго и почувствовать себя дома.

В 1851 г., уже после смерти Баратынского, между дочерьми Л.Н.Энгельгардта — Настасьей Львовной и Софией Львовной — состоялся имущественный раздел, по которому казанские деревни отошли к Н.Л.Баратынской. Кроме Каймар, в Казанском уезде ей принадлежали деревни Князь-Камево, Иши и Шуманы. В 1910-х годах все они уже были распроданы крестьянам. Жилой дом, о котором идет речь в публикуемой нами записке, был только в Каймарах.

История этого дома рассказана внучкой поэта, Ксенией Николаевной Алексеевой (урожд. Баратынской, 1878-1958). Текст печатается по автографу Рукописного отдела РНБ (Ф.423. Архив А.Н.Лбовского. №1614).

В 20-ти километрах от Казани находилось село Каймары. До сих пор сохранилась церковь, носящая музейный характер и, может быть, еще хранящая интересные реликвии старины. Именье «Каймары» в конце XVII века, по семейному преданию, принадлежало казанскому вице-губернатору Никите Алферовичу Кудрявцеву¹, который принимал проезжавшего в Персию мимо Казани императора Петра I. Преданье говорит, что старинный крест, находящийся в каймарской церкви, был пожертвован Петром I. Там же находится Евангелие, пожертвованное якобы Екатериной II, когда она посетила Казань в 1767 г. Сын Н.А.Кудрявцева Нефед Никитич² был в молодости сподвижником Петра I. Погиб ста одного года на паперти Казанского женского Монастыря в городе Казани при взятии ее Пугачевым. Дочь его была замужем за Татишевым А.Д. С тех пор именье это переходило по женской линии, а именно внучке Татишевых, Екатерине Петровне, которая вышла замуж за Льва Николаевича Энгельгарт³ (тестя поэта). Энгельгарт ремонтировал церковь и привез из Вены резной позолоченный иконостас художественной работы и хорошую копию мадонны Рафаэля.

Когда был построен в Каймарах дом — точно не известно: в конце XVIII или в начале XIX столетия. Семейное предание го-

ворит, что он был построен по плану знаменитого архитектора Растрелли, но точно утверждать этого нельзя.

Дом был двухэтажный каменный с большой террасой и двухсветным залом, стены которого были украшены фресками. Окружен он был фруктовым садом и от деревни отделялся искусственным прудом. Никаких фотографий каймарского дома не осталось.

Этому дому, вернее, имению, мы обязаны тому, что поэт Боратынский бывал в Казани в 1831 и 1833 годах.

Именьё Каймары должны было перейти наследникам по женской линии: такова была традиция. Сын поэта Николай Евгеньевич получил лишь часть земли, усадьба же перешла к дочерям: незамужней Марии Евгеньевне и Зинаиде Евгеньевне, которая была замужем за Иваном Петровичем Геркен⁴. Обе они жили в имении Геркен Юматове Свияжского уезда Казанской губернии. Таким образом, усадьба и дом были предоставлены запустению. Дом не ремонтировался и приходил в упадок. Пожар, происшедший в селе, уничтожил надворные постройки и часть яблоневого сада. Остальной сад был вырублен. Обстановка и богатая библиотека во время пожара расхищены.

Сохранилось письмо О.А.Боратынской (жены сына поэта), в котором она описывает экскурсию в разваливающийся дом: «Недавно мы поехали в Каймары к обедне. Приехали мы, когда обедня еще не начиналась, и мы пошли осматривать дом. Подходим к большому парадному крыльцу под арками и натываемся на лошадей. У парадной лестницы отгорожено место и устроено стойло. Мы решили идти дальше. Ступени и полы под нашими ногами качались. Мы остановились в дверях залы. Стекла в окнах были выбиты, часть окон забиты досками. В их глубоких нишах ютились летучие мыши. Ласточки то и дело влетали и вылетали в разбитые окна. Пол завален луком, картофелем и немолотой гречей, что составляло резкий контраст с фресками стен, изображавшими амуров, пастушек, затейливые мостики и беседки. Но и фрески все отсырели, штукатурка во многих местах отпала, пятна сырости уничтожили когда-то красивые тона фресок. Мы постояли перед этой грустной картиной запустенья и поспешили уйти.

11 сентября 1883 г.»

На одной из внутренних стен дома, на сохранившейся белой штукатурке приезжавшие экскурсанты несколько лет подряд могли прочитать стихотворение, написанное карандашом, посвященное этому дому. Вот оно:

О тише, тише, мой покой
Не нарушай! Последний век

Я доживаю над землей,
Мне жить недолго, человек!
О тише, тише, — я очаг
Былых времен — и распадаюсь
И лишь на твой тяжелый шаг
Печальным стоном отзываюсь
И тихо плачу. Этот звук
Напоминает мне бывшее,
Когда твой прадед, жалкий внук,
Меня украсил и душою
Семьи взлелеял идеал,
Бессмертным быть мне приказал,
И с той поры, гордыни полный,
Я род блестящий приютил.
Года текли. Как в море волны
Сменялись люди — я все жил.
Под сенью древних стен и кровли
Я холил седины отцов
И поколенья молодого
Таил вспыхавшую любовь.
И если друг, встречая друга,
Ему фиал вручал с вином,
Часы вечернего досуга
Я замедлял и с новым днем
Боролся светом красноватым
Уж догорающих свечей,
И в празднестве моем богатым
Скучавших не было гостей.
И стук ковшей был звонок, громок,
И пена искрилась в ковшах,
А ныне! Что ж? взгляни, потомок,
Я в одиночестве исчах.
И в очаге не вспыхнет пламя,
Мне светит ночью лишь гроза,
За камнем упадает камень,
Как за слезой течет слеза.
И стонут, трескаясь, своды,
Готовы рухнуть надо мной.
В часы грозы и непогоды
Меня тревожит ветра вой
И заунывный и печальный...
Но скоро своды упадут
И на предсмертный зов прощальный

Тогда Кудрявцевы придут,
И Энгельгарт придет слезою
Почтить кончину старика,
И править тризну надо мною
Слетятся духи с высока.

подписано А.Боратынский, внук поэта.

В конце 80-х годов дом был продан на слом купцу Шемякину и кирпичи свезены.

Из обстановки сохранились только две вещи: вывезенный сыном поэта письменный стол, стоявший в кабинете поэта. За этим столом он писал, когда жил в Каймарах, и бюро красного дерева. Картина, иллюстрирующая поэму «Цыганка» («Наложница»), работы дочери поэта Александры Евгеньевны⁵, висела в доме Боратынских Шушары. Может быть, ее можно было бы и сейчас найти там. Репродукция ее была приложена к четвертому изданию стихотворений Боратынского, изданному в Казани.

¹ Н.А.Кудрявцев (ум. в 1728) с 1697 г. до смерти прослужил в Казани последовательно в должностях товарища воеводы, воеводы, коменданта и вице-губернатора. В 1706 г. получил от Петра I «полную мочь» в делах, связанных с возникавшими среди татарского и башкирского населения волнениями. В 1718 г. в Казани было основано адмиралтейство, где под наблюдением Кудрявцева строились суда по инструкциям Петра. В 1722 г. Петр проездом по Волге к Каспийскому морю был в Казани, где остался весьма доволен состоянием адмиралтейства.

² Н.Н.Кудрявцев (ок. 1676/1680 — 1774) службу начал в 1704 г., в 1727 еще при жизни отца был назначен на его место вице-губернатором в Казань. По выходе в отставку в 1740 г. жил то в Казани, то в загородном имении Каймары. В 1767 г., когда императрица Екатерина II посетила Казань, Кудрявцеву было более 90 лет; он плохо видел и слышал, но непременно желал видеть императрицу, которая приняла от него в подарок четверку лошадей Каймарского завода. В июле 1774 г., когда войска Пугачева подошли к Казани и завладели городским домом Кудрявцева, устроив там свои батареи, он надеялся найти спасение в Казанском женском монастыре, близ чудотворной иконы Божией Матери. Но монастырь был разрушен, а Кудрявцев убит.

³ Л.Н.Энгельгарт (1766-1836) — генерал-майор, автор известных «Записок о временах Екатерины, Павла и Александра I». Был женат на Екатерине Петровне Татищевой (ум. в 1821 г.), дочери П.А.Татищева, масона, члена новиковского кружка. Об их дочерях — Анастасии, вышедшей замуж за Баратынского, и Софии, жене Н.В.Путяты, см. в разделах II, IV настоящей публикации.

⁴ Николай Евгеньевич Баратынский (1835-1898) — третий сын поэта, издатель его сочинений с вариантами, письмами и биографическими данными (Казань, 1884). Жена его — Ольга Александровна Казем-бек; ее письмо приведено в тексте Записки. Мария Евгеньевна (р. 1831) и Зинаида Евгеньевна, в замужестве Геркен (1840 — ум. после 1917) — дочери Е.А.Баратынского.

⁵ Поэма «Наложница» (М., 1831) в издании «Стихотворений Евгения Баратынского» 1835 г. называлась «Цыганка». Александра Евгеньевна (1827-1874), старшая дочь поэта, еще ребенком делала «большие успехи в рисованьи» и обещала «настоящий талант».

За уточнения событий и дат жизни детей и внуков Баратынского признательно благодарим Николая Матвеевича Алексева.

ПИСЬМА Д.И.ХВОСТОВА К М.П.ПОГОДИНУ

Публикация Т.Ф.Нешумовой

Несмотря на или, скорее, благодаря своей устойчивой репутации поэта-графомана Д.И.Хвостов остается в стороне от исследований русской литературы первой трети 19 века. Последняя публикация из архива Хвостова, осуществленная А.В.Западовым более полувека назад, была первым и единственным приступом к научному изданию его текстов. После нее появилось лишь одно стихотворение, напечатанное Ю.М.Лотманом в сборнике «Поэты 1790-1810-х годов» (Л., 1971). А до нее кое-что из бумаг Хвостова было рассыпано по статьям П.О.Морозова и Е.Колбасина, но это лишь отдельные выписки, сокращенные и некомментированные. А между тем банально заниматься доказательством того, сколь велика информативная ценность писем, записок и других бумаг «певца Кубры». Может быть, следствием их непрочитанности является и сама литературная судьба Хвостова. Представляется, что постепенное знакомство с бумагами его архива явилось бы основанием для корректировки установившейся литературной репутации их владельца. Впрочем, и опираясь на известные его тексты, можно составить представление о Хвостове, не во всем совпадающее с образом графомана, чьи стихи годны лишь для «обертывания корицы» или, в лучшем случае, могут быть использованы как снотворное средство.

Самое удивительное в Хвостове — детская по страстности своей и взрослая своей серьезностью и глубиной любовь к слову, словесности, литераторам и литературе. На этой любви, принимающей, может быть, гротескные формы, и была замешана литературная репутация Хвостова. Хвостов — особенно на закате своих лет — попечителен, он печется о читателе, чтобы тот его верно понимал, о молодых писателях — «юных питомцах муз», о самом ходе словесности. И позиция, с которой он выступает, это позиция честного литератора — труженика, но отнюдь не мэтра, которым он, конечно, иногда очень хотел представиться. Им движет не столько любовь к своим стихам (ведь он признается сам: «Мне скудны жители небесны // Богатых не дали даров»), сколько мысль, что ему, переводчику «L'Art poétique» Буало и старейшему русскому писателю, может быть, лучше других известны законы литературы, и поэтому, из любви к ней, он не должен молчать. «Если автор не может ругаться за свои способности, по крайней мере должен, как собственно для себя, так и из уважения к читателям, стараться, чтобы в сочинениях его строго сохранены были формы искусства и правильность, сообразная с употреблением языка, и могли бы хотя несколько времени приносить некоторую пользу и удовольствие читателям». Между тем Хвостов не был ослеплен самой возможностью «писать стихи и отдавать

в печать», свой дар он оценивал вполне здраво. В «Послании к Языкову» он признавался со всей откровенностью: «Пускай летал или только лазил // Я без удачи на Парнас» (показательно, что в более позднем издании эти строки были изменены: «Пускай летал, пускай проказил, // Скучая Фебу каждый раз...»).

Настоящая публикация воспроизводит полный текст писем Хвостова к Погодину, хранящихся в ОР РГБ (Ф.231/П. Карт.46. Ед.хр.61; Карт.47. Ед.хр.102; Карт.48. Ед.хр.101; Карт.50. Ед.хр.50; Карт.51. Ед.хр.81). Все они (кроме №1) написаны рукою писаря и лишь подпись «граф Хвостов» выводил сам автор. Единственное исключение — письмо № 8, где задетый за живое Хвостов сделал собственноручное примечание, здесь прыгающий почерк выдает волнение семидесятитрехлетнего старца. Фрагменты писем использовались Барсуковым в разных местах его обширного исследования «Жизнь и труды М.П.Погодина». Барсуков обращался к ним как к своего рода курьезам, еще и еще раз подтверждающим установившуюся репутацию Хвостова — графомана, надоедающего даже малознакомым литераторам (каким был для Хвостова Погодин) присылкою очередных томов своих изданий. Внимание исследователя привлекли также места, рассказывающие об обмене посланиями между Н.М.Языковым и Хвостовым, и строки, вызванные появлением альманаха «Комета Белы». Затем отрывок письма Хвостова, в котором упоминается имя А.С.Пушкина, был вновь напечатан в «Литературном наследстве» (Т.16-18. М., 1934. С.708).

За пределами книги Барсукова остались любопытные рассуждения Хвостова о знаменитой мелодраме В.Дюканжа «Три дня из жизни игрока»; о речи Погодина, посвященной 75-летию Московского университета, первый вариант стихотворения Хвостова «Комета».

По собранным воедино письмам Хвостова легко восстанавливается картина его взаимоотношений с Погодиным. О знакомстве, состоявшемся в конце 1825 года и вызванном желанием Хвостова завязать отношения с молодым литератором, снискавшим известность изданием альманаха «Уrania», говорят письма 1 и 2. Случайная встреча в Английском клубе в 1831 году была второй и последней (письмо 9). Погодин, как видно из писем Хвостова, пренебрегал его приглашениями. Поэтому Хвостов справедливо заключал: «Остается мне только одно утешение на старости: усердно читать прекрасный журнал, в котором вы имеете отличное участие, называемый Московский Вестник...». Читением этого журнала и вызваны письма 2, 5, 8. Почти каждое письмо Хвостова содержит извещение о присылке очередного тома его последнего собрания сочинений или отдельного издания. Но все же Погодин для Хвостова — нечто большее, нежели еще один адресат для распространения своих произведений. Он — участник литературного процесса, который до конца дней интересовал Хвостова. Он — автор произведений, которые волнуют Хвостова. Это особенно заметно в последнем письме, вызванном чтением «фантазии» Погодина в альманахе «Комета Белы». «Галлей за все свои многолетние труды не только не получал никакого одобрения, но оставался в толпе, пренебреженный и даже притесняемый.

Впрочем, он по своему характеру переносил все это терпеливо, отмщал своим гонителям презрением, а чаще сожалением, и сердечно был уверен, что истина, рано или поздно, возьмет верх» (Комета Белы, альманах на 1833 год. СПб., 1833. С.3). Легко предположить, что читая это место в рассказе Погодина, Хвостов размышлял о себе, о своей творческой судьбе.

1

Прошу почтенного Михаила Петровича Погодина повидаться с ниже подписавшимся, который имеет желание и нужду вас видеть. Он живет на Сергиевской улице в собственном доме № 597 (дом [нрзб.] Графа Хвостова) — после обеда и сегодня в четверг он дома в шесть часов всегда. Не откажите литератору древнего покроя утешить его вашим свиданием. Вы его, то есть меня, много одолжите.

Преданный слуга
Граф Хвостов.

29 декабря

Погодин впервые посещает Петербург в двадцатых числах декабря 1825 года (см.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн.1. СПб., 1888. С.328, далее: *Барсуков*). Как следует из письма № 2, Погодин откликнулся на приглашение Хвостова и познакомился с ним.

2

Милостливый Государь мой,
Михаил Петрович!

Лестное мне знакомство Ваше, которым Вы меня удостоили в бытность Вашу в С.П.Бурге несколько лет тому назад, мне обратилось более в огорчение, нежели в удовольствие потому, что в последнее посещение Ваше Петрополя¹ я лишен был удовольствия Вас видеть, и даже после первого свидания не имел случая вести с Вами лестной мне переписки. Остается мне только одно утешение на старости — усердно читать прекрасный журнал, в коем Вы имете отличное участие, называемый Московский Вестник, и радоваться по справедливости прекрасному слогу, благородным мыслям, суждению основательному, которое отличает Ваш журнал от других. Я читаю все № Ваши, читал и недавно 14-й № и в то же время случилось мне получить № за май месяц нынешнего года французского журнала *Revue Encyclopédique*, где

с удовольствием увидел, что сей известный журнал по справедливости совершенно соглашается с Вашим мнением относительно суждения Вашего [sic! — *Т.Н.*] о мелодраме: Три дня из жизни игрока². Вы так судили, как должно благоразумному, честному и просвещенному писателю, французы ни в чем против Московского Вестника не спорят и вступаются только за свою школу и за своих авторов. Имея Расина и других, они могут отдыхать на лаврах. Но мы только что успели окинуть глазами поприще словесности, и нам не к стати наполнять зрелища свои уродливыми и безнравственными пьесами, как упоминаямый игрок и другие. Впрочем, это не мое дело. Я, со своей стороны, очень рад, что имею случай хотя временно возобновить с Вами переписку и просить Вас принять благосклонно прилагаемый у сего 1й том моего полного собрания³. 72 летний старик посылает к Вам свое сочинение, не смея думать, что Вы разбором, или объявлением об оном обременили издаваемый Вами Московский Вестник. Я посылаю к Вам мои сочинения по самой бескорыстной цели. Мое желание только одно, чтобы Вы приняли сию посылку не в лице журналиста, а приятеля, и оценили бы сие приношение, как знак усердия, которое я питаю к почтеннейшим собратьям моим, двигающим честь нашей словесности ко благородству мыслей, чувств и отличному изложению предметов. Вот мое мнение о Вашем Московском Вестнике. Верьте, что оно чистосердечно и бескорыстно. Я сошлюсь на мой эпиграф:

За труд не требую, и не чуждаюсь славы⁴.

Впрочем есть и всегда буду с истинным уважением Ваш,

Милостивый государь мой,

покорный слуга

Граф Хвостов.

27 августа 1828 года

М.П.Погодину в Москве.

¹ В конце декабря 1827 года (*Барсуков*. Т.2. С.166).

² В № 14 «Московского вестника» за 1828 год (ц.р. 28.06.1828) в разделе «Критика. Театральные пьесы» была помещена рецензия «Тридцать лет, или Жизнь игрока, новая трилогия, разделенная на трое суток, между коих два раза проходит по 15 лет, соч. Виктора Дюканжа, переведенная с французского Ф.Ф.Кокошкиным», подписанная литером «С.Ш.». Речь идет о самой известной пьесе французского писателя В.Дюканжа (1783-1833), обошедшей многие европейские сцены (Хвостов постоянно искажает название драмы). В России известно, по крайней мере, два ее перевода, так, в Петербурге Хвостов мог видеть ее в переводе Р.М.Зотова (на столичной сцене она продержалась 8 сезонов, см.: Вольф А.И. Хроника петербургских театров. Т.2. СПб., 1877. С.10 и

след.), а в Москве она успешно шла с музыкой А.Н.Верстовского в переводе Ф.Ф.Кокошкина (см.: Погожев В.П. Столетие организации имп. Московских театров. Вып.1. Кн.3. СПб., 1908. С.161). Главный герой пьесы — картонный игрок, действие полно мелодраматических эффектов. Рецензент — С.П.Шевырев — писал, между прочим: «пьеса... содержанием своим произвела на нас те впечатления ужасные, от коих душа чувствует неприятное стеснение... эта мелодрама есть живое доказательство французской сцены... Их сцена, прежде чистая и опрятная, теперь поливается потоками крови... Мы утешимся хоть тем, что сие произведение не наше, родное, что русской Мельпомене еще долго не дожить до таких ужасов» (С.234, 242). Ответом на рецензию Шевырева явилась заметка в *Revue Encyclopédique*, Paris, Tome 2, Mai. P.521), автор которой, скрывшийся за литерами «Е.Н.», действительно, «совершенно соглашается» с мнением критика «Московского вестника» о пьесе Дюканжа, но не принимает общего вывода об упадке французского драматического искусства. И в той и в другой рецензии Хвостову были интересны и теоретические проблемы — «В какой степени злодейство и вообще ужасное может быть предметом изящного произведения?» (Московский вестник. С.238). Как раз в это время (см.: Хвостов Д.И. Полн. собр. стихотворений. Изд.3. Т.2. СПб., 1829. С.252. Прим.214) Хвостов сочиняет четвертое послание из цикла «Юным питомцам муз», фрагменты которого непосредственно посвящены сочинению Дюканжа:

Похитя зрителей внимание свободно,
Поэт, рисуй страстей стремленье благородно,
Развратного лица неистовый порок
Бессилен огласить читателю урок...
Он [т.е. автор.— *Т.Н.*] сына в игре рукой отца сражает,
И хижину зажечь отнюдь не забывает,
Пусть чувством озарен разбойник иль кузнец,
Уже ли будет он для сцены образец?

(Там же. С.172-173).

В примечании к этим строкам Хвостов пишет: «Искусство требует, чтобы каждое стихотворение /.../ являло перед зрителями или читателями героев искусственных несчастьями, героев страстных, но не преступных. Голая природа, отвергая единство и смешивая поочередно в одном лице страсти высокие и побуждения совершенно не нравственные, по необходимости должна, заманивая слушателей и увлекая их в пределы невероятности, тешить приключениями небывальными и даже иногда неестественными, призывая нередко себе в помощь, для блистательного успеха, искусство живописца или машиниста. Вот причина, по коей встречаются в иностранных драматических представлениях в одной завязке погребение и свадьба, крестины и великолепный праздник, неоправданные убийства и связь курфистов с найденышами. Смотри мелодраму: Пятнадцать лет жизни игрока /.../» (Там же. С.253).

³ Речь идет о первом томе третьего издания «Полного собрания стихотворений» Хвостова, цензурное разрешение которого было получено 17 января 1828 года.

⁴ Эпиграф, появившийся еще при первом издании «Полного собрания стихотворений» Хвостова в 1817 году и повторяющийся во всех последующих.

3

Милостливый Государь мой
Михайло Петрович,

Я в исходе прошедшего года имел честь и удовольствие сообщить вам 1-й том лирических творений нового издания. Пользуясь благосклонностию вашею, не в виде издателя, а как знаменитому литератору нашему, посылаю вновь вышедшие 2й и 3й томы¹. Лестно мне будет получить на сие письмо ответ ваш, потому что я всегда оцению ваши дарования, ваше знание и любовь к словесности. Может быть, я буду столько счастлив, что *Совет мой* внучатам моим, а вашим деткам, то есть, *юным питомцам муз*² удостоится вашего внимания. Примолвлю только, с своей стороны, что мною в Вестнике Московском полюбилась очень, кроме стихов, проза ваша: *Черная немочь*³, *Переписка двух друзей*⁴ и другие очень хороши.

Впрочем с истинным почтением есмь и буду ваш,
Милостливый Государь мой,

Граф Хвостов.

Июля 22 дня 1829.

Мих. Петр. Погодину.

¹ Цензурное разрешение на печатание третьего тома (16.10.1828) было получено раньше, нежели ц.р. для второго (18.3.1829), поэтому Хвостов рассылает их вместе, а не один за другим.

² «Совет юным питомцам муз» — сочинение Хвостова, призванное дополнить, по его мысли, «Поэтическое искусство» Буало. Состоит из 4-х посланий, где граф дает «определение поэзии», рассуждает о «даровании поэта», указывает на свое место в литературе:

Пусть образца в стихах Парнасу не оставил —
Заботился внушить я пользу древних правил

(напечатано во втором томе 3-го изд. «Полного собрания стихотворений» С.140-189). Хвостов указывает именно на это свое стихотворение Погодину еще и потому, что в четвертом послании есть рассуждение о пьесе В.Дюканжа, о которой уже шла речь в предыдущем письме.

³ «Черная немочь. Повесть из прежнего времени» — повесть Погодина, опубликованная во втором январском номере «Московского вестника» за 1829 год (С.1-71).

⁴ «Переписка двух друзей» — т.е. «повесть в письмах» Погодина «Сокольниковский сад» (там же. С.72-134). Изобретенное Хвостовым название не точно, т.к. повесть состоит из писем четырех героев.

4

Милостливый государь мой,
Михайло Петрович!

При случае наступления нового года, поздравляя Вас с оным и желая Вам всех благ, имею честь препроводить недавно вышедшее из печати мое стихотворение на мир с Оттоманской Портою¹, которое поручаю благосклонности Вашей, и в копии на обороте сего листа прилагаю по последней почте мною полученное письмо от почтенного Николая Михайловича Языкова², из которого изволите усмотреть, что он приписывает мне стихи, которые послал к Вам для напечатания в прекрасном Вашем Московском Вестнике³, почему и прошу, если по обстоятельствам или по какому-либо уважению не напечатаете их, то, сделайте милость, сообщите мне оные в рукописи. Мне приятно будет иметь сочинение отличного нашего поэта. Вы сим много одолжить изволите, и чем скорее, тем лучше, пребывающего с истинным почтением
Ваш, Милостливый Государь мой,

31 января 1830.

покорный слуга Граф Хвостов.

Копия

Милостливый Государь
Граф Дмитрий Иванович!

Получив чрез г.Аладьина⁴ прекраснейший подарок Ваш⁵, я спешу принести Вашему Сиятельству мою чувствительную благодарность *прозою*, стихотворный же ответ предоставил я довести до сведения Вашего Сиятельства посредством Московского Вестника г.Погодина. Пусть же белокаменная узнает прежде всех классическое мое уважение к Певцу Кубры⁶.

Усердно поздравляю Вас с появлением *Илиады*⁷, наконец мы сподобились на собственном своем языке причаститься великих тайн поэзии эллинской... Слава мужу, сотворивший [sic! — Т.Н.] сей подвиг бессмертный. Что предпринимаете Вы на поприще литературы — и что замышляют сподвижники Ваши на петроградском Парнасе.

С истинным уважением и преданностью имею честь быть
Вашего Сиятельства покорнейшим слугою
Н.Языков.

¹ Стихотворение вышло в декабре 1829 года отдельным изданием под названием «На войну с Оттоманской Портою и мир, заключенный в Адрианополе 1829 года сентября 2-го дня» (с параллельным заглавием: «На мир в Адрианополе 1829 года сентября 2 дня»). В предисловии «издателя А.М.» к пятому тому «полного собрания стихотворений» Хвостов выделял это стихотворение как имеющее «неотъемлемое право на похвалу любителя отечественной словесности» (С. I-II).

² К 1830 году отношения Хвостова и Языкова имели уже свою историю. В 1827 году в 36 номере журнала «Славянин» (С.388-390) появляется послание Языкова «Графу Д.И.Хвостову» («Почтенный старец Аполлона...»), ответ Хвостова «Послание к Ник. Мих. Языкову» появляется там же (1827. №40. С.30-32). В сентябре 1828 года Хвостов печатает два этих послания отдельной книжкой, а также включает послание к Языкову в свою книжку «Переписка стихами на 71 году от рождения автора» (СПб., 1828) наряду со своими посланиями к Д.М.Княжевичу и А.А.Дельвигу. В упоминавшемся предисловии к пятому тому от «издателя А.М.» Хвостов называет свое послание к Языкову «образцовым» (с. II). Тогда же завязывается их прозаическая переписка, сопровождающаяся пересылкой Языкову новых изданий Хвостова.

В основу языковского восприятия Хвостова лег арзамасский миф о Хвостове, где центром притяжения острот была «пародическая личность» (выражение Ю.Н.Тынянова) графа. В письмах к брату он набрасывает отдельную главу хвостовианы — «анекдот из истории метромании» — об отношениях Хвостова и дерптского знакомого Языкова, поэта и переводчика русских сочинений на немецкий язык Борга. Имя Хвостова, согласно установившейся литературной традиции, фигурирует в них как синоним бездарности. Так, о сочинениях А.П.Буниной Языков пишет: «ни дать, ни взять, не лучше Хвостова» (Языковский архив. Вып.1. СПб., 1913. С.644, письмо от 4 апреля 1823). Или, своеобразно перефразируя воейковскую шутку, Языков замечает, что в стихах графа «почти нету смыслу, не только что мыслей» (Там же. С.78, письмо от 2 июня 1823). С традиционным знаком имя Хвостова встречается в частном послании Языкова к А.С.Пушкину 1826 года (опубликовано в 1866 г.): «теперь, когда Парнаса воды // Хвостовы черпают на оды...» Однако, несмотря на оправданную и традиционную иронию в адрес Хвостова, Языков оказывается способным непредвзято читать его стихи и даже хвалить отдельные строки: «Был ли ты в торжественном собрании современателей? /.../ стихи Хвостова на сей случай (прислано несколько экземпляров) довольно хороши, потому что последний из них хоть бы кому другому» (Языковский архив. С.78, письмо от 29 апреля 1823).

Появление своего первого послания к Хвостову Языков объясняет в письме к братьям: «Сюда дошли слухи, что в пятом томе его стихотворений, недавно изданном, содержатся самые галиматьястые; желание иметь оный том — и при том безденежно — побудило меня написать Хвостову: я получил и послание и пятый том! /.../ Само собой разумеется, что старик принял их [т.е. стихи. — Т.Н.] за чистые деньги» (Там же. С.342, письмо от 14 сент. 1828). Но за «чистые деньги» приня-

ли стихи Языкова многие читатели (среди них А.А.Волков, Е.И.Лямин, см.: Морозов П.О. Граф Дмитрий Иванович Хвостов. // Рус. старина. 1892. №8. С.410-411). Языковское послание к Хвостову, не отмеченное «гиперболическим стилем комплиментов», характерным для публичных обращений к Хвостову, «компрометировало» автора. «Языков сам, вовлеченный в отношения с Хвостовым, оказался в ложном положении» (Тынянов Ю.Н. О пародии.// Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С.305).

³ Второе послание Языкова «Графу Д.И.Хвостову» («Итак, мне новая награда»), появившееся в «Московском вестнике» (1830. №3. С.334).

⁴ Аладьин Егор Васильевич (1796-1860) — писатель, издатель альманахов: «Невский альманах» (1825-1833), «Букет, или карманная книжка для любителей и любительниц театра» (1829), «Подснежник» (1831) и других книг.

⁵ «Подарок» — 1, 2 и 3 тома последнего собрания сочинений Хвостова — ср. подзаголовок языковского послания: «При получении от его сиятельства трех первых томов полного собрания его творений». Хвостов посылал сначала 1 том (так, Языков 20 сент. 1828 г. пишет П.М.Языкову: «Хвостов печатает новое издание всех своих стихотворений, прислал мне первую часть; я уже не рад, что с ним связался — надоеет окаянный!» — Языковский архив... С.371). Ответ Языкова вызван получением 2 и 3 тома.

⁶ Певец Кубры — поэтическое имя Хвостова, воспевшего протекающую в его имениях реку Кубру.

⁷ Имеется в виду выход в свет книги «Илиада Гомера, переведенная Н.Гнедичем» (СПб., 1829, в 2-х частях). Хвостов не вполне разделял чувства Языкова, предпочитая переводу «Илиады» Гнедича перевод «Энеиды» В.Петрова (Хвостов Д.И. Записки о словесности./ Публ. А.В.Западова. Литературный архив. Т.1. М.; Л., 1838. С.378-379).

5

Милостливый Государь мой
Михаил Петрович.

Я, не дождавшись ответа вашего на мое письмо, в которое вложил копию с письма в прозе Николая Михайловича Языкова, получаю, к совершеннейшему удовольствию моему, послание стихами знаменитого Дерптского поэта, который теперь в Симбирске и возвещал мне, как вы теперь знаете, прозою о появлении стихотворного послания своего в журнале вашем. Я почитаю себе приятным долгом принести чувствительную и совершенную вам благодарность за напечатание столь лестных мне стихов г-на Языкова в вашем Журнале. Прошу принять на себя труды: прилагаемое к нему [Описка? Нужно: сему? — Т.Н.] письмо, с моим отве-

том стихами, к нему переслать, а между прочим, как почтенный Николай Михайлович сам избрал вас между мною и себя питическим посредником, то есть, избрал достохвальный Журнал Ваш местом переписки нашей, почему и прошу покорно, если заблагорассудите, поместите немедля прилагаемый у сего стихотворный ответ Языкову в Журнале Вашем¹. Вы сим меня много одолжите, чего ожидая, имею честь быть с истинным почтением и таковою же преданностью ваш

Милостливый Государь мой,
Покорный слуга

Граф Хвостов.

К половине марта надеюсь вам доставить четвертый и пятый томы моего нового издания в двух экземплярах: для вас и для Н.М.Языкова.

февраля 10 дня 1830

В ответ Николаю Михайловичу Языкову
на послание его стихами,
напечатанное в 1-й книжке «Московского вестника» 1830 г.,
в феврале месяце

Певца Кубры почтил Языков похвалой;
Поэту мил привет от музы молодой,
Которая, паря к вершинам Геликона,
Не бросила стезей Гомера и Марона².
Уже певец Кубры давно то знает сам,
Что если он когда и с лирой в Лету канет,
Потомства суд его неволью воспомянет,
Поверя огненным Языкова стихам.

¹ Стихи Хвостова были напечатаны в «Московском вестнике» 1830 года (Ч.1. №4. С.434).

² Публий Вергилий Марон (70 г. до н.э. — 19 г. до н.э.)

Милостливый Государь мой
Михайла Петрович!

Пользуясь благосклонностью Вашей, приятным долгом почитаю препроводить к Вам в подарок 4-й том моего полного издания¹, заключающий в себе басни. Я не оставлю к 15 мая доставить и 5-й том², который уже переплетается, а как я намерен сбить

по выходе оба тома, четвертый и пятый, объявить и выпустить вместе, то и желаю, чтобы и в Москве сей 4-й том, до получения 5-го не был в огласке для публики.

Я покорнейше Вас прошу в истинное мне одолжение приложенное письмо и экземпляр на имя Николая Михайловича Языкова доставить или препроводить к нему, а он, как вы знаете, мой благодетель, куды ему доставлять мою переписку, я не знаю и Вас избираю нашим посредником. Вы мне чрез сие окажете большую милость. Ожидая благосклонного уведомления есть и буду с истинным почтением и преданностью

Ваш, Милостливый Государь мой,
Покорный слуга
Граф Хвостов.

3-го мая 1830-го.

¹ Цензурное разрешение на четвертый том получено 12 декабря 1829 г.

² Цензурное разрешение — 29 октября 1829 года.

7

Милостливый Государь мой
Михайло Петрович.

Я уже имел честь и удовольствие препроводить к вам чрез г.Ширяева¹ мой 4-й том, заключающий в себе басни, в двух экземплярах, один для вас, а другой для почтенного Николая Михайловича Языкова, и теперь у сего препровождаю 5 том также в двух экземплярах, для вас и для моего Поэта.

Ожидая на сие благосклонного уведомления, есть и буду с истинным почтением и преданностью, ваш

Милостливый Государь мой
Покорный слуга
Граф Хвостов.

26 мая 1826. [Явная описка. Следует: 1830. —Т.Н.]

¹ Ширяев Александр Сергеевич (ум.1841) — известный московский книгопродавец, часто был комиссионером некоторых литераторов, передавая их письма тем адресатам, чьи координаты почему-либо были неизвестны авторам писем. Например, через него передавались письма Ф.Н.Глинки В.В.Измайлову (Глинка Ф.Н. Письма к другу. М., 1990. С.479) и др.

Милостливый Государь мой
 Михаил Петрович,

Приятным себе долгом поставляю, препровождая к вам, Милостливый Государь мой, шестой том¹ моего полного издания, т.е. последний моих стихотворений, просить вас принять на себя труд другой экземпляр доставить почтенному Николаю Михайловичу Языкову, которому я очень благодарен за его ко мне дружеское расположение. Александр Сергеевич Пушкин² недавно ска- зывал мне, что Николай Михайлович всегда изъясняется на мой счет с особливою благосклонностию и князь Петр Иванович Ша- ликов³ пишет, что он, встретясь с *огненным нашим Поэтом*⁴ в доме Василия Львовича⁵, слышал от первого обо мне весьма при- ятные отзывы. Уверьте его, что я весьма чувствителен к столь лестному для меня вниманию. — Прося вас принять благосклонно мой 6-й том, сказать имею, что я в празднование Юбилея Мос- ковского Университета с особливым удовольствием читал произ- несенную вами речь⁶. Вы простите мою откровенность. В ней много новых мыслей, превосходных мест, прекрасным языком писанных. Жаль только, что вы остановились на мысли покой- ного Мерзлякова, что Ломоносов попал из Академии на Геликон*. Сия мысль⁸ не принадлежит достопамятному Алексею Федоро- вичу. Справиться можно по годам, что я прежде его сказал сти- хами о Ломоносове:

Шагнул — оставя сень отцов
 От Белых вод на Геликон⁹.

Мерзляков ослабил только мысль стихотворца выражением: *из Академии на Геликон*. Сей путь общий каждому поэту, по посло- вице: *не ученого грамоте в попы не поставят*. Не сравнивая ни- кого с Ломоносовым, должно заключить, что все наши лирики из Академии, т.е. после основательного учения, попали на Геликон, а именно: Петров, Костров¹⁰ и другие. Известно, что Ломоносов учился в знаменитых училищах, но он Гениальный Поэт не толь- ко по бессмертным произведениям своим, но и потому, что по- чувствовал призыв природы, преодолел все препятствия и не взо- шел, как другие, а воспарил на Геликон, и отколе? — от Белых вод.

* Или как у вас сказано «шагнул из хижины в Академию, и вступил для озна- менования *Гения*», нужно ли упоминать об Академии, Гении и таланты из хижин или чертогов образуются в училищ[ах]?. 1830 Августа 26 дня. [Примечание Д.И.Хвостова].

Я осмелился вам сделать сие замечание, уверен будучи в лестной дружбе вашей. Почитая достоинства ваши, я не могу утаить от вас моих мыслей; притом, любя словесность и правду, страшусь, чтобы ложная мысль Мерзлякова, распространяясь более и более, не подала молодым писателям случая к превратным суждениям. Потрудитесь посмотреть Полное мое Издание том 1 стр. 161 и примеч. 31 стр. 298¹¹. Поверьте, что я, кроме уважения к истине и к вам, как к знаменитому собрату моему, другого побуждения не имею. А что касается до оплакиваемого мною Мерзлякова¹², я чувствую все его достоинства и заслуги и прилагаю вам на обороте эпитафию, которую я ему сделал.

Ожидая на сие благосклонного уведомления, с истинным почтением и преданностью есть и буду ваш,

Милостливый Государь мой,
Покорный слуга
Граф Хвостов.

НАДГРОБИЕ ЗНАМЕНИТОМУ А.Ф.МЕРЗЛЯКОВУ

Наш северный Лагарп, высоких чувств поэт
Избавясь бремени мимотекущих лет,
Взлетел на Геликон небесного чертога
Воспеть с Державиным святыню, правду, Бога.

¹ Цензурное разрешение на шестой том получено 14 августа 1830 г.

² Проблеме «Пушкин и Хвостов» посвящена одноименная статья А.В.Западова в книге «Литературный архив» (Т.1. М.; Л., 1938. С.265-272). См. также прим. 4 к письму 9.

³ Шаликов называл Хвостова своим «единственным покровителем», «меценатом» (Рус. старина. 1892. №8. С.422) и был одним из самых бесцеремонных «панегиристов-просителей» (удачное выражение Морозова — там же. №6. С.577), выпрашивая через посредство Хвостова чины и награды. В свою очередь, он хвалил стихи Хвостова, помещал их в своих изданиях. Для данной публикации интересен факт перепечатки Шаликовым в издаваемых им «Московских ведомостях» (1829. №5. С.220-221) рецензии на стихотворение Хвостова «Мир в Адрианополе»: «С патриотическим удовольствием выписываем С.-Петербур. Академ. Ведомостей превосходно написанное известие о новом патриотическом произведении Невской музы, уже 50 лет воспевающей все события в нашем отечестве, — как говорит почтенный издатель Р[усского] И[нвалида] о ветеране нашей поэзии, графе Хвостове. К.Ш.»

⁴ Т.е. с Н.М.Языковым.

⁵ В.Л.Пушкина, который, кстати, также был адресатом давнего по-

послания Хвостова «В.Л.Пушкину на пребывание в Костроме» (Поэты 1790-1810-х годов. Л., 1971. С.440-442).

⁶ 26 июня 1830 года на публичном акте, посвященном празднованию 75-летия со дня основания Московского университета и 25-летия нового университетского устава, Погодин выступил с «Речью о назначении университетов вообще, и в особенности русских», которая была затем опубликована в «Московском вестнике» 1830 года (№12. С.291-318).

⁷ Угол письма оторван.

⁸ Погодин призывал студентов следовать примеру «того славного крестьянина, который, по выражению нашего общего наставника [т.е. Мерзлякова. — Т.Н.], из рыбацкой хижины шагнул в Академию и вступил в состязание с Франклиным» (Московский вестник... С.316). Как видим, в словах Погодина даже нет выражения, так задешшего Хвостова, «Из Академии на Геликон», что нисколько не мешает Хвостову возражать Мерзлякову.

⁹ Строки из оды Хвостова «М.В.Ломоносову. 1798 г.» (Хвостов Д.И. Полн. собр. стихотворений. Т.1. СПб., 1828. С.161).

¹⁰ Петров В.П. (1736-1799) — поэт и переводчик, автор перевода «Энеиды» Вергилия. Костров Е.И. (ок. 1750-1796) — поэт и переводчик, перевел девять песен «Илиады».

¹¹ В письме Хвостов почти дословно повторяет мысль, выраженную в указанном примечании: «См. жизнь бессмертного Ломоносова в издании его сочинений 1799 года при Императорской академии наук. Стихи шагнул от Белых вод на Геликон были благосклонно приняты. Многие есть оным подражания в стихах и прозе, между прочим: *Из Академии на Геликон*. Сею дорогою шел г.Петров и другие знаменитые разных стран певцы. Это неудивительно, но от Белых вод, подразумевается, рыбарю, лишенному всех способов учения, шагнуть на Геликон и сделаться великим, есть похвала и справедливая и достойная одного Ломоносова» (Т.1. С.298-299).

¹² Мерзляков умер 26 июля 1830 года. Погодин был у него во время болезни, принимал участие в похоронах (*Барсуков*. Т.3. С.171). Хвостов переписывался с Мерзляковым и высоко ценил многие его произведения (см., например, письмо Хвостова к А.А.Прокоповичу-Антонскому о статье Мерзлякова «Разбор оды Ломоносова». — Труды Общества Любителей Российской словесности. 4.XII. М., 1818. С.22).

Милостливый государь мой Михайло Петрович!

Я после свидания с Вами в Английском клубе¹ вскоре так заболел, что не чаял быть в живых. Вы Неву оставили не прежде декабря месяца прошедшего года², не удостоили меня во время пребы-

вания Вашего на ней, и лишили чести и удовольствия читать, хотя в отрывках, трагедию Вашу, называемую Петр Великий³. Вы напрасно на меня сердитесь, а за что — не знаю; я усердный Ваш собрат и почитатель, любя безусловно словесность. Я даже больной писал стихи и послал рукопись с оных сегодня же к Ник. Мих. Языкову. Это послание знаменитому Пушкину⁴, которое еще доселе не напечатано. Коли угодно, полюбопытствуйте оное увидеть рукописное у Языкова, и вместе будете столько благосклонны к старику на восьмом десятке лет. Примите от него прилагаемое при сем письме маленькое стихотворное сочиненьице мое, вновь перепечатанное в трех экземплярах Вам в подарок⁵. И верьте, что есмь и всегда буду с истинным почтением

Ваш, Милостливый Государь мой,
Покорный слуга

Граф Хвостов.

21 января 1832 года

¹ В петербургский Английский клуб Погодин был записан П.А.Мухановым (*Барсуков*. Т.3. С.347-348).

² Погодин приехал в Петербург в конце сентября 1831 года (там же).

³ Трагедия «Петр Великий» была окончена в июле 1831 года. Поездка в Петербург вызвана желанием Погодина с помощью трагедии обратить на себя высочайшее внимание. Он читал ее во многих домах и представил рукопись в цензурный комитет.

⁴ «Александру Сергеевичу Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России». Это стихотворение Хвостов послал и самому Пушкину вместе с сопроводительным письмом от 24 окт. 1831. (Пушкин [А.С.] Полн. собр. соч. Т.14. [М.; Л.], 1841. С. 237). В письме Языкову от 18 ноября 1831 года Пушкин сообщал о своем намерении «достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога» (там же. С.241), но этот план так и остался невыполненным. Сам Хвостов в связи с польскими событиями написал оду «Радостная в августе весть 1831». В 1832 году Хвостов посвятил Пушкину стихотворение «Соловей в Таврическом саду».

⁵ Достоверно установить, о каком стихотворении Хвостова идет речь, нам не удалось. Возможно, имеется в виду отдельно изданная «Радостная в августе весть...» (СПб., 1831).

Милостливый Государь мой
Михайло Петрович.

Я с большим удовольствием получил от господина издателя Альманах, называемый *Комета Бела*¹ и смею вас чистосердеч-

но уверить, что к отраде сердца моего, вашу так называемую фантазию о комете г.Галлея² читал и перечитывал неоднократно. Сия комета мне близка по времени своего явления, прорицаемого ученым профессором. Она должна была явиться пред немецких зрителей в августе 1758 года; я родился в июле 1757 года — за год ровно до приготовленной музыки торжества сего. Все сие и ваш прекрасный слог столько подействовали на мою душу, что я, отжив на земле три четверти целого столетия, пустился на Геликон, и сочиненные на комету стихи вам посылаю и посвящаю. Мысль моя в том состоит, что медление кометы в небесах напоминает Гению, в каком бы то роде ни было, достигнуть своего предмета. Я за два года пред сим имел удовольствие к вам писать о прозе много почитаемого мною покойного Мерзлякова и о моем стихе, что Ломоносов шагнул

От Белых вод на Геликон.

Вы мне на сие письмо не отвечали, и я уповаю, что вы более на меня не сердитесь. И так, повторяя мое уважение особенного почтения к Вашим достоинствам и благодарности за статью о Геллиевой комете имею честь быть вам

Милостливый Государь мой

Покорный слуга

Граф Хвостов.

2 февраля
1833.

КОМЕТА

Стансы. 1833 года февраля 1 дня

Забыв семейство и забавы,
Трудись и реки пота лей:
Настойчивый искатель славы
Трудись, Коперник, Галилей;
Сиях в кругах высокопарных
Для зрителей неблагодарных
Комета, медля в небесах,
Галлея славить в шалунах*.
Жни лавр победы, Велизарий!⁴
Готова мзда — лишенье глаз,

* См. Альманах, наз. Комета Белы, статья 1, стр.1. Автор стихов с большим удовольствием читал и перечитывал в полезном альманахе прекраснейшую статью Мих. Петр. Погодина, и скоро, по прочтении, в знак благодарности, написал свои стихи, которые посвящает знаменитому нашему [писателю? — Т.Н.]³ о комете, которой явление предсказал Галлей в 1758 году [*Прим. Д.И.Хвостова*].

Торжеств своих припомни час,
В болотах издыхая, Марий⁵,
Теперь — в боях он прежде руль —
Для зависти ничтожный нуль.
Кто страждет — друг Харит в темнице,
Кто новой лиры образец? —
Не Тасс ли в римской колеснице
Спешит похитить муз венец?
Шаг к capitoлию возносит —
И смерть его у прага косит.
Чужд страха от стрелы громов,
Орел летая по надзвездной;
Глубоко презрел бездны ров,
Свершая труд, птенцам полезный
Сын промысла, поверя смете
Речет: пророчу час кометы⁶.

[На адресной стороне:]

Его высокоблагородию
Милостливому Государю моему
Михайле Петровичу
Погодину
г.Адъюнкту Профессору московского
университета, где справится о
жильстве его. — *При сем* письме
Посылка с книжками в холсте
под литерою А.
В Москве.

¹ «Комета Белы, альманах на 1833 год» (СПб., 1833), издатель — Василий Николаевич Семенов (1801-1863). Сводку сведений о нем см. в кн.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и перераб. Л., 1989. С.392-393.

² Альманах открывался «фантазией» М.П.Погодина «Галлеева комета».

³ Вырван кусок письма.

⁴ Велизарий (505-565) — полководец Юстиниана, участвовал в походах против вандалов, остготов, персов, гуннов. По преданию, был ослеплен и вынужден просить милостыню.

⁵ Марий Гай (156-86 до н.э.) — римский полководец и политический деятель. В гражданских войнах эпохи поздней Республики потерпел поражение и бежал в Африку.

⁶ Это стихотворение в переработанном виде вошло в седьмой том «Полного собрания стихотворений» Хвостова (СПб., 1834. С.169-170). В примечании Хвостов писал: «Сии стихи в рукописи были посланы г.Погодину и нигде доселе не были напечатаны» (С.271).

11

Свидетельствуя мое особое почтение знаменитому Михайле Петровичу Погодину, прошу его покорно приложенное у сего запечатанное письмо доставить Николаю Михайловичу Языкову, ибо я не знаю его квартиры в Москве и также не знаю, не в деревнях ли он своих, доставьте ему мое и приложенные под холстиною в посылку на ваше имя под лит.[ерой] А. книги печатные и рукопись к Жуковскому, которая скоро печататься не будет, прошу Вас из посылки взять печатных несколько экземпляров для себя моего Гимна Иисусу Христу¹. Я к вам в исходе февраля при письме чрез почту послал мои стихи по случаю альманаха Кометы² и после того словесно просил почтенного Семенова³ Вам поклониться. Ожидая на все сие благосклонного ответа есмь и буду

Ваш, Милостливый Государь мой,
Покорнейший слуга

Граф Хвостов

16 марта 1833 г.

[На адресной стороне:]

Его Высокоблагородию
Милостливому Государю моему
Михайлу Петровичу Погодину
г.Адьюнкт Профессору Московского
университета.

в Москве.

и прил[агаются] книги 10 ру[блей]

¹ Имеется в виду отдельно изданное стихотворение: Хвостов Д.И. Гимн Иисусу Христу. СПб., 1833.

² См. письмо 10.

³ В.Н.Семенов. См. прим. 1 к письму 10.

ПЕРЕПИСКА В.И.ДАЛЯ И М.П.ПОГОДИНА

Часть I

Публикация А.А.Ильина-Томича

9 мая 1833 г. Погодин записал в дневнике: «Один за другим: Даль, Петров...»¹ Это самое раннее из известных нам свидетельств о знакомстве авторов предлагаемого эпистолярного диалога. Затем имя Даля встречается среди погодинских записей 1836 года с перечислением предполагаемых сотрудников задуманной газеты: «Даль, Квитка, Глинка, Вельтман, Артемов, Снегирев»².

К следующему году относится первое из дошедших до нас писем — письмо Погодина от 2 сентября 1837 г. с благодарностью за присланную Далем книгу (письмо 1). Но ему предшествовало, как минимум, одно письмо Даля — при котором эта книга была препровождена к Погодину.

Судя по сохранившейся части переписки, начало активных эпистолярных отношений было связано с готовящимся изданием «Москвитянина». В поисках постоянных авторов Погодин обратился к служившему в Оренбурге Далю и — может быть, неожиданно для себя — получил на редкость заинтересованный, развернутый и теплый ответ (письмо 2). Вскоре Даль стяжал пожизненное почетное место (рядом, скажем, с Ф.Н.Глинкой и А.А.Куником) в группе ученых и литераторов, являющихся объектом постоянных попечений Погодина.

«Москвитянин» сообщает о передвижениях и занятиях Даля («Даль-Луганский ходил в Хиву, а теперь в Оренбурге»³. «Наш славный Даль-Луганский живет /.../ в Нижнем и, оставив изыщную словесность, посвятил свои досуги филологии народной, живой, богатой, могучей! Разумеется, за что он не примется, дело из рук его не вывалится»⁴), не упускает случая напомнить о позициях Даля в первом ряду отечественных

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1891. Т.IV. С.179. Далее ссылки на этот труд (СПб., 1888-1910. Т.I-XXII) даются сокращенно: *Барсуков*. Укажем также и другие сокращения, употребляемые в I части настоящей публикации: *Венгеров. Источники* — Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900 — Пг., 1917. Т.1-4; *Канкава 1958* — Канкава М.В. В.И.Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958; *Мельников 1897* — Мельников П.И. Владимир Иванович Даль: Критико-биографический очерк.// Даль В.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1897. Т.1. С.1-ХС (впервые опубликовано в 1873); *Порудоминский 1971* — Порудоминский В.И. Даль. (Изд.2-е). М., 1971.

² ОР РГБ. Ф.231 / I. Карт.39. Ед.хр.7. С.8; ср.: С.15.

³ Москвитянин. 1841. Ч.I. №1. С.325 (Статья «Где наши литераторы?»).

⁴ Там же, 1850. Ч.I. №1. Отд.VI. С.9 («Литературные новости»); см. также, например: 1855. Т.1. №1. С.189.

писателей⁵, сетует, обнаружив имя Даля в «неподобающем» литературном контексте⁶, отзывается с неизменной похвалой как о значительных⁷, так и о «проходных» сочинениях Казака Луганского⁸. Очень скоро особые отношения Даля и Погодина перестают быть секретом для литературной публики — уже в 1842 г. ищущий протекции Е.Ф. Корш просит последнего доставить ему рекомендательное письмо к Далю («Я имею случай к Министру Двора, но все-таки желал бы посоветоваться с почтенным казаком Луганским...»⁹). Между тем их дружба питалась лишь перепиской — почти четверть века личные встречи корреспондентов были крайне редки: до осени 1841 г. Даль находился в Оренбурге, затем в Петербурге и — с июля 1849 г. — в Нижнем Новгороде. Проезды его через Москву случались нечасто; Погодин также лишь несколько раз выбирался в Петербург и в Нижний. Только с конца 1859 г., после переезда Даля в Москву, начинается их постоянное личное общение, и длинные обстоятельные письма превращаются в коротенькие записочки, посылаемые по городской почте.

Почти сорокалетнее дружество Даля и Погодина знало не только практически бескорыстную помощь Владимира Ивановича вечно голодному «Москвитяину» Михаила Петровича и самоотверженную заботу Михаила Петровича о Словаре Владимира Ивановича¹⁰. Было немало обид, непонимания, ссор, объяснений, примирений и даже — дань обстоятельствам времени и места — тяжелых подозрений¹¹. Тем не менее корреспондентам удалось до конца жизни сохранить душевную взаимоприязнь и высокий эмоциональный уровень отношений. «Очень не любила я, — вспоминает внучка Даля свой московский дом шестидесятых годов, — когда приезжал крикун Погодин. Ума его я оценить не могла, а его неряшливая, нечесанная фигура и грубый крик производили на меня отталкивающее впечатление. Мне всегда казалось, что он бранится, и я не понимала, как он смеет кричать на дедушку»¹².

⁵ Москвитянин. 1846. Ч. III. №5. С. 169, 177.

⁶ Там же. 1844. Ч. I. №2. С. 588.

⁷ Там же. 1847. Ч. I. С. 154 (о «Повестях, сказках и рассказах Казака Луганского»); ср.: Там же. 1843. Ч. I. №2. С. 570, 577.

⁸ Там же. 1848. Ч. III. №5. Отд. «Критика». С. 20 (о стихотворении «Чернобровая, руса коса»).

⁹ Барсуков. VI. 280.

¹⁰ Не напечатанные в «Москвитяине» этнографические материалы направлялись Далю (*Канкава* 1958. С. 66; ср. письмо о. Александра Сулостского к Погодину от 1 октября 1848 г. // ОР РГБ. Ф. 231/II. Карт. 32. Ед. хр. 20. Л. 5); сам Погодин также не раз поставлял запасы для «Словаря» (см.: Отечественные записки. 1847. Т. LI. №3. Отд. VI. С. 47; *Канкава* 1958. С. 248, 303); только благодаря организационной активности Погодина Общество любителей российской словесности взялось за издание главного труда Даля и осуществило свое намерение (ср.: Даль В. И. Напутное слово // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I. С. XXVII).

¹¹ Ср. запись в дневнике Погодина от 14 мая 1848 г.: «Неприятные известия от Загрязского о свойствах Даля. Не приезжал ли он согладатаем. Что за гадкое время!» (*Барсуков*. IX. 288).

¹² Демидова О. П. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 473. Карт. 2. Ед. хр. 15. Л. 59об.

14 июня 1872 г. Погодин заезжал к больному Далю¹³. Возможно, это была их последняя встреча — через несколько дней Погодин уехал в полуторамесячное путешествие, а 25 сентября в его дневнике появилась запись: «На погребении Даля. Грустно»¹⁴.

***

Вот уже целое столетие — со времени публикации ее фрагментов в классическом труде Н.П.Барсукова — ученый люд пользуется материалами предлагаемой вниманию читателей переписки (точнее, фрагментами некоторых писем одного из корреспондентов — В.И. Даля). Поэтому нет необходимости обосновывать целесообразность настоящей публикации — источниковедческая ценность материала достаточно хорошо известна. Нужда в полной публикации того или иного эпистолярного памятника остро ощущается даже в тех случаях, когда его фрагменты напечатаны достаточно квалифицированно¹⁵. Археографические же приемы Н.П.Барсукова (вполне, впрочем, извиняемые спецификой стоящих перед ним грандиозных задач) заставляют, к сожалению, желать републикации едва ли не каждого из напечатанных им документов. В этом давно убедились исследователи, обращавшиеся к архиву М.П.Погодина. «Как с текстом дневников Погодина, так и с письмами к нему Барсуков обращался очень своеобразно, не приводя сплошь и рядом дат писем, соединяя, с одной стороны, в одно целое и заключая в одни кавычки ряд отдельных мест из одного, а иногда и из нескольких писем, с другой — разнося текст одного письма по разным местам своей биографии, порой исправляя стиль, порой неверно читая. Все эти особенности воспроизведения опубликованных Барсуковым документов не позволяют пользоваться приведенными им текстами для научных целей»¹⁶.

В настоящую публикацию мы включили все известные нам материалы — 83 письма Даля и 14 писем Погодина. По нехватке места публикация вынужденно разделена на две части: в первую вошли письма за время пребывания Даля в Оренбурге и в Петербурге (32 письма и 6 ответных), а во вторую — письма, относящиеся к его житью в Нижнем и в Москве (51 письмо и 8 ответных).

Переписка сохранилась далеко не полностью. Факты утрат, следующие из публикуемых писем, отмечены в комментариях. О некоторых потерях можно судить и по другим источникам. Так, например, 10 февраля 1850 г. Даль писал М.А.Максимовичу: «Дня за два до этого письма, вместе с писанием Погодина — лаконическим до невозможности — получил я

¹³ ОР РГБ. Ф.231/1. Карт.37. Ед.хр.1. Л.9.

¹⁴ Там же. Л.11.

¹⁵ Как, например, в случае с письмами А.Е.Измайлова к П.Л.Яковлеву, частично опубликованными Я.Л.Левкович (Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т.8. С.154-190).

¹⁶ Цявловский М. [Предисловие к публикации:] Пушкин по документам архива М.П.Погодина // Лит. наследство. М., 1934. Т.16-18. С.679.

первое письмо Ваше»¹⁷. Это «лаконическое до невозможности» письмо Погодина ныне неизвестно. Вообще необходимо отметить, что подавляющее большинство утрат приходится, по-видимому, именно на письма Погодина. Возможно, виной тому до некоторой степени послужило разное отношение корреспондентов к письмам друг друга, но главная причина заключается, конечно, в несхожей судьбе их личных архивов. Архив Погодина, несмотря на рассредоточение по нескольким хранилищам (ОР РГБ, РГАЛИ, ОР РНБ), сохранился на удивление полно. А Даль на закате жизни сам начал раздавать свои бумаги¹⁸; часть документов, отколовшаяся от его архива, уже в начале 1890-х гг. находилась в Берлине¹⁹, другая группа дальевских материалов погибла в Нижнем Новгороде, где, как сообщила Б.Л.Модзалевскому внучка писателя Е.П.Ляпунова (рожденная Демидова), «сундук с бумагами Даля был продан, в разгар революции, прислугою на обертки»²⁰, и лишь часть его архива была куплена в 1919 г. Пушкинским Домом²¹.

Нам пока не удалось выяснить, какова судьба письма М.П.Погодина к Далю «по поводу составления» «Толкового словаря», находившегося в составе коллекции Г.В.Юдина в Государственном архиве Красноярского края (Оп.101. Д.84)²². Погодинская часть этой коллекции была в основном передана в РГАЛИ, но там отдельно хранящееся письмо Погодина к Далю пока не находится.

Предлагаемая переписка сообщает немало сведений к творческой истории произведений ее участников и к библиографии сочинений Даля. Комментируя эти сведения, мы были вынуждены (по уже упоминавшемуся недостатку места), как правило, упоминать лишь первые публикации дальевских текстов, опуская данные об их дальнейшем культурном функционировании в многочисленных авторизованных и неавторизованных перепечатках, хотя мы вполне разделяем мнение исследователя библиографии Даля А.А.Зражевского, справедливо настаивающего на научной важности учета подобных перепечаток²³. Мы также не комментировали имена широко известных лиц и не поясняли архаичные и малоупотребительные слова, легко отыскиваемые в Словаре Даля.

В заключение мы хотели бы выразить искреннюю признательность Б.Л.Бессонову, С.И.Панову и К.Ю.Рогову за помощь в подготовке настоящей публикации.

¹⁷ Рус. филологический вестник. 1907. Т.58. №4. С.558.

¹⁸ Мельников 1897. С.LXXX.

¹⁹ См.: Шляпкин И.А. Берлинские материалы для истории русской литературы. //Рус. старина. 1893. №4. С.54-56, 58, 59.

²⁰ Модзалевский Б.Л. Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома//Сб-к Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С.20.

²¹ Отчет о деятельности Отд-ния рус. яз. и словесности Российской Академии наук за 1919 год. Пг., 1921. С.39.

²² См.: Преображенский А.А. Коллекция Г.В.Юдина в Государственном архиве Красноярского края: (Краткий обзор)//Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С.277.

²³ Зражевский А.А. Знаем ли мы Даля?//Сов. библиография. 1990. №3. С.141-142.

2 сентября 1837. [Москва]

Преблагодарю любезнейшего и почтеннейшего, и еще любезнейшего Владимира Ивановича за его приятный подарок¹. Читал и перечитывал. Ну, Слава Богу, начинаем мы говорить по-людски, с кем как надо². Попечитель наш³ просит у Вас позволения перепечатать вашу книжечку в Моск[овских] газетах, — разумеется, с вознаграждением⁴. — Ей там место, и я брал даже напечатание на свою ответственность пред Вами, но он хочет Вашего именно решения. — Не задержите. Посылаю Вам свою записку о Москве⁵. Да что же вы не черкнете мне хоть изредка о том, о сем, а более о ваших трудах и намерениях.

Обнимаем Вас крепко.

Преданный

М.Погодин

2 Сент[ября] 1837.

Посылаю вам кат[алог] своих изданий: не надо ли куда, в ваши заведения?⁶

ОР РГБ. Ф.231/1. Карт.44. Ед.хр.51. Л.1. Беловой вид письма, сохранившегося в бумагах Погодина, не позволяет утверждать с уверенностью, что оно было отправлено.

Эта единица хранения, озаглавленная «Погодин М.П. Письма к Далю В.И.», содержит и другое письмо Погодина — от 28 июня [1852] (Л.2), но адресовано оно не Далю, а В.И.Назимову (ср. частичную публикацию этого текста: *Барсуков*. XII. 34-35).

¹ Имеется в виду написанная Далем по поручению оренбургского военного генерала В.А.Перовского «Памятная книжка для нижних чинов императорских казачьих войск» (СПб.: В типографии Департамента военных поселений, 1837; 52 с.; автор не указан).

² Вероятно, это реакция на не дошедшее до нас письмо, при котором Даль препроводил Погодину свою книжку, о чем можно судить по вызванному сходными обстоятельствами месту в письме Даля к А.А.Краевскому 30 июля 1837: «...Пишу записочку эту из Уральска, где сидим мы /.../ уже три недели. Пользуюсь отъездом фельдъегеря, чтобы поднести Вам да еще кой-кому *памятную книжку*, которую писал по поручению правительства. Если будет время, прочтите ее. Я очень радовался, что попытки мои в этом роде были приняты; это попытки писать для народа так, чтобы он мог все понимать. /.../ Можно бы написать /.../ и проще, и это вероятно не понравилось бы...» (ОР РНБ. Ф.391. Ед.хр.318. Л.1). Даль ставил это произведение в важную себе заслугу в оправдательной автобиографической записке 1841 года (Рус. старина. 1878. №5. С.184; ср. автооценку в письме 2 настоящей публикации), см. о нем также: *Порудоминский* 1971. С.199-200.

³ Попечитель Московского учебного округа граф Сергей Григорьевич Строганов (1794-1882), впоследствии недоброжелатель Погодина; об их отношениях в 1837 году см.: *Барсуков*. V. 14-16.

⁴ Напечатано не было.

⁵ Погодин М.П. О Москве, писано для Его Высочества Государя Наследника. [М., 1837] (отд. отт. из «Моск. ведомостей» 1837, №67).

⁶ Т.е.: не закажут ли учебные заведения Оренбургской губ. (Казанский учебный округ) каких-либо пособий, изданных Погодиным (например: Погодин М.П. Начертание русской истории. Для училищ. М., 1835; То же. Изд.2-е, испр. и доп. Для гимназий. М., 1837; или готовившуюся к изданию кн.: Погодин М.П. Краткое начертание русской истории. Сокращение гимназического курса. М., 1838)?

2. Даль — Погодину

Оренбург, 19го ноября, 1840

Так вот он когда поспел, москвич-эт[от?] или бишь Москвитянин!!

Да здравствует Марья Андреевна
И ручки и ножки ея!¹

Да здравствует Москвитянин с руками, с ногами и с головою. Никто из добропорядочных людей не сомневается теперь, что у нас журнала нет, и что недостаток этот убивает словесность, нет сообщительного звена жизни ея, нет единства, согласия, общего труда, поощрения — нет направления, благообразного и благомыслящего совета, нет критики. Критика и брань — критика и личная ссора — сделались у нас тождесловами; писатели с нею в таких отношениях, как два приятеля, которые разбранились за какие-то городские сплетни и обходят друг друга на улице, не кланяясь, не снимая шапки, когда бывало прежде тряхнут один другому руку. Оба смешны для посторонних, оба сами заедают себе века — и только. Отношения москвичей между собою досель еще благодаря Бога не таковы: Москва удержалась благородством думы и сердца; но она победила Ингерманландию — которая первая бросила перчатку — отрицательным образом, молчанием; не подняла перчатки, не вязалась в дразги, а занялась, по-видимому, жизнью созерцательною. Теперь пора показать ей, что это был не сон, не тупое бездействие, не барская спесь; пора показать, не для того, чтобы выйти полным победителем, не для пользы личной, а для пользы общей, на спасение отечественной словесности, которая тонет и хватается, не как порядочный утопленник, за соломинку, а за всякое пловучее

говешко. От этого она и опоганила себе руки и поганит каждого порядочного человека, который вздумает с нею поздороваться по-братски. (Не дивитесь, если у вас будет сначала мало подписчиков; все объявления изверились ныне и всякой говорит, припоминая сотни пуфов: поглядим, что будет, тогда можно и выписать, а теперь не верим ничему. И разве этому можно удивляться? История Полевого сделала так сказать начало²; Энциклопедический Лексикон закончил дело³, не говоря о сотне междудействий, и ныне, как я, житель губернский, могу уверить вас на совесть, *нельзя выписывать нашему брату книг за наличные деньги*, если делать это не через знакомого человека; книгопродавцы высылают обыкновенно не то, за что посылались деньги, а то, что им хочется сбыть. У Смирдина это приведено в систему; он высылает в 50 мест на каждой почте залежалый товар и если выйдет жалоба, извиняется ошибкой. А кто станет посылать обратно по почте, что получил? посердится, пошлет опять деньги и выпишет, что надо).

Я всей душой готов, многоуважаемый Михайло Петрович, помогать всеми силами вашему общему делу; я не участвую теперь ни в одном издании — надоело; Греч приглашал на участие в возобновляемом Вестнике⁴, в котором трудиться будут: «Полевой, Булгарин и другие честные и благородные литераторы» — я отвечал ни да, ни нет, и обязательств на себя не взял. Я думал, как подписчики, посмотрим что будет. И так, на меня можете считать как на друга и товарища по этому делу, но — 1^е готовой повести нет, и главное дело за перепиской, я все должен переписывать сам, рука моя не четкая, и это для меня наказание. 2^е Если вы задумали *Русскую Смесь*, то я из этого заключаю, что вы иностранец; Русскому такая странная мысль не придет в голову. Разве вы не знаете, что нет такого известия, которое бы можно обнаружить, не опасаясь — как бы вам это объяснить — Вы слышали об Усть-Сысольске?⁵ Это затруднение большое; можно бы много сообщить хорошего, любопытного и очень невинного, как нашему брату кажется; но — нет ни весов, ни меры, по которым бы можно делать это и спать спокойно; не отгадаешь, ни по каким приметам, что можно, а чего нельзя. Я пришлю Вам непременно вскоре, что только успею переписать — если Перовский позволит, могу сообщить и полное описание Хивинского похода. Есть почти готовые статьи: 1. *О Русском Языке*, написанная вследствие разговора с Жуковск[им], где я старался убедить его, что мы должны учиться языку в народе, а не из книг⁶; 2. *О Русских поверьях* и суеверьях, где изыскивается корень и основание их⁷; 3. Рассказ или повесть: трехъярусный роман⁸. 3. [так! — *А.И.-Т.*] то же. Невеста⁹.

— Остальное все, на 4 книжки, передано для печати, и лежит теперь и покоится, ни взад, ни вперед, а взять не могу, потому что закабалился. Вперед буду умней. Ни на один литературный грош не буду рассчитывать и десятки тысяч не заставят меня сделать то, о чем могу после сожалеть.

Вот вам список всего, что я написал; напечатано:

[1. повесть Цыганка, 1830. Московс[кий] Телеграф]*¹⁰

1. [книжка:]** Русские сказки; Иван Молодой сержант, Шемякин суд, Рогвольд и Могучан Царевичи, Новинка диковинка, похождения черта послушника 1832***¹¹. 2.3.4.5.**** Были и небылицы: Кн. I-я: Расспloh, Цыганка. 1833. Кн. II. Царевна Мило-нега, коровушка-буренушка, Жид и цыган. 1835. Кн. III. Илья Муромец, Емеля дурачок, Вор и бурая корова, Иван Лапотник. 1836. Кн. IV: Ночь на распутии. Сказка о Георгии Храбром, Сказка о нужде, ведьма. 1839¹². — статейки: Слово врача к больным и здоровым. Сев[ерная] Пч[ела]. 1832. Полпята и полсорoka, Сев[ерная] Пч[ела]. 1833. О песнях Рупини, там же. — Об Уральцах, там же. — Новый Атаман. Сев[ерная] Пч[ела]. 1834. — Совершеннолетие Наследника, там же. — Письмо к Зейдлицу об омеопатии, помещено в Сев[ерной] Пч[еле] в переводе, следующее за тем написано мною уже по-Русски, там же. 1835*****. — О козьем пухе. Библ[иотека] д[ля] чт[ения] 1835. — Сказание о Джингиз хане, С[ын] От[чества]. 1835, перевод с татарского. — О повестях Основьяненки, Сев[ерная] Пч[ела]. 1835. — Несколько статей в Энциклопедическом словаре, которые частью искажены и исполнены неправдой барона Брамбеуса. — Письмо о книжной расправе, Наблюд[атель]. 1836. — Разбор Сватанья Основьяненки, Лит[ературные] Прибавл[ения]. 1837. — Письма Казака из-под Шумлы, там же. — Разбор 2^й кн[иги] повестей Основьяненки, Лит[ературные] Приб[авления] 1837. — Письма Одоевскому об омеопатии, Совр[еменник]. 1838. — Рассказ Хив[инского] пленника Федора Грушина, Лит[ературные] Приб[авления]. 1838. — Пленника Никитина, альманах Владиславлева. 1838. — Пленника Резанова, там же. 1839. — В Наблюд[атель] посланы были: Восточные притчи; кажется, напечатаны. — Повесть об Аксак-Тимуре, с татарского, Лит[ературные] Приб[авления]. 1838. — Показание пленника Хив[инского] Зиновьева. С.П.бургские ведомости. 1839 — там же с пяток других мел-

* Зачеркнуто В.И.Далем. — *А.И.-Т.*

** Зачеркнуто В.И.Далем. — *А.И.-Т.*

*** Дата вписана над строкой. — *А.И.-Т.*

**** Цифры приписаны чуть сбоку от текста. — *А.И.-Т.*

***** Дата вписана над строкой. — *А.И.-Т.*

ких статей. — Две притчи, Новогодн[ик] Кукольника. 1839. — Рассказ пленника Медяника, Лит[ературная] Газ[ета]. 1840. — Рассказ казака Дервянова, Сев[ерная] Пч[ела]. 1839. — Описание моста, построенного на Висле, Сын Отеч[ества]. 1833. — Сказки и повести: Бедовик, От[ечественные] Зап[иски]*, Лисичка-сестричка — кажется, в Запорожской старине, или Прибавлениях к ним [так! — А.И.-Т.], Харьков¹³. — Бедный Кузя, искажено в Библ[иотеке], 1835, как вообще все, что там печаталось, почему и отказался тогда от сотрудничества¹⁴. — Бикей и Мауляна, Библ[иотека] 1836. — Солдатский портрет, с Украинского Основ[ьяненки], Совр[еменник] 1837. — Болгарка, Наблюд[атель]. 1837. — Подольянка, Соврем[енник]. 1839. — Клад, Лит[ературные] Приб[авления]. 1838¹⁵. — особая книжечкой, Высочайше утв[ерж]денная: Памятная книжка, для нижних чинов Импер[аторски]х Казачьих войск. NB. Это последнее полезнейшее и, может быть, лучшее, что я написал. — Написаны и отданы давно уже издателю повести: 1. Двойник, или Савелий Граб; 2. Мичман Поцелуев. 3. Карай Царевич. 4. Иван Купеческий сын, в Русских стихах. 5. Башкирская Русалка¹⁶. — о нескольких газетных статейках не упоминаю. — Замыслов больших у меня нет; хочется, если удастся, написать «похождения не людские, в земле не человеческой» — где скоты и звери исправляют должность людей — А.П.Сапожников готовит на это превосходные картины, очерками, где волки и лисицы во фраках, овцы и индейки в корсетах¹⁷. Я бы мог прислать вам образчик и вступление — да не знаю, будут ли приняты отрывки. — Заготовлено черне пять, шесть повестей; есть собрание Русских народных сказок, дум, песен, пословиц, притч и пр. и пр. Собрание, которое пополняется ежедневно и служит мне запасом ко всему.

Прощайте; я записался, а почта отходит. Душевно желаю успеха и, как только успею, пришлю что есть.

В.Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.1-2об. Большой фрагмент: Барсуков. V. 495-496. Писарская копия двух обширных фрагментов сохранилась в архиве Погодина (ОР РГБ. Ф.231/III. Карт.4. Ед.хр.8. Л.1-2); его рукой сделана карандашная помета («Мат. для биогр. Словаря») и поставлен (чернилами) заголовок: «Из письма г.Даля-Луганского, из Оренбурга, 1840, Дек.2» (вероятно, дата получения письма). Один отрывок, очевидно, готовился к помещению в «Москвитяине»: «История» Полевого переправлена на «Историю г-на N», «Энциклопедический Лек-

* Слова «Бедовик, От. Зап.» вписаны над строкой. — А.И.-Т.

сикон» — на «Лексикон г-на М.», вместо «У Смирдина это приведено в систему...» стоит: «У г-на Z...» Эта копия использована в кн.: *Порудоминский 1971. С.114, 160, 200.*

Ответ на неизвестное ныне письмо Погодина с приглашением участвовать в зарождающемся «Москвитянине» (опубликованную в газетах программу журнала см.: *Барсуков. V. 491-492.*)

¹ Неточная цитата из стихотворения Н.М.Языкова «Песня» (1829): «Разгульна, светла и любовна // Душа веселится моя; // Да здравствует М[арья] П[етровна], // И ножка, и ручка ея!»

² Широко разрекламированная автором «История русского народа». Вместо обещанных в кратчайшие сроки 12 томов (деньги за подписку взымались вперед), Н.А.Полевой за пять лет (1829-1833) издал лишь 6.

³ «Энциклопедический лексикон» (Т.1-17. СПб., 1836-1841), дошедший лишь до конца буквы «Д». По приглашению Н.И. Греча (см. черновик письма Даля к нему — ОР РГБ. Ф.273. Карт.1. Ед.хр.3. Л.64об.; ср.: Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1904 год. М., 1905. С.38), Даль довольно активно участвовал в этом издании: значится в списке лиц, которые «в самом начале составления Энциклопедического лексикона изъявили желание участвовать в нем» (Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т.1. С.ХIII). Свои статьи Даль подписывал, как правило, буквами «В.И.Д.». См., например, в томе 1: Айда (С.304); Айдар (С.304); Аксакол (С.369); Аксюк (С.373); в томе 3 (СПб., 1835): Армяк, армячина (С.157-158, подп.: В.Д.); Арчак (С.292); в томе 9 (СПб., 1837): Веревоочная лестница (С.457); в томе 10 (СПб., 1837): Видение или призрак (С.92-94); Винтовка (С.328-329, Далю принадлежит лишь часть статьи); в томе 11 (СПб., 1838): Войлок (С.294); Вольнодумец (С.364-365); Волокуша или Приволочка (С.384); в томе 12 (СПб., 1838): Вяхирь (С.373); в томе 13 (СПб., 1838): Гайнипская Башкирская волость (С.106); в томе 14 (СПб., 1838): Генварцев или Гонварцев Форпост (С.9, подп.: В.Д.); Гирейская Башкирская волость (С.247); Гирьял (С.250-251); Гирьяльский отряд (С.251); Глининский или Глиняный Форпост (С.271-272); Гниловский Форпост (С.305); Гнилой Умет (С.305); в томе 15 (СПб., 1838): Гребени (С.92); Грязные соленые озера (С.197-198); Губерлинская крепость (С.202); Губерлинские горы (С.202-203); Гугня и Гугниха (С.212-213); Гурджи (С.246, подп.: В.Д.); Гурлян (С.248, подп.: В.Д.); Гурьев городок (С.432, подп.: В.Д.).

В ближайшем окружении Даля царило достаточно скептическое отношение к этому изданию. Так, А.П.Сапожников (см. о нем прим.17) писал 3 ноября 1835 Далю об издателях «Лексикона» А.А.Плюшаре и Н.И. Грече: «Они распорядились прекрасно! Заставили нас писать до поту лица за 400 с листа оригинального и по 50 с переводного, сиречь за 25 листов писанных мелких шрифтом! Сверх того, когда нет кондиции с редактором и сотрудниками касательно собственности статей наших. Отдаем ли мы их в вечное владение Плюшара, с правом перепечатывать, и не знаем: сможем ли мы наши статьи напечатать особо? Между тем Греч и Плюшар имеют более 7 тыс. подписчиков! Греч же, говорят, взял за

корректуру 100 тысяч!!!! Вот как люди наживаются чужими руками!» (ИРЛИ. №27387. Л.3об.)

⁴ Имеется в виду «Русский Вестник», возобновившийся под редакцией Н.И.Греча в 1841 г.

⁵ Место ссылки Н.И.Надеждина после истории с публикацией в его журнале «Философического письма» П.Я.Чаадаева (1836). Вероятно, суждение Даля относится к месту из программы «Москвитянина» на 1841 г., где обещаны для отдела «Смесь» «корреспонденция, вести из губерний» (Моск. ведомости. 1840. №90. 9 нояб. С.704).

⁶ «Полтора слова о нынешнем русском языке»// Москвитянин. 1842. Ч.1. №2. С.532-556. Подп.: В.Луганский. О встрече Даля в 1837 г. в Оренбурге с Жуковским, сопровождавшим наследника престола, см.: Курочкин Ю.М. Уральские находки. Свердловск, 1982. С.235-238, 262-263. Об их филологическом споре см.: *Порудоминский 1971*. С.333-335; отголоски полемики слышны даже в автобиографической записке Даля 1868 г. — см.: Грот Я.К. Воспоминание о В.И.Дале (С извлечением из его писем)// Сборник Отд-ния русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1873. Т.10. №9. С.42.

⁷ О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа// Иллюстрация. 1845. Т.1. №3. 14 апр. С.40-41; №5. 5 мая. С.76-78 (с доп. загл.: Домовой); №12. 23 июня. С.183-184; №13. 30 июня. С.203; №16. 21 июля. С.250-251; №17. 28 июля. С.262-263; №19. 11 авг. С.298-299; №26. 6 окт., под загл.: Ведьма; №32. 17 ноября. С.503-504; №34. 1 дек. С.538-539; №36. 15 дек. С.565-566 (три последние под загл.: Порчи и заговоры); 1846. Т.II. №10. 16 марта. С.145-146 (с доп. загл.: Симпатические средства); №11. 23 марта. С.171-172; №16. 4 мая. С.246-247; №17. 11 мая. С.262-263; №21. 8 июня. С.332-333 (четыре последних с доп. загл.: Приметы); №22. 15 июня. С.344-345 (с доп. загл.: Басни, притчи и сказки); №24. 29 июня. С.384-385; №26. 20 июля. С.408-409 (две последние с доп. загл.: Привидения), подписи: В.Луганский или К.Луганский или без подп.

⁸ Нельзя сказать с уверенностью, какое именно произведение имеется в виду. Композиционные особенности повести «Небывалое в былом или бывшее в небывалом» (Отечественные записки. 1846. Т.X.-XI. №5. Отд.1. С.1-60; №6. Отд.1. С.151-190) позволяют назвать его «трехъярусным», но вполне возможно, что Даль говорит здесь о каком-то ином своем сочинении.

⁹ Вероятно, речь идет о повести Даля «Майна» (Москвитянин. 1841. Ч.V. №10. С.340-404, подп.: В.Луганский).

¹⁰ Даль В. Цыганка// Моск. телеграф. 1830. Ч.XXXVI. №21. С.36-57; №22. С.165-185.

¹¹ Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. СПб., 1832. Тираж книги был изъят по требованию III Отделения и уничтожен.

Однако традиционное мнение о чрезвычайной редкости оставшихся экземпляров (ср.: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1866 год. СПб., 1867. С.15-16; Остроглазов И.М. Книжные редкости// Рус. архив. 1892. №12. С.408; Мезиер А.В. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. СПб., 1902. Ч.2. С.77; Письма разных лиц /.../ к А.В. Селиванову. Владимир, 1912. Вып.1. С.85) должно быть несколько откорректировано с учетом того, что книга успела достичь самых отдаленных пределов страны (см. письмо А.А.Бестужева от 14 дек. 1832 г.// Рус. вестник. 1861. №3. С.334), а приказание об изъятии было дано лишь 27 декабря, вследствие чего, например, из 54 экземпляров, розданных из Библиотеки для чтения Смирдина, удалось собрать обратно лишь 10. «...О последних 44-х экземплярах Смирдин отозвался, что доставить их никакой возможности не имеет, ибо лица, получившие сии экземпляры для чтения, на требование его отозвались одни, что затеряли, а другие, что знакомые, взявшие от них для чтения, не могут их отыскать» (см. дело «Об остальных экземплярах книги под названием "Сказки казака Луганского"». — ГА РФ. Ф.109. 5 экспед. 1833 г. Оп.213. Д.4); ср. также позицию, занятую С.Р.Минцловым в его кн.: Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке. СПб., 1904. С.16. №61.

В комментируемом письме Даля названия пяти сказок, вошедших в книгу, приводятся не совсем точно. См. подробнее их описание: *Мельников 1897. С.XXXVII-XXXVIII.*

¹² Были и небылицы Казака Владимира Луганского. СПб., 1833. Книжка первая.

Содерж.: Нападение врасплох. — Цыганка (о первой публикации см. прим.10).

То же. СПб., 1835. Книжка вторая.

Содерж.: Сказка о прекрасной Царевне Милонеге-Белоручке, по прозвищу Васильковый глазок, и о трехстах тридцати трех затяжных волокитах и поклонниках ея. — Сказка о стрёбой дочери и о корове буренушке. — Сказка про жида вороватого, про цыгана бородатого.

То же. СПб., 1836. Книжка третья.

Содерж.: Илья Муромец сказка Руси богатырской. На письмо полёжена казаком Владимиром Луганским. — Сказка о некоем православном покойном мужичке и о сыне его, Емеле дурачке (впервые: Новоселье. СПб., 1833. С.559-587, подп.: Казак Луганский). — Сказка о воре и бурой корове (впервые: Б-ка для чтения. 1834. Т.V. [№9]. Отд.І. С.195-203, подп.: Казак Луганский). — Иван Лапотник: Сказка (впервые: Моск. наблюдатель. 1835. Ч.І. Март. Кн.1. С.70-86, подп.: В.Луганский).

Были и небылицы казака Луганского. СПб., 1839. Книжка IV.

Содерж.: Ночь на распутьи или Утро вечера мудренее: Старинная бивальщина в лицах. — Сказка о Георгии Храбром и о волке (впервые: Б-ка для чтения. 1836. Т.XIV. [№2]. Отд.І. С.133-144, подп.: Казак Луганский). — Сказка о Нужде, о Счастье и о Правде (впервые: Б-ка для чтения. 1835. Т.IX. [№4]. Отд.І. С.177-210, подп.: Казак Луганский). — Ведьма: (Украинская сказка) (впервые: Лит. прибавления к «Рус. инвалиду». 1837. №5. 30 янв. С.39-42, подп.: Казак В.Луганский; мнение о переводном ха-

рактуре текста см. в кн.: Квітка-Основ'яненко Г.Ф. Зібрання творів. Київ. 1981. Т.7. С.547).

¹³ Приводим библиографические сведения об упомянутых Далем публикациях.

Слово медика к больным и к здоровым // Сев. пчела. 1832. №127. 6 июня [С.2-4]; №128. 7 июня. [С.3-4]; подп.: Владимир Луганский, отставной флота лейтенант и доктор медицины. Ср.: *Порудоминский 1971*. С.114.

[«В №1 С.О. и С.А. на 1833 год, помещено замечание о том, что выражения: *полпята, полшеста, полдесята* и проч. означали в старину...»]// Сев. Пчела. 1833. №119. 31 мая. С.474, подп.: Владимир Луганский.

О русских песнях И.А.Рупини // Сев. пчела. 1833. №66. 23 марта. С.261-263; подп.: Владимир Луганский.

Письмо к Гречу из Уральска // Сев. пчела. 1833. №230. 11 окт. С.920; №231. 12 окт. С.923-924; подп.: В.Луганский; помета: 25 сентября 1833.

Новый атаман. (Письмо из Уральска) // Сев. пчела. 1834. №102. 7 мая. С.403-404; подп.: В.Луганский.

Отыскать статьи «Совершеннолетие Наследника» в «Северной пчеле» не удалось. Возможно, имеется в виду публикация: «Описание торжества, совершенного Рязанской губернии в городе Касимове, при соборной ханской мечети старшим чиновником Нахуном по случаю совершеннолетия Его Императорского Высочества наследника Цесаревича, в 1834 г. (Перевод с татарского) // Молва. 1835. Т.10. №31-34. Стлб.68-75. Имя переводчика не указано, но переведенный документ имеет оренбургское происхождение (см. стлб.75).

Два письма о гомеопатии. 1.// Сев. Пчела. 1834. №124. 4 июня. С.495-496, подп.: В.Даль; помета: Оренбург. Января 1834, в конце публикации: Перевел с немецкого Др. М.П.Б[огословский] (см. также: Зейдлиц К.К. 2. Ответ // Там же. С.496; №125. 5 июня. С.499-500; №126. 6 июня. С.502-504, подп.: Твой 3-ц); Даль В. Гомеопатия. Еще письмо к Доктору Зейдлицу // Там же. 1835. №97. 3 мая. С.387-388 (см. также: Гомеопатия. Ответ Доктора Зейдлица // Там же. №98. 4 мая. С.392; №99. 6 мая. С.395-396; №100. 7 мая. С.400, с указ.: С немецкого Доктор М.П.Богословский).

О козьем пухе // Б-ка для чтения. 1835. Т.IX. [№4]. Отд.IV. С.17-28, подп.: Доктор Даль.

Жизнь Ждингиз-Хана / С татарского, В.Луганский // Сын Отечества [Ч.169] и Северный Архив [Ч.83]. 1835. Т.47. №4. С.193-230.

[Рец. на кн.:] Малороссийские повести, рассказываемые Грицьком Основьяненком. Книжка первая. М., 1834, в тип. Института Восточных языков, в б.12, 380 стр. // Сев. Пчела. 1835. №17. 21 янв. С.65-68; №18. 22 янв. С.69-71, подп.: В.Луганский.

О статьях Даля в «Энциклопедическом лексиконе» см. прим.3.

Письма к свату о книжной и письменной управе благочиния // Моск. наблюдатель. 1836. Ч.VIII. Авг., кн.1. С.349-367, подп.: Казак Луганский.

[Рец. на кн.:] Сватанье. Малороссийская опера в 3-х действиях, соч. Грицька Основьяненка. Харьков. В губ. тип. 1836. (8).// Лит. прибавления к «Рус. инвалиду». 1837. №39. 25 сент. С.382-384, подп.: В.Луганский.

Два оригинальных письма. 1. Образцовое письмо старшего писаря Семиградского пехотного полка, Овчинникова // Лит. прибавления к «Рус. инвалиду», 1837. №17. 24 янв. С.158-159, подп.: Андрей Овчинников; помета: Верно: Казак Луганский; 2. Письмо казака из-под Шумлы // Там же. С.158-160, подп.: Казак Луганский; помета: 1829 года 8 июля.

[Рец. на кн.:] Малороссийские повести, рассказываемые Грицком Основьяненком. Кн. вторая. Москва. В тип. Лазаревых. 1837. (8). 441 стр. // Лит. прибавления к «Рус. инвалиду». 1837. №52. 25 дек. С.512-515, подп.: В.Луганский.

Об омеопатии. (Письмо князю В.Ф.Одоевскому) // Современник. 1838. Т.12. 2-я паг. С.43-72; были отд. оттиски (см.: Каталог библиотеки В.Ф.Одоевского. М., 1988. С.43. №263-264).

Рассказ пленника Федора Федорова Грушина // Лит. прибавления к «Рус. инвалиду». 1838. №5. 20 янв. С.81-86 (в подстрочном примечании на с.81 изъяснены источники и задачи цикла показаний хивинских пленников).

Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Альманах на 1838 год... СПб., 1838. С.188-211.

Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Утренняя заря. Альманах на 1839 год. СПб., 1839. С.74-92; подп.: В.Луганский.

Восточные притчи и сказки, переложенные из изустных рассказов жителей Средней Азии // Моск. наблюдатель. Ч.1. №2 (февр.). Отд. II. Проза. С.225-245, подп.: В.Луганский (I. Гальяс-учитель и ученик. II. Сон Падишаха. III. Солейман и Сова. IV. Солейман и Ворона. V. Калиф-художник. VI. Вор и утайщик. [VII]. Шейх Наджмуддин).

Повествование об Аксак-Тимуре / С татарского. В.Даль // Лит. прибавления к «Рус. инвалиду». 1838. №45. 5 нояб. С.881-885 (источник перевода указан в подстрочном прим. — С.831).

Рассказ русского пленника из Хивы, Якова Зиновьева. 1838 // Санкт-петербургские вед. 1839. №22. 27 янв. С.97-98; №23. 28 янв. С.100-102; №24. 29 янв. С.106-108, в конце текста: С изустного рассказа: В.Луганский.

Буран // Там же. №68. 24 марта. С.301-302, подп.: В.Луганский.

Каспийское поморье // Там же. №86. 19 апр. С.381-382, подп.: В.Луганский.

Озеро Ачулы. — Ремесленность. — Остатки. — Молокососы. — Старина // Там же. №101. 7 мая. С.447-448, под рубрикой: Смесь; подп.: В.Луганский.

Русский язык // Там же. №136. 18 июня. С.597-598, подп.: В.Луганский.

Две притчи о всякой всячине, да еще кой о чем. I. *О котях и о Козле*. II. *Об очках* // Новогодник. СПб., 1839. С.212-217, подп.: В.Луганский.

Известия о Хиве, взятые из рассказов кизильского гарнизонного батальона портупей-прапорщика Медяника, бывшего в плену у хивинцев // Лит. газ. 1840. №14. 17 февр. Стлб.325-327.

«Рассказ казака Дервянова» в «Северной пчеле» нами пока не отыскан; без сомнения, речь идет о тексте, вошедшем в цикл «Солдатские до-

суги» под заглавием «Дервянов» (см., например: Солдатские досуги Казака Владимира Луганского. СПб., 1843. С.178-184); его действие происходит в феврале-марте 1839 г., следовательно, первая публикация не могла состояться ранее апреля этого года.

Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридигера на левый берег оной, равно и других переправочных способов, при сем усмотренных // Сын Отечества [Ч.155] и Северный Архив [Ч.69]. 1833. Т.33. №6. С.340-358; №7. С.391-414 (в прилож.: Ридигер Ф.В. Свидетельство. — С.414-418; ср.: Рус. старина. 1878. №5. С.185-186); были отдельные оттиски. Эта публикация вызвала заведение специального дела в III Отделении. — ГА РФ. Ф.109. 1 экспед. 1833 г. Оп.8. Д.279; ср.: [Стасов В.В.] Цензура в царствование императора Николая I // Рус. старина. 1903. №4. С.144.

Бедовик // Отечественные записки. 1839. Т.3. №5. Отд. III. С.136-245; подп.: В.Луганский [в огл.: Казака Луганского (В.И.Даля)].

Харьковская публикация «Лисички-сестрички» нами пока не обнаружена; вероятно, речь идет о тексте, впоследствии печатавшемся под заглавием «Лиса Патрикеевна» (см.: Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. СПб., 1846. Ч.4. С.235-270). Издателем ошибочно упомянутого Далею сборника «Запорожская старина» (Ч.1-II. Харьков, 1833-1838) был известный фольклорист И.И.Срезневский, упоминавший в одном из своих сочинений (при перечислении народных «фантастико-юмористических» сказок) и «басни о лисичке-сестричке» (Срезневский Измаил. Взгляд на памятники Украинской народной Словесности: Письмо к профессору И.М.Снегиреву // Уч. зап. Императорского Московского университета. 1834. №4. Октябрь. С.146).

¹⁴ Несмотря на это свидетельство, В.И.Даль был упомянут в списке «лиц, которые никогда не позволяли и не допускали никаких перемен в статьях, помещенных ими в Б для Ч» (Лит. прибавления к «Рус. инвалиду». 1838. №30. 23 июля. С.596). Об отношениях с Сенковским можно судить по статье Даля «Во всеулышание» (Рус. архив. 1880. №6. С.473-480) и по его письму к А.В.Дружинину 9 марта 1856 г. (Летописи Гос. Лит. Музея. М., 1948. Кн.9. С.108). «Сказка о бедном Кузе-бесталанной голове и о Переметчике Будунтае» в «Б-ке для чтения» не появлялась.

¹⁵ Бикей и Мауляна // Б-ка для чтения. 1836. Т.ХVI. [№6]. Отд. I. С.171-259, подп.: Казак Владимир Луганский.

Солдатский портрет / С украинского В.Луганский // Современник. 1837. Т.7. С.108-138 (с подстрочным пояснением, с.108: «Одна из повестей Грицька Основьяненка /.../»).

Два рассказа или Болгарка Подолянка. 1. Болгарка // Моск. наблюдатель. 1837. Ч.ХIII. Июль. Кн.1. С.5-40, подп.: В.Луганский (в огл.: Казака Луганского); помета: Подолянка обещана.

Два рассказа или Болгарка и Подолянка. Подолянка. // Современник. 1839. Т.13. 2-я паг. С.59-91, подп.: В.Луганский.

Клад: (Русская сказка) // Лит. прибавления к «Рус. инвалиду». 1839. Т.1. №1. 1 янв. С.1-6, подп.: В.Луганский; с подстрочным прим.: «Гриць-

ко Основьяненко рассказал сказку эту так, как она сказуется на Украине; вот та же сказка, как живет она на Руси».

¹⁶ Савелий Граб или двойник // Сказка за сказкой. СПб., 1842. Т.2. С.3-116, подп.: Казак Луганский.

Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся // Рус. беседа. СПб., 1841. Т.2. Самост. паг. С.1-92, подп.: В.Луганский.

Карай Царевич и Булат Молодец: Болгарская сказка // Москвитянин. 1845. Ч.І. №1. С.43-54, подп.: Луганский.

Сказка о купце с купчихою и о выкраденном их сыне («В некоем-то было Государстве...») // Москвитянин. 1842. Ч.VI. №11. С.1-12, подп.: В.Луганский.

Башкирская русалка // Москвитянин. 1843. Ч.І. №1. С.97-119, подп.: В.Луганский.

¹⁷ Этот замысел, вполне находящийся в русле общеевропейского литературного движения (см.: Якимович Т. Французский реалистический очерк 1830-1848 гг. М., 1963. С.203-206, 283-285), так и не был осуществлен.

Сапожников Андрей Петрович (ок. 1795 - 17.3.1855) — художник (в частности иллюстратор Крылова), почетный вольный общник Академии художеств (с 1830), главный наставник-наблюдатель черчения и рисования военно-учебных заведений (1844-1853), деятельный чл. Общества поощрения художников, музыкант-любитель (см. о нем: Львов Ф.Ф. Общество поощрения художников в 1850-1862 гг. // Рус. старина. 1881. №8. С.638-639; Новицкий А. Художественная галерея Моск. Публичного и Румянцевского музеев. М., 1889. С.270; Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI-XIX вв. СПб., 1892. Т.2. Стлб.866-867; Жигало М. Иллюстратор Крылова // Наука и жизнь. 1969. №5. С.69-70). Близкий друг Даля (письма Сапожникова к нему за 1833-1840 см.: ИРЛИ. 27.387), иллюстрировал «Были и небылицы Казака Владимира Луганского». Их совместные проекты — «Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета» (см. прим.13 к письму 17) и «Зоология» (СПб., 1847, также совм. с А.Ф.Постельсом). Рассказ, записанный Далем со слов Сапожникова (о Павле I), см.: Рус. старина. 1870. №10. С.294-295; об их отношениях см. также: Порудоминский В.И. Страницы из жизни В.И.Даля // Прометей. М., 1968. Т.5. С.62-67.

3. Погодин — Далю

[Начало декабря 1840 г. Москва]

Благодарю Вас, любезнейший Владимир Иванович, за ваше письмо — участие и доброжелательство. Я был уверен, а все-таки еще лучше на сердце, как прочтешь собственноручное.

Жук[овский] немец и об Русс[ком] языке из уст народа он не имеет и не может иметь понятия, т.е. обогатить его из этой непочатой горы он не может. Его достоинство — что наследстве[н-

ный] капитал он употребляет как может. Достоинство великое, когда мы посмотрим, сколько нас блудных детей, коим не в помощь отцовское богатство.

Описание Хивинск[ого] похода весьма было бы кстати во вторую книжку. Похлопочите и пришлите¹.

Отрывки, обрывки, веревочки — все милости просим.

Какой образ действия советуете в отношении к Петерб[ургским] мошенникам?

А статеек из Солдатской Книги², например, о достойном Иване Горохове?

Повести — самая крайняя нужда, которую удовлетворить кому же, кроме вас?

Что у вас за Издатель? Напишите-ка поподробнее о ваших условиях с ним.

Посылаю вам кипку всяких объявлений³ — велите разослать по распутиям.

Предложите, кому знаете, билетов⁴; поневольтесь, де. А ведь вам ответят каналы: не употребляю-с.

Написал было я декларацию⁵, в которой, отдавая полную честь, за что отдать можно, всем сынам, я оделил было их и по серьгам бессережных, т.е. не то чтоб мы были без Сергеев⁶, а... тьфу пропасть, да что это я, на ночь глядя, забалагурил. — Да, об декларации. Не советуют приятели. Лучше, де, молчать сначала, а как вы думаете?

Прощайте. Обнимаю. Пособите. Мы все терпели, так теперь имеем право [на вторую часть пословицы: стерпится — слюбится. Нет, она сюда нейдет. Не так, вот это вернее и приличнее. Мы терпели, так теперь авось]* авось, — не атаманиться.

Преданный М.П.

За билеты деньги, если случится, оставьте у себя в число будущих счетов, а мне дайте только знать аккуратно, кому должен я высылать журнал.

С пересы[лкой] 45.

Серг[ий] Сем[енович] *особенное*** расположение пока[зывает] Журналу, и я имею причины достаточн[ые] поверить⁷.

Я буду посылать ему даже коррек[туры] частным образом. Итак попробуйте Смеси и по вашему идеалу!⁸

[Приписка на первом листе письма:]

Вторую кипку благоволите передать г.Еникунцеву⁹.

* Зачеркнуто М.П.Погодиным. — А.И.-Т.

** Слово дважды подчеркнуто. — А.И.-Т.

ИРЛИ. 27.372. Л.20-21. Ответ на письмо 2.

¹ В «Москвитянине» напечатано не было. Опубликовано лишь в 1860 (Военное предприятие противу Хивы // Чтения в Об-ве истории и древностей российских. 1860. №1. Отдел II. С.147-166, б. подп.).

² В ближайшие годы в «Москвитянине» появилось еще две публикации «Из солдатских досугов» (1841. Ч.1. №3. С.97-109, три рассказа, подп.: В.Луганский; 1842. Ч.VI. №12. С.353-369, десять рассказов, подп.: В.Луганский).

³ О «Москвитянине» и о книгах, изданных М.П.Погодиным.

⁴ Т.е. бланков для подписки на «Москвитянина»; о проблемах Погодина с подпиской см., напр.: *Барсуков*. V. 504.

⁵ Т.е. программу взаимоотношений «Москвитянина» с другими периодическими изданиями.

⁶ Намек на попечителя московского учебного округа гр. С.Г.Строганова и министра народного просвещения гр. С.С.Уварова — т.е. лиц, от которых непосредственно зависело будущее журнала.

⁷ О покровительстве, с самого начала оказываемом Уваровым «Москвитянину», см. в письмах Погодина к М.А.Максимовичу от 4 сент. и за октябрь 1840 г. (Сборник Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1882. Т.XXXI. №2. С.25, 26).

⁸ Ср. замечания Даля о «Русской Смеси» в письме 2.

⁹ Еникуцев Андрей Иванович (умер между 19 авг. 1854 и 15 авг. 1857 — см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1858. Т.32. Отд-ние I. С.685. №32177), почетный смотритель Оренбургского уездного училища (1840-1853), владелец каменного дома в Оренбурге (Санктпетербургские сенатские объявления о запрещениях на имения. 1850. №102. 23 дек. С.3408. Ст.22616), в 1840 г. — титулярный советник, с 1844 — коллежский асессор, с 1847 — коллежский советник, надворный советник); см. о нем: Список гражд. чинам седьмого класса. Исправлен по 20-е декабря 1853 г. СПб., 1854. С.384. В его письме к Погодину (обучавшему в частном порядке сына Еникуцева Николая) от 6 января 1841 г. рассказывается: «Декабря истекшего года я ездил из Оренбурга слишком за 500 верст; возвратясь, нашел присланные через г.Даля 25 билетов на издаваемый вами журнал Москвитянин, из числа коих я роздал только шесть билетов, а кому именно прилагается реестр» (ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.11. Ед.хр.83. Л.1). Через несколько дней Еникуцеву удалось распространить еще несколько подписок. В частности: «...К отданным шести, я еще отдал один билет служителю Фемиды, жителю Илецкой Защиты надвор. советнику Иллариону Михайловичу Михайлову, о каковой отдаче, я приказал моему сыну вам доложить и просить о высылке в Илецкую Защиту изъявившему желание обнять Москвитянина» (там же. Л.3). Письмо Еникуцева позволяет выяснить, каким образом произошло знакомство с погодинским журналом сына «изъявившего желание» — поэта и революционера М.И.Михайлова, через несколько лет ставшего весьма заметным автором «Москвитянина».

30го декабря 1840. Оренбург

Писание и послания Ваши получены; 10 билетов оставлены у меня, остальное передано Яникунцеву, вероятно, он раздаст более моего, мне право потчивать некого; тут народ кобылка: в последние 3-и года — как это случается в *служивых* городах — переменилось в глазах наших почти все поколение здешнее; чтобы оставаться со старыми в коротких сношениях и вступить в такие с новыми, необходимо навещать их всех с *почтением*, в воскресенье и по другим праздникам, чего я не терплю, ненавижу, никогда не делаю и потому, ограничившись знакомством 3^х, 4^х домов, отбился вовсе от большого света.

Беда, что наткнулись вы на меня в такую тяжкую пору: у меня такая работа на руках — казенная — что никак не кончу прежде трех месяцев — а что тогда будет не знаю — и работа нужная, срочная, отчеты по управлению Краем. Не могу решительно приступить ни к чему, хотя и рад бы служить душой, сколько сил моих [так! — *А.И.-Т.*]. Статью о *Русск[ом] Языке*¹ непременно получите в Генваре — она коротенькая, но переписывается безграмотным писцом уже целый месяц, а теперь на грех праздники. Повестей в таком виде нет, чтобы можно послать: требуют отделки, пересмотру, переписки. Все что было на 6 книжек, старого и нового, взял издатель мой, держит три года, шести тысяч не выплатил, срок давно прошел — что же с ним делать? за 2 тысячи верст не сговоришь. Вы хотели видеть условия наши: прилагаю копию — хотя и не знаю, для чего она вам. Впрочем, не говорите об этом, издатель мой рассердится, и тогда хуже будет: Бог с ним, вперед буду осторожней.

Вы спрашиваете, как быть с мошенниками — да, мне кажется, вот что: положение словесности — а тем более повременных изданий — у нас теперь такое, что *нельзя* быть независимым, нельзя никоим образом не обратить какое-нибудь внимание на то, что делалось доселе. Какой же это будет журнал, если он не пойдет следить живой ход современного слова, если не станет показывать читателям указкой: буки-аз, ба, а не *ва*. Кажется, этого не миновать; кажется также, хуже ввязаться в это тогда, как уже заденут — а и того не миновать — тогда поневоле заставят огрызаться, а это не годится. Лучше с самого начала поставить себя на такую точку, где стоять должно, не смущаться ничем и стоять: правда возьмет верх, лишь бы стало средств насущных, т.е. хлебных, да лишь бы не подкосили свои — чего у вас быть не может. Вот почему, кажется, хорошо сказать об этом слово во всеуслы-

шанье; читатели должны знать чего ожидать, чего искать — кроме того, честнейшему человеку нельзя — если уже он решается говорить вслух — нельзя [в] правдивом негодовании не сделать отпору этому позорному, гибельному направлению, которое взяло верх потому только, что обстоятельства дали ему временно в руки вещественные на то средства. Вот мое мнение.

Лишь только возвратится Перовский, я узнаю об участии *солдатских досугов* моих — которые написаны по Высоч[айшему] повел[ению], и, следовательно, принадлежат не мне — и если мне руки развяжут, то пришлю Вам книжку, которою я очень горжусь. Она потонула, лежит в Петербурге 2* года².

От критики Шевырева я ожидаю очень много: такой критики, как бывала она у него в руках, нет теперь и в помине. Статья его в Наблюдателе была образцовая³ — но ведь и тут, воля ваша, нельзя будет ему обойтись без того, чтобы не сказать им горькой правды в глаза, нельзя опять им не огрызаться — словом, необходимо признать положение и отношения свои к пишущей каналии с самого начала, чтобы не быть вынуждену переменить впоследствии строй и лад песни. Надобно *опознаться*⁴ на поприще своем сначала и действовать как на месте и с предметами коротко известными; дощупываться нечего, таить также нечего, не такое наше положение. Вражда междоусобная, если она загорится, кровопролитнее всякой другой; это вы как историк знаете; ссора друзей непримиримее ссоры двух людей друг другу посторонних; лучше обдумать, определить и высказать наперед в *каком* отношении Москвитянин будет с таким-то или таким-то, чем начать за здоровье, а свести за упокой.

Прощайте; душевно жалею, что на первый случай не могу поработать на вас так, как бы мне хотелось. Время не уйдет, прошу считать меня усердным подручником своим и оставить мне местечко.

Даль

УСЛОВИЕ

1. В.⁵ берет в собственность свою напечатанные *три* книжки Былей и небылиц.

2. Отпечатывает особым изданием то, что было напечатано в разных повременных изданиях.

3. Получает вновь: а) Ночь на распутии. в) Мичман Поцелуев. с) Бедовик. d) О купце с купчихой. e) Булат-молодец. f) двойник⁶.

---

* Исправлено; первоначально было написано: «4». — А.И.-Т.

g) Башкирская Русалка. h) Статью о Русских поверьях. Всего, со включением уже напечатанного, на 6 книжек.

4) В. вправе напечатать все это, кроме отдельного издания, в Отец[ественных] записках, Литерат[урных] прибавлениях или Современнике.

5. Даль не отвечает за поправки и запрещения Ценсуры, а обязан только признать и исправить, что будет указано.

6. В. обязуется выплатить прежнему несостоятельному издателю⁷ $\frac{3}{4}$ т. рублей, и сверх того *восемь* тыс. в течение года Далю. NB. $\frac{3}{4}$ т. заплачены, 2 т. мною получены, а о 6^{ти} т. нет слуху, и книжки, кроме одной⁸, не издаются.

6го марта 1839.

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.3-5. Фрагменты: Барсуков. V. 496-497. Ответ на письмо 3.

¹ «Полтора слова о нынешнем русском языке».

² Опубликовано еще через два года, в марте 1843 г. — «Солдатские досуги. Казака Владимира Луганского» (СПб., 1843).

³ Вероятно, имеется в виду открывавшая войну с «Библиотекой для чтения» и коммерческим направлением в литературе статья: Шевырев С. Словесность и торговля // Моск. наблюдатель. 1835. Ч.1. Март. Кн.1. С.5-29.

⁴ Особая склонность Даля к этому слову отразилась и в «Напутном слове» (1862) к его Словарю — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т.1. С.XIV; ср. письмо 27.

⁵ Вероятно, издателем, заключившим с Далем этот договор, был Александр Васильевич Враский (1798-1852) — см. далевские «Поправки на печатанные в разных повременных изданиях статьи мои, для издания Г.А.Врасского» — ОР РГБ. Ф.473. Карт.1. Ед.хр.3. Л.56-57; ср.: Отчет Моск. Публичного и Румянцевского музеев за 1904 год. М., 1905. С.38. Возможно, что А.В.Враский вошел в «высокий» литературный круг Петербурга (В.Ф.Одоевский и А.А.Краевский собирались издавать вместе с ним журнал «Русский сборник», не разрешенный Николаем I; см.: Могилянский А.П. А.С.Пушкин и В.Ф.Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1949. Т.6. №3. С.217, 219), благодаря своему кузену, Борису Алексеевичу Враскому (1795-10.4.1880), приятелю, а впоследствии и свойственнику Одоевского (см.: Русские писатели. 1800-1917: Биографич. словарь. М., 1989. Т.1. С.494).

⁶ См. прим.16 к письму 2 (d — «Сказка о купце с купчихой...», e — «Карай Царевич и Булат Молодец...», f — «Савелий Граб...»).

⁷ Возможно, имеется в виду Н.И.Греч, в чьей типографии напечатаны первые две книги «Былей и небылиц» в 1839 г., или А.Ф.Смирдин.

⁸ Были и небылицы Казака Луганского. Книжка IV. СПб.: Тип. III Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1839 (с этой типографией был связан Б.А.Враский).

5. Погодин — Далю

31 декабря [1840. Москва]

Отец-командир! Владимир Иванович! Владимир Иванович!
Да что же это такое. Вторая книжка печатается, а от вас нет ничего. На что это похоже!

Хиву?

Повесть?

Смесь?

М.П.

а где новость[?]*

31 Дек[абря]

Из вашей Ночи Шаховс[кой] делает пиесу, а Верстов[ский] музыку¹. Мы взбеленились было, а они говорят, что заимствуют только одну декорацию. Верст[овский] хотел писать к вам. Veritas. Я еду в Петерб[ург]². — Напишите ко мне туда, если нужно что учинить или переговорить с вашим издателем.

Адрес: Ник[олаю] Андр[еевичу] Загряжскому³

в Почтамте

для такого-то

Уведомьте (и от Андр[ея] Ива[новича]⁴), кому я должен высылать по розданным вами билетам?

[На адресной стороне:]

Владимиру Ивановичу

Далю.

ИРЛИ. 27.372. Л.14-15об.

¹ Речь идет о драматическом произведении Даля «Ночь на распутии, или Утро вечера мудренее: Старая бывальщина в лицах» (опубл. в кн.: Были и небылицы казака Луганского. СПб., 1839. Кн.4. С.3-100); любопытно, что оно и задумывалось как опера (см.: Галатей. 1839. Ч.1. №3. С.260-261). Тем не менее, композитор А.Н.Верстовский (см. о работе над оперой в его письме к Погодину за май 1843 г. — Сов. музыка. 1979. №8. С.95-96) вынужден был обратиться к услугам либреттиста — профессионального драматурга князя А.А.Шаховского. Их совместное детище было представлено 28 ноября 1844 г. в Москве (подробный разбор оперы см.:

* Последние четыре строки, возможно, приписаны позже, другими чернилами. — А.И.-Т.

Сев. Пчела. 1845. №2. 3 янв. С.6-7). Об отношении Даля к этому предприятию отчасти можно судить по воспоминаниям П.И.Мельникова (*Мельников 1897. С.XLVI-XLVIII*), сообщающего также о намерении М.И.Глиники написать оперу по «Ночи...». В 1880-х к сюжету обращался А.К.Лядов; либретто, написанное В.Д.Комаровской, см.: ИРЛИ. 14.722.

² Погодин выехал лишь 6 февраля 1841 (*Барсуков. VI. 27*), а вернулся в Москву 18 февраля (там же. С.29).

³ Загряжский Н.А. (ум. в феврале или начале марта 1855 г. — см. запись в дневнике Погодина от 8 марта 1855 г. — ОР РГБ. Ф.231/1. Карт.38. Ед.хр.6. Л.83, копия), старинный друг Погодина (см. о нем: *Барсуков*, по указ. в т.ХХII), в этот момент коллежский ассессор, помощник правителя дел Совета при Главном начальнике над Почтовым департаментом.

⁴ А.И.Еникуцев.

6. Даль — Погодину

[*Первая половина янв. 1841. Оренбург*]

Сию минуту жене кровь кинул и уложил ее — ребятишки вокруг меня шумят — между тем огромные кипы бумаг ждут на столе — в то же время требуют меня в людскую, кучер заболел — а тут еще из канцелярии пришли за делом, да жена просит кинуть все и почитать ей что-нибудь; а подписчики пристают не упустить почты, чтобы им вовремя получить журнал Ваш — словом, голова кругом идет.

Прилагаю списки и адреса *шести* подписчиков, с коих деньги получены и, по Вашему приказанию, до расчета оставлены у меня. Яникуцов бегаёт также по целому городу, и мы с ним сталкиваемся как совместники и соперники.

В субботу отходит тяжелая почта, с нею получите несколько небольших статей — что успел списать из готового. Вчерне есть 3, 4 повести, но их необходимо отделать, а теперь невозможно.

Прощайте, желаю много удачи и хочу быть усердным Вашим помощником в добром деле.

В.Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.6-6об.

7. Даль — Погодину

[*Январь 1841. Оренбург*]

Посылаю разные разности, о которых надобно сказать несколько слов. Не знаю, много ли добра — а посылаю все, что есть налицо: о новом ранее 3-х месяцев и думать не могу.

1° Статья о Русском Языке — она лежит у меня близко к сердцу¹.

2° Сказка Сила — Колиныч: не введите меня в грех, печатайте с должного разрешения; она пропущена была ценсурой, Бутырским, но я не посмел ее печатать, и с тех пор она лежит².

3° Зюгря или зóрница — мусульманское поверье³, несколько притчей восточных отправил я давно уже Андросову, в Наблюдатель — кажется, они не были напечатаны, если можете, вытребуйте⁴.

4° Три небольших солдатских рассказа, которые тогда не вошли в *досуги*, и потому я ими не связан⁵.

5° Статью Кузмищева о Сибирском и Камчатском наречии, с приложением небольшого словаря; напечатайте, пожалуйста, это вам от него *на зубок* — вещь отменно хорошая, благонамеренная, любопытная⁶.

6° Наконец, Записки Пекарского о Пугачеве. Он, как правдивый современник, говорит просто и незамысловатую правду; кажется, стóит напечатать; они ходят здесь по рукам в рукописи, но довольно редки⁷.

НВ: Записки Пекарского и Кузмищева, ровно и словарь его, пожалуйста, возвратите мне; посылаю, чтобы не задержать перепиской — у меня копиистов нет — а мне их нужно.

Напишите, будете ли печатать народные песни? У меня их собрано, из уст народа, сотни три.

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.18. Л.57-57об. Фрагмент: *Канкава 1958. С.62.*

¹ См. прим.6 к письму 2.

² Опубликовано лишь в нынешнем столетии по рукописи из собрания К.А.Кордобовского: Сила Калиныч, душа горемычная, или Русский солдат ни в аду, ни в раю: Солдатская сказка / Публ. М.Я.Бессараб // Огонек. 1966. №52. С.20-23. Сводку сведений об этой сказке см.: *Порудоминский 1971. С.116-117.* Бутырский Никита Иванович (4.9.1784 - 24.6.1848), профессор Санкт-Петербургского университета, цензор (цензуровал запрещенное издание сказок Даля 1832 г.). См. о нем статью б. подп. в «Русском биографическом словаре» (СПб., 1908. Т. «Бетанкур — Бякстер». С.559), в кн.: *Венгеров. Источники сведения о нем смешаны с данными о Николае Бутырском.*

³ Зюгря, или происхождение зорницы: (Мусульманское предание) // Молодик, украинский литературный сборник, издаваемый И.Бецким. Харьков, 1843. [Часть I]. С.186-191, подп.: В.Луганский. О том, что это произведение должно войти в состав готовящегося к изданию альманаха «питомца Погодина» (*Барсуков. VII. 136*) Ивана Егоровича Бецкого, сооб-

шалось в заметке «Из Харькова» (с датой: 12 янв. 1842 года) в «Москвитянин» (1842. Ч. II. №3. С.270). Даль выразил свое неудовольствие передачей в чужие руки посланного Погодину материала в письме 17.

⁴ Публикация в «Московском наблюдателе» все же состоялась — см. прим.13 к письму 2.

⁵ Из солдатских досугов // Москвитянин, 1841. Ч. I. №3. С.97-109, подп.: В.Луганский. («У тебя у самого свой ум», «Шило в мешке, а грех на совести не утаишь», «До чего доводит авось да небось»).

⁶ Кузмищев Павел. Собрание особенных или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке. (*Многие из них принадлежат всей Сибири*) // Москвитянин. 1842. Ч. II. №3. С.237-259. Кузмищев Павел Федорович (ок. 1798-1850), контр-адмирал, с 1841 начальник Архангельского порта, о его естественнонаучных и филологических публикациях см. литературу, указанную в кн.: Венгеров. *Источники*. III. 317-318. В письме из Архангельска 19 марта 1842 г. Кузмищев рассказал Погодину историю присланного Далем материала: «Служа с 1826 до 1832 г. в Камчатке помощником Начальника, я собирал и записывал слова, которые мне казались новыми или которые давали там другое значение. Таким образом без всяких видов на авторство, а по одной любви к родному русскому языку, у меня набралась порядочная тетрадка сибирских слов. К ним для лучшего пояснения надо прибавить особое замечание о наречии русск. языка, употребительном в Камчатке. — После, служа с 837 до 41-го года в Астрахани, я опять занялся на досуге подобным собиранием слов на другом конце России, у другого моря. — Оба эти собрания я послал Вл. Ив. Далю в Оренбург и передал их в полное его распоряжение. Ныне он извещает меня, что намерен поместить их у вас в "Москвитянин"» (ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.17. Ед.хр.59. Л.1). О взаимоотношениях Даля и Кузмищева см.: Савва В.И. П.Ф.Кузмищев — корреспондент В.И.Даля. Киев, 1908 (Из «Чтений в Ист. Общ-ве Нестора-летописца. Кн. XX. Вып.2. Отд. V); *Канкава 1958*. С.61-62, 65, 158-159, 162, 169; Даль с большим сочувствием говорит о Кузмищеве в статьях «Полтора слова о нынешнем русском языке» (Москвитянин. 1842. Ч. I. №2. С.554-556) и «О наречиях русского языка» (1852, см.: Даль В.И. *Словарь живого великорусского языка*. М., 1956. Т. I. С. LXXIII).

⁷ Записка полковника Пекарского (современная) о бунтах яицких, что ныне уральские, казаков и о самозванце Емельяне, донском казаке Пугачеве / (Доставлено В.И. Далем) // Москвитянин. 1841. Ч. III. №6. С.438-468, в конце текста примечание Погодина: «Приносим усердную благодарность В.И. Далю за доставление этого нового драгоценного документа к Истории Пугачевской, неизвестного Пушкину и заключающего любопытные подробности — писанного современником и действующим лицом. Жаль, что некоторые собственные имена нельзя было разобрать в списке старом и нечетком. *Ред.*».

4 марта 1841. Оренбург

Два первые номера Москвитянина прочитал вместе с женой — это первый журнал, с давнего времени, который читал я от начала до конца и, кончив, думал: что-то впереди будет, и ждал с нетерпением. В нем есть цвет, краска, видишь повременное издание, видишь, что издатель держится цели, маяка, — знаешь, чего искать и ожидать, словом, это завлекает. Поздравляю Вас от души, любезнейший Михайла Петрович, и, положив руку на сердце, скажу, что в двух первых номерах нет ни *одной строки* пустой, кроме, может быть, некоторых статей смеси. Знакомить Русских с Заморьем в таком духе, как Вы делаете, знакомить Русских с Русью, это предмет, это цель, это задача — и задача достойная. К сожалению, я Шевырева знаю мало; не знаю, как ему покажется, если я осмелюсь высказать, что я думаю и чувствую, читая статьи его; но я бы желал, чтобы все что мне и другим добрым людям удастся написать, было разобрано *так*. При такой критике всякое самолюбие, всякая личность становится поодаль, в сторону, глядишь на произведение, а не на человека, сердце подымается в истинно-прекрасном, парит гораздо выше пресмыкающихся во прахе. Разругай меня в пух на этот лад и строй, и у меня не станет на критику ни одной капли желчи, я с душевным уважением протяну ему руку. Тут критик и сочинитель в стороне: тут на поприще одно только *произведение* и олицетворенное *искусство*, изящное искусство. Мы отвыкли от этого ладу; лучше сказать, отвыкли от всякого ладу, а внимали одной неугомонной разладице. *Расхвалить* и *разругать* сделались издавна техническими выражениями нищенской критики нашей в мишурных галунах*, критика — Царь; но какого царя нам доселе показывали? нам выводили на позор Царя шпалерного, с короной и державой под сусальным золотом, из-за которого выглядывал, для *увеселения* публики, балаганный шут, шут не только с лещедкой своей в колпаке с бубенчиками, но шут вроде того, от которого в казарменных представлениях предостерегают зрителей первого ряда скамеек: «Господа, посторонитесь; паяц для увеселения публики будет сцать на оную!» Извините, это не мое изобретение, это было однажды в казарме; а наши критики даже не берут на себя труда предостеречь подобным образом зрителей, они не кричат, как немецкие студенты: *Kopf weg!*** а выливают урыльник свой всякому про-

* Слово подчеркнуто карандашом. — А.И.-Т.

** Голову побереги! (нем.)

хожему на голову. — Если вы прежде заглядывали в журналы, то убедитесь, что во мне не говорит обиженное самолюбие; меня не разругали, сколько знаю и видел, по крайней мере, нигде; притязания мои, свидетельствуюсь совестью, очень не велики, а наконец, брань балаганного старосты право не взьерошит на мне шерсти; верьте, что авторское самолюбие мое очень не велико*; но я полезу на нож за правду, за отечество, за Русское слово, язык, за все истинное и изящное. Вслух я подобной вещи не скажу, потому что написать это может всякий; но в письме, которое читать будут только жена моя и люди, с которыми** я теперь говорю: Погодин и — может быть — Шевырев, — в письме том высказать все, что на сердце посмёю. И вы тоже ездили за границу не даром; в записках ваших¹ нет этой пошлой, *заказной* брани на французов, нет этого несносного хвастовства: «мы, мы, мы Русские всех их за пояс заткнем!», а есть зато убеждение, есть убеждение ума и сердца; видишь, что всякое слово сказано от души, а не из-под могилы. Да, для нас не годится Запад, нам пора собрать разметанные, сонные члены свои и встать и протереть глаза, на чужом пиру с похмелья***, и приняться на свой пай за работу; но поднять и вразумить, как можно только голосом души, затронув то, что сильно и спасительно в нас отзывается, а не пошлою, натянутою статьею, в которой сквозит на каждой строке: «Я сам вовсе не тех мыслей, господа, да и вообще, черт вас возьми, делайте, что хотите, мне какая нужда? но ведь я иначе писать не смею, не велят, а Смирдин платит мне 15/т. в год».

Что идет из души, то льется в душу, а что мелет один только язык, то много, много если огорошит ухо. Во мне росту всего 6 вершков; с ума что ли я сошел лезть в переднюю шеренгу, где стоят 12^{ти} вершковые?² Я и не померявшись вижу, что там не мой ранжир; если б мне ссудила природа стоять на правом фланге первым, то я давно бы перерос всех, потому что мне скоро 40 лет. Но разве солдат 2^н и 3^н шеренги не может на своем месте постоять за себя? ведь и вместо его также надолбу не поставишь; скажи ему, что и он человек, что и в нем есть душа, и в нем есть сердце и какое-нибудь уменье, дар и добрая, ретивая воля; коли он провинится в чем, бей его; Русский человек та же лягавая собака, от побоев родится привязанность, он за этим не погонится; его бей за дело, и отдавай ему, где заслужил, долж-

* и ограничивается одним: отдай мне мое маленькое, но должное (*примечание В. И. Даля*).

** Первоначально было: «о которых». — *А. И. -Т.*

*** Слова «на чужом пиру с похмелья» вписаны над строкой. — *А. И. -Т.*

ное. А главное, *Знай и разумей наперед сам то, о чем толкуешь, и не предавай совести своей.*

Я замололся и оглянуться не успел; так вылилось, сорвалось с сердца. Повести и рассказы мои, каковы ни есть, переписываются, и через 2 недели надеюсь прислать: *Собственные записки Вахха Сидорова Чайкина*³. Если можно судить по неукротимому смеху жены своей, то должно быть забавно. Чисто изящные, высокие произведения мне не даются, не моя рука; по крайней мере, пусть будет нравственная цель. Слово о Русском языке вы, конечно, получили? Еще пришлю мое знакомство с Пушкиным — из моих записок⁴; потом: *Осаду Герата Персианами*, рассказ Русского пленника из Хивы, свидетеля⁵. Скоро наш Перовский будет; тогда, вероятно, опять немножко придется поработать, и не знаю, много ли останется свободного времени. — Вечерá наши продолжают эту зиму; кажется, я вам об них говорил? Нашлось здесь человек 12, которые предпочли карточным вечерам предложение мое: сходиться у меня раз в неделю и занимать каждому по очереди других. Это удалось гораздо лучше, чем можно было надеяться; вышло несколько статей таких дельных, умных, занимательных, что хоть бы их читать и не в Оренбурге. Например: О философии истории; о происхождении кайсаков; о Раскольниках; о новейших делах в Персии; о взаимном отношении Аллопатии и Омеопатии и пр. Я читал статью о Русском языке, которую послал вам, потом физиологию и патологию гла́за, потом повести и пр. Это оживляет, подстрекает, греет⁶.

Окончательно должен вам признаться откровенно, что желал бы видеть критику Шевырева на мою *Ночь на распутии* — я бы не боялся при этом случае никакой хулы и порицаний, и не могли бы они затронуть моего самолюбия ни на волос, потому что основания у него *слишком честны*. По тому самому и я уверен, что он никак не стеснил бы себя каким-нибудь снисхождением, а говорил бы как человек, который становится на это время повыше голов даже и 12^{ти} вершковых гренадеров. Прощайте; душевно желаю благополучия и всякого добра и успеха.

Марта 4го 1841.
Оренбург.

Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.7-8об. Фрагменты (с пропусками и контаминациями): *Барсуков*. VI. 26, 71, 72.

¹ Погодин [М.П.] Месяц в Париже: (Из дорожного дневника 1839) // Москвитянин. 1841. Ч.I. №1. С.76-130; №2. С.430-459 (было и продолжение: Погодин. Еще две недели в Париже // Там же. Ч.II. №3. С.50-77).

² При разговорном обозначении роста аршин опускался, а называлось только количество вершков. Последующие размышления Даля навеяны, по-видимому, рассуждениями Селифана («Мертвые души». Т.1. Гл.III).

³ Вахх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей // Б-ка для чтения. 1843. Т.LVII. [№3]. Отд.I. С.15-134, подп.: В.Луганский.

⁴ Речь идет о тексте Даля, обыкновенно печатающемся под заглавием «Воспоминания о Пушкине» (написан ок. 1840). В «Москвитянине» он не появился, много лет спустя был передан автором П.В.Анненкову, а опубликован лишь в 1890 г. Л.Н.Майковым (Рус. вестник. №10. С.3-20), многократно перепечатывался. Важные дополнения и уточнения по авторизованной рукописи, хранящейся в РНБ, см. в статье: Фесенко Ю.П. «О, вы увидите: я еще сделаю много!» // Лит. Россия. 1988. №22. 3 июня. С.24. Сводки сведений о далевских мемуарных текстах, посвященных Пушкину, см. в книгах: Пушкин. Письма последних лет. 1834-1837. Л., 1969. С.395 (справка Н.П.Петруниной); А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т.2. С.486-487 (справка Р.В.Иезуитовой).

⁵ В «Москвитянине» не появилось; см.: Рассказ вышедших из Хивы русских пленников об осаде в 1837 и 1838 годах персиянами крепости Гера-та // Даль В.И. Соч. СПб., 1861. Т.2. С.475-491.

⁶ О «четвергах» Даля в Оренбурге см. его письмо к сестре П.И.Шлейден от 27 февраля 1838 г. (Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана. 30-50-е годы XIX века. М., 1956. С.128), ср.: *Порудоминский 1971*. С.210-212; см. также: Порудоминский В.И. Естественнонаучные интересы В.И.Даля // *Природа*. 1976. №1. С.112-113.

9. Даль — Погдину

1го июня 1841. [Оренбург]

Радуюсь душевно, любезный Михайла Петрович, Вашему здоровью, радуюсь также весьма, что Вы остаетесь в Москве; у нас были слухи, что Вас презывали по такому делу, от которого нельзя было бы отказаться¹. Скорблю душевно, что и Вы испытали уже, в это короткое время, все обычные неприятности журналиста² — это тем больнее, что у нас идет все не от житейских сует и трудностей издания — а от препятствий, убивающих дух. При таких обстоятельствах руки не поднимаются на работу, голова тупеет, сердце дремлет.

Скажу, чтобы не забыть после, о той особе, о которой вы спрашиваете³: это мещанин во дворянстве, и больше ничего; говорят, в дело с ним ввязываться — по глупости, упорству и сварливости его — неприятно; фикаты *были* очень порядочные, но от

нерасчетливости, бестолочи и упрямства весьма упали. Она слышет очень простою, но доброю старушкой, хотя дальше перстов своих не видит, дальше сердце своего не слышит. Образования никакого.

Слава Богу, что дела наши, журнальные, идут порядочно; хорошо ли название: *Русский Ученый*?⁴ Разве будут чисто ученые статьи? Не много ли в названии этом притязания? Я бы назвал издание: *Размысл, Ум-разум* или как-нибудь эдак. Впрочем, дело не в названии. Дай Бог Вам преуспевать.

Относительно ваших четырех книжек⁵, и у нас все люди с головою отзываются хорошо, и ожидания их обманываются только, когда они ищут обычной *повести*. Другой жалобы я не слышал. Трудно мне обещать вам наверное, что еще пришлю; никак не могу располагать временем наперед, не от себя завишу. Пришлю на днях еще повесть, которая уже переписана, киргизскую, *Майна*⁶; я читал ее на четвергах наших, и по общему мнению она удалась лучше, чем другие повести мои. Она вполовину меньше Ваखा. Еще готова статейка о Пушкине, очень* небольшая⁷, повести две, три, подготовлены вчерне, но еще не написаны. Не знаю, позволят ли написать что-нибудь о Хив[инском] походе; кажется, нет; Вы знаете, что у нас нет ни на что положительных правил, не знаешь, чего держаться, а боишься всего. Наперед ничего не скажут, а после за чуб. Я просил позволения напечатать Солдатские досуги и отослал бы их вам; но нет ответа, ждут из Питера. О если бы можно было писать свободно, с истинно Русским чувством и привязанностью ко всему хорошему о нашем крае и здешних обстоятельствах — но этого нельзя; тут такую наварись**⁸, что век не расхлебаешь. Благодарю за обещанный почет (*honorarium*) за работу мою; я уже сказал Вам, что не только по сту рублей⁸, а *безусловно* рад стараться и буду присылать все, что успею написать, если вы и не дадите мне ничего. Издатели Отеч[ественных] Зап[исок] люди добрые, прекрасные, я с ними давно короток; я готов был принести малые силёнки свои им на помощь так же охотно, как теперь Вам, они платят мне 200 руб. за лист, но я отстал потихоньку (между нами!), потому что желудок у меня не варит этого духа, который управляет издателями. Сначала я писал к ним, высказал чистосердечно все, что чувствовал и думал; не идет благомыслящим, благородным людям руководствоваться такими правилами, таким духом — это жалкое подражание барону Брамбеусу, жалкое тем, что оно невольное, бес-

* Слово «очень» вписано над строкой. — А.И.-Т.

** Так! Слово «кашу» отсутствует. — А.И.-Т.

сознательное; не поверили, не могли или не хотели отстать; язык почти хуже, чем был в Библиотеке; критика — хоть святых выноси; крючки, придирки личности ..... безбожным языком переведенные романы в 5, 6 томов печатаются сподряд — разве это журнал!

Кажется, я могу Вам обещать до зимы кроме Вакха еще две повести; может быть, и три. Но повторяю, одна только готова и на днях отправится. Все повести мои, если угодно взглянуть на них, происходят в краях и странах, мне коротко известных, где я бывал, живал и сам все видел. Я не умею писать поличия⁹ на авось; вот почему и не могу слишком бойко и скоро писать или создавать новое. Турция породила *Кассандру*¹⁰ и *Болгарку*; Польша — *Подольнку*, Оренбург — *Мауляну*¹¹ и *Майну*; Русские Губернии — *Вакха*, *Бедовика*; Малороссия — *Василия Граба*, Южная или Новая Россия — *Мичмана Поцелуева*. Обе последние лежат 3 года у моего издателя; я писал к нему и просил его, нельзя ли нам как-нибудь разделиться, хотя бы и с значительным с моей стороны пожертвованием. Я готов и на это, и тогда бы отдал Вам все — но ответа нет на два письма. Может быть, он же на это рассердился, и я же буду виноват; молчи, изволишь ли видеть, и не заикнись. Что делать? Это истинная беда, если господа издатели, как со мною сделали двое, приняв сочинения по собственному желанию, собственному предложению их, без самонаименованного искательства или просьбы сочинителя, взяв однажды рукопись, [делают]* превращаются в *Меценатов* и уже не говорят более о долге и обязанности, которую на себя взяли, а говорят: я бы рад, я хотел Вам *пособить*, хотел услужить и сделать угодное — но что делать, не могу теперь. Также точно я связан теперь статьею о Русских простонародных поверьях, суеверьях, приметах, лекарствах и пр.¹² Статья, кажется, хорошая, в ней найдется кой что, [из]** чего без собственного, многолетнего наблюдения написать нельзя. Разобраны все мне известные поверья и показана истина или ложность их и вероятное*** начало, происхождение.

Прощайте, от души подаю Вам руку; кланяйтесь усердно Шевыреву. Письмо Ваше много меня успокоило на счет /.../**** Москвитянина: я не знал и не слышал ничего.

В. Даль

* Зачеркнуто В.И. Далем. — А.И.-Т.

** Зачеркнуто В.И. Далем. — А.И.-Т.

*** Слово вписано над строкой. — А.И.-Т.

**** Одно слово повреждено и нечитаемо. — А.И.-Т.

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.9-10об. Фрагменты: *Барсуков*. VI. 53, 72; Охотин Н.Г. А.П.Башуцкий и его книга // Наши, списанные с натуры русскими: Приложение к факсимильному изданию. М., 1988. С.104.

¹ В основе этих слухов, возможно, лежали переговоры Погодина с Уваровым о переезде в Петербург директором канцелярии Министра народного просвещения (*Барсуков*. VI. 28-44).

² О выговоре Погодину за малозначительную статейку, помещенную в третьем номере «Москвитянина», см.: *Барсуков*. VI. 44-49.

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ Об этом журнальном начинании Погодина ничего неизвестно.

⁵ Имеется в виду: *Москвитянин*. 1841. №1-4.

⁶ См. прим.9 к письму 2.

⁷ См. прим.4 к письму 8.

⁸ Имеется в виду полистная плата.

⁹ О специфике употребления Далем этого слова см.: Чикова Т.В. Лексические заимствования в художественных произведениях В.И.Даля (дифференциация по жанрам) // Вопросы русского языка и диалектологии. Хабаровск, 1974. С.231.

¹⁰ Кассандра — героиня повести «Цыганка» (см. прим.10 к письму 2).

¹¹ Из повести «Бикей и Мауляна» (см. прим.15 к письму 2).

¹² См. прим.7 к письму 2.

10. Даль — Погодину

[Начало ноября 1841. Санкт-Петербург]

Михайле Петровичу дружеский поклон и почтение! Пишу по делу зятю¹, и захотелось, хоть при этом случае, сказать Вам два, три словечка. Обстоятельства мои устроились хорошо; я доволен. Работы много, свободного времени очень мало; но нужды обеспечены, и заботы не гнетут². Жена³ усерднейше кланяется доброй супруге Вашей и благодарит за все ласки, оказанные ей в Москве⁴. Здесь застой в плодородии убийственный, скоро, даст Бог, вся покроется плесенью. Журналы переходят из рук в руки, продаются, перепродаются, издания надрываются, подрываются и* надуваются поочередно. Издание *Наших*, несмотря на заготовленные, очень хорошие — но не совсем русские — политипажи, даже на часть приготовленных статей, ждет у моря погоды, т.е. денег и потому еще не печатается⁵. — Со времени выезда из Оренбурга, я не получал Москвитянина — не туда ли Вы его отправляете?

* Слова «подрываются и» вписаны над строкой — *А.И.-Т.*

Там было получено только *восемь* книжек, и больше я не видал. — Если нужно будет чего-нибудь от меня на будущий год, то уведомьте заблаговременно, *что* и *сколько*. Равно не забудьте сделать по оставшимся у меня деньгам за проданные билеты какой-нибудь расчет, чтобы совесть меня не тяготила. Каковы бы ни были средства Ваши на вознаграждение, я ваш работник; но времени у меня мало. Кланяюсь Шевыреву.

Даль.

[На адресной стороне:]

Михаилу Петровичу
Погодину
Под Девичьим в своем доме.

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.15-15об. Фрагмент: Охотин Н.Г. Указ. соч. С.24.

¹ Мужу сестры Паулины Ивановны московскому 3-й гильдии купцу Петру Петровичу Шлейдену (ум. не ранее 1844), владельцу суконной фабрики в Москве (см.: Демидова О.П. Воспоминания // ОР РГБ. Ф.473. Карт.2. Ед.хр.15. Л.18). См. о нем: Даль Е.В. Владимир Иванович Даль: (По воспоминаниям дочери) // Рус. вестник. 1879. №7. С.83, 91, 98; Самойлов Л. Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845. 2-я паг. С.12.

² 1 сентября 1841 г. Даль определен секретарем при товарище Министра уделов (см. его формулярный список 1858 года: Действия Нижегородской губернии. ученой архивной комиссии. Н.Новгород, 1898. Т.3. Отд.III. С.39). Однако товарищ министра уделов, бывший одновременно министром внутренних дел, — Лев Алексеевич Перовский (1792-1856) — использовал Даля, главным образом, по делам МВД (см.: *Мельников 1897*. С.1). Подробнее об этих занятиях см.: *Порудоминский 1971*. С.247-248; об атмосфере в министерстве при Перовском см.: *Мельников 1897*. С.LI-LIV, ср. также мнение Ю.Г.Оксмана, характеризовавшего МВД этих лет, как «главный штаб по подготовке освобождения крестьян» (Уч. зап. Саратовского гос. университета. 1957. Т.LVI. Вып. филол. С.175-176).

³ Вторая жена Даля (с 12 июля 1840 — см. Рус. старина. 1913. №7. С.93) — Екатерина Львовна, урожденная Соколова (2.3.1819-9.2.1872).

⁴ По дороге из Оренбурга в Петербург Дали, въехавшие в Москву между 28 авг. и 1 сентября 1841 г. (см.: Московские ведомости. 1841. №71. 3 сент. С.540), останавливались у Погодиных.

⁵ История выходявшего в 1841-1842 годах в Петербурге коллективного издания «Наши, списанные с природы русскими» (в последнем 14-м выпуске помещен очерк Даля «Уральский казак», цензурированный 25 февраля 1841 г.) подробно исследована в указанной выше превосходной статье Н.Г.Охотина.

19 ноября [1841. Москва]

Благодарю Вас, любезнейший Владимир Иванович, за вашу записочку — доказательство вашей живой любви к успехам Рус[ской] Словесности, которую незванная челядь продает, покупает, меняет и загаживает.

Я только что теперь прочел вполне вашего Вакха — это поэма современная, и я украшу ею 3 книжку Москв[итянина], а во 2 будет Рассужд[ение] о Русс[ком] Языке. Я хотел было ее в 1, да получил невзначай отрывок из Загос[кинского] романа¹, который отпечатается к концу января. Мне и не захотелось терять отрывок.

На этой почте я пишу к Юнгмейстеру, своему Комиссионеру², чтоб он взял деньги за Москвит[янина] с Ратькова³, и вручил вам 730, что составит с прежним 1000. В этом году я не могу, как писал к вам прежде, предложить более 100 за лист, за напечатанные статьи. Надеюсь увеличить этот скудный гонорарий в следующем, и уведомя Вас в конце Января, как пойдут дела.

Всего нужнее мне повести и рецензии, какие вы сами заблагорассудите, Известия, анекдоты или Смеси⁴.

Я слышал о вашем г-не П.⁵, что он более всего любит безмолвие. Черкните мне о Петерб[ургских] мнениях и суде Москвитянину.

Обнимаю вас и благодарю паки и паки.

Я был все болен, и насилу кое-как оправился, но не совсем.

Преданный

М.П.

19 Ноябр[я].

жена моя кланяется усердно.

Уведомьте, не прислать ли вам билетов⁶ малую толику. Может быть, теперь можете вы порекомендовать его пошире, разным начальникам. Жду уведомления поскорее. Впрочем, Бога ради, не стесняйтесь и не увлекайтесь желанием мне содействовать. Где щекотливо, там не надо говорить ни слова.

Я хотел было послать это письмо чрез г.Юнгм[ейстера], а после рассудил, чтоб он не задержал его (долженствующий платить), и посылаю особо, ставя адрес наудачу.

[На адресной стороне:]

Его Высочайшему
Владимиру Ивановичу

Далю

в канцелярию М[инистерства] внутр[енних] дел

¹ Загоскин [М.Н.]. Мирошев: (Отрывок из нового романа М.Н.Загоскина) // Москвитянин. 1842. Ч.1. №1. С.23-57 (главы I-IV).

² Юнгмейстер Юлий Андреевич (ум. не ранее 1866), петербургский книгопродавец и издатель. «Занимался иностранною книжною торговлею у г.Белизара, а в 1841 году открыл свою русскую на Невском проспекте у Полицейского моста и сделался комиссионером газеты "Русский Инвалид", причем получил на вывеску орла» (Овсянников Н.Г. Воспоминания старого книгопродавца о петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 года // Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С.30); был также комиссионером Археографической комиссии (см. бланк «Магазина русских книг Ю.А.Юнгмейстера» — ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.42. Ед.хр.69. Л.1). См. о нем также: Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т.1-3 (по указ. в т.3).

Юнгмейстер был издателем рассказа Даля «Находчивое поколение» (СПб., 1843, в составе издания «Картинки русских нравов». Кн.5) и книги «Солдатские досуги Казака Владимира Луганского» (СПб., 1843).

Важную роль в отношениях Погодина с его комиссионером играл А.Ф.Бычков, см. письма последнего к Погодину за 1841-1842 годы (ОР РГБ. Ф. 231/II. Карт.6. Ед.хр.15. Л.14об., 17, 19, 20, 21, 23, 31-31об., 33).

Письмо с просьбой выдать деньги Далю Погодин отправил Юнгмейстеру 21 ноября (см. ответное письмо от 1 декабря — там же. Карт.42. Ед.хр.69. Л.7).

³ Ратьков Петр Алексеевич — санктпетербургский книгопродавец, в 1820-1830 живший в Москве, управлявший конторой «Московского телеграфа» и бывший «своим и как бы родным» в доме братьев Полевых (см.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1933. С.331, 348).

⁴ Главным делом Даля Погодин, однако, считал (может быть, под влиянием ответного письма 12) повести. В относящемся к концу 1841 года листочке, озаглавленном «Главный штаб [затем исправлено на "штат"] Москвитянина на 1842 г.» рукой редактора журнала записано: «Повести — Даль. Основьяненко, Гоголя» (ОР РГБ. Ф.231/III. Карт.27. Ед.хр.54).

⁵ Вероятно, имеется в виду новый начальник Даля Л.А.Перовский.

⁶ Ср. прим.4 к письму 3.

12. Даль — Погодину

23 декабря [1841] Санкт-Петербург

Не получая Москвитянина свыше 8го №, я осмелился востребовать остальные 4 книжки у Юнгмейстера, любезнейший М.П., потому что мне хотелось непременно прочесть журнал Ваш, а здесь достать почти нельзя: его, видно, тут мало держат, но мнение

об нем вообще хорошее, говорят, что он *благороднее* всех других, желают ему держаться и не сбиваться с этого пути, уважают критику Шевырева. Видаясь очень часто со всеми словесниками, я заводил нарочно об этом речь и, кроме людей, от которых вы и сами справедливости не ожидаете, похвал не пожелаете, все отдадут Вам справедливость. За Майну сделаны мне были Одоевским, Соллогубом и многими другими даже чересчур лестные отзывы, и мой экземпляр пошел по рукам — боюсь, чтоб не зачитали; все говорят, что достать *для прочтения* Москвитянина здесь трудно. Пеняют вам только за *Поречье*¹ и не могут забыть того доселе. — Очень, очень пожалели мы о добром, благородном Андросове: как быть, все там будем, кто раньше, кто позже².

Ю., вероятно, уже с Вами списался³; я зайду на днях повидаться. *Почетом* Вашим я на первый случай доволен⁴, зная, что это верное, и что я избавлен от всяких неприятностей, которых так ненавижу по расчетам, и которые всегда меня преследовали. Это рассуждение относится собственно до хозяйственной стороны дела; нравственная еще более за Вас: я Вам уже говорил, что не отстал бы, если бы дела у Вас пошли бы и так дурно, что пришлось работать за спасибо. *Критика* или разборы не мое дело; не смею за то браться. Повесть, если напишется, пришлю в будущем году — ноне у меня времени чрезвычайно мало, и то разорвано на клочки. Но я принялся за работу, которую можно сделать и урывками, и от которой я жду прока: привожу кой-как* в порядок 20^{ти} летние записки или лучше сказать заметки свои, относящиеся большею частию к русским поверьям, обычаям, обрядам, сказкам, пословицам, песням — вообще к народному и быту и в особенности к родному языку; последних заметок много, хоть они и отрывисты, может быть, годятся в Смесь — пусть не пропадают. — Что Вы хотите делать со словарем Кузмищева⁵, который я вам прислал? Если не хотите печатать, то пришлите обратно, он мне нужен; кажется, можно бы поместить его в хвосту Смеси.

В Пчеле, как Вы, может быть, видели, объявлено, что я буду читать на вечере Джустиниани сказку — читать в Столице перед огромным обществом слушателей и пр.⁶... Все это нагольная ложь; Греч был у меня, попросил и взял статежку для вечера Джусти^{ни} и на другой день, со свойственною ему любезностию и беззаботностию, тиснул, что я буду читать сам. Я и не буду на этом вечере, не только не брался читать. С этим народом истинно нельзя связываться, чтобы не опоганиться; правду говорит Плет-

* «Кой-как» вписано над строкой. — А.И.-Т.

нев: вам было спросить его, когда он к вам пришел: А как ваша фамилия?

Гоголь теперь у вас; прошу кланяться ему от меня в добрую, спопутную пору, чтобы он милостиво всепомнил меня. Все ждут, что-то будет в Москвитяине Гоголя? Его сотрудничество, кажется, непременно расширит круг журнала; Гоголя любят все, для него между читателями нет партий⁷.

И я, и жена моя кланяемся в пояс и в полпояса супруге Вашей, очень помним и благодарим за ласковый, обязательный прием. Душевно пожимаю руку Вашу

В.Даль

Декаб[ря] 23.

С.П.Б.

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.11-12. Фрагменты (в сумме шесть строк): *Барсуков*. VI. 156, 228-229. Ответ на письмо 11.

¹ Речь идет о льстивой статье И.И.Давыдова «Село Поречье» (Москвитянин. 1841. Ч.V. №9. С.156-190 б.подп.), рассказывающей о высокопросвещенном времяпрепровождении группы ученых в усадьбе министра Уварова. Об истории этой статьи и возмущенной общественной реакции на нее см.: *Барсуков*, VI. 147-158.

² Московский ученый, некогда издававший журнал «Московский наблюдатель», Василий Петрович Андросов (1803-1841), умер 20 октября (см. чрезвычайно содержательную статью Н.Г.Охотина в кн.: Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. М., 1989. Т.1. С.73-74). На его смерть откликнулся в «Москвитяине» Погодин (1841. Ч.VI. №11. С.272-274, подп.: М.П.).

³ Ю.А.Юнгмейстер о своей готовности расплатиться с Далем сообщил Погодину 1 декабря 1841 (ср. прим.2 к письму 11).

⁴ В бумагах Погодина сохранился листок с подсчетами объема далевского участия в «Москвитяине» в 1841 году:

«Сочинения Даля-Луганского.

1. Из солдатский досугов (в 3 №)	13 стр.
2. Записка полковника Пекарского (в 6 №)	31 стр.
3 Майна (в 10 №)	65 стр.
4. Из солдатск. досугов (в 12 №)	17 стр.
Всего	126 стр.

Или $7\frac{7}{8}$ печатных листов».

(ОР РГБ. Ф.231/IV. Карт.8. Ед.хр.49)

⁵ См. прим.6 к письму 7.

⁶ В анонимной заметке «Литературный вечер» (Сев. пчела. 1841. №284. 18 дек. С.1133) рассказывалось, что 23 декабря в зале Петербургского Коммерческого клуба в честь итальянского импровиза-

тора Джустиниани «русскими литераторами прочтены будут следующие статьи: В прозе: *Рождение и воспитание Петра Великого*, Н.А.Полевым; *Три*, бамбоччиада, Н.В.Кукольниковом; *Письмо о Венеции*, Н.И.Гречем; *Отрывок из записок отставного суфлера*, Ф.В.Булгариным; в стихах: *Сказка о купце и купчихе*, В.И.Далем; стихотворения В.Г.Бенедиктовым и П.П.Корсаковым».

⁷ См.: Порудоминский В.И. Гоголь и Даль: (Из творческих общений) // Рус. речь. 1988. №5. С.10-16; №6. С.9-17; Творчество Н.В.Гоголя и современность: Тезисы докладов и сообщений научно-практической Гоголевской конференции (май 1989 года). Нежин, 1989. С.23-29 (тезисы докладов А.Н.Гулак, Ю.П.Фесенко, Л.П.Брюзгиной).

13. Даль — Погдину

21 января [1842. Санкт-Петербург]

Писал я Вам, Михайло Петрович, недавно¹, вероятно, Юнгмр Вас уведомил также о выдаче мне 500 руб., теперь пишу впопыхах ради особого дела: на днях был шум велий и скрежет зубами — вероятно, и до вас слухи дошли — по поводу *Сержанта* Кукольника²; вследствие этого тут расположение такое, что благоразумный человек должен, во ожидании будущих благ, отказаться от письма для печати и я прошу вас положительно и настоятельно не печатать Чайкина ни за что на свете. Не стоит игра свеч; лучше молчать. *Сержанта* я не оправдываю, не должно было из этого Анекдота делать целую повесть, это, конечно, не предмет для повести; но, как бы то ни было, последствия всего этого сделались грозны и опасны. Все мы под Богом ходим и должны смириться. Не печатайте.

Критика Москвитянина под фирмою N.N. гораздо поживе критики Шевырева; жаль, если она (т.е. N.N.) постоянно будет занимать отчасти место последней³. Вы видите, что я не пристрастно сужу, N.N. расхвалил меня гораздо свыше должного⁴, но не менее того говорю, как думаю. Первый № ваш хорош, здесь журналисты, конечно, все более или менее против Москв[итянина], но не смотря на это об нем поговаривают все больше и больше и завидуют, что у вас *проходят* такие статьи, которых нельзя здесь печатать. Вместо Чайкина пошлю вам *записки*⁵, заметки о языке и пр.

Прощайте, будьте здоровы

В.Даль

Сделайте отеческое одолжение, пошлите взять с почты журналы (Отеч[ественные] зап[иски] — Современник и Москвит[янин]) на мое имя, которые отправлены обратно из Оренбурга, и пришлите их мне — если не слишком вам беспокожно.

21го генв[аря]

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.13-14. Фрагмент: Охотин Н.Г. А.П.Башуцкий и его книга. Указ. изд. С.25.

¹ Местонахождение этого письма Даля неизвестно.

² Речь идет о скандале в цензурном ведомстве в начале января 1842 г., поводом к которому послужила повесть («исторический рассказ») Н.В.Кукольника «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно» (Сказка за сказкой. СПб., 1841. Вып.1). В ней государь усмотрел «нападки на высшие классы», цензор А.Н.Очкин получил строгий выговор (см.: Никитенко А.В. Дневник. [Л.] 1955. С.243, 505-506; Охотин Н.Г. А.П.Башуцкий и его книга. Указ. изд. С.25, 44-45).

³ См. письмо 15.

⁴ Имеется в виду развернутый апологетический отзыв Погодина о напечатанной в альманахе «Русская беседа» повести Даля «Мичман Поцелуев», см.: Москвитянин. 1842. Ч.1. №1. С.296-299 (подп.: N.N.).

⁵ Неясно, какое произведение имеется в виду.

14. Даль — Погодину

29го генв[аря] 1842. [Санкт-Петербург]

Вчера получил Чайкина — и в ножки Вам кланяюсь; не видать Вам его больше, по крайней мере, не скоро! Вчера же я писал Вам¹, чтобы его не печатать — едва успел отправить письмо, тут посланный от Аксакова² с документом!!! О, нет, не те времена; всякому свой покой милее и не сто́ит того возиться и нянчиться с такой опасной игрушкой. Пусть Булгарин пишет *нравственные* и верноподданические статьи, этого довольно. И Ваше письмо огорчило меня вчуже; я ничего не знал о гонении на Москвитянина³, знаю только, что и здешние журналы теперь только с величайшею натугою набивают толстое брюхо свое чем-нибудь, как-нибудь; ничего порядочного желудок не варит, и все сподряд под запретом. Спасибо Вам, что прислали; соображаясь со здешними обстоятельствами, мне бы наверное не миновать беды. Бог с ним; лучше молчать.

Спрашиваете о 1 №? Я уже писал Вам, что он, по мне, очень хорош; то же говорят и большинство — журналисты, разумеется, говорят другое. У меня было несколько гласных споров и объяснений, с требованием доказательств, на вечерах у Одоевс[кого] и Соллогуба, где народу про́пасть. Большинство соглашались со мною, что: 1^е Литературно-критическая часть Москвитянина приняла уже известный цвет, значит, знамя, за которое сражается, дух журнала в этом отношении обозначился резко, и знаешь, что искать; есть цель, направление, намерение, чего в других нет;

2° Критика благороднее и умнее, чем во всех других журналах; 3° другое направление журнала также ясно и определительно: Русская история, народность, любовь к отечеству; и тут знаешь, чего искать. А в журнале это необходимо; блеклый, бесцветный журнал, бесхарактерный, это самая вялая и скучная вещь, которая может иметь одно только влияние на читателей: докучать им, отвратить от всякого чтения, отбить охоту читать, и сверх того, обезобразить вкус — чем и занимаются преусердно петербургские журналы. — Здесь я ничего не слышал о грозе на Вас; по-видимому, это в Лит[ературном] круге вовсе неизвестно, по крайней мере, в том, где бывают порядочные люди. Говорят, что есть писатель (Кмс.), который подает постоянные *обзоры* о духе и направлении книг и журналов; говорят даже, что он хвалился гласно, «я-де могу кому захочу много пакостей наделать: меня не задевай»; — но не знаю и не ручаюсь, сколько тут правды⁴. Скажу Вам еще вот что: обо мне было написано (откуда, догадайтесь) министру, «что-де до нас дошли слухи, что служит у вас такой-то; остерегайтесь; это человек опасный, он у нас на дурном замечании». Как вам это нравится? Такую оплеуху вправе дать честному человеку подлецы-невидимки, и ее надо проглотить и поклониться, и еще не смей рожу воротить на бок, скажут: согрешил. Мне дозволили подать объяснение; я написал его довольно резко, смысл его был именно тот, что каково положение честного человека, которому смеют сказать это — если не в глаза, то по крайней мере, что еще хуже того, за глаза — и что ему остается тут делать? Остается терпеть и прибегать к утешениям св[ятой] веры, потому-де что мирское не может утешить нас в такой горькой скорби⁵. Из всего этого Вы увидите, что я не подам Чайкина в здешнюю цензуру, а напротив притаюсь и не стану ничего печатать до лучших времен. Не знаю подробно ни отношений Ваших или Москвитянина, ни силы заступников его, ни грозы: но я бы бросил на вашем месте, потому что тут и усердие и благое намерение и добрая совесть ничо чем; захотят, так подсядут, и после не разделаешься. Спрашиваете Вы о моей службе: да моя служба, благодаря Бога, стелется цветами по бархату; ни подо мной, ни надо мной никого нет, отвечаешь сам за себя и кончено. Работы довольно, но без дела жить нельзя, без трудов ничего не заработаешь; и как содержание мое с семейством обеспечено, то все желания мои ограничиваются тем, чтобы долго, долго оставаться при нынешнем месте, до конца службы моей. — Узнать о том, о чем Вы пишете, стороною — не могу; нет у меня никаких связей и знакомств, не знаю туда и дороги⁶. — Юнгмейстер отдал мне 500 р., об этом я Вам писал. — Не понимаю, как и что будет печатать после пред-

писания: «не допускать никакой карикатуры, на какое бы то ни было сословие»⁷. Обширное поле для запрету — и тут уж вместо досады, берет только смех и любопытство, что-то дальше будет? — Не знаю также дороги, чтобы похлопотать о пропечатании в Губернских ведомостях вашего объявления⁸; ведь официально, вероятно, того сделать нельзя, а надобно просить лично каждого из Губернаторов. — Языкова⁹ не знаю, но буду стараться довести до него через кого-нибудь доброе словечко о брате Вашем; впрочем, право не знаю, успею ли; Вяземский, конечно, в таком случае может сделать больше¹⁰; знакомства мои очень ограничены, и, не вдаваясь ни в какие расчеты, соображения и изыскания, не заботясь ни о чем кроме своего дела, я не знаю никаких искательных путей. Что тише, то лучше. — Может быть, К[нязь] Одоевский¹¹ надет дорогу к Языкову, поговору.

Прошу усерднее кланяться от меня и жены супруге Вашей; моя хворает теперь Петербургской модной простудой, гриппом. Прощайте, сердечно пожимаю руку

В. Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.16-17. Фрагменты (не совсем точно, с приурочиванием к концу 1842 — началу 1843 г.): *Барсуков*. VI. 266, 276-277; с верной датой: Охотин Н.Г. А.П.Башуцкий и его книга. Указ. изд. С.45.

¹ Точнее: неделю назад. Хотя, может быть, дату письма 13 следует читать как 27 января?

² Вероятно, от бывшего в это время в Петербурге И.С.Аксакова.

³ Об этом Погодин немного говорит в письме 15. 19 января 1842 он признавался в письме к П.А.Вяземскому: «...Я должен вам сказать, что решаюсь прекратить журнал (ожидая еще некоторых сведений и объяснений). Меня измучили здесь, и измучили мелким еще дождем московским — что же если от вас из Питера прольется дождь, которым страшат меня! А больно подумать, если в пустыне останутся какие вопиющие. Совестно пред нашими отцами» (Старина и новизна. СПб., 1901. Т.4. С.36).

⁴ В нашем экземпляре статьи Н.Г.Охотина к факсимильному переизданию «Наших, списанных с природы русскими» рукою автора дана совершенно справедливая расшифровка далевского сокращения, опущенного в печатном тексте статьи «А.П.Башуцкий и его книга», — «Каменский». Конечно же, Даль имеет в виду литератора Павла Павловича Каменского (ок.1811-13.7.1871), личность довольно загадочную (кроме литературы, указанной в кн.: *Венгеров*. *Источники*. Т.2. С.567-568, см.: Рус. архив. 1904. №11. С.378; Рус. старина. 1907. №4. С.170; Летописи Гослитмузея. М., 1948. Т.9. С.147; Глинка в воспоминаниях современников.

М., 1955, по указ.; Танеев В.И. Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959. С.377-379; Левин Ю.Д. Шекспир — герой русской романтической драмы // Шекспировские чтения 1976. М., 1977. С.184, 187-193; Григорович Д.В. Лит. воспоминания. М., 1987. С.71-72; Глинка М.И. Записки. М., 1988, по указ.; статьи В.М.Боковой и Н.О.Лернера в кн.: Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991. С.10-13 и по указ.). Из дела «Об определении в III Отд. Собственной Его Величества Канцелярии кол. регистратора Павла Каменского» видно, что считавшийся в 1834 году 23-летним сын комиссионера 8 класса Каменский успел провести два с половиной года (с 3.9.1828 по 30.3.1831) в звании своекоштного студента Московского университета, где слушал лекции по богословию, русской словесности, геометрии, физике, всеобщей и российской истории, статистике, латинскому, немецкому и французскому языкам, российскому законоведению и практическому судопроизводству, частному гражданскому, а также политическому и римскому праву и политической экономии с «довольно хорошими успехами при благонаправленном поведении», но курса не окончил. 4 августа 1832 он вступил унтер-офицером в Эриванский карабинерский полк, из коего переведен 8 мая 1833 в Херсонский гренадерский полк, а с 1 июня 1834 находился в Грузинском гренадерском полку, побывав в нескольких экспедициях против горцев. По-видимому, в 1835 г. вышел в отставку и вскоре в чине коллежского регистратора стал младшим помощником экспедитора в III Отделении, откуда в ноябре 1838 уволен по собственной просьбе. В апреле 1841 Каменский вновь ощутил желание послужить в тайной полиции, и ему было поручено «исправление должности помощника цензора драматических представлений, с жалованьем по штату положенным». В октябре следующего года (одновременно с принятием на себя редакции «Русского вестника») Каменский решил продолжить службу при Императорских театрах, на что Бенкендорф 4 ноября изъявил свое согласие. Еще через два года в III Отделение поступила жалоба майора Лунина, у которого еще в начале 1842 г. Каменский занял 700 рублей ассигнациями, «обещаясь уплатить их вскоре». На что последовал спокойный ответ: скажите Лунину, что Каменский в 1842 г. вышел в отставку и находится на службе при Дирекции Императорских театров. (ГА РФ. Ф.109. II экпед. 1837 г. Оп.6. Д.366; см. также письмо Каменского к Вяземскому 1855 г. с некоторыми автобиографическими подробностями: РГАЛИ. Ф.195. Оп.1. Ед.хр.1988).

Знакомство Даля с Каменским зафиксировано письмом к Лазаревскому 18 марта 1850 — Даль интересовался последствиями очередной серии его эскапад: «Что дальше о Каменском, как принят женой, прощен ли правит^м?» (Рус. архив. 1894. №8. С.553).

⁵ Текст этой оправдательной записки 1841 года см.: Рус. старина. 1878. №5. С.182-184.

⁶ В чем состоял вопрос Погодина, неизвестно.

⁷ Подробнее о цензурной ситуации начала 1842 см.: Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. Изд.2-е. СПб., 1909. С.133-137; Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700-1863 г.). СПб., 1892. С.326-330.

⁸ Вероятно, о подписке на «Москвитянина».

⁹ Языков Дмитрий Семенович (ок.1793-1856), генерал-майор, в 1835-1850 годах директор департамента внешней торговли (см. о нем статью И.Н.Артамоновой в «Русском биографическом словаре» — СПб., 1913. Т. «Яблоновский — Фомин». С.38-39).

¹⁰ Суть просьбы Погодина видна из его письма к П.А.Вяземскому (вице-директору департамента внешней торговли Министерства финансов) от 21 января 1842 г.: «...В здешней московской таможне есть вакансия члена, на которую желал бы поступить мой брат (Григорий Погодин), служивший назад лет 12 в Петербурге, в департаменте внешней торговли, а теперь помощником экспедитора в ведомстве Воспитательного дома. Сделайте милость, помогите, если возможно» (Старина и новизна. СПб., 1901. Т.4. С.36-37).

15. Погодин — Далю

6 февраля 1842. [Москва]

Ваху видно на роду написано получать то лоб [так! — А.И.-Т.], то затылок [так! — А.И.-Т.], любезнейший Владимир Иванович! Берег я его, берег полгода, чтоб похвастаться в Гвардии, ан ни тут-то было! Теперь он на родине, в Комлеве¹, — но, воля ваша, а надо его вывезть в люди, потому что он человек хоть куда, и заткнет за пояс иных прочих. Без шуток — пожертвуйте Цензуре Землемером, письмами Медиц. Чиновников, кой-чем из Негурова, вот и все. Колюжины, Шелоумов, Три Ивана, сынок на лошадке, а дочь в чехарду — не могут подвергнуться никакому запрещению и взысканию. Прочее отложим до второго издания, до благоприятнейших обстоятельств. Переговорите предварительно с Цензором, давши время пройти страху, т.е. в конце Марта. В 3 № будет Гоголев[ская] повесть². Вы завидуете Моск[овской] Цензуре, а мы вашей: в чужой руке ломоть всегда длиннее. Я был очень доволен в прош[едшем] году, а ныне цензура взъелась так, что мочи нет. 1-го числа у меня был отпечатан один лист, да 25 в формах. Авось Бог даст все перемелится, мука будет, а нам хлеб с солью, как говаривал Пушкин.

Прочитав ваше письмо, я расхохотался. Знаете ли что — критику-то на Рус[скую] беседу писал я³. Мне стало жаль Шевырева, который исписал листов 30 для 1 номера, да и времени не доставало; вот я и принялся читать и писать. Не хвалитесь же беспристрастием — я еще беспристрастнее. Много было горя при первом номере, да много и смеха. Утреннюю Зарю я пощелкал порядочно.

Приходит Гоголь и читает корректуру. «Помилуй, братец, говорит он, что ты делаешь. Из чего хочешь нажить сильного врага⁴, и задаром. Давай я напишу: Такие книги надо разбирать, не читавши, иначе попадешь впросак». И принялся писать. Но хлопоты не кончились. Принесли мне новую корректуру, глядь, о Фрейганг Г. не сказал ни слова. Ведь такое умолчание было бы оскорблением. Ну что мне делать, смотрю на портрет — ни слова не лезет в голову. Пишу скорей в типограф[ию]: поставьте примеч[ание], что в нашем экз[емпляре] нет такого-то портрета⁵. Комедия, да и только! Прощайте, будьте здоровы. Что ваша служба?

Полтора ваше⁶ в Москве бранят за грубость и жестокость.

Преданный

М.П.

Мне так солили при 1 №, что я хотел бросить журнал, хоть и совестно⁷. Вербуйте сотрудников — Корфа⁸, Соллогуба, и прочих. Да неужели Вязем[ские], Плетневы и проч. оставят мерзости Полевого о Пушкине⁹ без наказания. Московские пристают ко мне, чтоб я напечатал письма Пушкина ко мне, где П. просто называет этого скота дураком, но мне не хочется, потому что в письмах много похвал моей Марфе и Петру¹⁰. Разве заметить, что это ободрение, знак доброжелательства и тому под.

Обнимаю вас

Февр[аля]

1842.

Еще об сотрудниках. Растолкуйте этим господам, что Моск[витянин] общее дело. Неужели Русс[кой] Литературе оставаться при воплях какого-нибудь Белинского или Полевого? Если б они знали, сколько жертв приношу я! Мне надо не более двух месяцев на отделку тома, и год на окончание *Рус[ской] Истории до Петра I* в четырех томах, и я отодвигаю этот год из-за Журнала Бог знает на сколько времени! Необходимо именно теперь противостоять злу. Одному у каши не споро. Нужны общие усилия. Порасшевелите-ка оглашенных!

ИРЛИ. №27.372. Л.1-2об. Ответ на письмо 13.

¹ Комлев — родина героя повести «Вахх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей» (см. прим.3 к письму 8). Упоминаемые далее Погодиным стряпчий Негуров, сестры Калюжины, Иван Яковлевич Шелоумов, Три-Ивана (Иван Иванович Иванов) — также персонажи этой повести. Эпизод с землемером см. в гл. XIV: Даль В.И. (Казак Луганский). Избранные произведения / Сост. Н.Н.Акоповой; предисл. Л.П.Козловой; прим. В.П.Пе-

тушкова. М., 1983. С.170-172, письма медицинских чиновников см. в гл.ХV (С.172-176), описание сына помещика, в пятнадцать лет катающегося на деревянной лошадке в то время, как его сестрица «каталась, верхом же, на тучной здоровой девке, которая с ужасным хохотом и криком прыгала курц-галопом взад и вперед», находится в гл.Х (С.149-150).

² Гоголь [Н.В.] Рим: (Отрывок) // Москвитянин. 1842. Ч.II. №3. С.22-67.

³ См.: Москвитянин. 1842. Ч.I. №1. С.299-304, подп.: N.N.; ср. прим.4 к письму 13.

⁴ Т.е. служившего в штабе корпуса жандармов издателя альманаха «Утренняя заря» В.А.Владиславлева.

⁵ «К сожалению, в нашем экземпляре недостает портрета А.И.Фрейдганг», — говорится в подстрочном примечании (С.305) к рецензии на кн.: «Утренняя заря, альманах на 1842 год, изданный В.Владиславлевым» (СПб., 1842) — Москвитянин. 1842. Ч.I. №1. С.305, подп.: N.N. Об участии Гоголя в написании этой статьи Погодин в 1853 г. сообщил Н.С.Тихонравову (см.: Гоголь Н.В. Соч. Изд. 10-е. М., 1889. Т.5. С.681). Текст части, написанной Гоголем, см.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. [М.;Л.], 1952. Т.8. С.210-211, 686-687.

⁶ «Полтора слова о нынешнем русском языке» (см. прим.6 к письму 2).

⁷ Ср. прим. к письму 14.

⁸ Имеется в виду барон Федор Федорович Корф (1803-1853), довольно известный беллетрист 1830-1840-х годов. См. о нем: Фрейман О.Р. фон. Пажи за 184 лет. Фридрихштамп, 1895. Вып.3-4. С.282; То же... за 185 лет. Фридрихштамп, 1897. Вып.9. С.809, а также литературу, указанную в кн.: Венгеров. Источники.

⁹ Имеется в виду статья: Полевой Н. [Рец. на:] Сочинения Александра Пушкина. Т.1-ХI. СПб., /.../ 1838 и 1841 гг. /.../ // Рус. вестник. 1842. Т.V. №1. Отд.III. С.38-44.

¹⁰ Тем не менее в «Москвитянине» появилась публикация «Письма Пушкина к Погодину» (1842. Ч.V. №10. С.456-469), с щадящим скромность адресата, но все-таки этически небезукоризненным подстрочным примечанием: «Помещаем эти письма, пользуясь отсутствием Редактора Москвитянина, из его собрания материалов для Истории Русской Словесности» (С.456; ср.: Москвитянин. 1842. Ч.VI. №12. Отд. «Смесь». С.142).

Отзыв о Н.А.Полевом напечатан так: «Растолковали вы ...афу [т.е. "Телеграфу"], что он дурак!..» (С.460). Отзывы Пушкина об исторических драмах Погодина «Марфа-посадница» и «Петр I» полуопубликованы-полупересказаны на с.462-465.

1[-3] апреля 1842 [Санкт-Петербург]
1го Апреля 1842.

До́ма у меня больные, в должности целый день — пр.: вот почему я столько времени не писал Вам. Укрепи, Господи, силы Ваши, а М[осквитянин] идет хорошо; лучшее торжество Ваше то, что большая часть полуприятелей, которые не упускали случая вознегодовать на то или на другое, замолкли, и говорят: «Ну, да, конечно, эти номера хороши, или хоть изрядны». С тех пор как я бываю у Кн[язя] Од[оевского] и Гр[афа] Сол[логуба] не случалось, чтобы там на вечерах читали что-нибудь печатное, а *Гоголя*¹ и *Шевырева*² в последних книжках Ваших читали там вслух и много судили, рядили и все больше говорили доброе, общим гласом. Воспользовавшись этим, я старался обратить крещеных людей в Православие, уговаривал помогать Москвитянину. Корф отвечал: «Пусть М.П. сам ко мне напишет». Другие хотят *своего*, т.е. питерского, и говорят, что с 43го года подымут *Современник*, расширив его и украсив, а потому, кажется, не охотно бы пристали к Москвичам. Красноречие мое не могло взять верха. Попытаюсь отнести *Вакха* к Куторге³ или Никитенке — что будет⁴. Но теперь у меня не то в голове, до́ма не здорово. Жена много кланяется Вам и обласкавшей ее столько супруге Вашей. — Моя статья породила много споров, я записываю все опровержения, возражения, и из этого составила́сь другая статья, *недовесок*. Пришлю и ее⁵. Готовлю еще кой-что и никому как не Вам, только берите. Но времени у меня очень мало, и то изорвано на клочки, не соберешься с мыслями, сидишь на чеке⁶.

Удивительный человек Гоголь! Увлекаешься рассказом его, с жадностью проглотишь все до конца, перечитаешь еще раз, и не заметишь, каким диким языком он пишет. Станешь разбирать кро[хо]борнически — видишь, что совсем бы так писать и говорить не следовало; попробуешь поправить — испортишь, нельзя тронуть сло́ва. Что, как бы он писал по-Русски⁷. *Опечатки* — дело неизбежное — часто меня бесят; и у вас, напр[имер], в Майне прегадка опечатка; вместо: трудно девку раз *перевабить*, так сама на руку летать станет — напеч[атано]: *перебабить*. Двусмыслие бестолковое и дурное. Так и вообще некоторые народные слова были, видно, корректору темны и потому переиначены. Если бы удосужился привести в порядок и списать, так прислал бы вам 15^{ти} летние заметки мои о народном языке, обычаях, поверьях, врачебных средствах, суевериях и пр. Все это время занят службою буквально до поздней ночи, едва успею повидаться с женою и деть-

ми и опять за *дела́*. Господи Боже мой! что за толщи исписанной бумаги сваливаются ежегодно в Архивы и пишутся по-видимому только для Архивов; куда это все пойдет, и чем кончится это бесполезное направление бесполезного, тунеядного письмоводства, где все дела делаются только на бумаге, где со дня на день письмо растет, формы, отчеты, отчеты и еще отчеты увеличиваются, а на деле все идет наоборот и гладко только на гладкой бумаге?

Местом своим я впрочем очень доволен; отношения мои хороши, неприятелей никаких и никогда; напишешь, что велят, не рассуждая, переделаешь и перепишешь каждую бумагу столько раз, сколько велят, и как велят, наконец угодишь и сдашь. А как при этом никакого нетерпения не оказывается, а требуется только послушание и терпение — то ладить не слишком трудно. Но не верьте сотне анекдотов, которые ходят под его именем или на его счет⁸: почти все ложь и выдумки. Возможно ли у нас вообще до чего-нибудь достигнуть — в Госуд^м Управлении — это другой вопрос; по крайней мере, духовная сила, самостоятельность, постоянная цель и доброе намерение есть.

Прощайте; потрудитесь переслать Иноземцову⁹ записку.

В. Даль

3го Апреля.

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.18-19об. Фрагменты: *Барсуков*. V. 451; VI. 281; Лит. наследство. М., 1952. Т.58. С.617 (публ. Л.Р.Ланского).

¹ «Рим» (см. прим.2 к письму 15), об этой же повести Даль отзывается ниже.

² Шевырев С. Взгляд на современное направление русской литературы. (Вместо Предисловия ко второму году Москвитянина.) Статья первая. Сторона черная. // Москвитянин. 1842. Ч.I. №1. С.I-XXXII; Статья вторая. Сторона светлая. (Состояние Русского языка и слова) // Там же. Ч.II. №3. С.153-191. На с.184-185 второй статьи находится апологетический отзыв о творчестве Далья-Луганского. Об этом сочинении Шевырева см.: *Барсуков*. VI. 254-259.

³ Куторга Степан Степанович (1807-1861), зоолог, профессор Санкт-Петербургского университета, в 1835-1848 — цензор. Был дружен с Далем со времен их совместного участия в дерптском студенческом кружке (см.: Даль Е.В. Владимир Иванович Даль: По воспоминаниям его дочери // Рус. вестник. 1879. №7. С.98). О нередких встречах в Петербурге общества, «составленного из дерптских приятелей», см.: Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. [М.; Л.], 1950. С.326.

⁴ Это намерение Даль осуществил позже, в мае (см. письмо 17). Среди его писем к цензору А.В.Никитенко сохранился рисунок, изображающий кланяющегося чиновника (под ним пояснительная надпись: В.Даль), перед которым лежит книга, озаглавленная «Вахх Сидоров Чайкин»; над книгой большой вопросительный знак (ИРЛИ. 18.507. Л.7; ср.: *Порудоминский 1971. С.243-244*). Рисунок датирован 12-м октября, а 24 декабря цензуравший «Вахха» Никитенко отметил в дневнике, что роман уже отпечатан (Никитенко А.В. Дневник. [Л.], 1955. Т.1. С.277).

⁵ Недовесок к статье: Полтора слова о русском языке // Москвитянин. 1842. Ч.V. №9. С.81-103, подп.: В.Луганский; опечатки исправлены: №10. С.VI.

⁶ Несколько иные суждения Даля о правописании этого слова в кн.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т.I. С.496.

⁷ Приведем пояснение писателя-исследователя В.И. Порудоминского: «Последняя фраза, без сомнения, относится не столько к Гоголю, сколько к заведомо преувеличенному представлению Даля о разрыве между языком литературы и народной речью, — это представление Даль увлеченно утверждает всякий раз, когда ему случается высказать свои взгляды (он и в сочинениях Пушкина лишь иногда находит "русский дух"), но забывает о нем, когда сам берется за перо, — придерживаясь в своем творчестве общей традиции отечественной литературы» (Рус. речь. 1988. №6. С.10).

⁸ Речь идет о Л.А.Перовском.

⁹ Иноземцев Федор Иванович (1803-1869), знаменитый московский врач, находившийся в дружеских отношениях с Далем со времен учения в Дерптском университете (см., например: Бартенев П.И. В.И.Даль // Рус. архив. 1872. №10. Стлб.2025, подп.: П.Б.), с 1835 г. приятельствовал с Погодиным (*Барсуков. V. 19*).

17. Даль — Погодину

13³⁰ ноября [1842. Санкт-Петербург]

Облобызав радостное писание Ваше¹, любезный Михайла Петрович, я однако же недоумевал, что с ним еще делать? Читать никак невозможно²; остается положить его в памятную книжку. А тут *положительно* заявили, что Вы уехали на вечные времена за границу³ и будете там писать Русскую Историю; что Москвитянин по этому поводу скончался и пр. Чайкин сидел в цензуре с мая по ноябрь включительно; потому я и послал вам что есть, *Башкирскую Русалку*⁴ — а потом, поверив отчасти вздорным слухам и соблазнившись — каюсь — ценными предложениями

Ольхина⁵, продал* Чайкина ему. Могу отчасти заглазить вину свою присылкою еще двух небольших повестей, мелких, даже по содержанию; но что делать, досугу не только мало, нет вовсе; сидим в канцелярии с 8^{ми} до 3^х, а потом с 6^{ти} до 11^{ти}. Я думал, что вам одной Русалки довольно, на первый случай; но вскоре пришло *Жизнь человека*, или Прогулка по Невскому проспекту — и *Сон*, *Хмель* и *Явь*⁶. Обе готовы, только переписать и поправить; но и на это нужно время. У вас теперь не напечатанных моих: 1. Бараны⁷, 2. Русалка⁸, 3. Булат⁹, — 4. Горшеня [?], 5. Мослысьвовон [?], 6. Чекмень, 7. О Бековиче, 8. О Купце с купчихой, 9. Сила Калиныч¹⁰, 10. Зюгря. Намедни кто-то мне сказал, будто *Зюгря* напечатана в каком-то Харьковском альманахе¹¹; если это правда, то напишите при случае, как она туда попала? Надеюсь, если вам только нужны повести мои, поправит вину свою или промаху тремя небольшими повестями: *Русалкой*, которая у вас, и двумя поименованными. Я бы желал также получить от Вас счетец, а с 1843го года начнем, благословясь, новый счет, если вы можете и намерены полагать мне *почет* — Пекарского статья¹² и вообще все *чужие*, разумеется, не идут к счету. №8 за прошлый год я не получил, посылал за ним раз десять к Юнгмейстеру, он не отказывает и не приказывает. Нельзя ли достать? Скажите, Бога ради Шевыреву, чтобы он, говоря о Виольдамуре, не упоминал об художнике, Сапожникове**; может, пожалуй, указать на Крылова басни, его же работы¹³.

Пишете вы опять о том, чтобы вербовать вам сотрудников. Говорил я раз Корфу — он отвечал: коли нужно, пусть сами напишут. У остальных, с которыми я лучше знаком (напр[имер], Соллогуб, Гребенка) — и у них можно бы достать, за *наличные*, что случится; а так, говори не говори, все равно. Ольхин скупает все, как ветошник, по домам; при этом случае никто и ничего даром не дает. Тут 1000 руб. ходит нипочем; столько, напр[имер], Соллогуб взял за *Медведя*, которого отпечатал в альманахе Владиславлева¹⁴. Что же вы тут станете делать? Они говорят: на что же мне *считаться* с Москвой, когда мне тут на дом несут готовые деньги? и правы. Неужто вы с Вельтманом не сладите? Он, кажется, за хороший *почет* будет работать.

Каких же вы страстей натерпелись? Разве в первый раз едете по распутице? Тогда вы Руси не знаете. На нее точно надо посмотреть с лица и с изнанки.

* Первоначально было: «отда[л]» — А.И.-Т.

** Напечатанное в разрядку в оригинале написано красными чернилами. — А.И.-Т.

Мои здоровы; жена много кланяется обязательной супруге Вашей, она (т.е. моя жена) подарила на днях Царю служивого, да только с изьянцем: женского полу. Ольга. Теперь четверо¹⁵; полон дом.

А каких вам новостей? Па́па сердит за католиков; Веневитинов¹⁶ у нас правитель дел Комитета об уравниении земских повинностей; Отец[ественные] Записки не верят, что Критика и библиография у них невыносимо гадка; Эриванский¹⁷, говорят, желает на покой; Библиотека¹⁸ надеется ожить карманом Ольхина, с которого, по настоящательному желанию его купить повесть мою, взял я расписку, что если переменено будет в печати *одно слово*, то он платит цену вдвое и обязан уничтожить издание; Устрялов¹⁹ историограф Петра Великого; двух столоначальников наших²⁰, москвичей, о коих вы раз как-то писали, предложил я было послать для разрытия курганов в Саратовскую Губернию, но директор²¹ их не отпустил, нужны при столах, и Министр назначил другого, забыл как зовут, состоявшего при Румянцевском музее; служба моя съедает дочиста все время, и день и ночь. Соллогуб хочет издавать художественную газету²², хотя ему говорят, что это ему не пристало; *сплетни* или письма на Луну запрещены²³, *колосья* запрещены (т.е. продолжение)²⁴, говорят положительно, что и Мертв[ые] души останутся при одном издании и без продолжения²⁵. Кажется, все.

Пожимаю вам дружески руку и кланяюсь Шевыреву.

В. Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.22-23об. Фрагмент: Даль В.И. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1983. С.407, с неверным указанием года.

¹ Это письмо Погодина до нас не дошло.

² Имеется в виду крайне неразборчивый почерк Погодина.

³ Погодин выехал из Москвы 7 июля, а вернулся в начале ноября 1842 г. (см.: *Барсуков*. VII. 3-61); о слухах, сопровождавших этот вояж, см. там же (С.1-2).

⁴ См. прим.16 к письму 2.

⁵ Ольхин Матвей Дмитриевич (ок. 1806 - февраль 1853), курьер департамента государственного казначейства, открывший в 1842 г. книжный магазин на Невском проспекте (против Аничкова дворца). Принял на себя издание «Библиотеки для чтения» и продолжил некоторые другие издательские начинания А.Ф.Смирдина. Его история рассказана в воспоминаниях Н.Г.Овсянникова (Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С.33-34). См. о нем также письмо Даля к Шевыреву 1842 года (Рус. архив. 1878. №5. С.65) и письмо 27 наст. публикации.

⁶ Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту // Москвитянин. 1843. Ч. I. №2. С.360-391, подп.: В.Луганский; Хмель, сон и явь // Москвитянин. 1843. Ч. II. №3. С.6-29, подп.: Луганский.

⁷ Бараны: (Восточная сказка) // Москвитянин. 1845. Т. II. №2. Отд. I. С.109-114, подп.: В.Луганский. См. также письмо 20.

⁸ Т.е. повесть «Башкирская русалка».

⁹ Это и четыре последующих произведения пока не поддаются определению.

¹⁰ См. прим.16 к письму 2; прим.2 к письму 7.

¹¹ Вероятно, эти сведения основаны на журнальном сообщении о готовящемся к печати альманахе (см. прим.3 к письму 7).

¹² См. прим.7 к письму 7; ср. прим.4 к письму 12.

¹³ Осенью 1842 года Даль сообщал С.П. Шевыреву: «Мы вдвоем с А.П.Сапожниковым готовим шутку: он сделал наперед 50 картин, на меди, превосходно очерченных, мастерская работа — величиной больше почтового полулиста; а я после написал к ним пояснение в роде повести: похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета: жизнь мнимого художника, музыканта, который невпопад пустился в Гении. Издание стоит дорого; картины превосходные — не знаю как пойдет» (Даль В.И. Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1983. С.406-407). Несмотря на это недвусмысленное изложение последовательности работы над повестью ее автором, все же можно предположить участие Даля в разработке сюжета «Виольдамура» (см. там же. С.407; ср. также: Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т. I. С.620).

Просьба Даля не называть имени Сапожникова в печати (было, тем не менее, названо другими критиками — см., напр.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т.8. С.481), возможно, вызвана опасениями за карьеру Сапожникова, имевшего официальные художественные поручения («Я с товарищами оканчиваем нашу Естественную историю. Ужасный труд», Сапожников — Далю, 18 янв. 1840 // ИРЛИ. №27.387. Л.6) и не долженствующего тратить силы на посторонние предметы.

¹⁴ Соллогуб В.А. Медведь // Утренняя заря, альманах на 1843 Год, изданный И. [так! хотя надо: В. — А.И.-Т.] Владиславлевым. СПб., 1843. С.136-248.

¹⁵ Как видно из данного письма, О.В.Даль (в замужестве Демидова) родилась 10 ноября 1842 года, а не 1843, как указано в формулярном списке ее отца (Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Нижний Новгород, 1898. Т.3. Отд. III. С.43). Умерла в 1916 г. (см.: История русской музыки в исследованиях и материалах. М., 1924. Т.1. С.134). «Четверо» — кроме Ольги, ее сестра Мария и двое детей от первого брака В.И.Даля: Лев и Юлия (см. прим.8, 9 к письму 28).

¹⁶ Веневитинов Алексей Владимирович (2.12.1806-14.1.1872), камергер, статский советник, брат поэта, близкий друг Погодина.

¹⁷ Т.е. И.Ф.Паскевич.

¹⁸ Журнал «Библиотека для чтения».

¹⁹ Устрялов Николай Герасимович (4.5.1805-8.6.1870), историк, профессор Санкт-Петербургского университета. Его «История царствования Петра Великого» вышла в 1858-1863 гг. (СПб., Т.1-4, 6).

²⁰ Речь идет о столоначальнике 1-го стола в I-м отделении департамента полиции исполнительной МВД титулярном советнике Петре Ивановиче Роговиче (30.10.1809-18.12.1892, с.Якиманское Клинского уезда Тверской губернии; см. о нем: Симанский А.В. Сенатор, тайный советник Петр Иванович Рогович; Некролог // Моск. ведомости. 1893. №10. 10 янв. С.5; Модзалевский В.Л. Роговичи: Родословная роспись / Отд. оттиск из IV тома «Малороссийского родословника» В.Л.Модзалевского. Киев, 1913. С.10-11) и столоначальнике 3-го стола во II-м отделении того же департамента коллежском асессоре Николае Николаевиче Калугине (6.12.1810-27.11.1902, местечко Серединая Буда Новгород-Северского уезда Черниговской губернии). По малой известности этого рода сообщим, что Н.Н.Калугин был сыном капитана Николая Андреевича Калугина, умершего 9 января 1847, женатого на Ксении Фоминичне, скончавшейся 7 марта 1838; имел братьев — Евграфа (10.12.1801-22.7.1877; жена: Александра Николаевна, 24.7.1831-27.12.1906) и Андрея (полковник, 29.1.1804-24.4.1861), а также жену Агафью Лукиничну (5.2.1827-25.2.1906); все перечисленные члены семейства погребены в Серединой Буде в Николаевской церкви и на погосте Рождествабогородинской церкви.

П.И.Рогович и Н.Н.Калугин в 1832 или в 1833 г. кончили курс в Московском университете, дружили с Вадимом Пассеком, были знакомы с Погодиным, с которым поддерживали отношения и позднее (см.: Калугин Н.Н. Студенты Московского университета в былое время // Рус. архив. 1907. №11. С.424-425, 427; Рогович П.И. Письмо к М.П.Погодину 8 октября [1869] // ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.28. Ед.хр.7).

²¹ Оржевский Василий Владимирович (26.2.1797-13.10.1867), действительный статский советник, директор департамента полиции исполнительной МВД, бакалавр истории Санкт-Петербургской духовной академии (см. о нем статью Б.Алексеевского в «Русском биографическом словаре» — СПб., 1905. Т. «Обезьянников — Очкин». С.308-309). Даль передавал поклон Оржевскому в письме В.М.Лазаревскому 2 июля 1850 г. (Рус. архив. 1894. №8. С.555).

²² Этот замысел не был реализован.

²³ Сплетни. Переписка жителя луны с жителем земли, издаваемая дворянином Кукарику [П.А.Машковым]. СПб., 1842. Вып.1-6. Об обстоятельствах и причинах запрещения см. запись от 25 ноября 1842 г. в кн.: Никитенко А.В. Дневник. [Л.], 1955. С.250-251 и комментарий И.Я.Айзенштока (Там же. С.507). См. также дело, заведенное по этому поводу в III Отделении: ГА РФ. Ф.109. 5 экспед. 1842 г. Оп.213. Д.9.

²⁴ В печатных источниках нам не удалось отыскать сведений об обстоятельствах запрещения последующих выпусков анонимно изданной книги

В.С.Межевича «Колосья. Сноп 1-й» (СПб., 1842). Разыскания следует продолжить в цензурных фондах ЦГИА.

²⁵ Вероятно, сведения Даля (как и большая часть известной ему информации о происходящем в петербургском цензурном комитете) восходят к А.В.Никитенко (ср. написанное на следующий день после комментируемого письма послание другого современника: Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т.1. С.640).

18. Даль — Погодину

[Август (?) 1843. Санкт-Петербурге]

Нет никакой возможности, любезнейший Мих[айла] Петрович, прислать Вам рецепт, не выдавши больную. Не думайте, чтобы тут была черная или белая магия, которая бы как рукой сняла всякий недуг; нет, и тут нужно знание, опыт, исследование и наблюдение больного. Средств, по обстоятельствам, много; одного общего даже и от той болезни, о которой Вы пишете, нет. Обратитесь к омеопату; болезнь аллопатически неизлечима, и потому терять нечего. Я в Москве знаю одного только достойного омеопата: Кн[язя] Львова¹, если он не откажется, то лучше обратиться Вам не к кому.

О книгах Ваших ничего не могу сказать, как что две древних лежат у меня; один короб взят Кунигом², другой отправлен к Сербиновичу³, а в получении им оных имеется от него расписка. Думал я о Куниге и туда и сюда — воля Ваша не знаю, куда бы его можно у нас девать и что ему советовать. Если бы Стат[истическое] отделение было в порядке, если бы там что-нибудь делалось; сидели живые люди, но не мертвые — то надо бы там дать ему место; а при теперешних обстоятельствах я не в силах сделать ничего.

Jutzenkes⁴ я получаю и очень ею доволен, хоть что-нибудь читаешь на других наречиях славянских и приучаешься понимать. Польский и Украинский языки я знаю, и вижу, что при малой помощи можно понимать и другие.

Заботы и безвременность моя еще усилились болезнью жены, так что я не знаю, как мне разорваться. На беду еще доктора нашего нет. Думаю взять ее в город. Суматоха наша идет по-прежнему, день погоняет утро, вечер погоняет день — ночь летит скоро, и начинается та же песня. Прощайте.

В.Даль

Юнгм[ейстер] опять-таки солгал, потому что окончительно я три раза посылал курьера, и он откладывал уплату.

¹ По мнению Н.Г.Охотина, здесь имеется в виду детский писатель, автор работ по сельскому хозяйству и цензор князь Владимир Владимирович Львов (1805-1856) — см.: Наши, списанные с натуры русскими: Приложение к факсимильному изданию. М., 1986. С.103. Этот литератор (важнейшие материалы для его творческой биографии, собранные Н.Г.Охотиным, см. там же. С.25, 77-80) был несомненно известен Далю (см. письмо Даля к А.В.Головнину от 22 января 1855 г. — Рус. старина. 1889. №4. С.38-39), тем не менее, в комментируемом письме, на наш взгляд, имеется в виду не он, а не имеющий княжеского титула (ошибки, подобные совершенной, как нам кажется, Далем, — чрезвычайная редкость!) Александр Николаевич Львов (ок.1786-10.3.1849), сын литератора Николая Александровича Львова и сестры 2-й жены Державина Марии Алексеевны Дьяковой, женатый на дочери адмирала Н.С.Мордвинова Наталии Николаевне (см.: Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т.1. С.578; Московский некрополь. СПб., 1907. Т.2. С.197). Именно этот Львов, не князь, но камергер, успешно боролся с холерой в 1831 г. в Саратовской губернии, вылечив гомеопатическими средствами несколько сот человек, а затем, живя в Москве, докучал начальству просьбами о дозволении «перевести с немецкого языка на русский и напечатать все вообще книги о гомеопатическом пользовании» и предложениями «о лечении крестьян в России сельскими священниками гомеопатическим способом и о введении в семинариях для достижения этой цели медицинского и хирургического классов» (см.: ГА РФ. Ф.109. II экспед. 1831 г. Оп.61. Д.459; 1837 г. Оп.67. Д.62; 1840 г. Оп.70. Д.176), в то время как князь В.В.Львов ни в чем подобном не был замечен.

² Куник Арист Аристович (1814-1899), историк, этнограф, нумизмат, впоследствии академик. Погодин принимал горячее участие в устройстве судьбы этого молодого ученого, приехавшего в Петербург осенью 1842, но лишь в феврале 1844-го нашедшего место (определен вторым хранителем при Нумизматическом кабинете Императорской Академии наук). О книжных интересах Куника см.: Рус. библиофил. 1911. №7. С.46; Савельева Е.А. А.А.Куник и его собрание книг о России XVIII века // Книга в России XVIII — середины XIX в. Л., 1989. С.93-110.

³ Сербинович Константин Степанович (ок.1796-1874), видный петербургский чиновник (в это время действительный статский советник, директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода), литератор (редактор «Журнала Министерства народного просвещения»). Об его отношениях с Погодиным см.: *Барсуков*, по указ. в Т.22.

⁴ Имеется в виду варшавский ежемесячник «Денница. Славянское обозрение, изд. Петром Дубровским».

[Вторая половина окт. 1843. Санкт-Петербург]

Вот Вам, многолюбезный Михайла Петрович, ярлык, по которому получите книги свои¹. О себе нечего вам говорить нового; все, как видели, по-старому — только работы больше, очень круто приходится. Что делать! Надо везти, коли влез в хомут. Хозяйка еще сверх этого все кряхтит, да кряхтит — что будешь делать с этим народом? Надо терпеть, что Господь попустил.

О Вашем предложении по *художественной* части говорил я Кунигу. Вы немножко мечтаете. Взять человека в дом, так нельзя его положить в коридор и больше об нем не заботиться; а само собою разумеется, что человек в доме, есть человек в семействе, и что он должен поступить под опеку хозяйки. И вот причина, почему я его взять не могу; у меня еще есть теперь учитель в доме, и хлопот за ним в доме много, все это падает на большую хозяйку². Спрашивал я в Общ[естве] Поощр[ения] Художн[иков]³; они берут на свое попечение только мальчиков с *дарованием*, и притом не иначе, как из *гипсового* класса, где уже видно что мальчик обещает. Смотрите, выйдет ли толк из человека, которому 20 лет, и который хочет начать учиться живописи?⁴ Есть ли дарование? Не лучше ли направить его на другое? — Видели ль Вы объявление Лисенкова о поступлении сочинений Ф.Булгарина во все лавки и заведения толкучего рынка и в мешки ходящих? Это довольно любопытно: в Академ[ических] Ведом[остях] от 13, 14 или 15го Октб.⁵

Жена сидит рядом со мной и завтракает рябчиком; кланяется и Вам и почтенной супруге Вашей.

В.Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.24-25.

¹ Об активности, с которой в 1842-1843 гг. Погодин скупал целыми библиотеками старые книги и рукописи, см., напр.: *Барсуков*. VI. 348-370 и др.

² Это место может быть истолковано двояко. Возможно, здесь обсуждается идея пристроить Куника домашним учителем к Далю (ср. в письме Н.И.Надеждина к М.П.Погодину 15 ноября 1843 г.: «Кунигу я именно предлагал место домашнего учителя; и это место, как после оказалось, было именно у Даля. Но он отказался, доверясь обещаниям У[варова]. И действительно, без У[варова] ему нельзя ступить шагу. Только в ученую службу может он быть принят: в прочие никуда» — Записки Отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И.Ленина. М., 1978. Вып.39. С.207; ср.: *Барсуков*. VII. 223). А может быть, речь идет уже о предложении Пого-

дина Далю (переданном через Куника? — ему Погодин писал 1 ноября, см. запись в погодинском дневнике: ОР РГБ. Ф.231/1. Карт.33. Ед.хр.1. Л.49) взять домашним учителем рисования П.Ф.Зенкова (см. о нем ниже).

³ Вероятно, через А.П.Сапожникова.

⁴ Речь идет о протеже Погодина художнике Павле Федоровиче Зенкове (Зенькове). Род. ок. 1824 — умер не ранее октября 1854 г., не позже февраля 1855 г. (см. записи в дневнике Погодина — ОР РГБ. Ф.231/1. Карт.38. Ед.хр.6. Л.57, 83, копия). Сводку сведений о нем см. в кн.: Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. М., 1983. Т.4. Кн.1. С.301. Четыре года занимался в Московском училище живописи (до 1844 г.), затем был ободрен Погодиным в намерении поступить в Академию художеств. Возможности получить в Петербурге жилье и финансовую поддержку для Зенкова зондировались Погодиным с конца 1843 г. (ср. запись в погодинском дневнике 5 декабря 1843 г.: «/.../ Письма о Зенкове к Стурдзе, к Надеждину» (ОР РГБ. Ф.231/1. Карт.33. Ед.хр.1. Л.53). См. также прим.10 к письму 21.

⁵ Имеется в виду следующий текст:

«Уведомление о книге.

За излишеством желают распродать сочинения по сходной цене, чтобы распространить продажу оных, и доступно было бы приобрести их всякому, сим объявляется, что отныне можно будет получать во всех лавках и заведениях Апраксина двора, на рынках и у разнощиков в мешках, следующую книгу:

Сочинения Фад. Бенед. Булгарина. В 4 томах 1843 г. Напечатанные по рукописи автора верно и исправно, и цену положил за них сам Автор весьма дешевую, на лучшей любской бумаге 15 р. асс.»

(Прибавления к С.-Петербургским Ведомостям.
1843. №232. 14 окт. С.2407).

20. Даль — Погодину

[Весна 1844. Санкт-Петербург]

Виноват, любезный Михайла Петрович, замолчался. Со дня на день — и все весь день спешно занят — так время и проходит. Спасибо за Баранов¹; хотя я и никак не понимаю, с какой стороны может быть придирка, но лучше под обух, коли сомнительна; не стоит того чтоб с нею возиться. А что Вы писали, не загадочно ль, о каких-то обысках старопечатных книг² — ничего не понял, и не знаю толком о чем Вы говорите. Если вперед желание, чтобы приложено было с моей стороны какое-нибудь старание, то пишите: как, где, что, кто, почему, когда, для чего, отчего — и пр. Раскольник Ваш³ был у меня раз, когда нельзя было уделить ему более десяти минут; разумеется, что я и вообще не мог бы

ничего для него сделать; но как он был прислан Вами, то я сказал ему: заходи, брат, на днях часу в пятом; но он исчез и не бывал. У меня есть много любопытных сведений *о скопцах*; жаль, что все это у меня должно пропадать⁴. Дикое, бессмысленное изуверство этого толка очень замечательно; И. Хр. в лице Петра III. Богородица в лице И[мператрицы] Елисаветы, которая у них есть Акулина — все это до такой степени странно и дико, что право не верил бы, если б не было на то прямых доказательств.

О Лобкове⁵ ничего не знаю; но остерегаться в нынешнее время надо всякого.

Мальчик не может пользоваться иначе пособием здешнего общества, как когда окажет уже успехи в здешней Академии, и притом в *котурном* классе⁶.

У меня есть надежда вырваться это лето месяца на два просто на отдых; если же здесь останусь, то отдыху не будет. Поэтому, слав семью на дачу, под надежное покровительство Байкова⁷, — думаю отправиться на юг, на Киев, а дальше, куда Бог даст, забиться где-нибудь на хутор и отдохнуть⁸. Не могу сказать, что болен, но как-то неможется, устал. Хозяйка к тому времени, даст Бог, принесет третьего, и я уеду спокоен.

Отрывая тут и там по часочку, написал я, за наличные, *Христиана* по готовым картинам⁹; в этом толку мало. Небольшие статейки для Лит[ературной] Газ[еты] также кой-как поспевали¹⁰, но связного ничего не выходит, потому что некогда. Один давно начатой рассказ, может быть, покончу, по обещанию, для Отец[ественных] Зап[исок]¹¹, а там, если удастся кончить другой, то, пожалуй, предложу Вам; но не знаю, нужны ли Вам подобные вещи; на Москвитянина свой облик, он идет своим путем хорошо и обойдется, кажется, без повестушек. Если буду в Москве летом, то можно ли заехать к Вам? У меня, как знаете, есть где остановиться¹², и потому не затрудняйтесь. Здесь разнеслись слухи, будто Вы скоро будете к нам¹³; если это правда, то у меня кровать для Вас готова, и на этот раз, кажется, без клопов. Душевный поклон мой Шевыреву. Ведь у него должно быть много свободного времени, что он не пишет?

Когда, прошедшим летом¹⁴, посылали в Саратовскую губернию для разрытия курганов, то я было старался, чтобы послали Роговского и Калугина, если они хотят. Оно бы и состоялось, но Директор Оржевский отозвался, что не может их отпустить, и что они нужны.

Я вспомнил, что Вы поставили в Посошкове вопросительный знак, при слове *огурство*, *огуряться*¹⁵. Это слово известное, особенно в Новгородской губернии, откуда поступали прежде боль-

шею частью все моряки наши в Морской корпус, а с ними и слово то перешло в число употребительных доселе в Морском Корпусе. Это значит: не заниматься своим делом, укрыться, отыгаться, отделаться от него и заниматься пустяками, шататься¹⁶. — Другое слово, где также у вас поставлено (?), да забыл какое — мне также было хорошо известно. Не прислать ли Вам сотни две, три разных слов, с пояснениями, собранных мною тут и там и почему-нибудь замечательных? Только некогда привести в должный порядок, что Вы должны сделать сами. Есть у меня и собрание *Вологодских* слов и речений, коли хотите, пришлю¹⁷. Прощайте, Михайло Петрович, будьте благополучны! Клянюсь супруге Вашей, и жена моя тоже.

В.Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.29-30об. Фрагмент: *Барсуков*. VII. 263-264. Ответ на не дошедшее до нас письмо.

¹ Т.е. за решение не печатать из цензурных опасений «восточную сказку» Даля «Бараны» (опубл. в 1845 г. — см. прим.7 к письму 17; об общественной реакции на публикацию см.: *Мельников 1897*. С.XLIII-XLIV).

² А.И.Лобков (см. о нем прим.5) писал Погодину в письме, цитируемом Н.П.Барсуковым без указания даты, но, по-видимому, относящемся к 1843 или 1844 году, о продавцах старинных книг и рукописей: «Представьте, какое им теперь затруднение насчет покупки книг: везде преследование. Владимирского крестьянина Пахома уже два раза обыскивали, и известно, чем кончаются эти дела. Но вот что прискорбно: с преследованием раскола и книг много притеснений и от этого есть и много будет невозвратной потери для Церкви, Отечества, истреблением самых памятников письменности и древности, коих и теперь слабые источники пресекутся совершенно, и наука должна остаться без исследования. Прежде я вас просил, а теперь подтверждаю, устройте как единственный Историкограф России это дело: больно смотреть на эту теперь гибель драгоценностей, ничем незаменимых» (*Барсуков*. VII. 263). По мнению Н.П.Барсукова, комментируемое письмо Даля является ответом именно на этот призыв Лобкова, переданный Погодиным. Не исключая такой возможности, заметим, что велик простор и для иных предположений о причине, побудившей Погодина написать нечто об обысках старопечатных книг служащему в центре борьбы с расколом Далю. См., например, запись в погодинском дневнике от 9 декабря 1843 г.: «/.../ Лобков сообщил известие о возможности сделать много приобретений от раскольников, теперь растревоженных» (ОР РГБ. Ф.231/I. Карт.33. Ед.хр.1. Л.54).

³ Какой-то продавец старых книг и рукописей, приехавший хлопотать о чем-нибудь в Петербург и снабженный рекомендательной запиской Погодина к Далю, как впоследствии Т.Ф.Большаков (см. письмо 21).

⁴ Далем написано: Исследование о скопческой ереси / Напечатано по приказанию г. Министра внутренних дел [СПб., 1844], б. подп., 238 с. Тираж: не более 20 экземпляров (Родзевич Г.И. Скопцы в России: Библиографический указатель литературы о них // Антиквар. 1902. №2. С.60), большинство из которых к тому же сгорели (*Мельников 1897. С. LIV*). Пессимистическое утверждение П.И. Мельникова, считавшего, что уцелел лишь один экземпляр, подаренный Далем в Чертковскую библиотеку (корректорный, с инскриптом Даля Г.А. Черткову: «Книжнице Григория Александровича» — см.: Родзевич Г.И. Указ. соч.), опровергается описанием экземпляра И.М. Остроглазова (Рус. архив. 1891. №10. С.275-276) и наличием книги в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (экземпляр М.И. Семевского). Мельников рассказывает, что, когда, представляя книгу государю, Л.А. Перовский назвал имя автора, то «император Николай Павлович поспешил осведомиться, какого он исповедания. Владимир Иванович был лютеранином, и государь признал неудобным рассылать высшим духовным и гражданским лицам книгу по вероисповедному предмету, написанную иноверцем. Написать новое исследование поручено было Надеждину, который в свой труд внес всю работу Даля» (*Мельников 1897. С. LV*; о книге Надеждина, напечатанной в 1845 г. в количестве 25 экземпляров, см. в указ. соч. Г.И. Родзевича, а также в кн.: Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1863. Т.8, доп. С.506-524; перепечатана в кн.: Сб-к правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Лондон, 1862. Вып.3. С.1-240).

В 1844 году государю была также представлена составленная Далем «Записка о Законодательстве против Скопцов до издания свода законов» (опубликовано в работе: Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей, собранные П.И. Мельниковым // Чтения в Об-ве истории и древностей российских. 1872. №4. Отд. V. С.21-38; 1873. №1. Отд. V. С.1-5). Далю также принадлежит редакция «Записки о Скопцах, представленной Министром Внутренних дел Л.А. Перовским в Государственный Совет и Комитет Министров» (Там же. 1873. №1. Отд. V. С.240-248).

⁵ Лобков Алексей Иванович (ок.1803-19.3.1868, Москва), видный московский благотворитель из купцов, не без помощи своих пожертвованных достигший к концу жизни чина действительного статского советника. См. о нем: Петербургская газета. 1868. №40. 23 марта; Снегирев И.М. Дневник. М., 1904-1905. Т.1-2, начиная с конца 1839 г., почти на каждой странице; РГАЛИ. Ф.680. Оп.1. Д.78 (личное дело в Училище живописи, ваяния и зодчества; Лобков был казначеем и членом Совета Московского художественного общества). С Погодиным Лобкова связывал интерес к старопечатным книгам и другим древностям; в начале 1850-х Лобков имел намерение купить погодинское древлехранилище и поднести государю (*Барсуков. XII. 325, 326, 330*). Отзывы Погодина о Лобкове, как правило, нейтральны (см.: *Барсуков. По указ. в т. XXII*), а написанный им некролог крайне доброжелателен: Русский. 1868. Лист 18. 25 марта. С.286, подп.: М.П.; поэтому крайне сложно определить какого рода запрос находился в письме Погодина к Далю.

⁶ Ответ на новый запрос о перспективах П.Ф.Зенкова в Об-ве поощрения художников (ср. прим.4 к письму 19).

⁷ Байков Матвей Андреевич (7.8.1800-20.2.1849. Санкт-Петербург), действительный статский советник, основатель и директор Удельного Земледельческого училища. См. о нем: Труды Имп. Вольного Экономического общества. СПб., 1850. Т.1. Отд.V. С.4-6; [Бурнашев В.П.] Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности (1834-1850) // Рус. вестник. 1872. №5. С.70-83, 86, 90, 94-129; №6. С.647-677, 679, 695-696, 700, 703, 706, 707, 714-716; №7. С.71, 73-136, 143-145, 153, 154; №8. С.658-679, 689, 701-723, 726, 727; №9. С.112-156; №10. С.555-594, 599-613; №12. С.670-707, подп.: Петербургский Старожил (из воспоминаний Бурнашева видны давние доверительные и тесные отношения Байкова с Л.А.Перовским). Семья Даля не долго могла находиться под покровительством Байкова, так как 20 июля он выехал «в разные губернии» (Санкт-Петербургские ведомости. 1844. №165. 22 июля. С.746).

⁸ Обстоятельства этого путешествия, начавшегося, очевидно, в первой декаде июня, могут быть прослежены по письмам Даля к жене (Голос минувшего. 1923. №3. С.116-121).

⁹ Нашу версию более сложной творческой истории повести (см. прим.13 к письму 17) подкрепляет Ф.А.Кони в статье «Новости литературного Петербурга», свидетельствуя также факт закупки Ольхиным «Виолюдамура» «на корню» (см.: Лит. газета. 1843. №36. 12 сент. С.664).

¹⁰ Имеется в виду серия статей Даля под общим заглавием «Зверинец»: Медведь // Лит. газета. 1844. №3. 15 янв. С.45-51; №4. 22 янв. С.65-71; Волк // Там же. №9. 2 марта. С.157-163; Словесная речь человека // Там же. №12. 23 марта. С.208-213; Лиса // Там же. №16. 27 апр. С.273-277; Дополнение к статье «Медведь» // Там же. №18. 1 мая. С.310; Верблюды // Там же. №23. 15 июня. С.387-392; Черепословие и физиономика // Там же. №27. 13 июля. С.451-460; №29. 27 июля. С.491-495, подп. во всех статьях: В.Луганский; а также напечатанная вне рубрики: О домашних животных // Там же. №50. 21 дек. С.851-854, подп.: В.Луганский.

¹¹ Вероятно, имеется в виду повесть: Колбасники и бородачи // Отечественные записки. 1844. Т.34. №5. Отд.1. С.89-145, подп.: В.Луганский; в огл.: Луганского (В.И.Даля). Если это так, то комментируемое письмо должно быть отнесено к самой ранней весне.

¹² Возможно, имеется в виду П.П.Шлейден (см. прим.1 к письму 10).

¹³ Планам Погодина отправиться «в Копенгаген, или куда-нибудь на берег Балтийского моря» (*Барсуков*. VII. 380) не суждено было сбыться: 16 мая 1844 г. он упал с дрожжек и сломал ногу.

¹⁴ Этот эпизод имел место раньше летом 1842 г. — см. письмо 17.

¹⁵ См.: «И аще и никаких службы Великому Государю кроме огурства (?) не показал, а соседи все его боятся...» (Сочинения Ивана Посошкова. Изданы на иждивении Московского Об-ва истории Древностей Российских Михаилом Погодиным. М., 1842. С.90).

¹⁶ Это слово фигурирует в списке «новых слов, принятых и понятных в морском корпусе», которыми обогатил в этом учебном заведении свой лексикон герой автобиографической повести Даля «Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся» (Рус. беседа. СПб., 1841. Т.2. С.12). Во втором издании (Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. СПб., 1846. Т.2. С.111) появилось следующее подстрочное примечание: «Огуряться вошло в корпус в употребление от новгородцев, поступавших туда прежде в большом числе. Мы встречаем слово это также у Посошкова (новгородца); оно означает: отделяться от обязанности своей, не исполнять ее, не быть налицо, где должно».

¹⁷ В «Москвитяине» не появилось.

21. Даль — Погодину

[Октябрь 1844. Санкт-Петербург]

Здравствуйте, любезный Михайла Петрович. Мало чай помогу я Большакову¹. Что могу, сделаю. Сенявин привез несколько очень любопытных раскольниковых книг², отчего Вы их не собираете? Напр[имер], Апокалипсис (толкование) их, поморский свиток и пр. Ту же [?] я продал за 130 р[ублей] серебр[ом] и деньги посылаю. Также отсылаю Ваши рукописи и две книги Языкову³ — сделайте Божеское одолжение, отправьте сейчас к нему. Я забыл адрес его и не могу переслать прямо. Да пожалуйста, чтоб не завалялись, он будет ждать.

Хорошее дело, если студент Ваш отправляется за песнями и сказками⁴, но, я думаю, Вы можете дать ему наставление лучше меня. Сказки древние, сказки в стихах, должны быть записаны от слова до слова; прочие с означением всех примечательных [выражений]* и оборотов, с пояснением малоизвестных, если только сам рассказчик их понимает.

Щепкин очень нас утешает; у нас такого нет. Он, спасибо ему, был у меня⁵. Сюда приехал я поздно вечером⁶, на утро в 8 час. явился⁷, и с той минуты у меня и голова и руки полны бумаг, так, что некогда опомниться. Прощайте, уважительнейше кланяюсь Елисавете Васильевне⁸, жена тоже, — а я прошу ее покорно позаботиться, чтобы посылка и письмо Языкову были отправлены. Сапожников и Пряничн[иков]⁹, кажется, кой-как пристроили нашего живописца¹⁰ и довольны его работой; но он получит только 350 руб[лей]¹¹, а ему этого мало. Будет ему еще пособие? Прощайте, жена кланяется.

В.Д.

* Начало слова оторвано. — А.И.-Т.

¹ Большаков Тихон Федорович (ок.1794-19.12.1863), московский купец, букинист, собиратель рукописных и старопечатных книг, старообрядец. См. о нем обстоятельную статью Ю.Д.Рыкова в кн.: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В.И.Ленина: Указатель. М., 1983. Т.1. Вып.1. С.77-80 (здесь же указана литература; отметим также часть личного архива Большакова, сохранившуюся в бумагах П.П.Вяземского, — РГАЛИ. Ф.195. Оп.1. Ед.хр.5703-5705, 5716, 5734, 5888, 5803). Большаков был одним из главных поставщиков древлехранилища Погодина; его лавка была украшена портретом историка (Бессонов П.А. Т.Ф.Большаков: (Некролог) // День. 1863. №52. 30 дек. С.21); в 1852 г. он сопровождал погодинское собрание, отправляемое в Петербург (*Барсуков*. XII. 361-363).

Летом 1844 г. (по-видимому, в августе) Большаков приезжал хлопотать в Петербург. 7 августа Н.А.Загряжский писал Погодину: «Вряд ли удастся мне в чем-нибудь быть полезным Большакову. Ф.И.Прянишников почти отказался просить; я хотел, чтобы он написал к Войцеховичу, но он решительно отказал, потому что ему *неприлично* просить за раскольников. Ох уж мне это приличие! Однако обещал на словах *поговорить*, вероятно, с *приличием*» (ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.12. Ед.хр.38. Л.27). Затем Большаков, осмотревшись, стал умолять Погодина прислать письмо к И.Г.Сенявину (см. прим.2), «чтобы сколько можно иметь участия в пользу нашу, и дела идут туго» (Там же. Л.29, у Большакова: тупо). Уточняя просьбу раскольника, Загряжский сообщал: «Письма твои к Сербиновичу Большаков сам отдал, а к Войцеховичу я отослал» (Там же. Л.30). 16 сентября Большаков еще находился в Петербурге (Там же. Л.31), а 4 октября уже был в Москве (ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.5. Ед.хр.69. Л.1).

Трудно с уверенностью определить суть дела Большакова, приведшего его в столицу (К.С.Сербинович и А.И.Войцехович — высокопоставленные служащие Синода, И.Г.Сенявин — товарищ министра внутренних дел), но можно предположить, что оно связано с эпизодом из «Плана полного собрания сведений, относящихся к расколу и раскольникам», представленного Н.И.Надеждиным бывшему Министру Внутренних дел графу Л.А.Перовскому», повествующем о букинисте, который за год до этого «подвергался строгому истязанию за покупку старых рукописей и книг для разных ученых московских, для гг. Погодина, Черткова, Строева и т.п., его спасло, наконец то, что он представил диплом на звание корреспондента, данный ему от Московского общества истории и древностей; тем не менее дело о том доходило до Министра Внутренних Дел» (Братское слово. 1876. №2. С.136-137). К этому месту в журнале сделано (Н.И.Надеждиным? публикатором П.И.Мельниковым?) подстрочное примечание, поясняющее, что имеется в виду Т.Ф.Большаков.

² Сенявин Иван Григорьевич (11.7.1801-8.6.1851), действительный статский советник, камергер, московский гражданский губернатор. Поддерживал тесные отношения со многими московскими учеными и литераторами (в том числе с Погодиным и Шевыревым. — *Барсуков*. VII. 119),

патронировал выпуск посвященного памяти В.В.Пассека альманаха «Литературный вечер» (см. письма И.Г.Сенявина к А.Ф.Вельтману // ОР РГБ. Ф.47/II. Карт.6. Ед.хр.4), живо интересовался древностями (см., например: Снегирев И.М. Дневник. М., 1904. Т.1. С.306, 312). В 1844 г. (в середине июля — Ведомости Санкт-Петербургского гор. полиции. 1844. №156. 17 июля. [С.6]) переехал в Петербург товарищем министра внутренних дел (в середине сентября отлучался в Москву. — Там же. №206. 20 сент. [С.4]). Данные формулярного списка И.Г.Сенявина приведены в статье М.Полиевктова для «Русского биографического словаря» (СПб., 1904. Т. «Сабанеев — Смыслов». С.334-335).

³ Н.М.Языкову, дерптскому другу Даля, с августа 1843 г. жившему в Москве. О их дружбе см. в письме Даля к Н.А.Полевому (ОР РНБ. Ф.124. Оп.1. Ед.хр.1445. Л.1), ср. посвящение Языкову сказки «Новинка-диконинка или невиданное чудо, несмысленное диво» (изд. 1832).

⁴ Известный впоследствии фольклорист Павел Иванович Якушкин (1820-1872), ученик Погодина (см. об их отношениях: *Барсуков*. X. 22-23). Составленную для него Погодиным инструкцию «о собирании песен и разныx сведений» см.: *Барсуков*. X. 23-27.

⁵ М.С.Щепкин приехал в Петербург ок. 8 сентября 1844 г. и пробыл до 1 ноября (гастроли начались с 11 сентября) — см.: Гриц Т.С. М.С.Щепкин: Летопись жизни и творчества. М., 1966. С.329. Личное знакомство Даля с Щепкиным зафиксировано также материалами переписки последнего (см.: Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество. М., 1884. Т.1. С.290, 366).

⁶ Можно думать, что это произошло в конце июля или начале августа — 13 июля Е.П.Гребенка, в чьем украинском имении отдыхал Даль, жаловался, что его гость подумывает об отъезде: «Перовскому, кажется, не хочется расставаться с Далем...» (Гребінка Е.П. Твори. Київ. 1981. Т.3. С.617).

⁷ В присутствии.

⁸ Жена Погодина (см. о ней письмо 22).

⁹ Прянишников Федор Иванович (ок.1792-28.4.1867, Санкт-Петербург), тайный советник, директор Почтового департамента и Санкт-Петербургский почт-директор (впоследствии член Государственного совета), видный деятель Общества поощрения художников, владелец замечательных художественного (см.: Ивановский А. Ф.И.Прянишников и его картинная галлерей. СПб., 1870) и книжного (см.: Ивановский А. По поводу заметки «Библиофила» о Прянишниковской библиотеке // Новое Время. 1870. №35. 5 февр. [С.2]) собраний. Был тесно связан с Н.А.Загряжским, через которого и познакомился с Погодиным (*Барсуков*. V. 212 и по указ. в т.ХХII); с Далем сошелся, вероятно, при посредстве А.П.Сапожникова.

¹⁰ Речь снова идет о П.Ф.Зенкове (см. прим.4 к письму 19, прим.6 к письму 20). 7 августа Н.А.Загряжский сообщал Погодину: «О твоём мо-

лодом человеке, Прянишников велел написать тебе, что в Академии пансионеров нет, как было прежде, Общество поощрения худож. делает от себя пособие /.../ 25 ас. в месяц и то только тем, в которых найдут решительный талант в живописи...» (ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.12. Ед.хр.38. Л.27-27об.). Когда будут присланы работы с заверенным авторством, добавляет Загряжский, «тогда и можно будет об нем хлопотать». 16 сентября последовало продолжение: «Твой Зенков куда живет у Калайдовича, но только не понимаю, зачем ты его сюда прислал, был он с письмом от Ф.И. у Сапожникова, он его хорошо принял, хвалил его рисунки, но также говорит: зачем ты его прислал. Общество их заснуло, вот уже 8 месяцев комитет не собирался, когда будет собрание, Бог про то знает; да удастся ли еще его поместить под покровительство неизвестно, а до того чем ему жить?» (Там же. Л.31).

Сам П.Ф.Зенков, приехавший в Петербург в начале сентября, так передает свою беседу с Загряжским:

«— Теперь как вы думаете о своем содержании?

— До вспоможения от Общества поощрения художников, Михаил Петрович обещал сам мне помогать.

— Хорошо, а многое ли от Общества вы надеетесь получить?

— Мне Михаил Петрович сказал, что по двадцати пяти рублей в м[е-ся]ц обещались выхлопотать.

— Да кто ж будет хлопотать?

Я сказал, что профессор Даль и другие.

— Я вам скажу, что это еще будет, либо нет, потому что это зависит ни от Даля и ни от кого, как только от согласия Общества. Я не знаю, зачем он вас прислал прежде времени, не устроивши дела» (ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.13. Ед.хр.4. Л.1). От Загряжского Зенков получил присланные ему Погодиным рекомендательные письма к Н.К.Калайдовичу, А.Ф.Бычкову и А.А.Кунику и отправился им представляться. «Михаил Петрович, напишите письмецо к проф. Дально, чтобы мне можно было к нему явиться и просить его о себе» (Там же. Л.2об.; письмо от 11 сентября 1844 г.). В письме от 6 октября Зенков рассказывает, что Н.К.Калайдович отправил его к В.И.Григоровичу. «/.../ Потом я ему говорю, что пойду теперь к генер. Сапожникову, с письмом от Г-на Прянишникова (которое получил от Загряжского), так не прикажете ли что ему сказать?

— Скажи ему, что я смотрел рисунки и обещался хлопотать, сколько могу.

От него являюсь к г.Сапожникову с письмом от Прянишникова, он взял письмо, прочитал и спрашивает меня: видели вы профес. Даля при отъезде из Москвы?

— Видел» (Там же. Л.3). Сапожников обнадежил Зенкова, и вскоре тот стал пансионером Общества (в Академию художеств поступил 13 сентября 1844 г.).

Слабое желание Калайдовича, Билярского и Куника пожертвовать своим комфортом, разделив квартиру с Зенковым, по-видимому, вызвало поток восклицаний в письме Погодина к Кунику: «Ай, Петербург! Ви-

жу его теперь с новой стороны. Что же значит этот проклятый город в сравнении с нашей Матушкой Москвой! Я не помню, чтобы когда-нибудь жили у меня меньше трех-четырёх посторонних людей, и могу насчитать 20 домов, где бывает то же, и где это считается ровно ни за что, а у вас и прислониться даром нельзя. Ай цивилизация! ай запад!» (Лаппо-Данилевский А.С. Арист Аристович Куник: Очерк его жизни и трудов // Изв. Имп. Академии наук. 1914. VI серия. №18. С.1459-1460).

¹¹ Вероятно, имеется в виду годовое содержание.

22. Даль — Погодину

22 ноября [1844. Санкт-Петербург]

А я что стану говорить Вам, душевно уважаемый Михайло Петрович? В Вас вера крепка; все там будем, кто раньше, кто позже. Я услышал от Надеждина о бедствии Вашем — и ужаснулся. Кто не испытал этого несчастья, тот не знает горя. Я его знал. И прежде и позже нас было и будет много сырых и бедствующих: как и для чего это — когда-нибудь узнаем, когда сами там будем!
В.Даль

22го Ноября

ОР РГБ. Ф.231/II Карт.10. Ед.хр.16. Л.27.

Речь в письме идет о смерти Елизаветы Васильевны Погодиной, урожденной Вагнер (16.10.1809-6.11.1844).

23. Даль — Погодину

21го Января [1845. Санкт-Петербург]

Жалобную записочку Вашу¹ получил вчера — и хоть в трех словах, да отвечу, сидя в канцелярии². Да, я часто вспоминал вас с хозяйкой своей — и душевно по вас сокрушались. О, я знаю это по опыту; много времени ушло с тех пор, и трое детей уже пришло — а забыть не могу. Побыв недельку в гостях у Вас³, я не менее того, право, оценил покойницу и в особенности понимаю, что и чем она была для Вас. Вы без няньки и без мамки теперь, без хозяйки, без прислуги, без секретаря и без друга. Надоумку⁴ я увижу завтра и скажу ему слово о вас. Просьба ваша пустая, т.е. не стоит просьбы, исполнить легко и будет сделано. На это тут положены сроки, и кандидат ваш внесен будет в список при первом сроке — вероятно, в мае; буду просить, чтобы не замедлили, не задержали⁵. Пойдет ли Москв⁶ в новом виде своем?⁶ Я на даче

еще говорил Краевскому, что благодушное и доблестное направление Москвичей, умственные и нравственные их средства должны бы обещать богатые плоды — что Москвичи в состоянии издавать не такой журнал, как здешние толстяки, а вещь дельную — но — что я крепко сомневаюсь в успехе, по особым причинам; отчего Наблюдатель и ваш Москвит[янин] не пошли, т.е. отчего все даровитые люди покинули издателей? Это, на беду, будет и теперь, цензура — запятая и порог; барская лень — другая; кто не привык к постоянным срочным занятиям, того трудно заставить работать для журнала, а тем более издавать журнал. Высокому и жаркому полету эти два обстоятельства скоро подсекут крылья — и сядут, как мокрые куры. Дай Бог, чтобы я напророчил ложно⁷. А в том, что *могло бы* выйти много пути и толку из вашего журнала, *если бы* — и пр., в том я не сомневаюсь. Я даже убежден, что умный и дельный русский журнал сбыточен только в Москве; там есть еще истинно родное, теплое, верующее и добросовестное чувство; здесь несмотря на то, что все мы тут большие приятели, здесь того нельзя. Мы считаем только: приход — расход — баланс; один профинтился в пух, другой, слава Богу, немножко поправился. Такому-то платят за лист сто, тому 150, а тому 200 рубл., и пр. Только по такому разговору и замечаешь, что беседуешь о Литературе. На днях запродан был альманах или сборник — весь почти из чужих статей, разумеется, — по 250 р. за лист; а потом продан другому, по 300 руб. за лист.

Помните, когда мы говорили с вами о том, что следовало бы заняться основательно описанием раскольников, во всех отношениях? — Мы составили было целую книжку о скопцах, но она теперь в переделке у Надоумки⁸; ему же поручено написать дельное и пространное сочинение о раскольниках. Это будет вещь весьма хорошая, едва ли не *монументальная*.

Прощайте, многоуважаемый Михайло Петрович, — душевно пожимаю руку. Кланяйтесь всем добрым людям, кого увидите.

В. Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.31-32об. Фрагмент: *Барсуков*. VIII. 27.

¹ Местонахождение этого письма Погодина неизвестно; о его душевном состоянии после смерти жены см.: *Барсуков*. VII. 474-488.

² Отметим, что 21 января 1845 г. было воскресным днем.

³ См. прим.4 к письму 10.

⁴ Н.И.Надеждина.

⁵ Суть дела видна из двух писем И.И.Давыдова к Погодину. 15 января 1845 г.: «Препровождая к Вам, достопочтеннейший Михаил Петрович записку о старинном Университетском питомце Ст[атском] Сов[етнике] Козлове, убедительно прошу Вас, послать ее при письмеце Вашем к Далу. Слишком 30^л лет служил *честно и бескорыстно*, а теперь без куска хлеба. Он заслуживает Вашего ходатайства, по крайней мере, столько же, сколько старообрядческий поп. Далу же сто́ит сказать одно могучее слово, и бедный чиновник будет получать пенсию, между тем как до сих пор проживает помощью добрых и сострадательных людей». 2 февраля 1845 г.: «За бедного Козлова приношу мою благодарность. Даль пишет Вам, что об этой просьбе не нужно и просить; а между тем бедняк с июня 1843го до сих пор голодает. Сытый голодного не разумеет. Нет, они не могут похвалиться исправностью и точностью» (ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.6. Л.1, 3-3об.).

⁶ На 1845 год Погодин передал редакторство «Москвитянина» И.В.Киреевскому (см.: *Барсуков*. VII. 401-408; VIII. 3-21).

⁷ Прогноз Даля был абсолютно точен: Киреевский сумел выпустить лишь три номера журнала и собрать материалы для четвертого (*Барсуков*. VIII. 22-29; ср. также письма Н.М.Языкова к брату: Рус. старина. 1903. №3. С.532-535).

⁸ См. прим.4 к письму 20.

24. Даль — Погодину

[20-е числа —] 30 мая [1845. Санкт-Петербург]

Сколько раз собирался писать к Вам, любезнейший Михайло Петрович, — но, главное, не знал даже, застанет ли письмо мое Вас в Москве? — Сколько было говорено об отъезде Вашем, в Иерусалим, Германию, Одессу¹ — что я уже не знал, где Вы. И теперь не пишете² и слова о том, едете ли, когда и куда; не пишете также, в каком Вы положении³, без костылей, или еще с ними?

Да, не могу вспоминать об Вас и о том, как гостил у Вас, — чтобы не защемило сердце. Все там будем, кто прежде, кто после: это сказал мне подрядчик мой, ярославский мужик Афанасий Белов, когда пришел соболезновать о смерти моей жены⁴, — и признаюсь, эти простые слова заставили меня призадуматься и как будто немного успокоиться. — (как принялся писать, то уже раз 15 отрывали, три бумаги написал и отправил доклады — авось минут на пять дадут покою). — Крайне жалею о Киреевском и о Москвитянине; никто не спросит об этих обстоятельствах⁵, а посмотрите, как закричат наши ораторы — т.е. люди, кои орут во все горло, при всяком случае⁶. Желая Вам покоя и здоровья — хотя и сам не знаю как и каким образом; не знаю, что Вы пред-

принимаете, на что решились. Думаю, что едва ли Вам воды могут принести большую пользу, и что в путь пускаться должно бы не иначе, как если можете ходить без костылей. Для опыта в водах могли бы Вы испить один курс в Москве: тогда окажется хоть то, можно ли ожидать пользы на месте.

Мои на даче, в изрядном здоровьи, кроме малютки, пятой⁷, которая хворает. Дача, по-здешнему, превосходная, на Аптекарском острове, от дому верст 5. Я должен или вовсе расстаться с семьей, или уезжать из города в 4 часа и, переночевав, быть опять здесь в 8. Спишь не спишь ночью, чтобы не проспаться; дела не делай, а от дела не бегай.

Надоумка взялся за хорошее, нужное и важное дело, которое может повести к добру. Если Вы близки к вашему Преосвященному⁸, то можете у него видеть первый *скопческий* труд *Надоумки*⁹. Большаков может высылать книги, пожалуй, хоть на мое имя и получит немедленно деньги¹⁰.

Мои теперь на даче, где довольно хорошо. Вот моя жизнь: переночевав на даче, в 8 часов еду в город и остаюсь до 4^х в канцелярии; ныне уже в 3 нельзя оканчивать. В пятом отправляюсь на дачу обедать, в 6 иду с докладом к Мру¹¹, который живет там же, потом пр[иг]отовляю бумаги к утру, ложусь около 12^{тн}, а утром опять то же. Праздника не знаем¹²; ни книг, ни журналов, за недосугом, не читаем — своими делами не занимаемся. Иной день только успеешь поздороваться с детьми и семьей, и более их не видишь. Во всех прочих отношениях жаловаться не могу: все хорошо. Если Бог даст здоровья семье, то и слава Ему; годов пятнадцать, или поменее, осталось прожить на свете — надо поторопиться пристроить кого можно, да и очищать им место.

Дружески пожимаю Вам руку — прощайте!

В.Даль

30^о Мая

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.33-34. Наличие в тексте двух повторяющихся описаний дневного распорядка Даля наводит на мысль, что письмо писалось не в один прием.

¹ О некоторых из этих планов см.: *Барсуков*. VIII. 103-110.

² Письмо Погодина до нас не дошло.

³ Даль интересуется последствиями перелома ноги Погодина (см. прим.13 к письму 20).

⁴ Речь идет о первой жене Даля (с июля 1833 г.) Юлии, урожденной Андре (1816-1838).

⁵ См. прим.7 к письму 23.

⁶ Даль имеет в виду радость в лагере западников по поводу приостановки «Москвитянина» (см. об этом: *Барсуков*. VIII. 29-30).

⁷ Т.е., по-видимому, дочери Екатерины (по формулярному списку В.И.Даля, она родилась 5 марта 1845 г. — Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н.Новгород, 1898. Т.3. Отд.III. С.43). Даль называет ее «пятой», вероятно, включая в счет детей от первого брака. Надо полагать, что ребенок, о предстоящем рождении которого говорится в письме 20 (весна 1844 г.), к этому времени уже умер.

⁸ Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

⁹ Исследование о скопческой ереси. СПб., 1845 (см. прим.4 к письму 20).

¹⁰ Возможно, речь идет о покупке Министерством внутренних дел для исследования раскола раскольничьих книг у Т.Ф.Большакова.

¹¹ Т.е. министру Л.А.Перовскому.

¹² Ср. прим.2 к письму 23.

25. Даль — Погодину

23 октября [1845. Санкт-Петербург]
23²⁰ Октб.

На лаконическую записочку Вашу¹, любезнейший Михайло Петрович, собирался отвечать со дня получения и насилу собрался. Просидев и пробегав целый день за докладами и с докладами, да будучи отозван раза по два до обеда, да отправив вечером эстафету или курьера — как-то одуреешь к ночи и позабудешь о частных делах своих — а утром опять то же.

Якушина² худобу выслал бы немедленно обратно — списать мне ничего не стоит — если б сумел выбрать его тетрадку между сотнею других, ей подобных; перерыл все, но как у меня этого добра много, то я — виноват — и не знаю, которая именно его. Пусть он напишет мне одно слово, примету тетради его, или какие в ней сказки, тогда немедленно отыщу, спишу для себя и пришлю подлинник. В чем же ему помочь, когда он хочет служить в губернии? Нужно ему письмо к губернатору, так дам с удовольствием, если только губернатор знаком мне; в противном случае не могу.

Вы жалуетсяь, что ноге хуже: не совсем верю; по крайней мере, Вы съездили в Симбирск, как у нас слышно было³ — а это уже доказывает, что ноге гораздо лучше, нежели было в мое время. Услышав о поездке Вашей, я очень радовался ей.

Что Вам писать еще — я должностной человек, погрязший в бумагах, ничего не знаю и не слышу, и во сне не вижу, кроме их. Если будет когда-нибудь потоп на Русь, то ее затопит бумагами. Со Снегиревым я нечаянно вступил в переписку, он просил меня продать в Кабинет перстень его, что и исполнено⁴. Вельтман обещал приехать ко мне — но видно раздумал: если можно, напомните, что я его жду, и комната готова⁵.

Не зная ничего о Москвитянине, я уже сметил, что видно произошло что-нибудь важное, когда он поотстал, а потом явился в экономическом виде, с двойною номерациею⁶. Нет, братцы, несмотря на все благодушие и благомыслие ваше, несмотря на то, что умные и порядочные люди, которые могли бы издавать хороший журнал Русский, живут преимущественно в Москве, — несмотря на это вам, видно, каши не сварить. Цензура, лень и непривычка к занятиям постоянным и другие *убийственные* обстоятельства подшибли вам летки. *Между делом* нельзя заниматься журналом, а надо посвятить ему себя всего. Такого-то человека у вас и нет. А как бы не издавать Москве хоть *один* только журнал!!

Кланяюсь вам и от души пожимаю руку.

В.Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.16. Л.35-36об.

¹ Нынешнее местонахождение ее неизвестно.

² См. прим.4 к письму 21.

³ 17 августа 1845 г. Погодин выехал из Москвы, а 23 августа читал в Симбирске похвальное слово Н.М.Карамзину, при открытии памятника историографу, имевшее большой успех у симбирской публики (см.: *Барсуков*. VIII. 183-201).

⁴ Снегирев Иван Михайлович (23.4.1793-9.12.1868), профессор Московского университета, археолог, цензор, собиратель и публикатор русских пословиц (см. письмо 38). 13 октября 1845 г. он записал в дневник: «Я отправил к В.И.Далю в Санкт-Петерб. брил. перстень, пожалованный мне Государем, для получения за него денег» (Снегирев И.М. Дневник. М., 1904. Т.1. С.363). Формально Кабинет Е.И.В. и Министерство уделов управлялись одним человеком — кн. П.М.Волконским; товарищем министра уделов, напомним, был Л.А.Перовский.

⁵ Об отношениях Даля и А.Ф.Вельтмана см. сводку сведений в заметке Ю.М.Акутина, предваряющей публикацию их переписки (Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1976. Т.XXXV. №6. С.527); ср. письмо 27.

⁶ О неисправности выхода «Москвитянина» в 1845 г., после оставления редакторства И.В.Киреевским, и о планах Погодина оживить умирающий журнал в 1846 см.: *Барсуков*. VIII. 290-292.

[Апрель 1846. Санкт-Петербург]

Христос воскрес!

Письмецо Ваше¹, любезнейший М.П., заставило меня между прочим улыбнуться в честь патриархальности Ваших нравов — или нрава, — а между тем, сколько ни думал, не выдумал ровно ничего, чем бы можно было вас потешить. Да разве Вы проживаете на пречистом Девичьем поле матушки луны? Разве вы не знаете, каким образом должно делаться то, о чем Вы хлопочете², медали то есть, и что из этого порядка вылезть нельзя? —

1^е медали даются не иначе, как через Комит[ет] М[инист]-р[о]в, следов[ательно] невозможно сделать это во два дня, к Пасхе³, а разве в 2-3 месяца.

2^е В представлении должно быть оговорено во всей подробности и доказано, за что, за какие услуги? Я отнюдь не утверждаю, чтоб они давались действительно *по заслугам*, но *предлог* должен быть хоть по виду основательный; а в настоящем случае я даже и придумать не могу, какой бы это мог быть предлог?

3^е Медали выдаются с надлежащими околичностями, не *частным* образом через кого-нибудь, а через прямое начальство тех лиц, кому следуют.

4^е Наконец, самое убийственное для настоящего случая — это то, что раскольникам никогда и никоим образом нельзя доставить медали; если это случалось, то в тех только случаях, когда обстоятельство это было скрыто, т.е. по злоупотреблениям.

Вот, к сожалению, все, что я могу Вам сказать и чем могу утешить. Оканчивайте-ка изыскания свои, да приезжайте. Зову Вас к себе, но, конечно, не могу требовать этого, полагая, что 93 ступени⁴ вас сокрушат; если же вы ходите с палкой свободно и без боли, то очень бы меня обрадовали приездом. Надоумка все еще разбит на задние ноги; вчера опять пиявки ставил и пр. У нас страшная смертность была эту весну; такой покос, что вывозили иногда в день до 800 трупов, хуже холеры. У меня в доме всех поочередно перевалило; теперь слава Богу; но жена 4 месяца не выходила за порог, и ее приговорили отвезти в Ревель, в море — что и будет исполнено. Тяжело это было; я весь Божий день на службе, не зная ни будня, ни праздника, — а тут все больные! Пишем, пишем — ровно на письме свет стоит; писали и до нас, будут писать и после нас.

Что Московский Сборник?⁵ У нас появился было Достоевский; *Бедные люди* и *Голыдкин*, без сомнения, высказывают большое дарование — хоть оно и зéлено еще; да говорят, он сам

сделался Голядкиным, видит двойника своего и, словом, сходит с ума⁶.

Даст Бог увидимся и тогда поговорим обо всем. О *скопцах*, вероятно, Л.А. Вам не откажет⁷. Прощайте!

В.Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.1-2. Фрагмент: *Барсуков*. VIII. 405-506.

¹ Письмо это ныне неизвестно.

² Погодин хлопотал о награждении медалью кого-то из раскольников, поставлявших рукописи и старопечатные книги в его древлехранилище. 19 апреля 1846 г. Н.И.Надеждин отвечал Погодину на эту же просьбу: «Медали, какие бы то ни было, не по моей части. Впрочем — о твоём требовании — в котором, сказать тебе по правде, нет никакого смысла — хотел писать тебе Даль» (Записки Отдела рукописей Гос. б-ки СССР имени В.И.Ленина. М., 1978. Вып.39. С.210; ср.: *Барсуков*. VIII. 405).

³ Пасха в 1846 г. была 7 апреля.

⁴ Квартира Даля была на 4-м этаже (Шумахер А.Д. Поздние воспоминания о давно минувших временах // Вест. Европы. 1899. №3. С.122).

⁵ Славянофильский альманах «Московский литературный и ученый сборник» (М., 1846; ценз. разрешение 13 мая 1846 г.), в котором участвовал и Даль («Где потеряешь, не чаешь, где найдешь, не знаешь». С.427-458, подп.: К. Луганский), вышел, по-видимому, в мае. О сложном отношении к нему Погодина см.: *Барсуков*. VIII. 312-324.

⁶ Отзыв о «Бедных людях» и «Двойнике» дан по их публикациям соответственно в «Петербургском сборнике, изданном Н.Некрасовым» (СПб., 1846) и «Отечественных записках» (1846. Т.44. №2). 29 января 1846 г. Даль писал Шевыреву: «Достоевский обещает что-то необыкновенно хорошее. Дай Бог» (ОР РНБ. Ф.850. Ед.хр.221. Л.2), а 17 октября того же года обращался к Вельтману: «Что скажешь о Достоевском? Ведь несмотря на многие и большие недостатки, большое дарование, резкость и меткость необычайные, если только сможешь одолеть слог, где на семи страницах одна точка; и если этот человек, по чудачеству своему и дикости, не погибнет, то из него может выйти много» (Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1976. Т.XXXV. №6. С.528).

⁷ Т.е. Перовский разрешит выслать Погодину «Исследование о скопческой ереси» Надеждина (см. прим.4 к письму 20; ср. письмо 29).

16²⁰ Ноября [1847. Санкт-Петербург]

Не гневайтесь, любезнейший Михайло Петрович, и не прикажите казнить, надо речь говорить: сперва выслушайте! Спасибо за *писульку*¹ (правда, что писулька — уж не письмом же это называть?), за добрую память, которая право меня порадовала, за журналы и прочие благодеяния Ваши — но не слишком корите и нашего брата, может статься, и не настолько вины нашей, как чаете. Не потому, чтобы Вам была большая нужда в повестушках моих², а потому, что это показывает небольшое внимание с моей стороны. Вы были в числе четырех, коим я распорядился послать в Москву мою книжку, как только она вышла. Получив письмо Ваше, я в тот же вечер отправился к Смирдину с запросом, и тот почесываясь то спереди, то сзади, очень простодушно отвечал, что как-то не было случая, времени и пр., и потому-де книги еще не отосланы! Поблагодарив его за это, я хотел взять книги, но он уверил меня, что распорядится завтра же, потому что у него есть в Москве 100 оттисков и пр. Вот все. Не знаю, не обманет ли опять: лучше б я послал по почте. Назначена была книга: Вам, Шевыреву, Вельтману, Языкову³.

Семейство мое так и сяк; два года жена хворала и крепко; кажется, теперь получше, после двухгодичных морских купаний; летось я возил ее в Черное море⁴. Дети здоровы, сын предназначен в художники, в зодчии⁵.

Затем двух сторон письма Вашего, под титлами и с недописками, не разберу, хоть лоб взрежь. О Надеждине ровно ничего не знаю; кто говорит, что он на Кавказе, а кто, что в других местах, где-то на славянских водах⁶.

Не пеняйте и за малое содействие в Вашем издании: здесь, по словице, выхватывают из-под задницы в рот, не дав остыть — и коли, что напишется, при многих других занятиях, то его в ту минуту и нет, даже все, что в голове заложится, поневоле раздается вперед. Нет никаких способов прислать вам что-нибудь к Январю; это и у нас пора торгов, и люди, которым *товар* нужен, давно уже обивают пороги; многим отказываешь. Я мог припасти только кой-что для Отец[ественных] Зап[исок]⁷ и Современника⁸. Не пеняйте также, что мы ценим труд свой на рубли, когда за него всегда платят наличными рублями; повесть — та же ассигнация, и лучше я отдам половину, ценя ее наличными деньгами, чем подарить целую. Вы бы сами назвали меня дураком, если б я, отец большого семейства — у меня теперь за стол садится 11 душ, — отдавал бы работу свою даром, когда за нее дают

порядочные деньги*. Если буду в состоянии что-нибудь написать в буд[ущем] году, то пришло; расчет короткий: за лист Библ[иотеки] = 56 р[ублей] сер[ебром]; за От[ечественных] Зап[исок] = 66; разочтите, что за Москвитянина!

Спасибо за обещанную посылку — но я ее еще не получил. Слово *обостолиться* более шуточное, а *опознаться*⁹ лучше. Якушкин прислал мне, с просьбой возвратить их, свои записки — карандашом, и так нечетко, что ничего не мог разобрать и возвратил. Он просил также обратить полученное прежде; я отвечал, чтобы сказал *приметы* или содержание рукописи, без этого трудно найти, архив мой велик. Пословицы мои будут печататься в Современнике, в том же виде, как был образец¹⁰; остаются на попечении моем *сказки*, целая кипа, до 500, и огромный труд, словарь. Обиходных слов, противу нынешних словарей, у меня в излишке до 30/т[ысяч]; кроме того словарь со всех концов России, разных наречий. Как и когда это окончить и напечатать? Небось Росс[ийская] Академия руку помощи не подаст! Мне бы очень хотелось повидаться с Вами и с Шевыревым, Вельтманом, для добрых советов по этому делу; во многом недоумеваю — прочитайте письмо к Шевыреву и посоветуйте! Работа тяжкая, а ума и времени мало. Здесь — удивительное дело — об этом посоветоваться не с кем; попробую поговорить с Павским¹¹. Прощайте!

В.Д.

[Приписка сбоку:]

NB. Ольхин также скопытился и скоро вылетит из трубы¹².

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.5-6об. Фрагменты: *Барсуков*. IX. 366-367; Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1976. Т.XXXV. №6. С.527 (в статье Ю.М.Акутина).

¹ Это письмо Погодина неизвестно; краткую цитату из него см. в письме 28.

² Речь идет об экземплярах изданного в конце 1846 г. (СПб.) четырехтомника Даля «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского».

³ Последний успел умереть 26 декабря 1846 г.

⁴ Ф.М.Лазаревский сообщал, со слов брата, что в июле 1847 г. Даль уехал в Одессу на три месяца (Листи до Т.Г.Шевченка 1840-1861. Київ, 1962. С.67).

⁵ Лев Владимирович Даль. См. о нем во 2-й части настоящей публикации.

---

* При всем том я делал это — но не всегда (*прим. В.И.Даля*).

⁶ В июле 1847 г. живший с Надеждиным на одной квартире профессор К.А.Неволин сообщал М.А.Максимовичу о своем товарище: «На днях он отправляется лечиться на Кавказ и по дороге туда или оттуда заедет в Киев», а 30 января 1848 г. Максимович был уведомлен, что «Надеждин возвратился в Петербург 6 генваря, проехавши через Житомир, а не через Киев, на который он не решился ехать по причине дурной дороги и необходимости спешить в Петербург» (Пономарев С. Из тридцатых и сороковых годов // Полярная звезда. 1881. №4. С.27-28).

⁷ Отец с сыном: Повесть (Посвящается С.П.Шевыреву) // Отечественные Записки. 1848. Т.56. №1. Отд. I. С.1-[46]; Картины из русского быта. I. Поверка, II. Беглянка, III. Вор, IV. Сухая беда, V. Находка, VI. Искушение, VII. Цыганка, VIII. Капитанша, IX. Кандидаты // Там же. 1848. Т.56. №2. Отд. I. С.231-264; X. Пчелиный рой, XI. Упырь: Украинское предание, XII. Полуночник: Уральское предание, XIII. Полукаменный дом, XIV. Колдунья, XV. Говор // Там же. Т.61. №11. Отд. I. С.1-40.

⁸ Рассказ Лезгина Асана о похождениях своих: Писано со слов рассказчика // Современник. 1848. Т.7. №1. Отд. I. С.5-48; Картины из русского быта. I. Нога, II. Памятка, III. Евреи и цыганы // Там же. Т.8. №3. Отд. I. С.47-64.

⁹ Ср. прим.4 к письму 4.

¹⁰ См.: Даль В.И. О русских пословицах // Современник. 1847. №6. Отд. IV. Смес. С.143-156.

¹¹ Павский Герасим Петрович (3.3.1787-7.4.1863), протоиерей, видный филолог. См. о нем обстоятельную статью А.Вольского в «Русском биографическом словаре»: СПб., 1902. Т. «Павел, преподобный — Петр (Илейка)». С.103-109. По свидетельству В.М.Лазаревского, бывал на вечерах у Даля в Петербурге (Рус. архив. 1894. №8. С.550). Погодин, считавший, что Павского постоянно недооценивают, не раз предлагал его к избранию в академики (см.: Старина и новизна. СПб., 1901. Кн.4. С.56; Погодин М. Газетные заметки и выписки // Моск. ведомости. 1863. №156. 17 июля. С.3; Его же. Напоминание о Павском // Рус. архив. 1870. №10. Стлб.1948-1951).

¹² Процесс окончательно завершился несколько позже: «Ольхин Матвей Дмитриев; Песоцкий Иван Петров. Налагается запрещение на недвижимое имение, где бы какое не оказалось принадлежащим сим двум лицам, за неплатеж ими Санкт-Петербургскому купцу Павлу Владимирову Зимину по векселю, протестованному 21 января 1848 года, 900 рублей серебром, с интересом, по числу сего иска» (Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1848. №13. 11 февраля. С.346. Ст.2605-2606). 11 же февраля 1848 г. Погодин писал М.А.Максимовичу: «И Ольхин обанкрутился! Изволь дела иметь с этими господами» (Сб-к Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1882. Т. XXXI. №2. С.46). См. также ценные материалы, собранные в комментарии Б.Л.Бессонова в кн.: Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. Л., 1984. Т.9. Кн.2. С.344, 347.

26 ноября [1847. Санкт-Петербург]

Нисколько, любезнейший и многоуважаемый Михайла Петрович, — нисколько не дуось я, и никакого недоразумения с моей стороны нет, — а выразился я второпях, может быть, крутенько и пряменько, и это, может быть, Вас поставило в недоумение. Но я отвечал резко на Ваши слова: «Москвит[янин] возобновляется на основании требований нынешнего века, т.е. с платою» и пр. Вы этим порицали заведение нынешнего века, а следов[атель-но], и людей, которые его держатся; вот почему я и сказал, что Вы-де чай издаете журн[ал] не в убыток, и каждый из нас старается, если можно, печатать свои сочинения также с выгодою. Прибавлю к этому, не пересчитывая статей, что я с давнего времени не совсем мало переслал в Москву, в журналы и сборники, бесплатно, собственно потому, что мне бы хотелось участвовать в тамошних изданиях, тогда как я тут ни одной строки не печатаю иначе, как за наличный почет, — и не вижу никакой причины, почему бы этого не делать. У меня за стол садится 11 душ, а надолго ли сил моих хватит — не знаю. Поэтому я с удовольствием готов идти к Вам в сотрудники, на предложенных Вами основаниях, т.е. считая лист Отеч[ественных] Зап[исок] в 66 р[ублей] [серебром], но все-таки теперь ничего не могу дать, потому что ничего нет. Деньги от Юнгм[ейстера] я получил; а не присылал ничего после того не столько потому, что плата несколько ниже, сколько от незнания, нужно ли Вам участие мое и выгодно ли, т.е. не обременит ли оно Вас, между тем как здесь безотступно требуют оригинальца и вырывают из-под пера. Согласитесь же сами, как же мог тут отказать и послать туда, где, за давностию времени, расчеты и отношения издателя могли измениться, и ему подобная навязчивость могла бы быть в тягость? Краевскому я отдал одну повесть и до 40 повестушек¹; Панаеву рассказ Лезгина (который прошу прочитать, это истина от слова до слова) и 3 повестушки² да еще обещал дать несколько за то, что он будет печатать также мое собрание пословиц; что затем напишется, то Ваше; а если понадобится, — смотря по будущим обстоятельствам, — еще, то уведоьте тогда при расчете, в противном случае, может случиться, что опять передам кому иному.

Вот Вам открытое, прямое объяснение с рукопожатием. Негодный и несчастный Смирдин, который так неприятно обманул меня, божится теперь, что уже распорядился насчет моих сочинений, Вам, Вельтману и Шевыреву³, коли не врет, так правду говорит; хорошо, если б Вы взяли на себя послать за ними и раздать

прочим. Пожалуйста, заверьте Шевырева, что тут виноват не я, а Смирдин. Я писал Степ[ану] Петр^{чу} недавно о Словаре своем — надеюсь, он получил письмо?⁴ Что-то мне сдается, не негодует ли он на меня за отзыв мой о его Истории Словесности⁵, в письме к нему? Я сказал, что чувствовал и думал; может быть, и ошибаюсь.

Посылки от Вас не получал еще (этнографической), а Киреевский на обстоятельное письмо мое об этом предмете⁶ — у него должно быть много запасов — молчит. Не знаете ли, где и что Якушкин? Он прислал мне свои путевые записки в карандаше, которые разобрать нет возможности, и просил возвратить, вместе с прежней посылкой; я ему отвечал, что при множестве запасов не могу узнать теперь, что именно принадлеж[ит] ему, и просил объяснить мне это, тогда я вышлю все — но он молчит. О Надоумке не знаю ничего.

Сыну моему 13 лет, был он полгода в гимназии, но я не вытерпел, взял его оттуда, по тупости учения, которое годится только для избияния всех способностей ребенка⁷. Он учится дома: Истории, Геогр[афии], языкам, математ[ике] и, главное *черчению* и рисованию. Скоро пойдет он в Академию⁸ и, надеюсь, будет путным зодчим. За ним следует четыре девочки⁹. Летом возил я жену на Черное море, купаться: немного лучше теперь, благодарю Бога. Очень бы хотелось мне поселиться наконец в Москве. Я даже просился в управляющие Удельн[ой] Конторой, когда было место праздно, да отказали.

Я думаю, если хотите рассчитывать на большее число читателей, то надо бы сделать издание Ваше немного *поживее* и не ограничиваться статьями, любопытными почти только для ученого. Как Вы, при Ваших способах, не определите, напр[имер], целого отделения на *народописание* русское, не войдете в письменн[ые] сношения со всеми губерниями о разработке этого предмета самым обширным образом? Этнография останется навсегда дорогим памятником, тогда как Геогр[афия] и Статист[ика] теряют цену через несколько лет по случаю беспрестанных перемен! Прощайте, и если будете здесь, то завертывайте прямо к нам!

В.Д.

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.3-4об. Фрагменты: Барсуков. IX. 365-366; Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1976. Т.XXXV. №6. С.537 (в работе Ю.М.Акутина). Ответ на недошедшее до нас письмо Погодина, вызванное письмом 27.

¹ См. прим.7 к письму 27.

² См. прим.8 к письму 27.

³ См. прим.2 и 3 к письму 27.

⁴ Имеется в виду письмо от 16 ноября [1847 г.] — ОР РНБ. Ф.850. Ед.хр.221. Л.6, где Даль, в частности, извиняется за недоставление «Повестей, сказок и рассказов...»: «в то же время, при выходе их, сделал распоряжение, чтобы они были доставлены Вам, Погодину, Вельтману и пок. Языкову. Смирдин — бедняку теперь, конечно, не до того — уверяет, что...» и т.д.

⁵ Шевырев С.П. История русской словесности, преимущественно древней: XXXIII публичные лекции. М., 1846. Т.1. Ч.1-2.

⁶ Это письмо Даля к П.В.Киреевскому до нас не дошло; о содержании его можно судить по повторной просьбе в письме от конца 1848 г.: «...а от Вас жду, если отыщутся: сказочек, пословиц, поговорок и слов» (Лит. наследство. М., 1968. Т.79. С.66).

⁷ В предсмертной автобиографической записке (1872) Даль говорит: «Лучшие годы жизни, убитые мною при корпусном воспитании, не могли поселить во мне никаких добрых и нравственных наклонностей; ими я обязан домашнему воспитанию. /.../ Не умею объяснить, как и чем это сделалось; но чувствую и сознаю, что это так и ныне, когда мне уже исполнилось 70 лет и когда сыну моему уже 35 лет. Я сознаю это благое влияние материнского воспитания, и сын мой, ею же воспитанный, говорит о себе то же» (Даль В.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1897. Т.1. С.ХСV); ср. также: Даль В.И. Мысли по поводу статьи: о Воспитании, в «Морском сборнике» 1856 г. Январь // Морской сб-к. 1856. Т.XXII. №7. Ч. неофиц. С.179-189.

⁸ В Академию художеств Л.В.Даль (11.6.1834, Оренбург - 21.3.1877, Москва) поступил в 1853 г. (см. подробную статью о нем в кн.: Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. М., 1976. Т.3. С.276).

⁹ Юлия (22.2.1838, Оренбург - 1863, Рим) и дети от второго брака: Мария (14.4.1841, Оренбург - ?), Ольга (10.11.1842, Санкт-Петербург - 1916; ср. прим.15 к письму 17), Екатерина (5.3.1845, Санкт-Петербург - ?; ср. прим.7 к письму 24).

29. Даль — Погодину

8 декабря 1847. [Санкт-Петербург]

По приказанию г.Министра Вн[утренних] Дел, имею честь препроводить для библиотеки Вашей известную книгу о скопцах: Надеждин находил необходимым, по собранным им позже сведениям, переработать ее и исправить многие места, почему г.Ми-

нистр и полагал передать Вам ее по исправлении; но, услышав о нетерпении Вашем, Его Вскпр^{во} приказать изволил послать один экземпляр в том виде, как он есть.

8го декабря, 1847.

Покорнейший слуга
В.Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.7.

При этой официальной записке Даль препроводил Погодину, с разрешения Л.А.Перовского, книгу Н.И.Надеждина «Исследование о скопческой ереси». СПб., 1845 (ср. прим.4 к письму 20, прим.7 к письму 26).

30. Даль — Погодину

14 декабря [1847. Санкт-Петербург]

Посылаю Вам, любезнейший Михайла Петрович, 9 повестушек; чем богаты и пр.¹ Десятка два их уже отдано в *Отечественные Записки*, несколько также в *Современник*² и десятков в *Солдатское Чтение*³. Если оне подойдут Вам, то пришлю и продолжение, нет так отдам в иное место, этим не стесняйтесь, а уведомьте по правде.

Но вот моя просьба, conditio sine qua non* : пришлите два или три оттиска их, это мне необходимо, я отсылаю подлинник, и у меня нет даже черновых⁴. Пожалуйста, этого не забудьте!

Просите Шевырева, чтоб он не сетовал за посвящение ему повести (*Отечественные Записки* 1849. №1)⁵ без предварительного разрешения: надеюсь на дружбу его. Я написал ее по его вызову или мысли, представить дельного, толкового Московского купца. Если б он удостоил ее нескольких слов, на письмо, или в разборе Москвитянина, высказав по этому поводу все, что благорассудится, то очень бы одолжил. Пусть бы указал, в чем она, напр[имер], грешит против Московского быта!

Прощайте, желаю успеха и здоровья. У нас все слава Богу.

14го декабря.

В.Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.20. Фрагменты: Барсуков. X. 310, с неверным отнесением к концу 1849 г.

¹ Вероятно, среди этих «повестушек» были некоторые из опубликованных в следующем году рассказов, принадлежащих циклу «Картины русского быта»: Авсен. — Сын // Москвитянин. 1848. Ч. I. №2. С.129-142;

* Необходимое условие (лат.)

Чуждачество. — Благодетельницы. — Заумаркина могила. — Богатырские могилы // Там же. Ч.IV. №8. С.49-76, подп.: В.Даль; в огл.: В.И.Даля-Луганского; Неправедно нажитое. — Ворожейка // Там же. Ч.V. №10. С.30-45, подп.: та же; в последней публикации принадлежность к циклу отмечена только в оглавлении. Не исключено, впрочем, что публикации в №8 и 10 базировались на какой-то иной далевской присылке (в июльском номере «Москвитянина» сообщалось, что получены и будут напечатаны в следующих книгах журнала «несколько кратких повестей нашего оригинального повествователя В.И.Даля-Луганского» — Москвитянин. 1848. Ч.IV. №7. Отд. «Моск. летопись». С.78). См. также письма 31, 33-36.

³ Родство и служба // Чтение для солдат. 1847. Кн.1. Отд.IV. С.99-107 (также напечатано: Сельское чтение. СПб., 1848. Кн.1. С.9-13); Берегись // Там же. С.126; Худой разум // Там же. С.127-128; Рукавички // Там же. 1848. Кн.3. Отд.V. С.164-167; Дай, отвечаю! // Там же. С.167-168; Медведи // Там же. Кн.4. Отд.V. С.161-165; Где горе, там и смех // Там же. С.170-171, все публикации без подп., автор указан в оглавлении. Нам представляется весьма правдоподобным мнение А.А.Зражевского (см.: Зражевский А.А. Знаем ли мы Даля? // Сов. библиография. 1990. №3. С.140-141) о том, что тексты Даля, появившиеся в этом журнале в последние несколько лет (Притча: Честь и совесть // Чтение для солдат. 1849. Кн.3. Отд.V. С.119-124, б. подп., автор указан в оглавлении; Супостаты наши // Там же. 1851. Кн.1. С.133-136; Притча о дубовой бочке // Там же. С.136-137 — эти три публикации впервые в исследовательской литературе выявлены в работе А.А.Зражевского; «Честь и совесть», а также «Притча о дубовой бочке» печатались Далем ранее: Солдатские досуги Казака Владимира Луганского. СПб., 1843. С.37-44; Сельское чтение. СПб., 1843. Кн.1. С.30-32; Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. СПб., 1846. Ч.IV. С.468-469), являются не свежеприсланным материалом, а «попридержанным до лучших времен» старым; скорее всего, они также входили в «десяток», упомянутый в комментируемом письме.

⁴ Отсутствие черновиков объясняется особенностями творческой работы писателя, описанными мемуаристом: «У В.И.Даля одно время явилось не только расположение, но настоятельная потребность писать крошечные народные рассказы или "повестушки", как он их называл. Он пек их, как блины, задавшись задачей, чтобы каждый рассказ непременно уместился в конце на четвертой странице листа. Как он ухитрялся, не понимаю, но действительно в конце четвертой страницы листа оставалось всегда ровно столько места, чтоб уместить последнюю строчку рассказа» (Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1987. С.95-96).

⁵ Описка в дате; имеется в виду повесть «Отец с сыном» (см. прим.7 к письму 27).

10 июня 1848. [Санкт-Петербург]

18^{VI}/₁₀ 48

Спешу уведомить Вас, любезнейший Михайла Петрович, что отправил к Вам тюк, в котором найдете:

1. Сертук А.С.Пушкина, простреленный¹.
2. Стихотворения его².
3. Карикатуры 12го года, 72³.
4. Рукописный словарь.
5. Рукописное собрание пословиц.
6. Разные древние рукописи, в свитках⁴.
7. Мой давнишний опыт перевода Евангелия⁵.
8. Особый тюк на имя Петра Киреевского⁶, которого квартиру не знаю и потому прошу Вас *без задержки* ему отправить.

Ожидаю затем от Вас:

1) Уведомление о получении посылки и о передаче части ее Киреевскому.

2) Мнение Ваше о переводе Евангелия.

3) Мои повестушки, в подлиннике или в копии, — прошу исполнить это!

У нас все по-старому: книгопечатни гуляют, ценсорá выходят в отставку⁷; а впрочем все благополучно, потому что на их местá поступают другие. Было бы болото, а черти будут.

В.Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.12-12об. Фрагмент (очень неисторично): *Барсуков*. X. 118.

¹ Историю этого сертука, переданного Далю Жуковским, см. в дореволюционных «Воспоминаниях о Пушкине» (А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т.2. С.263, см. также комментарий Р.В.Иезуитовой — Там же. С.488).

² «Утро было преумилительное: я получил от Даля окровавленный сертук Пушкина и тетрадь его рукописных стихотворений, и много думал об нем, читая в стихах и об Отечестве», — писал Погодин (*Барсуков*. X. 118). Вопрос о присланной Далем тетради представляет несомненный научный интерес (автографическая или писарская? состав?), но требует специального рассмотрения.

³ Об интересе Даля к лубочным картинам свидетельствует уже его ранняя статья: Dahl W.F., dr. Ueber die Schriftstellerei des Russischen Volks. // *Dorpat'er Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russlands*. Leipzig, 1835. N1. S.37-54, помета: Orenburg.

Собрание лубочных картин, относящихся к истории 1812 года, Даль подарил также вел. кн. Константину Николаевичу (см. благодарственное письмо последнего от 13 января 1855 г. — Рус. старина. 1889. №4. С.37-38). Любезная сердцу Даля идея противопоставления лубочных картин искусству высшего общества, как подлинного, народного, искусственному, не совсем корректна именно в отношении сюжетов Отечественной войны, многие из которых имеют «искусственное», авторское происхождение (см. нашу заметку «Кто сочиняет анекдоты?» // Родина. 1992. №6-7, в печати).

⁴ Близкое знакомство Даля со старопечатными книгами и рукописями видно и по некоторым эпизодам его повести «Небывалое в былом или былое в небывалом» (Даль В.И. Полн. собр. соч., СПб.; М., 1897. Т.2. С.36-38); ср. также письмо 21.

⁵ По-видимому, об этой рукописи говорит П.И.Мельников: «В.И.Даль имел также намерение передать Евангелие на языке просто-народья, но в самых строгих выражениях, и притом, разумеется, буквально. Переведенная, таким образом XIII глава Евангелия Матвея находится теперь [в 1873 г. — А.И.-Т.] в рукописи у М.П.Погодина» (Мельников 1897. С.LXXXI). Этот опыт обсуждается в письмах 35, 36.

⁶ О научном взаимодействии П.В.Киреевского и Даля см.: Лит. наследство. М., 1968. Т.79, по указ.; Соймонов А.Д. П.В.Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971. С.329-333.

В 1860-х годах Даль входил в Комиссию Общества любителей российской словесности, под надзором которой осуществлялось многотомное издание «Песен, собранных П.В.Киреевским», но по всей видимости, его участие было чисто номинальным (издание подвигалось трудами П.А.Бессонова; подробнее см.: Баландин А.И., Ухов П.Д. Судьба песен, собранных П.В.Киреевским: История публикации // Лит. наследство. Т.79. С.77-102, 117-119).

⁷ Вероятно, имеется в виду С.С.Куторга (см. о нем прим.3 к письму 16), уволенный в начале лета 1848 г. в отставку по собственному желанию (Рус. старина. 1903. №7. С.141-142).

32. Даль — Погодину

[Конец июля — начало августа 1848. Санкт-Петербург]

Афористическое [sic! — А.И.-Т.] и гиероглифическую [sic! — А.И.-Т.] записочку Вашу¹ мы получили, но смысла таинственных знаков, а в особенности намеков, не везде разгадали. Так, например, в ответ на вопрос: «а какое письмо из Франкфурта и где оно напечатано?» могут отвечать только теми же словами: «а какое письмо из Франкфурта и где оно напечатано?» Я не знаю, о чем и о каком письме Вы говорите.

Рад, что Вы получили посылку мою², я было уже стал сомневаться и хотел писать запрос. Не понимаю, куда мог деваться перевод из Еванг[елия], если его не оказалось; тогда он верно попал в пакет Киреевскому. Надеюсь, Вы его отправили?..

Надеждину дал знать со слов Ваших; мы с ним все лето не видимся, я с семьей на даче, Л.А.³ так добр, что оставил меня на время в покое, и я в городе не бываю. Много знакомых как косой срезало⁴ — у вас также все еще понемногу продолжается; здесь значительно затихло, но истинно проходу не было от гробов, которые, буквально, тянулись весь день по улицам обозами.

У нас в семье все, благодаря Бога, благополучно, а у меня в доме, старых и малых, чад и домочадцев, ровно 20 душ!

И так знаменитая статья⁵ удостоилась Вашего особенного внимания и — конечно, благоволения. Ее писал, разумеется, сам хозяин заведения⁶. Если грозитя закрыть и запечатать фабрику, которая кормит, так чай запоешь и не то!

Прощайте да хранит Вас Бог!

В. Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.10-10об. Фрагменты: *Барсуков*. IX. 302, 319.

¹ Это письмо Погодина до нас не дошло.

² Посланную при письме 31.

³ Перовский.

⁴ Во время эпидемии холеры.

⁵ Речь идет о статье А.А.Краевского «Россия и Западная Европа в настоящую минуту» (Отечественные Записки. 1848. Т.59. №7. Отд. III. С.1-20, б. подп.), имевшей целью предотвратить закрытие журнала в момент цензурного ужесточения. Погодин, познакомившийся с нею 13 июля 1848 г., нашел в ней своего рода донос на «Москвитянина» и счел необходимым составить возражение («Несколько слов и выписок по поводу статьи: Россия и Европа в настоящую минуту»), которое не было пропущено цензурой (подробное изложение этой истории см.: *Барсуков*. IX. 289-304).

⁶ Т.е. А.А.Краевский.

33. Даль — Погодину

[Август (до 19-го) 1848. Санкт-Петербург]

Лаконическое приглашение Ваше получил¹ — и порадовался благому намерению — дай Бог на сто лет Москвитянину! Но того, что мы видим и слышим, — мало: давайте дѣла, а не слов: это я говорю в качестве не сотрудника, а публики. Видывали мы объяв-

ления, обещания, преобразования... все это изверилось, нам давайте *дело*, тогда мы поверим без объявлений.

Если Вы не освоитесь с неопровержимой истиной, что журнал требует *жизни*, живых споров, бойкости и беглости, — а во-вторых, требует капитала, как всякое торговое, оборотливое предприятие, — да в-третьих, что умственные капиталы — такие же наличные деньги, — если Вы захотите сомневаться в том, другом и в третьем, то журналу ход не дадите. Один журнал на всю Москву — да чтоб ему не дать ходу!!! Но убить его можно легко, это не требует доказательств, а оживить убитого трудно. *Вы должны решиться работать два года в убыток, выплачивая сотрудникам наличные деньги с купеческою точностью*, иначе дело не пойдет. Вы, кроме того, должны предоставить самый выбор статей другому. Что Вам кажется чудо-занимательным, того никто, *никто* не разрезывает. Для кого Вы издаете журнал, на того и угождайте. *Изыщная* словесность требуется; повестей хороших давайте, без этого нельзя жить. Обзоры литературы, летопись книг, легкой руки критика — это необходимо. Преосвященные и Стурдзы — балласт. Куньи мордки, Новгородцы, Васильковичи² для 25^{ти} человек, а Вы должны писать на 2500! Если Вы сладите с Вельтманом³, если затем будете очень исправно платить всем, то через год, два пойдет дело, и Вы разбогатеете. Если нет, то Москвитянин сел, несмотря ни на какие объявления.

Не могу я теперь заняться обзорами, невозможно. Будет с вас, если доставлять буду *повестушек*, NB, коли признаются они нужными и будут уплачиваться немедленно по получении их, так как мы сдаем их в здешние склады. Наш товар не залеживается, а потому на сроки отпускать его не приходится. Повторяю, Вы должны обдумать и решиться, хотите ли проплатить в год 20/т[тысяч], 30/т[тысяч] в чаянии будущих барышей? — Коли нет, то закрывайте лавочку. А если *да*, то я вам нашел сотрудника, который готов писать здешние обозрения и напишет Вам сам условия свои, приложив тотчас же образчик работы⁴. Думаю, что обзоры месячные журнальных летописей, со сводкой их на очную ставку, — да еще обзор всей журнальной деятельности, которая одна только и дышет еще кой-как — думаю, что это придаст Москвитянину небывалую жизнь и занимательность. Но одного этого мало: давайте повестей и пр. Почему бы не помещать также обзора всех губернских ведомостей? — Поручите это моему же работнику, он сделает; через него же можно получать, коли нужно, переводы новейших сочинений, если будете платить наличными 12-15 р[ублей] сер[е]б[ром] за лист. Но ради Бога не откладывайте все улучшения до того времени, когда у вас будет 2000 подписчи-

ков: Вы должны теперь издать 4 книжки за этот год, образцовых, показав, что вы намерены и можете сделать; тогда пишите *объявления*, ссылаясь на то, что сделано, а не на то, что бы могло быть сделано; тогда у Вас на 1849 год прибудет — немного, может быть, несколько десятков, подписчиков; а Вы должны выдержать весь год, чтоб одна книжка была лучше и занимательнее другой, да в течение года рассылать по одной разрозненной книжке, поочередно, во все губернские города, то на имя Почмейстера, то Предводителя, то вицегуб[ернато]ра, то прокурора и пр., для того, чтобы поневоле ознакомить со своим журналом — а между тем печатать в *Московских* ведомостях объявления, указывая на вышедшие уже книжки — вот когда дело пойдет, и Вы в 1850 году зашибете копейку, а в 1860 будете миллионщиком! Покупайте у Загоскина роман его⁵, у Вельмана все, что у него есть; нельзя ли заставить Павлова, или ее?⁶ да издавайте книги потолще! Поручите надежному человеку — а если его нет у вас, то я его найду здесь, но с условием самой точной и добросовестной, немедленной платы — человека, который бы обрабатывал статьи о современном состоянии естественных наук, отдел очень важный, который читается охотно, а у вас его нет вовсе: ведите все науки в уровень, не жалея бумаги и печати, тогда и Ваши историч[еские] статьи будут на своем месте, не представляя уже вид частности, а дополняя общность и многосторонность.

Вот я Вам сколько надавал советов!! а если б самому пришлось исполнить?.. Не знаю; но живи я в Москве, при нынешних обстоятельствах, ни на минуту не призадумался бы посадить на предприятие это капитал. Без этого — ни шагу. Еще последнее слово: коли *одна* книжка в году выйдет не в срок, опоздает хоть двумя днями — Вы потеряли сто подписчиков. Помните это. Еще *самое* последнее слово: комиссионеры Ваши не годятся; Вы должны устроить эту часть и в конце года напечатать 3000 объявлений и разослать повсюду.

Покажите писание мое Вельману, что он скажет? — Обдумайте прежде все хорошенько, положите на бумаге и помните, что журналист *должен* посвятить себя своему делу, это не забава, между делом не делается.

Пожалуйста, убедительно прошу посылку мою Киреевскому доставьте!⁷ да Вы прислали мне всего *четыре* рассказа, а взяли *девять*?⁸ Вот и попрекнешь поневоле в неаккуратности, беспорядочности, а это самый большой порок журналиста. Надеюсь вскоре получить остальные 5, да не лучше ли печатные, в корректурных листах? Прощайте, Михайла Петрович, заболтался!

В. Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.8-9об. Почти полностью, но с неточностями: *Барсуков*. IX. 451-453.

¹ Местонахождение этого письма Погодина неизвестно.

² В 1847 г. номера «Москвитянина» открывались рубрикой «Духовное красноречие»; А.С.Стурдза — постоянный автор журнала, тяготеющий к духовной проблематике; вопрос о древнерусских деньгах (упоминаемые в летописях «куны мордки») не раз обсуждался в «Москвитянине» (см., например, обширный разбор без подписи: «Взгляд на торговлю древнейшей Руси. Статьи А.Н.Егунова, помещенные в VIII, IX и X №№ Современника настоящего года» — 1848. Ч.VI. №12. 1-я паг.); сугубо научные статьи и рецензии на исторические темы помещались почти в каждом номере.

³ «Москвитянин» 1849 года Погодин издавал в соредакторстве с Вельтманом. Привлечение Вельтмана готовилось исподволь. Н.П.Барсуков приводит запись в дневнике Погодина от 7 мая 1848 г.: «С Вельтманом и Далем о Москвитянине, за который они хотят приняться непосредственно». Комментируемое письмо является продолжением разговора, начатого во время майской встречи в Москве (Даль выехал из Петербурга ок. 28 апреля — Ведомости Санкт-Петербургской гор. полиции. 1848. №94. 30 апр. [С.8]; в Москве хотел посетить И.В.Варвинского — ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.6. Ед.хр.28. Л.2об.; ср.: *Барсуков*. X. 124; 3 мая заезжал к И.М.Снегиреву, но не застал и беседовал с ним «о художествах и пословицах» 7-го числа в обществе также приехавшего А.П.Сапожникова, на обеде у Погодина, где, очевидно, и состоялась беседа о «Москвитянине» — Снегирев И.М. Дневник. М., 1904. Т.1. С.409).

⁴ Даль имеет в виду своего молодого сослуживца Василия Матвеевича Лазаревского (26.2.1817-29.4.1890, Санкт-Петербург), в 1850-х близкого к Л.А.Перовскому чиновника Департамента уделов (через него в это время нередко сносился с Перовским Даль, некогда — в 1848 г. — устроивший Лазаревского на службу. О Лазаревском см.: Рус. архив. 1894. №8. С.537-540; Рус. библиофил. 1914. №4. С.5-7. Лазаревский работал вместе с Далем над составлением Словаря, обрабатывая малороссийские материалы (сводку сведений об этом см.: *Канкава 1958*. С.57-59), оставил воспоминания о своем благодетеле и пригосте-вил к печати двустороннюю переписку с ним (Рус. архив. 1894. №8. С.540-580; не попавшие в эту публикацию письма Даля см.: РГАЛИ. Ф.277. Оп.1. Ед.хр.62. Л.3-4об., 52-52об., 54, 55, 57, 65, 67, 68-68об., 70, 71). В 1846 г. Лазаревский имел опыт существования литературным трудом (Рус. архив. 1894. №8. С.544) и, поступив на службу, желал продолжить литературные упражнения (биобиблиографическую справку о его занятиях словесностью см.: Звенья. М., 1950. Т.8. С.357-358). 19 августа 1848 г. он писал Погодину: «Милостивый Государь Михаил Петрович. Владимиру Ивановичу угодно было сделать мне честь — предложить работы по издаваемому Вами журналу». Далее вниманию Погодина предлагался образчик работы — нечто вроде дайджеста обозреваемых книг — и следовало указание на трудность добывания книг. «Владимир Иванович, вероятно, говорил Вам и о еже-

месячных обзорах Журналов... Если бы Вам угодно было согласиться с этой мыслью — не могли бы Вы назначить помесечной платы в 120 сер. за *все* работы, и 60 — без обозрения журналов». При таком условии Лазаревский сумел бы договориться с книгопродавцами о новых книгах и журналах (см.: ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.18. Ед.хр.23. Л.1-2об.).

⁵ См. прим.7 к письму 35.

⁶ Т.е. Николая Филипповича или Каролину Карловну Павловых.

⁷ См. письмо 31 и прим.6 к нему.

⁸ См. прим.1 к письму 30.

34. Даль — Погодину

[*Ноябрь (не позднее 7-го) 1848. Санкт-Петербург*]

Ну, любезный Михайло Петрович, человек Вы истинно добрый и хороший — а пива с Вами не сварить. Кто б мог ожидать, что после всех предварительных разговоров наших и переписок — на присланное Вам предложение и работу¹ последовало — *молчание*!! Воля Ваша, а этак никакого путного дела не сделаешь. В какое ж Вы меня положение ставите, и для чего было затевать? Поймите меня, Михайло Петрович: я бы несколько не прогневался *отказу*, потому ли что дорого, потому ли что гнило — это Ваш расчет, и Вы в своем праве; но нельзя не отвечать вовсе...

Получил ли Киреевский мою посылку², я и этого не знаю, и он молчит! Надеюсь, что Вы получили обстоятельное письмо мое, на целом листе?³

Надоумку вижу не часто, он занят делами и ко мне почти не заглядывает. Мои работы, особ[енно] пословицы и поговорки, подвигаются, но медленно; очень хлопотно и мешкотно. В день больше разряда не разберешь, а разрядов 150! Если Бог попустит, то думаю печатать у Вас, в трудах Общества⁴, а так ценсура не пропустит.

Если вздумаете рассчитаться со мною за повестушки, — которые, впрочем, при прочих неблагоприятных обстоятельствах⁵ составят для Вас один только бесполезный расход — то не делаете ли это через вашего Кораблева⁶, уведомив меня?

А каковы наши словаки?⁷ Попомните слово мое, они еще зададут чесу маджарам и немцам. Трудно поднять медведя, а расходится, беда. Если все они зашевелятся, то унять будет мудро; разве перессорятся между собой!

Прощайте, Михайло Петрович, да хоть плюньте: «благодарю за старание, да услужливый дурень хуже вóрога!»

В.Даль

¹ Имеются в виду письмо В.М.Лазаревского (см. прим.4 к письму 33) и собственное предложение Даля помочь «Москвитянину» «повестушками» (письмо 33).

² См. письмо 31 и прим.6 к нему; ср. письмо 33.

³ Письмо 33.

⁴ В «Трудах Общества истории и древностей российских при Императорском Московском университете», где появилась обширная публикация песен, собранных П.В.Киреевским (1848. Ч.III. №9), которая и подала мысль Далю воспользоваться тем же научным периодическим изданием (см. написанное около этого времени его письмо к П.В.Киреевскому — Лит. наследство. М., 1968. Т.79. С.66).

⁵ Имеется в виду ужесточающаяся цензурная ситуация.

⁶ Кораблев — управляющий московской конторой «Москвитянина» (см.: *Барсуков*, по указ. в т. XXII). Весьма возможно, что это был Степан Петрович Кораблев (ум. не ранее 1873, см. его письма к Погодину за 1869-1873 гг. — ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.16. Ед.хр.51), брат (?) известного петербургского книгопродавца и издателя душеполезной литературы Николая Петровича Кораблева (ок.1815-6.7.1877). С.П.Кораблев в 1850-е годы писал для газет, в частности, для «Сына Отечества» А.В.Старчевского (Там же. Л.1).

⁷ Имеется в виду вооруженное вторжение в Словакию отряда словацких и чешских добровольцев, после чего 19 сентября 1848 г. была провозглашена самостоятельность Словакии в рамках Венгерского королевства (отряд, впрочем, вскоре был разбит и отступил в Моравию). См.: Освободительное движение народов Австрийской империи. Возникновение и развитие: Конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980. С.457-462.

35. Погодин — Далю

Дек[абря] 2. 1848. [Москва]

Как же Вы, любезнейший Владимир Иванович, пишете Картины из Русского быта¹, и до сих пор не доведались, что окказии, обещания приятеля исполнить то или другое поручение, успею завтра, справиться надо, затерял письмо, не знаю адреса, позабыл имя, вместе с авось, как-нибудь, кое-как, принадлежит к отличительным качествам и обыкновенным случаям в жизни Русского человека, причиняя ему беспрестанно кучу неприятностей, принуждая закаиваться, и увлекая на другой день к тем же самым грехам!

Вот, например, послали вы письмо ко мне с вопросами и проч.², чрез Правителя Канцелярии³. Кажется, лицо официальное,

точное, исправное. Но все-таки он Русский человек! и держит он у себя письмо ко мне и неделю, и другую, и третью: завтра, некогда, и проч., и наконец забывает о нем совершенно. Ну вот мне приходит нужда до Прав[ителя] Канцелярии (представить себя и Москвитянина Генер[ал]-Губернатору, что откладывалось также шесть месяцев, под разными благовидными предложениями), и пишу я к нему незнакомому письмо: нельзя ли книги мои представить, а меня извинить и проч. Получает он письмо, видит подпись и припоминает: а, да у меня есть посылка к этому господину, — и вот получаю я ее только ныне.

Помните ли также ваши повести, посланные мне с Симбир[ским] Предводителем⁴ в Ноябре или Октябре для Январской книги журнала, а он доставляет их мне чуть ли не в Марте. Помилуйте, что это вы сделали? Ничего, говорит он, я все откладывал отъезд!

Читая все это, вы между тем удивляетесь: что де стало с П.: пишет он на большом белом листе и довольно четко, да и рассказывает Картины из Русск[ого] быта. А вот что: я только что справился с самым задорным из наших древних витязей, Изяславом Мстиславичем, которого подвиги, на беду описаны претолково в летописях, я отмахал около 20 листов в две недели — задались пресчастливые — и вечерок выпал мне пресвободный: жуирую, смотря на десть исписанной бумаги, и делать нечего, спать не хочется; пускаюсь я лясы точить. Не шутя — такого прекрасного настроения давно в душе не бывало, перо так пляшет, а в воображении представляются ясные образы. Если б Бог продлил такое состояние, то был бы я очень рад, и работа моя подвинулась бы много. Но к делу.

Отделение легкой словесности Библиогр[афии] и пр.⁵ принадлежит Вельтману; я и отдал тотчас ему на рассмотрение статьи г.Лазаревского, для сообщения ответа. Он был то расстроен, то зубы болели, то я не мог видиться, ибо времени оставалось впереди мало (Русские причины), и я получил от него решительный отрицательный ответ о статьях только к месяцу. Тогда же и дернул писульку к вам в письме Надеждина, который уже уведомил меня, что доставил ее по адресу. Не понимаю, как вы не получили ее. Неужели я надписал другой адрес! Вместе с вашей запиской послал же я к нему другую запечатанную, и вовсе без адреса! Послушайте — теперь низошло на меня вдохновение, а осень сидел я над такими работами, что просто голова трещала, и не мудрено, если к полночи случались подобные окказии. Исследование о городах в вашем журнале⁶ — роман, в сравнении, например, с анализом междоусобных войн или Половецких набегов. К г.Лазаревскому

я написал особое письмо, — в этом я почти уверен, тем более, что его письма не нахожу я теперь в ящике неотправленных писем. След[овательно], оно перешло уже в другой ящик, что бывает только по ответе.

Рецензии из Петерб[урга] получать, я согласен с Вельтманом, неудобно, ибо не все книги в один месяц рецензируются во всех журналах; дожидаться же, пока они обойдут весь круг, невозможно. Я хочу предложить Вельтману, чтоб он отнесся к Лазаревскому о статьях: Петербургские новости. Вот это, я думаю, будет очень хорошо и интересно. Мы с Вельтманом согласились издавать журнал пополам или Лампопо, как говорят у нас в одной Гостинице. Все пополам кроме убытков, которых авось Бог даст, не будет. Капиталу я обязан положить 17500. На его часть — легкое и приятное чтение, а на мою тяжелое, и такое, от которого рыло воротит, иначе: у меня тяжелая артиллерия, а у него легкая кавалерия. Я советую ему теперь и имя поставить на журнале свое: редактор Ал.Вельтм[ан], дабы публика, угощенная мною так, что не забудет до новых веников, уверилась бы в перемене издания. Дух, впрочем, все тот же, направление то же, и проч.

Вот вам оглавление 1 нумера: Русс[кие] в немец[ком] кафтане, роман *Загоскина*⁷.

Преострое и занимательное Путеше[ствие] Гр[афа] *Ростопчина*, старин[ное?] по Пруссии⁸. Стихи *Вяземского*⁹, *Языкова*¹⁰, Критич[еские] статьи Шевырева, Вельтмана, мои¹¹. Статья *Хомякова*: Нынеш[нее] время, Россия и Европа¹². Статья *Жуковско-го*¹³. Статья Вельтмана о Венгрии¹⁴. Стурдзы новости на востоке¹⁵, Е.К. Путешествие в Африку¹⁶, и проч. Книг будет 24, по 2 в месяц. Вчера только вышла последняя книга Моск[витянина] нынеш[него] года, и я теперь могу свободно думать о новом, вместе с ним¹⁷. Мы увидимся в Субботу, и напишем к вам письмо о вашем участии. Главное — надо огласить существование и исправность. Вот если бы г.Лазар[евский] написал обозрение 1848 года с некоторым экскурзиом и о прошедших, в Инвалиде или Петерб[ургских] газетах или Пчеле. Похвал не просим, но просим только вот чего: есть, де, в таком-то городе, такой-то Журнал, и в нем такие-то диковинки¹⁸. Мы были бы очень благодарны. Перо, как видите, иступилось. Чиню а между тем перечитываю ваше письмо. Скверно, точно скверно! Виноват. Но неужели г.Лазаревск[ий] не получил моего письма. Повторяю — я уверен, что отвечал ему и верно написал в адрес. Простите меня, прошу не шутя, попросите извинения и у г-на Лаз[аревского]. — Виноват я впрочем, право, не без некоторых оправданий: ездил в деревню¹⁹, тяжело приходилось на несколько времени, — ну, руку!

Посылка Кир[еевскому] лежала у меня долго, потому что я боюсь такие вещи подвергать случайностям дороги даже по почте, но я спрашивал Ав[дотью] Пет[ровну] или Ив[ана] Ва[сильевича]²⁰, что делать с посылкою. Наконец, и это давно, Нат[алья] Петр[овна]²¹ прислала ко мне человека за нею, и я отдал своими руками.

Общество наше лишилось Цензуры, вследствие безумной неосторожности Секретаря и... не знаю какого свойства Президента, который, взяв все на свою ответственность, не мог или не умел отстоять нашего драгоценного права²².

В повестушках, как вы называете, мы разочтемся непременно в январе месяце²³. Журнал мы думаем посылать на имя Давыдова²⁴, от которого будут получать книгопродавцы на деньги, а иначе их не получаешь по полугоду или даже никогда. Ваша квартира внутри города, но ведь вас заставят они не могут дома. А если б вам можно было уступить это, только на первую книгу, то вы одолжили бы нас очень много; т.е. мы пришлем к вам Первый номер, книгопродавцу N нужно 10 экз[емпляров], он заплатит вам деньги, и возьмет 10 книг, а вы напишете нам, чтоб такому-то высылать 2 книги по 10 экз[емпляров]²⁵.

О Венгерц[ах] и Сло[ваках] я говорил и писал, даже в вашей спальне²⁶, то, что теперь происходит изо дня в день²⁷, — да не хотели слушать меня: несть пророку чести²⁸.

Перевод ваш²⁹ очень хорош, сам по себе, но в отношении к священному и Божественному подлиннику вы позволили себе много вольностей. Есть много слов вставных и объяснительных. От церковных тоже не удержались совершенно: гортань, сотворение, скрежет, поучал, премудрость, праведник, беззаконный. Но я прочел его еще вскользь.

Вельтман хочет жить со всеми в мире³⁰. От мира и я бы не прочь, если б все не трогали древней Русс[кой] Истории, старой Литературы с Ломон[осовым], Держ[авиным], Карам[зиным] и проч. Не касались Религии, не посягали на брак, а в прочем что угодно...

Я буду выходить на сцену как можно реже; получил от Академии тысячу серб. в год на три года³¹ для успешного окончания Исследования³², совершенно доволен, при пенсии, ничего не хочу боле, и рад — рад буду, если из этой скверной журнальной грязи вылезу совсем. Тошнит уже меня давно!

Уведомьте меня, прошу вас, о г-не Корн.³³ Что это за человек, какого образования, направления, расположения. Я не видал его еще в глаза, а может быть, дойдет до него дело, по нынешним обстоятельствам, когда Ген[ерал]-Губ[ернатор] Мск. всем за-

ведывает. Если он человек добрый и хороший, то порекомендуйте и меня ему покрепче. Имя встречалось как-то в печати. Прощайте, еще извиняюсь и иду спать.

Ваш М.Погодин

[Приписка на первом листе письма:]

Есть у меня кое-что для вас, но жду okazji³⁴.

ИРЛИ. №27.372. Л.3-4об. Ответ на письма 33 и 34.

¹ Цикл рассказов Даля, печатавшийся в 1848-1857 и 1867-1868 гг. (название принадлежит А.А.Краевскому); ср. прим.7 и 8 к письму 27, прим.1 к письму 30.

² Письмо 34.

³ Сослуживец Даля И.Г.Сенявин писал С.Д.Киселеву: «Письмо будет иметь честь вручить Вам статский советник Федор Петрович Корнилов, избранный у нас в Министерстве графом Арсением Андреевичем [Закревским, московским военным генерал-губернатором. — А.И.-Т.] для занятия должности управляющего генерал-губернаторской канцелярии. Я вам его рекомендую как честного, благородного и образованного человека, а потому и прошу Вас оказать ему благосклонный прием — и ознакомить с Москвою по мере сил и возможности» (ОР РГБ. Ф.129. Карт.19. Ед. хр.7. Л.19-19об.; адресат сделал помету о получении этого послания 11 ноября 1848 г., что и служит основанием для датировки письма 35 нашей публикации). О Ф.П.Корнилове (7.3.1809, местечко Домбровицы Волынской губ. - 24.8.1895, под Харьковом, на пути в Крым, похоронен в усадьбе Зиновьево Костромской губернии) см.: Барсуков. IX. 333; Моск. ведомости. 1895. №234. 26 авг. С.4; Новое время. 1895. №7002. 27 августа. С.3-4; Ист. Вестник. 1895. №10. С.304; Наблюдатель. 1899. №1. С.360-361. Ср. письмо 36.

⁴ Не исключено, что имеется в виду симбирский губернский предводитель дворянства Николай Тимофеевич Аксаков, отец А.Н.Аксакова, с которым через несколько лет сблизился Даль. Повести, о которых говорит Погодин, вероятно, были посланы ему при письме 30 от 14 декабря 1847 г. Впрочем, может иметься в виду и бывший предводитель в предшествующее трехлетие — гвардии подполковник Михаил Михайлович Наумов.

⁵ В «Москвитяине».

⁶ Погодин М.П. Розыскания о городах и пределах древних русских княжеств, с 1054 по 1240 год / Прим., испр. и доп. Н.И.Надеждина и К.А.Неволина // Журнал Мин-ва внутр. дел. 1848. Ч.23. №7. С.70-146; №9. С.429-471; Ч.24. №10. С.91-127; №11. С.187-211. Об обстоятельствах публикации этого исследования см.: Барсуков. X. 43-44.

⁷ Загоскин М.Н. Русские в начале осмнадцатого столетия: Рассказ из времен единовластия Петра Первого // Москвитянин. 1849. Ч.1: №1. Отд.1. С.1-68 (в огл. помечено: Ч.11. Главы 1, 2, 3, 4, 5; публикация про-

должалась в №2-4). В рукописи отрывок из этого романа (изданного тогда же полностью при «Москвитянин» отдельным изданием в двух томах) назывался «Русские в немецких кафтанах, рассказ из времен единодержавия Петра Первого» (описание рукописи Загоскина на 62 листах см. в кн.: Дворецкая Н.А. Каталог собрания автографов М.П.Погодина. Л., 1960. С.54. №240), ср.: Москвитянин. 1849. Ч.І. №2. Отд. VI. С.57. Об отношении Погодина к этому произведению см.: Барсуков. X. 294-295.

⁸ Путешествие в Пруссию графа Ф.В.Ростопчина // Москвитянин. 1849. Ч.І. №1. Отд. I. С.69-92 (продолжение было помещено в №10, 13, 15). Об обстоятельствах появления этой, имевшей большой успех (см.: Москвитянин. 1849. Ч.І. №2. Отд. VI. С.57; Старина и новизна. СПб., 1901. Т.4. С.54, 120, 151) антизападнической публикации см.: Барсуков. X. 370-371.

⁹ Князь Вяземский [П.А.]. Зима («В дни лета природа роскошно...») // Москвитянин. 1849. Ч.І. №1. Отд. I. С.95-96, помета: Ноябрь 1848 г.

¹⁰ Языков Н. Послание («Вы скоро и легко меня очаровали...») // Москвитянин. 1849. Ч.І. №2. Отд. I. С.188; другое языковское «Послание» было помещено в №5.

¹¹ В 1849 г. большинство рецензий стало печататься в «Москвитянин» с подписью или инициальной маркировкой в оглавлении.

¹² Эта статья, заглавие которой не скрывает намерения полемизировать с упоминавшейся статьей Краевского в «Отечественных записках» (см. прим.5 к письму 32), не появилась в «Москвитянин». По-видимому, о ней говорится в письме Хомякова к А.Н.Попову б.д. (Хомяков А. С. Соч. М., 1900. Т.8. С.103-105) и, может быть, в письме к А.Д.Блудовой от 26 ноября 1848 г. (Там же. С.390-391).

¹³ Жуковский В. Две сцены из Фауста // Москвитянин. 1849. Ч.І. №1. Отд. III. С.13-18. О цензурных затруднениях, с которыми сталкивалась в 1848 г. эта богословская статья, см.: Барсуков. IX. 381-385.

¹⁴ [Вельтман А.Ф.]. Венгрия: Исторический обзор // Москвитянин. 1849. Ч.І. №1. Отд. V. С.1-8, б. подп. (авторство раскрыто в огл.); [Вельтман А.Ф.]. Венгрия и Кроакия: Исторический обзор. (Статья II) // Там же. №2. Отд. V. С.37-44.

¹⁵ Стурдза А. Новейшие церковные события в Константинополе // Москвитянин. 1849. Ч. II. №1. Отд. V. С.79-83, помета: Одесса. Ноября 15-го дня. 1848. Об этой статье см.: Барсуков. X. 304.

¹⁶ Вероятно, имеется в виду: Путешествие Августа Гаусмана, в 1844-1846 годах // Москвитянин. 1849. Ч.І. №1. Отд. II. С.1-36 (продолжение в №3, 5, 8). Буквы Е.К. в комментируемом письме, по всей видимости, указывают на то, что перевод и реферирование этого источника осуществлялись Еленой Ивановной Крупенинковой, вскоре оформившей свой брак с А.Ф.Вельтманом.

¹⁷ Т.е. с А.Ф.Вельтманом.

¹⁸ Форма просьбы Погодина перекликается с известной репликой Бобчинского («Ревизор», д.4, явл.VII). «Напиши-ка ты обозрение "Москвитянина" для какой-нибудь газеты, — просил Погодин М.А.Максимовича 6 августа 1848 г. — Нужно огласить его и все существенное и новую исправность» (Сб-к Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1882. Т.XXXI. №2. С.48).

¹⁹ Имеется в виду поездка Погодина в сентябре 1848 г. в Поречье гр. С.С.Уварова (*Барсуков*. X. 134-137).

²⁰ А.П.Елагину или И.В.Киреевского.

²¹ Жена И.В.Киреевского Н.П.Киреевская (3.5.1809-14.3.1900), писавшая Погодину: «У Вас находится кипа песен от В.И.Даля, для передачи П.В.Киреевскому, который узнав о сем, просит Вас через меня, прислать все эти песни с сим подателем ко мне, а я перешлю их с сегодняшнею почтой к П.В. в Орел» (ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.15. Ед.хр.37. Л.14). Очевидно, что источником сведений Киреевского о посылке стало письмо Даля к нему (Лит. наследство. М., 1968. Т.79. С.66).

²² Имеется в виду известная история с запрещением «Чтений в имп. Об-ве истории и древностей российских» из-за разрешенных к печати председателем Общества графом С.Г.Строгановым записок о России английского дипломата XVI в. Джилза Флетчера. Секретаря Общества О.М.Бодянского велено было удалить в Казань. Подробное описание этого случая с развернутым представлением позиции Погодина см.: *Барсуков*. X. 154-182. Несколько иной взгляд на происшествие можно найти, например, в кн.: Никитенко А.В. Дневник. [Л.], 1955. Т.1. С.313-314.

²³ Запись о гонораре Далю за 1848 г. см. в одной из записных книжек Погодина — ОР РГБ. Ф.231/I. Карт.47. Ед.хр.35. Л.4об.

²⁴ Ивана Ивановича Давыдова (15.6.1794-15.11.1863), филолога, академика, в это время переживавшего дружеское сближение с Погодиным и ставшего главным посредником между московским историком и министром Уваровым (см., например: *Барсуков*. X. 128). О сложных взаимоотношениях Давыдова с Далем см. во 2-й части данной публикации.

²⁵ Эта схема распространения подписки была разработана в свое время для «Москвитянина» книгопродавцем И.Т.Лисенковым (см. письмо А.Ф.Бычкова к Погодину 24 декабря 1840 г. // ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.6. Ед.хр.15. Л.11об.-12).

²⁶ Возможно, во время приезда Даля в Москву в начале мая 1848 г. (см. прим.3 к письму 33).

²⁷ «Европейские географы стараются без памяти узнать внутренность Африки, радуются без ума, открывая какой-нибудь бесплодный остров на отдаленном океане, а Европы не знают! Как не знают Европы? Да не перед нашими ли глазами только Бан Иеланич мог растолковать им, уже под Веною, что словен в Австрии двадцать миллионов, а немцев пять?» — писал чуть позже Погодин в «Москвитянине» (1849. Ч.I. №1. Отд.IV. С.33).

²⁸ Выражение, восходящее к Новому Завету (Матф. Гл.13. Ст.57; Марк. Гл.6. Ст.4; Иоанн. Гл.4. Ст.44).

²⁹ Евангелия (см. письмо 31 и прим.4 к нему).

³⁰ Об утишении со вступлением Вельтмана в редакторскую должность полемического духа «Москвитянина» по сравнению с временами Шевырева см. также: *Барсуков*. X. 354-355.

³¹ Многомесячные хлопоты Погодина (через И.И.Давыдова и С.С.Уварова) о получении этого пособия успешно завершились 20 ноября 1848 г. (см.: *Барсуков*. X. 128-131).

³² Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции М.П.Погодина о русской истории. М., 1846. Т.1. Вступление. Об источниках древней русской истории, преимущественно о Несторе. Т.2. Происхождение варягов Руси. О славянах. Т.3. Норманнский период. М., 1850. Т.4. Период удельный. 1054-1240. М., 1857. Т.5. Период удельный. М., 1855. Т.6. Период удельный. 1054-1240. М., 1856. Т.7. Период удельный. Внутренние учреждения.

³³ Т.е. о Ф.П.Корнилове (см. прим.3 к наст. письму и письмо 36).

³⁴ См. письмо 37.

36. Даль — Погодину

18 дек[а]б[ря] 1848. Санкт-Петербург

Вот спасибо за письмецо, так спасибо! стало быть в счастливый час принялись Вы за перо!.. Но времена шатки, береги шапки; тяжело будет вам теперь издавать журнал... боюсь даже, что бросите. О моих похождениях вам теперь, конечно, уже давно известно, по выговору ценсору¹, разумеется, что я теперь уж более печатать ничего не стану, покуда не изменятся обстоятельства. Но Вы мне все-таки одной повестушки моей не выслали — той, что не была и не будет напечатана — прошу прислать не откладывая!²

Корнилов человек весьма хороший; идите к нему просто, коли что нужно, да кланяйтесь от меня. Вы найдете в нем очень образованного, умного, любознательного и благородного человека. То, что у Вас есть для меня, как пишете, прошу прислать; случаев много из Москвы, каждый день, стóит захотеть ими воспользоваться; а как засунется под сукно, то и пролежит годы.

Относит[ельно] перевода Свящ[енного] Пис[ания] мы стало быть не совсем поняли друг друга: я не называю церковным или славянским то, что уже принято в русс[ком] языке и понятно каждому; я говорю не о *корнях*, есть и татарские и финские слова, но они употребляются в простом разговоре, а потому русские.

С окончанием большого труда поздравляю. Когда будете опять писать — или отдайте хотя об этом записочку Вельтману — то скажите, можно ли принять *исторически*, что Великая Русь вышла из Малой или Южной? — Я дошел до этого *филологически* и убежден в этом: когда Киев и Полоцк говорили славянским наречием, на Великой Руси жила *чудь*; позже *Ильмень* заселился славянами, язык был перенесен, и остальная Русь постепенно насаждалась и обрусела...³

Пожалуйста, не забудьте благодарить Киреевского за песни⁴; но вы все-таки не пишете, получил ли он мою посылку через Вас!?!?

Писульку в письме Надеждина я получил⁵, но уже после отправления к Вам ругательного послания⁶. Надеюсь, писулька без адреса была не ко мне? По крайности, я ее не понимал, и к себе не относил.

Затем, писовый кланяюсь... будьте здоровы и благонадежны.

В.Даль

[На адресной стороне:]

Михаилу Петровичу
Погодину
от Даля.

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.16-17. Фрагменты: *Барсуков*. IX. 288, 333; X. 45-46. Ответ на письмо 35.

¹ Имеется в виду история с цензурными гонениями, вызванными рассказом Даля «Ворожейка», опубликованным в октябрьской книжке «Москвитянина» (см. прим.1 к письму 30). В нем члены комитета 2 апреля 1848 г. (сам Даль грешил на М.А.Корфа — см. письмо от 25 августа 1852 г., печатающееся во 2-й части настоящей публикации) усмотрели намек на онтологическую склонность российского начальства к бездействию. 25 ноября председатель комитета 2 апреля Д.П.Бутурлин уведомил об этом С.С.Уварова (*Барсуков*. IX. 287), а 10 декабря на заседании Московского цензурного комитета был объявлен выговор пропустившему рассказ цензору В.Н.Лешкову (Шукинский сборник. М., 1902. Вып.1. С.309-310; ср. [Стасов В.В.] Цензура в царствование императора Николая I // Рус. старина. 1903. №4. С.144). Погодин счел необходимым на основании случая с одной из «Картин из русского быта» предостеречь Вельтмана, автора «Приключений, почерпнутых из моря житейского»: «Печальное известие *по секрету*: ценсор получил выговор по Высочайшему повеле[нию] за то, [что] пропустил в [1 слово неразборчиво. — А.И.-Т.] картинке Даля Ворожейка см. №10: Тем и дело кончилось. По этому можете судить. Приключения надо послать в Петерб. да в III Отделение, либо здесь к гр[афу] Закревск[ому]. Прочтите Даля и сравните после ваши Прикл[ючения]» (ОР РГБ. Ф.47/II. Карт.5. Ед.хр.7. Л.103). Некоторые подробности дела сообщает хорошо осведомленный А.В.Ни-

китенко, записавший 1 декабря в дневнике: «...Бутурлин действует в качестве председателя какого-то высшего, негласного комитета по цензуре и действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать. Вот недавний случай. Далю запрещено писать. Как? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и он попал в коммунисты и социалисты? В "Москвитяине" напечатаны его два рассказа. В одном из них изображена цыганка-воровка. Она скрывается; ее ищут и не находят, обращаются к местному начальству и все-таки не могут отыскать. Бутурлин отнесся к министру внутренних дел с запросом, не тот ли это самый Даль, который служит у него в министерстве? Перовский призвал к себе Даля, выговорил ему за то, что, дескать, охота тебе писать что-нибудь, кроме бумаг по службе, и в заключение предложил ему на выбор любое: "писать — так не служить; служить — так не писать".

Но этим еще не кончилось. Бутурлин представил дело государю в следующем виде: что хотя Даль своим рассказом и вселяет в публику недоверие к начальству, но, по-видимому, делает это без злого умысла, и так как сочинение его вообще не представляет в себе ничего вредного, то он, Бутурлин, полагал бы сделать автору замечание, а цензору выговор. Последовала резолюция: "сделать и автору выговор, тем более, что и он служит"» (Никитенко А.В. Дневник. [Л.], 1955. Т.1. С.312-313).

Разительное несоответствие масштаба этого скандала вызвавшим его событиям заставляет предположить, что «Ворожейка» явилась лишь поводом, а подлинной причиной гонений на Даля, возможно, стало упоминание его имени в адресованном в III Отделение доносе Ф.В.Булгарина на «Отечественные записки» («Записка Ф.Булгарина о цензуре и коммунизме в России: Приложение к письму его к Л.В.Дубельту от 6 марта 1848 г.»): «У министра внутренних дел самое доверенное лицо Даль, а Краевский платит ему на вес алмазов за его сказки, а Даль через губернаторов распространяет журнал» (Голос минувшего. 1913. №3. С.225).

Возможно, в некоторой связи со скандалом из-за «Ворожейки» находятся уничтожение Далем в 1848 г. его многолетних дневниково-мемуарных записок (обзор содержания этого утраченного памятника см.: *Мельников 1897*. С.LVI-LVII), прекращение, по требованию Л.А.Перовского, далевских «четвергов» (об этих учено-литературных собраниях см.: Самарин Ю.Ф. Соч. М., 1880. Т.5. С.LXXXIV; *Мельников 1897*. С.LV; воспоминания В.М.Лазаревского — Рус. архив. 1894. №8. С.545; Литвинов В.В. Первая памятная книжка Воронежской губернии. 1856-1906: Ее содержание и сотрудники. Воронеж, 1906. С.5; Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1987. С.96; *Порудоминский 1971*. С.280-281) и поданная им через несколько месяцев просьба о переводе из Петербурга.

² Ср. письмо 37 и прим.1 к нему.

³ Вопрос мотивирован историко-географическими исследованиями Погодина (в частности, опубликованным в «Журнале министерства внутренних дел» — см. прим.6 к письму 35). Ответ см. в письме 37.

⁴ Т.е. за присылку (вероятно, в виде отдельного оттиска) публикации: Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Часть 1-я.

Русские народные стихи // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1848. Ч. III. №9. Отд. IV. С. I-VIII, 145-226.

⁵ Т.е. адресованную Далю приписку в письме Погодина к Н.И.Надеждину; см. об этом в письме 35.

⁶ Т.е. письма 34.

37. Погодин — Далю

25 декабря [1848. Москва]

Вот и еще пишу я вам с оказией, любезнейший Владимир Иванович! Посылаю вам ваше мертвое тело¹ — если б оно вышло теперь в свет, то, по пропорции, вас следовало бы за него вздернуть. Боже мой! Что это делается у нас! Какие подлецы осмеливаются тревожить нашего доброго Царя из таких невинных пустяков, и употреблять высочайшее имя его всеу². Сделайте милость, уведоьте меня — для соображения. Можете себе вообразить, как застрашена у нас вследствие этого Цензура, а у вас все-таки проскакивают в Петербурге разные вещи, или уже это только по пословице, что мы видим сучья в чужих глаза, не видя бревен в своих.

Великороссияне жили на юге — не иное ли еще какое племя, среднее между Великороссиянами и людьми пропавшими церковного наречия. Повторяю вам, не принимайте всех моих лык в строки. Мне приходят мысли об этих предметах только случайно, но я на них не останавливался, потому что мысли мои устремлены в другую сторону. Лишь только я осмотрю там, тогда обращусь сюда, обдумаю и сообщу Вам. Теперь я уверен только, что в *Киеве, Черниго[ве] и проч. до Татар жили не нынешние малороссияне.*

Нынешнюю ночью, на Рождество, кто не давал мне покою — как бы вы думали? Курск. Только закрою глаза, как тотчас представится вопрос, куда он принадлежал — к уделу Всеволодову или Святославу, т.е. к княжеству Переяслав[скому] или Черниговскому. Заснул в уверенности, что к последнему, а проснувшись, опять получил сомнение.

Подписка пошла, кажется, хорошо. Не дождавшись вашего ответа, я воспользовался предложением г.Родионова³. Я и буду просить из первых денег вручить вам долг Москвитянина.

Прилагаемые объявления рассыпьте по Министерству⁴.

Не было ли вам неприятности от Министра вашего⁵.

Замечу в вас прекрасную черту: другой бы тотчас дал заметить — «вот ввели вы меня, де, в какую неприятность».

За то вот вам средство удерживать пчел в своем пчельнике: найдите лошадиные пути и обойдите три раза ваш пчельник, приговаривая: три-девять с путем.

Еще средство: влеток надо устраивать в исподней должее⁶.

Еще тетрадку посылаю в придачу.

Обнимаю вас крепко.

Г.Лазаревского будут просить о Петербур[гских] Новостях⁷.
Преданный

М.П.

25 Дек[абря]

Посылка вручена лично посланному Натальи Петровны Киреевской⁸.

ИРЛИ. №27.372. Л.12-13. Ответ на письмо 36.

¹ Т.е. принадлежащий к циклу «Картины из русского быта» рассказ «Мертвое тело». Опубликован в 1857 г. в «Русской беседе» (Т.П. №6. Отд. I. С.121-128), когда, после смерти Николая I, Даль снова стал активно печататься. Автограф (очевидно, тот самый, который был возвращен Погодиным при комментируемом письме) сохранился в портфеле этого журнала (ОР РГБ. Ф.139. Карт.5. Ед.хр.26. Л.7-10об.).

² Имеется в виду эпизод с рассказом «Ворожейка» (см. прим.1 к письму 36).

³ Неустановленное лицо.

⁴ О подписке на «Москвитянин» на 1849 год.

⁵ См. прим.1 к письму 36.

⁶ Фольклорные материалы для далевского собрания.

⁷ Т.е. о поставлении соответствующих статей в «Москвитянин».

⁸ Ср. письмо 35 и прим.21 к нему.

38. Даль — Погодину

28 янв[аря. 1849. Санкт-Петербург]

Хорошо вам, заугольникам, и писать письма и отвечать во время — а как день-за-день, не зная Воскресения, сидишь с утра до ночи за такими приятностями, что с души воротит, так вечером — хоть на кобылу веди — и пера в руки взять не хочется.

Дай же Вам Бог любовь да совет; хорош теперь Москвитянин, и стали об нем поговаривать, да не верьте еще: это-де для ради надувательства, одна заманиха. Вам надо всем жертвовать, чтобы выдержать, во что бы то ни стало, тогда пойдет заведейка гладко, как по маслу. А на что, позвольте узнать, Вы самолично изволите упражняться в заметках — в конце Смеси — и между прочим ни к селу, ни к городу, придираетесь к другим журналам и замечать несвоевременность их выхода?..¹

Не соблаговолите ли также объявить, поставив меня чуть не в *редакторы*², что я вовсе не буду участвовать? Пожалуста, удостоьте, это необходимо; я не хочу слышать справедливых, хотя и вовсе незаслуженных попреков. Напишите, что *недосуг*, и потому не обещает ничего. Да смотрите, Михайло Петрович, не откладывайте, а то здесь как раз подцепят и выведут историю³.

Неприятностей, кроме Высоч[айшего] выговора, мне не было; но, вероятно, будет со временем, когда захотят доброхоты припомнить, что он-де уже *попался*. В чем — это все равно; был *замечен*, и довольно. На Вас мне было бы грешно пенять за это; не знаю, кто именно из ценсоров⁴ подвергся ответу — пожалуста ударьте челом моим именем; я этого не хотел. О чем же еще хотите, чтоб Вас уведомить? Неужто не знаете, что это сделано комитетом, где гг. Бутурлин, Корф, Дегай? — более и я ничего не знаю. Уведомьте при случае о подписке, в какой степени она хороша? 1000 есть? Здесь 1000 едва, едва только покрывает расход.

Слышу, что вышли пословицы Снегирева⁵, но не видел их, не знаю, можно ли здесь достать. Я кончил теперь учебную ботанику свою⁶ и вольный козак: занимаюсь только пословицами и сло-

варем, которые даже намерен соединить, потому что издать первые по себе, особ[енно] в смысловом порядке, не позволят, а выхолостят половину⁷.

Песни Кир[еевского] я получил⁸, если увидите, благодарите его; так как он раз навсегда не отвечает ни на письма, ни на посылки, то и я могу промолчать.

Есть ли у вас рукопись 17 века *Домострой*? Вот что следовало бы напечатать, если не целиком, то выдержки, в журнале. Это превосходная вещь. Вообще не знаю, для чего Вы не пользуетесь Вашим собранием рукописей, для напечатания более замечательного в журнале.

Прощайте, сердечное рукопожатие!

В. Даль

ОР РГБ. Ф.231/II. Карт.10. Ед.хр.17. Л.18-19. Фрагменты: *Барсуков*. X. 308-309. Ответ на письмо 37.

¹ «Первая книга *Отечественных Записок* не вышла, как слышно в Петербурге 1-го числа. Отечественные Записки объявляли всегда с торжеством о прежнем запаздывавшем Москвитянине. Мы не хотим платить злом за зло и не повторим неблагоприятного для них слуха» ([Погодин М.П.] Журнальные заметки // Москвитянин. 1849. Ч. I. №2. Отд. VI «Смесь». С.56. подп.: М.П.).

² В объявлении о «Москвитянине» на 1849 год говорилось: «Касательно *состава* Редакции для публики приятно будет узнать, что заведывание отделением *Изящной Словесности, Библиографии и Смеси* принял на себя известный наш повествователь А.Ф.Вельтман, при содействии и участии М.Н.Загоскина /.../ и В.И.Даля-Луганского, который обещал несколько своих рассказов» (Москвитянин. 1849. Ч. VI. №11. Отд. VI «Смесь». С.13).

³ Погодин выполнил настоятельную просьбу своего корреспондента, объявив через несколько недель: «В.И.Даль не мог, за недосугом, доставить редакции обещанных им рассказов. Пожелаем, чтоб наш любимый повествователь не оставлял литературы, которая ему обязана столько» (Москвитянин. 1849. Ч. I. №4. Отд. VI. С.92). Но при этом издатель «Москвитянина», продолжая надеяться, что Даль изменит решение, интересовался у Вельтмана: «Отчего Даль писать не намерен — теперь-то ему и раздолье» (ОР РГБ. Ф.47/II. Карт.5. Ед.хр.7. Л.123-123об.), а Вельтман переадресовывал (30 апреля 1849 г.) вопрос самому Далю: «Да неужели ты совсем отрекся писать? Уведомь, пожалуста, я не понимаю причины» (Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1976. Т. XXXV. №6. С.529, публ. Ю.М.Акутина). Получив позже устный ответ, Вельтман рассказывал в письме к Погодину 3 июля 1849 г.: «Вчера проезжал Даль; он завернул ко мне на минутку и тотчас отправился в путь в Нижний. Писать он не намерен. В отношении хода Москвитянина мнения его те же, что и прежде — большой уже успех, если первый год окупится» (*Барсуков*. X. 309).

⁴ См. прим.1 к письму 36. Об отношении цензора В.Н.Лешкова к далевским «Картинам из русского быта», за которые он пострадал, см.: Барсуков. IX. 287-288.

⁵ Русские народные пословицы и притчи, изданные И.Снегиревым. С предисловием и дополнениями. М., 1848 (ц. разр.: 27 октября 1848 г.). В предисловии (с.VII) собиратель говорит: «В труде своем мне весьма приятна встреча с известным знатоком и деятелем в русской народности В.И.Далем, который готовит систематическое издание русских пословиц». О параллельности намерений двух этнографов написал и «Москвитянин» — при упоминании в «Обзрении русской словесности в 1848 году» народоведческой деятельности Снегирева было сделано следующее подстрочное примечание: «Мы напоминаем читателям, что В.И.Даль, которого мы любим называть Далем-Луганским, занимается собиранием и сочинением подобного рода. Тем лучше, чем больше народность наша будет находить подобных деятелей, как названные, и тем скорее узнаем мы самих себя» (1849. Ч.1. №1. Отд.IV. С.9). О выходе книги Снегирева Даль мог также узнать из рецензии на нее А.Ф.Вельтмана (Москвитянин. 1849. Ч.1. №2. Отд.IV. С.57-62, подп.: В.).

⁶ Даль В.И. Ботаника. СПб., 1849. Работа над этим учебником велась по официальному заданию главного начальника военно-учебных заведений Я.И.Ростовцева — см. письмо Даля к нему (от 11 мая [1849 г.] — ГА РФ. Ф.1155. Оп.1. Д.752), ср. запись от 27 марта 1847 г. в формулярном списке Даля (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н.Новгород. 1898. Т.3. Отд.III. С.39). «Ботаника» была кратко, но весьма положительно отрецензирована в «Москвитянине» А.Ф.Вельтманом (1849. Ч.V. №18. Отд.IV. С.24-25, б.подп., автор указан в оглавлении на обложке).

⁷ Ср., например, письмо Даля к М.А.Максимовичу от 12 ноября 1848 г. — Рус. филол. вестник. 1907. Т.58. №4. С.356.

⁸ Ср. прим.4 к письму 36.

ПОД СЕНИЮ КУЛИС И ПОД КРОВЛЕЮ БОРДЕЛЯ

(«Писатель не для дам» М.Н.Лонгинов)

Публикация А.М.Ранчина

Михаил Николаевич Лонгинов (1823-1875) — библиограф, критик, сочинитель водевилей — современникам был известен также и как автор шуточных стихотворений эротического характера, преимущественно непечатных.

Пишу стихи я не для дам,
[Все больше о п...е и х...е?]
Я их в цензуру не отдам,
А напечатаю в Карлсруэ¹, —

писал сам Лонгинов о своих непристойных стихотворениях. Сведения о сборнике произведений такого рода, якобы в самом деле изданном Лонгиновым в Карлсруэ, скорее всего не соответствуют действительности и восходят к этому четверостишию. По крайней мере, поиски книги в зарубежных и отечественных библиотеках, предпринятые С.А.Рейсером и продолженные в последние годы рядом исследователей, не дали никаких результатов. Существуют, однако, сведения, подтверждающие существование сборника Лонгинова, выпущенного, правда, позднее, в 1872 г. Это донесение полицейского агента за ноябрь 1872 г. о том, что в целях дискредитации Лонгинова (начальника Главного управления по делам печати) в Лейпциге была издана книжка стихотворений Михаила Николаевича «Приключения дяди Пахома», тираж которой в количестве двух тысяч экземпляров был скуплен автором с целью уничтожения (справка З.И.Перегудовой по данным ЦГАОР для статьи «М.Н.Лонгинов» в словаре «Русские писатели. 1800-1917» издательства «Большая Российская энциклопедия»). С просьбой достать ему сборник Лонгинова обращался к одному из корреспондентов П.Л.Лавров.

Любопытно, что о желании устроить «злую шутку» Лонгинову писал 18 января 1873 г. И.С.Тургенев П.В.Анненкову: «взять да напечатать его стихотворения за границей». Знал ли Тургенев, что такая акция уже была предпринята, неизвестно.

Возможно, впрочем, что основанием для полицейского донесения о просьбе Лаврова послужили распускаемые недоброжелателями Лонгинова слухи, а на самом деле книга издана не была².

¹ Опубликовано с заменой второй строки точками в: Зотов В. Петербург в сороковых годах. // Ист. вестник. 1890. № 6. С. 538.

² О Лонгинове см. статью: Чуковский К. Миша. // Некрасов Н. Тонкий человек и другие неизданные произведения. М., 1928. С.217-287.

² О безрезультатности розысков С.А.Рейсера сообщается в комментарии Б.Ф.Егорова в кн.: Дружинин А.В. Повести. Дневник., М., 1986. С.473. См. также

Публикуемые здесь тексты Лонгинова дошли до нас в рукописях и представляют лишь часть (по-видимому, меньшую) его литературно-го наследия.

«Еще “Руслан и Людмила”», пародия на либретто оперы М.И.Глинки, написана примерно спустя два месяца после премьеры оперы. Пародийная поэма (назовем этот текст так условно) принадлежит перу трех авторов: Лонгинова, Эраста Агеевича Абазы (1819-1855), впоследствии обер-прокурора Сената, и кавалерийского офицера Дмитрия Васильевича Мещеринова (1818?-1855), памятного молодежи 1840-х гг. «бойкой жизнью», надоевшей «наконец /.../ ему свою пустотой и никчемностью»³.

Абаза и Мещеринов, судя по тексту пародии, волочились за хорошенькими воспитанницами Театральной школы, вращались в кругу столичных балетоманов⁴.

Но общий замысел пародии и авторство наиболее изощренных инвектив в адрес театрального и полицейского начальства принадлежат, вероятнее всего, Лонгинову.

В начале 1840-х гг. Лонгинов, по воспоминаниям Д.В.Григоровича, был заядлым, «профессиональным» театралом: «Несмотря на молодость, он считался главою театралов. Они собирались в приисканной Лонгиновым квартире /.../, там велись оживленные беседы, но под условием штрафа, если кто-нибудь коснется предмета, не имеющего отношения к балету, говорились речи на темы, предлагаемые обыкновенно Лонгиновым, пелись песни и куплеты, сочиняемые опять тем же восприимчивым, несокрушимым весельчаком и душою общества — Лонгиновым»⁵.

Известия о кружке театралов дошли до полиции, заподозрившей, что под покровом театральных бесед скрывается политическое общество. За Лонгиновым и его товарищами было установлено наблюдение. Впрочем, вскоре все разъяснилось: «Они только думают о театре, дышат театром, и потому и называются театралами. Ныне говорят, что они имеют намерение устроить постоянное, правильное общество *театралов*, принимать в оное членов по баллотировке и выдавать на это звание дипломы /.../»⁶.

Храм Мельпомены, условно разделенный на сцену и зрительный зал, представлял физическое пространство, где искусство переплески-

письмо В.Смирнова П.Лаврову от 23 февраля 1873 г. в кн.: Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы. / Отобрал Б.Сапир. Dordrecht; Boston, 1974. Т.2. С.12 (указано А.К.Рябовым). Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1991. Т.10. С.62.

³ Рус. инвалид. 1857, № 48. 2 марта. (Очерк о Мещеринове перепечатан из газеты «Кавказ»).

⁴ Слово «театрал» в 1840-е гг. обозначало именно балетомана (см.: Зотов В. Указ. соч. // Ист. вестник. 1890. № 3. С.40).

⁵ Григорович Д.В. Лит. воспоминания. Л., 1928. С. 92.

⁶ ГА РФ. Ф.109. 1 эксп. 1848 г. Д.375.

валось в жизнь, а действительность подражала представлению. Актрисы возникали перед театрами сразу в двух ампулах — самих себя и героинь балетов и опер. Их поклонники тоже играли две роли — влюбленных кавалеров, мечтающих о благосклонности, и молодых шалопаев и донжуанов, добивающихся этой благосклонности за цветы, конфеты, украшения и деньги... Любовные торги имели свои ритуалы и язык, расписанные не менее подробно, чем балетные па и оперные арии⁷. (Если же взаимная симпатия увенчивалась законным браком, место ожидаемого трогательного дуэта нередко занимали семейные свары и склоки). Театр для молодых театралов 1840-х гг. был особым миром, а чувства волшебной сцены были не только легкими, но и часто более чем серьезными. В.Р.Зотов рассказывает о молодом театрале Головине, умершем в начале 1843 г. от безответной любви к подававшей надежду, но в конце концов отвергшей его актрисе. Хоронили его человек двенадцать театралов. «...Шли мы за гробом вовсе не в печальном настроении: одним театралом меньше — явятся другие! Сначала шли разговоры о случаях, подходящих к настоящему /.../. Кто-то нашел, что подобные беседы не ведутся у гроба и свежей могилы, но большинство решило, что театралу и мертвому приятны разговоры о театре»⁸.

Театральный свет как бы в свернутом виде содержал в себе реальный, но «наоборот». На похоронах театралов шутят, а не скорбят (бренная жизнь бледнеет перед чудом сцены) и говорят только о храме искусств и любви, а не о Боге. Перед нами своего рода религиозный культ со своими ритуалами, но вывернутыми наизнанку, с кощунственными для профанного, «нетеатрального» сознания обрядами. Театр воспринимался в противопоставлении церкви. Возможное религиозное кощунство театралов часто соседствовало с кощунством политическим и эротическим. Ведь власти относились к театру не менее серьезно, чем театралы, но иначе: Императорский театр для правительства был делом государственным. Сатира в поэме на шефа III Отделения (1839-1856) Леонтия Васильевича Дубельта (1792-1862), высмеивающая его эротические неудачи в домогательствах артистки Людмилы, не случайна. Дубельт возглавлял Управление драматической цензуры и к своим обязанностям относился ответственно. Критика в адрес опер — спектаклей и исполнителей — подвергалась особо суровой цензуре, воспринимаясь как нарушение прав неприкосновенности, которыми обладали Императорские театры.

Вместе с тем интерес Дубельта к театру находил и иные проявления: любвеобильный генерал не обделял своим вниманием хорошеньких артисток.

Эротическая атмосфера вообще была неотделима от театра, и заядлого поклонника Мельпомены мог ожидать холодный прием в строгих светских гостиных.

⁷ О языке любовных жестов и «торгов», с помощью которого артистка со сцены объяснялась с поклонником, см.: Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1986. С.59.

⁸ Зотов В. Указ. соч.// Ист. вестник. 1890. №3. С.40-41.

«Скажу вам о себе важную новость (так как я знаю, что все вас интересует): я совершенно бросил свой род жизни — а именно *Teatr* [подчеркнуто в оригинале. — *A.P.*] и езжу в оный только для музыки, и то весьма редко, но все глупости оставил и хочу /.../ ездить в свет: надоело быть в холостой компании и больно, ибо я сам чувствую, /.../ что могу быть приятным в обществе хорошем, и притом, когда посмотрю теперь разницу между женщинами умными и образованными и хорошенькими личиками балетной труппы, у которых только одни лица, а в голове солома, — то мне делается стыдно вспоминать, что я бывший пошлым дурачком, мог целый год таскаться по театрам, чтобы увидеть в окошко или в щелку... но Бог с ними. Не думайте, что это нашла минута счастливого рассуждения, — нет, я уже с самого лагеря начал скучать театральными проделками и надеюсь, что больше не буду ими прельщен», — сообщает в письме от 16 [августа?] 1836 г. отцу, Александру Яковлевичу, остро слов и шалун, легендарный повеса, карикатурист и автор эпиграмм Константин Александрович Булгаков⁹, изображенный в поэме «Еще "Руслан и Людмила"» в образе Баяна, корифея хора театралов.

Константина Булгакова друзья прозвали Скарроном по имени французского писателя XVII века, автора фарсово-комедийных и скабрёзных романов из актерского быта.

Ничто во мне, друг, не умалит
Любви к поэзии святой.
Во имя этой старой девы
И звонких песен, звонких чаш
Я шлю привет в тот угол, где Вы
Субботний правите шабаш.
/.../
Скаррон второй! твоя подруга
Любовь к Искусству — та любовь,
Что с хмелем дружеского круга
В тебе упорно греет кровь, —

обращался в 1850-х гг. к Булгакову, собиравшему в Москве дружеские литературные субботы, прозаик В.А.Соллогуб¹⁰.

Адъютант великого князя Михаила Павловича, прощавшего своему любимцу все рискованные «шалости», Костя Булгаков пренебрегал всеми требованиями воинских уставов ради театра. Так, будучи дежурным офицером, он покинул свой пост во время балета, но был замечен в те-

⁹ ОР РГБ. Ф.41. Карт.50. Ед.хр.19. Л.1об.-2об. Характеристику К.А.Булгакова и многочисленные анекдоты о нем см.: Соколов П.П. Воспоминания. // Ист. вестник. 1910. №8. С.406-407; Пыляев М.И. Замечательные чудаки и оригиналы. СПб. 1898. С.52-59 и др. (ошибочно назван Константином Яковлевичем); Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.93-96; Лит. салоны и кружки: Первая половина XIX века. М., Л., 1939. С.406-407; Звенья. Т.1. М., 1932. С.57-76. (Вейнберг А.Л. О Данзасе и Булгакове). Ср.: Бороздин К.А. Из моих воспоминаний. // Ист. вестник. 1889. №6. С.694 и др.

¹⁰ РГАЛИ. Ф.46. Оп.2. Ед.хр.456.

атре великим князем. Не веря своим глазам, Михаил Павлович тотчас же сам поспешил, чтобы проверить исполнение приказа. К изумлению великого князя, первым офицером, встретившим его, был Булгаков. На недоуменный вопрос Михаила Павловича, как тот успел обогнать его, Костя чистосердечно рассказал, что ехал на запятках великокняжеских саней ... и, как всегда был прощен¹¹.

Булгаков, талантливый музыкант, был другом не только Лонгинова, но и Глинки; Булгаков и другой персонаж поэмы «Еще "Руслан и Людмила"» А.Л.Невахович часто бывали на дружеских пирушках Глинки. Задолго до премьеры «Руслана и Людмилы» композитор посвятил Костю в свой замысел¹². Цитаты из любимой оперы — иногда шутливо обогранные — украшают письма Булгакова Глинке 1850-х гг.¹³ Глинка посвятил другу-остроумцу романс «Люблю тебя, милая роза» (1842).

Круг театралов противопоставлен в поэме Абазы, Мещеринова и Лонгинова высокому театральному начальству в лице директора Императорских театров (1833/34-1858) Александра Михайловича Гедеонова (1791-1867). Гедеонов, гордившийся дружбой с Дубельтом, и содействовавший тому в приобретении благосклонности хороших артистов, держал себя в театре с актерами, как помещик с крепостными: угрозы ареста и аресты, «распекания», после которых певица навсегда теряла голос, произвольное урезание жалования в ответ на робкую просьбу об увеличении были для него обыкновенны¹⁴.

Предметом особенного внимания Гедеонова (который, впрочем, сам вовсе не отличался аскетизмом, а также способствовал любовным домогательствам светских тузов) была нравственность актрис и воспитанниц Театральной школы: он отгонял пылких поклонников от карет с артистками перед началом и после представления, приказывал проверять гостинцы, приносимые в школу родственниками воспитанниц, и уничтожать любовные записки «с воли». Окна в коридоре школы были закрашены на половину высоты, и одна из несчастных воспитанниц стояла на подоконнике, следя за улицей и переговариваясь знаками с подъезжающими или подходящими знакомыми, в то время как другие «стояли на страже». Условным паролем, предупреждающим о появлении зрителя, как вспоминает А.Я.Панаева, было восклицание: «Девицы, страсти!»¹⁵. Эти же слова поет хор воспитанниц в поэме «Еще "Руслан

¹¹ Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.94-95. Ср.: Пыляев М.И. Замечательные чудачи и оригиналы. Указ. изд. С.57-58.

¹² См.: Глинка М.И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т.1. С.311-312, 400 и др.; Т.2(А). С.69 и 74 (примеч.).

¹³ Там же. Т.2(Б). С.333 (письмо от 7 июля 1856), 343 (письмо от 24 дек. 1856).

¹⁴ Характеристику Гедеонова и истории о его самодурстве см. в изданиях: Инсарский В.А. Воспоминания. // Рус. старина. 1874. №9. С.307; Воспоминания артиста А.А.Нильского. // Ист. вестник. 1894. №2. С.350-352; Воспоминания актера А.А.Алексеева. М., 1894. С.11, 23 и др.; Панаева А.Я. Указ. соч. С.36-38, 54-56, 76; Каратыгин П.А. Записки. Л., 1930. Т.2. С.27-28, 38, 49. Записки актера Щепкина. М., 1988. С.10-11 (впрочем, ряд мемуаристов — Алексеев, Каратыгин, Нильский — отмечают доброту Гедеонова и говорят о любви к нему актеров).

¹⁵ Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.58.

и Людмила“»). И бывшая воспитанница школы, и театралы, по-видимому, «записали» фрагмент фольклора школы.

Принимаемые Гедеоновым меры не спасали воспитанниц. «Золотая молодежь /.../ постоянно сопровождала кареты с воспитанницами и на репетиции, и с релетиции, и на спектакль, и со спектакля, так что приходилось прибегать к помощи жандармов, которые не без труда отбивали "ученические караваны" /.../. Впрочем, ухаживатели не смущались препятствиями и для свидания с "предметами" переодевались в костюмы полотеров, ламповщиков и проч., благодаря чему свободно проникали на женскую половину. Юные головки воспитанниц слишком рано оказывались вскруженными»¹⁶.

Воздыхатели не всегда ограничивались томными взглядами сквозь стекло или украдкой сорванным поцелуем. Одна из воспитанниц, девица Кох, была похищена поклонником и укрыта им в своих имениях¹⁷.

Из театральных чиновников «гедеоновского» времени наиболее известными были Александр Дмитриевич Киреев (1796-1857), управляющий С.-Петербургской театральной конторой с 1832 по 1853 г., и Крутицкий, писец театральной конторы, затем заведующий театральными сборами. Оба отличались по части хищения театральные денег. Гедеонов, не желавший «выносить сора из избы» и отдавать подчиненных под арест, не раз увещевал нечистых на руку администраторов. Нотации заканчивались такой фразой: «Впрочем, воруйте!.. Воруйте, черт вас возьми... Воруйте, пока я еще здесь...»¹⁸. Крутицкий, «ходивший босиком, чтобы не износить свои сапоги», «продолжая свою службу при театре, нажил себе два домика и дачу, его жена ходила в собольях и бархате, он задавал пиры с разливным морем шампанского»¹⁹. Ходили слухи, что он украл даже бронзовые статуи, украшавшие Александринский театр. Про жену Крутицкого распускали сплетни, будто бы она промышляет деньги, заманивая в свои любовные сети волокит.

Ревизия 1853 г., положившая конец счастливой жизни расхитителей, выявила: «ежегодно дефициты доходили до 400 000 рублей, чиновники /.../ жили Крезами /.../. Артисты по месяцам не получали жалования»²⁰.

Были среди театральной администрации и хорошие знакомцы Лонгинова — Федор Николаевич Обер (1800-1863), управляющий театральным училищем с 1842 по 1853 г., и Александр Львович Невахович (1810-1880 или 1884), заведующий репертуарной частью (1837-1853). Лонгинов, вспоминая в конце жизни о «веселости, остроумии и разнороднейших познаниях» Обера-собеседника, признавал, что дела училища при нем шли из рук вон плохо. «Никто из служащих при театре не был

¹⁶ Воспоминания артиста А.А.Нильского. // Ист. вестник. 1894. №1. С.133.

¹⁷ Об этой истории см. в «Воспоминаниях» Панаевой. (Указ. изд. С.34-35) и мемуарах Нильского (Ист. вестник. 1894. №1. С.133).

¹⁸ Воспоминания артиста А.А.Нильского. // Ист. вестник. 1894. №2. С.532.

¹⁹ Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.17, 52.

²⁰ Вольф А.И. Хроника петербургских театров. СПб., 1877. Т.1. С.166.

/.../ так чужд интересам, интригам, событиям театрального мира, как Обер»²¹.

«С подчиненными ему воспитанницами старался он иметь как можно меньше сношений и лишь изредка отпуская мимоходом которой-нибудь из них шутку или намек насчет ее обожателя»²². Согласно воспоминаниям В.А.Инсарского, инспектировавшего училище в 1853 г., Обер «считался, как говорилось, самым ловким и усердным устройтелем отношений театральных воспитанниц с сильными мира сего»²³; впрочем, Лонгинов категорически отвергал это утверждение.

А.Л.Невахович, человек, близкий Оберу по духу, в молодости писал для театра. Добрый малый, Невахович был страшно рассеян и никогда не исполнял своих обязанностей с должным усердием²⁴. Собственно, в делах театрального репертуара Александр Львович был дилетант. На должность заведующего он поступил, прожид все свои деньги (а когда был женихом певицы Корбари, то «рвал сторублевые ассигнации ей на папильотки»²⁵.

Младшего брата, Михаила Львовича Неваховича (1817-1850), приятеля Лонгинова, содержателя, а с 1842 г. мужа балерины, артистки петербургских театров (1834-1854) Татьяны Петровны Смирновой (во втором браке Ивановой, 1818-1871), отличал талант остроумного и безжалостного карикатуриста, в частности, автора ярких политических и порнографических рисунков. Его карандаш был сильным орудием Смирновой в борьбе против любовницы Гедеенова балерины Андреевской и против самого директора. На Обера Михаил Львович рисовал дружеские шаржи. «Речь его была непрерывная импровизация, живая, картинная. Он не только мгновенно настигал и мастерски отделял смешную сторону какого-нибудь предмета, но сам воспроизводил капризы своей фантазии на степень действительности, которой нельзя было не верить: так она казалась осязательною. Ум его был изумительно гибок, эпиграммы злы, как его карандаш», — писал Лонгинов в некрологе Неваховича²⁶.

С женою Невахович жил сложно; характер Татьяны Петровны был не ангельский. Даже на сцене «Смирнова танцевала с таким сердитым

²¹ Лонгинов М.Н. Ф.Н.Обер. Из петербургских воспоминаний 1840-х гг. // Рус. старина. 1874. №11. С.554, 556.

²² Там же. С.556.

²³ Воспоминания В.А.Инсарского. Тревога в театральном училище. 1853. // Рус. старина. 1874. №9. С.303.

²⁴ Об А.Л.Неваховиче см. в воспоминаниях Каратыгина («всегда вежливый и благоосмотрительный на службе», «всегда веселый и любезный в обществе» — «Записки». Т.2. С.288), Зотова («добрейший, гостеприимный; путавший все и всех в своем управлении. Если дела театра шли хорошо в сороковые годы, то потому что в них не мешался Александр Львович, предоставляя все режиссерам» — Ист. вестник. 1890. №4. С.103). См. также: Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.32. Анекдоты о Неваховиче см.: Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М., 1990. С.204-205.

²⁵ См.: Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.32.

²⁶ Лонгинов М.Н. Сочинения. Т.1. М., 1915. С.23 (впервые: Современник. 1850. Т.XXII).

видом, что хотелось сказать ей: "возьми хоть еще полтора рубля за кресло, только, пожалуйста, не сердись!"²⁷. Любил Михаил Львович дружеские пирушки и был одержим картежною страстию.

Поэма «Еще "Руслан и Людмила"» создана из обрывков анекдотов, любовных объяснений, актерских скандалов. Поэма Лонгинова, Абазы и Мещеринова — в строгом смысле слова не пародия на либретто глиноковской оперы; это насмешка над театром, соединяющим в себе романтизм и прозу жизни, сверкание сцены и грязь закулисных коридоров. И это же — гимн храму Мельпомены, месту отдохновения и любви.

* * *

В начале 1850-х гг. Лонгинов сближается с кругом «Современника»: Н.А. Некрасовым, И.И. Панаевым, А.В. Дружининым, И.С. Тургеневым. Отойдет от журнала Лонгинов в 1856-1857 гг., вслед за Дружининым и на несколько лет раньше Тургенева, не приняв проводимых Чернышевским и Добролюбовым радикальных идей и не разделяя принципов «реальной критики».

С 1854 г. Лонгинов регулярно публикует на страницах «Современника» цикл статей «Библиографические заметки», печатает повесть «Широкая натура» из жизни театралов. Но Лонгинова сблизили и подружили с литераторами «Современника» не только интересы в области истории российской словесности.

«Блажен, кто свету не кадит и дерзает хохотать во все горло, когда ему весело! Суровый писатель ученого свойства подобен флюсу, — полнота его односторонняя. Мы с вами никогда не были ходячими флюсами, а оттого нам милы и Прутков, и Матвей Хотинский, и Мильгофер, и Буйновидов», — писал Лонгинову Дружинин 25 декабря 1855 г.²⁸, перечисляя героев и персонажей шуточных, юмористических произведений: созданного А.К. Толстым и братьями Жемчужниковыми «поэта и мыслителя» Козьму Пруткова, Буйновидова — героя собственного цикла «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижника по Петербургским дачам» и действующих лиц непристойных поэм Лонгинова «Матвей Хотинский» и «Мильгофер».

Чернокнижная словесность, которой занимался не только Дружинин, но и его друзья, носила в значительной своей части «порнографический» характер и не предназначалась для печати. Этим занятиям члены кружка находили идейное оправдание: в ответ на упрек в цинизме Тургенев разъярялся, что в сочинении такого рода поэм и стихотворений находит выход стесненная тяжелой общественной атмосферой и цензурными запретами энергия протеста.

Среди персонажей сквернословных стихотворений оказался и сам Лонгинов. «Несколько дней тому назад проводил я от себя петербургских гостей Тургенева и Некрасова, с которыми провел время, начиная с прошлой пятницы /.../. В свободные минуты занимались чернокниж-

²⁷ Зотов В. Петербург в сороковых годах. // Ист. вестник. 1890. №1. С.41-42.

²⁸ РГАЛИ. Ф.167. Оп.3. Ед.хр.210. Л.1 (машинописная копия).

ной словесностью, как то: сочинением Послания к Лонгинову и ответа на оно /.../ и так далее в том же роде. Результатом труда вышла забавная тетрадь, исполненная сквернословия», — записал Дружинин в дневнике 31 июля 1854 г.²⁹ В «Послании к Лонгинову», печатавшемся в полных собраниях сочинений Н.А.Некрасова и И.С.Тургенева с неизбежными доселе купюрами, перечислены основные нецензурные сочинения «любезного друга Михаила Николаевича». Знакомые литераторам и окололитературной публике 1840-1860-х гг., эти непристойные поэмы известны сейчас только по названиям даже исследователям. Однако этот пробел может быть отчасти заполнен.

В черновике «Послания к Лонгинову» упоминалось об удачном выпаде «приятеля Миши» против Нестора Васильевича Кукольника (1808-1868), автора трескуче-величавых ультраромантических драм (первой из них была драматическая фантазия «Торквато Тассо»), в большинстве из которых проводились официозно-патриотические идеи: «Кем не был пощажён певец Торквато Тасса». Комментаторы «Послания...» в Полном собрании сочинений и писем И.С.Тургенева увидели в этой строке аллюзию на резко отрицательную рецензию Лонгинова («Современник». 1854. №2. Отд. IV. С.37-38) на драму Кукольника «Морской праздник в Севастополе»³⁰.

Но контекст «Послания...», в котором названы исключительно «сквернословные» сочинения, предполагает скорее иное истолкование: не подразумевали ли Дружинин, Некрасов и Тургенев какого-то скабрёзного стихотворения Лонгинова против Кукольника?

Такой текст разыскан мною в Отделе рукописей РНБ: это список баллады «Свадьба поэта». «Свадьба поэта» по-видимому, упоминаемая под названием «Свадьба» в пьесе Некрасова «Как убить вечер», — выпад против «угодливой», «продажной», «торгашеской» литературы, олицетворенной фигурами издателя газеты «Северная пчела» Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789-1859) и Н.В.Кукольника, известного изречением: «Прикажут — буду акушером».

И Булгарина, и Кукольника отличали неприязнь к «литературной аристократии», пушкинскому кругу, с одной стороны, и нападки на «Современник» с его «вредным» и «антиэстетическим» направлением с другой. Лонгинов, причислявший себя к аристократам и постоянно сотрудничавший в «Современнике», не мог не увидеть в Булгарине и Кукольнике своих естественных врагов, заслуживающих убийственной сатиры. Тем более, что многое в нравственном облике обоих само просилось в сатиру. Кукольник, «за пьянство свое прозванный Клюкольник», «не отличался нравственностью», — вспоминал современник, посещавший дружеские пирушки поэта³¹.

Примерно с 1836 по 1840 г. он устраивал литературно-музыкальные «среды», на которых собиралась многочисленная и самая разношерст-

²⁹ РГАЛИ. Ф.167. Оп.3. Ед.хр.108. Л.151.

³⁰ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: Соч. М., 1986. Т.12. С.660 (автор комментария — Е.А.Гитлиц).

³¹ Соколов П.П. Воспоминания. // Ист. вестник. 1910. №8. С.403.

ная публика. Вечера, неизменными участниками которых были друзья Кукольника М.И.Глинка и К.П.Брюллов, отличались богемной атмосферой; часто они переходили в пьяные оргии. Один их кукольниковских знакомых оставил красочное описание празднования именин Нестора Васильевича в обществе Глинки и скульптора Рамазанова на даче графа Кушелева-Безбородко.

«Ночью второго дня оказался положительный недостаток в вине и водке, посылали в единственный в то время в Кушелевке погреб: оказалось, что все вино в погребе истощилось, благодаря именинам Кукольника /.../. Тут хозяин экспромтом, невзирая на то, что был "еле можом", прочел следующий сочиненный им куплет:

Дом Безбородки —
Подлая земля:
Ни вина, ни водки
В ней найти нельзя!

Успех экспромта был колоссален: Рамазанов заставил Глинку играть «Камаринскую» и пустился плясать вприсядку; Кукольник вздумал делать то же, но тотчас же упал, и мы подняли его с большим трудом (он был как пень грузен), чтобы положить на диван. Но, слава Богу, все обошлось благополучно, за исключением нескольких синяков, вследствие которых почтенный Нестор Васильевич не мог отправиться, по обязанностям службы, к военному министру»³².

Демонстративное нарушение приличий сознательно культивировалось Кукольником, видевшим себя в образе буруеваемого романтическими страстями поэта, возвышающегося над обыкновенными людьми. При этом Кукольника отличали «чрезмерное самолюбие и самонадеянность», в беседе его «было что-то надутое»³³. Себя он ставил выше Пушкина, восклицал: «Кукольник велик! Кукольника потомство оценит!»³⁴.

С ультраромантическим костюмом, в который любил рдяться «певец Торквата Тасса», комически контрастировала непрезентабельная внешность; на образ «одинокого певца» накладывалось реальное поведение Нестора Васильевича Кукольника, гордящегося вниманием шефа жандармов Л.В.Дубельта и самого императора Николая Павловича, вступившего в позорный альянс с Булгариным, Плюшаром и прочими однозными личностями.

В «Свадьбе поэта» изображен своеобразный антиобряд, гнусный шабаш литературной нечисти. Похабное венчание, совершаемое в присутствии булгаринской тли и при благословении самого Фаддея, — удачно найденный гротескный образ: на самом деле, по воспоминаниям

³² Арсеньев И.А. Слово живое о неживых (из моих воспоминаний). // Ист. вестник. 1887. №2. С.356.

³³ Драшусова-Карлгоф Е. Жизнь прожить — не поле перейти. // Цит. по: Лит. салоны и кружки. М.; Л., 1930. С.231.

³⁴ Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.63.

А.Н.Струговщикова, «Н.Кукольник был обвенчан без особой церемонии, без гостей, в предобеденное время»³⁵.

Баллада «Свадьба поэта» — глубоко литературна.

Ощутима в произведении «низкая» бурлескная традиция, восходящая к XVIII веку (В.Майков). В «Свадьбе поэта» в пародийном освещении предстает поэтика романтической баллады: мотив несчастной, роковой или ложной свадьбы — традиционный для этого жанра. Стихотворный размер произведения Лонгинова отчасти напоминает метр «Леноры» В.А.Жуковского (различна строфика) и сходен с тем, которым написаны поэмы Жуковского «Двенадцать спящих дев», «Певец во стане русских воинов», «Певец в Кремле», неоднократно пародийно «перелагавшиеся» в литературно-полемических целях в 1830-1840-е гг.

Отразился в «Свадьбе поэта» и жанр литературной эпиграммы. Стихи «Мы в света высшего говно // Вступить теперь посмеем» — бесспорно, реминисценция из эпиграммы В.А.Соллогуба и А.С.Пушкина «Коль ты к Смирдину войдешь», которая оканчивается: «Иль в Булгарина наступишь». Прозаизированной интонацией доверительного разговора Лонгинов обязан также Пушкину — автору «Евгения Онегина», «Графа Нулина», «Домика в Коломне».

В литературности, иронической цитатности лонгиновских опытов в непристойном стихотворстве проявилась склонность автора к словесным курьезам, «забавам», интерес к текстам с «двойным дном», интерес, проявившийся и в библиографических статьях. Только такой стиль мог передать парадокс эротического неприличия, «бордельной темы», закрепленных за запрещенной лексикой, но неустрашимых из культурного сознания и существования человека.

Вытесненная на литературную периферию романтическая традиция и не допущенное в приличную словесность неприличие нашли друг друга. Так мат и похабщина приобщались к литературе.

* * *

С конца 1850-х гг. Лонгинов все более обнаруживает склонность к консерватизму, постепенно переходящую в ретроградство. В 1871 г. он был назначен начальником Главного управления по делам печати и на этом посту снискал известность цензурными преследованиями (в частности, сатирических и юмористических изданий). Бывшие друзья от него отвернулись.

³⁵ Струговщиков А.Н. Михаил Иванович Глинка. Воспоминания. 1839-1841. // Рус. старина. 1874. №9. С.710-711 (примеч.) (Сохранился анекдот по поводу женитьбы Кукольника, записанный Лонгиновым: «Кукольник бросил свои литературные бредни для службы в сороковых годах [это неверно. — А.Р.], а потом женился на публичной девке Амалии. С... [Сводня? — А.Р.] Жанета Кондратьевна говорила: "хороши ваши литераторы; вот Кукольник из моего же дома взял жену, а после свадьбы хоть бы плюнул с визитом"») (Тетрадь Лонгинова, 1858 г. // ИРЛИ. Архив М.Н.Лонгинова. 25. 085/С1ХVI б.1. Л.12об., ср. другой вариант этого анекдота на Л.9).

Но в последние годы жизни Лонгинова сопровождала не только репутация «чудовища» и «тирана», но и двусмысленная слава автора «замечательных по форме, но отвратительных по цинизму» стихов³⁶, сочинителя непристойной литературы, которая «своим содержанием могла бы возбудить зависть в Баркове»³⁷.

* * *

Текст пародии «Еще "Руслан и Людмила"» печатается по рукописи, хранящейся в РГАЛИ (Ф.299. Оп.1. Ед.хр.25).

Текст «Свадьбы поэта» печатается по списку из фонда А.А.Краевского (ОР РНБ. Ф.391. Ед. хр.16. Л.2.об.-8).

«Послание к Лонгинову» А.В.Дружинина, Н.А.Некрасова и И.С.Тургенева публикуется по беловому автографу (рукой Дружинина) из тетради «Для чернокнижных вдохновений» (РГАЛИ. Ф.167. Оп.3. Ед. хр.19 Л.7-8; там же — текст черновой редакции рукой Тургенева и Некрасова — Л.11об.-10). В фонде А.А.Краевского в ОР РНБ (Ф.391. Ед.хр.26) хранится список «Послания...», содержащий разночтения с основным текстом. (Разночтения «черновой» редакции и списка из фонда Краевского приведены в изд.: Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: в 15 тт. Т.1. Л., 1981. С.563-564). Включение этого текста в публикацию представлялось необходимым, так как «Послание к Лонгинову» выразительно характеризует личность Лонгинова и восприятие его «друзьями по чернокнижью»; кроме того, в печатаемом тексте восстановлены купюры, с которыми он публиковался в собраниях сочинений Некрасова и Тургенева. Из-за ограниченного объема примечаний «Послание к Лонгинову» не комментируется; подробные разъяснения можно найти в комментариях к «Посланию...» в изд.: Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. М.; Л., 1948. Т.1. С.628-629; Он же. Полн. собр. соч. в 15 тт. Л., 1981. Т.1. С.690-693; Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Сочинения. М., 1986. Т.12. С.658-663.

Текст первой редакции «Ответа Лонгинова», написанного Дружининым и, возможно, Некрасовым, печатается по черновому автографу (скорее всего, Дружинина) из ОР РНБ (Ф.1000. Оп.3. Ед.хр.625, в каталоге ОР и на папке рукописи авторство «Ответа...» ошибочно приписано самому Лонгинову).

Текст второй, окончательной редакции, сильно отличающейся от первоначальной, находится в тетради «чернокнижных вдохновений» Дружинина, Некрасова и Тургенева (РГАЛИ. Ф.167. Оп.3. Ед.хр.19. Автограф Дружинина).

Цифры в тексте отсылают к примечаниям публикатора, звездочки — к подстрочным комментариям, воспроизводящим примечания рукописи.

Произведения печатаются в современной орфографии, с исправлением ошибок и явных опечаток.

³⁶ См.: Никитенко А.В. Дневник. [Л.], 1956. Т.3. С.219 и др.

³⁷ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991, С.33.

Вот бред нелепо-вдохновенный
Нелепо-милых прошлых дней,
Когда беспечный и влюбленный
Я пировал в кругу друзей.
Ты хочешь вспомнить, как бывало
Руслана глупые слова
Мое перо пересоздало
И охмелялась голова.
Прими ж поэму шутовскую,
Где все вранье, галиматья.
И вспомни молодость былую
Со всею прелестью ея.
Те дни, когда еще новинкой
Руслан наш несравненный был
И звуки, изданные Глинкой,
Неволью всякий затвердил.
Пускай состарели нас лета,
Судьбе спасибо и за то,
Что в нас жива способность эта
Не забывать, что прожито.
И времени на посмеянье
Мы в глубине души своей
Храним как клад воспоминанье
И пепел чувств минувших дней.

Москва
17-го августа 1854

После смерти Кости Булгакова (8 декабря 1862) рукопись эта перешла к брату его Павлу¹, по смерти которого она досталась племяннику его Соломирскому и 4 мая 1873 возвращена мне в Петербурге через графа Бориса Алексеевича Перовского.

М. Лонгинов².

ЕЩЕ РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

Волшебно-правдивая опера в 5-ти действиях,

сочинение Э.А.Абазы, Д.В.Мещеринова и М.Н.Лонгинова
Музыка М.И.Глинки

Действующие лица

Светозар В[еликий] Князь Киевский — Ф.Н.Обер, инспектор Театр[аль-ного] Уч[илища]

Людмила, дочь его — собирательная в[оспитанни]ца Т[еатрального] У[чилища]

Руслан, жених ее — собирательный театрал

Ратмир Кн[язь] Хазарский — М.Л.Невахович, отставной штабс-ротмистр

Баян — К.А.Булгаков, л[ейб-]г[вардии] Московского полка подпоручик

Фарлаф, рыцарь Варяжский — А.М.Жеребцов, отставной генерал-майор

Горислава, пленница Ратмира — Т.П.Смирнова, 1-ая танцовщица

Финн, добрый волшебник — А.Л.Невахович, начальник репертуарной части

Наина, злая волшебница — Румянцева, классная дама Т[еатрального] У[чилища]

Голова — А.М.Гедеонов, директор Импер[аторски]х Театров

Черномор, злой волшебник — Л.В.Дубельт, Г[енерал-]м[айор] свиты
Его И[мператорского] В[еличества]

Театралы, воспитанницы, слуги и пр.

Действие в г. Петербурге

Танцы: в 3 д[ействии]: Тени Федора и Ваньки с кордебалетом разных привидений

в 4 д[ействии] г-жа Данилова³ — лезгинку

NB. При чтении не мешает следить за настоящим либретто Руслана.

Январь 1843

(Интродукция)

Хор

Дела давно прошедших дней,
Преданье старины глубокой!
Ну что же ты, Булгаков, пей!
В тебе заметен дар высокой!
Ты пьешь и песнею своей
Твердишь о старине далекой.

Булгаков

Теперь блаженство на земли,
Теперь для Школы дни златые,
И театралы удалые
В ней счастье ныне обрели.

Хор

Да здравствует Обер наш милый,
Проклятье, Федоров* подлец!
Теперь прелестныя Людмилы
Всем бедствиям нашли конец.

Булгаков

Да из девиц тогда печали
Никто, никто уйти не мог,
Хотя они и отвечали,
Но как страдали, ах, мой Бог!

Оденется с зарею
Девушка, а за нею
Глаза устремлены
Уж гувернантки-дуры.
И все ее Амуры
Сокрыты быть должны.

---

* Дмитрий Яковлевич Федоров, предшественник Обера.

Ее воспламененный
Любовник упоенный
Лишь мимо Школы шаг,
А там мадам уж злая,
Воспитанниц ругая,
Воюет так что страх.

Жеребцов

Ты не уйдешь теперь, ей-ей,
Подлец Обер, моих когтей.

М.Невахович (Булгакову)

Душа ты общества, скорей
Бокал другой себе налей.

Обер

Что может быть девиц милей,
Без них что в жизни мне моей?

Руслан

О! Верь моей любви, Людмила!
Нас грозный рок не разлучит.

Людмила

Руслан! Верна твоя Людмила,
Но Дубельт все меня страшит.

Действие I

Столовая в Школе, огромный стол en fer à cheval⁴, за ним сидят:
Обер, Руслан, Людмила, Жеребцов, Булгаков, М.Невахович, множество
театралов и воспитанниц. Слуги и музыка в глубине.

Булгаков

Да! я уверен, о прелесть Людмила,
Друга с тобою не разлучить!

Теперь Обер могучий
Разгонит злые тучи
И козней ков сотрет.

Руслан

Пора домой, моя Людмила.
Уж полночь на дворе гудит.

Людмила

Ах, страсти! я готова, милый,
Пора уж праздник прекратить.

Булгаков

Я счастлив, что девица эта
Любовью разогрета;
Я греюся вином.

Хор

Мир и блаженство, чета молодая!
Первый пример вы тому,
Как при Обере Дирекция злая
Стала покорна уму.

М.Невахович (слугам)

Лейте полные кубки ему!
Пей же, Булгаков, что же ты, ну!

Жеребцов

Стало быть, буду счастлив и я,
Ты попадешься, Обер мне, свинья!

Обер

Лейте ж полнее стаканы гостям.
Слава девицам!.. Здравие Вам!

Хор

Ура! Оберу здравие и слава!
Горестям Школы конец!
В силе твоей процветает держава,
Ты всем девицам отец.

Корифеи

Пусть к Рюхиной милой
Вернется наш Яшвиль драгой⁵.
Пусть небо дарует

Хор

Им всем дочерей и сынов.

Корифеи

Театр их чарует

Хор

И вместе к искусству любовь.

Обер и часть хора
Счастье златое, любовников дом

Хор

Пусть озарит

Обер и часть хора

Дайте им в здравие светлым вином

Хор

Рюмки налить.

***

Радость-девицы,
Кто красотой
Здесь под луной
С вами сравнится?
Вы лишь одни
Красите дни.

***

Прежде могучий
Дубельт седой
Ныне дрожит:
Как прах летучий,
Сорван грозой,
Так он дрожит.

***

(Встают из-за стола)

Ликуйте, гости дорогие!
И пусть Дирекции весь дом,
Обретший снова дни златые,
Поставлен будетверху дном!

Людмила (Каватина)

Грустно мне, подруженьки мои!..
Как во сне, мелькнули с вами дни!
Как скажут: «протекция».

Их, ах! девицы, страсти!

Ах, протекция.

С милым сердцу чуждый край
Будет рай.

В доме я своем далеко
Как и здесь порой,
Я скажу как будто дорогой
Миленькой подружке.
Ах, девицы, страсти,
Вдоль по улице широкой
Ходит волокита светлоокой.

Девицы

Не тужи, подружка милая!
Будто все земные радости
Телеграфами лишь тешиться
За покрашенным окошечком.

Хор

О, воспитанница нежная,
Дома не страшись далекого,
Где ты будешь с другом жизнь вести:
Он тебе одной, красавица,
Все отдаст свои сокровища
И всем будет утешать тебя.

Девицы

Не тужи, дитяtko,
Будешь жить радостно
Девицы, страсти!
Ах, протекция!

Людмила Жеребцову (с усмешкою)

Не дивись, генерал,
Что девице прихотливой
Не понравился ты,
Что же делать, мой свет?
Выбирая из вас,
Быть хочу справедливой,
Мне в тебе приманки нет!
Генерал Жеребцов!
Будь с другой посчастливей;
Для любви ты явился на свет.

Хор

Пусть старый хрен уйдет на тот свет.
Здесь же ему подруженьки нет.

Люмила М.Неваховичу
Поздно уж, твоя Татьяна
Сиротеет по тебе,
Обними скорей Руслана
И иди домой себе,
Скоро мы уедем сами;
Я уверена, она
Плачет горькими слезами,
Что оставлена одна.

(Обращается к Руслану)

Посмотри, Жеребцов
Вдруг повесил как нос!
Ты, мой милый Руслан,
Всех милей для меня.
Я ему лишь несу
Сердца первый привет,
Счастья верный обет!
О, мой милый Руслан,
Я навеки твоя.
Ты всех в свете милей для меня.

Хор

Сильный Бог,
Будь вечно с нею.
Дай ей счастья
Полны дни!

Людмила

Сильный Бог,
Будь вечно с нами,
Дай нам счастья
Полны дни.
И усеяй их цветами,
Долги будут пусть они.

Хор

И даруй им в утешенье
Деток, счастливые дни.
Сильный Бог и проч[ее].

Людмила

Сильный Бог и проч[ее].

Финал

Обер

Дети любезные! Я вам доставил всю радость.
Будет вам счастье! я верный вещун!

Хор

Будет Людмиле Руслан жизни сладость.
Не Жеребцов он, не старый пердун.

Руслан Оберу

Клянусь, Обер, мне вечно, милый,
Услуги не забыть твоей,
И верным другом быть Людмилы
По самой смерти час моей.

Людмила

О ты, инспектор незабвенный!
О как покинуть мне тебя
И Школы дом благословенный,
Где так была счастлива я.

Руслан

Ты за любовь в награду
Клянись мне верной быть,
И пусть твои желанья,
Улыбка, милый взгляд,
Со сцены отвечанья
Лишь мне принадлежат!
Я твой, моя Людмила,
Клянусь тебя одну любить
Пока во мне есть сила
Малейшая в театр ходить.

Людмила Руслану

Прости мне, друг мой милой,
Невольную печаль!
Всем, всем с твоей Людмилой
Проститься в Школе жаль.
Но я твоя отныне
Весь забываю мир!
О верь, Руслан! твоя Людмила
Клянусь тебе, пока есть сила,
Театр не покидать.

Обер
Боги вам
Счастья дни
И любви
Ниспошлют.

М. Невахович

Ах, хоть я и славный малый,
Глуп, что взял Татьяну я;
Может быть, сонм дев волшебный
Был теперь бы для меня;
Право, жить со стервой горе;
Рюхина — уж вот краса!
О! Скорей в театра сени,
Мыкать горе легче там;
Сидя в кассе, в тихой лени
Фокусничать по столам.

Жеребцов

Торжествует надо мною
Ненадолго недруг мой!
Нет! не будет ей с тобою
От меня; постой, постой!
Я все Дубельту сфискалю,
Гедеонову дам знать.
И Обера как каналью
Стану со света сживать.
Будешь ты моей, Людмила!
Будешь знать, кто я таков.
Ты мою узнаешь силу,
Будешь знать, кто Жеребцов!

Хор

Боги им
Счастья дни
Ниспошлют.

Балет единственный,
Удивительный!
Ты восторги льешь в сердце нам.
Славим власть твою и могущество
Неизбывные

На земли.
Ура! театр, балет!

Корифей

Ты печальный мир
Превращаешь вдруг
В сцену радостей
И утех.

Ночь глубокую
Представляешь нам
Или роскоши
Всей земли.
Ты волнуешь грудь
Сладострастием.
Коль улыбку шлешь
Со сцены нам.
Ура, театр, балет!

Хор

Но Театр Большой,
Ты — дом ревности:
Ты вливаешь в нас
Мшенья жар,
Коль преступная
Улыбка вдруг
Заблестит врагу
Из кулис.
Школа милая,
Скорбь и радости
Все в тебе одной
Для нас всех.
Ура, театр, балет!
Балет единственный и проч[ее].

Удар грому.

Хор

Что случилось!

2-й удар.

Мы не знаем!

3-й удар.

Во мраке является пожарная труба, запряженная четырьмя минотаврами, у коих человеческие части одеты в жандармскую форму, ею правит Дубельт с огромными усами, который схватывает Людмилу и с нею уносится на трубе, повергнув прочих воспитанниц в сон манием руки, в коей театральная трубка; оцепененье театралов, мрак постепенно исчезает.

Руслан

Какое гнусное явление?
Здесь Дубельт был! Чтó хочет он?
Что сделал подлое творенье?
Не видно было зги кругом!

Обер, Невахович
Какое и проч[ее].

Приходят мало-помалу в чувство.

Хор

Что с нами?
Ужель седыми он усами
Грозить бедою хочет нам
И между Школьными стенами
Вновь водворит позор и срам?

Руслан

Где Людмила?

Хор

Где, где она?

Руслан

Ехать здесь домой спешила
Тотчас с нежностью она!

Обер

Девицы все без чувств, смотрите!
Скорей за Мауне побегите
И мне Людмилу отыщите;
Поставьте Школу всю вверх дном!

Хор

О, Боже мой, чтó будет с нами?
Девиц объял он страшным сном.

Руслан

О горе мне.

Хор
О горе нам!

Обер
О! Сжальтесь, други,
И вспомните мои заслуги.
Не быть уж мне девиц отцом.

Хор
Бедняк Обер!

Обер
Опять нам Дубельт стал опасен,
Конец уж власти здесь моей!

Хор
Что слышим?

Обер
Поверьте, плач мой не напрасен!
Бегите все скорей за ней.

Хор
Что слышим?

Обер
Спасемся, может быть, от них.

Хор
Спасемся!

Обер
Кто ж готов?.. кто?

Хор
О! кто теперь
Найдет ее?.. кто?

Невахович потом Руслан, Обер, Жеребцов

Души общества
Ее ищите в Школе!
Может [*зачеркнуто*: верно] он
Недалек,
Я ж бегу
Искать ее на воле.

Как стрела

Я легок.
Верно, он
Взял путь нам неизвестный,
Чтоб ее
От нас скрыть;
Должно нам
Людмиле путь прелестной
Поскорее наследить!

Хор

Пока вы
Ищете прелестной,
Мы девиц
Воскресим!
Поскорей
За врачом
Поспешим.

Обер, Руслан, Невахович
Дубельт, мать твою эти,
Разрушим козни мы твои.

Хор

Любовь к искусству, их храни в пути.
Силу их подкрепи.

Действие II

Дом Алекс[андр]а Л[ьвович]а на Фонтанке; на воротах надпись:
«Продается с публичного торгу». Руслан, читая ее, видит А[лександра]
Л[ьвовича], ходящего с отчаянием под воротами.

(Баллада)

А[лександр] Л[ьвович]
Добро пожаловать, мой друг!
Я наконец дождался дня,
Давно желаемого мною.
Мы вместе сведены судьбою.
Известно мне: тебе мешает
Мошенник старый генерал.
Еще никто вполне не знает,
Как Дебольцова он вздрал.

Но ты не трусь, все ничего,
Держи лишь ухо ты остро!

Руслан

Прости нескромный мне вопрос!
Скажи мне, А[лександр] Л[ьвович]
Любезный друг мой Невахович,
Кой черт в беду тебя занес?

А[лександр] Л[ьвович]

Любезный друг!
Уж я забыл обетованный
Родимый край. Природный жид,
В занятиях нам одним известных
Провел я много дней чудесных.
Но знать лишь счастье в игре
Дано недолго было мне.
Тогда близ храма обольщений
Жил Шишмарев, картежный гений.
С ним тщетен был весь навык мой.
К нему я съездил. Ой, ой, ой!
За пылкость я нашел награду,
И я беду узнал душой
И, проигравшись, без отрады
Я поплелся пешком домой.
Умчалась года половина,
И я сказал жене своей:
«Я проиграл, Александрина,
Хоть застрелиться мне, ей-ей!»
Александрина не внимала,
Лишь денежки свои любя.
И равнодушно отвечала:
«Нет, врешь, не проведешь меня!»
И все мне гадко, скверно стало:
Родная кухня, суп-пюре,
Азартны игры, тентере
По маленькой не утешали.
Я вызвал смелых игроков
Искать опасностей и злата,
И за труды нам были платой
Недолго деньги простаков.
Сбылися пылкие желанья,
Сбылись давнишние мечты.

Минута сладкого свиданья
С Афоней — мне блеснула ты.
К столу зеленому смущенный
Я нес свой банк ассигнационный,
Жены брильянты и жемчуг,
Начался банк, я воспаленный
Реванша ждал, и угнетенный
Поставил тройку и вокруг
Смотрел понтерам я послушным,
Направо тройка улеглась,
Афоня ж молвил равнодушно:
«Убита, поздравляю вас!»
К чему рассказывать, мой друг,
Чего пересказать нет силы?
Ах! и теперь, как вспомню вдруг,
Коробит холодом все силы;
И проклиная карты я,
Хотя доселе все играю,
Но вам скажу, душа моя,
Фортуне уж не доверяю.
Но знаешь? в должности моей
Есть много разных мелочей,
О коих я один лишь знаю,
Примером будучи сказать,
Актеру скоро срок выходит,
А я его ну в шею гнать!
Он делать нечего — приходит,
Несет мне золотую дань.
И дам ему я в помощь длань.
Прошли так месяцы и годы,
Настал давно желанный час,
Я денег вволю уж припас
И думал, что я царь природы.
Однажды я лежу с женой
В восторге пылкого желанья,
Как вдруг в передней шпор бряцанье,
Зову людей. Вдруг предо мной
Жандарм с предлинными усами.
«Пожалуйте тотчас за мной!»
Ой, плохо, плохо, Боже мой!
Попались мы, Киреев, с вами,
Что будет с нашей головой?
О злополучная картина!

Подштанники, Александрина!
Вот я оделся, прискакал,
Взошел, и Дубельт закричал:
«Возможно ль, Невахович, ты ли?
Попался! Где твоя киса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так щедро наградили?»
Увы! мой друг, все воровство
Напрасно было, по несчастью,
К нему пылало нежной страстью
Его Превосходительство.
Хоть он все взял, но гневом вечным
С тех пор преследует меня;
Душою черной дев любя,
Томясь желаньем бесконечным,
Как волокиту, он, конечно,
Возненавидит и тебя.
Но ты, Руслан,
Жандарма злого не страшись!
Любовью в сердце ты богатом
Пустого страха не питай!
Смелей с нагайкою и златом
Свой путь ты к Школе пробивай.

Руслан

Коль в том деле ты мне будешь покровитель,
Тебе с охотой вексель подпишу.
Не страшен мне кисы твоей хищитель!
Высокий подвиг я свершу!
Но горе мне!.. Вся кровь вскипела!..
Вся Школа в власти пердуна...
И ревность сердцем овладела!

Но горе, горе мне!.. Полиции сила
Верно погубит цвет Школы всей.
Ревность вскипела!.. Где вы, девицы,
Где ты, ненавистный жандарм?

А[лександр] Л[ьвович]
Спокойся, друг мой, эта сила
Не победит девиц твоих!
Невинны в Школе все девицы,
Жандарм бессилен против них.

Жеребцов

Вот торжество и радость мне!
Коль Дубельт место оставляет,
Причины нет бояться мне его.
Знай, милый друг мой,
Что если ты можешь,
Получишь наконец
Шесть тысяч ты!

Румянцева

И так ты знай,
Что все тебе устрою я!

Жеребцов

О радость!

Румянцева

У Дубельта должно
Снискать благосклонность.

Ступай в Москву.

Спокоен будь.

Как победит его Руслан,
Или он пост оставит свой,
Тебе доставлю я подругу.
Теперь он всемогущ, покамест
Все в Школе пало ниц пред ним.
Но он погибнет скоро.

(Уходит)

Жеребцов

О старость! как жаль!
Я к целкам неспособен,
И мне не суждено
Свершить столь славный подвиг.

(Рондо)

Близок уж час торжества моего,
Хоть давно чтоб ломать целочек я и пас!
Мной будут средства употреблены,
Чтоб скорей, скорей мне, Людмила моя,
проломить тебя!

Людмила, вотще подо мною ты стонешь.
Я вижу теперь уж, как слезы ты льешь.

Ни вопли, ни слезы, ничто не поможет!
Ты скоро пред мною смириться должна.
Руслан, забудь ты о Людмиле.
Соперник твой одержит верх,
При ожиданьи недруг твой
Тараканов уж глотает
И заране ощущает
Жар от них в своей крови.
Я в страшной тревоге
Теперь с ожиданья,
Но был всегда храбрый,
Известен я свету,
И с Турками драки
Бывали на славу.
Теперь не страшусь.
Я немного позабочусь*

Угол Министерства Внутренних дел против окон Дирекции, которые темны. Улица освещена салом и пуста. Руслан входит задумчиво.

Руслан (Ария)

О Школа, Школа! кто тебя
Усеял столькими цветами?
Кто тротуар твой не топтал
С Директором в час грозной битвы
И к небесам не воссылал
О выпуске девиц молитвы?
Зачем же, Школа, смолкла ты,
И окна преданы беленью?
От ламп дежурных темноты,
Быть может, нет и мне спасенья!
Быть может, буду я найден
На репетиции Руслана
И гнусная толпа буянов
Руадзи донесет о том!

Однако мне извозчик нужен,
Без трубки взор мой безоружен.

---

* Непослушный хуй воздвигну
И послушно ожидаю
Я стояния шматины⁶.
Не далек желанный день,
День восторга и любви.

И пал мой конь на проводах,
И санки разлетелись в прах!
Дай, Vautni⁷ мне трубку по глазам.
Трубку выдвижную, в волокитстве уж бывалую.
    Чтоб воспитанниц
    За кулисы гнать,
    Чтоб толпою их
    За кулисы гнать.
Нет, не долго ликовать врагу.
О девицы! свет такая гадость,
Коль вы жизни не дарите счастья!
Но смягченный рок отдаст мне
И любовь одной из вас, и ласки.
    Распушу я в прах
    Всю Дирекцию.
    Стены Школьные
    Не защита ей.
    Помоги мне Бог
    Гедеона вздуть,
    Его подлости
    Не смутят меня!
Дай Vautni и пр[очее].
О девицы и пр[очее].
Тщетно Директора подлость
Тучи сдвигает на нас,
Может, уж близок, девицы,
Сладкий выпуска час!
В сердце, любимом Людмилой,
Места тоске я не дам.
Дубельта свергну я силу,
Лишь бы мне трубку по глазам!

При последнем *rinforzando*⁸ открывается форточка Директорского кабинета и показывается голова Гедеонова в остроконечном спальном колпаке и мало-помалу открывает глаза.

Голова

Кто здесь горланит, мазурик проклятый?
Прочь, не тревожь Генеральского сна!
Или я вышлю солдата с лопатой,
Чтоб взяли в будку сейчас же тебя!

Руслан
Встреча поганая,
Вид препротивный!

Голова
Прочь, не тревожь и проч.

Рассерженный Руслан берет лестницу у фонарщика, подлезает к форточке и дает Гедеонову оплеуху, он, отшатнувшись, обнаруживает трубку, кот[орую] схватывает Руслан.

Голова
Побит я.

Руслан
Вауіні желанный,
Я чувствую в длани
Всю цену тебе!
Но как же ты выпуск смел отложить?

Голова
Нас ведь здесь двое —
Дубельт и я.
Я бы и сделал,
Да он сильнее,
Он не хотел.
Дубельт мошенник
Злой генерал;
Чудною силой
В длинных усах
Он одарен.

Руслан
Дубельт мошенник,
Злой генерал,
Чудною силой
В усах одарен?

Голова
Он на Захарьевской
В доме своем
Спрятал Людмилу.
Уж он так много накрал девиц.

Но чтоб быть честным,
Злой генерал
Отдать под суд
Обера велел,
Людмилу когда
Скоро не найдет он.
Бедой неминучей
И мне рок грозит,
Если узнают
Все беспорядки!

Руслан

Дубельт поганый,
Я в дом твой развратный
Войду ж наконец.

Действие III

Комната у Михайлы Львовича

Федор, Ванька и горничные
Вернется, верно, он домой
Нескоро, барин наш проклятый
Уж, кажется, есть час второй.
Он, чай, воротится в девятом.

***

Что за житье нам, Боже мой,
Нет, это просто наказанье.
Он ждать себя дал приказанье,
А сам является с зарей.

***

Несносен барыни нам вой!
Об чем тут слезы и рыданья?
Как будто без его прощанья
Идти не может на покой?

***

Теперь у Немцев, Боже мой,
Я чай, какое пированье!
Нейдет на ум тут целованье
И нежничание с женой!

Румянцева (показывается)
Все идет прекрасно.
Скоро их поссорю!
Ну уж я умею
Сводничать на славу!
Как Татьяну бросит,
Я уж доставлю
Ему проволочку,
Себе доходец.

Исчезает, люди уходят.

Смирнова (Каватина)
Какие подлые он штуки
Теперь со мной творит.
Я лезу на стену всю ночь от скуки,
Он с картами сидит.
Проигрывает он
Все деньги Вильдеману
И Гротусу
И заставляет ждать Татьяну
В шестом часу.

***

Его огромная елда меня не тешит никогда.

О Миша мой,
Спеши домой!
Тебя здесь ждут,
Тебя зовут.
Ужель тебе
Охоты нет
Меня поеть
О Миша мой.

Мне для тебя постылой стала
Невинность милая моя!
И я, пугливость затая,
Ни разу даже не вскричала,
Когда в покорность я тебе
Трико снимала в тишине.

О Миша мой и пр[очее].
Ты насадил мне даже брюхо
И скоро будешь уж отцом;
О, возвратись скорей домой!
Ужель ремизы и два шлема

И выигрыш нескольких рублей
Игры в лото тебе милей?

(Уходит)

М[ихаил] Л[ьвович] (входит пьяный и измученный)

(Ария)

Пора домой.

Наступит скоро день!

Весело мои проходят ночи.

А потом дома мне прескучно!

Зачем, о общества душа,

Проиграл опять сегодня я!

***

Нет: сон бежит!

Театра вновь кругом мелькают тени.

И в памяти зажглась

Мне сетелевка⁹ вновь!

И рой этих видений

О фокусах забытых говорит.

***

Но что, что? халата нет.

Сюда! ей, Ванька, Федор, где вы?

Скорей сюда ко мне, вы, сукины сыны,

Бегите, подлые, ей, где вы, где вы?

***

Славный малый хоть куда

Стал теперь, ей-Богу, я.

Видят все вдвойне глаза,

И четыре уж часа!

Вильдеман, Гротус и Роп!

Ей, где вы, ах мать вашу еб.

Ах поиграйте!

Не покидайте

Вашего друга

С Татьяной в свидания час!

Да побьет меня: ей-ей!

Но теперь в душе моей

Кассы вдруг явился вид.

В ней Никита Лаврентьич сидит!

Здравствуй, Криницын, друг мой;

Что сын твой теперь не с тобой?

Но что-то аневрисм мой?
Сыграемте пульку втроем;
Ах поиграйте,
Ах засыпайте,
Милые Немцы,
В проигрыша час.
Славный малый и проч[ее].
Спать пора мне уж невмочь.
Никто нейдет мне уж помочь.
Ну же, бегите,
Ну же, спешите,
Ванька и Федор
Сюда все сейчас.
Скорей сюда
Скорей ко мне.
Бегите, подлые хамы мои!

(Ложится. Тени Федора и Ваньки с привидениями, которые он спяна видел, танцуют балет)

Смирнова (входит)
Ага! пришел Ты наконец домой
От игроков своих.
От Немцев этих скверных, еб их мать!
Такие-то творишь ты нынче штуки!
Как ты переменялся вдруг
К прежней любви.
Чего не сделала я для тебя?
Ужель любовь, страданье...
Но ты не слушаешь меня!
Тебя блюет и дрыщет.

М.Невахович
Как в карты весело играть,
Семерка, кажется, сдана!
Вы бьете карты все мои прекрасно!
Смирновой этой красоты
Несносней с часу мне на час.

Невидимый хор духов, подвластных Румянцевой
Милый друг, Михайло Львович,
Радует за тебя.
Вот пристойное названье:
«Славный малый» — для тебя.

Поругайся, милый, с нею
И начни ее ты бить;
Будешь счастливей с другой,
Эта стерва, как Бог свят!
Без нее ты беззаботно
Будешь жизнь свою вести.

Они начинают драться.

Смирнова

Смей еще ездить к Немцам проклятым!
Я тебя, гадкий, вздую еще.

Хор

Хорошенько кулаками
Поскорей его уйми,
Без того ты беззаботно
Жизнь не будешь ты вести!

Руслан (входит)

Скоро ль я найду
Хищного врага
И проникну в его обитель!

(Видит драку, кидается разнимать, но драка продолжается до прихода
А[лександра] Л[ьвовича]).

Еду мимо.
Свет здесь вижу.
И здесь что же
Нахожу!

Смирнова

Нет, это тщетно!
Он проигрался,
Он страшно пьян!
С немцами в карты
Ночь всю продулся!
Я его вздую,
Я не позволю
Этот дебош!

Хор

Хорошенько
Отгрызайся.

Поддаваться
Просто срам!
Что же ты, что ж ты
По мусалам ей остратки
Не даешь?

Смирнова

Что все это значит!
Вздумал он драться!
Смел еще мне отвечать!
Тебя я любила,
Тебя я ласкала,
А ты, ах мерзавец,
Ах, подлая рожа,
Не любишь, не помнишь
Своей ты [?] Татьяны!
Я все на жертву
Тебе принесла.
Отдай мне невинность,
Когда ты таков.

Руслан — ей

Это просто вздор.
Все пройдет до завтра.
Скоро я с своей
Милой жду сближенья,
Мой план удастся мне...
Я прекрасно все обдумал,
Но на всякий случай
Его я помощь жду.
И о том просить просить я! [так! — А.Р.]

М[ихаил] Л[ьвович] (опять начинает бить
С[мирнову])

Вот я тебе, еб твою мать,
Раскрою рыло до ушей!

Смирнова

Ах ты каналья,
Ах ты мошенник.

М[ихаил] Л[ьвович]

Смотри, ты будешь криворотой,
Калекой людям всем на смех.

Я изуродую...
Как в карты и проч[ее].

Смирнова

Боже мой! сжался
Надо мной, несчастной.
Зажги Ты вновь в Мише
Прежние чувства.

Руслан

Это просто вздор и проч.

Смирнова, отгрызаясь на М[ихаила] Л[ьвовича]

Боже мой, отъялись ноги.
Чтобы черт побрал его!
Как ужасно он дерется.
Все лицо мое в крови.

М[ихаил] Л[ьвович] продолжает

Вот тебе! Вперед не смей ты
Наставленья мне читать,
Завтра ж я с тобой разъедусь,
Будешь помнить ты меня.

Руслан

Нет уж я не в силах боле
Жалость в сердце превозмочь.
Перестань, Мих[айло] Л[ьвович]
Что ты? убирайся прочь.

Хор

Горе, горе же
Неваховичу,
Коли он ее
Не отпустит прочь.
Все усилия
Не помогут вам,
Не избавят вас
От драк и ссор.
Лучше взял бы ты
Из воспитанниц
Деву милую,
Чем со стервой жить.

М[ихаил] Л[ьвович] опять начинает драться, но входит А[лександр]
Л[ьвович], разнимает их, и М[ихаил] Л[ьвович] его пугается.

А[лександр] Л[ьвович]
Брат Михаил Львович, ты скотина,
Что смеешь так свою Татьяну бить!
Пора вам думать о ночлеге
И ссору вашу позабыть.

(Они целуются)

Внимайте, Дубельта судьба
Счастливой завтра быть кончает!
Страстной любовью, Руслан, укрепляйся,
Дубельту завтра за все ты отмстишь.
Крепче держись за усы лишь болвана
И обруби их, и он тогда твой!
Всего лишится он силой Руслана.

Все

Завтра Людмилу он в Школу принесет,
Жандарма силу и козни он сотрет.
Вы ж в путь опасный за ним должны спешить.
Зреет бой прекрасный ему на помощь быть!

Действие IV

Театр представляет волшебные горы Начальника 3-го Отд[еления]
Собств[енной] Е[го] И[мператорского] В[еличества] Канцелярии.
Небывалые фрукты, цветы, деревья. Фонтаны, в глубине ворота.

Людмила

Я здесь томлюсь в неволе.
И думать лишь могу о Школе,
Где так легка Обера власть,
Которая девиц лелеет.
Как я могла сюда попасть?
Любить меня ужели смеет,
Чья одежда голубая
Так гадка душе моей!

Невидимый хор фискалов и жандармов
Страсти нежным увереньям
Покориться ты должна!
Будет с третьим Отделением
Жизнь твоя утех полна.

Людмила
Как? чтоб во мне такая гадость,
Как Дубельт, мог зажечь любовь?
Нет! Я узрю Руслана вновь,
Былую он отдаст мне радость,
Наступит скоро сладкий день,
Найду вновь счастье от Руслана,
Теперь поблекшее, как *Тень*,
Когда ее танцует *Грана*¹⁰.

(Садится и задумывается)

Хор
Нет! радоваться ты должна!
Огнем пылает Дубельт страстным,
Вся Полицейская страна,
Фискалы все тебе подвластны.

***

Да, радоваться ты должна!
Пленен он навеки тобою!
Данилову бросит с собою.
Готов за тебя все отдать!
Жизнь другим здесь девицам иная,
Он к ним не имеет любви,
Из прихоти лишь их питая.
Они будут рабыни твои!

(Из цветов выходят похищенные девы и стараются утешить Людмилу Балет)

Людмила
Ах ты доля моя, доленька,
Доля моя жалкая!
Похищена она подлостью,
Полицейской хитростью,
Здесь томлюсь неволею.
Не видать мне более
Ни Обера-батюшки,
Ни Руслана милого,
Ни моих подруженок.
Мое счастье кончилось!

(Является из земли стол с богатыми подарками. Куранты)

Не нужно мне твоих даров,
Ни подлой рожы, ни усов.

Тебя душевно презираю,
Давно я знаю, ты каков.

Хор

Вся полицейская страна,
Фискалы все тебе подвластны!
Все, что здесь есть, несет все Дубельт страстный
В дар любви.

Людмила

Ты, Дубельт, мошенник,
Погубишь Обера.
Я знаю всю подлость
И все ухищренья
Жандармского сердца,
А я буду плакать
В бессонные ночи
О милом Руслане.
Но знай же, мошенник,
Тебе казнь готова.
И рано иль поздно
За все ты заплатишь.

Хор

Напрасны слезы,
Гнев напрасен:
Смиришься, гордая княжна,
Перед властью Генерала!

Людмила падает в обморок. Три жандарма ухаживают за ней.
(Марш)

Жандармы, полицейские, похищенные девы. Наконец сам Дубельт, которого усы несут на подушке: Крутицкий, Унгебауер¹¹, Лебедев¹² и Каменский¹³. Людмила приходит в себя, Дубельт возле нее садится и, чтоб завлечь ее, приказывает начать танцы. Данилова после общих танцев пляшет Лезгинку. После того Дубельт, видя у ворот Руслана, бежит туда, чтобы наказать его за дерзость, перед тем погружает Людмилу в сон. Несколько раз видно, как поединщики, борясь, проходят за воротами. Руслан держит Дубельта за усы.

Хор

Погибнет, погибнет Леонтий подлец!
Дай Боже! пришел чтоб конец его козням.
Но силою Дубельт опасен своей.
Быть может,

Руслана
Побьет он
И снова
Под властью
Злодея
Томиться
Мы будем.

С ним наша тяжела судьба.
Гнев каждый день его настигнет
Кого из нас — и тот погибнет.
О, чем окончится борьба.

Те же, М.Невахович, Смирнова, Руслан-победитель, усы Дубельта
обвиты около шляпы его.

(Финалы)

Победа, победа, Людмила!
Усов он лишен!
Что вижу я здесь?
Что значит твой сон?
Все действует Дубельта сила!

М.Невахович и Смирнова
Ужасный сковал ее сон.
Не весь Дубельт был поражен,
И гибнет Полиции сила!

Руслан, стараясь разбудить Людмилу
О жизни отрада,
Младая подруга,
Ты плача не слышишь
Несчастливого друга!
Отмстить за нею
Так сердце и рвется!
Жандарм издыхает
Вон там в воротах.
Но как отомстить?
Смерть его обнимает!
Быть может, кто знает?
К жандарму улыбка летит
И сердце по нем лишь дрожит.

М.Невахович
Напрасная ревность
Тебя возмущает!

Смирнова

Кто любит, тот ревность
Невольно питает.

Хор

Напрасная ревность
Его возмущает.
Вот в Школе девицы
Его презирают.

Руслан (с отчаянием)

О! други! может быть, она
Притворно лишь меня любила.
И здесь неверная Людмила
Рукам предалась колдуна.

***

Людмила, Людмила,
Скажи мне лишь «нет»,
Его не любила,
Но только тебя»*.

Оба

Знать все будут и проч[ее].

А[лександр] Л[ьвович]

В этой склянке есть напиток.

Он Людмилу лишь спасет.

А Людмиле и Руслану

Счастье новое блеснет.

(Отдает ему ее)

С склянкой сей чудесной

К Школе спеши.

У моста ты встретишь Руслана.

Напиток разбудит

Людмилу от сна.

И Школе радость, проснется она,
Мила и прекрасна, как прежде.

М[ихаил] Л[ьвович]

Скорее склянку я в Школу несу,

Напиток разбудит и проч[ее].

---

* Здесь недостает одного листа, кон[ца] 4 и начала 5 актов.

А[лександр] Л[ьвович]
Пусть знает, что старый подлец
Расстроил бы счастье златое
Двух полных любовью нежных сердец,
Коль склянкой владел бы он тою.
Но, к счастью, не он владел ей.
Ступай же, беги же ты в Школу скорей.

М[ихаил] Л[ьвович]
Да! в Школу скорей!

Тацевальный зал в Школе, Людмила стоит, Обер, Жеребцов и хор воспитанниц и театралов.

Хор
Милая Людмила!
Пробудись, проснись.
Ах, зачем ты прелестные очи
Будто после смерти,
Милая подружка,
Школе всей на горе,
Милая, закрыла?
Горе нам!
Она в нас сердце рвет,
Мы рыдаем.
Как дивно,
Как долго
Спит она!

Обер
О Жеребцов, лишь безответный труп
Людмилы ты принес к Оберу,
Ее тебе я не отдам.

Жеребцов
Все изменила!
Румянцева все мне наврала!
И мне Людмила не дается.
Румянцева надуть
Успела, деньги взяв.

Хор
Жеребцов!
Горе-богатырь!

Разбуди ж ее
Словом молодецким!
Не проснется она вовсе,
Если друга не увидит.
Не проснется, не очнется!
Что же делать остается?
Ах, Людмила,
Друга сила
Пробудить тебя
Может лишь одна!

Обер

Но он не мог сон этот кончить!
Попробуем же, пошлем за ним.

Жеребцов

Тебе мне плюнуть стоит в очи!
Румянцева подлая, мать твою еб!

Хор

Ей помочь еще старайся ты,
Еще докторов сзови.
А стоишь здесь, Жеребцов,
Прямым ты ротозеем.

***

Ах, Людмила,
Не могила,
Друг твой молодой
Сон нарушит твой.

(Слышит шум за сценой)

Но вот сюда идут,
То, кажется, идет Руслан!

Руслан, Невахович, Смирнова

Хор и Обер

Руслан! о радость!

Жеребцов

Руслан! о ужас!

(Бежит вон)

Руслан (вливает Людмиле питье)

Очнется прекрасная
Тотчас для любви,
Щечки уж румянятся
Кровью нежной вдруг.

Хор

Что́ будет с нею?

Руслан

Вот уж просыпается.
О сладкое мгновенье!
Проснись совсем, прекрасная,
На радость нам.

Все

Вот оживает!

Людмила (как бы во сне)

Что́ я?

(Просыпается)

О сладкое мгновение.
Ах! где я? что́ со мной?
Здесь Руслан — мой друг!

Хор

Как всех оживает нас,
Что проснулась ты!

Людмила

Ах, этот тягостный сон
Дубельтом был наведен!
Здесь Обер, второй отец,
Несчастьем конец!

Невахович и Смирнова

Слава Богу, слава!

Кончено теперь!

Им для соединения препятствий нет.
Злобную Румянцеву он тоже победил.

Руслан

Слава Богу,

Кончено теперь.

Все свершилось!
Я счастлив снова
И все простил
Теперь Жеребцову!

Обер
Слава Богу!
Радость нам!
Все свершилось,
Всему конец.

Хор
Слава Богу,
Слава Богу,
Радость нам!

Людмила
Ах! как сердце бьется!
Навсегда ты мой.
Веселье зарей
Снова нам цветет.

Обер, Руслан, Смирнова
У всех радость на устах.
Все в Школе ожидает.

Двери открываются: новые толпы театралов входят и обнимают
Руслана

Хор
Радость великая нам!
Погиб, погиб Дубельт седой!
С Людмилой своей молодой
Пусть процветает
В полной силе и красе,
Многая лета,
Милый наш Руслан!
Да воссияет
Всех девиц красотой
Милая Школа
На вечны времена!
Вы, о злодеи ее, все смотрите,
Как был наказан подлец Жеребцов.
Другой раз не посмеет

Театралов враг
На милых барышень восстать!
Гадость
Дубельт
Ныне
В пример.

М.Невахович и Смирнова
Дубельта все ныне свержены оковы
Будьте ж вечно счастливы, о друзья!
Мы же бить не будем больше друг друга,
Помирились навсегда.
В жизни нашей солнце не зайдет.
Злое горе места не найдет!
Прочь, память скорбных дней,
Как Дубельт злой!

Хор
Радость великая нам!
Погиб, погиб Дубельт седой.
В Школе вкусим покой!
Да промчатся
Звуки славы
Милой Школы
В отдаленные страны!
Да процветает же в девиц красе
Родная Школа в вечны времена!
Каждый новый враг
Погибнет пусть ее,
И на всей на земле
Школе пусть прогремит:
Слава, слава, слава!

Конец.

¹ Булгаков Павел Александрович (1825-1873) — чиновник канцелярии заместителя на Кавказе. Заядлый театрал П.Булгаков был известен скандальной выходкой: любовнице Гедеонова балерине Андреяновой (П.Булгаков принадлежал к «партии» ее соперницы) он бросил на сцену дохлую кошку с привязанной к хвосту запиской, на которой было написано: «Первой танцовщице». См.: Каратыгин П.А. Записки. Л., 1930. Т.2. С.114-118.

² Послание к К.Булгакову и приписка сделаны рукою Лонгинова на обороте лицевой стороны обложки поэмы.

³ Данилова Александра Петровна (1822-?) — балерина, участвовала в балете в опере «Руслан и Людмила», в премьеру 27 ноября 1842 г. См. портрет Даниловой и других «корифеек» 1840-х гг. в мемуарах хорошего лонгиновского знакомого «по театру» В.Р.Зотова «Петербург в сороковых годах»: «лица /.../ были чисто русские: пухленькие, свеженькие, полненькие, курносенькие, при виде которых приходила охота взять их за щеки, как ребят» (Ист. вестник. 1890. №1. С.41).

⁴ В форме конской подковы (фр.).

⁵ Рюхина — артистка петербургской труппы. См. о ней: Зотов В.Р. Петербургский театрал: Куплеты с 8-ю илл., рис. В.Тиммом. СПб., 1843. Яшвиль — вероятно, князь Владимир Владимирович Яшвиль (1813-1864), гвардейский офицер. За убийство соперника на дуэли в июне 1842 был разжалован и переведен в егерский полк на Кавказ.

⁶ Шматина (от «шмат» — кусок) — обозначение мужского полового члена в непристойной поэзии И.С.Баркова (1732-1768) и в барковиане.

⁷ По-видимому, название театральной зрительной трубки и имя основателя фирмы.

⁸ Деепричастие от итал. глагола *rinforzare* — зд.: «усиливать, форсировать звук». В рукописи, по-видимому, описка: *rinforkando*.

⁹ Карточный термин.

¹⁰ Гран Люсиль (1819-1867) — датская артистка балета романтического направления; в 1843 на гастролях в Петербурге («Жизель» и др.).

¹¹ Унгебауер — смотритель (гувернер) в Театральной школе, помощник Ф.Обера. «Воспитанники называли его "обезьяной", на которую, говоря откровенно, он был похож складом лица. /.../ В движениях его была заметна военная выправка. Он постоянно кашлял и говорил отрывистым, резким голосом. /.../

— Я ведь, — говорил У[нгебауе]р /.../ — в прежние-то годы заведовал здесь и драматическим классом. У меня, батюшка, было не то, что нынче у вас. У меня на сцене ни любовник, ни комик, ни злодей — никто не смел /.../ размахивать руками да держать себя вольно. /.../ Бывало, хоть десять человек стоят на сцене и все, как один, руки по швам, во фронт /.../. Зато вот и выходили актерики!» (Воспоминания артиста А.А.Нильского.//Ист. вестник. 1894. №1. С.134).

¹² Лебедев Михаил Семенович (ум. 1854) — инспектор и режиссер русской оперной труппы Петербургской сцены (1830-1848).

¹³ Каменский Павел Павлович (1810-1871) — беллетрист, автор повестей, подражающих романтическим повестям А.А.Бестужева (Марлинского). Служил в III отделении под начальством Дубельта в 1840-х гг., «пошел в шпионы» (А.И.Герцен); числился переводчиком при Петербургской конторе императорских театров, откуда был уволен в 1849 за «неявку из отпуска». Имел репутацию «лихого танцора и кутилы» (Лернер Н.О. Предисловие /..././/Каменская М. Воспоминания. М., 1991. С.337).

СВАДЬБА ПОЭТА

Сиял уже свечами храм.
На клиросе бляели.
Венчался с блядью гнусный хам,
Хлыщи венцы держали.
Противу двери со двора
Стояли пред амвоном
Четы позорной шафера:
Ярыжкин¹ наш с Платоном².
Давно уж вам знаком майор;
Платон же величавый —
Брат Кукольнику, сущий вор,
Не малое укравый.
И книжников был целый клир
При бракосочетаньи.
И тот, кто днесь убог и сир,
Присущ был в сем собраньи.
О Жернаков!³ речь о тебе!
Блеснул ты метеором
И смело вверился судьбе,
Сначала не был вором.
Ты не был жертвою заклан
В те дни еще Фадеем.
Не вовсе пуст был твой карман,
И слыл ты грамотеем.
И ты весь в бархате, бобрах,
О Ольхин!⁴ был во храме,
Служил ты прежде в сторожах,
Женился вдруг на даме,
Открыл богатый магазин,
И зажил припевая,
Прохлад и нег роскошный сын,
Невзгод не ожидая.
Но днесь, увы! объявлен ты,
Друг, злостнейшим банкротом
И не спасен от нищеты
Булгарина оплотом.
И ты на эскимосский лад
Французский прощельга,
Плюшардий⁵! был бы уж богат
Да погубила книга.

В ее ль семнадцати томах
    Лежат твои приходы?
Не в двадцати ль борделях, ах!
    Их прожил ты в те годы?
И он, и он был в их строю,
    Лисенков⁶ оный смелый,
Кто пал с Булгариным в бою
    На щит осиротелый.
Меж них и твой тюрбан блистал,
    Кондратьевна Жанета⁷,
Кого наш век лишь сводней знал,
    Но блядью древни лета.
Твоей бордели наш поэт
    Амалией обязан —
И к алтарю ее ведет.
    Навеки с нею связан.
И ты, Бернет⁸, там предстоял
    И видел все в тумане,
Как будто бы предузнавал
    Судьбу свою заране.
Но чья седая голова
    Виднеется во мраке?
Кто движется в толпе едва
    В мундирном новом фраке?
Как лучезарная звезда
    Ланит румянец яркий, —
Чело как бритая .....
    Дряхлеющей татарки;
Все, все вешает в нем гостям:
    Грядет во храм вельможа!
И шлет поклон по сторонам
    Предательская рожа.
И тот, кто сочетать решил
    Видока⁹ с Совестьдралом
И бездну мерзостей успел
    Вместить в сем теле малом.
И ты, любимцем русских муз,
    Булгарин необъятный,
Пришел благословить союз
    Четы сей благодатной!

Почетной стражи целый строй
Явился за Видоком,
То тли был необъятный рой,
Назвать ее посмеем:
Алеша Греч¹⁰, меньшей из чад
Гнезда пчелы поганой.
И телом, и душою гад
Вонючий и засранный,
И мелкий червь из-под Москвы —
Межевич¹¹ — цвет собранья —
С задором, но без головы,
Пустившийся в писанье.
Другие... Но пора давно
Вернуться нам к герою.
Мы в сорта высшего говно
Должны ступить ногою.

И вот уж начался обряд.
Терзаемый изжогой,
Бросает Нестор гордый взгляд
На лик Жанеты строгий.
Невеста чуть жива стоит
Упреков ожидая:
Увы! теперь ей предстоит
Обязанность иная.
Теперь, вступая в высший свет
Супруге Бригадира,
Ей посетить уж льготы нет
Приют любви и мира,
Где сладко жизнь вела она
В кругу блядей здоровых
И, вечной кротости полна,
Е[бла]сь за пять целковых.
И вот похабная чета
Меняется перстнями,
И все священные уста
Разверзлись словами:
«Раб божий Нестор обручен,
Обручена Амалья!»
И заблеял «аминь» не в тон
Ярыжкин наш каналья.

Вокруг наля молодых
Ведут рука с рукою,
И вдруг разнесся сзади их,
Какой-то смрад струею.
Бежит церковный с тряпкой страж —
И вдруг узрели что же?
Произвести такой пассаж
Не на что не похоже!
Ярыжкин, выпуча глаза,
В неслыханной натуге,
Как будто получив туза,
Плевал на шлейф супруги.
Но все счастливо обошлось,
Страж вытер все тряпицей,
И поздравленье началось
Сей притчи во языцех.

Тогда почетный гость Фадей
Ступил на середину
Благословить своих детей,
Они согнули спину,
А он над ними длань простер,
Как патриарх маститый,
И чмокнув их, пошел на двор
С своей достойной свитой.

Теперь перенесемся в дом
Близ церкви Вознесенья,
Где страшный поднялся содом
Во славу обрученья.
И загремел венчальный пир
С приправой жирных брашен:
Но брюху русскому сей жир
Отраден, а не страшен.
Портвей от Фохтса заиграл
В след русской кулебяки,
Хозяин пьяный закричал:

«Долой штаны и фраки!»
Развеселил собою Брант¹²
Своих собратий мрачных.
Элькан¹³ пропел хвалебный Кант
Во славу новобрачных.

В углу возник горячий спор
Меж пьяными гостями,
И поселился вдруг раздор
Меж сими господами.
Ругнул нечаянно Бернет
Жандармов благородных
И закричал, что в мире нет
При них идей свободных.
Ярыжкин крикнул: «не болтай,
Ты их узнаешь силу!»
И как-то дернул невзначай
Смирновского¹⁴ по рылу.
Смирновский громко завопил
И, яростью пылая,
Хватил майора со всех сил
Куда и сам не зная.
Майор схватился за м[уде]
И дал туза кому-то
И драка вдруг пошла везде
В единую минуту.
И все слилось в какой-то сброд
Каких-то харь разбитых,
Расквашенных носов, бород
И фонарей подбитых.
К скандалам не привыкнув сим,
Кондратьевна Жанета
Кричала с ужасом тупым:
«Где, где моя карета?»
И невзирая ни на что,
Хоть драка унялася,
Она сыскала свой пальто
И тотчас уплелася.
Когда волнение унялось,
Тот тер виски и ляжки,

Другой примачивал свой нос,
Иной чинил подтяжки.

И вот настало наконец
Священное мгновенье,
Когда Гимена новый жрец
Изыдет на служенье.
На брачной комнаты порог
Ступили молодые
И преклонились до ног
Перед Фадея выей.
Но выпив с лишком полведра,
Не мог жених подняться —
И на полу он, как гора,
Был вынужден остаться.
Майор позвал скорей людей,
И Нестора подняли,
С трудом стащили до дверей
И на постель расклали.
Меж тем Амалия вошла
В дезабилье красивом,
К супругу робко подошла
В неведеньи счастливом.
И вдруг ... о ужас! перед ней
Свершилось в очью чудо:
Внезапно появилась ей
Оплеванная грудиа.

О ложе неги, пое[бко]в
И всяческих даваний!
Тебе ли местом быть блевков
И бзд[ох]ов и рыганий.

Но долг супруги превозмог:
Амалия решилась
И кое-как в постель, близ ног
Супруга поместилась.

Как провели супруги ночь
В облеванной постели
И как е[блись]? о том точь-в-точь
Сказать мне не сумели.
Но это, право, все равно
И им, и вам, читатель:
Амалию уж е[б] давно
До свадьбы наш приятель.
Он с ней теперь семь лет живет¹⁵
И, блядь свою целуя,
Ее он маменькой¹⁶ зовет:
Так посулим им ...!

20 января 1853 г. М. Лонгинов

¹ Под именем майора Ярыжкина (если это не чисто литературный собирательный образ) представлен один из кукольниковских гостей-офицеров; на устраиваемых писателем литературно-музыкальных «средах» собирались офицеры Преображенского полка. Домашними друзьями поэта были «зрелый не по чину штабс-капитан с померанцевым воротником, состоявший членом какой-то эротической городской комиссии, прозванный за то "Султаном", да совершенно черный, точно из донского антрацита вытесанный, казачий майор. Намозоленный мозг (выражение самого Н.В.Кукольника. — *примеч. мемуариста*) хозяина уходил в отпуск к этим людям. Раскрыли стол и разобрали карты. Детский плач Кукольника почти не унимался от острот "Султана" и тяжелых, как молот, шуток казака, прозванного "Атаманом". Этот Атаман не понимал решительно ничего, и надо было вбивать всякое понятие в него, как сваю. Хозяин и вбивал с особенным вкусом. — Я люблю первобытных людей, — говорил он, — они становятся редки». (Ковалевский П.М. Стихи и воспоминания. СПб., 1912. С.222-223).

Вероятно, в образе Ярыжкина выведен жандармский офицер (среди знакомых Кукольника был литератор В.А.Владиславлев, служивший в первой пол. 1840-х гг. в майорском чине в корпусе жандармов, но едва ли он мог быть прототипом Ярыжкина, человека «нелитературного», явно не относящегося к кругу литераторов).

² Кукольник Платон Васильевич (ум. 1849) — брат Н.В.Кукольника, «...пользовался не совсем лестной репутацией по управлению им делами Новосильцевых» (Струговщиков А.Н. Михаил Иванович Глинка. Воспоминания. // Рус. старина. 1874. №4. С.702). Согласно Струговщи-

кову, именно Платон (а не Нестор) отрицательно влиял на М.И.Глинку, К.П.Брюллова, вовлекая их в необузданные кутежи и попойки. Струговщиков пишет, что от Платона Кукольника исходила инициатива приглашения высоких полицейских чинов (в частности Л.В.Дубельта) на устраиваемые братом литературные вечера. (Там же. С.708).

³ Петербургский типографщик.

⁴ Ольхин Матвей Дмитриевич (1800-1853) — книготорговец и комиссионер Министерства финансов и Министерства внутренних дел. Ольхин был «высокий тощий старик с курносом носом и на нем забытыми очками /.../ из-под обшлага выглядывала звезда. Плюшар представил /.../ [М.Д.] Ольхина, бывшего курьером Министерства финансов и вдруг каким-то чудом сделавшегося издателем русских авторов. Ольхин низко кланялся, выдвигая, вместе с тем, жену, толстую расфранченную женщину, Греч [Николай Иванович. — А.Р.] сделал шаг вперед, потрепал ее бесцеремонно за подбородок и проговорил старческим, дребезжащим голосом: "Да она у тебя, братец, еще молоденькая!" — приветствие, после которого Ольхин, казалось, расплылся от счастья». (Григорович Д.В. Лит. воспоминания. Л., 1928. С.120).

⁵ Плюшар Адольф Александрович (1806-1865) — книгопродавец и книгоиздатель, владелец типографии. Издатель «Энциклопедического лексикона» (1835-1841, вышло 17 томов), в котором публиковался Лонгинов. Из-за неквалифицированной редакции литератора Шенина и выпуска в свет нескольких неряшливо подготовленных томов О.И.Сенковским «Энциклопедический лексикон», приносивший первоначально большую прибыль и пользовавшийся успехом у публики, стал убыточным, и Плюшар был вынужден прекратить издание. См. подробнее: Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.-Л., 1930. С.599, 613-623 и 822-825 (комм. Р.В.Иванова-Разумника и Д.М.Пинеса). Ср. у Д.В.Григоровича: «Плюшар, которого Погодин [литератор и историк. — А.Р.] звал почему-то *Плюхардием*, олицетворял тип обедневшего вивера, жуира, полное расстройство его дел не вылечило его от старых привычек, не владея далеко прежними средствами, он продолжал посещать театр, занимая всегда место в первом ряду кресел, обедал в лучших ресторанах и одевался франтом с иголки. /.../ Бедствия и неудачи свои приписывал он невежеству русской публики, не дозревшей до оценки важности энциклопедического лексикона /.../. Благодаря /.../ знакомству с Кукольником, Гречем, Булгариным и книгопродавцами, он еще кое-как держался /.../» (Григорович Д.В. Лит. воспоминания. Указ. изд. С.107-108).

Ср. с лонгиновской характеристикой портрет Плюшара в мемуарах В.П.Бурнашева: «красивый мужчина, впрочем, чересчур театрального и эффектного вида, занимавший до приторности своею внешностью и не пропускавший ни одного зеркала, чтоб не взглянуть в него на свою напыщенно-величавую фигуру, смахивавшую, надо сказать, на восковую парикмахерскую вывеску» (Лит. салоны и кружки. Первая половина XIX века. М.-Л., 1930. С.250-251). «Плюшар был /.../ в числе близких,

или, как говорится "своих" людей в доме Н.И.Греча». (Там же. С.251). По происхождению Плюшар был француз.

⁶ Лисенков Иван Тимофеевич (1795-1881) — книгопродавец и издатель. Участвовал в тяжбе с Булгариным по поводу получения с последнего неустойки за не представленный в срок роман; тяжба была выиграна Лисенковым. (См. Книга: Исследования и материалы. М., 1981. Т.42. С.186-189, публ. С.В.Белова). Он получил двойную неустойку; однако дальнейшие претензии Лисенкова удовлетворены не были. Тон булгаринских писем к Лисенкову по поводу тяжбы виден по следующей цитате: «Молю Бога, да воздаст тебе за все твои подлости, гнусности, лжи и клеветы /.../ Презирующий и гнушающийся тобою». (ОР РНБ. Ф.436. №33. Л.16. Письмо от июля 1839).

Выражаю признательность А.Б.Рогачевскому за сообщение сведений о тяжбе Лисенкова с Булгариным. См. также: Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С.61-70.

⁷ Содержательница публичного дома, из которого Н.В.Кукольник взял Амалию.

⁸ Бернет Е. (наст. имя и фамилия — Александр Кириллович Жуковский, 1810-1864) — поэт и прозаик: «Это одна из той сотни литературных надежд, которых — увы! — не суждено было сбыться». (Панаев И.И. Лит. воспоминания. М., 1988. С.95).

⁹ Видок Эжен Франсуа (1775-1857) — в молодости преступник, впоследствии начальник парижской сысной полиции. Имя Видока стало прозвищем Булгарина. Участие в войнах с Наполеоном в составе русской армии и участие в наполеоновском походе 1812 в Россию в составе польского легиона французской армии, слухи о том, что Булгарин был доставлен в Петербург под полицейским конвоем, слухи о том, что он женился на публичной женщине; его доносы на литераторов в III отделение, наконец, обыкновение надевать одновременно французский орден Почетного легиона и маленькую саблю — российскую воинскую награду; обвинения в воровстве — подобные детали биографии и репутации Булгарина послужили основанием для выведения его под маскою Видока в статье Пушкина «О Записках Видока» (1830). Видоком назван Булгарин также в эпиграммах Пушкина «Не то беда, что ты поляк» и «Не то беда, Авдей Флюгарин», а также в стихотворении «Моя родословная». Эпиграмма «Не то беда, что ты поляк» была напечатана самим Булгариным вместе со своей заметкой, но с изменением «Видок Фиглярин» на «Фаддей Булгарин» («Сын Отечества». 1830. №17). Попытка А.А.Дельвига опубликовать в «Литературной газете» подлинный текст эпиграммы при собственной заметке против Булгарина не удалась: имя Видока не было пропущено цензурой, наложившей запрет на упоминание о Видоке. О Булгарине и Видоке как его устойчивым нарицательным имени см. также: Дельвиг А.И. Мои воспоминания. М., 1912. Т.1. С.101-102. Существует малодостоверный рассказ Бурнашева о том, что Лисенков якобы продавал в своем магазине литографированный портрет Булгарина тем, кто просил портрет Видока (Заря. 1871. №4. С.19).

¹⁰ Греч Алексей Николаевич (1814-1850) — младший сын Н.И.Греча, соиздателя Булгарина по газете «Северная пчела», литератор. «Неимоверно длинный-длинный и тощий господин, у которого от сухоты кожа лупилась на всем лице, на ушах и на шее /.../. Плюшар рассказывал, что когда А.Н.Гречу минуло тридцать лет и он в первый раз выбрился, операция сопровождалась семейным торжеством: отец, мать, тетки, — все ходили в радостном волнении, обнимались и восклицали со слезами на глазах: Алеша выбрился! Алеша выбрился!» (Григорович Д.В. Лит. воспоминания. Указ. изд. С.111).

¹¹ Межевич Василий Степанович (1814-1849) — литератор. В 1830-е гг. — в журнале «Телескоп», затем в «Отечественных записках», в 1840 г. перешел в лагерь Булгарина, публиковал статьи и фельетоны в газете Булгарина и Н.И.Греча «Северная пчела». Редактировал газету «Ведомости С.-Петербургской городской полиции» (до 1849). «Межевич был небольшого роста, белокур, с незначительными чертами, с мутными подслеповатыми глазами и в очках, которые он поправлял беспрестанно. В манерах его было что-то нерешительное и даже робкое, говорил он не совсем складно о самых обыкновенных предметах. В его движениях, словах, взглядах была такая неуверенность в самом себе, которая даже возбуждала сострадание. Межевич имел сердце мягкое, расплывавшееся, характер совершенно слабый и мелкий. Он чувствовал боязнь к уму, к убеждениям, ко всякой моральной силе и впоследствии почти тайком ускользнул из редакции "Отечественных записок", сошелся с Булгариним, начал писать статейки в "Пчелу", вдался в мелкую литературу /.../ и, наконец, добился редакторства "Полицейских Ведомостей" /.../ В этом последнем приюте он нравственно упал с каждым днем». (Панаев И.И. Лит. воспоминания. Указ. изд. С.170).

Ср.: «Черты его лица были вообще непривлекательны, а гнойные воспаленные глаза, огромный рот и вся фигура производили неприятное впечатление. Голос у него был грубый, отрывистый, говорил он нескладно, как бы запинаясь на словах». (Панаева А.Я. Воспоминания. Указ. изд. С.108).

¹² Брант (Брандт) Леопольд Васильевич (1813-1884) — критик, беллетрист. Литературная и общественная позиция Бранта сближала его с Булгариним. В 1840-е гг. Брант выступал на страницах «Северной пчелы» с нападками на «натуральную школу», с критикой произведений Н.А.Некрасова и И.С.Тургенева. Скандальную известность получил роман Бранта «Жизнь как она есть. Записки неизвестного», ч.1-3 (1843), в одной из глав которого в пасквильной форме изображены петербургские литераторы: Н.А.Некрасов, И.И.Панаев и др.; написание главы объясняется «уязвленным самолюбием автора, озлобленного на критиков, не оценивших его "дарования"». (Мостовская Н.Н. Брант // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т.1. М., 1989. С.325). Сочинение Бранта пародируется в романе Некрасова «Жизнь и приключения Тихона Тростникова», а также в памфлете Панаева «Литературный заяц» («Отечественные записки». 1846. №2).

По характеристике Бурнашева, Бранта отличали «речь наставительная и самовосхвалительная, движения медленные и плавные, усмешка, старающаяся быть остроумною и глубокомысленною. Слыл литератором, потому что печатал в журналах различные статейки довольно сомнительных качеств и издал какой-то роман. Он являлся постоянно, словно на службу, к Гречу по четвергам /.../ и к Кукольникову по субботам». (Лит. салоны и кружки. Указ. изд. С.280).

¹³ Элькан Александр Львович (1786-1868) — театральный критик и переводчик, переводчик в Департаменте путей сообщения и публичных зданий. Агент III отделения. Возможный прототип Загорецкого в «Горе от ума» и Шприха в «Маскараде» Лермонтова.

¹⁴ Смирновский Платон — беллетрист и журналист 1830-1850-х гг., «сочинявший безграмотные статьи лакейским слогом» (Панаев И.И. Лит. воспоминания. Указ. изд. С.170). Сотрудничал в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» у В.С.Межевича.

¹⁵ Вероятно, неточность. Согласно Струговщикову, венчание Кукольника и Амалии Ивановны произошло летом 1843 г., т.е. за десять, а не за семь лет до написания баллады Лонгинова (1853). См.: Рус. старина. 1874. №4. С.708-709, примеч.

¹⁶ Кукольник звал жену «муменькой» и «мумочкой». Ср. в мемуарах П.М.Ковалевского, описывающего беседы «Султана» и «Атамана» с Нестором Васильевичем за картами в присутствии его жены: «"мумочка" визжала и приговаривала: "ах, фуй! Какой смешной!", призывая на помощь "Несторхена" всякий раз, когда не в меру русская соль играющих становилась не под силу ее филологии. Несторхен /.../ разъяснял, и маленькие его глазки слезились от смеха». (Ковалевский П.М. Стихи и воспоминания. Указ. изд. С.223).

И.С.Тургенев, Н.А.Некрасов (и А.В.Дружинин?)

ПОСЛАНИЕ К ЛОНГИНОВУ

Недавний гражданин дряхлеющей Москвы,
О друг наш Лонгинов, покинувший — увы! —
Бассейной улицы приют уединенный,
И Невский, и Пассаж, и клуба кров священный,
Где Анненков, чужим наполненный вином,
Пред братцем весело виляет животом,
Где, не предчувствуя насмешливых куплетов,
Недолго процветал строптивый Арапетов,

Где, дерзок и красив, и низок, как лакей,
Глядится в зеркало Михайло Кочубей,
Где пред Авдулиным, играющим зубами,
Вращает Мухортов лазурными зрачками,
Где, о политике с азартом говоря,
Ты виртембергского пугал секретаря
И не давал ему в часы отдохновенья
Предаться сладкому труду пищеваренья, —
Ужель, о Лонгинов, ты бросил нас навек?
Любезнейший поэт и редкий человек?
Не ожидали мы такого небреженья.
Иль мало мы к тебе питали уваженья?
Иль полагаешь ты, что мы забыть могли
Того, кем Егунов был стерт с лица земли,
Кто немцев ел живьем, как истый сын России,
Хотинского предал его родной стихии,
Кто верно предсказал Мильгофера судьбу,
Кто сукиных сынов тревожил и в гробу,
Того, кто, наконец, — о подвиг незабвенный —
Поймал за жирный хвост весь причет наш священный?
Созданье дивное! Ни времени рука,
Ни зависть хитрая лаврового венка
С певца Пихатия до той поры не сдернет,
Пока последний поп в последний раз не пернет.
И что же! Нет тебя меж нами, милый друг!
И даже — верить ли? — ты нынче свой досуг
Меж недостойными безумно убиваешь,
В купальне — без штанов — с утра ты заседаешь;
Кругом тебя сидят нагие шулера,
Пред вами водки штоф, селедка и икра.
Вы пьете, плещетесь и пьете вновь до рвоты!
Какие слышатся меж вами анекдоты!
Какой у вас идет постыдный разговор!
И если наконец вмещаешься ты в спор,
То подкрепляешь речь не доводом ученым,
А вынимаешь член и потрясаешь оным!
Какое зрелище! Но будущность твоя
Еще ужаснее... Так вижу, вижу я:
В газетной комнате, за «Северной пчелою»,
С разбухшим животом, с отвислою губою,
Среди обжорливых и вялых стариков,
Тупых политиков и битых игроков
Сидишь ты, то икнешь, то поглядишь сонливо...

«Эй, Вася! трубочку!» — проговоришь лениво,
И тычет в рот тебе он мокрым янтарем,
Не обтерев его прилично обшлагом.
Куря и нюхая, потея и вздыхая,
Вечерней трапезы уныло выжидая,
То в карты взглянешь ты задорным игрокам,
То Петербург ругнешь, за что не знаешь сам...
А там, поужинав, залезешь в колымагу,
И повезут домой две клячи холостягу, —
Домой, где всюду пыль, нечистота и мрак,
И бродит между книг хозяином прусак,
И счастье еще, когда не встретит грубо
Пришельца позднего из Аглицкого клуба
Лихая бабища — ни девка, ни жена...
Что ж тут хорошего! Ужели не страшна,
О друг наш Лонгинов, такая перспектива?
Опомнись, воротись! Разумно и счастливо
Ты с нами заживешь, как прежде жили мы.
Здесь бойко действуют кипучие умы:
Прославлен Мухортов отыскиваньем торфа,
Из Вены выгнали барона Мейендорфа,
Милютина проект ту пользу произвел,
Что в дождь еще никто пролеток не нашел,
Языкова процесс примерно разыгрался:
Он без копейки был, без денежки остался,
Европе возвестил известный Соллогуб,
Что стал он больше подл, хоть и не меньше глуп
А Майков Аполлон, с гнилой своей улыбкой
На днях оподлился — конечно, не ошибкой...
И Арапетов сам, тот статский генерал,
Пред кем ты так смешно и странно трепетал,
Стихами меткими недавно пораженный,
Стоит, как тучный бык, обухом потрясенный,
И с прежней дерзостью над крутизной чела
Уже не высится тюльпан его хохла!

А.В.Дружинин (и Н.А.Некрасов?)
ОТВЕТ ЛОНГИНОВА ТУРГЕНЕВУ

Черновая редакция

Тург[енев]! Кто тебе внушил
Твое посланье роковое?
Я здесь беспечно ел и пил,
С друзьями весело дробил,
Позабывая все земное.
И вдруг послание твое
В купальне всех нас так смутило,
Как будто каждому копьё
Воткнули в жопу или шило!
Тебе ли пьянство осуждать
И чернокнижные поступки,
Которым суждено блистать
От Петербурга до Алупки...
Тебе ль, кто жив лет 35,
Доныне не окреп в рассудке,
Не смеет в бардаках плясать
И всенародно хуй встряхать
Под видом грациозной шутки?
Скажи, ебал ли ты ежа,
Его в колени положи.
Как действуют сыны России,
Любил ли водку всей душой
И в час похмелья роковой
Алкал ли рюмки, как Мессии?
Ты сетуешь, что по утрам
От нас разит вином и псиной.
Но чем же, братец, пахнуть нам?
Ужель, по-твоему, малиной?
Коль верить перестал судьбе,
Людей превратному участью,
Приди, укажем мы тебе
Дорогу к истинному счастью.
Кто нас счастливей на земле,
Как на заблеванном столе
Уляжемся во сне глубоком.
Как тихо все в зловонной мгле!
Лишь разве бзднет кто ненароком...

Но чуть Аврора за муде
На сцену дня потянет Феба,
Опять мы в сладостном труде,
Хвативши водки, съевши хлеба.
Спешим мы все... Куда? пойдём
Мы к счастью путь тебе укажем!
День в наслажденьи проведем,
А ночью снова рядом ляжем.

ОТВЕТ ЛОНГИНОВА ТУРГЕНЕВУ

Окончательная редакция

Тургенев! Кто тебе внушил
Твое посланье роковое?
Я здесь беспечно ёл и пил,
Пердел устами и дробил,
Позабывая все земное.
И вдруг послание твое
В купальне круг наш так смутило,
Как будто каждому копые
Воткнули в жопу или шило!
Тебе ли пьянство осуждать
И чернокнижные поступки,
Которым суждено блистать
От Петербурга до Алупки
(Читатель ждёт за сим *залупки*.
На, вот, бери, ебена мать!).
Тебе ль, кто жив лет тридцать пять,
Доныне не окреп в рассудке,
Стыдиться нагишом плясать
И всенародно хуй встрясать
Под видом грациозной шутки?
Скажи, ебал ли ты ежа,
Его в колени положи?
Как действуют сыны России?
Любил ли водку всей душой
И в час похмелья — час лихой
Алкал ли рюмки, как Мессии?
Хвала тому, кто без зазору
В грязи, в говне, на груди вшей

Паршивейшую из блядей
Готов уеть во всяку пору!
И тот велик, кто по утрам,
Облопавшись икрой и луком,
Смущает чинных светских дам
Рыганья величавым звуком.
Блажен, кто свету не кадит,
Жеманных дам не посещает,
Купаяся, в воде пердит.
И глазом весело глядит,
Как от него пузырь всплывает
И атмосферу заражает,
Но наслажденью не вредит!

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- *А.М., издатель 276, 277
Абаза Э.А. 390, 393, 396, 402-439
Абрахам Г. 40
Абреков А.В. см. Обрезков А.В.
Авдулин Н.М. 113, 170, 452
Айзеншток И.Я. 338
Акопова Н.Н. 330
Аксаков А.Н. 378
Аксаков И.С. 325, 327
Аксаков Н.Т. 375, 378
Акутин Ю.М. 356, 360, 363, 387
Аладьин Е.В. 275, 277
Александр I, имп. 17, 36, 60, 145, 163, 173, 180, 188, 189, 194, 195, 199, 200, 230, 237
Александр Николаевич, вел. кн. 62, 294, 297, 299
Александра Павловна, вел. кн. 141, 172
Александров Ю.Н. 24
Алексеев А.А. 393
Алексеев Н.М. 268
Алексеева К.Н. см. Баратынская К.Н.
Алексеевский Б. 338
Алексей Михайлович, царь 226
Алябьев А.А. 39-48, 50-55, 58
Алябьев А.В. 40-42
Алябьев В.А. 39-58
Алябьев И.В. 58
Алябьева (урожд. Новикова) А.А. 41, 58
Алябьева А.В. 39
Алябьева Е.В. 58
Алябьевы, семья 39
Амереджибов, офицер 106, 107
Андерсон В.М. 75
Андреянова Е.И. 395, 439
Андросов В.П. 310, 322, 323
Анна Александровна, родственница Абрама А. Баратынского 213
Анна Николаевна, гр., знакомая Н.И. Греча 75
Анненков И.В. 451
Анненков П.В. 315, 389, 451
Ансело, переводчик 237
Апраксины, семья 175
Апухтин Д.А. 139, 140, 172
Аракчеев А.А. 218, 219
Арапетов И.П. 451, 453
Арапов П.Н. 42
Арбенев И.(Е.) И. 95, 101, 102, 168
Аргамакова Е.И. см. Лутовинова Е.И.
Ариневский, знакомый Е.А. Баратынского 252, 253
Армфельды (Армфельты), семья 255, 256, 258
Армфельд (Армфельт) А. 258
Армфельд (Армфельт) С.Ф. 258
Арсеньев И.А. 398
Арсеньева Н.А. 145
Артамонова И.Н. 329
Артемьев А.И. 287
Архаров Н.П. 138
Аршеневский, жених М.А. Баратынской 225, 226
Ауэрбах Э. 70
Афанасий, патриарх Константинопольский 175
Афанасьев В.В. 64, 67, 69
Ахмет III, турецкий султан 48
*Б. П.И., приживалка в семье Загряжских 83
Базаехтар, турецкий паша 106
Байков М.А. 343, 346

- Байрон Дж.Г.Н. 17, 18, 48, 50
 Баландин А.И. 368
 Балоччи Л. 50
 Баратынские, семья 206-268
 Баратынская (урожд. Яцына или Яцинина) А.М. 206, 207, 209
 Баратынская А.А. 213
 Баратынская А.В. 213, 229
 Баратынская А.Е. 255, 256, 258, 267, 268
 Баратынская (урожд. Энгельгардт) А.Л. 239, 248-258, 263, 264, 267
 Баратынская А.П. 226
 Баратынская (урожд. Черепанова) А.Ф. 208, 225, 227, 228, 239-248, 259
 Баратынская (в браке — Рачинская) В.А. 208, 240, 244
 Баратынская Е.А. 206, 228, 229
 Баратынская Елена В. 211, 212, 218, 219
 Баратынская Ефросинья В. см. Рачинская Е.В.
 Баратынская Е.Е. 250-252
 Баратынская (в браке — Алексеева) К.Н. 243, 264
 Баратынская (в браке — Панчулидзева) М.А. 206, 208, 223, 225, 226, 228, 248, 251, 252
 Баратынская М.Е. 257, 265, 268
 Баратынская М.П. 226
 Баратынская Н.А. 208, 244, 255, 256, 258
 Баратынская Н.В. 211, 212, 218, 219, 223, 224, 229
 Баратынская (урожд. Казем-Бек) О.А. 265, 268
 Баратынская С.А. 208, 244, 245
 Баратынская (урожд. Салтыкова, в 1-м браке Дельвиг) С.М. 241, 258-263
 Баратынская Ю.Е. 255, 256, 258
 Баратынский А.В. 206-229
 Баратынский А.Н. 242, 243, 267
 Баратынский Абрам А. 153, 154, 174, 206-229
 Баратынский Александр А. 206, 208, 212, 216, 218, 227, 228
 Баратынский Б.А. 206-210, 213, 220-224, 226, 227
 Баратынский В.П. 225, 226
 Баратынский Д.Е. 254, 256, 257
 Баратынский Е.А. 174, 208, 229-242, 243, 244, 245-249, 249-254, 254-258, 261-263, 263-268
 Баратынский Илья А. 206-208, 212, 214, 215, 222, 223, 226, 227
 Баратынский Иракий А. 208, 244
 Баратынский И.П. 225, 226
 Баратынский Л.А. 208, 244
 Баратынский Л.Е. 252, 255-258
 Баратынский Н.Е. 255, 256, 258, 262, 265, 268
 Баратынский П.А. 206-210, 212, 214, 215, 222, 223, 226, 227, 245, 248
 Баратынский П.И. 226
 Баратынский С.А. 208, 244, 249, 259-263
 Баратынский Ф.А. 208
 Баратынский Я.П. 226
 Барков И.С. 400, 440
 *Барон Брамбеус см. Сенковский О.И.
 Барсуков Н.П. 11, 270, 271, 282, 287-289, 291, 292, 295, 296, 304, 307, 309, 310, 314, 318, 323, 327, 333, 334, 336, 340, 341, 344, 345, 348, 349, 352, 353, 355, 356, 358, 360, 363, 365, 367, 369, 372, 374, 378-382, 387, 388
 Бартенева П.И. 83, 167, 334
 Баттё Ш. 16, 17
 Батулин Н.С. 87
 Батюшков К.Н. 62, 233
 Бауэр К.Ф. см. Боур К.Ф.
 Башмаков И.И. 37, 38
 Башуцкий А.П. 318, 325, 327
 Бейльвиц Ф. фон 177
 Бейльвиц К. фон, см. Ленгефельд К. фон
 Беккер Г. 177, 178
 Беккер Г.Г. 255, 257, 258

- Белавин Д.Г. 11
Белизар, книгопродавец 321
Белинский В.Г. 26-28, 38, 257, 330, 337
Белов А., подрядчик 353
Белов С.В. 449
Бенедиктов В.Г. 324
Бенкендорф А.Х. 47, 328
Бергасс Н. 203-205
*Бернет Е. см. Жуковский А.К.
Бессараб М.Я. 310
Бессонов Б.Л. 290, 361
Бессонов П.А. 348, 368
Бестужев А.А. 42, 46, 298, 440
Бецкой И.Е. 310
Биллярский П.С. 350
Биньян А. 30
Бистром А., поэт 40
Благово Д.Д. 167, 175
Бланшард П. 30
Блудова А.Д. 379
Блюм А.В. 30
Богословский М.П. 299
Бодянский О.М. 377, 380
Бодю М. де 184
Бокова В.М. 81-175, 328
Болотов А.Т. 81
Большаков Т.Ф. 344, 347, 348, 354, 355
Бороздин К.А. 392
Боур Г.Д. 126
Боур К.Ф. 113, 115, 116, 170
Бочаров С.Г. 232
Браницкая (Броницкая, урожд. Энгельгардт) А.В. 117, 171
Браницкий К.-Ф. 171
Брант (Брандт) Л.В. 445, 450, 451
Браунинг Р. 71
Бринкман, офицер 107
Брюзгина Л.П. 324
Брюллов К.П. 398, 448
Буало Н. 269, 274
Буданов, управляющий 151
Булацель, майор 115
Булгаков А.Я. 67, 392
Булгаков К.А. 392, 393, 401-405, 440
Булгаков П.А. 401, 439
Булгаковы, семья 67, 73
Булгарин Ф.В. 27-29, 293, 324, 325, 341, 342, 383, 397-399, 441-444, 446, 448-450
Бунина А.П. 276
Бурбоны, династия 201
Бурнашев В.П. 346, 448, 449, 451
Бурцев П.Е. 40
Бутурлин Д.П. 382, 383, 386
Бутырский Никита И. 310
Бутырский Николай 310
Бычков А.Ф. 321, 350, 380
*Б-ъ И. 74
*В.И.Д. см. Даль В.И.
Варадинов Н. 345
Варвинский И.В. 372
Васнецов А.М. 24
Вейнберг А.Л. 392
Велисарий (Велизарий) 284, 285
Вельтман А.Ф. 40, 45, 287, 335, 349, 356, 358-360, 362, 364, 370-372, 375-377, 379, 381, 382, 387, 388
Вельтман (урожд. Крупенникова) Е.И. 376, 379
Венгеров С.А. 30, 31, 287, 310, 311, 327, 331
Веневитинов А.В. 336, 337
Веневитинов Д.В. 62, 337
Вергилий 16, 278
Верлинский А.Л. 32
Верстовский А.Н. 42, 47, 273, 308
Веселовский А.Н. 65, 67, 69
Веттер И.И. 40
Вигель Ф.Ф. 81
Видок Э.Ф. 442, 443, 449
Виельгорский Матв.Ю. 42, 51
Виельгорский Мих.Ю. 42, 61
Виктор Денисович, знакомый Абрама А. Баратынского 211
Виланд К.М. 177
Вильдеман, карточный игрок 424, 425
Вильнев, владелец пансиона 87
Вишневский, помещик 112

- Владиславлев В.А. 294, 330, 331, 335, 337, 447
 Воейков, знакомый Абрама А. Баратынского 216, 217
 Воейков А.Ф. 238
 Воейкова А.А. см. Протасова
 Войцехович А.И. 348
 Волков А.А. 277
 Волкова А.Н. 94, 95
 Волконский П.М. 10, 356
 Волоцкой, чиновник 9
 Вольман Б.Л. 42
 Вольский А. 361
 *Вольтер (Аруз М.Ф.) 20, 50, 170
 Вольф А.И. 272, 394
 Вольцоген фон, семья 176, 182, 185, 186
 Вольцоген В. фон 176-205
 Вольцоген Г. фон 176, 177
 Вольцоген Карл фон 176
 Вольцоген Каролина фон см. Ленгефельд К. фон
 Вольцоген Ш. фон 176
 Вольцоген Э.Л. фон 176
 Вордсворт, У. 65
 Воронцова (урожд. Браницкая) Е.К. 171
 Враский А.В. 306, 307
 Враский Б.А. 307, 308
 Времев Т. 44
 Всеволожский Н.В. 42, 75
 Всеволожский Н.С. 75, 77
 Вуич Н.В. 124-126, 128, 129, 172
 Вульф, тверской вице-губ. 137
 Вульф А.Н. 259
 Вьейвилль Ф. де 179
 Вяземская В.Ф. 64, 65, 71, 72
 Вяземский А.И. 198
 Вяземский П.А. 39, 40, 61, 69, 195, 232, 249, 327-330, 376, 379
 Вяземский П.П. 348

 Гагарин В.Ф. 44
 Гаевский В.П. 232
 Галилей Г. 284
 Галлей Э. 284
 Гарве (Гарви) Х. 55

 Гаусман А. 379
 Геденонов А.М. 393-395, 402, 410, 418, 420-422, 439
 Генгене (Женгене) П.Л. 74
 Гердер И.Г. 177, 199-201
 Геркен (урожд. Баратынская) З.Е. 265, 268
 Геркен И.П. 265, 268
 Герцен А.И. 77, 440
 Гершензон М.О. 13, 19-21
 Гессель Н.П. 37
 Гете И.В. 67, 179
 Гешен Г. 180
 Гизо Ф. 74, 75
 Гиппиус Вас.В. 76
 Гитлиц Е.А. 397
 Глебов А.Н. 40
 Глинка М.И. 40, 309, 327, 328, 390, 393, 398, 399, 401, 402, 447, 448
 Глинка С.Н. 24, 81
 Глинка Ф.Н. 40, 279, 287
 Глухарев И.Н. 27
 Гнедич Н.И. 42, 234, 235, 238, 259, 277
 Гоголи, семья 175
 Гоголь Н.В. 11, 62, 69, 75-77, 82, 175, 255-257, 321, 323, 324, 329-332, 334
 Голенищев-Кутузов П.И. 9, 10, 16
 Голицын, знакомый Н.И.Греча 74
 Голицын А.Н. 35, 237
 Голицын Д.В. 48
 Головин, театрал 391
 Головин А.В. 340
 Голубцов В.В. 340
 Гомер 69-71, 196, 197
 Гончаров (Ганчеров) А.А. 86, 167
 Гончарова Н.Н. 39, 167, 168
 Гораций 16
 Горленко И.А. (Горенко Е.) 165, 175
 Горяинов С. 180
 Гофман М.Л. 242, 243
 Гран Л. 431, 440
 Гребенка Е.П. 335, 349
 Грей Т. 59, 69

- Греч А.Н. 443, 450
 Греч Н.И. 73, 74, 77, 293, 296, 297, 299, 307, 322, 324, 443, 448-451
 Грибоедов А.С. 42, 46, 62, 233
 Григорович В.И. 350
 Григорович Д.В. 328, 366, 383, 390, 448, 450
 Гриц Т.С. 349
 Грот Я.К. 17, 297, 321, 337, 339
 Гротус, карточный игрок 424, 425
 Грохольский, офицер 98
 Грушин Ф.Ф. 294, 300
 Гудович И.В. 113, 171
 Гулак А.Н. 324
 Гулевич С.А. 32
 Гурьева М.А. см. Ермолова М.А.
 Гурьянов Г.П. 32, 33
 Гурьянов И.Г. 24-38
 Густав IV Адольф, король шведский 141, 172
- Давыдов В.Л. 168
 Давыдов Василий Д. 168
 Давыдов Владимир Д. 168
 Давыдов Д.В., дед поэта 168
 Давыдов Д.В., поэт 40, 168, 241
 Давыдов Д.Д. 97, 99, 144, 168
 Давыдов И.И. 323, 353, 377, 380, 381
 Давыдов Л.Д. 168
 Давыдова (урожд. Колычева) А.А. 168
 Давыдова (урожд. Тютчева) В.Ф. 144, 173
 Давыдова М.Д. 168, 173
 Даль В.И. 58, 287-388
 Даль Е.В. 319, 333, 354, 355, 359, 363, 364
 Даль (урожд. Соколова) Е.Л. 309, 312-314, 318, 319, 323, 327, 332, 336, 339, 341, 343, 344, 346, 347, 351, 357, 359, 363
 Даль Л.В. 336, 337, 359, 360, 363, 364
 Даль М.В. 336, 337, 351, 359, 363, 364
- Даль О.В. см. Демидова О.В.
 Даль (урожд. Андре) Ю. 353, 354
 Даль Ю.В. 336, 337, 359, 363, 364
 Даненберг, акушер 165, 166
 Данилова А.П. 402, 431, 432, 440
 Данзас К.К. 392
 Даргомыжская М.Б. 58
 Даргомыжские, семья 58
 Даргомыжский А.С. 58
 Дворецкая Н.А. 379
 Двятковский, врач 251, 252
 Дебольцов, театрал 414
 Дегай А.П. 386
 Декслер, гувернантка 246, 248
 Дельвиг А.А. 40, 62, 230, 234, 237, 249, 259, 261, 262, 276, 449
 Дельвиг А.И. 241, 259, 260, 449
 Дельвиг С. см. Баратынская С.М.
 Демидова (урожд. Даль) О.В. 336, 337, 351, 359, 363, 364
 Демидова О.П. 288, 319
 Дервянов, казак 295, 300, 301
 Державин Г.Р. 68, 184, 281, 340, 377
 Державина (урожд. Дьякова) Д.А. 340
 Дерюгина Л.В. 232
 Джальинский, польск. генерал 132
 Джустиниани, импровизатор 322-324
 Диоген 13
 Дмитриев И.И. 178, 184
 Дмитриев М.А. 232
 Дмитриев-Мамонов А.М. 102, 149, 169
 Дмитриев-Мамонов М.А. 169
 Добролюбов Н.А. 396
 Доброхотов Б.В. 40, 42, 43, 45, 49, 50
 Долгорукий И.М. 167
 Достоевский Ф.М. 357, 358
 Драшусова-Карлгоф Е.А. 398
 Дружинин А.В. 301, 389, 396, 397, 400, 451-456
 Дубельт Л.В. 383, 391, 393, 398, 402, 406, 410, 412-414, 417-419, 421-423, 430-433, 437-440, 448

- Дубровский П.П. 340
 Думбовский, хорунжий 120, 124, 134
 Дюканж В. 270, 272-274
- *Е.Н., журналист 273
 Евагрий, инок 57
 Еган, шведский солдат 137
 Егоров Б.Ф. 389
 Егунов А.Н. 372, 452
 Екатерина II, имп. 41, 141, 142, 149, 163, 168, 169, 173, 180, 188, 189, 191-193, 207, 264, 267
 Екатерина Алексеевна, родственница Абрама А. Баратынского 213
 Елагина А.П. см. Киреевская А.П.
 Елизавета Петровна, имп. 168, 343
 Еникунцев (Еникунцев) А.И. 303-305, 308, 309
 Еникуцев Н.А. 304
 Ермолаев Д.П. 10
 Ермолов А.А. 100
 Ермолов А.Л. 100, 168, 169
 Ермолов А.М. 167
 Ермолов Александр П. 94, 96, 146, 157, 168, 169
 Ермолов Алексей П. 162, 163, 167-169, 173, 175
 Ермолов Н.А. 100, 145, 157, 169, 173
 Ермолов П.А. 100, 142, 143, 169, 173
 Ермолов С.А. 95, 96, 100, 145, 146, 168, 169
 Ермолова В.А. 100, 101, 143, 145, 147, 167, 169
 Ермолова (урожд. Загряжская) М.А. 91, 95, 100, 101, 143, 168, 169
 Ермолова М. см. Давыдова М.Д.
 Ефимьев, городничий 142
- Жанета Кондратьевна, сводня 399, 442, 443, 445, 449
 Жемчужников А.В. 396
 Жемчужников А.М. 396
 Жеребцов А.М. 402, 404, 405, 407-410, 413, 414, 418, 419, 435, 436, 438
 Жернаков, типограф 441, 448
 Жигало М. 302
 Жирард, приятель Д.П. Загряжского 95
 Жихарев С.П. 170
 Жуковская А.В. 68
 Жуковский А.К. 442, 445, 449
 Жуковский В.А. 11, 40, 46, 47, 59-71, 71-73, 77, 230, 234, 237, 286, 293, 297, 302, 303, 367, 376, 379, 399
 Жуковский П.В. 68
- Загоскин М.Н. 42, 321, 371, 376, 378, 379, 387
 Загряжская (в браке Сабурова) Е.М. 160, 165, 174
 Загряжская Е.П. 84, 85, 91, 94, 138, 144, 146, 167
 Загряжская М.И. 84, 85, 92, 138, 167
 Загряжская М.М. 162
 Загряжская (урожд. Хрушова) Н.А. 174
 Загряжская Н.К. 99, 101, 102, 168
 Загряжская (Загряжская, урожд. Ивлева) П.И. 148-151, 154, 162
 Загряжская (урожд. Калашникова) С.А. 174
 Загряжский А.А. 99, 168
 Загряжский Александр П. 84, 85, 87, 91, 92, 94, 103-106, 109, 111, 112, 115, 117, 119, 124, 137, 140, 143, 144, 166, 167
 Загряжский Алексей П. 84, 85, 87, 167
 Загряжский Д.П. 84, 85-87, 91, 92, 94, 95, 114, 137, 143, 148, 149, 151, 162, 166, 167
 Загряжский И.М. 153, 154, 156, 162, 174
 Загряжский М.П. 81-83, 83-166, 167-175

- Загряжский (Загряжской) Николай Александрович 99, 101, 102, 108, 109, 113, 168
- Загряжский Николай Андреевич (Загряжской Н.И., ум. ок. 1793) 148, 173
- Загряжский Николай Андреевич (ум. 1855) 288, 308, 309, 348-350
- Загряжский П.А. 84-88, 90-93, 99, 167, 168
- Загряжский П.М. 157, 162, 174
- Загряжский Ф.П. 84, 85, 87, 167
- Зайцев Б.К. 64-66, 71
- Зайцова А.Н. 245, 248
- Закревская А.Ф. 232
- Закревский А.А. 230-232, 241, 258, 375, 377, 378, 382
- Залужская, возлюбленная И.А. Энгельштрома 126
- Западов А.В. 269, 277, 281
- Звездин А.И. 58
- Зейдлиц К.К. 294, 299
- Зенков (Зеньков) П.Ф. 341-343, 346, 347, 349, 350
- Зимин П.В. 361
- Зиновьев Я., хивинский пленник 294, 300
- Змеев Л.Ф. 8
- Зонтаг А.П. 67
- Зотов А.И. 94, 167
- Зотов В.Р. 389-391, 395, 396, 440
- Зотов З.К. 141, 173
- Зотов Р.М. 272
- Зотова Е.П. см. Загряжская Е.П.
- Зражевский А.А. 290, 366
- Зряхов Н.И. 37
- Зыбин Г.М. 170
- Зыбин Д.М. 170
- Зыбин М.И. 112, 167, 170
- Иван Александрович, родственник Абрама А. Баратынского 213, 219, 220
- Иван Егорович, крестный отец Е.А. Баратынского 227, 228
- Иванов Г.К. 47
- *Иванов-Разумник Р.В. 448
- Иванова Т.П. см. Смирнова Т.П.
- Ивановский А. 349
- Игельстром И.А. см. Энгельштромом И.А.
- Иевлев Д.И. 149, 150, 154-156, 173
- Иевлев Павел И. 149, 154-156, 161, 162, 173
- Иевлев Петр И. 149-151, 154-160, 173
- Иевлева А.Е. 147, 149-154, 173
- Иевлева (в браке Загряжская) А.И. 145-158, 160-162, 165, 166, 173
- Иевлева П.И. см. Загряжская П.И.
- Иевлевы, семья 149
- Иезуитова Р.В. 315, 367
- Иеллачич де Бужим И. 380
- Измайлов А.Е. 237, 289
- Измайлов В.В. 279
- Изяслав Мстиславич, вел. кн. 375
- Илличевский А.Д. 259
- Ильин-Томич А.А. 3-4, 57, 75-77, 287-388
- Иноземцев Ф.И. 333, 334
- Инсарский В.А. 393, 395
- *К.Ш. см. Шаликов П.И.
- *Казак Луганский см. Даль В.И.
- Казаринов, землевладелец 86
- Казем-Бек О.А. см. Баратынская О.А.
- Каковинская А.Н. 91, 97, 99, 100, 167
- Каковинский Н.Н. 85, 91, 167
- Калайдович Н.К. 350
- Калашникова С.А. см. Загряжская С.А.
- Калугин А.Н. 338
- Калугин Е.Н. 338
- Калугин Н.А. 338
- Калугин Н.Н. 336, 338, 343
- Калугина А.Л. 338
- Калугина А.Н. 338
- Калугина К.Ф. 338
- Каменская М.Ф. 328, 440
- Каменский П.П. 326-328, 432, 440

- Канкава М.В. 287, 288, 311, 372
 Каннинг Дж. 60
 Кант И. 11, 177, 199-201
 Кантемир А.Д. 16
 Кантемир С.Д. 86, 167
 Карамзин А.Н. 202, 204, 205
 Карамзин В.М. 184, 187, 189, 193, 195, 198
 Карамзин Н.М. 17, 24, 28, 176-182, 182-204, 205, 356, 377
 Карамзина (урожд. Кольванова) Е.А. 194, 195-201, 202, 204
 Карамзина (в браке Мещерская) Е.Н. 202, 204, 205
 Карамзина (урожд. Протасова) Е.И. 180, 185-191, 194, 195, 198, 200
 Карамзина Н.Н. 202, 204, 205
 Карамзина С.Н. 180, 187-192, 202, 204, 205
 Каратыгин П.А. 393, 395, 439
 Карафф, знакомый Н.М. Карамзина 199, 201
 Карелина А.М. 260
 Карл, герцог Вюртембергский 176
 Карл Август, герцог Саксен-Веймарский 180, 189, 193-195
 Карл Фридрих, кронпринц Саксен-Веймарский 179-181, 188, 189, 191-193
 Карлье П. 77
 Карпинский, поручик 123
 Катенин П.А. 42
 Каховская М. см. Давыдова М.Д.
 Каховский А.М. 103, 141, 169, 170, 173, 175
 Каховский М.В. 118, 171
 Каховский П.Г. 258, 259
 Квитка-Основьяненко Г.Ф. 287, 294, 295, 299-302, 321
 Кельсиев В.И. 345
 Керн А.П. 259
 Кернер Г. 177
 Киндяков Павел, майор 144, 173
 Киндяков Петр, поручик 144, 173
 Киреев А.Д. 394, 416
 Киреевская А.П. 11, 66, 249, 377, 380
 Киреевская Н.П. 11, 377, 380, 385
 Киреевский И.В. 7, 11, 13, 17, 18, 239, 242, 249, 263, 353, 356, 377, 380
 Киреевский П.В. 11, 363, 364, 367-369, 371, 373, 374, 377, 380, 382, 383, 387
 Кирпичников А.И. 19, 21
 Киселев П.Д. 76
 Киселев С.Д. 378
 Княжевич Д.М. 276
 Княжнин Я.Б. 16
 Ковалевский П.М. 447, 451
 Кованко, офицер 89
 Козлов, помещик 160
 Козлов, чиновник 351, 353
 Козлов И.И. 40
 Козлова Л.П. 330
 Козловский П.Б. 59-63, 67, 71-73
 Кокошкин Ф.Ф. 272, 273
 Колбасин Е. 269
 Колкин, помещик 159
 Коло Ж.-П. 30
 Колокольцев, поручик 121, 122
 Колошин П.И. 231
 Колошина А.Г. 257
 Комаров М. 38
 Комаровская В.Д. 309
 Конбурлей (Комбурлей) М.И. 117, 118, 171
 Конбурлей (Комбурлей) П.И. 117, 118
 Кони Ф.А. 26, 27, 346
 Константин Николаевич, вел. кн. 368
 Коншин Н.М. 248, 252
 Коперник Н. 284
 Копьев (Капьев) А.Д. 97, 168
 Кораблев Н.П. 374
 Кораблев С.П. 373, 374
 Кордобовский К.А. 310
 Корнеев А. 27
 Корнилов Ф.П. 374, 375, 377, 378, 381
 Корнильев В., типограф 41

- Корсаков П.П. 324
 Корф М.А. 382, 386
 Корф Ф.Ф. 330-332, 335
 Корш Е.Ф. 288
 *Костилова Е. см. Лямина Е.Э.
 Костров Е.И. 280, 282
 Костылев М.А. 246, 248
 Кох, воспитанница Театрального училища 394
 Кочубей М.В. 452
 Кошелев А.И. 231
 Кошелев Д.Р. 153, 174
 Краевский А.А. 291, 307, 352, 362, 369, 378, 379, 383, 400
 Красовский, офицер 113
 Кривцов Н.И. 68
 Криницын Н.Л. 425
 Кристафович (Кроштафович) О.К. 216, 217
 Крупенникова Е.И. см. Вельтман Е.И.
 Крутицкая, жена театр. чиновника 394
 Крутицкий, театр. чиновник 394, 432
 Крылов И.А. 42, 234, 302, 335
 Крюков Н.П. 231
 Кудрявцев Н.А. 264, 267
 Кудрявцев Н.Н. 264, 267
 Кузмичев Ф.С. 27
 Кузмищев П.Ф. 310, 311, 322
 Кукольник А.И. 399, 442-444, 446, 447, 449, 451
 Кукольник Н.В. 295, 324, 325, 397-399, 441, 443, 444, 446-449, 451
 Кукольник П.В. 441, 447, 448
 Кумуржи А[ли] 48
 Куник А.А. 287, 339-342, 350, 351
 Купер Ф. 38
 Курочкин Ю.М. 297
 Куторга С.С. 332, 333, 368
 Кучин Н.А. 216, 217
 Кушелев-Безбородко А.Г. 398
 Кюстин А. де 59, 60
 Кюхельбекер В.К. 62, 69, 230
 *Лавров (Чиркин) Н.В. 51
 Лавров П.Л. 389, 390
 Лазар, знакомый Н.И. Греча 74
 Лазаревский В.М. 328, 338, 360, 361, 370, 372-376, 383, 385
 Лазаревский Ф.М. 360
 Ламартин А. де 55
 Ланский Л.Р. 333
 Ланской С.С. 57
 Лаппо-Данилевский А.С. 351
 Лафатер И.К. 177
 *Лацис М.И. (Судрабс Я.Ф.) 243
 Лашкин Н. 32
 Лбовский А.Н. 264
 Лебедев М.С. 432, 440
 Левин Ю.Д. 328
 Левкович Я.Л. 289
 Леман У. 180
 Лемке М.К. 328
 Ленау Н. 66
 Ленгефельд фон, семья 177
 Ленгефельд К. фон (в 1-м браке — фон Бейльвиц, во 2-м — фон Вольцоген) 177-179, 182, 188-192, 196, 198, 202, 204
 Ленгефельд К.К. фон 176
 Ленгефельд Лотта фон (в браке — Шиллер) 176
 Ленгефельд Луиза фон 176
 Лермонтов М.Ю. 39, 62, 174, 233, 451
 Лернер Н.О. 328, 440
 Лесников, моск. купец 91
 Лешков В.Н. 381, 382, 388
 Линдгрэн, переводчик 237
 Лисаневич, поручик 164
 Лисенков И.Т. 341, 380, 442, 449
 Литвинов В.В. 383
 Лобков А.И. 343-345
 Ломоносов М.В. 20, 280, 282, 377
 Лонгинов М.Н. 389-400, 401-439, 440, 441-447, 447-456
 Лоский А.А. 57
 Лотман Ю.М. 177, 269
 Лукерья Яковлевна, родственница Абрама А. Баратынского 214
 *Луганский В. см. Даль В.И.

- Лунин, майор 328
 Лутковский Г.А. 230
 Лутовинова Е.И. 139, 172
 Львов А.Н. 339, 340
 Львов В.В. 339, 340
 Львов Д.С. 145-147, 149, 173
 Львов Н.А. 340
 Львов С.Л. 111, 117, 170
 Львов Ф.Ф. 302
 Львова (урожд. Дьякова) М.А. 340
 Львова (урожд. Павлова) М.А. 145-147, 173
 Львова (урожд. Мордвинова) Н.Н. 340
 Любецкий С.М. 37, 38
 Лядов А.К. 309
 Лямин Е.И. 277
 Лямина Е.Э. 7-23, 174, 176-205, 206-208
 Ляпунова (урожд. Демидова) Е.П. 290

 Майер (Маер) Я.П. 161, 166, 175
 Майков А.А. 48, 453
 Майков В.И. 399
 Майков Л.Н. 315
 Майков Н.А. 48
 Максимович М.А. 289, 290, 304, 361, 380, 388
 Марий Гай 285
 Мария Павловна, вел. кн. 179-181, 191-193, 196, 197
 Мария Федоровна, имп. 240
 Маркус, врач 15
 Мартынов Д.М. 174
 Мартынов Н.С. 174
 Марфа Александровна, родственница Абрама А. Баратынского 214, 221, 222
 Маслов Д.С. 138
 Маслова А.Д. 139
 Маслова А.П. 138, 139
 Махмут II, турецкий султан 50
 Машков П.А. 338
 Медведский (Медвяцкий) С.И. 161, 174
 Медяник, хивинский пленник 295, 300
 Межевич В.С. 339, 443, 450, 451
 Мезьер (Мезиер) А.В. 298
 Мейендорф П.К. 453
 Мелиссино П.И. 225
 Меллер-Закомельский Е.И. 105, 169
 Меллер-Закомельский И.И. 113, 170
 Мельников П.И. 57, 287, 290, 298, 309, 319, 344, 345, 348, 368, 383
 Мерзляков А.Ф. 280-282
 Местр К. де 235, 238
 Мешеринов Д.В. 390, 393, 396, 402-439
 Мешерская Е.Н. см. Карамзина Е.Н.
 Мешерские, княжны 112
 Мильгофер Л. 451
 Милютин Н.А. 453
 Миних Б.К. 169
 Минцлов С.Р. 298
 Михаил Павлович, вел. кн. 61, 392, 393
 Михайлов, калужский чиновник 118
 Михайлов И.М. 304
 Михайлов М.И. 304
 Михайлова А.Н. 76
 Мицкевич, знакомая М.П. Загряжского 126-130
 Могиланский А.П. 307
 Модзалевский Б.Л. 241, 258, 259, 290
 Модзалевский В.Л. 338
 Мойер И.Ф. 64
 Мордвинов Н.С. 340
 Морозов П.О. 269, 281
 Мостовская Н.Н. 450
 Муравейникова Н.Ю. 32
 Муравьев А.Н. 231, 232
 Муравьев М.Н. 17
 Муравьев Н.Н. 9, 231
 Муравьев-Апостол М.И. 15
 Муханов А.А. 238

- Муханов П.А. 283
 Мухортов З.Н. 452
- *Н., ротмистр 116
 Надеждин Н.И. 297, 341, 342, 345, 348, 351, 352, 354, 357-359, 361, 363-365, 373, 375, 378, 382, 384
 Назимов В.И. 291
 Найденев А.П. 40
 Наполеон I, имп. 69, 70, 199, 201, 202, 449
 Наполеон III, имп. 74
 Наумов М.М. 375, 378
 Нахун, чиновник 299
 Невахович А.Л. 393-395, 402, 414-417, 427, 430, 434, 435
 Невахович Александра, жена А.Л. Неваховича 415-417
 Невахович М.Л. 395, 396, 402, 404, 407, 408, 410, 412-414, 423-430, 433-437, 439
 Невахович Т. см. Смирнова Т.П.
 Неволин К.А. 361, 378
 Нейманы, знакомые А.Ф. Баратынской 247, 248
 Некрасов Н.А. 358, 361, 389, 396, 397, 400, 450, 451-456
 Нелидова Е.И. 207, 208, 225, 226, 246, 248
 Неплюев, полковник 112
 Нестор, летописец 381
 Нешумова Т.Ф. 269-286
 Никитенко А.В. 325, 332, 334, 338, 339, 380, 382, 383, 400
 Никитин А., пленник 294, 300
 Николай I, имп. 36, 47, 51, 77, 167, 301, 307, 325, 336, 345, 382-385, 398
 Николай Александрович, родственник Абрама А. Баратынского 213
 Нильский А.А. 393, 394, 440
 Новиков Н.И. 41, 58
 Новиков Н.П. 58
 Новикова А.А. см. Алябьева А.А.
 Новицкий А.И. 302
- Новосильцевы, семья 447
 Носков А., поэт 40
- Обер Ф.Н. 394, 395, 402-406, 409, 410, 412-414, 423, 430-432, 435-438, 440
 Облеухов А.Д. 8
 Облеухов Д.А. 7-23
 Облеухов Д.Д. 10-12
 Облеухова П.Ф. 10-12, 15
 Облеухова Е.И. 10-12, 22
 Облеуховы, род 7, 8
 Оболенская, княжна 144
 Оболенская (урожд. Тютчева) А.Ф. 173
 Оболенский В.И. 231
 Оболенский Е.П. 173
 Оболенский П.Н. 173
 Обрезков А.В. 95, 101
 Овдулова П.П. 146
 Овсянников Н.Г. 321, 336
 Овчинников А., писарь 300
 Одоевский В.Ф. 42, 231, 232, 294, 300, 307, 322, 325, 327, 332
 Оже, генерал 176
 Ознобишин Д.П. 231
 Оксман Ю.Г. 319
 Олсуфьев В.Д. 76
 Ольхин М.Д. 335, 336, 346, 360, 361, 441, 448
 Оржевский В.В. 336, 338, 343
 Орлов А.А. 27, 28, 37, 38
 Орлов И.В. 47
 Осип Яковлевич, родственник Абрама А. Баратынского 213
 Осипов Г.М. 114, 115, 137, 140-143, 145, 171, 173
 Осипов Н.П. 30
 Остроглазов И.М. 298, 345
 Охотин Н.Г. 318, 319, 323, 325, 327, 340
 Очкин А.Н. 325
- Павел I, имп. 8, 41, 143, 144, 149, 163, 172, 180, 193, 207, 208, 214-216, 218, 220, 223, 226, 302
 Павлов Н.Ф. 371, 373

- Павлова К.К. 371, 373
 Павский Г.П. 360, 361
 Пален П.П. 231
 Пальменбах, полковник 111, 119
 Панаев В.И. 232
 Панаев И.И. 362, 396, 449, 450
 Панаева (Головачева) А.Я. 391-395, 398, 450
 Панов С.И. 182, 290
 Панчулидзе И.Д. 206, 250-252
 Панчулидзева М.А. см. Баратынская М.А.
 *Пас[кевич?], ротмистр 116
 Паскевич И.Ф. 336, 338
 Пассек В.В. 338, 349
 Пастернак Е.Е. 174, 176-205, 206-268
 Пашков И.А. 231
 Пашков М.В. 74
 Пекарский, полковник 310, 311, 323, 335
 Перегудова З.И. 389
 Перовский Б.А. 401
 Перовский В.А. 291, 293, 306, 314
 Перовский Л.А. 56, 57, 319-321, 326, 333, 334, 336, 345, 346, 348, 349, 354-356, 358, 364, 365, 369, 372, 383, 385
 Песков А.М. 174, 206-268
 Песоцкий И.П. 361
 Петр I, имп. 60, 113, 264, 267, 336, 338, 378, 379
 Петр III, имп. 343
 Петр Федорович, вел. кн. 193
 Петров, знакомый В.И. Даля 287
 Петров В.П. 277, 280, 282
 Петрунина Н.П. 315
 Петушков В.П. 330, 331
 Пинес Д.М. 448
 Пирогов Н.И. 333
 Писарев А.А. 35, 36
 Писарев А.И. 42
 Пишегрю, генерал 202
 Платов М.И. 117, 171
 Плетнев П.А. 17, 67, 258, 259, 321, 322, 323, 330, 337, 339
 Плюшар А.А. 296, 398, 441, 442, 448-450
 Погодин Г.П. 329
 Погодин М.П. 11, 17, 231, 257, 269-388, 448
 Погодина (урожд. Вагнер) Е.В. 318, 323, 327, 332, 336, 341, 344, 347, 349, 351
 Полевой Н.А. 293, 295, 296, 321, 324, 330, 331, 349
 Полевые, братья 321
 Полетика П.И. 61
 Полиевктов М.А. 349
 Полторацкая (урожд. Киндякова) М.П. 257
 Полторацкие, семья 255, 256, 258
 Полторацкий С.Д. 231, 257
 Пономарев С.И. 361
 Поп А. 55
 Попов А.Н. 379
 Попов В.С. 103, 117, 118, 169
 Порудоминский В.И. 287, 291, 296, 297, 299, 302, 310, 315, 319, 324, 334, 383
 Посошков И.Т. 346, 347
 Постельс А.Ф. 302
 Потемкин Г.А. 103, 104, 106, 110-112, 114-117, 141, 149, 168-172
 Потемкин П.С. 106, 107, 170
 Потоцкий А. 30
 Прасницкий, староста 124
 Преображенский А.А. 290
 Прокопович-Антонский А.А. 282
 Протасова А.А. 64, 65
 Протасова Е.А. 64, 65
 Протасова Е.И. см. Карамзина Е.И.
 Протасова М.А. 64-66, 71
 Протопопов А.П. 27, 37
 Прянишников Ф.И. 347-350
 Пугачев Е.И. 264, 310, 311
 Путилов Д.А. 40
 Путята А.В. 254-257
 Путята В.И. 231
 Путята Н.В. 229, 231, 232, 233-237, 237-241, 255-257

- Путята (урожд. Энгельгардт) С.Л. 232, 233, 251, 252, 255-257, 264, 267
- Пушкин А.С. 27, 39, 40, 61, 62, 66-69, 82, 168, 230, 233, 234, 236, 237, 239, 249, 257, 259, 270, 280, 283, 289, 307, 311, 314-316, 329-331, 334, 367, 398, 399, 449
- Пушкин В.Л. 280-282
- Пушкин Л.С. 259
- Пыляев М.И. 42, 173, 392, 393
- Раевский Д.В. 40
- Разумовская Н.К. см. Загряжская Н.К.
- Разумовский А.Г. 168
- Разумовский К.Г. 97-99, 168
- Раич С.Е. 231
- Райкович, майор 111, 123
- Рамазанов Н.А. 398
- Ранчин А.М. 389-456
- Расин Ж. 272
- Ратьков П.А. 320, 321
- Рачинская В.А. см. Баратынская В.А.
- Рачинская (урожд. Баратынская) Е.В. 216, 217
- Рачинский А.М. 216, 218
- Рачинский М.К. 216, 218
- Рачинский С.А. 208, 239
- Ребиндер, майор 111
- Ревреинов, моск. домовладелец 87
- Редерер, учитель 162
- Рейсер С.А. 389
- Рейтблат А.И. 24-38
- Рейтерн Г.-В. фон 62, 63, 66, 72, 73
- Рейтерн Е. фон 62-68, 72
- Рейтерны, семья 62, 64, 65
- Репнин Н.В. 115, 171
- Репнинский (Репнинской) Я.Н. 88-90, 167
- Ридигер Ф.В. 301
- Римский-Корсаков Н.А. 40
- Рихтер И.Г. 180, 182, 183, 188-190, 192-194
- Ровинский Д.А. 302
- Рогачевский А.Б. 449
- Рогов К.Ю. 290
- Рогович П.И. 336, 338, 343
- Родзевич Г.И. 345
- Родионов, знакомый М.П. Погодина 385
- Розанов Н.Ф. 55, 56
- Розен А.Е. 259
- Розен Г.В. 35
- Розенко, полтавск. помещик 89
- Роп, карточный игрок 425
- Росс, тетка К.Сталца 71
- Россини Дж. 49, 50
- Ростовцев Я.И. 388
- Ростопчин Ф.В. 376, 379
- Ротчев А. 198
- Руммель В.В. 340
- Румянцев-Задунайский П.А. 220
- Румянцева, классная дама Театр. училища 402, 418, 419, 424, 426, 435-437
- Рупини И.А. 294, 299
- Рыков Ю.Д. 348
- Рылеев К.Ф. 62
- Рюхина, актриса 405, 410, 440
- Рябков Г.Т. 169
- Рябов А.К. 390
- Рязанов Т.И. 294, 300
- Рязанцев В.И. 48
- Сабуров И.Д. 119, 123-125, 129, 131-133
- Сабурова Е.М. см. Загряжская
- Савва В.И. 311
- Савельева Е.А. 340
- Сазонов, помещик 160
- Сайтов В.И. 58
- Салтыков Г.С. 16
- Салтыков М.А. 258
- Салтыкова С.М. см. Баратынская С.М.
- Самарин Ю.Ф. 383
- Самойлов А.Н. 140-143, 172, 173
- Самойлов Л. 319
- Сапир Б.М. 390
- Сапожников А.П. 295, 296, 302, 335, 337, 342, 347, 349, 350, 372

- Сатин Н.И. 174
 Свињин П.П. 41, 42
 Селиванов А.В. 298
 Семевский М.И. 345
 Семенов В.Н. 283, 285, 286
 Сенковский О.И. 55, 294, 301, 316, 448
 Селявин И.Г. 347-349, 378
 Сербиневич К.С. 339, 340, 348
 Сигов Д.И. 27, 37
 Симанский А.В. 338
 Симанский Л.А. 21
 Сиркур А. де 237, 239
 Сиркур А.С. де см. Хлюстина
 Сисмонди (Сисмонд Ж.Ш.Л. де) 74
 Скабеев Д.С. 142
 Скабичевский А.М. 328
 Скаррон П. 392
 Скобелев И.Н. 37
 Скотт В. 30, 38
 Скуридин М.С. 59, 73, 75-77
 Скуридин Н.С. 75, 76
 Смирдин А.Ф. 293, 298, 307, 313, 336, 359, 362-364, 399
 Смирнов В., знакомый П.Л. Лаврова 390
 Смирнова Т.П. 395, 396, 402, 408, 410, 423-430, 433, 434, 436-439
 Смирновский П., литератор 445, 451
 Смольян, ротмистр 136
 Снегирев И.М. 287, 301, 345, 349, 356, 372, 386, 388
 Снытко Т.Г. 169
 Соймонов А.Д. 368
 Соколов П.П. 392, 397.
 Соколовская Т.О. 21
 Соллогуб В.А. 322, 330, 325, 332, 335-337, 392, 399
 Соломирский, племянник П.А. Булгакова 401
 Сомов О.М. 259
 Сосницкий И.И. 47, 48
 Срезневский И.И. 301
 Сталц К. 71, 72
 Старчевский А.В. 374
 Стасов В.В. 301, 382
 Степенко, вахмистр 107
 Строганов С.Г. 291, 292, 303, 304, 377, 380
 Строев В.М. 348
 Струве Г.П. 61
 Струговщиков А.Н. 399, 447, 448, 451
 Стурдза А.С. 342, 370, 372, 376, 379
 Сулостский А. 288
 Сумароков А.П. 16
 Сумароков П.П. 41
 Суме А. 50
 Суворов А.В. 105, 112, 114, 170
 Сухотин, помещик 158, 159, 163
 Сухотина В.А. 163
 Сушкова М.М. 167
 Танеев В.И. 328
 Тарле Е.В. 73
 Тассо Т. 285, 397, 398
 Татищев А.Д. 264
 Татищев Н.А. 101, 102, 169
 Татищев П.А. 267
 Татищева (урожд. Энгельгардт) Е.П. 264, 267
 Тверитинов, дворянин 161
 Темпест Р. 59-75, 75-77
 Тимм В.Ф. 440
 Титов В.П. 231
 Тихонравов Н.С. 331
 Толстая (урожд. Тугаева) А.М. 44
 Толстая С.Ф. 44
 Толстой А.К. 396
 Толстой А.П. 76, 77
 Толстой Л.Н. 43
 Толстой С.Л. 44
 Толстой Ф.И. 43, 44
 Толстой Я.Н. 59, 73-77
 Толстые, семья 44
 Траубенберг И.Г. фон 149, 156, 158-160, 173, 174
 Третьяков М.П. 9
 Трофимович, врач 163, 164, 175
 Трофимовичи, семья 175
 Трухачев, издатель 36

- Тугаева А.М. см. Толстая А.М.
 Тулинов Н.Н. 162, 165
 Тургенев А.И. 61, 64, 65, 67, 73
 Тургенев И.С. 65, 389, 390, 396,
 397, 400, 450, 451-453, 454, 455
 Турунжа, поручик 117, 118, 137
 Тушард-Лафос Г. 30
 Тынянов Ю.Н. 62, 69, 276, 277
 Тьер А. 74, 75
 Тютчев, офицер 101
 Тютчев Ф.И. 60
 Тютчев Ф.П. 173
 Тютчева В.Ф. см. Давыдова В.Ф.
 Тютчева Е.Ф. 144, 173
- Уваров С.С. 303, 304, 318, 323,
 341, 380-382
 Унгебауер, смотритель Театр.
 училища 432, 440
 Усов П.С. 57
 Устрялов Н.Г. 336, 338
 Утгоф (Утгов), владелец пансио-
 на 85
 Ухов П.Д. 368
- Федоров Д.Я. 403
 Феоктистов Е.М. 400
 Фесенко Ю.П. 315, 324
 *Фет (Шеншин) А.А. 37
 Фетисов М.И. 315
 Фикельмон Д.Ф. 66
 Филарет, митр. Московский 354,
 355
 Филд (Фильд) Дж. 246
 Флетчер Дж. 380
 Фонвизин М.А. 7, 15
 Фонвизина Н.Д. 172
 Фрейганг А.И. 330, 331
 Фрейман О.Р. фон 331
 Френкель В.Я. 61
 Фридкин В.М. 59
- Хазе К. 182
 Хвостов Д.И. 16, 269-271, 271-286
 Херасков М.М. 16
 Хетсо Г. 249, 254, 257
 Хитрово А.Н. см. Каковинская
- Хитрово Н.П. 91, 97, 99, 101
 Хлостина (в браке — де Сиркур)
 А.С. 239
 Хмельницкий Н.И. 42
 Ходж Т. 39-58
 Хомяков А.С. 376, 379
 Хотинский М.С. 451
 Храповицкая (урожд. Богданович)
 138, 172
 Храповицкая А.С. 143, 144
 Храповицкий С.Ю. 172
 Хрипунов, ротмистр 115, 116
 Хруцова Н.А. см. Загряжская
 Н.А.
- Цявловский М.А. 289
- Чаадаев М.Я. 12, 14
 Чаадаев П.Я. 7-9, 12-15, 19-23,
 297
 Чеботарев (Чибатарев) А.И. 57,
 58
 Чепега З.А. 106, 170
 Черейский Л.А. 285
 Черепанова А.Ф. см. Баратын-
 ская А.Ф.
 Черепанова Е.Ф. 244
 Черкасов А.И. 11
 Черкасов И.Л. 40
 Черкасова Е.И. 18
 Чернов С.Н. 7-9, 13, 15, 22
 Чернышевский Н.Г. 396
 Чертков Г.А. 345, 348
 Чертков Н.В. 104, 109, 169
 Чикова Т.В. 318
 Чичагов В.Я. 212
 Чорба И.Ф. 117, 171
 *Чуковский К.И. (Корнейчуков
 Н.В.) 389
 Чуровский А.И. 37, 38
- Шаликов П.И. 280, 281
 Шаплет С. де 30
 Шатилов Н.А. 39, 47, 51
 Шатилова (урожд. Алябьева) В.А.
 47, 48
 Шатобриан Ф.Р. 69, 235, 238

- Шаховская (урожд. Щербатова)
Н.Д. 12, 15
- Шаховской А.А. 42, 308
- Шаховской Д.И. 12, 15, 19-21
- Швейковские, знакомые Абрама
А. Баратынского 220
- Шевченко Т.Г. 360
- Шевырев С.П. 8, 231, 257, 272,
273, 306, 307, 312-314, 317, 319,
322, 324, 329, 332, 333, 335-337,
343, 348, 358-365, 376, 381
- Шегоров Д.Д. 139, 140
- Шегорова (урожд. Богданович)
Л.Г. 139, 140
- Шенин, литератор 448
- Шекспир У. 328
- Шенрок В.И. 76
- Шепелев И.А. 40
- Шиллер Л. см. Ленгефельд Лот-
та фон
- Шиллер Ф. 67, 176-179, 181, 185,
186, 196-198
- Ширяев А.С. 279
- Шишков А.С. 196-198
- Шишмарев А., карточный игрок
415, 416
- Шлегель Ф. 179
- Шлейден (урожд. Даль) П.И. 315,
319
- Шлейден П.П. 318, 319, 346
- Шляпкин И.А. 290
- Шмидт Х. 30
- Шолохов М.А. 4
- Шретер Е.Д. 258
- Штейнпресс Б.С. 39-41, 44, 47,
48, 51, 56, 58
- Шторх Г. (А.К.) 196-198
- Штубер Ф. 59
- Шульгин А.С. 10
- Шумахер А.Д. 358
- Щепкин М.С. 347, 349, 393
- Щербатов И.Д. 7, 9, 10, 12, 13, 15
- Щербатова А.М. 12
- Эдлинг Р.С. 67
- Эйхенбаум Б.М. 62
- Элькан А.Л. 445, 451
- Энгельгардт, сестра А.В. Браниц-
кой 117
- Энгельгардт А.Л. см. Баратын-
ская А.Л.
- Энгельгардт Л.Н. 81, 263, 264
- Энгельгардт С.Л. см. Путята
- Энгельстром И.А. 126, 140, 172
- Энгиенский герцог (Бурбон-Конде
Л.А. де) 202
- Эпиктет 96
- Эртцен фон, барон 185, 186
- Юдин Г.В. 290
- Юнг Э. 55
- Юнг-Штилинг И.-Г. 19-21
- Юнгмейстер Ю.А. 320-324, 326,
335, 339, 362
- Юстиниан, имп. 285
- Юсупов Н.Б. 39
- Языков А.М. 167
- Языков Д.С. 327, 329
- Языков М.А. 453
- Языков Н.М. 18, 40, 62, 263, 264,
270, 275-281, 283, 286, 296, 347,
349, 353, 359, 364, 376, 379
- Языков П.М. 277, 353
- Языкова (урожд. Ермолова) А.А.
88, 112, 113, 167, 170
- Языкова В.А. 112, 113
- Якимович Т.К. 302
- Яковлев М.Л. 259
- Яковлев П.Л. 289
- Якубович Л.А. 40
- Якушкин И.Д. 7-9, 12, 13, 15, 19,
21, 22
- Якушкин П.И. 347, 349, 355, 360,
363
- Яцына А.М. см. Баратынская
А.М.
- Яцына М.М. 206
- Яшвилль В.В. 405, 440

* **рий * * * * * в см. Облеухов Д.А.

Abraham G. см. Абрахам Г.
Bautni, основатель фирмы 421,
440
Kennan G.F. 61
Oertzen d' см. Эртцен фон
Richter I.G. см. Рихтер И.Г.
Schiller F. см. Шиллер Ф.
Vielleville см. Вьейвилль Ф. де
Wolzogen C. von см. Ленгефельд
К. фон

Содержание

От составителя	3
ПОРТРЕТЫ	
<i>Е.Костикова. Дмитрий Облеухов . . . . .</i>	7
<i>А.И. Рейтблат. «Фризурный» литератор Иван Гурьянов и его книги . . . . .</i>	24
<i>Т.Ходж. «Где ты, мой брат?». Поэт и чиновник Василий Алябьев . . . . .</i>	39
<i>Р.Темпест. Русские силуэты в парижских архивах . . . . .</i>	59
ПУБЛИКАЦИИ	
<i>Загряжский М.П. Записки (1770-1811). Публикация В.М. Боковой . . . . .</i>	81
<i>«...О Шиллере, о славе, о любви». (Вильгельм фон Вольцоген и Н.М. Карамзин). Публикация Е.Е. Пастернак и Е.Э. Ляминой . . . . .</i>	176
<i>Баратынские. Публикация Е.Э. Ляминой, Е.Е. Пастернак, А.М. Пескова . . . . .</i>	206
<i>Письма Д.И. Хвостова к М.П. Погодину Публикация Т.Ф. Нешумовой . . . . .</i>	269
<i>Переписка В.И. Даля и М.П. Погодина. Часть I. Публикация А.А. Ильина-Томича . . . . .</i>	287
<i>Под сению кулис и под кровлею борделя. («Писатель не для дам» М.Н. Лонгинов). Публикация А.М. Ранчина . . . . .</i>	389
<i>Указатель имен . . . . .</i>	457

Издательство «ФЕНИКС»

предлагает:

МИНУВШЕЕ. Исторический альманах. Т.13. 560 с.

В настоящем выпуске альманаха:

Воспоминания Б.Садовского о журнале «Весы» и деятелях русского символизма; мемуары П.Н. Зайцева о первой литературной газете Москвы послеоктябрьского периода.

Переписка А.Амфитеатрова и Б.Савинкова, дающая живую картину настроений в среде русской эмиграции первых пореволюционных лет.

Неизвестные письма Б.Пастернака, А.Белого, П.Зайцева, К.Бальмонта, А.Адалис.

Дневник поэтессы и переводчицы А.И. Оношкович-Яцыны (1917-1927) и окончание дневника М.А. Кузмина (1921).

Все документы подробно откомментированы.
Большое число неизвестных ранее фотографий.

Учредители издательства «Феникс»:

Издательство «Atheneum», Париж;
Российский институт искусствознания;
Школа-студия (вуз) им. Вл.И. Немировича-Данченко
при МХАТ им. А.П. Чехова;
Союз театральных деятелей России;
Международная конфедерация театральных союзов.

ЛИЦА
Биографический альманах

2

Редактор-составитель А.А.Ильин-Томищ

Редактор Т.Б.Притыкина
Технический редактор Е.В.Русакова
Корректор И.М.Курдина

Биографический институт: Санкт-Петербург, 191011, Невский, 31
Издательство «Феникс»: Москва, 103009, Тверская, 6, стр.7.

Подписано в печать 20.01.93. Формат 60×88¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0+1 усл. печ. л. вклеек. Тираж 3816 экз. Заказ № 3346.

Отпечатано в Санкт-Петербургской типографии № 1 ВО «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.